

“Читатель, который окажет доверие неизвестному имени и возьмет в руки *Курганский дневник* Марии Кадаш, получит необыкновенное впечатление. (...) Особый интерес придуют дневнику гуманизм, мировидение и жизненная позиция его автора”

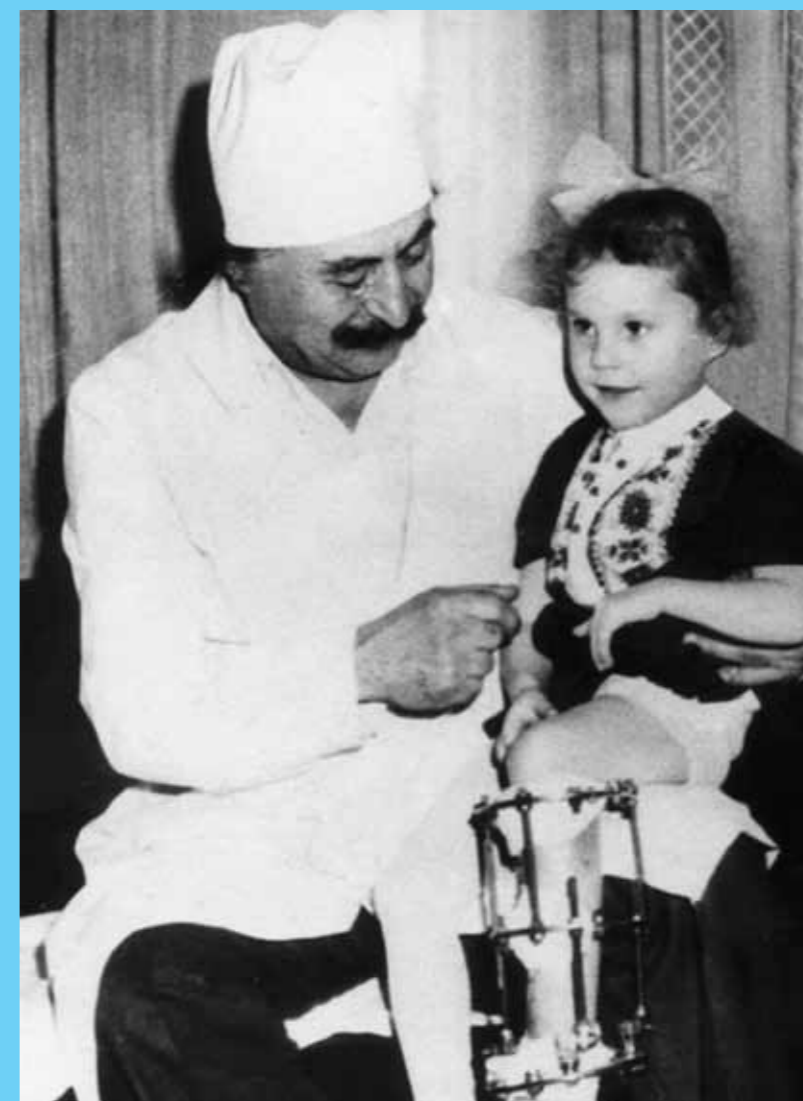
(Валерия Надра, журналист и критик)

“Эта книга является прекрасным примером способности человека выковывать ценности из своих испытаний. Как писал Ласло Немет, разумный человек сумеет создать творческую мастерскую даже в сарае. Пример Марии Кадаш убедительно показывает, как писание дневника и ответственность интеллектуала помогли ей вести нечеловеческую борьбу, выпавшую на ее долю. Это один из уроков, который косвенно помогает осознать эта книга”.

(Доктор Эндре Цейзель, врач-генетик)

Мария Кадаш • Курганский дневник

Мария Кадаш Курганский дневник

Мария Кадаш

Курганский дневник

Мария Кадаш
Курганский дневник

Издание Марии Кадаш
Будапешт, 2020

„Курганский дневник” вышел в свет к приближающейся столетней годовщине дня рождения профессора Гавриила Абрамовича Илизарова.

Предисловие ко второму венгерскому изданию

© Издание Марии Кадаш, 2020

Перевод с венгерского и редактор:
Павла Борисова

Издание осуществлено при поддержке:

дочери автора, Марии Кинги Радош,
которую лечил доктор Илизаров

Шарошпатакских однокашников автора:

Пала Холлаи
Надьне Йолан Хорват
Тарнаине Марии Шаруди

Бывших учеников автора:

д-ра Илоны Чаки
д-ра Йожефа Шохайды

Друзей автора:

Жанны Соколовской
Ильдико Асталош Морелл
Жужанны Надь
Маргит Пучок
Магдольны Тольди
Ирен Венес

Верстка: Нора Ковач

“Курганский дневник” вышел в свет тридцать лет назад и снискал популярность по всей стране. После выхода “Дневника” многие писали и звонили мне, интересуясь, как сложилась наша судьба, будет ли написано продолжение книги.

Некоторые рассказывали, что прочитали ее несколько раз, черпая из нее силы, ведь если маленький ребенок и его мать выстояли в столь сложных условиях, то и они должны выдержать все испытания.

Автор одного из писем сообщил, что из моей книги он узнал, что значит родная мать, потому что своей он не помнит, она умерла, когда он был еще маленьким мальчиком. Это письмо очень тронуло меня, я часто вспоминаю его.

Были и такие, кто просил конкретной помощи. Я была рада помочь им. Библиотека больницы имени Пала Хейма¹ заказала несколько экземпляров моего дневника, их выдавали родителям тех детей, которых лечил по методу Илизарова молодой врач, работавший в больнице. Он организовал клуб имени Илизарова для родителей и лечившихся у него детей и пригласил нас на несколько собраний. Я была рада этим результатам.

Эти факты придали мне уверенности в себе и укрепили мое намерение продолжить книгу и довести рассказ до конца лечения. Это продолжение не было опубликовано ранее не по моей вине. Нелегко отыскать меценатов, которые могут оказать материальную поддержку в изменившихся условиях современного книгоиздательства. Сейчас мне помогают мои бывшие однокашники. Не зря говорит, что ученики шарошпатакской гимназии всегда могут рассчитывать друг на друга.

Эта книга – важный документ. Лишь немногие могут сказать, что их детские годы запечатлены столь подробно. Моя дочь, Марика, может узнать из моей книги, что произошло с ней в детстве, как она перенесла все выпавшие на ее долю страдания, и какое влияние это оказало на ее характер, на ее судьбу.

Мой дневник свидетельствует и о том, как мать справилась с испытаниями, которые постигли ее единственного ребенка и какую невыразимую в деньгах цену она заплатила за это.

¹ Пал Хейм (1875–1929) – известный венгерский педиатр.

Этот дневник является и документом, рассказывающим о буднях всемирно известного, врача-гения. Он показывает его врачебную деятельность, которую он вел с необыкновенным человеколюбием, верой, фанатизмом и неутомимостью. Читатель увидит, как он относился к окружавшим его людям, которые жили или работали в больнице, сумеет проследить за происходившими из года в год переменами.

Книга документирует и произошедшие в крупнейшей стране мира важные исторические перемены, которые оказали судьбоносное влияние на весь мир. Правда, я пишу об этом сдержанно, осторожно, так, как это виделось, представлялось в то время простому человеку.

В этом дневнике говорится о важнейших ценностях Жизни, о борьбе, о стойкости, о любви, о дружбе, о человечности и о многом другом.

Я от всего сердца предлагаю его вниманию Читателей.

Введение

Курган. Знакомое слово, его значение – погребальный холм, место захоронения у древних народов. Курганы, встречающиеся на территории нашей страны, народ называет половецкими холмами (kunhalmok).

Курган – большой город в Западной Сибири, на берегу реки Тобол. Ныне название этого населенного пункта вызывает в памяти многих людей образ жившего там доктора-чудодея, Гавриила Абрамовича Илизарова. Я мечтала поехать туда с тех пор, как родилась моя дочь. В сказочном тумане моей фантазии этот неизвестный сибирский город казался мне страшно далеким, расположенным где-то в тридевятом царстве, за высокими горами и глубокими морями.

Какое-то время доктор Илизаров представлялся мне волшебником, сказочным великаном. Я собрала и прочитала все опубликованные у нас статьи и сообщения о нем и слышала посвященный ему радиорепортаж Юлии Сел.

Позже Илизаров и Курган выступили из сказочной дымки и стали для нас реальностью. Этот город, ворота Сибири, дал нам приют и веру, что наш ребенок выздоровеет. Мы надеялись на то, что здесь удастся по возможности скорректировать порок развития конечностей, сложившийся на стадии эмбрионального развития.

Ныне Курган – известный город. Здесь живут сердечные, всегда готовые прийти на помощь люди. В больнице Илизарова были достигнуты изумительные результаты в области медицины, ортопедии. Метод лечения с помощью его изобретения, аппарата Илизарова, сделал имя ученого всемирно известным. Врачи больницы работали добросовестно и самоотверженно. Это были простые, непосредственные люди. Илизаров постоянно консультировался с лечащими врачами. Все делалось для успешного лечения, ради здоровья людей. Опыты на собаках также были нацелены на поиски методов лечения как можно большего количества заболеваний костей и суставов. Илизаров произвел революцию в ортопедии. Одна за другой приезжали делегации врачей, желавших учиться у него. Всех их принимали с радостью.

С детства я чувствовала влечение к писательству, однако долгое время я подавляла в себе намерение писать для широкой публики. Меня сдерживали слова Пете-

фи: *“И если хочешь воспевать свою лишь радость и страдания, не оскверняй заветных струн...”*²

И все же жажда писать подобна подземному ручью, как ее ни удерживай, она все равно вырвется на поверхность. То, что произошло в Кургане с моей дочерью, не только моя радость и мои страдания. Это и боль всех тех детей, родителей и родственников, которые борются с походими заботами, проблемами, но не знают, где можно найти необходимое лечение, или недостаточно уверены в себе, в том, что имеет смысл вступить на путь испытаний. В Венгрии живет примерно две тысячи детей, родившихся с пороками развития конечностей.

– “Если уж жизнь возложила на тебя такую тяжелую судьбу, ты просто обязана написать и опубликовать этот дневник, пусть люди узнают, что можно и нужно выстоять”, – велела мне моя хорошая знакомая, журналистка Эржебет Фазекаш. Она была первой, кто познакомился со полной историей первого года нашей курганской жизни.

Я писала дневник для себя и для своей дочери, пусть она узнает, что с ней случилось, и как мы жили в Кургане. Если дневник прочитают и другие, я буду благодарна, как благодарна и за оказанную мне большую поддержку, помощь, за множество поощрений.

Курган. Я уже не боюсь приезжать сюда. Знаю, что сколько бы мы ни возвращались сюда, нас будут ждать хорошие знакомые и друзья. Здесь тоже живут обычные люди, завязываются дружеские и любвные отношения. И могут сбыться самые невероятные мечты, годами вынашиваемые тайные желания.

² Строка из стихотворения известного венгерского поэта Шандора Петефи “Поэтам XIX века” (пер. В. В. Левика).

І этап (период лечения) 15 февраля 1982 г. – 22 августа 1982 г.

15 февраля

Сегодня утром мы отправились в Курган лечить Марику. Я ждала этого дня с тех пор, как она родилась, и почти четыре года готовилась к нему. В пять часов утра зазвонил будильник. Собираясь, я – уже не знаю в который раз – вспомнила рождение моего ребенка и важнейшие события прошедших с тех пор лет.

Роды начались во вторник 18 апреля 1978 г., в три часа утра. Я проснулась от сильной боли в нижней части живота. Снова почувствовав боль примерно через полчаса, я начала гладить, ласкать человечка, задвигавшегося у меня в животе. Меня пронзила мысль, что он сейчас появится на свет. Правда, шел только восьмой месяц, роды были намечены на 10 мая, однако в то апрельское утро я подумала, что это уже наверняка родовые схватки.

Я разбудила посапывавшего, похрапывавшего рядом со мной Петера, который, узнав новость, испуганно потряс лохматой головой и с непривычной для него быстротой привел себя в порядок в обшарпанной кухне-прачечной и темном сушильном помещении временной квартиры, где мы жили в то время. Потом он вышел на улицу и вызвал “скорую”.

Тем временем я тоже выбралась из постели и собрала вещи. Когда наступали схватки, приходилось садиться. Из-за крыш домов выглянуло солнце, нас охватило веселое настроение. Все-таки рождение первенца – большое событие!

В половине шестого подъехала “скорая”. Врач спросил, когда отошли воды, и попросил дать знать, если будут боли. Я с улыбкой спустилась с пятого этажа по пыльной задней лестнице в сопровождении бригады “скорой”. По дороге мы с Петером планировали, что родится большой мальчик. Нам никак не удавалось договориться об имени, потому что Петер хотел назвать мальчика Аттилой в честь Аттилы Йожефа³, а я – Жигой в честь Жигмонда Морица.⁴ В перерывах между схватками мы добродушно препирались о том, как же будут звать нашего крепыша, Жигой или Аттилой. Ведь из такого пуза, как мое, обязательно должен выйти мальчик. Бригада “скорой” улыбалась, глядя на нас.

³ Аттила Йожеф (1905–1937) – венгерский поэт, один из классиков европейской поэзии XX в.

⁴ Жигмонд Мориц (1879–1942) – известный венгерский прозаик, автор популярных романов “Будь честным до самой смерти”, “Родственники”, “Барские затеи”, исторической трилогии “Трансильвания”.

Марике восемь месяцев

В больнице на улице Саболяч меня осмотрел и опросил ночной дежурный врач-гинеколог Кальман Ковач. У меня было высокое давление. Меня одели, подготовили к родам и разрешили немного погулять по коридору. Я попросила гинеколога позвонить моему лечащему врачу, к которому я ходила во время беременности. Он посоветовал рожать у него и, не зная других гинекологов, я согласилась. Но в тот день он не пришел в больницу. Когда ему позвонили, он сказал, что должен уехать.

На моем лице отразилось разочарование. Я не знала, как поступить. Что же со мной теперь будет?

– Ничего страшного, – успокаивал меня Кальман Ковач.

– Господин доктор, я прошу вас остаться со мной!

– Конечно, Мария.

Меня подбодрили и любезность врача, и то, что он назвал меня по имени. Я относилась к нему с доверием. Около семи я почувствовала, что боли усиливаются, мне уже было тяжело стоять и ходить. Я сказала врачу, что хотела бы лечь. Он помог мне устроиться на средней кровати.

– Когда будет ребенок? – поинтересовалась я.

– Если все будет хорошо, то в течение часа, – сказал врач. – Скажите, если почувствуете боли.

– Ой, боже мой, я все описала! – воскликнула я в отчаянии.

Акушерка вытащила из-под меня простыню, подложила под меня новую и надела мне на ноги сапоги из белого полотна. Рядом уже суетился санитар. На некото-

рое время подошел и другой врач, который объяснил, что я должна делать, как лежать с закрытыми глазами и открытым ртом, как дышать, как тужиться и что нужно сказать, если больно. Ни укола, ни разреза я не почувствовала.

– Сейчас будем готовы, – подбадривал врач. Слева от меня громко заплакал ребенок.

– Вот везет же ей, – подумала я в полузабытьи, – ее ребенка уже вынули.

– Красивый, крепкий мальчик, – смеялись стоявшие около нее люди.

– Ну, еще чуть-чуть! Сделайте глубокий вздох и тужьтесь! Сейчас вылезет! – слышала я ободряющие слова. Через несколько мгновений едва слышный, тонкий писк засвидетельствовал появление на свет моего ребенка.

– Половина восьмого, – промолвил кто-то.

– У вас родилась девочка, – подошел ко мне врач. – Очень маленькая. Левая нога короче правой, и пальцы на одной руке срослись. Считаю необходимым сообщить вам об этом.

– Девочка, ну что же, не беда, – подумала я. – Я хотела бы ее увидеть, – проговорила я устало и подавленно.

– Сейчас принесут.

– Вот ваша девочка, – сказала акушерка и показала мне запеленованного краснолицего младенца с закрытыми глазами. На секунду девочка приоткрыла две маюсенькие ладошки. Пять пальчиков правой руки словно пять крошечных лепестков. На кисти левой руки – здоровый большой палец, а остальные срослись, к тому же мне показалось, что я вижу только три маленькие подушки пальцев.

– На левой ноге четыре пальца, левая нога на 2,5 сантиметра короче правой. Девочка родилась раньше срока, ее рост 46 сантиметров, а вес 2050 грамм, – сказала акушерка и ушла, унося моего ребенка.

От усталости я пришла в себя и начала зябнуть. Я видела, что руки и ноги у меня белые как штукатурка. Внизу я почувствовала резкую боль. Акушерка накрыла меня пледом. Врач уже сидел за столом и спрашивал наши имена, профессии, возраст, адрес и имя девочки.

– Мария, – ответила я, думая о маме. Мне очень нравилось, когда она звала меня: “Марика, доченька”. Вот и я буду так же звать свою малышку. К тому же в наши дни детей не называют этим старым, красивым именем. Но что же стало причиной болезни? У меня из глаз потекли слезы.

– Не плачьте! – врач погладил мне руку. – Ее прооперируют. Других проблем нет. Сейчас без десяти восемь. Вы на некоторое время останетесь здесь, а потом вас перевезут в палату. Завтра встретимся, всего хорошего, – попрощался доктор и ушел.

– Какой он добрый, – подумала я. Было очень приятно слышать эти утешительные, сочувственные слова.

Я выглянула в окно на зеленевшие молодой листвой деревья, на солнечные лучи, мелькавшие среди ветвей, слушала щебетание птиц и глотала, утирала сле-

зы. Передо мной встало лицо моей матери. Как она сейчас там, в радваньской больнице? Ей было так страшно перед родами, перед первыми, которые едва не стоили ей жизни. А потом она рожала еще семь раз, у нее шесть сыновей и одна дочь. Но ее первая дочь умерла во время войны. Среди множества мальчиков я стала бережно хранимым “светом ее очей”. Когда я родилась, мой отец выиграл пари и получил литр палинки. А у меня так быстро родилась крошечная дочка. Если бы мама знала! Хорошо бы увидеть, навесить ее. В последний раз мы были у нее осенью, тогда она лежала в мишкльцской больнице. Много детей и вечная работа подорвали ее здоровье. Как только смогу, снова навещу ее, пока она еще жива, решила я.

Затем в моей памяти появилась фигура опирающегося на палку, хромящего поэта Ласло Нада.⁵ Он умер в конце января, как раз когда я была в больнице с Марикией в животе. Весть о его смерти поразила меня как удар молнии, всю ночь я беспокойно ворочалась на больничной кровати, оплакивая в душе уважаемого и любимого поэта. Вспомнился май семьдесят второго, когда он приехал в Орослань вместе с Маргит Сечи и Михаем Цине.⁶ Это был самый памятный литературный вечер в моей жизни. Я до сих пор храню как дорогую реликвию сделанные там фотографии. – А вы всегда такая улыбочивая, милочка? – спросил поэт. Я смутилась. Если бы он сейчас видел, как я погрузилась с тех пор! Теперь его пример прибавляет мне сил. Нужно воспитать Марику так, чтобы она жила осмысленной жизнью.

Один мой хороший знакомый сказал однажды, что своим главным произведением, которое для него дороже всех написанных им книг, он считает свою дочь, которая сидя в детстве у него на коленях, слушала, о чем разговаривают дяди писатели. Так она и впитала в себя любовь к литературе.

Вот и для меня “главным произведением” жизни будет лечение и воспитание Марики. Нас ждет тяжелая жизнь.

Дядя Пишта Сабо, скульптор, тоже начал меня утешать, когда я показала ему четырехмесячную малышку в день его 75-летия на выставке в королевском замке.

– Моя маленькая модель, – сказал он, глядя ребенка глазами и дрожащей рукой.

– Дядя Пишта, да посмотрите же, левая нога короче правой, а что за пальцы на руке!

– Не беда! Ее вылечат, не бойтесь. Я вот без ноги и все же живу и работаю.

Наверное, он и сейчас вырезает что-нибудь в окруженной лесами Бенцурфалве, где двери его мастерской всегда открыты для любопытных посетителей. Позже я часто вспоминала утешения дяди Пишты. В больнице, лежа на кровати после ро-

⁵ Ласло Надь (1925–1978) – венгерский поэт и переводчик, лауреат премии Кошута. Перенеся воспаление костного мозга, остался хромым на всю жизнь.

⁶ Маргит Сечи (1928–1990) – венгерская поэтесса и художница, жена Ласло Нада. Михай Цине (1929–1999) – венгерский историк литературы и критик.

дов, я думала и о судьбе Маргит Ковач.⁷ У нее тоже что-то случилось с ногами, но она все же села за гончарный круг. Со всего мира в Сентендре приезжают люди полюбоваться ее шедеврами. И мы были там в воскресенье перед твоим рождением, Марики.

Припомнились мне и ободряющие стихи Габора Гараи.⁸ Уже на больничной кровати я бормотала про себя “Parainesis”. С тех пор я снова и снова повторяла: “Другого не вини и на себя не нападай из-за того, что инвалидом стал, сынок...”.

Это я скажу и тебе, моя крошка, плод моего чрева, мое единственное сокровище. Пусть кроме родителей твоими воспитателями будут Ласло Надь, Иштван Сабо, Маргит Ковач и Габор Гараи, пусть их пример укрепит тебя в жизни и вселит в тебя веру, что с даже с больной ногой и большой печалью в сердце можно жить, совершая большие и важные дела.

Когда твой отец пришел в больницу с цветами, чтобы поздравить нас, я поплакалась ему на то, что с тобой случилось. Ты оказалась не крепким мальчиком, а крошечной девочкой. Сдерживая слезы, он успокаивал меня: “Мы будем сильно любить ее. Сделаем для нее все возможное, возьмем на себя все необходимые заботы”.

На следующий день, хромя, пришел и дедушка, его ногу отрезал трамвай. На мгновение ты, взглянула на него, открыв свои умные карие глаза, и в ту же минуту он принял тебя в самую глубину своего сердца, и ты стала его любимой внучкой. С мудростью много повидавшего человека он заявил: “Кажется, жизнеспособный ребенок”. До сих пор ты вполне оправдала это заключение, как и все дети, научилась сосать молоко, говорить, ходить, узнавать буквы.

Мама, я проснулась! – голос Марики вдруг вернул меня от слезных воспоминаний к действительности. Быстро одеваемся, завтракаем. Такси приехало за нами к восьми часам. Через час мы с тремя чемоданами уже были в аэропорту Ферихедь. Пограничники попросили открыть один из чемоданов и заинтересовались пакетом со стиральным порошком. Туристы не берут с собой такие вещи.

Бабушка, дедушка, Бёжике, – все пришли попрощаться с нами, осыпали поцелуями меньшую внучку.

– Береги ее и себя! И пиши!

В самолете Марики сидела у меня на коленях, одной рукой я заботливо прижимала ее к себе, а другой держала за руку Петера, повторяя ему: не бойся, мы не разобьемся.

Под нами расстилалось необъятное полотно облаков. Была видна извилистая полоса Тисы, сменившаяся горной цепью Карпат. Внизу проплывали синевато-серые, неприветливые хвойные леса, заснеженные долины, острые горные хребты,

⁷ Маргит Ковач (1902–1977) – известная венгерская керамистка и скульптор. Музей ее работ является одной из достопримечательностей города Сентендре.

⁸ Габор Гараи (1929–1987) – венгерский поэт, переводчик и критик, лауреат премии Кошута.

Вилен и Элла

хмурые горные склоны. Иногда в солнечном свете виднелись какие-то сверкающие точки. Затем появились безграничные русские заснеженные поля, вынудившие отступить солдат Наполеона и Гитлера. Потом опять облачное покрывало, а потом – Москва, Шереметьево. Мы приземлились в три часа дня по московскому времени. Разница во времени составляла два часа.

Вилен и Сережа ждали нас в разгар русской зимы с красными гвоздиками в руках. По обеим сторонам дороги возвышались огромные стены из снега.

– На прошлой неделе был тридцатиградусный мороз. Хорошо, что вы приехали не тогда. С тех пор немного потеплело, сейчас у нас “только” 20–23 градуса мороза, – сказал Вилен.

Он разговаривал с Петером по-русски, я поняла лишь несколько слов и примерно догадывалась, о чем идет речь. Иногда Петер переводил мне сказанное.

– Здесь дядя Вилен воевал против фашистов, когда ему было восемнадцать лет, – показал он Марики противотанкового ежа у дороги на Волоколамск. Ребенок ничего не понимал ни в русском языке, ни в истории, но не беда, если обучение начнется пораньше.

Вилен и Петер уже давно были хорошими друзьями. Они познакомились в середине шестидесятых годов на Восточном вокзале. Вилен Шингарев приехал в Венгрию с туристской группой, а гидом группы стал Петер, который любил путешест-

вовать, отлично говорил по-русски и хорошо знал достопримечательности Будапешта и всей страны. В летние каникулы он был рад заработать немного денег в дополнение к своей зарплате начинающего учителя. Несмотря на большую, почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, они быстро подружились. Редко видясь друг с другом, они иногда обменивались письмами, но при встрече приветствовали друг друга и разговаривали так, будто только вчера расстались. Это была необычная, хорошая, крепкая дружба. Мне было непонятно, как это могло быть, учитывая много лет без встреч и много километров расстояния? Вилен – лучший друг моего мужа. В чем здесь секрет? Пока это оставалось для меня тайной.

Вилен и его жена, Элла, – юристы. У них три сына: Сережа, Миша и Женя. Женечка на девять месяцев старше Марики, он родился, когда мы в первый раз приехали к ним. Как он вырос с тех пор, как мы его видели! Дети весь вечер играли вместе, прыгали по чемоданам. От их смеха звенела вся квартира.

По русскому обычаю Элла ждала нас с накрытым столом, обильно уставленным едой. Смеясь, она сказала, что в магазинах почти ничего нет, зато дома все есть. А за границей, на Западе, в магазинах можно купить все, что угодно, но гостей все равно угощают только кофе.

Мы тоже засмеялись, сказано было метко.

Что было на столе? Русский венигрет с чесноком и сметаной, рыба, украшенная луком, зеленый лук, салат из капусты, хододная вареная курица. Горячий бульон, немного отличающийся от нашего, но очень вкусный. Картошка с маслом, жареная говядина, русский торт с кремом. Ну и, конечно, напитки – русская водка, ликер из смородины, а специально для меня токайское вино. Детей ждали апельсины и мандарины.

Все были рады подаркам. Особенно Сережа оценил вязаные свитера, которые будут нужны ему в большие морозы. Серый свитер замечательно сидел на нем. Я была счастлива, что кому-то так нравится мое вязание. Вилену и Жене джинсы оказались впору, а вот двум старшим мальчикам брюки были узковаты. Ну, не беда, в следующий раз мы привезем им джинсы пошире. Элла, заглянув в чемодан, всплеснула руками, удивившись, что я везу в Курган так много шерсти для вязания. Мы выпили за выздоровление Марики. Вилен разыгрывал нас, предлагая отдать ему нашу дочь: я могу родить другую, так что мне можно отправляться домой, а они сами отвезут Марику к Илизарову.

В опустевшие чемоданы наши русские друзья положили огромное количество еды – масло, сосиски, салями, колбасу, лимоны, апельсины.

В десять часов вечера мы поехали на такси в Домодедово, на аэродром. Впереди была самая трудная задача, ночной полет. Я боялась, что мы разобьемся где-нибудь над Уралом. Из-за сильного тумана наш самолет не прилетел из Кургана, всю ночь пришлось провести на аэродроме. Ночной рейс, который по расписанию должен был вылететь в час двадцать, был отменен. На рассвете, около трех часов, Вилен узнал, что курганский самолет приземлился во Внуково, а следующий будет от-

правлен только утром, в четверть девятого. Мы легли спать в помещении “Интуриста” на скамьях, покрытых искусственной кожей. Вилен и Сережа охраняли наш сон. Марика все время ворочалась, сбрасывала с себя одеяло, Сережа непрерывно покрывал ее снова. Говорили, что на улице минус 27 градусов, в здании аэродрома тоже заметно похолодало.

16 февраля

Утром автобус повез нас к самолету по хрустящему, сверкающему снегу. Стоял страшный холод, в морозном воздухе виднелся пар от нашего дыхания. Стюардессы мерзли даже в шубах. Летим в Сибирь.

Ослепительный свет солнца, под нами – бескрайние русские снежные поля, ниточки дорог, темные пятна кустов и деревьев, населенные пункты, леса и, наконец, заслоняющее все ватное море облаков. Полет и солнце. Кудрявая голова ребенка покачивалась у меня на груди, лохматая голова Петера время от времени падала мне на плечо.

– Волга, – сказал кто-то позади нас. Я посмотрела вниз. Там вилась огромная река-“матушка”, покрытая ледяной броней. Справа, в десяти километрах под нами, виднелась полоска другой реки. Наверное, это место встречи Волги и Камы, подумала я, вспомнив старые уроки географии.

– Взгляни и ты! – толкнула я в бок Петера, но он продолжал храпеть.

В конце концов того, чего я боялась, не произошло, мы не потерпели крушения над Уралом. Я даже не увидела горной цепи, отделяющей Европу от Азии, она была закрыта облаками. После трехчасового полета самолет начал снижаться. Стали видны извилины Тобола, коричневые тени курганских деревянных домов и многоэтажные бетонные здания. В 11 часов мы успешно приземлились. В Кургане был уже час дня и минус 19 градусов.

Как и летом 1979 г., когда мы приехали сюда в первый раз, нас ждали Маргарита Степановна, работавшая в комитете партии, и Борис Хайкис. Борис еще тогда пообещал помогать нам во время лечения Марики. Инженер-строитель по профессии, Борис приезжал в Венгрию с туристической группой. В 1972 г. Будапеште он познакомился с Петером. Долгое время Борис был директором завода железобетонных изделий, теперь он работал в строительном управлении Курганского района. Встречающие отвезли нас в гостиницу “Москва”, лучшую гостиницу города, находившуюся на перекрестке улиц Маркса и Гоголя. Иностранцам приходилось платить здесь за номер 21 рубль в сутки, советские граждане платили всего 4 рубля. Мы с Борисом отправились обедать. В первый раз в жизни я ела раков.

Сразу после обеда мы поехали в клинику Илизарова, а потом в рабочее общежитие завода железобетонных изделий. Борис присмотрел мне здесь жилье недалеко от больницы, где я могла жить одна, конечно, если это мне подойдет. Мне не очень

понравились железные кровати, неприветливые комнаты, темные коридоры, непривычная обстановка. Борис заметил мое разочарование.

В городе можно было бы найти жилье поуютнее, но зато далеко от больницы. Пока оставайтесь здесь. А если вам все-таки не подойдет, найдем другое!

Так мы переезжали на машине с одного места на другое, и вдруг к нам, пошатываясь, подошел пьяный старик и упал, делая вид, что его сбила машина. Прямо Мармеладов из “Преступления и наказания” Достоевского, подумалось мне. Шофер ловко объехал старика, он уже знал этот трюк. Когда через полчаса мы ехали обратно, старик все еще лежал в снегу. А между тем было уже около 25 градусов мороза, слабенький свет солнца скупо освещал стены домов. Около больницы, на краю горизонта, солнце окрасило небо в розовый цвет и вскоре исчезло за лесом. Мы ночевали в гостинице, спать было неудобно.

17 февраля

Утром мы сидели как на иголках после утомительной ночи, ели привезенную с собой еду. Хуже всего было то, что нельзя было сварить или купить чай. Марика жаловалась на горло. Такого мороза она еще никогда не видела.

Наконец, в десять часов за нами приехал Борис с одним из своих старых сослуживцев. Мы погрузили чемоданы в микробус и куда-то поехали. Разговор шел о другой квартире. Мне не нужно другой квартиры, подойдет и рабочее общежитие, только бы поскорее обосноваться где-нибудь, иначе мы замерзнем! В конце концов мне отвели не вчерашнюю комнату на втором этаже, а кабинет комендантши на первом. В нем была большая батарея, две железные кровати, письменный стол, стулья. Мы быстро расположились и доели остатки домашних котлет. Я сварила чай и уложила Марику спать. Марика устала, нервничала, у нее пропал аппетит. Наконец бедняжка успокоилась и заснула. Здесь все-таки лучше, чем в гостинице. Можно стирать, принимать душ, правда, в не слишком комфортных условиях. Но все равно лучше, чем в Пеште, во временной квартире на улице 6-го октября, где мы жили в последние годы. Здесь по крайней мере тепло, на голову не сыпется штукатурка и не капает дождевая вода.

Со стены на меня смотрел Ленин, точнее, я смотрела на его изображение на висевшей на стене картине. Он работал в простой комнате. Репродукция была сделана с картины Бродского, выставленной в Третьяковской галерее.

Рабочее общежитие помещалось в пятиэтажном здании. На этажах – комнаты, в большинстве которых жили семьи с детьми, молодежь, ожидающая квартир. Как и в Будапеште, здесь тоже трудно получить квартиру. На первом этаже, напротив входа, стена была покрыта серым металлическим барельефом с изображением человеческих фигур в стиле соцреализма пятидесятых годов: рабочие, крестьяне, солдаты, ученые-атомники, артисты и артистки, разделенные на трехфигурные

группы. На первом этаже в вестибюле сидит вахтер, рядом с ним телефон, программа близлежащего кинотеатра “Спутник”, на стене – объявления и программы комсомольской организации. На окнах стоят цветы, сингониум, герань, кактусы. За ними ухаживают вахтерши. Есть и ночное дежурство. Рядом с окном маленький шкафчик, в котором лежат письма и другие почтовые посылки, адресованные жителям общежития. На первом этаже расположен большой зал, Красный уголок с телевизором и бильярдным столом. Здесь проводятся культурные программы, балы и собрания. Рядом с Красным уголком – небольшое помещение, наполненное книгами, это домашняя библиотека жителей общежития, рабочее место здешнего воспитателя. В углу коридора находится буфет, где можно купить всякую всячину. На другой стороне – кухня-прачечная, сушильное помещение и душ. В обоих концах коридора расположены лестницы, на лестничных окнах стоят цветы, – приятное зрелище в суровую зиму. На каждом этаже есть общая кухня, ванная и туалет, состояние последних не вызвало у меня большой радости. Здесь я должна прожить кто знает, сколько времени.

Петер один поехал в клинику Илизарова. Там он узнал, что нами не будут заниматься, пока мы не зарегистрируемся в городской милиции.

– Здесь очень холодно, – с этими словами он вернулся домой под вечер.

Я купила у буфетчицы картошку, соль и лук и сварила картошку с колбасой, привезенной из Венгрии. Мне выделили старенький холодильник, в который я положила еду. Марика кашляет, у нее течет из носа, она все время хныкает. Всю вторую половину дня я держала ее в постели, читала и рисовала ей.

18 февраля

Сначала мы отправились в милицию, доехали на 20-м автобусе до рынка, а оттуда по улице Куйбышева до дома № 81. Это было красивое здание с колоннами. Марика все время хныкала, мерзла, мы по очереди несли ее на руках. Сотрудница милиции сообщила, что в больнице есть еще двое венгерских детей, за ними ухаживают бабушки, которые живут на квартире, готовят детям и три раза в день приносят еду в больницу. Позже мы познакомимся с ними. Петер по-русски заполнил регистрационный бланк.

Выйдя из здания милиции, мы увидели поблизости громадный корпус Центрального универмага, а поодаль – мост через Тобол. Повернув направо на углу улицы Ленина, мы остановились перед зданием Центральной детской библиотеки и стали ждать автобус. Ждали долго. В автобусе все покупают билеты за пять копеек. Обычно билетный автомат находится впереди, и стоящие сзади передают деньги вперед, после чего бумажная лента с билетами переходит из рук в руки, пока билеты не кончатся. Никто не мошенничает ни с деньгами, ни с билетами. Безбилетников наказывают трехрублевым штрафом, это написано в салоне автобуса. Как

мы узнали, есть и месячные проездные билеты, они стоят 3 рубля 75 копеек. В следующем месяце куплю себе проездной.

Здание, которое называлось поликлиникой, было Городской больницей № 2. Эти два названия употребляются до сих пор. Городское руководство разрешило разместить здесь пациентов Илизарова. Отсюда начал свое шествие метод Илизарова, принесший его автору всемирную известность. Все входы в здание были закрыты из-за мороза, открытой осталась лишь одна небольшая дверь. Те, кто приходит сюда впервые, сначала обходят все огромное здание, пробуют открыть все двери и лишь потом обнаруживают вход. Мы уже знали, где он находится. В приемном покое нас встретила медсестра Нина Никитична, которая показала нам, куда куда идти. У нас посмотрели документы, обследовали ребенка, посмотрели рентгеновские снимки 1979 года, потом сделали новые. На этом наши сегодняшние дела закончились, завтра мы должны будем прийти снова к половине первого.

В коридоре мы посмотрели висящие на стенах стенды, фотографии, в том числе снимки девочки лет десяти с укороченной ногой, как у Марики. На третьей фотографии мы увидели результат лечения. Хорошо бы, если бы с Марикой получилось так же!

Шагая в тени деревьев по протоптанной в саду больницы дорожке, которую Марика назвала лисьей тропинкой, мы вышли к автобусной остановке и пообедали в близлежащей столовой. Оттуда мы поспешили в банк.

Огромное красивое здание Национального банка стоит в центре города, на площади Ленина. Вдоль одной из длинных сторон прямоугольной площади видны магазины, а за ними здание комитета партии с возвышающимся перед ним памятником Ленину. Напротив – парк, витрины магазинов смотрят на классическое здание Драматического театра, поодаль расположен Главный почтамт. У пересекающей площадь улицы находится кинотеатр “Россия”, с тимпана которого машет рукой Брежнев. Напротив кинотеатра – здание банка, поблизости пересекаются проспект Ленина и улица Гоголя.

В банке мы поменяли наши чеки на деньги. Привезти деньги с собой было нельзя. В Будапеште, в здании турагентства “IBUSZ” я заплатила 17765 форинтов, соответствовавшие тысяче рублей, и получила 970 рублей. На эти деньги мы будем жить неизвестно, сколько времени. Сначала вычли 765 форинтов, теперь еще 30 рублей, всего мы заплатили комиссию на сумму в 1265 форинтов. В выигрыше всегда оказывается государство.

Вечером Петер разговаривал с Маргаритой Степановной. Мы узнали, что завтра в пять часов вечера нас примет профессор Илизаров.

19 февраля

В первой половине дня мы сидели дома. Петер занимался Марикой, я готовила на расположенной этажом выше кухне. Приходилось носить с собой все необходимое: продукты для готовки, специи и полученные на время кастрюли. Вверх-вниз, вверх-вниз, пока не будет готов обед. Насколько удобнее было дома, в тесной кухне панельного дома, там все было под рукой! Зато так же было и несколько лет назад во временной квартире. Осыпающаяся штукатурка, капающий дождь и холод были еще хуже. Зимой я готовила на плитке в пальто и сапогах. На этот раз я варила картофельный суп со сметаной и сосисками и подогрела привезенное из Венгрии лечо. Угостили Галину, которая сказала, что лечо очень острое.

К половине первого мы поехали в больницу. Медсестра Нина Никитична собрала документы ребенка и проводила нас в больницу Илизарова. Там находится его кабинет, и там лежат его больные.

Марику посмотрела заместитель заведующего отделом, полная женщина с красивым лицом, Раиса Ивановна Сакс. Она сказала, что нужно сделать анализы крови, мочи, кала, взять мазок из горла и сдать анализ на яйца глистов. Когда они будут готовы, ребенка госпитализируют. После этого мы вернулись в общежитие. Марика быстро заснула от усталости.

За покупками я ходила в близлежащие магазины. Ассортимент товаров невелик. В овощном магазине можно купить картошку, лук, свеклу, морковь, квашеную капусту, рыбу, свиную голову и свиные ножки, а также консервы: томатную пасту, болгарскую фасоль и венгерскую зеленую фасоль. Последней я очень обрадовалась и купила сразу пять банок. В продовольственном магазине есть хлеб, мука, каша, соленые огурцы, нарезанная тыква, томатный и гранатовый сок. В другом отделе магазина продаются молочные товары в стеклянной таре: молоко, кефир, сметана. У среднего прилавка продают по талонам курятину, колбасу, мясо. В свободной продаже яйца и рыба. У каждого прилавка отдельная очередь. Поодаль в очереди стоят мужчины за водкой, вином и сигаретами. Нагрузившись продуктами, я спешу обратно, скоро нам нужно быть у профессора.

Мы хотели вернуться к половине пятого. Сегодня у Петера последняя возможность поговорить с профессором. Нет уверенности, что он сможет нас принять, и если сможет, то когда, потому что к нему прибыла делегация из министерства, и неизвестно, сколько времени он должен будет провести с ней. Об этом Петеру сообщила по телефону Маргарита Степановна, пока я была в магазине. В большой спешке мы сели перед кинотеатром “Спутник” не на 20-й, а на 12-й автобус, который завез нас в деревню, где мы оказались среди деревянных домов, построенных вдоль Черного ручья. Мне казалось, что мы едем по какой-то сказочной местности. Я затыла в изумлении при виде окутанных снегом домиков. Уже давно, летом 1977 г., по дороге в Суздаль я полюбила крашеные оконные рамы с причудливой резьбой. Теперь у меня была возможность снова полюбоваться ими. Русские деревян-

ные дома – такие же шедевры народной архитектуры, как и секейские ворота в Трансильвании. Когда я сообразила, что автобус везет нас не туда, куда нужно, было уже поздно. Пришлось возвращаться пешком, по очереди неся ребенка. Стало темно. После продолжительного ожидания появился Илизаров, с помощью Маргариты Степановны мы быстро прошли к нему в кабинет.

Гавриил Абрамович удивился, что мы приехали еще во вторник, а к нему попали только в пятницу после полудня. Он осмотрел Марику и с помощью деревянных дощечек, подложенных под ноги ребенка, определил, что разница между длиной ног равняется 7 см, и, поскольку в голени укорочение составило пять сантиметров, решил начать лечение именно там.

Прибыла делегация из министерства, нам пришлось выйти. Было уже темно, Я с Марикой отправилась домой, а Петер остался, чтобы продолжить прерванный разговор, если позже для этого представится возможность. Я шла по холоду, прижимая к себе ребенка. К счастью, тетя Маргарита поехала за нами на машине, посадила нас и отвезла домой. Вдыхая воздух, я чувствовала уколы ледяных кристаллов, замерзших на волосинках носа.

– Сколько сейчас градусов? – поинтересовалась я, расположившись в машине.

– По радио обещали к ночи минус тридцать, – ответила Маргарита Степановна. – У нас тут холодно, не правда ли? – спросила она, смеясь.

Когда мы вернулись домой, нас уже ждали Борис и его коллега. Они пришли на “новоселье”, принесли жареную картошку, говядину в томатном соусе, водку и вино. Отправились за Петером, но у Илизарова его уже не застали. Вскоре он приехал на автобусе и рассказал, что, ожидая профессора, он вступил в разговор с темными мужчиной, который сидел рядом и приехал из Дагестана. Его сын-подросток упал с дерева, повредил позвоночник и с тех пор лежит без движения, вся надежда на Илизарова. Мужчина слышал, что тот уже пытается лечить и болезни позвоночника. Петер познакомился и с итальянским мальчиком, который угостил Марику орехами. Он вместе с мамой и переводчиком ждал Илизарова и принес ему огромный букет из калл. Они пришли попрощаться, едут домой. Мальчику, которого звали Роберто, вытягивали руку и голень, результатом довольны, но еще вернуться. Борис и его коллега выслушали Петера, который сумел обменяться с профессором лишь несколькими словами. Илизаров успокоил его, сказал, что с девочкой все будет в порядке, после чего они распрощались друг с другом. Мы поблагодарили Бориса за помощь, я подарила ему небольшую скатерть с венгерской вышивкой. Когда мы легли спать, уже была ночь, но я боялась, что, если засну, то Петер опоздает на утренний самолет. Мы простились. Я пожелала ему счастливого возвращения домой. В пять часов такси отвезло его на аэродром. Кто знает, когда мы встретимся в следующий раз?

А я и Марика остались на далекой чужбине, не зная языка, полные страха из-за предстоявших испытаний, боли и ужасного холода.

20 февраля

Мы с Марикой спали до восьми, она не проснулась на заре, а проснувшись, заплакала, вспомнив, что отец уже уехал. Из-за недосыпания я целый день была в подавленном настроении, у меня кололо в глазах. До обеда я стирала в холодной, неприветливой кухне-прачечной. Стирка вручную, согнувшись над тазом, требует много времени. К тому же воду надо было греть на кухне этажом выше, потом снести ее вниз, где она быстро остывала. Какой большой помощью была дома стиральная машина! Получив займы коробку стирального порошка, я подружилась с женщиной по имени Зоя. Это имя означало для меня героиню-партизанку. Зоя работает на кухне в столовой завода железобетонных изделий, у нее двое детей, теперь она живет с дочкой, без мужа, с которым развелась, потому что он много пил. Ее сын живет в деревне с бабушкой. А дочка оказалась той самой пухлой девочкой, которая приходила к нам играть с Марикой. Разговор продвигался с трудом, я уже позабыла многое из того, что выучила в школе на уроках русского языка.

В полдень Марика мало ела. У нее нет температуры, но покраснело горло и она сильно кашляет, мне постоянно приходится утирать ей нос. Я держала ее в постели, ей на пользу каждый час, проведенный в тепле. Утром и вечером я даю ей полтаблетки “Марипена”, чтобы она быстрее поправилась. Проснувшись после обеда, она снова начала спрашивать об отце. Чтобы утешить ее, я нарисовала и вырезала из цветной бумаги лисицу Вука, деревья, цветы и клеила их в тетрадь. Радость отвлекла ее внимание от грустных чувств, но когда стемнело, она все время смотрела на дверь и наблюдала за окном.

– Когда же придет домой папа? – заплакала она.

– Папа уже дома, в Бекашмере. А мы остались здесь, чтобы дядя Илизаров вылечил тебя. Папе надо работать, но позже он приедет к нам.

– Когда?

– Не знаю, дочка, не скоро.

– Как жаль, – ее личико снова погрустнело.

Я тоже расчувствовалась. Лишь тогда я по-настоящему поняла, как долго мы будем вдали друг от друга. Как он там добрался домой?

Вечером Марика захотела спать в постели отца. Я читала ей сказки братьев Гримм, а потом подвинула к кровати три стула, чтобы она не упала, ворочаясь во сне.

21 февраля

Ночь прошла спокойно, только пришлось несколько раз накрывать Марику одеялом. Я уже привыкла к разнице во времени, ведь в Кургане на четыре часа больше, чем в Будапеште. Организм приспособляется к восходу и заходу солнца. Мы уже привыкли и к ворчанию холодильника, который получил название “ворчун-крях-

тун”. Я с радостью выключала бы его на ночь, чтобы можно было спокойно спать, но это невозможно, потому что тогда испортятся продукты.

До обеда мы играли. Я придумывала всякие забавы, чтобы удержать ребенка в постели и вылечить его от простуды. Мы играли в куклы, надевая на пальцы фигурки животных, подаренные на Рождество, я рисовала и шила их из сукна. Тут были кошка, мышка, лев, лиса, белка, ежик, охотник, семь гномов, Белоснежка, Золушка, бабушка, волк. С ними можно было разыгрывать уже известные сказки и придумывать новые. К нам зашла и дочка Зои, начался обмен, непременный атрибут детской дружбы. Для русских детей сокровищем были жвачка и бисер. Взамен Марика получила маленький домик с живущими в нем миниатюрными животными, медведем, лисой, волком, мышкой, зайцем и лягушкой. О них рассказывается в милой сказке “Теремок”. Юлия рассказывала сказку, а Марика слушала с широко раскрытыми от удивления глазами, неустанно разбирая и снова собирая игрушечный домик. Это была ее первая встреча с русским языком и миром русских сказок.

Зоя принесла нам пирожки с грибами и с мясом. Пирожки пекутся из дрожжевого теста с разной начинкой: с капустой, рыбой, мясом, а сладкие – с творогом, яблоками, вишнями, смородиной. Они похожи на наши беляши с укропом и творогом, капустой или яблоками. На кухне Зоя показала, как нужно печь пирожки. Из поднявшегося теста она сделала колбаску, разрешила ее на равные части, из которых получились небольшие шарики. Эти шарики нужно раскатать в плоские кружочки размером с ладонь, края которых смазываются яичным белком, в центр кружочков выкладывается начинка, затем края теста нужно хорошо защипнуть. Получившиеся таким образом пирожки Зоя пекла в масле в духовке или на сковородке. Пирожки с грибами мне очень понравились. Грибы Зоя собирала летом и, посолив, хранила в банках. Пирожки с мясом, испеченные в масле, были для меня тяжелой едой.

22 февраля

Утром после семи курганское радио передает сводку погоды. Как написала на бумажке вахтерша, в шесть часов было 27 градусов мороза. К девяти нам надо было ехать к секретарше Илизарова. Она отдала нам документы Марики и направила нас в поликлинику. Нина Никитична проводила нас на сдачу анализов. Мы “разговаривали” с помощью словаря. Вместе с ребенком я повсюду носила с собой два увесистых тома, словарь Хадровича-Гальди. Нина спросила, труден ли венгерский язык, потому что она хотела бы его выучить, чтобы разговаривать с приезжающими из Венгрии больными, не могла бы я помочь ей? Я была польщена и позвала ее к себе в общежитие после работы, но сегодня ей некогда. Было удивительно, что русский язык, который я учила в школе двадцать лет назад, так быстро вспоминается и появляется из подсознания. Я управлялась в этой незнакомой языковой среде подобно человеку, брошенному в глубокую воду и немедленно начавшему плавать.

Многочисленные хождения и ношение тяжестей сильно утомили меня, Марика тоже устала. В общежитии, как только я уложила ее в постель, она немедленно заснула. Я почувствовала болезненную усталость в пояснице, тоже легла в постель и в недолгой тишине начала учить наиболее употребительные глаголы, собранные в конце словаря.

Вечером на меня нахлынули впечатления от прошедшего дня. Странно, что сюда приезжает для лечения столько людей со всех концов мира. Прибывают больные из Кубы, Италии, Монголии, Болгарии. Нуждающиеся в заботе и уходе отправляются сюда как немощные в Библии к Иисусу Христу. Много карликов, в том числе и две светловолосые итальянские девочки-близнецы, которые все время носились по коридору. Немножко дальше бегали друг за другом два косолапых мальчика. Я заговорила с молодой женщиной, у годовалой дочки которой не было левой ноги, она родилась лишь с половиной бедра. Они тоже приехали из Италии. Был еще красивый смуглый мальчик без пальцев на левой руке. Как он прятал руку, засовывая ее в карман! Коридор поликлиники всегда полон людей, ожидающих приема.

По коридору осторожно ходили больные с аппаратом Илизарова. В поликлинике происходит не только прием в больницу. Там оперируют и наблюдают и тех, кто проводит в больнице немного времени и живет в городе. Чтобы вылечиться, многие идут и на это, на большие материальные затраты и утомительные поездки на осмотры.

Галина позвала меня вечером на танцы в большом зале по случаю праздника Красной армии. Я рассмеялась. В девять часов мы с Марикой легли спать. Веселье и музыка продолжались до одиннадцати вечера. Пришло много солдат девушки из общежития приделались и накрашились. По коридору распространялся запах капусты и водки, клубился дым сигарет.

23 февраля

После вечеринки в коридоре осталось множество окурков и мусора, как в будапештских парках после первого мая или двадцатого августа. Мы обе спали спокойно, но после вчерашнего перенапряжения у меня болели поясница, руки и ноги. А ведь сегодня будет такой же трудный день. К девяти мы пошли сдавать кровь. Марика хныкала, ей хотелось кушать, но я не могла разрешить ей есть. У нее взяли кровь из руки и из пальца. Илизаров прав, что заставляет делать все анализы и принимает только полученные здесь результаты. Иначе приезжающие отовсюду больные занесли бы в больницу инфекцию. Если результаты будут хорошими, то, возможно, Марика в пятницу положат в больницу. К сожалению, ее насморк еще не прошел. Когда я несу ее по улице, она всегда плачет, вдыхает холодный воздух, лежать не хочет, поэтому выздоравливает с трудом. У меня уже

осталось только три таблетки “Марипена”, я берегу их для нее, хотя у меня тоже болит горло. Нам непривычна эта русская зима. Вчера ясно светило солнце, сегодня его гораздо меньше. Зато дует сильный ветер, стоит крепкий, искристый, резкий холод, как в стихах Аттилы Йожефа: “*А там, вверху, топор мороза, глаза блестят как льды литые*”.⁹

После обеда, пока моя девочка спала, за ней смотрела вахтерша, а я сходила в магазин. Потом мы снова рисовали, наклеивали картинки в альбом для рисования. Когда я попросила дочь потерпеть, она, подняв пальчик, сказала: Мама, у тебя все потом, да потом, ты всегда потратишь! – Я улыбнулась этому необычному словообразованию.

24 февраля

Сегодня нам никуда не нужно идти. Особенно хорошо, что не надо выходить на сильный мороз. Вчера после обеда, когда я купила картошку, было около 25 градусов. Пришлось надеть перчатки, хотя в Венгрии я их обычно не ношу. Из-за мороза бывают перебои в снабжении, случалось, что товары замерзали по дороге. Вчера привезли хорошую партию, люди мешками несли домой продукты. Стояли большие очереди, не знаю, всем ли хватило, потому что продукты скоро кончились.

До обеда мы играли. Марика все время собирала и разбирала домик, полученный от Юлии, и при этом бормотала сказку “Теремок”. Какая настойчивость в игре! Приятно смотреть. Интересно, такой же она будет и в работе? Когда вырастет. Пока ей еще только исполнится четыре года. А я уже думаю о таких вещах!

От чрезмерного усердия Марика случайно отломала зайцу ухо и долго оплакивала беднягу. Мне вспомнился подходящий к этому случаю совет психолога Енё Раншбурга: пусть ребенок поскорбеет об утерянной, сломанной игрушке, пусть переживет боль утраты. Когда ее всхлипывания поутихли, я начала утешать ее куклами, а потом прочитала сказку в стихах Морица о козочках и волке. Затем мы ее разыграли. Марика представляла сразу двух шаловливых козочек, я – козу-мату, а говоря более низким голосом, превращалась в волка. С Марикой нужно все время играть, она не дает мне покоя. Позже мы катались в большом зале, попросили машину сына Галины и ездили на ней по кругу.

На обед я сварила суп из кислой капусты с сосисками, а на второе – говядину с картошкой. С тех пор, как мы покинули Венгрию, моя дочь ни разу не ела с таким аппетитом. Я очень рада каждому куску еды, который остается в ней. Ее насморк уже проходит.

⁹ Строки из стихотворения Аттилы Йожефа “Лесоруб” (пер. Н. Грудининой).

Пока Марика спала, я вязала. Скоро будет готов ее розовый свитерок. С помощью словаря я “поговорила” с буфетчицей. Она тоже вяжет из шерсти, из распущенных нитей. Я дала ей несколько зеленых клубков, она не поверила своим глазам и от радости крепко обняла меня. Ей как раз удалось купить по талону говядину, и она отдала мне половину, пообещав достать еще. Пусть я только скажу, когда будет нужно. Так решилась и эта проблема.

25 февраля

Эта крошка такая красивая по утрам, когда еще спит, она похожа на Спящую Красавицу в сказке. Не устаю любоваться ею. Проснувшись, она подзывает меня к себе, обнимает меня за шею и сто раз спрашивает: – Мама, ты меня любишь? – Но сегодня у нее был еще один вопрос: – Ты любишь меня, даже если у меня такая рука и нога? – У меня на глаза навернулись слезы. – Как же мне тебя не любить! Конечно, люблю, даже еще сильнее, моя дорогая! – Я целовала ее руки, лицо, головку.

Мы пели и играли в придуманную нами игру. Марика весело смеялась, покатывалась от смеха. В последнее время она расспрашивает меня, почему я стала женой папы, и почему она родилась нашей дочкой.

– Потому что мы очень хотели такую красивую дочку, как ты. И вот однажды ты начала расти у меня в животе, а потом стала толкать меня ножками, вот так, – я осторожно толкнула ее локтем, – как бы говоря: я здесь, я здесь! Конечно, тогда ты еще не могла говорить, и я тоже разговаривала с тобой только поглаживая тебя ладонью, следя, где ты прячешься во мне. Это подталкивание локтем со словами “я здесь!” стало нашей новой игрой, особым видом прятков, сопровождавшимся громким смехом ребенка из-под одеяла. В полдень Марика расстроилась из-за того, что непослушная зима никак не хочет уйти, как ее ни гони. Она громко звала солнышко, просило его выглянуть и согреть нас, мы пели: “Выйди, солнышко, ясное солнышко!”. Но солнышко не слушалось. Дочка старательно и настойчиво пела зовущую солнце песенку и расплакалась, увидев, что все ее старания напрасны. Позже солнце все же лениво выглянуло на короткое время. На снегу среди деревьев блеснул свет, усталый луч света появился и на стене дома напротив. Это оживило девочку, она захлопала в ладошки и запела с новыми силами. Я радовалась, видя, как она счастлива.

Вечером напротив, в большом зале, слышалось пение и звуки губной гармоники. Молодежь из общежития репетировала концерт вместе с работающим здесь воспитателем.

26 февраля

Эта малютка действительно похожа на ангелочков Мурильо, как сказала тетя Вираг Мориц¹⁰, увидев ее осенью в саду своего дома в Леаньфалу. Вчера я помыла Марике голову. Блестящие, кудрявые, светло-коричневые локоны обнимают ее изящное личико. Я смотрю на нее в профиль, потом закрываю глаза и вижу уже не ее, а лицо написанного Леонардо да Винчи ангела с картины “Крещение Христа”, созданной в мастерской Вероккьо. Именно его напоминает мне очаровательное личико дочери. Я неустанно смотрю, как она красива, когда спит. Особенно сейчас, в утренних сумерках. Мне хочется вдоволь насмотреться на нее, потому что на будущей неделе она ляжет в больницу, и у меня долго не будет такого удовольствия: я хочу видеть ее, дождаться ее пробуждения.

Едва открыв глаза, Марика спросила, какой сегодня день. Пятница, ответила я. На что она немедленно начала приговаривать: – Суббота – чудесный день, сказала мне бабуля, мы пойдем к ней в гости, ведь я ее любимая внучуля. – Этот милый лепет звучал как стишок, и Марика подчеркнуто напевно произносила последнее слово “внучуля”. После завтрака пришли ее новые друзья, дочка Зои и четырехлетний сын Галины. Они вместе разыгрывали кукольные спектакли, несколько раз повторили сказку “Теремок”, съели все печенье и конфеты. Юлия пошла в школу, а Марика и Костя шалили в полном согласии друг с другом. Для этого не нужно знания языков. Комната наполнилась смехом. Около одиннадцати Галина разговаривала по телефону с медсестрой Ниной. Результаты анализов оказались хорошими, но в понедельник утром у Марики снова возьмут кровь из пальца, нужно идти на голодный желудок. Значит на этой неделе она останется со мной.

Я сварила мясной суп, положив в него только лук и морковь. Получилось неплохо, других овощей для супа здесь нет. Марика с аппетитом пообедала. Она вылечилась от простуды. Пока она спала после обеда, за ней смотрела вахтерша, а мы с Галиной пошли в банк напротив больницы, чтобы открыть сберкнижку, на которую я положила 800 рублей. Буду снимать деньги понемногу, на них и будем жить. В “Сибири” я купила финики, Марика ела финики в первый раз в жизни, они ей понравились.

27 февраля

Галина принесла новые занавески, ее муж повесил их. Потом он починил замок в шкафу, теперь мне не нужно подпираť дверцу шкафа стулом. Наша комната становится все уютнее. Батарея под окном излучает приятное тепло.

¹⁰ Вираг Мориц (1909–1995) – писательница, старшая дочь Жигмонда Морица, написала книгу о жизни и творчестве своего отца.

После обеда я ходила в два близлежащих магазина, купила муку и сахар. За яйцами стояла длинная очередь, к счастью, я раньше уже купила яйца у буфетчицы. За колбасой, напоминающей наш паризер, пришлось бы стоять очень долго, но я даже и не пыталась встать в очередь, потому что колбасу давали по талонам. Галина и буфетчица рассказали, что карточная система существует уже два года, потому что мясо и мясные изделия вывозят в Польшу. Местные жители каждый месяц получают на работе талоны для покупок. Жир, масло, маргарин, сахар тоже продают как когда-то у нас в сельских магазинчиках. Это скудное снабжение было непривычно после богатого ассортимента заранее упакованных продуктов венгерских универмагов. Сколько замороженных продуктов можно купить в Венгрии! Здесь же есть только пакетики с овощной смесью, привезенные из Польши. Свежих фруктов нет, можно найти лишь сушеные яблоки, абрикосы, сливы, иногда финики. Что ж, будем есть то, что продается. Я тоже буду часами стоять в очередях, как русские женщины. Этот народ неприветлив и вынослив. Он способен жить на одной каше и выдерживает ужасный холод. Уже почти сорок лет каждый день в этих людях поддерживают сознание того, что они непобедимые герои. По вечерам по телевидению показывают репортажи о городах-героях Одессе, Бресте, Воронеже, Сталинграде. На стенах видны лозунги, на груди пожилых прохожих – ордена, и даже бал был устроен в понедельник, в день Красной армии. Все напоминает о героическом прошлом и призывает к большим свершениям в настоящем. Стоящие в магазинных очередях женщины любезны, могут терпеливо ждать часами. Если товары кончаются у них перед носом, на следующий день они начинают все заново. Мне это кажется странным.

Психически и физически русские выносливее, чем люди Запада, привыкшие к комфорту. Ласло Немет тоже лестно отзывался о “душевном складе” русского народа.

Верю, что этот народ не хочет войны. Кто-кто, а он хорошо знает, что это такое. Но верно и то, что русские полны решимости, готовы на любые жертвы ради своей родины, защитят ее любой ценой. Живя здесь, я часто вспоминаю виденное в ленинградском историческом музее. Кусок засохшего хлеба весом в 125 грамм в музейной витрине. Это была дневная норма хлеба за три года блокады. Как они это выдержали? Помню фотографии с изображением исхудавших до костей людей, которые везли умерших на санях по глубокому снегу. Помню записи ребенка на бумаге в клетку о том, кто и когда умер из его семьи, а потом записи прервались. Помню огромные братские могилы на Пискаревском кладбище и возмущающийся над ними памятник с женской фигурой: Родина-мать. Галина рассказала, что Карбышева, в честь которого названа наша улица, немцы хотели принудить к сотрудничеству. Он не согласился на это, поэтому немцы замучали его, поставили под холодную воду, в результате чего он замерз насмерть.

Дул холодный ветер, гнавший по улице снег и почти подхвативший меня, хотя я, возвращаясь домой из магазина, пользовалась сумкой в качестве дополнительного

груза. Если в Венгрии ночью ожидается минус 15-20 градусов, людей предупреждают по телевидению и по радио о приближении необычного холода. Здесь же даже днем бывает холоднее, и этот мороз продолжается не несколько дней, а месяцами, с середины октября до начала апреля. Это нужно выдержать!

После нашей свадьбы у Петера появилась возможность на некоторое время уехать на работу в Москву. Я с радостью согласилась бы поехать с ним, потому что хотела бежать от мучительных воспоминаний о неудавшейся любви и от ужасной временной квартиры, в которой мы тогда жили беспокойной жизнью интеллигентской супружеской пары при социализме. В конце концов Петер отказался от этой работы. – Ты не перенесла бы московской зимы и очередей в магазинах, – обосновал он свое решение.

Ну конечно, а теперь я должна переносить еще более суровый сибирский холод! Женщины говорят, что здесь бывает и минус сорок градусов. Я изумилась. Все теплые вещи уже на мне. Что же мне еще надеть? Я поспешила вернуться в общежитие. Вахтерша следила за моей спящей дочкой. Хорошо, что даже в такой холод здешние жители сохраняют сердечную теплоту и готовность помочь нуждающемуся.

Мы много играли с Марикой. Больше всего она любила историю о козочке и сказку Анны Фазекаш “Няня ланей”. Потому что маленькая лань сломала ногу и ее отнесли в “больницу”. Моя дочка уже тоже задумалась о предстоящем расставании и полностью вжилась в сказку, чувствуя себя нуждающейся в сострадании ланью, чью ногу нужно вылечить.

Вечером позвонил Борис. Вместе с Виленом они интересовались, как идут дела. Это был мой первый телефонный разговор, точнее, телефонное молчание, и, хотя я знала мало слов, мне все же удалось понять, о чем идет речь.

28 февраля

Невероятно, но во всем городе нельзя достать туалетной бумаги. К счастью, Зоя дала мне пакет бумажных салфеток, так что эта забота на время отпала. Позже я попрошу туалетной бумаги у Вилены. В первой половине дня я варила курицу со сметаной и клецками. Угостила буфетчицу и Зою. Им понравилось. Взамен Зоя принесла жареную рыбу, Марика все съела. Я связала Зоиней дочке шапку, Марика заплакала, ей тоже нужна шапка. – Хорошо, я свяжу и тебе, только не плачь!

Тихо проходят дни. Не нужно спешить, суетиться. Меня охватило какое-то твердое спокойствие. Пока Марика спала перед обедом, я пошла прогуляться. Как красива здесь тихая зима! Слепящая белизна, сверкающий свет солнца, острый и чистый воздух. Эта окраина Кургана, где мы сейчас живем, напоминает Бекашмедер. Из земли вырастают многоэтажные здания, идет строительство, работают высотные краны. Немного дальше, у моста через Черный ручей, деревенские домики с окрашенными резными окнами воспроизводят атмосферу давно минувших вре-

мен. У ручья, вода которого сейчас покрыта толстым слоем льда, армия ребятишек скользит по льду на собственных ягодицах, многие катаются на санках по береговому склону. Это зрелище как будто сошло с полотна Брейгеля.

Мне было холодно. Я поспешила в общежитие. Марика еще спала. Я написала письмо Петеру и Еве (д-ру Лехоцки Яношне), директрисе детского дома, где я работала. Плохо, что я не смогла закончить учебный год со своими учениками, но я не могла поступить иначе. Здоровье Марики для меня важнее всего. Я написала Еве, что мне хотелось бы, чтобы мои шестиклассники и семиклассники разучили программу для литературной сцены, которую я составила из произведений венгерской литературы соседних стран. Как хорошо звучали в их исполнении “Псалм” Енё Дшиды, “Верю в стихи” Оливера Раца.¹¹ Да и все остальное. Моя молодая сотрудница, Паула, с воодушевлением продолжала начатое мною дело. С этой программой мы выступим в марте на культурном фестивале детских домов. Очень печально, что к воспитанникам и учителям детских домов относятся с пренебрежением. А между тем в детских домах ведется гораздо более насыщенная, многосторонняя и тонкая в эмоциональном плане воспитательная работа, чем в школах, хотя наших детей воспитывать сложнее. Нередко большие затраты, усилия приносят мало зримых результатов. Быть может, эта программа станет успешной.

Признаюсь, иногда я думала, что надо бы поискать другую работу. По окончании университета у меня была такая возможность благодаря дипломной работе о стиле произведений Андраша Шютё.¹² Но в итоге я не решилась уйти, познакомившись с историями жизни детей, начиная с момента рождения, увидев их душевные травмы, нанесенные разводами родителей, проблемы, связанные с ритмом жизни в XX веке, сознание одиночества или, наоборот, последствия чрезмерной избалованности, их инстинктивное стремление отыскать какую-то точку опоры, надежного человека. Мне часто вспоминались их слова, у меня в сердце сохранилась их просьба: – Ведь вы доведете нас до восьмого класса, правда?

Шли годы, и в сентябре я поняла свою задачу, которая, говоря словами Шютё, была миссией “идушего позади, который должен заботиться не о руководстве, а о помощи отставшим, хромяющим, разуверившимся”. Мне больше всего запомнилась эта мысль замечательного писателя, который показывает пример человеческой стойкости подобно помпейскому стражнику. Пример человечности, выдержки, кому, когда и что нужно. Мне выпала своя задача, я должна воспитывать этих детей. И я принимаю, буду выпонять ее, пока есть силы. Этой литературной программой дети хотят принести мне радость. Я буду гордиться, если они займут одно из первых мест на фестивале. Об этом я и написала Еве.

¹¹ Енё Дшида (1907–1938) – венгерский поэт из Трансильвании; Оливер Рац (1918–1997) – венгерский писатель и поэт из Словакии.

¹² Андраш Шютё (1927–2006) – известный венгерский писатель из Трансильвании, лауреат премии Кошута.

Я как раз кончила писать письма и искупала Марику, когда зазвонил телефон. Нам позвонили из Будапешта Бёжике и дедушка. Марика радостно и мило поболтала с ними. Весь вечер она бегала по комнате, была буквально вне себя от счастья.

1 марта

Сегодня утром моя прелесть проснулась в капризном настроении, не давала себя одевать, не желала идти сдавать кровь, потому что ей хотелось есть. Я не могла покормить ее и завернула бутерброды, чтобы она смогла поесть после сдачи анализа. Я напрасно объясняла, почему сейчас нельзя покушать, Марика продолжала шалить, и чтобы ее одеть, мне пришлось шлепнуть ее по попе. (Что бы сказали на это Енё Раншбург и наш дедушка)? Жаль бедняжку, она просто боится сдавать кровь. Я основательно закуталась в теплую одежду, схватила в охапку дочь, похожую в зимней одежде на медвежонка, и мы отправились в путь. Галина поехала с нами в качестве “переводчицы”. Я уже больше не таскаю с собой словари, Галину я понимаю, она разговаривает со мной медленно, простыми словами.

После сдачи крови Марику будто подменили. Она съела бутерброд, а дома терпеливо играла с куклами и домиком. Позвонил Вилен, он разговаривал с Петером и просил написать, в чем мы нуждаемся. Я написала ему свое первое письмо со словарем. Пришлось немало попотеть, прежде чем удалось закончить его. Галина исправила ошибки, теперь можно отправлять письмо в Москву.

Марика спала. Когда она проснулась, мы нарисовали дом и наклеили его в тетрадь. Дом получился желтый, многоэтажный, как наш в Бекашмедере. Марика попросила нарисовать еще и то, как мы, взявшись за руки, идем домой втроем, папа, мама, а посередине она. Мечта девочки была запечатлена в рисунке. Господи, как она ждет этого дня, и как он далек! Сколько боли придется еще тебе перенести, малышка! Как много ночей нам придется провести здесь до желанной встречи, устанешь считать! Марика опять попросила прочитать сказку Морица о козочках. Великий рассказчик с тихим удовлетворением улыбнулся бы в усы у себя на веранде в Леаньфалу, если бы знал, сколько радости приносит его сказка этому маленькому ребенку, оказавшемуся на далекой чужбине. Я подумала о фотографии, на которой великий писатель с любовью наклонился над яслями, улыбаясь маленькой Вираг¹³, своей внучке, которая осенью овдовела. Всхлипывая, она сообщила мне по телефону печальную новость, теперь на нее свалились заботы по воспитанию двух девочек. Что за судьбы: и ее, и моя. Даже страшно подумать.

¹³ Имеется в виду одна из внучек Жигмонда Морица, Вираг Колош.

2 марта

Сегодня утром был сильный мороз, минус 28 градусов. Я чувствовала, как холод режет лицо, из глаз катились слезы. Утром нам снова нужно ехать в поликлинику. Выйдя из автобуса на проезжую часть, я подскользнулась на круглом листе железа и сильно ушибла левую коленку. К счастью, в тот момент я как раз не держала Марику на руках, и с ней ничего не случилось. Ребенка снова осмотрели, мы заполнили разные анкеты. Галина сказала, что завтра нужно будет отвезти девочку на городскую санэпидемстанцию за справкой об отсутствии инфекционных заболеваний. В общежитии нас ждало письмо, Марика была счастлива, пришлось прочитать ей все от начала до конца. В конце концов она только спросила: – А почему папа дома плачет?

3 марта

Утром за нами пришла Галина Николаевна, и мы поехали на 27-ом автобусе на улицу Куйбышева, в дом № 43. Мы вышли из автобуса около здания милиции, этот район был уже знаком мне. Оттуда мы пошли пешком. Налево стоял ЦУМ, рядом с ним пожарная башня, за которой тянулись старые деревянные одноэтажные дома, среди которых было и несколько каменных. Как будто мы перенеслись в прошлый век. По краю тротуара стояли голые деревья, наверное, летом они образуют тенистую аллею. Спит солнце, блестит снег. Тень деревьев вытягивается на белой дороге.

Старое здание № 43 стоит на углу улицы Томина, мемориальная доска на стене сообщает, что здесь находился центр декабристов. Мы вошли сзади, по деревянной лестнице со стороны двора. Внутри здания старый деревянный пол. Нам подсказывают, куда идти, санэпидемстанция находится на противоположной стороне, около пожарной башни. Придется возвращаться. Марика захныкала, ей было холодно, я прижала ее к себе. Ребенка осмотрели, выдали справку, что у него нет заразных болезней. Едем в общежитие, обедаем, затем – снова поликлиника. Ждем целый час, пока не появилась медсестра Нина. Она собрала все анализы, рентген, анкеты, все, что можно. Переходим в больницу Илизарова. Там красавица с татарским лицом еще раз спросила наши данные и поинтересовалась, была ли у Марики желтуха после рождения. Я не могла ответить на этот вопрос, так как не знала, что значит “желтуха”. При мне не было словаря, но я пообещала, что завтра я дам ответ. Вечером Галина объяснила значение принесенного в голове слова. Его нужно знать, поскольку после операции могут возникнуть жалобы на печень, у больного может пожелтеть кожа. Марику отвели на второй этаж, в детское отделение. Она будет лежать в палате № 1. Ее приняла симпатичная медсестра, я запомнила ее имя: Алла Фазиловна. Для меня это имя звучало странно. Марика не плакала, когда ей при-

шло остаться в больнице. Ее окружили заботой девочки и мальчики постарше. Борясь со слезами, я поспешила обратно, в общежитие, готовить еду, потом собрала необходимую одежду и опять поехала в больницу. Я прочитала Марике колыбельную сказку, подождала, пока она заснет и только потом ушла.

В общежитии на меня обрушилась беспощадная тишина и одиночество. Из глаз покатились слезы, я вытирала неиссякаемый соленый ручеек на щеках. В зеркале отразилось мое пылающее лицо, я получила холодный ожог. Как выносили такие зимы финно-угорские народы? – подумалось мне.

4 марта

Я мало спала ночью, постоянно думала о дочке. У меня еще никогда так не болело сердце по ней. Я непрерывно беспокоилась, не упадет ли она с кровати, ведь до сих пор она спала в кроватке с решеткой. Не простудится ли, выбравшись во сне из-под одеяла? Ночью я неоднократно накрываю ее. Плакала ли по мне? Проснулась ли? Она не знает, что ее ждет. По правде говоря, я тоже. Она еще никогда оставалась без меня так долго. Когда я ездила к отцу в Тольчву, или когда мы с Петером уезжали в Стокгольм, Марика ночевала у бабушки, где она всегда чувствовала любовь близких и знала всех и все. Здесь она не знает никого и ничего. Даже слов не понимает. Венгерский ребенок, о котором говорила женщина в милиции, уже уехал на родину.

Едва рассвело, я уже поехала к Марике, отвезла ей на завтрак хлеб с маслом, жареное яйцо, чай с лимоном, апельсины. Она было в плохом настроении, почти не ела, сделав сердитое лицо из-за того, что я оставила ее в больнице. Я взяла ее на руки, утешала и пообещала быстро вернуться с обедом. Марта, итальянская девочка, лежавшая рядом у окна, позвала ее играть в коридор.

В общежитии я еще застала открытый буфет. Буфетчица дала мне банку болгарского зеленого горошка для супа. Я сбегала в магазин, купила рис, чай и финики. Потом – готовка. Готовя обед, пришлось много раз подниматься на первый этаж. Приготовленную еду я упаковала в термос и банки, обвязала одеждой, положила в сумку и побежала в больницу. Только бы не поскользнуться на этом ледяном снегу!

Было приятно смотреть, как Марика ела гороховый суп, картошку с сосисками и жевала финики. После еды в коридоре молодой врач с коричневыми волосами взял ее за руку и ласково, нежно повел к врачебному кабинету. Сергей Васильевич Макаров, врач нашей палаты, посадил Марику на каталку и попросил меня раздеть ее. Мы обменялись рукопожатием, представились друг другу. Врач в нескольких местах измерил сантиметром ногу и руку моей дочери и записал данные в тетрадь. С помощью странного транспорта он также померил, насколько можно повернуть внутрь стопу в щиколотке. Я мало понимала его вопросы и попросила записать все, что он хочет узнать, и завтра я с помощью словаря все расскажу. Врач не ответил, а только улыбался.

Было уже два часа, надо было бежать домой. В “Сибири” я купила творог, кефир и сметану, отправила на почте письма Вилену и Петеру, купила проездной. Дома я взбила творожный крем для Марики и купила в буфете печенье и апельсины. В четыре часа нужно отправляться в больницу, ведь в пять часов будет ужин. Марике понравились и творог, и линзер. Я искупала ее, а потом мы поговорили о том, как прошел первый день. Дети полюбили ее, играют с ней, она самая маленькая в отделении. На нее смотрят как на живую куклу. Марта, девочка из Вероны, сразу привязалась к новой подруге. Марта – карлица, ей одиннадцать лет, и она была такой же маленькой, как сейчас Марика, ей удлинили ногу на 15 сантиметров. Марта с мамой живут здесь с сентября и скоро поедут домой. Мама Марты, Франка, всегда улыбается.

К девяти часам вечера я вернулась домой пешком, смертельно усталая. Сегодня я шесть раз проделала этот путь по скользкому снегу. Двадцать минут я ждала автобуса, а потом решила, что лучше опять идти пешком. В сухую погоду до общежития полчаса ходьбы, а по снегу дорога может занять целых сорок минут. Сегодня я потратила на хождение туда-сюда четыре часа.

5 марта

Утром я напрасно искала, ждала со словарями под мышкой вчерашнего молодого врача, его нигде не было. Алла Фазиловна отвела Марику на рентген и фотографироваться, а меня отослала домой. Дочка построила строптивное лицо. Пасмурное настроение сохранилось у нее надолго, даже на сделанном тогда снимке на ее лице видна все та же строптивность. Тогда же было зафиксировано предоперационное состояние, разница в семь сантиметров.

Я поспешила домой стирать и готовить, чтобы вернуться к часу с обедом. Я решила не уходить домой после обеда и дожидаться ужина в больнице, чтобы не терять ни сил, ни времени в поездках между больницей и общежитием. Ужин я тоже привезла с собой. Выяснилось, что среди родителей только я прихожу сюда в полдень, дети едят больничный обед в общей столовой. Марика – маленькая и новенькая, ей здесь все непривычно и незнакомо. После обеда врач Раиса Ивановна, которая в прошлый раз осмотрела Марику, отослала меня. Я спустилась в коридор на первом этаже, смотрела картинки, стенды, читала надписи, переводя кое-что со словарем, знакомилась с ведущейся здесь работой и сотрудниками больницы. Потом я села в тихом коридоре с большими окнами, находившемся слева от проходной, прислонилась к батарее и занялась вязанием, время от времени поглядывая во двор, покрытый снегом, блестящим под полуденным солнцем.

В четыре часа, после того, как я заметила уходящих домой врачей, в том числе и строгую докторшу, я поднялась в палату к Марике. Она грустила в одиночестве, сидя на кровати. Соседи по палате были в школе. В больнице работает десятиклас-

сная школа. Из близлежащего учебного заведения сюда приходят преподаватели и занимаются с детьми, разбив их на классы. Учеба продолжается с двух до пяти везде, где есть подходящее тихое место, в коридоре, в холле, в столовой. В первой половине дня наступает очередь главного учебного предмета, лечебной гимнастики. После пяти пришли девочки со школьными портфелями, костылями, аппаратами Илизарова. Марта, девочка из Вероны, обняла Марику, поцеловала ее и поиграла с ней. Кроме нее, в палате лежит еще одна итальянская девочка лет десяти по имени Наташа. Услышав ее имя, я подумала, что она русская. Ее мама жестами и несколькими русскими словами рассказала, что они здесь уже во второй раз. Она достала фотографии ребенка, у которого была такая же нога, как и у моей дочери. Наташей дочку звали потому, что в ожидании ее появления на свет, – здесь женщина изобразила руками большой живот, – будущая мать посмотрела фильм “Война и мир”, и ей очень понравилась Наташа Ростова. Тогда она еще не предполагала, что однажды придет в Россию. Смеясь, она обрадовалась, что я поняла ее.

Машенька, девочка из Москвы, лежит у окна с аппаратом на бедре, ей десять лет. Ее мать – журналистка, теперь она уборщица в этой больнице. Рядом с Марикой на средней кровати лежит Алла, девочка с умными глазами и красивым личиком, которая приехала из Молдавии. Ее мама рассказала, показав в словаре нужное слово, что при рождении у Аллы произошла атрофия мышц и едва развилась нога. Больная нога у нее была как у четырехлетнего ребенка. Сейчас ей растягивают на десять сантиметров бедро, потом будут растягивать голень, а потом стопу, так что они пробудут здесь долго. Светловолосую Таню основательно искромсали в других больницах. Вдоль всего бедра у нее тянется впалый шрам. Несмотря на хирургическое вмешательство, укорочение осталось, теперь ногу растягивают с помощью аппарата. За Таней ухаживает бабушка. Так мы, дети и родственники, вежливо представились друг другу. Сейчас в палате лежат шестеро, около всех детей суется мамы, они поправляют постели, купают девочек. Мы, женщины, перезнакомились друг с другом. Прибыла новая девочка, Оля из Челябинска. Вошла ночная сестра, попросила нас уйти, а детей вести себя потише.

Я побрела домой в темноте, меня ждала стирка и невытая посуда.

6 марта

Вчера я уже было подумала, что и к нам пришла весна. В полдень славно светило солнце, на крышах домов начал таять снег, застучала капель. Но так было только в полдень. Сегодня мы целый день не видели солнца. Мороз стоит с третьего марта, когда холод словно наждаком натер мне лицо. Теперь на меня страшно смотреть. Лицо сильно покраснело и сохраняет белизну только около глаз. Кожа на лице горит, чешется, я намазалась детским кремом. Этот сегодняшней холод тоже не пошел мне на пользу.

В первой половине дня я поставила вариться говядину для супа на кухне второго этажа. Вахтерша позвала меня к телефону, Вилен поздравил меня с международным женским днем. Пока я была внизу, кто-то положил в мой суп грязную морковь. На такое способен только плохой человек. Думаю, что это был тот мужчина, который приставал ко мне на прошлой неделе, но я рассердилась и прогнала его, сказав ему “иди домой”! Марика как раз была со мной на кухне и перевела для себя русские слова. – Мама, “иди домой” означает уходи отсюда, правда? – Точнее, иди к себе домой. Но теперь я никак не могла прийти в себя после грязной моркови, подброшенной мне в суп. Вот как он отомстил мне за то, что я его прогнала. Я отнесла уже готовый, загаженный суп к себе в комнату, и из меня вдруг вырвались рыдания. Я несколько раз процедила суп через три слоя кухонных полотенец, попробовала его, грязь закрипела у меня на зубах. Пришлось все вылить. Больше всего земли осело на мясе, его тоже нужно было выбросить. Вахтершей была та самая женщина, которой Илизаров прооперировал руку, потому что восемь лет назад ее прищемили дверью автобуса, и от сильного удара, нажима эта женщина не только сломала руку, но у нее началось и воспаление костной ткани. Она заметила мои заплаканные глаза и спросила, что случилось. Я все рассказала.

– Идите на третий этаж, там готовят женщины! – посоветовала она. С тех пор я готовила там. Я быстро приготовила суп с яйцом, вермишель с орехами, картошку с маслом и маленькие котлеты. Марика хорошо покушала. Видимо, она подружилась с детьми, которые любят, ласкают ее и играют с ней, особенно Марта. Марика сказала, что у нее необычная голова, очень большая, и странные глаза. Она заметила характерные для лилипутов лицо и форму головы. Но в них столько приветливости и любви, что просто приятно смотреть. Я тоже полюбила маленькую Марту.

Всю вторую половину дня мы играли Олиными игрушками в прием у врача. Марта – доктор, Олечка – медсестра, Марика – больная. Зайчик спокойно лежит, его накрыли полотенцем, ему удаляют зуб, берут у него кровь, одним словом, дети разыграли все, что с ними делают в действительности. Было много радости, потехи и юмора, мы с двумя итальянскими мамами тоже не можем удержаться от смеха. Марта замечательно представляет Илизарова. Очки отлично смотрятся у нее на носу, потом соскальзывают и падают. Марика тоже смеется на операционном столе, то есть на кровати Марты, на которой она спала в первый день после обеда. Марта по-венгерски командует Марике: Спать! Но при этом беспрерывно смеется, щекоча Марике живот врачебными инструментами. “Если бы ты видел, как она все это переносила”, – описывала я эту картину отцу Марики.

Потом мне пришлось прервать письмо, девочкам надоело играть, только Марика не могла остановиться. Из больной она превратилась во врача и начала меня оперировать. Мама Марты вышивала Мадейру, делала чудесный кружевной воротник на блузку дочки, иногда посмеиваясь над нами.

Грустно смотреть, когда приходит медсестра и подкручивает гайки на аппарате. Самый болезненный участок ноги – стопа. Как страдала при этом итальянская де-

вочка Наташа! Она буквально шипела от боли, на глазах у нее выступали слезы. Мы смотрели на нее с жалостью и состраданием.

Больше всего жаль одиннадцатилетнего мальчика, у которого есть только обрубки конечностей. Голова и туловище у него нормальные, он даже немного толтвотват. Рук у него не будет, на месте плечевых костей видны культы длиной в десять сантиметров. Вместо ног – обрубки, но со стопами. Кость между туловищем и стопой растягивается аппаратом. Мальчик уже хорошо ходит по коридору. Чаще всего он ложится грудью на стул и читает. У него смышенное лицо, он хорошо говорит по-английски. В больнице за ним ухаживала мать, которая рассказала мне, что у нее уже не было сил поднимать сына и носить его на руках, и она несказанно счастлива, что он научился ходить. Конечно, мы разговаривали с помощью словаря, некоторые слова пришлось посмотреть в нем, но в большинстве случаев я угадывала значение сказанного.

Димка скакал по коридору как жеребенок. На левой руке у него аппарат. В девяти-месячном возрасте он упал, сильно ушибся и заболел воспалением костной ткани.

Очень грустно смотреть на карликов. У них старческие лица, большие головы, приплюснутые носы и крупные глаза под сильным, выпуклым лбом. Их серьезный, печальный взгляд вызывает у участливых людей жалость. Какая огромная воля заставляет их передвигаться, стремиться вырасти, дотянуться до стола, до ступенек в транспорте, до рабочего станка, стать такими же, как другие люди! Эти записки пишутся не из Мертвого дома, а из дома жаждущих жить, с русской Волшебной горы.

Марика даже во время ужина не хотела расстаться с Олиной игрой в доктора. Но пришла бабушка Оли и попросила вернуть игру. Из-за этого моя дочь разразилась страшными рыданиями, все смотрели на нее. Она так вжилась в роль доктора, что мне едва удалось ее утешить, пообещав купить ей такую же игру в ЦУМ-е или написать дяде Вилену, чтобы он прислал ее из Москвы. “Маленькая докторша” еще не скоро прекратила рыдать, ей не удалось полностью успокоиться, потому что, когда я собиралась уходить в девять часов, после купания и сказки, она с отчаянием начала просить:

– Не уходи, оставайся со мной! Я хочу спать с тобой и увидеть тебя во сне, мама!

Я прослезилась, вернулась, стала целовать покрытое слезами личико, гладить кудрявые, светлые волосы.

– Ну будет, успокойся, зайченоч!

Мне стало ясно, что в этот момент, по прошествии трех дней, прорвалось напряжение, накопившееся в ней из-за нашего расставания. Она уже почувствовала мое отсутствие. До сих пор новые впечатления первых дней в больнице отвлекали ее внимание. Я подождала, пока она уснет, на этот раз медсестра не просила меня уйти.

В общежитии устроили бал, на этот раз по случаю женского дня. Дочь буфетчицы позвала меня на праздник. Мне была очень приятна эта любезность. У них была колбаса, калач, хлеб в форме кренделя, по вкусу больше всего напоминающий наш,

венгерский. С тех пор, как я покинула Венгрию, я в первый раз пила кофе, русский “Nescafe”. Кофе здесь стоит столько же, сколько и у нас, и считается дорогим по сравнению с другими продуктами, к тому же оно редко продается. Мне дали кусок торта, чтобы я завтра отнесла его Марике.

В одиннадцать часов музыка кончилась, и я наконец-то смогла лечь спать.

7 марта

В первой половине дня, вернувшись из больницы, я поставила варить обед и приступила к стирке в углу коридора на первом этаже. Пока мне удалось сделать все дела, пришлось несколько раз пробежаться по лестнице вверх и вниз. Я принесла обед вовремя. Моя зайка кушала хорошо. Я прочитала ей письмо бабушки и поздравительную телеграмму от дяди Вилены. Пока она спала, я ответила на доставившие мне радость письма. Дедушка, бабушка и Бёжике хотят навестить нас в апреле, ко дню рождения Марики. Я написала им, чтобы они приезжали не все вместе, потому что я не могу достать жилье на троих, условия жизни здесь менее комфортны, чем в Венгрии.

Вечером пришло много родителей, которые начали пичкать детей едой. После операции многие плохо кушают. Некоторые мамы купают своих детей, а около семи большинство родителей уходят домой. По-моему, только я купаю ребенка каждый вечер. Сегодня общая ванная комната была долго занята, потому что больничная няня купала детей, у которых здесь нет родственников.

Мамы многих русских детей работают здесь, в больнице. Они убирают помещения, дежурят на кухне или ухаживают за больными. Каждый день после завтрака, обеда и ужина они должны мыть коридор и палаты дезинфекционным раствором. Кроме этого, они должны помогать детям заправлять кровати, одеваться и ходить в туалет. Одним словом, они в постоянной готовности ждут, кто и когда их позовет. Дети знают, чья мама дежурит, и из разных мест часто слышится зов: – Тетя Галя, идите сюда! – Те, кто повежливее, добавляют к этому “пожалуйста”. Иногда дежурным мамам поручается и кормление свеж прооперированных пациентов, если у них нет родственников в больнице. В детском отделении лежит около пятидесяти детей, разделенных по палатам в зависимости и пола и возраста. Дети здесь не лежат целый день в постели, на третий день после операции они должны встать и гулять по коридору, а затем все пациенты в обязательном порядке должны ежедневно в назначенное время заниматься лечебной гимнастикой, а после обеда наступает время школьных занятий. В больнице есть дневное и ночное дежурство: врач, медсестра и две помогающие им мамы. По ночам всегда дежурят две медсестры, одна из них спит, другая бодрствует, а потом они меняются. После операционных дней они должны в определенное время делать уколы. Если кому-то из детей становится плохо, к нему вызывают дежурного врача. За дежурство женщины получают около

ста рублей в месяц в зависимости от того, сколько дней и ночей они отработали. Расписание дежурств они составляют сами.

Мамы, работающие на кухне, в семь часов привозят на небольшой машине упакованный в чемоданы, ведра, корзины завтрак с кухни, находящейся рядом с больницей. Там каждый день готовят еду на более тысячи человек. Эту еду, закутанную в толстый платок, снимают с машины, несут к лифту, распределяют по отделениям, делят на порции в маленькой кухне рядом со столовой, и в конце концов ее съедают больные, дети и сотрудники больницы.

Медсестры работают с девяти утра до пяти пополудни. За праздничные и ночные дежурства они получают дополнительную плату, с учетом которой они зарабатывают около 130 рублей в месяц. В детском отделении работают десять врачей. Одна из них – главврач Валентина Ивановна Грачева, кандидат медицинских наук, заведующая детским отделением. Ее заместитель – Раиса Ивановна Сакс. В отделении восемь палат, у каждой из них свой врач, врач нашей палаты – Сергей Макаров. Каждый врач занимается пятью-восемью больными, обычно столько пациентов лежит в одной палате. Но в их ведении находятся и бывшие больные, приходящие на контрольное обследование или для следующего этапа лечения. В принципе рабочий день врачей продолжается с девяти утра до четырех пополудни. Однако очень часто они сопровождают больных на приемы к профессору Илизарову, которые бывают по вечерам и затягиваются до ночи. Каждый месяц врачи несколько раз заступают на ночные и воскресные дежурства. Они получают от 140 до 200 рублей в месяц.

Вечером, когда я попрощалась с Марикой, она опять сильно плакала. Мне вспомнилось, что, когда я, будучи такой же маленькой, лежала на Рождество в больнице с аппендицитом, мама с утра до вечера сидела со мной. Когда она собиралась уходить, спеша на поезд, я тоже горько плакала. Меня не утешала маленькая рождественская елка, мне нужна была только мама. Было уже за восемь вечера, ночная медсестра отослала меня. Марика судорожно охватила меня за шею и не отпускала.

– Оставайся со мной, мама! Я хочу посмотреть на тебя и увидеть тебя во сне! –

По дороге домой эти слова постоянно слышались мне, проникали в самое сердце. Я тоже хочу видеть тебя, малышка.

О любовь, дай мне силы вынести эту тяжкую жизнь и суровую русскую зиму!

Во мне звучали строки венгерского поэта Миклоша Радноти: *“И ты далеко. Голос твой в сны вплеся, а чуть проснешься, в сердце вновь – твой голос”*. *“Но между нами целых три границы”*. *“Была ты явью, снова сном ты стала”*.¹⁴

¹⁴ Строки из стихотворения Миклоша Радноти “Письмо к жене” (пер. Д. Самойлова). Миклош Радноти (1909–1944) – выдающийся венгерский поэт. Во время Второй мировой войны, как и многие другие мужчины, считавшиеся евреями на основании законов 1938–1939 гг., выполнял принудительную трудовую повинность, содержался в лагерях, где и написал свои последние стихи. Был убит конвоирами в ноябре 1944 г.

Я ношу тебя в себе. Память о тебе в сердце и уме, вкус твоего поцелуя во рту. Я вижу тебя очень красивым. А ты думаешь ли обо мне? И если думаешь, то что именно?

Зимняя ночь. Холодно светят звезды. Я одна, читаю “Воскресение”. В зале суда Нехлюдов вдруг понял, какое преступление он совершил против Катюши. Увидев ее, он почувствовал прежнее чувство к ней. *“И одна за другою стали возникать в его воображении минуты, прожитые с нею”*.

Во мне тоже ожили воспоминания о прежней любви. Однажды в осеннее воскресенье после обеда, через несколько часов после нашего знакомства, мы проводили одного человека через Дунай, а обратная дорога была сплошной игрой и сказкой. Он обнимал и некоторое время нес меня одной рукой. Потом снова – опля! – подхватывал и прижимал к себе. Нас забавляла это сумасбродная игра на мосту Эржебет.

Когда мы встретились снова, он, стоя передо мной, попытался меня обнять, но я неожиданно присела, высвободилась из его объятий и убежала. С этого бегства началась моя вечная погоня за ним. Эти поиски-догонялки длились годами.

Весной мы гуляли в Табане. Я взлетала по лестнице вверх, потом сбегала вниз, вверх-вниз, как девушка-птичка.

В проливной дождь мы целовались под зонтиком в Варошмайоре.

Каждый год цветение акаций собирает у меня во рту мед его первого поцелуя. Слушая стук летнего дождя, я вижу перед собой нас, какими мы были тогда.

Когда я звонила ему, телефонная трубка танцевала у сени в руке, а сердце стучало в горле. Когда мы ласкали друг друга, его рука дрожала, и я успокаивала его сотнями поцелуев. В такие минуты я чувствовала, как мое сердце переполняется радостью, и счастье возносит меня на небеса.

Катюша и Нехлюдов, двадцатый век, Венгрия. Так мне видится это сегодня.

8 марта

Международный женский день является здесь нерабочим днем. Мужчины любезно поздравляют нас, а женщины – друг друга.

Я сбегала в магазин за молоком, но сумела достать только кефир и сметану. Магазин был переполнен мужчинами, которые стояли в очереди за вином и водкой, едва можно было протиснуться к молочному прилавку.

Я рано приехала к Марике с обедом. Мы вместе провели вторую половину дня, по праздничным дням в больнице только дежурные, и меня не просили уйти. Марика все время играет в доктора, за неимением подруг она обследует кукол, медвежонка и обезьянку мончичи. И меня. У меня она все время “берет кровь”, колет меня, и эта игра доставляет ей огромное удовольствие.

Две мамы-итальянки беседуют друг с другом, они знают только несколько русских слов. Позже Франка позвала меня, чтобы я помогла ей посадить Марту в ванну и вынуть оттуда. Эта итальянка очень приятная женщина. Нас сблизили вышивание, вязание и взаимная симпатия наших детей. Франка показала фотографии мужа и двух старших детей. Они не знают, почему Марта родилась такой. Быть может, плохая комбинация генов? Здесь очень много недорослых детей из Италии.

Я разговаривала с мамой Машеньки, мне хочется подружиться с ней. Она рассказала, что ее дочку оперировали и в Москве, но в конце концов ее пришлось привезти сюда. Из-за постоянного хождения по врачам и больницам не получилось родить еще одного ребенка. А ведь им с мужем хотелось этого.

9 марта

В первой половине дня я ходила в милицию. С помощью словаря я написала принимавшей меня любезной женщине, что бабушка с бабушкой и тетя хотят приехать сюда навестить внучку в больнице. На это она ответила, что не может дать никакого разрешения, нужно просить его в Венгрии у консула. Нужно попросить в больнице справку, что мы находимся здесь и послать ее в Венгрию. Я все написала и послала домой.

Была на рынке. У входа надпись: “Приятного развлечения”! Огромное бетонное здание, на передней стене цветное мозаичное изображение того, что происходит внутри. Интересный этот рынок. Торговцы в основном приезжают с Кавказа и привозят оттуда на самолете всякие фрукты, которые продают по высоким ценам. В пересчете цены такие же непомерные, как в Стокгольме. Марике нужно есть орехи и гранаты. Килограмм и того, и другого стоит семь рублей. Гранаты – красивые фрукты, они не случайно помещаются на народных вышивках. Под твердой кожей находятся рубиновые зерна, похожие на кукурузные, они дают кислото-сладкий сок. Вкусный, утоляющий жажду фрукт, содержащий много витаминов и кровеобразующих веществ. В июне гранат цветет огненно-красным цветом, это замечательное зрелище, однажды я наблюдала его в Коринфе и Дельфах. К осени фрукт вырастает, кожура, как и зерна, вызревают до темно-красного цвета. Фрукты стоят очень дорого. Апельсины восемь, виноград десять, груши шесть, яблоки от трех до шести рублей в зависимости от сорта и качества. Если умножить это на 17, то получится цена в пересчете на наши деньги. Только для сравнения: кило говядины стоит пять рублей, кило хлеба 20 копеек. Наверное, фрукты так дороги из-за больницы, но их все равно покупают больным. Я купила Марике несколько фруктов, их вешают в граммах, но и так на них ушло десять рублей. Для меня источником витаминов служат морковь и квашеная капуста, я готовлю их сама. Орехи идут на пользу костям. Немножко дальше продают мясные продукты. Тесаком разделяют целые туши животных: свиней, баранов, коз, коров. Их разрезают так, как мы

режем хлеб. В отрезанном куске есть все, – кожа, кость, мясо, жир. Нет деления по качеству мяса на вырезку, огузок или грудинку. Остекленевшими глазами глядят отрезанные коровьи головы. Я купила телятину и пороссячью ногу для холодца, она продается отдельно.

В универмаге “Мебель” около рынка, кроме мебели, продаются еще и ковры и посуда. Я изумилась при виде сказочных восточных ковров. Поразили и цены. Сто рублей за квадратный метр. Эти красивые шелковые и шерстяные ковры в основном развешиваются на стенах комнат и не только украшают их, но и делают квартиру теплее, уютнее.

Я поспешила домой, подогрела обед, положила его в термос и побежала в больницу. После обеда распространился слух, что после 12 марта Илизаров уезжает в Москву, а потом в Чехословакию. Вечером я тоже заняла место среди множества ждавших его посетителей, моя очередь подошла в половине девятого. Он не помнил моего ребенка и попросил привести его. Я побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, схватила на руки спящую девочку. На своем плохом русском языке я объяснила, чего мы хотим. Спросила, когда будет операция. Ответ был мне непонятен, я попросила написать его на бумаге. Илизаров написал и попросил показать бумажку заведующей детским отделением. Он посмотрел руку и ногу девочки и показал, где будут размещаться на голени три кольца аппарата. Потом он погладил ее по голове и сказал, что все будет хорошо. Я радостно прижимала к себе свою крошку, одетую в пижаму. Профессор, улыбаясь в усы, любовался нами, его карие глаза тепло светились. Марика, как маленькая болтушка, заявила: – Мама, здорово у нас получилось!

В комнате наверху я разобрала написанное, со словарем перевела себе, что 11 марта будет “разбор”, обсуждение дела, а 12 марта состоится операция. Ночным дежурным врачом была Раиса Ивановна, я показала ей, что написал Илизаров. Она уже знала, что операция состоится в пятницу.

По дороге домой я заглянула в помещение перед кабинетом Илизарова. Там по-прежнему сидел усатый венгр, который прибыл на рассвете и приехал прямо сюда на такси. Но ему еще предстояло ждать, потому что профессор сначала осматривал детей, потом взрослых с аппаратами и только потом новеньких, ожидавших приема в больницу, а также пациентов, прибывших на контрольное обследование.

Фамилия мужчины была Шанта, что по-венгерски значит “хромой”. Было смешно, когда молодой человек представился: – Дважды Хромой Янош. Мы разговорились. Он приехал из деревни неподалеку от Калочи, в детстве перенес паралич, левая нога у него тоньше и короче на четыре сантиметра. Уже шесть лет Янош ждал возможности приехать сюда. Он остановился в гостинице “Москва”. Я подумала, что ему еще долго ждать, и не хотела оставаться до полуночи, ведь завтра мне придется вставать в шесть часов.

10 марта

Я долго не могла заснуть, Мне не давала покоя совесть из-за того, что я не осталась помочь только что прибывшему соотечественнику, не знающему ни слова по-русски. Но и я не знаю русский язык настолько, чтобы объяснить, в чем его проблема. Для поисков в словаре нет времени. Да Илизарову и не надо ничено говорить, он только взглянет на человека, на его кости, и ему уже все понятно.

Утром, когда я приехала в больницу, Янош уже был там с чемоданом. Он рассказал, что в полночь попал к Илизарову, который посмотрел его документы, ногу и согласился сделать операцию, так что он остается здесь. Ему пока не хватает разрешения советского министерства здравоохранения, придется позвонить в посольство в Москву, чтобы они достали такое разрешение. Он попросил меня помочь. Здесь у него нет квартиры, а гостиница “Москва” и поездки на такси стоят очень дорого. Я попросила для него адрес какого-нибудь жилья у вахтерши. Проходившая мимо пожилая женщина увидела молодого человека с чемоданом и позвала его в швейную мастерскую, где она работала. Чемодан остался у женщины, а мы могли отправляться по делам. Янош в поликлинику, а я домой. В полдень он отыскал меня и сказал, что очень голоден, у него в чемодане есть еда, но он не может найти женщину из швейной мастерской. Я принесла ему хлеба из кухни, и он как раз готовился пойти по адресу, полученному от вахтерши, когда появилась женщина из швейной мастерской. Янош пошел к ней.

Я поднялась к Марике. С ней сидела и играла женщина, к которой я уже несколько дней присматривалась в коридоре, но не решалась обратиться. Она сегодня на дежурстве.

– Как она похожа на мою мать, – мелькнуло у меня в голове в первый день, когда я ее увидела. Такая же полноватая фигура, седеющие волосы, собранные в пучок, голубые глаза, широкое красное лицо, похожи даже улыбка и появляющийся при ней ряд зубов. В воскресенье я видела, как добросовестно она работает, Моя пол под кроватями, дотягивается тряпкой до самых стен, и немедленно идет, если ее зовут дети.

– Девочка очень плакала, искала маму, – этими словами она встретила меня и широко улыбнулась. Видимо, она заметила, что я пристально смотрела на нее.

– Как моя мама, – я погладила ее лицо и волосы, на глазах у меня выступили слезы. – Только она уже умерла. – Галя с участием повернулась ко мне, улыбаясь неловкой, робкой улыбкой. Марика натянула мне на пальцы куклы, и мы продолжали играть втроем. Галя произносила русские названия животных, Марика с удивлением слушала странные слова, в то время как мы, смеясь, щекотали друг друга надетыми на пальцы куклами.

– Я покажу вам свою дочь, – Галя позвала меня в другую палату, к девочкам-подросткам. Там посередине, на приподнятой кровати, лежала Ира с аппаратами

на обоих бедрах и голених. Ее лицо было искажено болью. Ей двенадцать лет, рост – 124 сантиметра.

– На ней четыре аппарата, нужно испытать, как больной перенесет это. Ей сделали десять разрезов, два из них на бедре, два на большой, один на малой берцовой кости. Операцию сделали 19 февраля. Девочка сильно страдает. Поэтому я здесь каждый день, – сказала Галя, отыскав в словаре слово “страдает”.

Все это очень непросто, чтобы достичь результата, нужно много страдать. Я начала понимать, что нас ждет в будущем. Постепенно прояснились и местные отношения. Возможность оставаться с Мариной всегда зависит от дежурного врача и медсестры. Одни отсылают меня домой, другие намеренно “не замечают” моего присутствия. Родителям нельзя находиться в отделении, но на самом деле многие приходят сюда по вечерам, и это допускается, потому что в это время мамы купают своих детей. Марика уже очень скучает.

– Я не хочу больше спать в больнице! Возьми меня с собой туда, где мы живем!

– Нельзя, зайчик, мне не разрешат.

– Принеси мне пальто и шапку, возьми меня с собой! Я хочу идти с тобой по улице, поворачивать туда и сюда! – показала Марика ручкой.

– Нельзя, красавица ты моя, в пятницу будет операция. На твоей ножке тоже будет аппарат, не плачь!

– Я не хотела родиться с такой ногой!

Что можно было на это сказать? Упрек задел за живое, ты обидела маму. Чем же я виновата, что ты родилась такой? Бедный ребенок, как ты вытерпишь боль после операции? Сказка отвлекла ее внимание, а поцелуи успокоили.

– Утром приходи поскорее, как только мы проснемся, уже будь здесь и возвращайся домой только вечером!

– Хорошо, не плачь, успокойся, я приду вовремя.

Дома прочитываю несколько страниц из “Воскресения”. Я читаю книгу совсем другими глазами, чем в двадцатилетнем возрасте. Катюша невиновна в убийстве и все же попадает в тюрьму, а потом ее приговаривают к четырем годам каторги в Сибири. А чем же виновата я, что у меня родился ребенок с такой рукой и ногой? С каждым днем во мне растет чувство вины. Мне и сейчас не дают покоя слова упрёка: “Я не хотела родиться с такой ногой!”.

Так что же сказал доктор Эндре Цейзель¹⁵, когда в первый раз осмотрел Марику?

Синдром FFU. Эта болезнь была впервые описана в 60-х годах немецким профессором Ленцем. Плохая имплантация, перебои кровоснабжения. Проблема, не связанная с хромосомами, по наследству не передается. Но в чем же ее причина? Ясности не прибавилось. Были проведены необходимые исследования, позволив-

¹⁵ Эндре Цейзель (1935–2015) – венгерский врач-генетик, доктор медицинских наук.

шие исключить и краснуху, и герпес, и цитомегалию. Врачи осмотрели ребенка и сказали, что причиной могли быть лекарство или химикаты.

Открываю взятую с собой биографию Альберта Швейцера¹⁶, книгу Бориса Носика: 28 апреля 1957 года, через год после опубликования “Декларации совести”, по норвежскому радио было прочитано первое воззвание Швейцера по поводу угрозы радиоактивности, нависшей над жизнью нынешнего и главным образом грядущих поколений людей и животных. Напомнив, что год назад он уже привлекал внимание к опасности радиоактивного отравления воздуха и земли в результате испытаний, Швейцер отметил, что с тех пор непрестанно раздавались пропагандистские выступления, отрицающие как опасность испытаний, так и необходимость их немедленного прекращения”.

“Поколение за поколением, – пророчески говорил Швейцер, – будут на протяжении веков свидетелями рождения все большего количества людей с физическими недостатками”.

Возвращаясь однажды домой из школы, я, будучи любознательным подростком, ужаснулась, увидев плакат, выставленный в окне здания районного Совета. Там были фотографии Хиросимы, людей, детей, обезображенных после взрыва атомной бомбы. И вот теперь похожее зрелище представляют собой эти лежащие в больнице дети. Прошло всего четверть столетия. То, о чем говорили ученые, оказалось гласом вопиющего в пустыне.

Быть может, виновато радиоактивное заражение воздуха? Или какая-то другая беда? Ведь я не болела. Может быть, вирус? Или таблетки? Зачем я их принимала? Стоило? Чтобы потом заплатить такую цену? Здоровье Марики за чудесную любовь? Мне слишком больно. Не надо думать об этом. Но я не могу не думать об этом. Неужели, пока я жива, эта горькая чаша никогда не опустеет? Как сильно связывает меня чувство вины! Сердце принуждает меня продолжать мучительные поиски истины.

“В 1975 г. в нашей стране участились случаи пороков развития конечностей. Изучение причин этого явления показало, что значительное число женщин не соблюдают правил приема противозачаточных таблеток. Если женщина, принимающая таблетки, хочет ребенка, то ей следует подождать с зачатием три месяца после прекращения приема таблеток... Пока не восстановится гормональный баланс, нарушения выделения гормонов оказывают неблагоприятное влияние на слизистую оболочку матки. А это может причинить вред оплодотворяемой яйцеклетке. Из-за плохой имплантации происходит перебой в кровоснабжении. Его последствия могут проявиться прежде всего в наиболее выступающих почках конечностей, нередко причиняя отклонения в развитии... Однако я могу с радостью сообщить, что явление врожденной аномалии конечностей, наблюдавшееся в нашей стране в

¹⁶ Альберт Швейцер (1875–1965) – немецкий теолог, врач, лауреат Нобелевской премии мира

1975–1978 гг., прекратилось уже в 1979–1981 гг.”. Сейчас, когда я читаю это, уже идет 1984-й год. Локализованное слева, небольшое повреждение плаценты указывает на неудачную имплантацию, на перебой кровоснабжения. Только я виновата в этом? Только на мне лежит вся ответственность? Я ждала пять месяцев, и все же случилась беда. Или во всем повинно радиоактивное загрязнение воздуха?

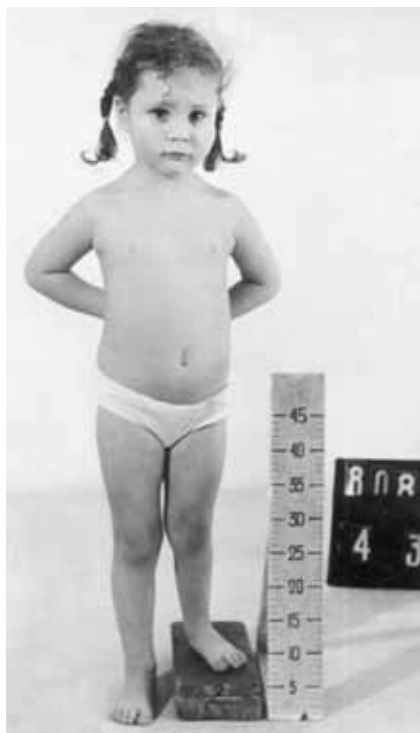
“Я не хотела родиться с такой ногой!”, – меня никогда не оставит в покое этот упрек. И может быть, я никогда не узнаю, почему моя дочь родилась такой.

11 марта

Сегодня красивое утро, деревья покрыты инеем. Куда ни посмотри – вокруг серебряное волшебство. Деревья вдоль дороги и в саду больницы похожи на невест. В лесной дали – сказочная свадебная процессия, белые березы в сопровождении темно-зеленых елей. Холодно. Пар от моего дыхания оседает инеем на шарф и выбивающиеся из-под шапки волосы.

Галя и Наташа спросили, есть ли у меня лимоны, потому что они понадобятся завтра, после операции. К сожалению, лимоны кончились. Я не думала, что их нельзя купить здесь в любой день. Женщины пообещали дать мне лимоны, если я не смогу купить их сама.

Я поспешила в магазин. После двухнедельного перерыва снова продавался сахар, за ним стояла большая очередь. Я видела, что есть замороженные курицы, но только по талонам. Продавалось и подсолнечное масло, я попросила, но мне не дали. Хотя на масло не нужно было талона. Я понуро пошла дальше. В овощном магазине мне повезло, там тоже продавалось масло, и я купила целый литр. У него был густой, сильный запах, оно было не таким рафинированным, как у нас, но другого нет. Когда я приеду сюда в следующий раз, привезу из дома и масло. Мне удалось купить зеленый лук и слабенький мелкий срывной салат. Лимонов не было.

Мари́ка перед первой операцией
в марте 1982 г.

Из остатков курицы я сварила пёркельт с рисом и сделала салат со сметаной. Мари́ка покушала с аппетитом. После обеда врач Раиса Ивановна попросила меня уйти. Я сняла со своей сберкнижки сто рублей и заказала на вечер телефонный разговор с Будапештом.

Когда я вернулась с ужином, Янош уже ждал меня. Он купил в ЦУМ-е шапку и перчатки. В ожидании госпитализации он хорошо устроился поблизости, у женщины из швейной мастерской. Тетя Катя дала мне куски подержанной простыни, чтобы я сшила из них чехол для аппарата дочки. Она на машинке подшила материал в нескольких местах, позже я пришью пуговицы и сделаю для них петли.

После обеда нам с Мари́кой нужно было идти на разбор к Илизарову, где обсуждались вопросы, связанные с назначенными на следующий день операциями. Там собрались врачи из детского отделения, Валентина Ивановна, Раиса Ивановна, Владимир Никандрович и наш молодой врач. Сергей Васильевич показал профессору новые рентгеновские снимки Мари́ки, достал историю болезни и три металлических кольца, которые примерил на ногу ребенка. Илизаров взял в руку ножку моей дочери и посмотрел, как она сгибается в лодыжке и в колене. Под правую ногу врач положил маленькие дощечки толщиной в 5 и 2 сантиметра, потом осмотрел бедро ребенка.

- Теперь хорошо, – кивнул Сергей Васильевич.
- Операция будет завтра, – поднял на меня глаза Гавриил Абрамович.
- Во сколько?
- В одиннадцать.

Я отнесла Мари́ку в отделение, искупала и помыла ей голову. Она не плакала, почувствовав, что завтра с ней произойдет что-то очень важное.

Вечером удалось позвонить из общежития в Будапешт. В общежитии есть один воспитатель, Раиса Симоновна, которая помогла установить связь. Она учительница биологии и географии, а на эту работу пошла потому, что так она с мужем получила квартиру, правильнее сказать, комнату. Ее муж – офицер, у них есть сын, Ромка. Они живут на третьем этаже в 25-й комнате, мы подружились на кухне.

Голос из Будапешта был хорошо слышен. Дедушка попросил меня сходить в милицию за разрешением. Я ответила, что уже была, разрешение нужно просить в посольстве в Будапеште, его дадут на основании справки из больницы о нашем пребывании здесь, которую я уже отправила в Будапешт. Завтра Мари́ку прооперируют, коротко сообщила я в конце разговора.

12 марта

Ночью я спала мало и беспокойно, думала о Мари́ке, о том, что с ней, не упала ли она снова с кровати. Вчера маленькая Марта сказала, что ночью Мари́ка скатилась с кровати и спала на полу. Марта помогла ей взобраться на кровать и накрыла одеялом. Господи, как много теплоты и любви в этой итальянской девочке!

Когда наступило семь часов, я послушала новости и немедленно поехала в больницу. По радио сказали, что утром будет минус 25 градусов. Ночью дежурной медсестрой была Нина Владимировна. Мне нравится эта деловитая женщина с доброй улыбкой, громкой речью и быстрыми движениями. Ее дочь, Света Цапок, лежит в нашем отделении, они уже много раз были в этой больнице. Когда я пришла, медсестра Нина как раз мыла в ванне Марику после клизмы. Потом она помазала ей иодом бедро и голень, обмотала ногу бинтом и передала девочку мне, чтобы я отнесла ее в палату: ей нужно лежать и нельзя ни есть, ни пить. Она снова попросила почитать ей сказку Морица о шаловливых козочках. Во время чтения Марика все время прерывала меня бесчисленными “почему”, так что я не успевала отвечать. Она просила объяснить все незнакомые выражения совсем как маленький филолог. Эту сказку она любила так же, как и “Няню ланей” Анны Фазекаш и “Сказку о курносом медвежонке Вацкоре” Иштвана Кормоша.

Летом ее радость настолько увлекла меня, что я сделала для нее из фетра настенную декорацию с изображением персонажей двух сказок. Мы вместе рисовали фигуры на бумаге, Марика говорила, что рисовать, затем я вырезала их из фетровой ткани по шаблонам и нашивала на основу. После обеда я всегда расстилала эту декорацию на кровати, и Марика засыпала на ней, лаская и поглаживая медвежонка и лань. Обе сказки она знала наизусть. Маленькая Марта уважительно покачивала головой.

В девять часов пришла Люба, которую дети звали красивой сестричкой, надела на Марику белую больничную рубашонку и сделала девочке укол. Мы положили ее на каталку и двинулись по направлению к операционной. Все остальные дети собрались вокруг нас.

– Не бойся, Марика! – кричали они. – Ни пуха ни пера! Толпясь, они бежали по коридору как деревенские ребятишки за телегой. У дверей операционной уже нельзя было удержаться от слез.

– Мама, иди сюда! Береги меня!

Я едва успела поцеловать дочку, и дверь закрылась. Я стояла, слушала, как она плачет и зовет меня, и у меня на глазах тоже появились слезы. Из операционной выглянул анестезиолог и попросил меня не плакать под дверью, уйти домой и вернуться около часа дня.

– Только бы ее вынесли оттуда живой! – повторяла я про себя по дороге домой.

Полчаса я простояла в очереди за картошкой и еще полчаса за лимонами. Когда подошла моя очередь, продавец ушел на склад. Я ждала, не отступала, за мной множилась очередь, женщины ворчали. После долгого ожидания появился продавец и отвесил кило мерзлых лимонов за три с половиной рубля. Дороже, чем в Будапеште. А качество – ужас! Но главное, что лимоны наконец-то есть, они сейчас очень нужны. Я купила у буфетчицы молока, курицу, хлеба и яблок. Дома меня застал звонок Вилена, интересовавшегося, как у нас дела.

– Марика сейчас в операционной, ее оперирует Илизаров, – ответила я.

Сегодня мне не нужно готовить. Спешу назад, в больницу. В половине второго Марику выкатили из операционной. Каталку толкали Алла Фазиловна и Любовь Геннадиевна, которые затем осторожно положили девочку на кровать.

Моя красавица спала в забытии, от нее исходил запах наркоза. У нее было бледное, утомленное личико, бескровные губы. Позже пришла пожилая женщина, своего рода работница на все руки, все умеющая медсестра, с любовью положила девочку прудобнее и вынула у нее из-под головы подушку, сказав при этом, что ребенку нельзя давать ни есть, ни пить, а если она будет просить пить, то можно помазать ей уголки рта лимоном. Моя бедняжка постоянно хотела пить и любой ценой снять с ноги тяжелый аппарат. Она дрожала всем телом. Помню, я точно так же дрожала, когда она родилась. И вот теперь ей приходится страдать ради своего здоровья. Ради жизни.

Как хорошо тем, кто появляется на свет здоровым!

И тем, у кого родились здоровые дети.

Я дала Марике полдольки лимона, чтобы она полизала ее, но лимон оказался ей слишком кислым. К нам подошла Таня, большая девочка-блондинка, лежавшая на крайней кровати, обмотала чайную ложку марлей, опустила в стакан с чаем и помазала Марике потрескавшиеся губы.

– Это можно, но только так. Пить нельзя, потому что ее стошнит.

– Тяжело, у меня болит нога, снимите это с меня, жмет! – со стонами повторяла Марика.

– Будь храброй, доченька, терпи! Видишь, здесь у всех детей аппараты на ногах, и никто не плачет.

– Мама, у меня не получается быть храброй.

Я гладила, целовала ее лицо, руки, голову, вдыхала резкий запах наркоза, из глаз у меня капали слезы.

– Я знаю, тебе сейчас очень плохо, дорогая моя!

Главная медсестра Надежда Николаевна сделала Марике обезболивающий укол, от которого девочка успокоилась и заснула. Во сне она несколько раз пыталась перевернуться на живот, но на этот раз не смогла. Около четырех часов дня пришли Сергей Васильевич и Владимир Никандрович. Они приподняли одеяло, посмотрели маленькую ножку с аппаратом и ушли.

Аппарат общим весом около двух килограмм состоял из трех колец: одно под коленом, другое над лодыжкой, а третье примерно посередине голени. Вся голень намазана иодом и обмотана бинтом.

Позже зашла врач Раиса Ивановна, тоже посмотрела ногу и неодобрительно покачала головой, ей не понравилось, что я сижу в палате, и она немедленно попросила меня уйти. На первом этаже я дождалась, пока уйдут врачи, и видела Илизарова, вышедшего из больницы с большим букетом красных гвоздик. Он получает цветы почти каждый день, даже зимой. Их приносят благодарные больные. Завтра он уезжает и, как я слышала, вернется только в апреле. Говорили, что он оперирует

и за границей, в Чехословакии и Болгарии. Ему уже за шестьдесят, но он неутомим. До каких пор он сможет выполнять эту изнурительную работу?

Однажды, в 1977 г., Илизаров приезжал и в Венгрию, но у нас он не получил признания у врачей-ортопедов. В него и в чудеса, которые он творит, верят только больные. Боль – плата за чудо.

Когда ушла и строгая женщина-врач, я поспешила наверх к Марике. Медсестра Алла как раз собиралась отнести ее на рентген. Она разрешила мне нести на руках завернутого в одеяло ребенка. Пока мы ждали перед дверью, я с радостью услышала, как Владимир Никандрович сказал мальчику лет двенадцати:

– Не плачь, Зурико! Посмотри на эту маленькую девочку, ее сегодня прооперировали, но она не плачет!

Пареньку стало немного стыдно и он прекратил всхлипывать. А я очень гордилась своей дочкой, которой все же удалось набраться храбрости, и осторожно положила ее под рентгеновский аппарат.

Вечером к свежее оперированной пациентке пришло много посетителей, она получила в подарок игрушки, лимоны, яблоки. И сочувственные, ободряющие улыбки. В половине десятого я вернулась домой и сварила куриный суп, чтобы провести весь следующий день с Марикой.

13–14 марта

Эти два дня в конце недели я с утра до вечера провела в больнице и только на время обходов спускалась в гардероб.

В субботу в первой половине дня ногу Марики пользовала симпатичная перевязочная медсестра Ольга Петровна. Я слышала ужасный рев, который устроила моя бедняжка. Потом она вяло лежала на кровати и успокаивала себя посасывая левый большой палец. В полдень она не хотела есть, только попила чаю, мне с большим трудом удалось скормить ей целый апельсин. Позже она попросила есть, я разогрела ей мясной суп, разорвала на кусочки вареную куриную грудку, которую Марика съела с салатом и морковью.

В два часа она получила обезболивающее. Ее пришли навестить и утешить дети, она поиграла с ними без всякого настроения. Одна девочка отдала ей надувного поросенка, Марика обняла его и заснула. Я оберегала ее покой сидя на кровати. Когда она проснулась, ей снова захотелось есть, но она съела только стакан супа.

У нее болела нога, я поглаживала ей подошву, ступню. В этом состоянии бедняжка выглядела очень жалкой. В восемь вечера ей снова сделали укол. Я подождала, пока она уснет, и уехала домой.

В гардеробе со мной поздоровался по-венгерски незнакомый мужчина: Szerbusz, Marija. Он знал, как меня зовут, и что я венгерка. По его рассказу двадцать лет на-

зад он служил в армии в городе Тата, но теперь умеет только здороваться по-венгерски. Его дочь лежала на третьем этаже.

Ночью было очень холодно, мне пришлось накрыться еще одним пледом. Я думала о Марике и надеялась, что она не сбросит с себя одеяло.

В воскресенье утром я прочитала ей письмо бабушки. Она поцеловала его и спрятала под подушку. Мне с большим трудом удалось убедить ее выпить на завтрак стакан какао. Потом ей сделали укол, от которого она успокоилась. Настроение у нее как будто стало лучше, она попросила матерчатые куклы, надела их на пальцы и разыграла для меня сказку о козочках. В палате были только мы вдвоем, дети смотрели по телевизору утреннюю передачу. Я сделала пуговичную петлю на ее трусиках. Сбоку я сделала разрез, пришила кайму, прорезала в ней петлю и пришила пуговицу. Пока у девочки на ноге аппарат, я могу надеть на нее только такие трусики. Чехол для аппарата был уже готов, мне хотелось уберечь повязку на ноге от загрязнения и не допустить, чтобы аппарат порвал постельное белье. В полдень Марика скушала суп, половину куриной ноги и яблоко. Сердце у меня наполнилось радостью. Пока она спала, я писала письмо на столе, стоявшем в коридоре. В письме я рассказала о болезнях лежавших в больнице детей, о погоде, о здешних матерях и иногда смотрела в окно на солнечный свет и на лес, видневшийся за покрытыми снегом полями.

Тем временем дежурная медсестра Александра Антоновна отправила сидевших перед телевизором детей по палатам. Вскоре в коридоре появился Гавриил Абрамович, переходивший из палаты в палату. Он шуточно щелкал по голове мальчиков и гладил по волосам девочек. Потом осмотрел Марику, спросил, сделали ли ей перевязку и не плачет ли она, погладил ее, улыбнулся и сказал: хорошая девочка.

Вечером моя дочка ела картофельное пюре и мясо, но потом ее вырвало. От этого она начала плакать. Я обняла ее и прижала к себе, стараясь успокоить. Вскоре она снова получила болеутоляющий укол и сумела заснуть.

Я долго ждала автобус, его все не было, и я опять пошла пешком. Было очень досадно, когда 20-й автобус проехал прямо передо мной. В общежитии – стирка, мытье посуды. Было уже около полуночи, когда позвонила моя свекровь, интересовавшаяся состоянием внучки.

Я долго не могла уснуть, думала об Илизарове, перебирала в уме собранную о нем информацию. Четырехэтажная больница работает с 1972 года. Путь к славе был длинным и тяжелым. Благодаря достигнутым успехам скоро будет открыта новая больница. Скупую информацию об этапах долгого пути Гавриила Абрамовича Илизарова предоставляет интересующимся тройной стенд с фотографиями, висящий в коридоре первого этажа. Помню, что он говорил нам летом 1979 г. на лекции с показом фильма, которую переводил мне муж. С тех пор я очень много слышала и читала о нем, собрала посвященные ему статьи в венгерских журналах, в четвертом номере “Совьетуни” за 1975 г., апрельском “Спутнике” за 1980 г., в “Орсаг-Вилаг” от 20 декабря 1978 г. и декабрьском “ИПМ” за 1981 г., а также посмотрела

телепрограмму “Дельта”, в которой рассказывалось о его методе лечения и об аппарате. На основании этих сведений я составила для себя его образ. Я знала, что этот образ не может быть полным, и в течение нескольких месяцев, лет дополняла его впечатлениями, полученными здесь, в Кургане.

Гавриил Абрамович Илизаров родился 15 июня 1921 г. в многодетной семье, проживавшей в г. Беловеж. Позже семья переехала в местность между Восточным Кавказом и Каспийским морем. В детстве он пас овец на склонах Кавказских гор. Однажды он съел груши, опрысканные медным купоросом, и тяжело заболел. Вызванный врач спас ему жизнь промыванием желудка, и тогда мальчик решил, что тоже станет врачом. Он учился в Крымском мединституте. В конце второй мировой войны его направили работать врачом за Урал, в район Кургана. Обследуя переломы у многочисленных инвалидов войны, он наблюдал, как регенерируется кость, и понял, что на процесс выздоровления можно влиять различными способами. Но не только можно, но и нужно. Молодой врач пришел к выводу, что со времен Гиппократа в ортопедии не было достигнуто ничего нового. В то время сломанные конечности закрепляли, укладывая в шины из пальмовых листьев или деревянных досок, а теперь для этого накладывается гипс. Были врачи, которые вскрывали мышечную ткань и использовали для фиксации костей пластмассу или металл. Организм часто не принимал эти материалы, и они причиняли воспаление костного мозга и надкостницы. Илизаров заметил, что кость может регенерироваться точно так же, как и другие ткани организма, мышцы и кожа. Он понял, что промежутки между сломанными костями заполняются новой костной тканью, и при необходимости на этот процесс можно влиять. Кроме этого он осознал недостатки не только отторгаемых организмом материалов, но и гипса. От движения кость в гипсе может смещаться, от вынужденной неподвижности может начаться остеопороз, мышцы атрофируются, кровообращение замедляется, процесс выздоровления затягивается. Илизаров долго ломал голову над решением этой проблемы, так возник его аппарат, кажущийся простым, но требующий точной до миллиметра, тонкой инженерной работы при его создании и обширных врачебных знаний при использовании. Это произошло в 1945-50 гг. Об этом Илизаров рассказывал своему пациенту, олимпийскому чемпиону по прыжкам в высоту, Валерию Брумелю:

“На первую мысль в этом направлении меня натолкнула моя корова. Она собралась отелиться. Однажды, глядя на ее раздутый живот, я подумал: „А почему, собственно, кость не может расти так же, как и ткани? Она твердая, да. Но ведь известно, что это просто другое состояние все той же живой материи”. [...] Ведущие авторитеты утверждали, что человеческая кость к росту не способна. [...] И вдруг у одного японца, а затем у американца я набрел на более смелую мысль. Они высказали догадку, что при определенных благоприятных условиях человеческая кость все же может расти”. Важнее всего было обеспечить кости полную неподвижность, которой не создает гипс. “Само собой напрашивался вывод: необходимо создать такое устройство, в котором отломки костей стояли бы относительно друг друга

намертво и никаким сотрясениям не подвергались. Как подобное устройство должно выглядеть, на каком принципе основано, этого я еще не представлял. Однако половина пути была пройдена – я сумел поставить конкретную задачу, которую всегда нелегко сформулировать. После этого мне пришла идея создать вместо гипса своеобразный аппарат, который бы прочно удерживал костные отломки даже при ходьбе. [...] На зарождение и оформление идеи аппарата, на поиски его конструкции у меня ушло четыре года”.

Невероятно, но эта идея пришла ему при виде сбруи лошади, запряженной в телегу.

“Чтобы костные отломки держались относительно друг друга неподвижно, спицы надо было пропускать сквозь них не параллельно, а крест-накрест. И крепить их следовало не дугами, а кольцами. Только тогда аппарат превращался в единую монолитную конструкцию...”.

Так родилось открытие, революционизировавшее ортопедию! Как просто! Но сколько человеческих страданий прошло перед его глазами, сколько бессонных ночей пришлось ему провести в раздумьях, прежде чем он добился результата! Сначала он экспериментировал на собаках. В 1951 г. удалось опробовать прототип аппарата на человеке. Поначалу он применял его только при переломах, позже корректировал с его помощью случаи неправильного сращивания костей, а затем последовали эксперименты. Ныне аппарат Илизарова используется для лечения многих болезней костей. Многие долго не верили в эффективность метода Илизарова. Будучи изобретателем, он жил бедно, говорили, что в пятидесятые годы он питался только хлебом и картошкой, потому что тратил небольшую зарплату врача на “железки”. Только курганский комитет партии поддержал своего странного городского врача. Сначала ему доверили одну палату, потом целое отделение. “Как ни не терпелось мне испробовать аппарат на самом тяжелом больном, начал я все же с простых случаев. Мое положение было крайне шатко – я не мог позволить себе ни одной неудачи!”

Я по-прежнему цитирую рассказ Илизарова из книги Валерия Брумеля: “Постепенно я стал браться за все более сложные случаи. Мне удалось разработать уже около пятидесяти методик применения своего аппарата. Я стал заменять сложные многоэтапные хирургические операции более щадящими одноэтапными. Научившись управлять посредством аппарата „костеобразованием”, я убедился в возможности излечивать таких больных, которых прежде травматологи считали безнадежными: укороченные на 10-20 сантиметров конечности, врожденные вывихи, туберкулез кости, сильная кривизна ног. Не все (особенно поначалу) выходило у меня гладко, но, ежедневно накапливая опыт, я понемногу смелел. Дольше всего я ломал голову над проблемой удаления ложных суставов. Как они образуются? Да очень просто! Человек сломал кость, и отломки в результате нагрузки, постоянно притираясь друг к другу, образуют своеобразную капсулу, то есть новый промежуточный сустав. С подобным суставом человек способен выполнять легкую работу,

передвигаться, но в любую секунду от неосторожного движения его ожидает вторичная катастрофа. Ложные суставы пробовали удалить многие травматологи – безуспешно. Сделать это не позволял все тот же гипс. Я начал рассуждать так. Раз мой аппарат способен удерживать костные отломки в неподвижном состоянии, то ненужный сустав, видимо, можно просто раздавить при помощи сильного сжатия и, зафиксировав это положение, ждать, когда кость срастется в одно целое.

У меня была тяжелая пациентка – двадцатилетняя девушка Светлана Н. В результате автомобильной катастрофы и последующего трехлетнего лечения в нескольких клиниках левая голень у нее укоротилась на 16 сантиметров, и появился ложный сустав. [...] Я прооперировал ее, через три месяца загноение кости прекратилась, а нога удлинилась на шесть сантиметров. Однако ложный сустав, как я его ни сдавливал аппаратом, по-прежнему оставался. И вдруг меня осенило: не сжимать надо костные отломки в ложном суставе, а растягивать! Я произвел вторую операцию – через полгода Светлана ушла от меня на двух здоровых ногах”.

Так Илизаров находил методы лечения различных болезней, самых трудных случаев. Неверие людей стало сменяться восхищением и признанием, когда он вылечил Валерия Брумеля, всемирно известного спортсмена, попавшего в аварию. Илизаров полностью исцелил его тяжело поврежденную ногу. Брумель снова мог прыгать. Его первый после лечения прыжок посмотрел и Илизаров, имеется фотография, запечатлевшая это крупное событие.

“На операционном столе, – писал Брумель, – я понял, [...] что только человек может выдержать невероятные физические мучения, которые не способны перенести на одно живое существо на свете. Особенно, если у человека есть хоть малейшая надежда на благополучный исход...”.

Надежда была. Ее давал Гавриил Абрамович, говоривший: “Когда я вижу таких упорных, целецстремленных людей, во мне возрастает психоэнергетический потенциал. Значит, я, говорю я себе, могу сделать еще больше! Казалось бы, наступил предел человеческих возможностей, а он его преодолел. Значит, и передо мной не должно существовать непреодолимых трудностей. И так все люди. [...]”

Люди чаще нуждаются не в ногах и руках, а в духовной поддержке. Им нужно постоянно напоминать, что единственный выход из того или иного затруднения или несчастья – бороться с ними. Другого пути нам не дано”.

Я чувствую, что эти слова адресованы и мне. Они дают мне стимул для решения стоящей передо мной трудной задачи, стимул для жизни.

Ныне в больнице имеется восемь отделений. Множество молодых врачей, ученых работает над применением новых методов в как можно большем количестве областей медицины. Лечебный метод профессора Илизарова был опробован уже на 25 тысячах пациентов. За свою деятельность он неоднократно был награжден. На одном из стендов в коридоре на первом этаже больницы можно прочесть: “Г. А. Илизаров, дважды лауреат ордена Ленина, обладатель Ордена Трудового Красного Знамени и Ордена Улыбки, заслуженный врач РСФСР, заслуженный изобретатель

РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, в 1978 г. по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР получил Ленинскую премию за цикл работ по разработке нового метода лечения больных с повреждениями и заболеваниями опорно-двигательного аппарата, внедрение этого метода в широкую практику здравоохранения и создание нового научно-практического направления в травматологии и ортопедии. Методы Илизарова делают возможным бескровное лечение всех закрытых и открытых переломов длинных трубчатых костей, замещение обширных дефектов мягких тканей и костей без пересадки тканей, устранение значительных укорочений (до 50 см) и различных деформаций костей и суставов, утолщение костей и эффективное лечение других тяжелых ортопедических травм”.

Я задумалась над тем, что Илизарову, как и нашему доктору Земмельвейсу¹⁷, приходилось и приходится вести борьбу с узколобостью, сопротивлением и придирками отечественного и зарубежного общественного мнения, чтобы доказать свою правоту и добиться признания для своего открытия.

15 марта

В Венгрии в этот день отмечается национальный праздник¹⁸, а здесь это обычный будний день.

Марика сидела на застланной кровати. Здесь больные не лежат, не могут лежать целыми днями, как в других больницах. Кровати застилаются. На третий день после операции пациент должен обязательно встать и ходить. Я надела на Марику обычную дневную одежду.

В половине девятого, во время утреннего обхода, медсестры и дежурившая ночью уборщица обошли все палаты и проверили, все ли в порядке. Тем временем дети завтракали с родителями в столовой. В девять врачи и медсестры проводят совещание. После этого врачи идут на собрание в большой зал первого этажа, а сестры приступают к работе в палатах. Медсестра Галина Викторовна положила на каталку вложенные в целлофановый пакет рентгеновские снимки и, переходя из палаты в палату, клала на кровать каждому ребенку его снимок.

– Будет общий обход, – зашептали мамы.

В десять часов врачи отделения во главе с главврачом Валентиной Ивановной Грачевой обошли палаты, посмотрели рентгеновские снимки и поинтересовались состоянием маленьких пациентов.

По окончании обхода ко мне подошел Сергей Васильевич.

¹⁷ Игнац Земмельвейс (1818–1865) – знаменитый венгерский врач-акушер, один из основоположников асептики, позволившей эффективно бороться с родильной горячкой. При жизни не пользовался признанием среди врачей, умер в психиатрической лечебнице.

¹⁸ 15 марта – день венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг.

– Марике нужен не костыль, а две палочки. Купите их в аптеке уже сегодня. Если не достанете детских, купите большие, я потом их укорочу. Вы поняли, Мария? – Я повторила сказанное. В аптеке около “Сибири” палок не было, но мне объяснили, где они продаются. Нарисовали маршрут и пометили, где нужно будет сойти с 12-го автобуса на улице Коли Мяготина. Я поблагодарила за любезную помощь. Мне была очень приятна такая отзывчивость. Утром водитель автобуса увидел в зеркало, как я бегу на остановку и подождал меня. Такое тоже бывает.

Приехав домой, я замочила и постирала привезенное из больницы запачканное постельное белье и детскую одежду. Пришлось сгорбившись стоять над стоявшим на стуле тазом, и я довольно сильно устала. Так я стирала в детстве, когда у нас еще не было стиральной машины. В холодную кухню я спускаюсь только полоскать стиранные вещи. С готовкой я справилась быстро, упаковала еду и основательно закуталась. Мой отец посмеялся бы, если бы увидел, что я даже обматываю ноги портянками. Мое лицо опять приобрело привычный цвет, только немного облупилось. Но я всегда закрывала его шарфом, из-под которого виднелись только очки. Вид у меня интересный, ничего не скажешь. На голове ушанка, на теле шуба. Я проехала через деревню на 12-ом автобусе. Дорога мне уже знакома, я знаю, где нужно сойти около больницы. Автобус подходит к ней сбоку. Не могу насмотреться на деревянные дома на улице Кузнецова. Янош уже ждал меня. Он попросил меня помочь ему отправить телеграмму. Мы разговаривали с ним на почте после того, как я покормила Марику. Было приятно пообщаться на родном языке. Разговаривая, я вязала. У Марики к наступающему дню рождения будет красная кофточка.

16 марта

Утром я быстро умыла, одела и покормила Марику. Одна она не может выйти в туалет, молчит как рыба, и кал попадает на пижаму и простыню. Я собрала вещи для стирки. Кладовщица тетя Вера дала мне смену постельного белья и сказала, чтобы белье оставалось у меня, я должна стирать и менять его, потому что она не может каждый день выдавать чистое.

Из-за приезда бабушки с бабушкой мне снова пришлось идти в милицию. Сюда непросто приехать. Я долго ждала 27-го автобуса, но он так и не пришел. Подъехал другой, но не пошел дальше. Я села на 15-й, который отвез меня на главную площадь. Как я попаду отсюда домой? В каком направлении надо ехать и на чем? Как нестати я ухитрилась заблудиться! Теперь – назад, к зданию милиции, только от него я найду дорогу домой. Еще полчаса топтания на морозе. Быстро готовлю: картофельный суп с сосисками, зеленая фасоль с вареным яйцом, бисквит с шоколадным кремом, а затем бегу с обедом в больницу. Марика мало ела, жаловалась на боль в ноге, я долго гладила ее. Девочка устала, потому что должна была ходить по комнате с физиотерапевтом Татьяной Георгиевной, затем ей нужно было пройти до

конца длинного коридора и, наконец, ее уложили в физкультурном зале с вытянутыми ногами. После обеда Марика заснула, а меня врач Раиса Ивановна отослала домой.

Я видела, что дети постарше рисовали с двумя воспитателями в коридоре. Их снимали работники курганского телевидения. Я сидела в коридоре первого этажа, писала письмо Петеру, вязала и смотрела на падавший крупными хлопьями снег.

Вечером моя красавица часто стонала от боли. Но я ничем не могла ей помочь, только утешала ее и поглаживала ей ногу. Как рано ей пришлось отвесть страданий! Ведь ей еще нет и четырех лет. У нее такое бледное лицо и запавшие глаза! Я напрасно пыталась развеселить ее сказкой и кукольным представлением, она только сжимала в руках обезьянку мончичи и посасывала пальчик, а потом заснула.

Кристаллы недавно выпавшего снега алмазами блестели в вечернем свете. Ко мне присоединилась незнакомая монголка, которая сказала, что боится одна идти по улице, поэтому и поспешила за мной. Она знала, что я венгерка, и профессор в пятницу прооперировал мою дочку.

– Марику знают все, она самый младший ребенок в больнице. Еще совсем младенец, – засмеялась женщина. Она рассказала, что ее дочери пятнадцать лет, они приехали из Улан-Батора, но уже побывали и в Будапеште, который она считает очень красивым городом.

– Я научусь общаться на русском языке, – подбадривала я себя.

17 марта

Вернувшись утром из больницы, я поставила вываривать постельное белье на кухне первого этажа в большой двадцатилитровой кастрюле для стирки. Отбеливателя у меня не было, и мне никак не удавалось оттереть пятна кала, которые были даже на пододеяльнике. В общежитии есть стиральная машина, ее можно брать напрокат, но комендантша Галина Васильевна ушла на месяц в отпуск, поэтому машину сейчас нельзя включать. А стирать нужно сейчас. Кажется, это будет моей каждодневной задачей. Поэтому я и купила большую кастрюлю для стирки. Труднее всего тащить ее с водой и одеждой по лестнице с третьего этажа на кухню-прачечную. Только там есть ванна, где можно прополоскать постиранное белье. Плиты внизу нет.

Единственный стол в моей комнате – письменный. Это универсальная мебель. На нем можно писать, есть, гладить, месить тесто. Я приготовила запеченную слоями картошку, свекольный салат и гороховый суп. Свекла очень дешевая и вкусная. Я варю ее, снимаю кожицу и ем ее как яблоко.

Вчера в милиции женщина сказала, что, согласно полученной из больницы информации, предположительно мы сможем вернуться в Венгрию 15 июня. Хорошо бы, если бы это было так! Сколько времени понадобится, чтобы вылечить Марике ручку? Или ее не будут оперировать в этот раз? Когда профессор вернется, нужно

будет поговорить с ним о дальнейших планах. Бедро наверняка скорректируют, когда девочка будет постарше. Придется возвращаться сюда еще несколько раз. Как много времени понадобится нам! Я сделаю все, что смогу. Только свою мать я любила так же сильно, как сейчас Марику. Я часто думаю о ней. Передо мной постоянно ее лицо, ее судьба. Как она справлялась с этой уймой забот! Ей не хотелось, чтобы у меня было так много детей, как у нее. У меня с этим одним ребенком больше трудностей и хлопот, чем у нее было с восьмью. Она поручала нам опекать друг друга, старшие заботились о младших. Когда мне было семь лет, я уже стирала пеленки младшего брата, уход за ним был моей постоянной обязанностью.

– Ты такая ловкая, что нигде не пропадешь, проживешь хоть на льдине, – хвалила меня мать, видя мою расторопность. Сейчас я осуществляю ее предсказание. Никогда не думала, что мне придется “жить на льдине”. Сейчас я должна быть благодарна матери, приучившей меня к усердному труду. Иначе я бы не выдержала здешней жизни.

Мой младший брат Мики рассказывал, что наша мать рыдала, содрогаясь всем телом, читая ему мое письмо, которое я написала после рождения Марики. Куда она его спрятала? Его так и не нашли даже после ее похорон.

Моей дочке было три месяца, когда однажды в субботний полдень кровоизлияние в мозг унесло мою маму в иной мир. На больничной койке, в час смерти, она по одному звала нас, своих детей. Рядом с ней сидел ее старший сын. Рыдая, мы обступили ее гроб, она оставила после себя семь осиротевших детей. Вместе с Петером мы поддерживали моего отца во время похоронной процессии, двигавшейся к могиле.

– Тебя она любила особенно сильно, Марика, – подошла ко мне тетя Мари, с которой мы часто подвязывали виноград на горе Сархедь. – Я встретила с ней в четверг, в полдень, она жаловалась на сердце. “Только бы у дочери была легкая судьба, только бы она сумела воспитать своего ребенка!” Так она сказала мне тогда. Мы так много разговаривали о тебе! И видишь, как она быстро умерла, бедная тетя Берта! – вздохнула тетя Мари.

Мама хотела, чтобы у меня была легкая жизнь, желала мне легкой судьбы. Это было ее последнее дошедшее до меня желание. И вот такая судьба досталась мне. Этот ребенок и ломающее хребет испытание здесь, “на льдине”.

Все же иногда в моей жизни бывали и счастливые минуты, я попыталась отклонить цепь воспоминаний от смерти в сторону более приятных мгновений. Когда-то давным-давно, в начале моей молодости, я стала прирученным барашком пастуха с волшебной флейтой. Вот столько счастья и было у меня. За счастье надо платить печалью.

После обеда я узнала от Сергея Васильевича, кто оперировал Марику. В операционной были четверо врачей, Илизаров, Раиса Ивановна, Владимир Никандрович и он сам. Сначала ребенка усыпили, потом сделали укол в позвоночник, обезболили ноги. На основании рентгеновского снимка хирургической дрелью просверлили

отверстия в кости под коленом и над лодыжкой, пропустили через них спицы, по толщине похожие на иглы для шитья мешков. Затем Илизаров с помощью полусантиметрового долота (Сергей Васильевич вынул долото из кармана и показал его) и молотка рассек большую берцовую кость в двух местах, а малую берцовую кость только над лодыжкой. Продетые в кость металлические спицы закрепили в кольцах, состоящих из двух полукружий, и три кольца соединили в единый аппарат стержнями. Это уже видно. – Какая вы любопытная! – засмеялся врач, закончив свой небольшой рассказ. Он отыскал в словаре слово, значения которого я не знала: лопаться, то есть треснуть, ломаться.

18 марта

Сегодня утром я не пошла к Марике, показала Гале, где лежат в холодильнике принесенные мною бутерброды, попросила дать их Марике и принести ей чашку молока из столовой. Я уже целую неделю не была в магазине и на рынке, все мои запасы кончились, нужно было идти за покупками и, конечно, стоять в очередях. Долгие минуты проходили в бездействии. От Вилена пришли три посылки, я сходила за ними на почту. В посылках была всякая вкуснота и полезные вещи: болгарский персиковый компот, сосиски, колбаса, зеленый горошек, сушеный фрукты, салфетки, туалетная бумага. Среди вещей было и письмо, переведу его вечером. Прислал письмо и Петер, поздравивший меня с женским днем. Я быстро приготовила обед и поспешила к Марике.

Она немного сердилась на меня из-за того, что я не пришла утром, но поняла, что мне пришлось стоять в очереди в двух магазинах, да и почта тоже была неблизко. Я утешила ее тем, что уйду домой только вечером. Она съела бутерброд и выпила молока. Тетя Галя помыла ее и собрала вещи для стирки. Марика была на лечебной физкультуре, гуляла с тетей Татьяной. Она обрадовалась письму отца и положила поздравительную открытку к женскому дню под подушку. После обеда она немного поспала, а я тем временем написала письмо ее отцу.

Олечку сегодня прооперировали, она ужасно стонала весь вечер. Ее бабушка была очень благодарна за лимон и апельсин, которые я ей дала.

После обеда и после ужина Марика съела по апельсину. Она ест все лучше и лучше. Вечером я долго стирала и готовила, закончила все дела к половине двенадцатого. В шесть утра уже надо будет вставать.

19 марта

Физиотерапевт Татьяна Георгиевна, замечательно красивая женщина, предупредила, что нельзя носить Марику на руках, она должна ходить, держа меня за руку.

Когда я здесь, нужно гулять с девочкой по коридору. Во время лечебной физкультуры в первой половине дня она уже делает несколько шагов с палочкой. Со времени операции прошла неделя.

После обеда дежурная медсестра по очереди подкручивала ключом гайки на аппаратах детей. Раз в неделю после общего обхода врачи записывают, как следует регулировать тот или иной аппарат, какие гайки нужно подкручивать и в каком направлении. У Марики гайки на аппарате подкручивают четыре раза на четверть оборота, таким образом кости вытягиваются на миллиметр в день. В таких случаях Марика не плачет, а плачет только тогда, когда нужно ходить. И по вечерам, когда я ухожу от нее.

Наташа со страшным свистом вздыхает, когда прикасаются к ее стопе. Таня тоже болезненно вскрикивает, аппарат, установленный у нее на бедре, большой, неудобный и тяжелый. В доске на кровати для него сделана ямочка, разрез, чтобы с ним можно было лежать. Марта счастлива, с нее сняли аппарат, сегодня ей еще нужно оставаться в постели. Скоро она вернется домой, в Верону. Ее лицо сияет, перенесенная боль уже забывается. Я дала всем девочкам по апельсину из посылки Вилена. Здесь апельсины очень дорогие.

После обеда я писала со словарем письмо Вилену на почте, находившейся в больнице. Дело шло медленно, но полезно попрактиковаться в русском языке. Вечером одна из мам, журналистка, исправила ошибки, после чего я переписала и отправила письмо. Я полюбила Наташу и Галю, они много помогают нам. Ко времени ужина стали собираться мамы, но в палаты никого не пускали, и им пришлось дожидаться детей перед дверями столовой. В операционной врачи еще оперировали, поэтому с нами обошлись так строго.

Самое грустное время в больнице – вечер. Все дети жалуются матерям на боль, каждый на своем языке. В это время участок коридора перед столовой превращается в небольшое вавилонское столпотворение. Слышится итальянский, русский, болгарский, чешский, венгерский говор. Болит – первое русское слово, которое быстро запоминают дети, долго протягивая при произношении звук “и”.

20 марта

Каждое утро я встаю рано, в половине шестого. Не знаю, сколько мне удастся продержаться, если я буду так мало спать и так много работать. В субботу-воскресенье я с утра до вечера бываю в больнице. Я отказалась от прогулок пешком, на это уходит много времени. Я упаковываю нашу с Марикой еду в закрывающиеся стеклянные банки и термос, завертываю в тряпки, кладу в сумку и отправляюсь в путь.

У меня хорошее настроение, сегодня деревья опять стоят в инее. На улице резкий холод, ясная погода, блестящий снег. Это волшебство длится недолго, погло-

щается солнцем. Я поднесла Марику к окну, чтобы она тоже увидела это сказочное серебристое сияние в больничном саду, заиндевевшие ветки далеких берез.

– Как красиво! – посмотрела она вниз, в сад. – Вон там Бекашмедер, – она подняла взгляд в сторону многоэтажных домов.

– Это не Бекашмедер, дочка. Но я рада, что тебе так кажется. Мы начинаем чувствовать себя как дома. А между тем мы пока еще по-прежнему здесь.

Я последовала совету физиотерапевта Татьяны и гуляла с Марикой. Ходьба давалась ей нелегко. Она протестовала, плакала, хныкала. Я ужесточила сердце и взгляд.

– Шагай, так надо! Сначала вместе со мной, я держу тебя за обе ручки. Ну, давай, шагай! – я подбадривала ее словами и улыбкой.

Мы снова учились ходить. Потом я неожиданно отпустила ее ручки. Она неуверенно ступила еще два шага. Я бормотала стишок Маргит Кафки¹⁹ “Петике ходит”:
“*Просыпается сердца игривый настрой*”.

– У тебя все получится, зайчик, – я гладила и целовала ее.

Прошла неделя после операции. Я снова пережила те счастливые мгновения, когда Марика впервые сама поднялась и, держась за край кровати, зашагала по полу. Я помню даже день, тогда ей еще не было и года. Я пришла в восторг, побежала звонить Петеру, бабушке, это не сон, это явь, она будет ходить! В возрасте пятнадцати месяцев здесь, в Кургане, держась за письменный стол Илизарова и стараясь дотянуться до красной телефонной трубки, Марика шагала уже увереннее. Профессору хотелось знать, на что она способна сама. По совету Гавриила Абрамовича, дядя Пишта Замбори сделал для ее первых туфелек вкладыши, сказав: “Это моей маленькой подружке”. И она вскоре пошла. И вот теперь снова “*мон-тон, зашагала*”. Марика ходит.

Сегодня она обедала сносно. Ей понравилась еда, приготовленная из рыночной курицы. Пока она спала в тихий час, я шила. Я обрезала в колене левые чулки колготок, разрешила их сбоку и окантовала по краям лентой, затем на одной стороне вдоль разреза я пришила пуговицы, а на другой сделала петли. После ужина я искупала Марику и помыла ей голову. Ногу с аппаратом я упаковала в большой нейлоновый пакет, чтобы ее не коснулась вода. После операции это была первая возможность искупать девочку. Она была рада поплескаться в ванне. У нее чесалась нога под повязкой, растет новая и сходит отмершая кожа.

Затем я ухаживала за Олечкой, пока не пришла ее бабушка, и помогала другим детям, когда они что-нибудь просили.

Вечером, когда я уже собиралась уходить, русские женщины усадили меня в холле и начали расспрашивать, когда и где я была в Советском Союзе. Я отвечала несколькими словами и названиями: Ленинград, Эрмитаж, Летний сад, Петродво-

¹⁹ Маргит Кафка (1880–1918) – венгерская писательница и поэтесса.

рец, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор, Пискаревское кладбище, Москва, Кремль, Третьяковская галерея, Пушкинский музей, Новодевичий монастырь, собор Василия Блаженного, мавзолей Ленина, Владимир, Суздаль. Они смеялись, услышав, что я так много видела.

Много? Киев, Кавказ, Черное море, Ясная Поляна, Загорск, Тбилиси, Ереван, Хива, Бухара, Самарканд, – все это я еще хочу увидеть.

Я поспешила домой. Пока постельное белье кипятилось в булькающей воде, я читала “Воскресение”.

21 марта

Сегодня в первой половине дня мы опять немного походили. Мне пришлось буквально воевать с Марикией за эти несколько шагов. Она сопротивлялась, плакала, упрямо повторяла, что ей больно. Я попыталась войти в ее положение. При каждом шаге она чувствует острую боль. Но нужно ходить. Каждый день немножко больше. Это неременная предпосылка выздоровления. Чтобы утешить ее, я рассказала ей сказку, а потом мы играли в кукольный театр.

В коридоре был стол, рядом с ним, в стене, – розетка, обычно я там гладила и подогривала еду на небольшой плитке, а по субботам и воскресениям пекла детям блины. Я начинала их творогом, вареньем, тертыми яблоками. Блинов хватало всем.

Марика задремала. Я продолжала вязать ей красную кофточку. Франка вышивала маленькие цветочки на тончайшем батисте, она готовила в подарок небольшую скатерку, но не сказала, кому.

В воскресенье послеобеденное время тянется медленно. Марика проснулась, она ревнует, когда я говорю с кем-то по-русски, а она не понимает. Эгоистичный ребенок, требующий себе все мое время, все мое внимание. Марика очень много спрашивает, просит называть по-русски разные предметы и при этом шалит, егзит, спрашивая, как называется то, что она делает. Так она вела себя и когда училась говорить по-венгерски, только теперь хочет слышать все на русском языке. Она – само внимание, буквально впитывает в себя странно звучащие слова. Она постоянно учится говорить с восьмимесячного возраста, когда я услышала ее первые слова: “Мама ам-ам”. Так она объявила о том, что я доела остатки ее горохового пюре.

Вместе со мной в палате были армянка Шура и итальянка Франка.

– Как дела? – в комнату быстрыми шагами вошла широко улыбаясь дежурная медсестра Нина Владимировна. – Девочки, что вы делаете? – полюбопытствовала она, одобрительно взглянув на вышивку и вязанье.

– Марика, ласточка моя, – щебетала медсестра Нина, – покажи ножку, позволь мне подкрутить гаечку!

Девочка терпела без единого слова.

– Хорошая девочка, правда? – Нина погладила ее по головке.

Марика дивится, слушая русские слова. Что она понимает? Я следила за ее лицом.

Нина сняла с головы накрахмаленную белую шапочку, заколола булавкой, чтобы сделать ее поменьше, и надела Марике на голову. Девочка немедленно вжилась в свою новую роль.

– Мама домой! – она махнула рукой в сторону двери, потом указала на меня: только она нет! – Мы так и покатались со смеху.

Так в ее головке сложилось первое русское предложение, прозвучавшее с безупречным произношением и точным пониманием того, что она хотела сказать. Мы настолько не ожидали услышать от Марики русскую речь, да еще, как все сразу узнали, с подражанием голосу, мимике, жестам Раисы Ивановны, что держались за животы, заливаясь смехом.

Эта маленькая история – всего лишь крошечный эпизод в процессе становления речи у детей. Хорошую книгу о том, как малыши “одеваются в языковую одежду”, написал Андраш Шютё. Она называется “Пустите слова приходить ко мне!” Здесь это происходит каждый день. Русские слова проникают в уши и мозг детишек. А потом вдруг выходят наружу.

На улице был праздник, люди танцевали, пели, провожали зиму. Но зима упрямо не уходила. Шел снег, дул ветер, днем было 15 градусов мороза.

Вечером – телефонные звонки, я рассказала Борису и тете Маргарите о здоровье Марики. Позже позвонил Вилен, потом Петер. Было странно слышать издали его голос, мы четко, хорошо понимали друг друга. Видимо, ему плохо одному. Он переносит одиночество тяжелее, чем я.

22 марта

Я проснулась от шума лопат, которыми счищали снег. Вокруг все было покрыто снегом. Злую шутку сыграло с нами весеннее равноденствие!

Татьяна Георгиевна опять предупредила, что нельзя носить Марику на руках, она должна ходить. Моя дочка шла со мной по коридору и отчаянно плакала. Она капризничает, постоянно чего-то требует, иногда мне даже стыдно за нее перед остальными. Увидев у кого-то из детей новую игрушку, она просит точно такую же, причем немедленно. Я обязана тотчас же выяснить, где ее можно купить. С тех пор, как мы здесь, Марика слезно просит достать ей врачебный набор, но в ЦУМ-е его нет, а Вилен не нашел его и в Москве.

Я помогла Яношу поговорить по телефону, точнее, заказать телефонный звонок домой. Но его отца не оказалось дома, он уехал в Баю. Завтра попробуем позвонить еще раз.

Марика беспрерывно расспрашивает, будет ли у меня еще один ребеночек. Она хочет, чтобы я попросила дядю аиста принести ей девочку. Где она слышала легенду об аисте? Почему она вспомнила о ней именно сейчас? Было бы хорошо, если бы ее пожелание сбылось. Но надежды все меньше. У меня болит живот, я тяжело переношу зиму. Когда же наступит весна? Буфетчица сказала, что только в апреле.

Вечером Борис приехал за мной на машине, он увидел меня на автобусной остановке. Мы разговаривали около часа, в основном о Марике, только иногда обращаясь к словарю. Затем – стирка и мытье посуды до полуночи.

26 марта

Как трудно вставать с постели, когда звонит будильник! Мне мало пяти-шести часов сна в сутки, и я устаю от каждодневной работы и от необходимости таскать пешком тяжелые сумки по скользкой дороге.

Марике не легче. Моя бедная дочка каждый день сильно страдает на лечебной гимнастике. Ей больно ходить. А ведь она уже может ходить одна без палки, не держась за руку, но не хочет, когда видит меня. Она ждет от меня освобождения от своих страданий.

Но тетя Татьяна строгая женщина с твердым характером, иначе все было бы напрасно. Ногу нужно нагружать, несмотря на боль, чтобы жилы, нервы и мышцы не бездействовали и способствовали развитию кости.

Грустно видеть, что Марика плохо кушает. Она сопротивляется, поэтому приходится бороться за каждую ложку еды. Проходит полчаса или даже больше, пока мне удастся скормить ей обед из термоса вместимостью в два децилитра. При этом всегда боюсь, что принятая пища выйдет обратно.

Зато радуется, что день ото дня у девочки расширяется запас русских слов, она впитывает в себя музыку языка и уже иногда разговаривает с девочками с помощью нескольких слов.

Мама, иди сюда! – Марика с искаженным от подступающего плача лицом протягивает ко мне обе ручки, когда я собираюсь уходить. Ее утомляет пребывание в больнице, а ведь это только начало.

Вечером я написала письмо семье Путичей в село Берзенц. Это красивое название принадлежит населенному пункту в комитате Шомодь. Однажды оттуда пришло письмо в редакцию журнала “Факья” ответственным редактором которого работал тогда мой муж. Написавшая письмо женщина поведала о своем большом горе, о сыне, родившемся без ступней, а также о том, что она слышала о чудесах, которые делает Илизаров. Петер принес письмо домой и попросил меня ответить, ведь женщины, матери лучше разбираются в этом. Ответ был отправлен, женщина с сыном приезжали к нам в гости. Я обещала им рассказать от начала до конца о здешней жизни и о том, как нужно оформить поездку сюда.

27 марта

Утренние радости – это когда простыня только описана, а дочка сносно кушает. Сегодня радостное утро. Зато прогулки – сплошные мучения. Для Марики – физические, для меня – скорее нервные. Девочка непрерывно плачет, капризничает, сопротивляется. Мы сходили на лечебную гимнастику, там я оставила Марику на попечение Татьяны, которая строго обращается с ней.

С телячьим терпением я покормила Марику обедом. Потом меня отослали из палаты. Тихий час не получился тихим, потому что Марика сильно плакала по мне. Медсестре Нине надоел ее плач, и, не обращая внимания на строгость напарницы, она вынесла уставшего от рыданий ребенка ко мне в коридор. У меня на руках девочка успокоилась, слушая стук моего сердца, и заснула. Нина смотрела, как быстро я вяжу. Мы разговорились в конце коридора.

– Я не умею вязать, зато моя дочка умеет. А вот и она, Света, как раз идет сюда.

Подошла улыбчивая девочка четырнадцати лет с костылем под мышкой и аппаратом на голени левой ноги.

– Она была такая же маленькая, как Марика, когда ее два года лечили в Ленинграде. Тогда укорочение составляло четыре сантиметра. Но ее только напрасно изрезали. В сентябре мы приехали в Курган.

– Когда вы были здесь в первый раз?

– Четыре года назад. Тогда укорочение уже достигло 33 сантиметров. Илизаров сначала растянул бедро, а сейчас растягивает голень. Ее нужно еще и утолстить. А потом настанет очередь стопы. Мы еще долго пробудем здесь.

Они улыбались друг другу с любовью и доверием. На редкость сердечные отношения между матерью и дочерью. Нина воспитывает Свету одна. Отец ушел из семьи. Долгую разлуку нелегко переносят даже мужчины. Нина работает медсестрой в небольшом городке. Здесь она тоже выполняет работу медсестры, когда Света проходит лечение. Я быстро полюбила их и пообещала Свете достать шерсть, чтобы она связала себе блузку.

28 марта

Я только заснула, когда мой сон был прерван звонком Яноша. Было половина первого ночи, он как раз вышел от Илизарова и должен был кому-то рассказать, как все произошло. Рассказал, потом извинился, что разбудил меня.

Сон, который я видела, был красивый: пальмы, лето, пастух с волшебной флейтой. Как все это связано друг с другом? Нужно было бы узнать у Фрейда. Однажды мне уже снился пастух с флейтой, тогда он звал меня звуками горна альпийских пастухов на склонах Харгиты.

Я немного проспала и приехала в больницу с опозданием. Янош уже одел Марику и покормил ее колбасой и бутербродом с малиновым джемом, точнее, поделился с ней своим бутербродом. Малиновый джем здесь очень вкусный, из натуральной малины с большим количеством сахара, которая долго сохраняет свой аромат. Яношу его дала женщина из швейной мастерской. Не удивительно, что моя дочь ела с таким аппетитом. Она сильно сдружилась с Яношем, когда он тоже лег в больницу.

Я рассказала Нине о болезни мальчика из семьи Путичей. Она отвела меня в пятую палату и показала Павлика, краснодарского мальчика, которого мы видели и в 79-м году, когда профессор начал делать ему стопу, сгибая растянутую берцовую кость. Лечение продолжается четвертый год, родители мальчика переехали в Курган. Павлик тоже помнил нас. Он был тем мальчиком, которого показывали по венгерскому телевидению в программа “Дельта”. Он сильно вырос, его голень снова пришлось растягивать.

Света начала вязать кружевную блузку. Работа продвигается успешно.

Марика хорошо пообедала, съела гороховый суп, картофельное пюре, куриную грудку в сухарях и апельсин.

В тихий час я читала ей стихи. Она легко учит их наизусть и вместе со мной читает стихотворения Шандора Вёрёша²⁰ “Бобита танцует” и “Боярышник”. Позже она попросила прочитать сказку братьев Гримм “Ослик”.

Илизаров с тремя врачами пришел на обход. Даже в воскресенье он не может обойтись без своей больницы и без больных.

Затем – ужин, купание, мытье головы, сказка, сон.

Вечером дул сильный ветер, весь день было очень холодно. Повсюду образовались огромные снежные заносы. Я мерзла. Когда же, наконец, будет весна?

29 марта

К утру опять выпало много снега, мороз немного смягчился, но зима все еще не отступает. В первой половине дня я поставила варить мясо для холодца. Марике хорошо бы поесть холодца, он полезен для роста костей. Конечно, если она его съест. Попробую. Пока она ест орехи и гранаты.

После обеда, когда я несла Марику в палату, нас увидела самый-самый главный врач Валентина Ивановна и сделала мне резкое замечание:

– Марику нельзя носить на руках! Чтобы я этого больше не видела! Немедленно поставьте ее на пол!

²⁰ Шандор Вёрёш (1913–1989) – венгерский писатель, поэт и переводчик, автор сборника стихов для детей “Бобита”.

Ребенок заплакал, я начала извиняться, ссылаясь на то, что девочка вышла из столовой без сандалий. Валентина Ивановна распорядилась принести сандали из палаты. Марика, всхлипывая и прихрамывая, побрела к своей кровати.

Вечером она ничего не ела, ее вырвало. Она испортила желудок колбасой. Я сказала Яношу, чтобы он больше не давал ей колбасы, это слишком тяжелая пища для такого маленького ребенка.

В общезитии – стирка, сегодня уже во второй раз. Затем я погладила высохшее постельное белье, которое сушила на натянутой в комнате веревке.

30 марта

Холодец получился вкусным, но Марика не захотела его есть, испугалась подрагивающей еды. Придется съесть мне.

Валентина Ивановна улыбнулась нам, когда мы медленно прогуливались по коридору. А Раиса Ивановна уже не просила меня уйти. Строгость тети Татьяны принесла результат: Марика меньше плачет и хорошо ходит без палочки на лечебной гимнастике. Отдыхая, она сидит с вытянутыми ногами, разогнув колени. Это непростая задача. Поскольку она всегда держала ногу согнутой в колене, пришлось ее перехитрить. Над ее кроватью укрепили железную перекладину, на нее на веревке подвесили груз. На доске кровати есть небольшая щель, снизу у коленного сгиба нужно повесить на верхнее кольцо еще один, двухкилограммовый груз. Эти два груза держат ногу в горизонтальном положении, разогнутой в колене. Марика отчаянно протестовала: – Я не хочу этого! Мне тяжело! Снимите это с меня! – От волнения и плача у нее расстроился желудок, и обед вышел обратно. На этом эксперимент с грузами закончился.

Марта попрощалась с детьми, расцеловала Марику и подарила ей медвежонка и куклу. Уходя, она и ее мама, Франка, плакали. В них чувствовалась радость и в то же время боль расставания с теми, кого они полюбили здесь. Начинаю понимать, в чем состоит чарующая сила Кургана. Людей связывает здесь чувство солидарности, взаимной хависимости и любви. Да, разгадка найдена в книге о Швейцере: “*Человеческое братство боли*”. Курган – это тоже Ламбарене. “*Может, он видел в этом поселке особое, независимое царство добра и утolenия боли с особым временем, со своим собственным интернациональным населением и единственной, никак организационно не оформленной организацией – человеческим Братством Боли*”.

Янош сказал, что профессор оперировал и ночью, потому что одному из детей стало плохо. Илизаров почти не спит. Как он выдерживает этот темп? Желая ему долгой, очень долгой жизни!

Думаю, что этого желают ему и многие другие.

В полдень люди собрались у входа в больницу понежиться на солнце. Ветер морщил воду в растаявших лужах. Около четырех снова пошел снег, в воздухе закружились, заметались снежинки. Сумасшедшая погода.

Вместе с бабушкой Олечки мы убрали палату и переставили кровати. Запасную кровать мы вынесли в коридор, а Олину поставили рядом с постелью Марики. Стало больше свободного места, детям будет удобнее.

Вечером я еще постирала грязное больничное белье. Смертельно усталая, я легла спать. Чувствую боль в нижней части живота.

1 апреля

Сегодня день смеха, день дураков. Дома, в Будапеште, мои ученики подшучивают друг над другом. Интересно, как они там? Они не пишут. Хотя уже наверняка получили мое письмо.

К утру выпало много снега. Зима заупрямилась и не отступала. Сильный ветер воздвигал снежные заносы. Я с трудом двигалась по улице. Переходя дорогу, я на чем-то подскользнулась и упала навзничь, сотрясение от падения отдалось в голове. Один из термосов треснул, и из него вытекло какао. К счастью, термос с чаем остался невредим.

Марика встретила меня в грустном настроении, плакала по Марте.

– Кто будет теперь моей подружкой здесь? Кто будет со мной играть? – горестно всхлипывала она.

– Олечка любит тебя, играй с ней!

Дочка кушала мало и очень неохотно. Это расстраивает меня. Со времени операции прошло три недели. Марика очень похудела, побледнела, у нее запавшие глаза. На лице почти не видно улыбки, она всегда грустит и хныкает. Что мне делать? Я стою в очередях, вечно спешу, стараюсь готовить по возможности свежую и вкусную еду. А она почти не кушает. Мне удастся вложить ей в рот немного еды только подбадривая ее перед каждой ложкой: – Ну, еще только эту последнюю! Но после трех-четырех ложек она уже больше не принимает “последних”. Кормлю осторожно, боюсь, что девочку вырвет.

Я поспешила на рынок. Купила свежую, молодую говядину себе и Яношу. Ее продавали маленькими кучками, можно выбирать, какая понравится. К полудню мясо кончается, остаются только головы и ноги. В больнице мы тоже получили талоны, по которым можно было купить в “Сибири” сосиски, сардельки, колбасу, по два кило в месяц, а также масло и сыр. Колбасный сыр очень вкусный. На рынке я еще купила себе и Яношу гранаты и зелень петрушки за рубль. Ее продавал из мешка сухощавый старик. Интересно, где он ее разводит, что она не замерзает? Я радовалась: теперь наша жизнь будет вкуснее и приятнее.

На рынке большая суета. Из-за горок яблок и сушеных фруктов виднеются южные, кавказские лица. Продавцы предлагают свой товар, его можно попробовать.

– Пожалуйста, девушка, берите, сладкие! – Я бросила в рот сушеную сливу, абрикос, финик. Очень много цветочных луковиц и всяких семян, рядом с ними на открытках изображены многокрасочные цветы. Меня заворожило обилие открыток с гладиолусами. Здесь было огромное количество цветов и оттенков от белого до темно-бордового.

На нижнем этаже продавались стриженная шерсть, очищенный пух, разноцветная пряжа и сделанные из них вещи: платки, шапки, свитеры, носки, все очень дорого. По дороге домой купила Яношу два костыля, у него скоро операция.

Я опоздала с обедом, не думала, что на сегодня назначен перевод часов вперед. Из-за ветра и большого снега я не могла идти быстро, снова упала и ушибла колено и локоть.

Марику я нашла сидящей на кровати, она была в отчаянии и плакала.

– Она не захотела есть, я предлагала ей, но напрасно, – подошла ко мне Алла Фазиловна. Сегодня она дежурная сестра.

– Ну, не плачь, я уже здесь и останусь с тобой до вечера.

Я надела на Марику сухие трусики и колготки, поменяла постельное белье и покормила девочку обедом. После обеда она спала, а я охраняла ее покой.

2 апреля

До обеда я постирала вчерашнее и сегодняшнее больничное постельное белье. В это время на кухне бывает мало народу, жильцы общежития на работе. Я сварила борщ. Это украинский суп, но его любят и русские. Я ела его в больнице, и он мне понравился. Таня, учительница физкультуры в расположенной поблизости школе, научила меня готовить борщ. Сначала нужно сварить мясной суп из говядины с костью. Когда мясо сварится, его нужно вынуть вместе с костью. В мясной бульон кладется нашинкованная капуста, нарезанная кубиками свекла, лук, нарезанная кружочками морковь и лавровый лист. Когда овощи размягчатся, нужно добавить к ним нарезанную кубиками картошку и помидоры и посыпать нарезанным укропом и зеленью, потом мясо надо порезать и вернуть в суп. В тарелку с супом кладется еще ложка сметаны. Получается вкусный, питательный суп. К нему я испекла блины, начинив их творогом и яблоками.

Марике обед понравился. Наконец-то я готовила не напрасно.

Я попросила Валентину Ивановну, чтобы она разрешила мне проводить с Марикой больше времени, потому что девочка плохо кушает, писается и много плачет. Она разрешила, я очень благодарна ей за это.

Сегодня я могу рассказать о большом достижении. Марика, держа меня за руку и ухватившись за перила, спустилась со мной по лестнице на первый этаж навес-

тить Яноша. Большие мальчики, прежде всего Педжа, парень из Сербии, подхватили ее на руки, обрадовавшись возможности поиграть с настоящей куклой. Они хвалили ее русское произношение, ловкость, восторгались тем, как хорошо она ходит. Этот успех воодушевил ребенка. Марика пошла одна вверх, преодолевая по одной лестничные ступеньки. Через некоторое время она заявила: – Пойдем еще раз! Однако вторичный подъем по лестнице утомил ее. Ну, не беда, Педжа осторожно посадил ее к себе на шею. – Но, лошадка! – коридор зазвенел от детских криков.

Педжа – девятнадцатилетний красивый парень ростом 180 сантиметров. На правой ноге он носит деревянный сапог. Укорочение у него составляет в общем 38 сантиметров, не знаю, что послужило причиной, врожденная или приобретенная болезнь. Он дает скупые ответы, не любит говорить о своей проблеме, это видно по его лицу. Ему придется провести здесь еще много времени, пока неизвестно, когда его будут оперировать. После восьми я отправилась домой. Янош поднялся к Марике, утешал, читал ей сказки, чтобы она не плакала так сильно по мне.

А мне еще предстояли готовка и стирка. Было уже половина двенадцатого, когда я, наконец, закончила все дела.

3 апреля

Дети встретили меня известием, что в мое отсутствие Марика все время плачет, вечером они не могут заснуть из-за нее, а иногда она начинает плакать даже ночью. Ей не хватает Марты. Играя с ней, Марика не плакала. А теперь она скучает, когда я ухожу домой готовить, стирать и стоять в очередях.

– Олечка, поиграй с Марикой! – обращаюсь я к девочке из Челябинска.

– Хорошо, поиграю, – обещает она.

Сегодня суббота, весь день я провела в больнице. Мы гуляли, играли, читали сказки. Я уходила только для того, чтобы заказать на почте рядом с “Сибирью” телефонный разговор с Будапештом на вечер.

Сегодня дочка хорошо пообедала. Я доела остатки курицы со сметаной и галушек, потому что Марика сказала, что уже точно не хочет больше есть. Но оказалось, что я сделала это на свою беду. Позже Марика начала похлопывать меня по животу:

– Курица со сметаной, выходи! Это хорошо, сказала я, что ты голодная. Но чем же мне тебя покормить?

Около восьми я спустилась к Яношу, зная, что он приготовил на моей плитке тушеную говядину. Я отнесла дочке говядины, она скушала три столовые ложки мяса с картошкой. Я была рада, что она захотела кушать, и еда осталась у нее в желудке.

Через некоторое время Марика сказала, что хочет спуститься к Яношу поблагодарить его за вкусное мясо. Взрослые мальчики опять поиграли с ней. Марика захотела спать на кровати Яноша, и тогда я вдруг поняла, что она скучает по отцу. В

половине девятого я отнесла ее в палату и уложила спать. Когда меня отослали, девочка отчаянно кричала.

– Возьми меня с собой! Я не хочу оставаться здесь!

К ней позвали Яноша, он читал ей сказки, пока она не уснула.

Я заказала телефонный разговор на девять вечера, но не сумела вернуться в общежитие вовремя. В половине одиннадцатого мне удалось поговорить с Петером, во время всего разговора мы едва слышали и разбирали слова друг друга.

4 апреля

Дети опять встретили меня сообщением, что вечером Марика долго плакала, а ночью стонала. На дежурстве была тетя Нина, некоторое время она укачивала ее, а потом, в половине второго, позвала Яноша. Ему удалось снова усыпить девочку.

Это отрицательное последствие госпитализации, – мелькнуло у меня в голове. Ее утомило пребывание в больнице. Я начала ломать голову над тем, можно ли добиться, чтобы Марика спала со мной в общежитии. Я достану коляску, вечером буду увозить девочку, а утром привозить. Рано или поздно зима кончится, и когда растает снег, все будет гораздо проще. Завтра поговорю с Валентиной Ивановной.

После одиннадцати я закутала Марику в плед и на десять минут вынесла ее на балкон. Марика радовалась свежему воздуху, солнцу. Я привезла ее в больницу месяц назад, с тех пор она в первый раз под открытым небом. Сегодня она сносно кушала. Радостный день для меня. Я очень устаю за целый день больничного “безделья”, устаю от состояния постоянной готовности, от необходимости все время кому-то помогать, от детского шума. Мне мало пяти-шести часов сна в сутки, которые выпадают на мою долю, долго мне этого не вынести, а между тем придется терпеть еще много месяцев.

Вечером я перечитала письмо Евы, моей начальницы, которая написала мне свежие новости с места работы. Мои ученики завоевали со своей литературной программой второе место на культурном смотре воспитательных домов. Хорошая новость в нашей монотонной жизни. Я ответила Еве: “Очень рада успешному выступлению ребят. В тот день я думала о них и волновалась за них. Мне снилось, что мы вместе едем на экскурсию. Хотелось бы знать, удалась ли их весенняя экскурсия. Быть может, вы как раз сегодня гуляете по лесу. Здесь еще все покрыто снегом”.

5 апреля

По радио сказали, что сегодня будет десять градусов мороза, но днем снег начал быстро таять, потекли ручейки, на улицах слякоть. На голых ветвях деревьев чирикают птицы, приветствуют весну.

Я напрасно ждала Валентину Ивановну, чтобы узнать, можно ли увозить девочку ко мне в общежитие. Сегодня ее не было в больнице.

В полдень Марика встретила меня жалобой, что тетя Татьяна очень строгая, заставляет много гулять.

– Лучше ты гуляй со мной!

Понимаю ее хитрость. Когда я вижу, что ей больно, что она устала, капризничает, я беру ее на руки. Я жалею ее, не могу слушать ее трогательный, горький плач. Вторую половину дня мы провели вместе, Марика успокоилась. Вечером мы спустились в палату к Яношу. Там мы узнали, что вчера по телевизору показывали Будапешт, была передача о нашем национальном празднике.

Вечернее расставание опять было ужасным. Марика кричала, обхватила меня за шею, судорожно держалась за меня. Я прижала ее к себе, успокаивала, прогуливаясь с ней по коридору, показала ей беспросветно темный вечер, но жалость не позволяла мне покинуть ее. Я ласкала, гладила ее, мы дремали прислонившись друг к другу в углу коридора. Наконец, Марика заснула у меня на руках. Я уложила ее в постель. Было уже больше девяти, когда я вышла из больницы. Лужи покрылись ледяным панцирем. Я осторожно искала в темноте протоптанную дорожку.

Сегодня вечером я ничего не делала. День рождения, воспоминания.

Молодой пастух стал большим человеком, мужчиной, окруженным всеобщим уважением, как князь Нехлюдов. А я стала не Жужикой Хитвеш из романа Морица “Бабочка”²¹, а только аскетичной Катюшей Масловой. Для романного персонажа – очень красиво, но как выдержать эту судьбу реальному, живому человеку... И место действия тоже Сибирь, да и ссылка может растянуться на четыре года. Эту историю пишу я. Каждый из нас несет свою судьбу.

Я отношусь к этой любви примерно так, как, наверное, относилась к Миклошу Вешшеленимой предшественница, родственная душа из прошлого столетия, автор дневника, вязальщица и мечтательница, Антония Кельчеи.²² “Я часто думала, что лучше было бы не знать его совсем, но это случалось лишь несколько раз, потому что нет таких сокровищ, на которые я променяла бы время, проведенное в его обществе”.

Сейчас, в этот праздничный день, я снова думаю о нем, во мне ожила память о наших давних встречах. Пробудились радость и волнение, овладевавшие мной, когда я ждала Его.

Значила ли я что-нибудь для него? Или была лишь одной из многих? Наверное, одной из многих. Эта любовь так сильно выросла только во мне. И я до сих пор храню каждое Его слово, каждое мгновение наших редких встреч! Закрываю глаза

и вижу Его. Неужели это уже никогда не пройдет? Несчастливая любовь всегда самая красивая?

Она причиняет боль, как смерть ребенка, как сломанный бутон цветка. После нее остаются вздохи, “*Двадцать лет спустя*”, “*Через тридцать лет*”, да воспоминания. Какой она была? “...*Единственная чистая любовь, самая томительная любовь – это тоска по упорхнувшей бабочке*”.

Откуда в нас инстинкт, который, подобно радару, направляет в выборе любимого человека из необозримой массы людей противоположного пола? Я с детского возраста лелеяла в себе мечту и нашла ее. А что было в нем? Он еще едва знал меня, когда протянул ко мне руки: – Бабочка, Жужика Хитвеш!

Кого только я не видела в нем: Тольди²³, Онегина, Миклоша Вешшелени. Предчувствуя свою судьбу, я боялась ее, ожидая судьбу Пирожки Розгони, Татьяны, Антонии Кельчеи.

И вот теперь еще одно прозрение: Катюша Маслова, ссылка, Сибирь.

Во всем этом странно то, что эту историю Толстой слышал и описал. У нее была реальная основа. Писатель зимой и летом ходил по тюрьмам, прошел по дороге, по которой водили ссыльных. В своем автобиографическом произведении Пал Сабо возмущается положением заключенных в тюрьмах контрреволюционного режим точно так же, как возмутился в своем последнем романе Толстой, увидев русские тюрьмы прошлого столетия. У них было похожее мнение и об осужденных, и об осуждавших. Их писательские и человеческие симпатии на стороне униженных и оскорбленных.

Из всех прочитанных мною книг именно именно “Воскресение” поведало мне больше всего о любви и человечности.

Интересно, читал ли Он эту книгу? Ударила ли она его по сердцу, как меня?

В нем, как “в Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира”.

Я смотрю в зеркало и вижу Его лицо. Откуда это сходство? Склоненная набок голова, цвет глаз, поблескивающие зубы, улыбка, – все это мое. Приветливое, ясное лицо, синева глаз, рельеф лба и зачес волос на голове напоминали мою маму. Что это за волшебная игра генов?

Что я любила в нем? Его голос. Свои сны. Его устремленный на меня взгляд. Его радость. Она живет во мне и сегодня и останется навсегда.

²¹ Роман “Бабочка” – повествование об идиллической любви Йошки Дарабош и Жужики Хитвеш.

²² Ссылка на дневник Антонии Кельчеи (1821–1876), в котором описано ее романтическая любовь к известному политику того времени барону Миклошу Вешшелени.

²³ Миклош Тольди – герой трилогии известного венгерского поэта Яноша Араня. Во второй части трилогии рассказывается о его любви к Пирожке Розгони.

6 апреля

Утром я спросила Раису Ивановну, можно ли забирать дочку с собой в общежитие.

– Нельзя, – последовал обдуманый ответ, – за нее отвечаем мы. Что вы будете делать, если ночью ей станет плохо? Здесь она под постоянным присмотром. Но почему вы хотите забирать ее с собой?

– Потому что она все время плачет, кричит, не хочет оставаться здесь, плохо кушает, писается, случается и всякое другое.

– Плакать она рано или поздно перестанет. Привыкнет к детям, и ей станет легче. Позже и нога у нее будет болеть не так сильно. Наступает хорошая погода, можно будет проводить много времени на воздухе. Марика еще очень маленькая, будьте с ней, сколько можете.

– Можно забирать ее в субботу и воскресенье?

– Быть может, попозже, когда уже не надо будет подкручивать гайки. И если Гавриил Абрамович разрешит, – Раиса Ивановна развела руки, в глазах у нее мелькнула лукавая улыбка.

Нельзя, так нельзя, ничего не поделаешь.

Одна из медсестер, Любовь Ивановна, сказала, что в близлежащем овощном магазине продаются свежие огурцы, нужно бежать покупать. Я побежала! Огурцы прибыли из Болгарии. За ними стояла огромная очередь. Я заметила много знакомых лиц, матерей из больницы. Блеснули зубы Шуры. Я боялась, что, пока подойдет моя очередь, огурцы кончатся, передо мной все покупали помногу. Но досталось и мне. Суп из помидоров, запеченная слоями картошка, салат из огурцов и – бегом с обедом в больницу. Марика почти ничего не кушала.

После обеда тетя Татьяна позвала Марику на лечебную гимнастику, я пошла с ней.

– Вытяни ногу, выпрями колено! – попросила Татьяна. Я около десяти минут держала Марику ногу. Марика ревела до хрипа, ее плач действовал мне на нервы, сердце разрывалось от жалости, совесть терзала меня из-за того, что я мучаю собственного ребенка.

– Больше не могу, – стонала Марика.

– Я тоже, – я посмотрела на Татьяну взглядом, молящем о пощаде. Она сжалась над нами.

Потом мы долго гуляли по спортивному залу взявшись за руки. Это было уже легче. Я подхватила на руки измученную малышку и поцеловала ее. Она попросила кушать, я подогрела ей остатки обеда, она с аппетитом поела.

Вечером светила полная луна. Ночью были заморозки.

8 апреля

И все же скоро наступит весна. Щебечут птицы. Повсюду грязь. В шубе жарко.

Я перевязала Марике хвостик ленточкой, и она превратилась в настоящую Машеньку. Все хвалили ее новую прическу. Здесь семейная атмосфера, и родители, и дети подружились друг с другом.

Прибыл венгерский мальчик около шести лет, его зовут Йожика. Левая нога у него здоровая, на правой он носит ортопедический сапог. Часть правой руки ниже локтя у него отсутствует, на левой руке три пальца. Секретарша Илизарова позвала меня, чтобы я встретилась с прибывшими и рассказала им, что и как надо делать. Мальчика сопровождали родители и переводчик. Ребенок останется здесь, а они вернутся домой. Я попробовала убедить маму мальчика остаться, потому что без нее Йожике будет трудно.

Потом – пешком домой. Как бы я ни спешила, нужно полчаса. На улице большая грязь.

Из Москвы пришла посылка, даже две. В одной – мед, мандарины, рыбные консервы, туалетная бумага. Другую Петер каким-то образом переслал Вилену, в ней – чечевича, домашняя колбаса, орехи, пряности и письмо.

После обеда медсестра Нина отвела Марику на ЭКГ. Быстро за ними, стучусь туда, откуда слышится хныканье. Приоткрываю дверь.

– Я ее мать.

– Подождите за дверью! Мы обследуем ее, – выглянул врач. Слышу разговор на русском языке и непрекращающийся плач ребенка. Затем изнутри донесся утешительный голос Нины.

– Заходите! – сказал врач, – мы не справляемся с ней.

Тишина, внимание, прибор работает. Открылась дверь, и вошел Илизаров в сопровождении группы итальянских врачей и переводчика. Его лицо прояснилось.

– А-а, венгерка с дочкой!

Он показал делегации ногу Марики, узнал у меня дату операции и спросил, насколько выросла нога.

– Примерно на два с половиной сантиметра с 12 марта.

Собравшиеся осматривали, поворачивали маленькую ножку.

– Врожденное укорочение, разница составляла семь сантиметров. Отец – журналист, работает в журнале “Советуни”, хорошо говорит по-русски, – сообщил профессор членам делегации.

Какая память! Перед ним прошли уже тысячи людей. Неужели он всех так хорошо помнит?

Щелкали фотоаппараты, поднаваливались фотографии для какой-то итальянской газеты. У нас попросили наш будапештский адрес и обещали прислать снимки.

Вечером в приемной Илизарова опять ждала куча людей. Среди них были и Йожика с родителями, и Янош. Черда посетителей не иссякнет и к полуночи.

Вскоре после того, как я пришла домой, зазвонил телефон. Янош объявил, что завтра его будут оперировать.

9 апреля

Великая пятница, здесь, вероятно, только я помню об этом. Какой большой праздник был в этот день в детстве, с постом и посещением церкви!

Здесь у меня вынужденный пост, рано отправляюсь в больницу, едва начинает светать. Когда я приехала, еще не было семи, но уже было поздно, Марика снова обделалась. А ведь я спешила именно для того, чтобы посадить ее на горшок, одна она не может слезть с кровати. У меня болит и кружится голова, я мало сплю. Обязательная каждодневная стирка утомляет меня. Сегодня я тоже отнесла постельное белье к себе, выварила его, оно было еще мокрое, когда я отвезла его обратно в больницу вместе с обедом, пришлось сушить его в коридоре на батарее. В полдень постельное белье надо было поменять, потому что, к тому времени, когда я вернулась, Марика опять описалась.

Я оставалась с ней до вечера. Йожика с родителями опять пришли в больницу, они позвали меня на первый этаж поговорить. Я завернула Марику в плед и держала ее на руках. Речь опять шла о том, что мама не может остаться здесь, потому что дома ее ждет трехлетняя дочка.

– Я не знала, что мне нужно будет остаться здесь, – сказала Эржи, – в министерстве об этом ничего не говорили. У меня даже нет здесь с собой никаких вещей.

– Потом пришлют или привезут. Я тоже узнала, что нужно будет остаться здесь с ребенком, только из радиорепорта Юлии Сел. После операции ребенок не может ходить, его нужно кормить, сопровождать, позже гулять с ним. Со всеми детьми здесь есть кто-нибудь, или мама, или бабушка. Найдите квартиру, оставайся хотя бы на месяц! – убеждала я. – Очень утомительно ухаживать даже за одним ребенком.

Марика ведет себя спокойно, когда я с ней. Приятно видеть, что к ней вернулся интерес к жизни. Прошел наш первый трудный месяц.

Вечером мы навестили Яноша. Его вынесли из операционной во второй половине дня.

– Дядя Янош, болит? Ты не плакал? – спросила Марика с участием. – Сильно болит всего неделю, – утешала она Яноша.

Она уже перенесла операцию, и знает, что это такое. Я была рада, что у моей дочки такая отзывчивая, богатая душа и расцеловала ее.

– Это я принесла тебе, дядя Янош! – Марика положила на шкафчик Яноша лимон и апельсин. Его рот под усами растянулся в усталой улыбке.

Я посмотрела его ногу. На голени и ступе у него аппарат, следы крови, иод, железки и бинты. Бледное лицо. Мне было очень жаль беднягу. Он поблагодарил нас за посещение. Уходя, я видела, что он лежал как страдающий Христос, распятый на кресте боли.

Сегодня великая пятница.

11 апреля

Я приехала рано, на этот раз мне повезло. Сегодня не придется стирать.

В первой половине дня ясно светило солнце. Я завернула Марику в плед, вынесла ее на балкон и катала ее на кресле на колесиках. Она хохотала, наслаждалась игрой и солнечным светом. Сильно таяло. На дворе было настоящее наводнение.

С пациентами распрощался итальянский мальчик из палаты Яноша. Нижнюю часть руки длиной в 14 сантиметров ему растянули до 28 сантиметров. Кисть еще двигается не совсем хорошо, но парень очень счастлив. Он еще вернется, но сегодня улетает домой.

Вечером меня ждало письмо, это большая радость. Ева написала, что моя работа о трудовом воспитании получила премию на педагогическом конкурсе. Наверное, так же радовался и Янош Арань, когда выиграл конкурс Общества Кишфалуди с поэмой “Тольди”. Конечно, мой опус не великое произведение, но я все же получила стимул для дальнейшей работы. Сегодня день поэзии.

Ночью, без пятнадцати час, мне позвонили из Будапешта. Я все хорошо слышала, 21-го приезжают бабушка с дедушкой и Бёжике.

12 апреля

Странное, туманное утро. Заморозков уже не было, моросил дождь. Снег растаял практически за неделю. Постепенно оттаивает и промерзшая земля. На улице ужасная грязь, мы месим ее утром и вечером. Она буквально пожирает сапоги.

Ночью на дежурстве была Галя. К моему приходу она посадила Марику на горшок и одела. Мне не нужно было менять постельное белье.

Марика психически очень устала. Она горько плакала, держала меня за руку и не давала мне уйти. Я только сбегала домой постирать. Когда я вернулась с обедом, оказалось, что Марика описала четверо трусиков и двое колготок, покрывало и пододеяльник тоже промокли. Она плачет и писается с горя. Ее изматывают боль и несколько часов моего отсутствия.

Сегодня она с аппетитом съела мясной суп с брюссельской капустой, которой она раньше не видела.

– Маленькая капуста растет только для маленьких детей, чтобы они ее ели, – шутила я.

Марика с изумлением слушала и верила мне, а я тем временем тайком сунула ей в рот кусок мяса. Пасту с орехами и изюмом она съела сама, без уговоров. Медсестра сказала, что надо отвести девочку на рентген. Там мы ждали с двух до половины четвертого, я досадовала на долгое ожидание. Сначала делали рентген свежeproперированным пациентам. Марика описалась у меня на руках. Я попросила Сергея Васильевича исследовать ее мочу, подозревая, что у девочки воспаление

мочевого пузыря. Медсестра Александра Антоновна посмотрела ее, с завтрашнего дня ей будут давать лекарство, чтобы воспаление прошло.

Вскоре я отвела Марику к Илизарову. Сергей Васильевич а показывал профессору на свет новые снимки, мне тоже удалось украдкой посмотреть их. На большой берцовой кости хорошо видны две рассечки, под коленом и над лодыжкой, а на малой берцовой кости – только внизу. Бледные прозрачные костные ткани в районе переломов, образующие мозоль, растут по направлению друг к другу как сталактиты. Со времени операции прошел месяц, пометы на снимках точно показывают результат: удлинение в 2,6 сантиметра.

Один из итальянских врачей взял Марику за руку и погулял с ней по кабинету.

Девочка хорошо поужинала, съела жареную рабу с картофельным пюре и персиковый компот. Важно, что и сколько она ест, от этого зависит, какой будет новая костная ткань, которую человеческий организм выжимает из себя как жемчужная раковина – жемчужины.

Марика целый день рассматривала и целовала открытку, полученную от Гигики.²⁴ Она очень радовалась, что старшая сестра написала ей.

Я стирала и готовила до полуночи. Ото сна меня пробудил телефон, бабушка с дедушкой спрашивали, нашла ли я им жилье.

13 апреля

В больницу приходили Йожика и его мама. Эржи хочет уехать домой в пятницу. Она попросила меня поухаживать за ее сыном, раз уж я все равно здесь, иногда постирать его вещи, писать ей письма, она заплатит. Не надо мне платить, я не смогу заниматься этим даже за плату. Предлагаю промежуточное решение: надо поискать медсестру или маму, которая согласится на эту работу. Однако все расспросы оказались напрасными, желающих не нашлось. Марика нетерпеливо приставала ко мне, чтобы я закончила разговор.

Так иди наверх, если хочешь, ты уже можешь ходить! – сказала я, опустив ее на пол. Она разразилась ужасным ревом, то ли шла, то ли не шла вверх по ступенькам. Многие сбегались на плач. Здесь все знают, что больной должен ходить на собственных ногах. Упрямство ребенка удалось преодолеть с помощью коллективной воли, всеобщего стремления помочь и строгости.

– Я не хочу ходить! – капризничала Марика.

– Нужно ходить! Ты уже можешь ходить одна, Марика, – помогла в закалке воли мама из Болгарии. Она моргнула мне и дала знак, чтобы я спряталась. В отсутствие материнской поддержки ей удалось побудить мою дочку подняться наверх. Два

²⁴ Гигике – так называли в семье Вириаг, старшую сестру Марики.

этажа. Каждый день немного больше. Так закаляется воля и крепнет, выздоравливает ножка.

Я так устала, что, придя домой в десять часов, буквально упала на кровать, у меня не было сил ни стирать, ни мыть посуду. Сделаю все завтра.

14 апреля

Каждое утро я прихожу в себя под звуки советского гимна. Куранты на Спасской башне бьют шесть часов, звучит проникающая до нервов, победная, ритмичная, вдохновляющая музыка. Четверть восьмого я не поверила ушам: по радио объявили, что днем будет 18 градусов тепла. Можно расстаться с шубой.

По утрам на лужах еще видны ледяные разводы, но снежные пятна уже исчезли. Я спешила, чтобы Марика чего-нибудь не съела, потому что сегодня у нее возьмут кровь на голодный желудок. Ей тоже ударил в голову аромат весны, она не могла усидеть на месте.

– Отнеси меня во двор!

– Ну, иди! На собственных ногах!

Все удивились, когда девочка без единого звука зашагала, держась за перила лестницы и осторожно переставляя ноги.

– Идете гулять? – засмеялся Сергей Васильевич, увидев нас и с довольным видом следя за самостоятельными шагами Марики. Он поинтересовался, писается ли она. Я с радостью сообщила, что сегодня утром никаких проблем не было. Доктор достал из кармана листок бумаги, что-то написал на нем и попросил меня перевести это себе: “Обязательно скажите мне, если у ребенка будет что-то болеть”.

На первом этаже я одела на маленькую непоседу пальто, и мы вышли из здания. Радость Марики была неопишима, она беспрерывно вертелась, не желая утомиться. Потом я завернула девочку в свое пальто, чтобы она не замерзла, и мы обняли друг друга, наслаждаясь утренним солнечным светом. Вскоре нас позвала старшая медсестра Надежда Николаевна, чтобы взять у Марики кровь. Затем – завтрак и лечебная гимнастика.

После обеда мы довольно долго оставались на дворе.

17 апреля

Хоть бы один, один единственный раз можно было поспать подольше! У меня нет кофе, мне его не хватает. Он продается, но дорого по сравнению с другими продуктами. Здесь обычно пьют чай.

– Мария, – сказала мне вчера Раиса Ивановна, – завтра будет субботник. Мамы будут убирать помещения, мыть окна. Я прошу и вас принять участие в этой работе.

– Конечно, Раиса Ивановна.

Началась хлопотливая суета в коридоре, кипела работа в палатах. Мы очистили оконные щели, заложённые гипсом и заткнутые ватой, помыли стекла, рамы, стены. Марика с кровати следила за работой широко раскрытыми глазами.

– Мама, я так горжусь тем, что ты тоже работаешь.

– Вот и славно, – я поцеловала ее. Мама Наташа, посмотрев на нас, засмеялась.

Люди здесь активнее, в них больше коллективизма и меньше эгоизма. Начало благородной традиции общественной работы положил Ленин. Большинство людей считают участие в ней своей почетной обязанностью.

Покончив с уборкой, я начала гладить в коридоре постельное белье. Тем временем моя любопытная дочь рылась в моей сумке и высыпала из нее на кровать лекарства. Сергей Васильевич увидел и собрал их. Отдав лекарства, от строго отругал меня и спросил, для чего они предназначены. Я пообещала больше не приносить лекарства. Здесь с этим строго, можно принимать только то, что прописывают в больнице.

После обеда Света Вольфус, девочка лет пяти из Ташкента, дала Марике на время свои игрушечные ручные часы. Через некоторое время она попросила их обратно. В ответ на это Марика устроила настоящую истерику, страшно кричала, билась на кровати. Я еще не видела, чтобы она так плохо вела себя, и хлопнула ее по попе.

– Я не люблю тебя! Не хочу тебя видеть! – кричала Марика. Потом залезла под кровать. Прошло много времени, пока мне удалось утешить, успокоить ее. Ей всегда нужны игрушки других детей, и если не удовлетворить немедленно ее пожелание, она начинает ужасно плакать. Необыкновенно упрямая, норовистая девочка. Изо всех сил добивается того, что захотела. Характер проявляется уже в таком молодом возрасте. Яблоко от яблони недалеко падает. Моя мама рассказывала, как однажды давно, еще в детсадовском возрасте, я тоже страшно кричала из-за куклы, увиденной в витрине магазина. Я топала ногами, бросалась на землю. А когда позже мне купили эту куклу, я уже не радовалась ей.

– Будут тебе часы, куплю в ЦУМ-е, не плачь! – успокаивала я дочку.

Но ей были нужны только Светины, с красным ремешком и “позолоченным” ободком вокруг стеклянной крышечки.

В половине девятого я отправилась домой пешком. Был прекрасный закат. Пылало громадное огненно-красное солнце, нижний край неба постепенно менял оранжевый цвет на розовый, а затем на лилово-синий. По дороге в общежитие я все время оборачивалась и смотрела на эту небесную игру красок.

Вечером я готовила и испекла на завтра торт.

18 апреля

К утру стало пасмурно, накрапывал дождь. Странно, что погода здесь меняется так быстро.

Сегодня у Марики четвертый день рождения. Она обрадовалась подаркам, в том числе красивой светловолосой спящей кукле, которую мы называли Татьяной по имени нашего физиотерапевта. Марика получила и часы, другие, не такие, как у Светы. Мне удалось достать и врачебный набор. Марика немедленно начала обследовать куклу. Я застелила все шесть постелей, накрыла на стол, угостила поздравивших Марику девочек сиропом, тортом и апельсинами. Они подарили ей сладости, пасхальные яйца и игрушки.

Сергей Васильевич тоже подсел на несколько минут к празднующим детям.

Сегодня пасха. Мы с Галей сварили кофе, жидкий русский кофе. Втроем – к нам присоединилась Наташа – мы поговорили о венгерском сельском хозяйстве, заслужившем даже признание Брежнева. Они хвалили наши продукты, которые продаются в Москве, лечо, зеленый горошек, салями и колбасу. Было удивительно, что здесь все это дешевле, чем в Венгрии. Цены подгоняют к здешним зарплатам.

Марика весь день была веселая. Она уже неплохо ходит, зато мне не нравится, как она кушает. Она пристрастилась к сметане, полностью вжилась в роль кошки. Практически не хочет есть ничего другого. С Олечкой они долго играли в новые игрушки.

Вечером Петер и дедушка поздравили Марику по телефону с днем рождения, спрашивали, какая у нас погода, и что нам нужно. В среду приезжают бабушка с дедушкой.

20 апреля

Марика непрерывно играет с часами. Красные, синие, зеленые, – она вплетает их друг в друга и всем показывает. Девочки играли вчетвером, Марика, Оля и две Светы. Они самые маленькие в отделении. Одной Свете вытягивали ноги, а другой распрямляли аппаратом пальцы руки, спутавшиеся друг с другом. Я видела таких детей в Будапеште, на проспекте Каролины. Я спросила у ее мамы, что говорят врачи, в чем причина болезни. По их утверждению, на руку намотались выросшие из матки нити. В Венгрии в таких случаях ребенок получает протез, а здесь пальцы вытягивают маленьким аппаратом.

Я сказала медсестре Алле Фазиловне, что сегодня в полдень не вернусь в больницу, и попросила ее покормить Марику обедом, потому что завтра я жду гостей и у меня много дел.

На улице тепло, температура плюс 20–25 градусов. На деревьях и кустах набухают почки. На берегу Черного ручья – молодая зеленая трава, желтеют головки

одуванчиков. Девочки плетут из одуванчиков венки на голову, весело валяются на траве, наслаждаются весной. На них приятно смотреть.

Как хорошо светит солнце! Грязь высохла. Две недели назад еще лежал снег. Кто бы мог поверить?

Я постирала, развесила вещи на веревку, натянутую за зданием, одежда быстро высохла. Сварила говядину, приготовлю из нее тушеное мясо в соусе, праздничная еда для гостей.

К тихому часу я вернулась в больницу. Мне беспокойно, если рядом нет дочки. Алла Фазиловна встретила меня известием, что Марика съела борщ. Слава богу! Это первый больничный обед, который она нормально съела. Быть может, теперь жизнь станет полегче. Если можно будет, если Марика позволит, я буду приходить только по утрам и вечерам. А днем у меня будет небольшая передышка.

В результате лекарственного лечения воспаление мочевого пузыря прошло, Марика уже может одна ходить в туалет. Это большая радость для меня.

К тому же Марика была счастлива, что с ней играла маленькая красавица Света Вольфус. Маленькие “врачи” с помощью тонкой медной проволоки и ниток “обаппаратили” медвежат и кукол и забинтовали им руки. В такие моменты на детей радостно смотреть.

Позже четыре девочки уселись на широком подоконнике и высматривали прибывающих к ужину мам.

21 апреля

Я проснулась в половине пятого, быстро добралась до аэродрома. Точно в шесть часов приземлился московский самолет, на котором прилетели все гости, свекор, свекровь и ее сестра, Бёжике. Все трое уже приближались к семидесяти и впервые летели на самолете. В таком преклонном возрасте для этого нужна большая смелость.

Мы с Бёжике поехали в больницу. У Марики широко раскрылись глаза от удивления, когда я вынесла ее на балкон, она не хотела верить, что видит Бежике. Они сердечно обнялись. У Бёжике неутомимая, жертвенная душа. Марика для нее – самое дорогое существо на свете. Когда Марика родилась, она попросила отдать ей ребенка навсегда, хотела удочерить его. У нее не могло быть ребенка, а я могу родить еще.

– Навсегда не дадим, но девочка может часто бывать у тебя.

Бёжике с радостью взялась помогать в воспитании ребенка, забирала его из яслей, водила в кино, в Парк отдыха, на остров Маргит, на игровую площадку. Берегла девочку как зеницу ока. Бёжике хотела стать воспитательницей в детском саду, она бесконечно терпелива с малышами. Но ее мечта не осуществилась. В молодости она жила в большой бедности, потом началась война, страшная угроза подне-

вольного шествия, депортации. С помощью Рауля Валленберга Бёжике счастливо избежала смерти. Пока она поправилась, ее молодость кончилась. Она редко говорила об этом, не хотела вспоминать то ужасное время. За нее говорили ее дела, ее доброе сердце и и любовь к детям. Больше всего мне хотелось бы написать ее имя и эти строки о ней золотыми буквами. Не могу выразить словами, как я благодарна ей за все то, что она делает для моей дочери. Если бы она не помогала нам, наша жизнь была бы труднее и в материальном отношении. После рождения Марики я не могла не работать, довольствовавшись пособием по воспитанию детей, как бы это ни было желательно, учитывая состояние ребенка. На что бы мы жили? Из зарплаты Петера вычитали алименты за троих детей. Одиноким матерей всячески поддерживают. Быть второй женой разведенного мужчины гораздо труднее. Но я приняла эту судьбу, чтобы помочь ему. Приходилось копить на квартиру, на больницу, вечно работать, считать каждую копейку, заработанную учительством, наименее доходной интеллигентской профессией.

К обеду мы снова вернулись в больницу, теперь уже все вместе. Бабушка с дедушкой ждали Марику на скамейке во дворе. Она так обрадовалась им, что вся раскраснелась, залилась смехом и, прихрамывая, подсакивала как птичка.

Влажные от слез глаза, растроганные пожилые люди, малюсенькая внучка, – приятнейшие мгновения в жизни.

Мы достали праздничный торт. На нем четыре маленькие свечки. Марика дала им имена: Гигике, Марцика, Даника и она, Марика. Ей вспомнились дни рождения у бабушки, в Венгрии, когда свечки задували все четыре брата и сестры вместе. Она ужасно рыдала, когда бабушка с дедушкой, усталые и сонные, ушли из больницы. Уже и мои нервы не выдерживали этих рыданий. Чтобы я ни пробовала, сказку, куклы, она все равно требовала бабушку с дедушкой.

В девять часов меня отослали домой. Галя взяла Марику на руки, покачивала ее. Уходя, я еще слышала, как Галина дочка заплакала от ревности: – Всегда только эта Марика!

На этой неделе гайки на аппарате Марики подкручивают только дважды в день.

24 апреля

Утром я проехала на 12-м автобусе через деревню со сказочными деревянными домиками, чтобы посмотреть, насколько распустились почки на кустах сирени перед воротами. При виде платка женщины, подметавшей мусор, я улыбнулась. На платке был машинный узор, черно-белые бужакские цветы и завитушки на белом поле. Как попал сюда этот узор? Или, наоборот, отсюда попал к нам? Какие похожие мотивы! Бужакская вышивка одна из старейших в Венгрии. Может быть, она осталась от финно-угорской эпохи и хранилась тысячелетиями? Хорошо бы было почитать об этом где-нибудь.

Заставляю Марику учиться слезать с кровати и идти в туалет. Она уже достаточно хорошо ходит, чтобы самостоятельно справлять нужду.

Вчерашний день мы провели с бабушкой и дедушкой, делая покупки и осматривая город. Купили Марике в ЦУМ-е красивую куклу-эскимоса. – Не хочу, – отозвалась капризным голосом маленькая виновница торжества. Она важничает, задается, все восторгаются ей. Слишком много хорошего – это тоже плохо.

Дочка опять не хотела ходить, сойти во двор на небольшую вечернюю прогулку. Мне уже очень стыдно, что она так много плачет душераздирающим голосом, все смотрят на нас. Я отшлепала ее по попе. После долгих уговоров она все же спустилась по лестнице. Но увидев внизу дедушкин жалостливый взгляд, снова заупрямилась, как то самое общеизвестное четвероногое. Как хорошо она ходила несколько дней назад. А теперь не хочет. Дедушка неодобрительно покачал головой, когда я отшлепала его маленькую внучку. Наши принципы и практика воспитания не совпадают. Конечно, если человек с нормальной психикой впервые попадает в больничную атмосферу, то при виде такого множества страдающих, но стремящихся вылечиться взрослых и детей у него на лице отображается сочувствие и желание помочь. У некоторых людей просыпаются и муки совести из-за того, что они здоровы, а эти больные с аппаратами – нет. В первые недели так же было и со мной, я обнаружила в себе те же самые чувства. Однако через некоторое время зрелище страданий становится привычным, и понимаешь, что для успеха лечения нужно ужесточить, если не сердце, то по крайней мере выражение лица и голос. А помогать нужно не в сиюминутных интересах, а имея перед глазами долгосрочную цель. Ведь руки и ноги выздоравливают, когда ими пользуются, а не когда их постоянно щадят. Жилы, нервы, мышцы и суставы не должны бездействовать, потому что позже будет еще хуже. Кости связывает корпус аппарата. Боль нужно переносить, даже если это иногда трудно. В страданиях закаляется душа.

Я вспомнила Михая Вацци²⁵ и Ласло Нада. Сколько страданий они перенесли “под ножом”, сколько физической боли выпало на их долю, и насколько отзывчивой и богатой стала их душа.

Вечером Галя пошла в кино, мы прогулялись пешком до “Спутника”. Галя звала и меня, но я не присоединилась к ней. Мы хорошо поговорили. Галя работает наборщицей в типографии. Я узнала, что сегодня родительский день, день поминовения усопших через неделю после пасхи. Поэтому люди несли на кладбище венки из искусственных цветов. Название романа Толстого “Воскресение” нельзя путать с днем недели воскресеньем. Если бы Галя не объяснила, я сама не догадалась бы, в чем разница.

Мы распрощались друг с другом, она пошла в кино, а я – дальше, в общежитие.

²⁵ Михай Вацци (1924–1970) – венгерский поэт и переводчик, лауреат премии Кошута. С молодого возраста страдал болезнью ног.

Меня не оставляет в покое история Нехлюдова и Катюши, я решила достать роман на русском языке, это тоже научит меня чему-нибудь.

В своей трансильванской трилогии Мориц глубоко показывает отношения между мужчиной и женщиной, их борьбу друг с другом, изменение накала чувств. Подход Морица – драматический.

Роман Толстого отличается своим лиризмом. Изображая любовь сдержанно, неяркими красками, писатель придает ей лиричность, и это самое прекрасное в романе. Мне особенно нравится процесс духовного очищения, воскресения, облагораживания личности героев произведения. Я думала об этом по дороге домой.

Свекор и свекровь уже очень ждали меня. Я радовалась семейному разговору. Речь шла сначала о Марике, а потом о Петере, о том, как он живет дома в одиночестве. Бёжике готовит для него, его мать стирает и гладит его вещи, а он в свободное от работы время учит эсперанто и ждет письма из Кургана. Ему, наверное, плохо без нас. Я мысленно перебрала радостные и горестные события нашей совместной жизни. Огромное расстояние в пространстве и времени заставило меня понять, как мы связаны друг с другом.

Когда стемнело, мы легли спать. Дедушке с бабушкой отвели свободную комнату наверху, а мы с Бёжике спали на первом этаже.

25 апреля

Сегодня первое воскресенье, которое я не провожу целиком в больнице. Марика очень сильно плакала, когда я уходила от нее.

– Подумай, дочка, как ты должна себя вести! Что ты вытворяла вчера и позавчера? Ты совсем не ценишь, что все тебя любят, не отвечаешь на это хорошим поведением. Ты разважничалась, получив много подарков. Бабушка с дедушкой приехали издалека поздравить тебя, а ты капризничаешь. Разве хорошие дети так себя ведут? – прозвучало строгое материнское внушение.

Было непросто покинуть ее. Я видела ее личико и отразившееся на нем отчаяние. Но нельзя было без единого слова терпеть ее строптивость. К тому же нужно было идти домой и из-за стирки, в больнице не было воды.

Сделав все дела, я, конечно, не смогла успокоиться. Я хорошо себя чувствую только рядом с дочкой, хотя иногда это очень утомительно. Вместе с дедушкой мы отвезли в больницу обед. Марика снова мало кушала. Через некоторое время я еще раз подогрела еду и начала кормить Марику. Понемножку, чтобы ее не вырвало. Потом она играла, рисовала с дедушкой в коридоре. Они хорошо понимают и любят друг друга. Дедушка очень снисходителен к ней, быть может, он сильнее других родственников балует ее. Ему простительно: он видит в ней себя в детском возрасте. Когда ему было три года, он опрокинул на себя керосиновую лампу, получил сильные ожоги, тяжелое повреждение левой части лица и травму уха. Из-за

этого он провел много времени в больнице во время первой мировой войны. Позже, уже будучи взрослым мальчиком, он спрыгнул с едущего трамвая, который отрезал ему стопу. С тех пор он ходит со специальным приспособлением. Поэтому ему так понравилась маленькая внучка сразу после ее рождения. Дедушка быстрее всех понял, что Марику ждет похожая судьба. Но теперь эта судьба минует ее, потому что мы привезли ее в Курган.

Я тихо, с любовью посматривала на них, сидя за вязаньем. Отдых пошел мне на пользу. Я закончила красную кофточку с капюшоном, подарок ко дню рождения Марики. Она немедленно надела ее и не снимала до самого вечера.

Позже мы разговаривали втроем – Галя, Шура и я. Мы готовили, но только на словах. Они спрашивали, как готовят наше лечо. Шура рассказала, как у них делают голубцы, в начинку нарезают укроп и зелень. Мы подшучивали над Галей, говоря, что у них всегда едят рыбу да грибы, кашу да картошку. Игра слов ей понравилась, но все же она немного обиделась. Шура – простая армянская деревенская женщина. Ее первая дочь родилась с вывихом бедра, ее вылечили здесь. Вторая дочка появилась на свет с тяжелой болезнью суставов и пороком развития костей. Позже Шура родила еще двух здоровых мальчиков. Храбрая женщина. Доверяет только Илизарову. Сейчас лечат ее вторую дочку.

Вечером мы с бабушкой прогулялись до общежития. Звонил Вилен, интересовался, как чувствуют себя бабушка с дедушкой. Потом я поговорила с Борисом, который пообещал навестить нас завтра.

26 апреля

Неуклонно наступает весна. Листочки на деревьях растут день ото дня. За больницей – молодой, таинственный, зеленый лес. Еще белеют стволы берез, но ветки уже покрываются зеленью листьев. Сегодня почти по-летнему теплый день.

В городе красят ворота и заборы, белят дома, тротуарные бордюры. Город готовится к первому мая, принимает чистое, праздничное обличье. На придорожные деревья и столбы вешают красные звезды, флаги, серпы и молоты. Приближается большой праздник, интересно, каким он будет.

Вчашнее внушение пошло Марике на пользу. Видимо, она призадумалась над сказанным. Сегодня она прогуливалась с палочкой, показывала, как хорошо ходит. Это результат строгости тети Татьяны. Бёжике щелкала фотоаппаратом, запечатлевая неуверенные шаги ребенка, а затем Марика играла с дедушкой на скамейке, а мы втроем беседовали внизу, во дворе. Вечером к нам пришел Борис с младшей дочерью, красивой, высокой, темноволосой девочкой с большими глазами. Ее зовут Инессой, она девятиклассница. Мы открыли мускатное вино и поговорили о Кургане, об Илизарове и о Марике. Я довольно неплохо переводила. Не ожидала,

что мое знание языка настолько продвинется за два месяца. Борис пригласил нас к себе на первомайский обед.

После их ухода я мысленно собрала всю собранную мною информацию о Кургане. Около 1750 г. здесь еще стояло всего несколько деревенских домиков. В начале позапрошлого столетия сюда сослали нескольких декабристов, выступивших против Николая I. Декабристы были первыми образованными людьми в этом краю. Они научили местных жителей разным занятиям и разведению разнообразных растений. В окрестностях города жило много сосланных и осужденных, их потомки остались жить здесь. Во время второй мировой войны в городе действовал военный завод, производились танки, сюда из европейской части страны переселили беженцев, спасавшихся от немцев. После войны в результате социалистической индустриализации стремительно увеличилось население города. В настоящее время здесь живет около трехсот тысяч человек. В городе работает много заводов и фабрик. Расположенные здесь технический, сельскохозяйственный и педагогический институты снабжают Курганскую область специалистами. Но мировую известность Кургану доставило имя Илизарова, лечебная деятельность, которая ведется в его больнице.

28 апреля

Марика встретила меня заданием купить ей леденцов, конфет и жвачки, она угостит ими всех детей, а потом ее тоже отпустят домой.

– Хорошее наблюдение, доченька, но сначала нужно разрешение, только потом настанет очередь шоколада.

По здешнему обычаю покидающий больницу ребенок угощает остающихся. На этот раз домой уезжает болгарский мальчик. Наш отъезд еще далеко.

Кроме этого, Марика захотела, чтобы я всегда носила белый халат, потому что тогда все будут думать, что я работаю в больнице и не будут отсылать меня домой. Чего только она не придумает!

Упорные упражнения в слезании с кровати дали результат. Сегодня опять нет белья для стирки. Большая радость, меньше работы.

После обеда Марика ужасно раскисла, не спала в тихий час, потом не хотела идти гулять, вообще ничего не хотела, точнее, все время выдумывала что-то другое. В таких случаях для нее нужны стальные нервы. Дедушка взял ее на руки, она поворочилась и вскоре заснула. Мы сняли свитера и накрыли ее, чтобы она не простудилась. Через некоторое время дедушка устал, я взяла ребенка и отнесла его в постель.

29 апреля

Утром я сообщила по телефону в Москву, когда и каким самолетом полетят домой бабушка с дедушкой. Вилен обрадовался, что я поздравила его и его семью с первым мая.

После обеда многих детей вызвали на осмотр к Илизарову. Мы ждали с четырех до семи, потому что он совещался со строителями новой больницы, среди которых был и Борис. Идет заключительный этап строительства. Его начали семь лет назад. Читаю биографию Швейцера и думаю об Илизарове: когда Швейцеру исполнилось пятьдесят лет, он *“вдруг принял решение начать новое строительство. Не просто строительство нового корпуса или новых корпусов, а строительство совершенно нового больничного комплекса, на новом месте...”*.

Африка и Сибирь, разница по времени – пятьдесят лет.

Швейцер и Илизаров. Похожие заботы и задачи, как похожи и цель их жизни, их деятельность и настойчивость. В профессорском кабинете уже долгие годы стоит макет новой больницы. Мечта, проект постепенно претворяются в жизнь. Новая больница скоро будет открыта.

Борис, участвовавший в руководстве строительством, сказал, что Гавриил Абрамович очень требователен. Он вникает во все, от проектов до строительства и выбора мебели, следит даже за качеством и цветом линолеума.

– Я строю не дачу для себя, а больницу для своих пациентов, – обычно говорит профессор.

Ему уже за шестьдесят, но он по-прежнему трудится не покладая рук. Илизаров начал обследовать детей после семи вечера. Марика самая маленькая, поэтому она первая в очереди. Так как она плакала, позвали и меня. Я посмотрела сделанный сегодня рентгеновский снимок. В местах обоих переломов была видна сплошная прозрачная пелена новой костной ткани. Она медленно растет подобно сталактитам.

Профессор объяснил Сергею Васильевичу, как осуществить ремонт аппарата, фиксацию колец. Показал кистью, насколько нужно наклонить нижнее кольцо в сторону стопы.

– В конце мая сможете вернуться домой, – засмеялся Илизаров, глядя на меня.

Не могу поверить в это. Если бы это время уже пришло! Домой! Как еще далеко до этого! Операция руки в этот раз не состоится. Мы еще приедем сюда позже.

30 апреля

В первой половине дня я разговаривала по телефону с Петером. Мы поздравили друг друга с пятилетней годовщиной свадьбы. Прощаясь, я услышала, что его голос дрогнул.

– Ну, не горюй, мы скоро вернемся домой! – Мне было приятно чувствовать, что он очень ждет и скучает по нас.

Когда после обеда мы вернулись к Марике, она сидела на кровати с болезненным выражением лица. Сергей Васильевич сделал ремонт, сдвинул спицы в кости, затянул гайки. Сегодня была и перевязка.

– У меня болит нога, погладь ее, – попросила моя красавица.

Только мне можно было прикоснуться к ней, я взяла бедняжку на руки и приласкала.

– Беги вниз, – сказала бабушка, – подошла очередь дедушки, он сейчас войдет к профессору.

Бёжике осталась с Марикой. Я побежала по лестнице причесываясь на бегу. За моей спиной кто-то произнес:

– Хватит, вы уже и так красивая!

Я обернулась на шутливый, рычащий голос. На несколько ступенек выше за мной стоял Гавриил Абрамович.

– Я как раз бегу к вам, – ответила я.

Мы вошли к нему в кабинет. Поблагодарили за потраченные усилия, за лечение Марики.

– Когда будете спать дома, подложите это под голову! – сказала я улыбаясь и отдала ему привезенные в подарок скатерть с узором Ракоци и подушку. Он весело рассмеялся и поблагодарил меня за красивую ручную работу. Дедушка подарил профессору какую-то особенную ручку. Гавриил Абрамович еще раз поблагодарил нас за любезность и повторил, что скоро мы сможем вернуться в Венгрию.

В этот день солнечный диск на краю неба показался мне необычным.

1 мая

Наступил день, к которому всю неделю готовились город и вся огромная страна. Очень тепло, почти летняя погода.

Сегодня к Марике в больницу пошла Бёжике. Бабушка, дедушка и я собирались в гости.

В сопровождении младшей дочки Бориса, Инессы, мы, проехав на такси в объезд по окраине города, добрались до берега Тобола. Борисова квартира расположена на улице Климова, в новом доме, где живут Илизаров и другие врачи больницы. Нас ждали жена Бориса, Софья, и его старшая дочь Регина. После взаимных представлений мы посмотрели по телевизору курганскую демонстрацию. По городу двигались массы людей. Илизаров и Борис стояли на трибуне, установленной на центральной площади, около памятника Ленину. Позже транслировали и московскую демонстрацию. В столице люди были одеты в пальто, там только что раскрылись почки на деревьях. Здесь все деревья уже красуются своей листвой.

Мы подождали, пока Борис придет домой, и сели обедать. Борис сказал тост в честь гостей и снова пообещал помогать нам в лечении Марики. Мы искренне поблагодарили его и чокнулись токайским вином. Я отметила, что царь Петр Великий очень любил это наше вино. Софья и Регина приготовили вкусный обед, на столе были печень с луком, жареная рыба, жареное мясо, салат, картошка, торт. Я поинтересовалась, откуда помидоры. Быть может, болгарское производство? Борис принес пятилитровую банку. Я прочитала этикетку и не поверила собственным глазам: консервный завод “Глобус”, Будапешт. В Венгрии я не видела таких консервов, не исключено, что их делают только на экспорт.

Из напитков, кроме нашего вина, были водка, смородиновое вино, шампанское, ликер, чай. Со времени приезда в Курган я не ела такого вкусного обеда. Мы хорошо посидели, поговорили.

Регина учится в медицинском институте в Челябинске, туда же собирается поступать и Инесса. Мы пригласили их в Будапешт. Может быть, следующим летом они приедут к нам.

Переводя бабушке с дедушкой с русского на венгерский, я вдруг с удивлением обратила внимание на одно предложение, сказанное Борисом. По его словам, Валентина Ивановна Грачева, главврач детского отделения, считает, что жизнь в Кургане – настоящая сибирская каторга для тех матерей, чьи дети лечатся здесь. Я переспросила, и он повторил это слово: каторга. Валентина Ивановна много лет видит материнские судьбы и знает, сколько эти женщины трудятся, бьются вместе с врачами и детьми ради здоровья своих близких. Борис и его семья нередко разговаривают с ней, они соседи.

Софья упаковала немного еды с обеденного стола для Марики и Бёжике.

Когда мы приехали в больницу, Марика уже выспалась, была очень мила, рассказывала нам и прочитала наизусть стихи. Бабушка с дедушкой поразились ее памяти.

– Отцовское наследство, – заметила я, чтобы усилить их радость.

Вечером с помощью Бёжике я искупала Марику и помыла ей голову. Она была замечательно красива с только что помытыми, светлыми кудрявыми волосами. – Русалка, – говорили о ней мамы и дети.

Сегодня был хороший день.

3 мая

Уже из коридора я слышала, как сильно плачет моя маленькая красавица. Она ворочалась в постели до тех пор, пока не упала и не ушибла ногу об Олин костыль. Я утешала и целовала ее, надевая на нее одежду. Она очень сильно похудела за эти два месяца. Без аппарата она весит не больше 13 кило. Когда мы уезжали из Будапешта, ее вес был 15 кило при росте в один метр. У нее тонкие ножки и ручки,

бледное личико. Ее физически и психически изнурила операция, перенесенная боль и само пребывание в больнице. К тому же она мало спит. Здесь нет покоя. Она попросила, чтобы я добилась для нее разрешения уехать в Будапешт вместе с бабушкой и дедушкой. Она хочет к отцу в Бекашмедер и к тете Пири в ясли. Машеньку с мамой уже отпустили домой в Москву. Марика тоже не хочет больше оставаться в больнице. Она так проникновенно поведала нам свою печаль, что нам оставалось только грустно слушать ее.

Пришел Сергей Васильевич, подвесил груз, чтобы нога в колене оставалась вытянутой. В ответ на это Марика снова начала плакать. Потом последовала лечебная гимнастика под строгим надзором тети Татьяны.

После обеда Марика заснула, я охраняла ее сон. Девочка была очень измотана. Ее соседи по палате ушли в школу. Я заперла дверь, чтобы не слышался шум из коридора, оберегала тишину и любовалась ровным дыханием девочки, ее красивым личиком. Дорогая моя малышка, сколько еще придется тебе страдать ради того, что для других вполне естественно! “Я не хотела родиться с такой ногой!”. Как часто я вспоминаю эти слова, и как больно мне слышать их. Я отдала бы тебе свою ногу, но ее нельзя прилепить, как мы обычно лепим пластилиновые фигурки. Если можно что-то сделать с твоей ногой, то это могут сделать только здешние замечательные, добросовестные врачи. Но для этого нужно много времени, и придется вытерпеть много боли.

Сегодня бабушка с дедушкой в последний раз навестили Марику. Она приветливо болтала с ними, переходила с рук на руки. Усердная и ловкая бабушка за время своего пребывания здесь сшила Марике на руках шортики, застегивающиеся с левого бока, девочка расцеловала их от удовольствия. Бабушкины глаза увлажнились при виде счастливой внучки. Вряд ли какая-либо из сшитых ею вещей принесла ей столько радости, а между тем она немало шила за свою жизнь.

Я попросила Бёжике остаться с нами еще на месяц и готовить, пока я стираю, стою в магазинных очередях и гуляю с Марикой, но Бёжике не согласилась. Бабушка с дедушкой пошли укладывать вещи.

Я начинаю сдавать. По утрам просыпаюсь с головокружением и головной болью. Я сильно похудела, жизнь тяжела. Курган – это сейчас моя задача. Нужно держаться, чего бы это ни стоило.

На ужин был творог. Галя испекла из него сырники. На первый взгляд их легко приготовить, но нужна большая ловкость. Все ели и хвалили сырники. Марика попросила положить на них сметану и облизывала сметанные “усы” как кошка.

Я не сказала дочке, что бабушка с дедушкой завтра улетают домой. Зачем причинять ей боль? Она не смогла бы спать от горя.

В девять часов вечера я попрощалась с ней. Это был первый случай, когда она не плакала при расставании.

– Ты любишь меня, мама? – она обняла меня за шею и целовала мое лицо.

– Конечно, люблю.

- А бывает больше миллиона?– неожиданно спросила она.
- Бывает. Десять миллионов, сто миллионов.
- Вот столько раз я тебя и люблю. Чувствуешь?
- Чувствую, моя красавица.
- Не исчезай, счастье, редкое мгновение!

4 мая

Самолет взлетел в семь часов, я смотрела, как он уплывает в сторону Москвы. Там бабушку с дедушкой будет ждать Вилен.

Я быстро приехала в больницу и сказала Сергею Васильевичу, что после перемонтажа у дочки болит нога, нижнее кольцо сильно давит на стопу. И, как мне кажется, с того времени немного увеличилась и кривизна голени.

– Боль пройдет, она от ходьбы. А кривизна – это запас, – он нашел в словаре нужное слово, – при ходьбе она компенсируется. Ведь вы сами видели, напомнил он, как Гавриил Абрамович показывал, что на внешней стороне голени должен быть изгиб, потому что от ходьбы прогнулась внутренняя сторона. Я все сделал так, как сказал Илизаров.

Ему удалось успокоить меня. Им лучше знать, что и как нужно делать.

Йожки не стали оперировать, потому что он простудился и кашляет. Его мама осталась с ним, Раиса Ивановна убедилась, что раз надо, значит надо.

Сегодня много оперировали. Педжа, парень из Югославии, еще и в семь часов был в операционной. В девять, уходя домой, я заглянула в мужскую палату. Тогда он уже лежал на кровати с аппаратом на бедре и на голени. По плану большую разницу в 38 см нужно ликвидировать в два этапа, сейчас он пробудет здесь год, потом поедет домой отдыхать, а затем – снова операция. Янош чувствует себя хорошо, прогуливается. Он попросил меня принести яблок с рынка и пожаловался, что стопа у него к вечеру распухает, болит, сейчас это самое чувствительное место. Взрослым тоже нелегко.

Целый день шел дождь, вечером тоже был ливень. Ветер приносил приятный аромат цветов. В общезитии меня ждало письмо от моих учеников, они сообщили, что хорошо учатся и описали свою экскурсию.

5 мая

Ветер разогнал облака, лишь оставшиеся кое-где лужи напоминали о вчерашнем дожде. Как быстро меняется здесь погода!

У Марики на ушах, справа под мышкой и на руке образовались маленькие пузырьки. В этих местах кожа чешется, Марика расчесывала ее, после чего появились красноватые ранки. Я показала их Алле Фазиловне, она дала нам мазь.

У девочки, которая в понедельник легла на место Машеньки, руки и ноги были покрыты такими пузырьками. Не понимаю, как можно было ее госпитализировать с такой сыпью? Лена и Марика часто играли вместе.

Сегодня на лечение прибыло двое венгерских детей, они ждали Илизарова до позднего вечера.

Вечером Марика была очень мила. Мы играли в куклы, и я читала ей сказку из книги “Принц Болшенет”. Потом она нарисовала мне деревья с черешнями, а над ними большое и маленькое солнце.

- Это его ребенок, – объяснила она.
- Я все понимаю, солнышко ты мое.

Весна прекрасна. Цветут деревья и кусты, испуская пьянящий аромат, очаровательное зрелище.

7 мая

Дул очень сильный, холодный северный ветер.

Утром я отвела Марику во врачебный кабинет и показала сыпь собравшимся там врачам. Уши, руки, обе подмышки, окружность носа и рта, больше того, даже спина девочки были сплошь покрыты красными пузырьками. Сыпь чесалась, Марика расчесывала ее.

Сергей Васильевич покачал головой, Валентина Ивановна вскочила с места и осмотрела Марику вблизи, Владимир Никандрович заметил на спине у ребенка новую сыпь.

- Ветрянка, – сказали врачи и удивились, что на животе нет сыпи.
- Марика уже переболела ветрянкой в двухлетнем возрасте, – сказала я и показала маленький рубец под носиком ребенка.
- Это может быть кожная инфекция. Мы пригласим к девочке дерматолога из поликлиники, – успокоила меня главврач.

В первой половине дня мы с мамой Йожки поехали в город за покупками. По дороге я попробовала квас. Его продают на улице из огромных бочек. Это похожий на пиво напиток коричневого цвета со сладковато-кислым вкусом, его делают из сухого ржаного хлеба. Мне он понравился, Эржике – нет. Она жаловалась, что ей негде жить, сейчас ей приходится приезжать издалека. Она ищет комнату вблизи больницы. Такую комнату нелегко найти.

Как только Марика заснула после обеда, я сбегала в овощной рядом с больницей за огурцами. Собралось много покупателей, мы ждали открытия магазина, с часу до трех он закрывается на обед.

Поблизости стоял старый железнодорожный вагон длиной с целую улицу, использовавшийся под жилье, на окнах – занавески и герань. Перед вагоном играли

дети. Как можно выдержать в таком вагоне здешнюю зиму? Я вспомнила нашу временную квартиру в Будапеште. Как часто я мерзла в ней!

Мне удалось купить огурцов. Пока меня не было в больнице, мать увезла новую девочку из-за сыпи. А мою дочку намазали какой-то коричневатой-лиловой жидкостью. Бедняжка очень жалко выглядела. Мазь щипала, кожа зудела, я держала девочку за руки, чтобы она не чесалась.

– Ольга Петровна вымазала меня, – жаловалась она всем любопытствующим, всхлипывая.

– Это прописал дерматолог, от этого сыпь пройдет, – сказала медсестра.

Когда вечером я вернулась домой, в большом зале уже во всю шел праздник, гремела музыка, веселились люди.

По телевизору показывали фильм о войне, на экране был виден Гитлер.

Завтра будет праздник, День Победы.

9 мая

Сегодня большой праздник для советских людей. И для всего человечества. Конец ужасной войны. С семи утра по радио произносили тексты, полные пафоса.

Кожная инфекция измучила моего бедного ребенка. Я очень жалела ее. У меня опять вдоволь вещей для стирки, я меняю постельное белье два-три раза в день. Его нужно хорошо выварить и прополоскать. К счастью, погода хорошая, и белье быстро высыхает на воздухе. При виде множества страдающих, просящих помощи детей я даже не думаю о собственной усталости, бегаю туда-сюда, делаю все, что нужно. Помогаю детям сходить в туалет, мою полы в палате и коридоре, кормлю Марику, гуляю и играю с ней, рассказываю ей сказки. Так проходит день.

Марика сказала главной медсестре Надежде Николаевне, что она хотела бы, чтобы всегда были суббота и воскресенье, потому что тогда ее мама была бы все время с ней. На короткое время она нашла себе партнеров для игр, они играли в прятки, прятались за дверями, в шкафах. Марика настолько погрузилась в интересную игру и так увлеченно смеялась, что в конце концов описалась.

Кормить ее – опять сплошное мучение. Нужно ангельское терпение. Это огорчает меня сильнее всего. Сегодня после обеда девочка вела себя очень беспокойно, на короткое время заснула, обняв новую куклу, но вскоре проснулась от шума. Я попробовала ее успокоить, но она закатила истерику и с криком залезла под кровать.

– Уходи отсюда, не люблю тебя! – брыкалась Марика. Я попробовала выманить ее, чтобы она не валялась на полу.

Я очень расстроилась, даже выступили слезы из глаз. Это возраст упрямства, нужно выдержать. Я вышла в коридор. Галя тоже попыталась выманить Марику

из-под кровати, но та продолжала упрямствовать. Она осталась одна в палате и вскоре начала плакать.

– Мама, вернись, не сердись на меня!

Я вернулась, она вылезла из-под кровати, покушала, и мы сошли во двор. Там на скамейке она устроилась у меня на руках и уже не вела себя как маленький чертенок, поглаживала мое печальное лицо.

– Я больше не буду так огорчать тебя.

Как хорошо было бы уже уехать домой! Мы обе живем здесь уже почти три месяца и очень устали. Письма приходят редко. Мои силы и жизнерадостность, двигавшие мною в первое время, начали иссякать. Я вспомнила о Михеэ Ваца, так много страдавшем “под ножом”. И о его матери, ухаживавшей за ним в холодной дребенской больнице. О той упрямой вере и воле, которые побуждали ее заботиться о сыне. На это способна только мать. Их пример дает мне силы. Как там говорится у поэта?

Жизнь нелегка была сегодня.

Она не будет легкой никогда.

Но жить ведь стоило! – я верю в это твердо,

И, верю, будет так всегда.²⁶

Нужно выдержать. Стоит ли, нет ли. Ради Марики. Стоит. Она мое главное сокровище.

У нас впереди еще два месяца. Я не хочу сейчас добиваться, чтобы Марике прооперировали руку. Это было бы слишком много для нас обеих. Для нее – слишком много боли, для меня – тяжелого труда. Надо отдохнуть. Мы нуждаемся в тишине. Я хочу спать, долго. От усталости у меня перед глазами все чаще мелькают круги, блестящие точки.

– Здесь тоже Венгрия? Вон там большие дома. Это Бекашмедер, – показывает Марика по ту сторону больничной ограды.

– Венгрия в нас, дочка. В твоём сердечке и в моем тоже. А там строят новый Курган.

Тоска по родине все мучительнее. Марика тоже хочет домой. Постепенно в нас строится Загон.²⁷

Поднялся ветер. Нижняя часть неба краснела.

²⁶ Строки из стихотворения Михеэ Ваца “Стоит ли, нет ли”.

²⁷ Загон – деревня, где родился венгерский писатель Келемен Микеш (1690–1761). Большую часть жизни до самой смерти он вынужден был провести в изгнании, мечтая еще раз увидеть родную деревню. В дневнике Марии Кадаш Загон – символ тоски по родине.

Вечером позвонил Вилен. Интересовался, как мы поживаем. “Дорогой старый солдат, поздравляю тебя с Днем Победы”, – сказала я ему. Он засмеялся в трубку, засмеялся весело и с любовью. Таков был его ответ на мое неловкое поздравление.

10 мая

Отчего же эта кожная инфекция? Быть может, корь. Моя бедняжка выглядит очень печально. Сегодня ее снова осмотрел дерматолог. Новой сыпи не обнаружилось. Старую помазали желтой мазью.

В рабочем общежитии я, по просьбе комендантши Галины Николаевны, которая захотела вернуться в кабинет на первом этаже, переселилась на третий этаж, в 39-ю комнату. Пришлось раз десять подняться и спуститься по лестнице, пока удалось перетащить все пожитки. Вещи покрупнее помогли перенести Раиса Симоновна и ее муж, Евгений. Я устроилась и устала. У меня ныли ноги и поясница. Здесь тише, а комната поменьше и не такая уютная. После переезда – готовка и бегом к ребенку.

В больнице я поговорила с женщинами об условиях жизни, о ценах в Венгрии и СССР. Все умножали, переводили рубли в форинты. Собеседницы удивлялись, что у нас такие дорогие квартиры и продукты. Конечно, зарплаты тоже другие. Речь зашла о здешнем снабжении товарами, о маленьком выборе, о качестве и об очередях. Иногда я не знаю, что приготовить ребенку. Сама я стала очень непритязательной. Каждый божий день ем больничные каши. Экономлю на этом время и деньги. Гречка и пшенная каша мне даже нравятся.

Стояла прекрасная погода, мы опять спустились во двор. Я взвалила Марику на спину. “Купите каши!” – кричала я, неся девочку на себе как мешок. Марика хохотала, когда ее начали щипать за попу.

11 мая

Утром Сергей Васильевич посмотрел моего ребенка и сказал, что надо внимательно следить за Марикой, чтобы она не расчесывала себе ранки. Сколько бы я ни спрашивала, он так и не объяснил, почему появилась сыпь, а только сообщил, что с сегодняшнего дня Марике в течение недели будут делать четыре укола в день, и ее надо кормить только молочными продуктами и приготовленной из них едой.

Получила письмо от Петера, оно было написано 14 апреля, шло к нам почти целый месяц. В письме – небольшой подарок Марике к дню рождения, милая открытка. Я ответила мужу, что была бы рада, если бы он смог приехать за нами, ведь поездка домой будет непростой. Можно будет провести несколько дней у Вилены, посмотреть Третьяковскую галерею и Кремль.

На кухне во время готовки мы разговаривали с Раисой Симоновной. Заглянули в кастрюли, попробовали, кто что варит. Раисой Симоновна варила пельмени. Я сообщила ей, что название этого блюда имеет финно-угорское происхождение, ухо, по форме которого получила название эта еда, называется по-фински “пил”, а по-венгерски “фюл”. Она посмеялась над моими лингвистическими рассуждениями. С первой встречи между нами возникла взаимная симпатия. Раисой Симоновна попробовала мой суп из зеленой фасоли со сметаной, покачивая головой, отведала мяса в сухарях. Оно очень понравилось ей, она отнесла кусок мяса на пробу мужу и сыну и попросила меня показать, как его нужно готовить. Взамен она принесла мне баночку земляничного варенья, оно очень вкусное, хранит сладкий аромат весенних лугов. Ягоды она собрала своими руками в лесу и заготовила их в сыром виде. Моей дочке варенье понравится. Раиса рассказала об их лесных прогулках, во время которых они собирают грибы и малину. Очень богат русский лес.

13 мая

Цветут плодовые деревья, распускается сирень, краснеет герань на окнах, подрастают рассады помидоров. Повсюду кипит новая жизнь.

Эржи встретила меня известием, что ее сына не будут оперировать и сегодня. Она попросила меня узнать у врача Йожики, когда же будет операция. Я собралась с силами и, преодолевая смущение, обратилась к доктору Васильеву.

– У него болит ухо, он кашляет, – ответил доктор на мой вопрос.

– Он уже не болен, – заметила я.

– Я сейчас посмотрю, – засмеялся он.

Вскоре Йожик у отвезли в операционную. В четыре часа привезли обратно в палату. Мы с Марикой сидели около него, пока не пришла его мать. Я мазала ему рот лимоном.

С тех пор как у Марики началась кожная инфекция, Сергей Васильевич несколько раз в день подходит к нам и смотрит, чем я кормлю своего ребенка.

– Она не хочет есть, – поделилась я своей заботой.

– Мария, ей можно есть только молочные продукты! – сказал он строго.

“*Коричневой полуночи подобен взгляд глаз его*”, – пришла мне в голову строчка из поэмы “Тольди”, когда я посмотрела на него.

Я достала сырники. Марика съела два сырника, и я дала ей молока. Лицо доктора смягчилось. А я вздохнула, потому что под строгим, повелевающим взглядом Сергея Васильевича, при виде его упорного ожидания Марика начала есть быстрее.

Позже мы должны были спуститься к профессору. Сергей Васильевич показал новые рентгеновские снимки. Илизаров подкрутил аппарат, после чего Марика, всхлипавая, прижалась ко мне.

Доктор Раиса Ивановна указала на стоявшие в кабинете кресла апельсинового цвета, на красные и бежевые куски паласов. Она спросила меня, какой палас лучше купить и какие цвета подходят друг к другу. В новом здании мебелируют детское отделение. Это был “опрос общественного мнения”.

Янош ходил к Илизарову. В половине одиннадцатого вечера он позвонил и сообщил, что ему еще раз прооперируют стопу.

Буфетчица научила меня делать квас.

16 мая

Я провела все воскресенье в больнице. Дежурным был Сергей Васильевич, который несколько раз подходил посмотреть Марику.

– Почему вы сердитесь на меня? – неожиданно спросила я. – вы никогда не улыбаетесь мне и все время раздраженно говорите со мной. Почему? Я знаю, что Марике можно есть только сметану, творог, молоко и кашу, но почему вы скрыли, что ей делают уколы пенициллина? – Он рассмеялся.

– От кого вы это узнали?

– Не скажу, – я тоже засмеялась.

Он снова рассмеялся. У него было такое же ласковое лицо, как однажды зимой, когда он, прощаясь, улыбнулся мне из автобуса, из которого я вышла у кинотеатра “Спутник”. Позже я не обращала на него никакого внимания до тех пор, пока он не разбил меня из-за лекарств. Но в последнее время он всегда подходит к нам с суровым лицом и оберегает, защищает ребенка даже от меня самой. Это вызывает симпатию. Он, наконец, смягчился. Мы повесили на Марику груз, который выпрямляет ей колени. Доктор показал рентгеновские снимки и объяснил, что и зачем было сделано. Правда, я мало поняла из его объяснений и удивилась, когда он сказал:

– Ну вот, теперь мы уже вполне хорошо понимаем друг друга.

При этом он терпеливо отыскивал в словаре все неизвестные мне слова.

Марика целый день вела себя хорошо, ее “дядя доктор” даже поиграл с ней.

Втроем с Сергеем Макаровым

Вечером вахтерша дала мне три письма. Бабушка с дедушкой счастливо прибыли домой. Петер написал даже два письма, когда его родители еще были здесь.

“В последнее время у меня часто бывает плохое настроение, – писал он. – Я достал Библию. И, не знаю как, начал читать книгу Екклесиаста (Кохелет). На эсперанто. Потом по-венгерски, потом по-русски, потом в другом венгерском переводе и, наконец, по латыни. Как жаль, что я не знаю ни древнееврейского, ни греческого! Но и так мне запали в сердце уже строчки первой главы книги.

12. Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме...

14. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!

16. Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания.

17. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа;

18. потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Нечего сказать, хорошо изложил мой добрый старый предок Екклесиаст, учительствующий раввин, выступавший перед общиной верующих. Я целыми днями думал об этом. Теперь уже начал успокаиваться, но не знаю, когда сумею успокоиться полностью. Среди знакомых вещей меня окружает немая тишина”.

Потом муж подробно рассказал о делах на работе, о курсах эсперанто и закончил письмо так: “Гораздо интереснее, как там у вас. Как себя чувствует Марика? Чем занимается? Что говорит? Было бы хорошо увидеть и расцеловать ее. Как будет хорошо, когда ма снова будем вместе! Приближается лето, и мы снова увидим друг друга. Даже не верится. Миллион раз целую Вас. Папа”.

18 мая

Сегодня утром Марика сама оделась и ждала меня сидя на кровати. Она встретила меня просьбой сделать ей прическу козочки.

– А что же это за прическа? – я всплеснула руками.

– Заплети косички сюда и сюда, – Марика повернула ко мне обе стороны головы и показала ручками, как должны торчать косички. Она по-прежнему живет в сказке Морица.

Прическа была сделана, Марика любовалась собой в зеркале. Как она умеет актерствовать, гримасничать и жеманничать! Сколько в ней игривости и фантазии! Как изобретательно она клоунствовала у меня на руках! Потом быстро съела манную кашу, чтобы показать дяде доктору пустую тарелку. Вскоре появился и доктор, лукаво показывая глазами, что одобряет старание девочки. Марика была рада пох-

вале, и ее рот скривился в плаче только когда врач отправил ее на гимнастику. Тетя Татьяна уже ждала ее и начала массировать ей стопу. Дети собирались в спортзале.

Мне нужно было купить на рынке рядом с “Сибирью” щавель. Марика попросила приготовить его с картошкой и яичницей. Я пошла пешком в сторону общепита, заглядывая по пути во все сады на берегу Черного ручья, не зеленеет ли где-нибудь щавель. Я увидела его в саду у небольшого деревянного домика номер 15 по улице Карбышева и открыла защелку на воротах. На скрип вышла пожилая женщина около семидесяти лет, ее красное лицо обрамлялось седыми волосами и платком.

- Добрый день, мамочка!
- Добрый день, дочка. Чего тебе?
- Хочу купить щавель.
- А зачем?
- Дочка попросила. Она в больнице, у Илизарова. На рынке щавеля уже нет.
- Откуда ты приехала?
- Из Будапешта.
- Там погиб мой муж в сорок пятом.

Слова замерли. Мы смотрели друг на друга глазами, к которым подступили слезы, две пары голубых глаз. Мне еще не приходилось так близко встречаться с войной. Мы собирали щавель, и женщина рассказала, что одна вырастила сына и дочку, у нее есть и внук. Я тоже рассказала ей о болезни Марики.

- Сколько вы хотите за щавель?
- Ничего! – махнула рукой женщина. – Приходи еще, если ребенок попросит!

Вечером я снова заглянула к ним с небольшим подарком. Комната, кухня, небогатая обстановка и простые, много страдавшие, готовые помочь люди с теплыми сердцами. Они послали Марике матрешку. Разговор шел с заминками. Со стены на меня смотрела пожелтевшая солдатская фотография. Этот солдат сражался и за меня, за мою жизнь.

19 мая

В нашу палату положили новую девочку, двухлетнюю Катюшу. Веселая малышка, у нее вывих бедра, от пояса до колена – гипс. Сегодня главврач меняет его, и девочка останется в больнице на несколько дней.

Марике сделали последний укол. Ранки заживают. Сергей Васильевич подошел к Марике, обнял и погладил ее как свою собственную дочь. Он пощелкал козочкины косички и заметил, как сильно выросли волосы у моей дочки. У них теплая дружба. Вчера Сергей Васильевич сделал ребенку гипсовый тапок и приделал его к аппарату, чтобы он подталкивал на место неправильно растущую стопу. Он попросил сшить на тапок матерчатый чехол. Я сшила его дома и заодно окантовала по

краям вязаную красную кофту Марики темно-синей шерстью. После обеда я принесла кофту в больницу, и Марика так обрадовалась, что не хотела снимать ее.

Сегодня в городе был праздник, прием в пионеры. Повсюду виднелись дети в пионерской форме с красными пилотками на головах. Из больницы школьников отвезли на праздник на автобусе.

Вечером мы подружились с маленькой Катюшей и ее мамой. Марика была рада маленькой подружке, с которой можно было поиграть. Ее мама, Таня, окончила институт в Челябинске и работает детским врачом в Кургане. Ее муж тоже врач и с осени будет работать в больнице Илизарова.

Вечером поздно темнеет. Я читала, бормотала про себя любимые стихи, “Кто перенесет любовь”, “Огонь”, “Подарок”, “Заклинания красавиц на Гавриила” Ласло Надя и “Заклинание” Евтушенко. Последнее на двух языках.

*“Пусть я не там с тобой, а где-то вне,
такой далекий, как в другой стране”.*

Ой, как пронеслось время! Стирка уже закончена, еще нужно прополоскать вещи внизу.

20 мая

Ну вот я и проспала! Нужно же было мне заниматься чтением стихов!

Бегу за автобусом с завтраком в руках. Таня уже одела Марикку и покормила ее завтраком, не представляя себе, почему меня еще нет. Я была ей очень благодарна. Марика захотела, чтобы я осталась в больнице на весь день и даже на ночь, потому что, как она объяснила, Катюшина мама все время проводит с дочкой и спит тоже в больнице.

– Мне не разрешают, – сказала я тихо. Марика не поверила.

Света Цапок, дочь медсестры Нины, закончила вязать блузку из белой шерсти и принесла показать ее. Получилось хорошо, я была рада. У девочки ловкие руки. Из благодарности и в качестве ответного подарка она дала мне свой учебник по литературе. Они очень серьезно учат историю литературы. Из классицистов они занимаются Ломоносовым, Державиным, Радищевым, потом подробно Пушкиным и доходят до конца эпохи романтизма.

21 мая

Кожа у Марики очистилась от сыпи, но купать девочку еще нельзя.

Маленькая Катюша с мамой уехали домой. Бедный ребенок все лето проведет в гипсе. Таня пообещала, что они еще вернуться, и тогда мы, вероятно, снова увидимся.

В первой половине дня я стояла в очереди за новой капустой. Стояло много народа. Прибыла первая партия с близлежащих полей. С какой невыносимой медлительностью работали два продавца! Один из них, спотыкаясь, ходил туда-сюда среди опустевших ящиков. Если бы он поставил ящики друг на друга, то не наткнулся бы на них все время! Он подавал своему товарищу капустные кочаны, чтобы тот взвешивал их на весах, стоявших на столе. Я мысленно реорганизовала их работу: два стола, двое весов, – в два раза короче очередь, в два раза меньше потерянного времени, в два раза меньше досады. Сказала об этом Раисе Симоновне, но она только посмеялась – ей все это уже привычно. Мы опять готовили вместе. Она помогла мне отнести вниз кастрюлю для стирки, наполненную постельным бельем, чтобы я пропоскала его в корыте на кухне.

– Тебе одной нельзя этого делать, Марика, слишком тяжело!

– Я и сама знаю, но у меня редко бывают помощники.

Петер снова написал письмо. Ему хорошо, он ходит на работу и вдоволь занимается эсперанто.

Вторую неделю стоит ветреная, холодная погода. С деревьев сдуло лепески цветов, кончилось пьянящее весеннее волшебство. С первого мая нет отопления, я дрожу от холода. Раиса достала небольшой рефлектор, чтобы мне не приходилось заворачиваться в своей комнате в одеяло.

Марике снова подкручивают аппарат четырежды в день, нужного растяжения пока еще нет. Когда на ней гипсовый напостник, у нее болит стопа при ходьбе.

Вечером позвонил Вилен, поинтересовался, когда мы уезжаем домой. Если мы еще останемся на некоторое время, он пришлет посылку.

23 мая

Очень грустно, что моя дочка опять очень мало ест. Да и то ценой огромных мучений и долгих уговоров! Что мне делать? Если заставлять есть, то ее вырвет.

Мы обнялись, Марика устроилась у меня на руках, мы слушали стук сердца друг друга. Тихое счастье. Сколько боли придется еще перенести, пока ей по возможности выправят ногу! Когда же это кончится? Те, кто рождается здоровым, не представляют себе, сколько страданий и забот причиняет такое положение. Чтобы выносить ребенка, другой женщине нужно девять месяцев, а мне – девять лет. К этому нужно добавить растущее из года в год чувство неполноценности из-за инвалидности. Хотя это чувство во многих случаях закаляет характер, формирует в человеке какую-то особенную сопротивляемость, стремление вопреки всему доказать, что он ничуть не хуже здоровых людей. Этим стремлением руководствовался всю жизнь и дедушка Марики. Марика несомненно унаследовала от нас обоих изрядную долю нашего упорства. Как она умеет бороться за то, что ей нужно!

Радостно видеть ее умную головку, способность к языкам, хорошую память. Интересно, от кого она унаследовала свое усердие? От отца? От матери? Будущее покажет. Прошло три месяца, и она отлично говорит по-русски. Ее произношение гораздо лучше моего. Мне нравится ее литературная и языковая восприимчивость, желание, чтобы ей объяснили незнакомые выражения и интересные слова. Сейчас я читаю ей по вечерам сказки братьев Grimm. Больше всего она любит “Золушку”, полностью вживается в эту сказку, прерывает меня, если не понимает каких-то слов: оберегать, неряха, избранница.

Марика всегда ждет субботу и воскресенье, которые я целиком провожу с ней. Вчера я была в больнице, сегодня у меня уже нет сил. Больше всего, даже больше всяких дел, меня утомляет постоянный детский шум. Мне нужно немного тишины, одиночества, я хотела бы отвлечься, заняться чем-то другим.

Мы опять стряпаем с Раисой Симоновной. Я угостила ее вином, у меня еще оставалось немного на дне бутылки, но она опять не согласилась.

– Почему ты не выпьешь немножко? Согревает.

Смеясь, она радостно шепнула мне свой секрет: у нее будет ребенок.

– Ну, тогда ты больше не должна помогать мне таскать тяжести! Нельзя, пришла моя очередь сказать тебе это.

Раиса Симоновна засмеялась. Она испекла пирог с рыбой и укропом, получилось вкусно. Я сварила капусту с помидорами и сметаной и пожарила к ней котлеты и сырники. Мы с аппетитом пробовали еду друг друга.

К сожалению, Марика даже не прикоснулась к сегодняшнему обеду, только поела сырников. Это меня огорчило. Я оставалась с ней до вечера, чтобы она не грустила.

24 мая

Когда я появилась в больнице, тетя Мани, мама Моники, уже одела Марику. В последнее время Марика стала ее любимицей. Она шутит, играет с ней, угощает ее сиропом, шоколадом. Чужое всегда лучше. Вскоре Марика забралась ко мне на руки, потому что ей стало страшно. Ей захотелось домой.

– Почему дядя Илизаров не отпускает меня домой?

– Потому что твоя ножка еще не окрепла. Больше кушай и гуляй, – быстрее поправишься! И тогда можно будет уехать, за нами приедет папа.

– Пусть приедет сейчас! Я хочу Бонифация! Я маленький кот Филимон, – Марика прижалась ко мне. Это были персонажи сказки, которую она видела по телевизору и которую они разыгрывали с отцом.

Сегодня понедельник, большой обход, принесли рентгеновские снимки. Пришел Сергей Васильевич, показал самые последние результаты. Меня интересовали снимки руки. Там не будет ни пяти, ни, возможно, даже четырех пальцев. На кисти

есть всего две пястные кости, а их продолжение – три сросшихся пальца. Средний – зажат и тоненький как спичка. К счастью, большой палец совершенно здоров. Сергей Васильевич утешал меня:

– Рука у нее прекрасно функционирует, ей можно держать, и она до определенной степени сгибается. Правая рука совершенно здорова, Марика в основном будет работать именно ей.

– Как Илизаров скорректирует ей левую руку? – полнобопытствовала я. – К чему он присоединит средний палец, если на кисти нет принадлежащей к нему кости?

– Не знаю. У Гавриила Абрамовича бывают фантастические решения. Мы, работающие с ним, тоже только поражаемся, иногда идеи осеняют его в ходе операции, он всегда знает, какое решение самое лучшее.

На этот раз руку трогать не будут. Нога выздоравливает медленнее, чем мы надеялись, мы не сможем уехать домой в конце мая.

Вечером я снова перечитала письмо моей начальницы, д-ра Лехоцки Яношне, в котором говорилось о делах на работе. Ева писала: “Сейчас мы уже сильно чувствуем приближение конца года. Дети больше не участвуют в конкурсах и олимпиадах и учатся в полную силу. Конечно, неправда, что, как девочки написали тебе, их успеваемость составляет 4,6 и 4,8 балла, они выдали желаемое за действительность”. Она подробно рассказала о весеннем лагере в Клаштромпус-те, в горах Пилиш, и о том, что “мои дочки” вели себя очень достойно и старались во всем помогать.

Мне было приятно читать это письмо. Я убедилась в том, что шесть лет моей жизни, которые я посветила своим воспитанницам, прошли не напрасно. Они уже слушаются не только меня.

“То, что мы называем воспитанием, – пишет Альберт Сент-Дёрди²⁸, – это не что иное, как программирование мозга на той ранней стадии, когда он еще подвержен формированию. Будущее человечества зависит от воспитания, от той системы программирования, которая может произвольно изменяться. Из этого следует, что воспитание – важнейшая деятельность человечества. Кто способен, кто пригоден для того, чтобы учить молодежь? И кто будит учить учителей? По моему мнению, настоящие герои человечества – Галилеи, Ньютоны, Дарвины, Пастеры, Шекспир...”

Для него – они. А для меня? Кто сформировал меня такой, какая я есть?

С начала сознательной жизни, когда я – примерно в подростковом возрасте – начала самостоятельно думать и принимать решения, у меня всегда были примеры для подражания, от которых я была готова принять наставление *как следует жить* и цель, ради которой *стоит жить* и которой *нужно вдохновляться*.

²⁸ Альберт Сент-Дёрди (1893–1986) – венгерский биохимик, выделивший витамин С, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине.

Я рано узнала крестьянский труд и каждый день занималась им. Видя судьбу своей матери, я решила, что не хочу так жить и буду учиться.

Я буду писательницей, думалось мне, и на школьном конкурсе я прочитала стихи Маргит Кафки. На некоторое время она стала для меня образцом для подражания. Став гимназисткой в Шарошпатаке, я была очарована жизнью и стихами Яноша Араня и Миклоша Радноти. Их кротостью и человеческой чистотой. Я и сегодня люблю их больше всего, потому что, как мне кажется, в венгерской литературе именно у них можно наблюдать наиболее совершенную и искреннюю гармонию Творчества и Человека. Затем, когда я, будучи двадцатилетней студенткой, прочитала произведения Ласло Немета²⁹, мои мечты о писательстве испарились. Самокритика подсказала мне, что такой уровень мне не по силам. А тогда зачем стараться? Раньше мне представлялось, что из-под пера писателя по первому его желанию одно за другим выходят замечательные произведения. Теперь я уже понимаю, что ради этого нужно много страдать. Если Ласло Немет отвалил меня от литературного поприща, то мой дорогой учитель Маргочи, наоборот, подталкивал к нему.

– Пошлите вашу работу Михая Ваца, он будет рад!

Я отнесла, он был рад и позвал меня: – Приезжай в Пешт, иди в университет! – Я узнала, что, будучи депутатом Государственного собрания, он выступил с речью об обучении талантливых крестьянских детей. С полуслова, лишь бросив взгляд на мои руки, он понял, какая у меня жизнь. В реальной жизни я месила резиновыми сапогами грязь в Бодрогкёзе, стучала зубами от холода в нетопленной съемной комнате и преподавала венгерский язык, историю и арифметику в Циганде. Приглашение Ваца было непосредственным, оно давало силы и надежду. В ином направлении манил меня Макаренко, с творчеством которого я ознакомилась деревенскими вечерами. Часто видя детей из неблагополучных семей, я поняла, ради чего *стоит жить*. Так я очутилась в Орослане среди детей, находящихся на попечении государства. Я училась на гуманитарном факультете Будапештского университета и одновременно работала воспитательницей. Тогда примером для меня был Андраш Шютё, творчество которого вдохновляло и подбадривало. В его книге “Мать обещает легкий сон” описан и мой мир. Его деревня – это и моя деревня тоже. Он создал образы моей матери, отца, моего шутивого брата, то есть, конечно, это образы не моих, а его близких, но на них похожи и мои. Поэтому я и люблю этого писателя, поэтому я и начала писать дипломную работу о стиле его книги. Он показал и показывает хороший пример жизненной стойкости. Иногда я задумываюсь о жизни Михая Ваца и Андраша Шютё, о том, какие замечательные произведения создаются под влиянием телесных и душевных мук, и о том, что по-настоящему великие творения рождаются из страданий. Иногда я жалею, что не приняла приглашения Шютё:

²⁹ Ласло Немет (1901–1975) – венгерский писатель, публицист и критик, лауреат премии Кошута.

– Приезжайте в Марошвашархей, там вы сможете вдоволь заниматься стилистикой!

Но меня связывала любовь, здесь была моя родина, земля, где я родилась. Вместо диссертации о Шютё родилась Марики, моей задачей стал Курган, а моей книгой будет этот дневник, рождающийся из боли и радости, из моей памяти.

С годами к ряду образцов для подражания добавилась еще одна звезда: Лев Толстой. Автобиография с образцами для подражания и мечтами. А реальностью, задачей для меня, как в будапештском детском доме, так и в курганской больнице теперь навсегда останется, говоря словами Андраша Шютё, “...*забота об оставших, хромяющих и разуверившихся*”.

25 мая

Сергей Васильевич снял с Марики гипсовый наstopник, потому что он натер ей стопу.

Я сварила борщ, дочке он понравился. Она любит этот, как она говорит, красный суп. Радостно видеть, что я стараюсь не зря. Мы долго оставались внизу, во дворе. Марики и ее маленькие подружки сдували белые пушинки одуванчиков, поймали божью коровку. Потом детям надоело, и они ушли. Марики играла с куклами у меня на коленях. Неожиданно она расплакалась.

– Что случилось, дочка?

– Улетела. Моя божья коровка! – показала она, всхлипывая, опустевшую коробочку.

– Поймаем другую, не плачь!

– Мне не нужна другая, мне нужна моя, прежняя!

– Ну где же я теперь ее поймаю?

Я с любовью обняла дочку. Трудно ее утешить. Она долго плакала по своему улетевшему сокровищу. Так накапливается в ней боль, чувство утраты.

Солнце зажгло огонь на краю неба, Это зрелище напоминает картину Чонтвари³⁰ “Таормина”.

По дороге домой я снова зашла к старушке за щавелем.

26 мая

Бабушка сшила и привезла Марики маленький белый врачебный халатик и шапочку. Сегодня я надела их на нее, все удивлялись новому доктору, который обследо-

³⁰ Тивадар Костка Чонтвари (1853–1919) – венгерский художник, не понятый современниками и получивший признание только после смерти.

вал своих друзей. Эта игра понравилась, дети и взрослые с радостным смехом толпились в коридоре около Марики. У Сергея Васильевича лукаво блестели глаза, он с удивлением качал головой. Раиса Ивановна всплеснула руками:

– Кто этот новый доктор? Сам Илизаров?

– Нет, – качнул головой маленький доктор.

– А кто же? – поинтересовалась докторша. – Неужели Раиса Ивановна? –

– Да, – кивнула Марики, расхрабрившись, – мама домой! – Но затем она застыдилась и прижалась ко мне.

Мы попишили на лечебную гимнастику. Сергей Васильевич показал, как нужно массировать Марики ногу. Затем обучение мастерству физиотерапевта продолжила Татьяна Георгиевна. Я наблюдала, где и с какой силой нужно поглаживать, стигать, массировать круговыми движениями пальцев, потом осторожно пощипывать, похлопывать и, наконец, крепко держа стопу, немного наклонять ее внутрь. Дома мне придется делать это по несколько раз в день.

29 мая

На остановке автобуса я от усталости шатаюсь от одного дерева к другому. Перед глазами мелькают зеленые и красные круги, какие-то светлые точки. Я за всю свою жизнь не выстирала столько постельного белья, сколько за последние три месяца. Единственное, что я могу предположить, это то, что ребенок писается на нервной почве. Отсюда же и многие другие проблемы. К этому нужно добавить и тоску по дому. Правда мы не разговаривали о ней, но она причиняет нам боль.

Сегодня у нас была радость: на контрольное обследование из Вероны приехали Марта и ее мама. Мы с Франкой с умилением смотрели, как две девочки, моя и ее, обнимали и целовали друг друга. Мы ждали в коридоре Илизарова.

Профессора неделю не было дома, он летал в Италию на похороны своего друга Карло Маури. На стенде в коридоре есть фотография, где они сняты вместе. Говорили, что Илизаров познакомился с Маури на самолете. Маури принимал участие в двух экспедициях Тура Хейердала, плавал на папирусных лодках “Ра” и “Тигрис” и был известным альпинистом. Илизаров обратил внимание на его больную ногу и пригласил в Курган.

Карло Маури описал историю своего лечения, она была опубликована и у нас в декабрьском номере журнала “ИПМ” за 1981 год. Несчастный случай, перелом, воспаление костного мозга, укорочение. Но лучше процитировать его самого:

“Когда я говорю своим знакомым, что еду в сибирский Курган лечить свою ногу, покалеченную двадцать лет назад, все говорят: – Но ведь лучшие врачи-ортопеды живут в Америке, Швейцарии, Франции, больше того, у нас, в Италии. Зачем тебе ехать именно в Сибирь?”

В таких случаях, я, хотя и не говорю вслух, но уверен, что буду прав и еду искать лечение в подходящее место. Недоверие других только укрепляет мое решение поехать в СССР как бы в качестве первооткрывателя, чтобы, вернувшись домой, рассказать сомневающимся о своих впечатлениях.

...Илизаров вбегает в операционную. Ничего не поделаешь, он всегда спешит, у него масса дел. Он полон энергии и способен увлечь за собой и свое окружение.

За простыней я не вижу своей ноги, но хорошо вижу невозмутимое лицо Илизарова. Слышу, как он работает ланцетом и дрелью экономными и точными движениями мастера своего дела и иногда сопровождает свои действия замечаниями.

Операция длилась два с половиной часа. Теперь моя нога зафиксирована в своего рода корзинке из металлических нитей, которая крепко держит большую и малую берцовую кость, лодыжку и пальцы ноги. С помощью операции Илизаров на семь (7) сантиметров удлинил берцовую кость, остановил процесс искажения лодыжки и выпрямил искривленные пальцы ноги.

Я и сам, лично, чувствую на себе результаты чудесного вмешательства профессора Илизарова. Теперь я хожу на двух совершенно нормальных ногах без ортопедической обуви, и воспаление костного мозга тоже практически полностью прошло”.

Маури писал и о том, что Гавриил Абрамович принял его как друга, а также о человечности лечивших его врачей.

Илизаров лечил Маури в 1980 г., еще остались больные, которые помнят его. Это был мужчина около пятидесяти лет. Он как раз дожил до выздоровления ноги, когда у него отказало сердце.

Я подумала о Ласло Наде. Если бы он мог приехать в Курган! Как бы он написал об этом? О боли, о кажущемся невероятном чуде, о ходьбе без ортопедического устройства, обо всех курганских впечатлениях? Бессмысленно думать об этом. Его не вернуть с того света. Смерть настигла его так же, как и Карло Маури.

В последний раз я видела его серебристую голову, когда он провожал в последний путь Тибора Дери.³¹ Он брел в одиночестве, мрачный. Быть может, он уже чувствовал, что будет следующим, по кому зазвонит колокол.

Многие стояли в коридоре перед кабинетом Илизарова. С вывернутыми руками и ногами, с нехваткой пальцев. Один мужчина приехал с Украины, голень у него распухла, на ней зияла красная дыра размером с палец. Там были еще негритянский мальчик из Кубы с красивой мамой, женщина в инвалидной коляске, девушка лет двадцати без стопы, многие приехали из Италии, в том числе девочка-подросток, левая рука у которой была как у Марики, а на левой ноге она носила ортопедический ботинок. Я заговорила с ней, мы обе говорили на ломаном русском языке, но понимали друг друга. Она приехала во второй раз, два года назад ей вытянули

на 9 сантиметров бедро, а теперь примутся за нижнюю конечность, укорочение составляет 12 сантиметров. Я пообещала ей показать дочку, у которой похожая проблема.

30 мая

Рано утром я поспешила на почту, находящуюся рядом с “Сибирью”, в надежде на то, что мне удастся то, что не удалось вчера: позвонить домой. Это не просто.

В Кургане восемь часов, в Будапеште четыре утра. Петер еще спит сном праведника. Девушка на почте не дала мне талона, сказав, чтобы я заказала разговор из больницы. Было уже за десять, все помогли мне установить связь с Будапештом. Марика пришла в полный восторг от возможности поговорить с отцом и поздравить его с днем рождения. Я представила себе, как счастлив будет Петер, когда его маленькая дочка ранним утром зачирикает ему по телефону. Но позвонить из больницы тоже не удалось.

Весь день я провела в больнице, показала Марику девочке, с которой познакомилась вчера. Мне стало ясно, что ждет ее и меня.

Сегодня было несколько операций. Вечером профессора опять ждало много пациентов, будет уже полночь, когда прием закончится.

1 июня

Дети с большой радостью готовились к торжественному закрытию учебного года, состоявшемуся в большом зале на первом этаже. Лучшие ученики получили поощрительные грамоты, а Марика – много подарков: мячик, ведро, флажок, страничку с алфавитом. Она прыгала от радости, пела по-русски вместе с другими детьми. У всех сияли глаза и лица – такова прелесть коллективного пения.

Во второй половине дня прибыло много гостей из министерства, их сопровождала “партийная тетя” Маргарита Степановна. Она улыбнулась нам во дворе и поинтересовалась состоянием Марики. Марика хорошо ходит, это большая радость. Но от множества подарков она снова превратилась в Зайку-зазнайку, слава ударила ей в голову. Она страшно рассердилась на меня, когда я не разрешила ей облиться водой из-под крана.

Вечером от Петера пришло письмо, он собирается приехать к нам и поблагодарил нас за добрые пожелания ко дню рождения. В конце июня в Антверпене состоится конгресс эсперантистов, и ему хотелось бы увидеться с нами еще до конгресса.

³¹ Тибор Дери (1894–1977) – известный венгерский писатель и поэт, лауреат премии Кошута.

2 июня

Когда я вернулась в больницу после обеда, Марику держал на руках Сергей Васильевич, они оба смеялись и самозабвенно шалили. Меня удивила задушевность их отношений.

– Неужели вы репетируете роль отца, Сергей Васильевич?

Он рассмеялся, смущенный прямотой моего вопроса. Я уже слышала, что его жена, учившаяся на последнем курсе медицинского института в Омске, ждет ребенка.

– Ну и кого бы вы хотели, мальчика или девочку?

– Мальчика.

– Интересно, все хотят, чтобы первенцем у них был сын. Девочка тоже большая радость.

– Посмотрим, что будет.

Душевные отношения с дядей доктором

– Главное, чтобы ребенок был здоров.

Потом доктор сменил тему.

– Марика – лукавая девочка. Во второй половине дня она, отпротисившись в туалет, сбежала с лечебной гимнастики.

Настала моя очередь смутиться. Соображает моя русалочка, хитра, ничего не скажешь.

Вечером нас позвали в гипсовальную. В детское отделение заходил Илизаров. Он подкрутил Марике аппарат и показал Сергею Васильевичу, как нужно изготовить гипсовый наstopник, который должен скорректировать отклонение роста стопы.

3 июня

В первой половине дня мы изготовили новый гипсовый наstopник. Я помогала держать Марике ногу, мерить и резать пропитанную гипсом марлю.

Сергей Васильевич работал весело, посвистывая, шутил с Марикой, просил ее петь, а она весело пела одну за другой выученные здесь русские песни. Дядя доктор похвалил ее за то, что она уже знает так много песен.

Вечером было холодно, дул сильный ветер, чирикали мерзнувшие птицы. Пришли письма от Петера и от дедушки, в последнем скрывалась открытка, которую дедушка послал внучке.

4 июня

Сегодня прооперировали дочку армянки Нины, маленькую Анюту. Они приехали из Тбилиси, где Гудушаури тоже лечит аппаратом. Анюта родилась с искривленным бедром, ее уже лечили и в Грузии. Но в конце концов Нина привезла ее сюда, потому что, по ее мнению, у Илизарова результаты лучше, и врачи в Кургане работают добросовестнее. Мама с дочкой здесь во второй раз.

Марика ужасно плакала, потому что Сергей Васильевич надел ей на ногу новый гипсовый наstopник, и он давит на стопу. Марика не ела, очень плохо вела себя, я едва справлялась с ней. Я покачивала ее, катала в кресле на колесах, чтобы она не плакала. Это изматывало нервы. Знаю, что ей больно, но помочь не могу, врач сказал, что гипс снимать нельзя.

– Терпи, дочка!

– Не могу, это невыносимо!

Я попросила у дежурной медсестры болеутоляющее лекарство, покачивала, целовала, ласкала дочку, которая в конце концов заснула, изнуренная болью и усталостью.

Вечером я постирала постельное белье и другие грязные вещи и тоже свалилась на железную кровать. Сегодняшний день получился очень утомительным.

5 июня

К утру действие болеутоляющего прошло, Марика опять ныла и плакала. Я отнесла ее во двор, набрала для нее красивых полевых цветов, укачивала и поглаживала ее, но она не успокаивалась. Что бы я ни пробовала, плач не прекращался. Я чувствовала судороги и боль в голове, у меня пульсировало в висках, кружилась голова.

– Больно, жмет, снимите это с меня! – непрерывно стонала Марика.

Я утешала, целовала ее, рассказывала ей сказки, чтобы отвлечь внимание от боли.

– Не хочу сказку!

– Выпей хоть немножко какао! Или скушай яйцо, ты ведь любишь яйца, – предлагала я.

– Не хочу!

Сергея Васильевича сегодня нет в больнице. Он заставил меня пообещать, что я не сниму гипсового наstopника. Кого же попросить снять его?

– Не хочу этого! – орала Марика и металась у меня на руках так, что я едва могла ее удержать. Тогда я надела на пальцы куклы, в том числе и любимца Марики, белого зайчика.

– Не плачь, маленькая Марика, боль пройдет! – приговаривала я, поглаживая девочку зайчиком.

– Не пройдет. Не хочу сказку!

– Ну тогда пойдем наверх.

Я поглаживала ее больную ножку, измученное, заплаканное личико. Девять часов, пришла дежурный физиотерапевт, добродушная Любовь Александровна, женщина с приятным голосом.

– Она больше не может терпеть, – подошла я к ней с ребенком на руках.

Любовь Александровна принесла ключ и сняла причину боли. Это не даст результата, подумала я про себя, а Марике сказала:

– Будет операция, поставят аппарат и на стопу, это будет еще больнее.

– Ты хорошая, мама, ты будешь беречь меня и не позволишь, чтобы было больно.

Не знаю, правильно ли я поступила, и что больнее, ведь боль чувствую не я. Я только видела муки Марики и несказанно жалела, что эта малышка так страдает. Я провела с ней целый день. К вечеру она успокоилась и хорошо покушала. В конце дня она рассказала мне от начала до конца стихотворение Анны Фазекаш о лани со сломанной ногой.

7 июня

Марика встретила меня сообщением, что видела меня во сне.

– Вот как? И что же тебе приснилось?

– Что ты тоже была на лечебной гимнастике, разговаривала с тетей Татьяной, а потом вы собрали мне волосы в пучок вот здесь, на одном ухе, как у тети Татьяны.

– Ну вот, видишь, это сон, который станет действительностью. Сейчас будет готова прическа улитка, я накручу ее тебе на ухо. Несколько заколок, раз-два и готово. – Я подняла девочку к зеркалу, она покрутила головой.

– Как тебе нравится?

– Очень красиво, – Марика сделала милую гримасу.

– Знаешь, чему я рада?

– Чему?

– Что ты полюбила тетю Татьяну. Ведь правда?

– Да, но я еще немножко боюсь ее.

– Небольшая боязнь пройдет. Тетя Татьяна очень обрадуется, когда увидит твою новую прическу.

Мы отправились во двор, на нашу обычную прогулку. Прибыли работники больницы. Сергей Васильевич приветствовал нас покачивая головой, с лукавой

улыбкой в глазах. Он заметил, что Марика разыгрывает новую роль.

– Ты сейчас кто, Марика? – он пощелкал по улитке из волос на ухе девочки.

– Не скажу! Догадайся! – запротестовала маленькая модница.

На несколько ступенек ниже мы встретились с Татьяной Георгиевной. Она хлопнула ладонями:

– Марика, ты сейчас кто?

– Ты что, не видишь? Тетя Татьяна! – и скопировала ее улыбку. Ее страх прошел.

В ответ на это красавица-физиотерапевт подняла мою дочку на руки и начала целовать.

На первом этаже венгерские мамы собрались на небольшую беседу. Я вернулась в полдень, потому что мы договорились с тетей Татьяной и Сергеем Васильевичем сфотографироваться. Интересно, получились ли снимки.

Я отдала Яношу купленные на рынке помидоры и вишни. Я с удовольствием покупаю для него, что он просит. Янош рассказывает интересные вещи, услышанные им от его соседей-больных. Он довольно хорошо выучил русский язык.

Марика тоже обрадовалась черешне, которую она уже запечатлела в рисунке. Черешня дорого стоит и не очень вкусная, но это уже ягоды, собранные в этом году.

Во второй половине дня детей отвели к Илизарову, Марике не нужно было идти. Она свободной птичкой прогуливалась среди грядок с цветами по бетонной дорожке перед окнами кабинета и помахивала рукой ждавшим своей очереди маленьким приятелям. Раиса Ивановна, стоя у окна кабинета, помахала ей в ответ.

Под вечер мы любовались закатом солнца. До одиннадцати или до полуночи было так светло, что можно было читать при естественном свете. Это местные белые ночи. У меня с собой томик стихотворений Ласло Надя, я медленно читаю его.

9 июня

Было бы хорошо подольше поспать! Только один раз остаться дома, читать и отдыхать! Какое скромное, но невыполнимое желание.

С физиотерапевтом Татьяной

*“О огонь, как ты прекрасен,/ как ты звездною силой ужасен,/ запылай, разогрей паровоз до последней мѳчи,/ и гони, пусть не кажется тяжелой ему одиночество в черной нѳчи”.*³²

Я даже не знаю, что несет меня каждый день в больницу, ноги или эти стихи. Я читаю их, подбадривая себя, эти замечательные строки стали для меня шпорами.

У меня кружится голова, иногда темнеет в глазах, я обливаюсь потом. Но нужно идти, Марика ждет, я нужна ей. Бедная девочка так плачет, когда перед обедом я провожаю ее на гимнастику и ухожу в магазин. Каждый день она переживает потерю мамы и горько, отчаянно плачет. Чего она боялась сегодня, когда не хотела отпустить меня?

– Не бойся, я вернусь, мне только нужно постирать и приготовить еду.

– Поспеш, приходи поскорее!

После обеда они играла полученной вчера посудой. Я доставила ей большую радость. Все время нужны какие-то новые игры, чтобы можно было выдержать все сильнее изматывающие нервы дни. Зимой было тяжело из-за холода, а теперь вот из-за этого.

К Марике зашла поиграть красивая киргизская девочка, Света Вольфус. Они вместе готовили в подаренной посуде. Марика была счастлива, что Света играет с ней и только с ней. Сколько она плакала и боролась за эту дружбу! Теперь они провели вдвоем всю вторую половину дня. Съели черешню, разбросали косточки, потом мама позвала Свету ужинать.

– Собери косточки! – сказала я дочери, которая хотела бежать за своей подружкой. Я не позволила. Она совершенно вышла из себя, бросилась на пол, стучала ногами. Решив не уступать, я подождала, пока она успокоится. Затем Марика села и, всхлипывая, попросила меня подойти к ней. Собрала косточки и выбросила их в мусор. Потом съела ужин, забралась ко мне на руки и заснула, сосасывая палец.

10 июня

Самый главный доктор, Валентина Ивановна Грачева, зашла утром посмотреть Марику. Груз висел на ноге ребенка, теперь Марика уже терпит это. Верхний и нижний груз уравновешенно держат ногу в горизонтальном положении. Этим способом уже удавалось добиться небольшого растяжения без установки аппарата на кость.

– Сделай мне укол, Марика! – начала игру доктор.

Моя дочка быстро достала врачебную сумку и высыпала ее содержимое на кровать.

³² Строки из стихотворения Ласло Надя „Огонь”.

– Мама, принеси воды! – попросила она, протягивая мне миску.

– Марика, а как же халат и шапка!? Их тоже нужно надеть! – сказала тетя доктор.

– Быстро надень на меня!

Марика набрала в шприц воды, помазала Валентине Ивановне руку маленькой влажной ваткой и сделала укол. Игра шла “профессионально”, Валентина Ивановна вскрикнула.

– Марика, ты будешь настоящим врачом?

– Буду, – немедленно ответила девочка.

– Вот и хорошо! – засмеялась главврач и погладила Марику.

Меня удивили эта непосредственность и добродушие, задушевное отношение, терпеливое и полное любви обращение врача с ребенком. Она нашла время для этого, а между тем игра длилась не меньше пяти минут.

Врачами становятся все, кто окончил медицинский институт. Но хорошие врачи получается только из тех, кто руководствуется любовью к людям и хочет помочь страдающим. Так работали Швейцер и его сотрудники в джунглях Африки. Они не только лечили, но и воспитывали своих пациентов.

Общеизвестно, что Ласло Немет выше всего ценил профессии врача и учителя. Воспитывать, учить, лечить, внушать веру – вот постоянная задача. Это я вижу и в Кургане.

Мы принесли проявленные фотографии. Они очень хорошо получились. Все смотрели и хвалили их, Сергей Васильевич поблагодарил нас. На снимках видно, как он с любовью держит Марику на руках.

Затем снова началось фотографирование, перед фотоаппаратом три маленькие феи: Оля, Света и Марика. Очаровательные, шаловливые девочки. Встретятся ли они еще когда-нибудь в этой жизни?

Мы с Раисой Симоновной пообедали на общей кухне, доели остатки моего борща. Раиса приготовила сухарницу. Это еда деревенских бедняков, Раиса научилась готовить ее у бабушки. Опишу рецепт: в тарелку с сухариками из черного хлеба нарезается лук, все это заливается кипятком, добавляется немного сметаны, и блюдо готово. Хлебная каша на русский манер. Русский вариант венгерского крестьянского супа, только погуще.

– Не нравится? – спросила Раиса.

– Не очень.

Марике я приготовила привычную венгерскую еду, пёркельт, галушки, салат из огурцов. Если бы она еще и согласилась съесть все это!

Сегодня она опять хорошо поиграла со Светой. На этот раз они не разбросали черешневые косточки, а без единого слова выбросили их в мусор.

11 июня

Сегодня грустный день для Марики. Маленькая красивая Света прощается и вместе с мамой уезжает домой в Ташкент. Света, Оля и Марика обошли палаты и положили на все кровати шоколад и жевачку.

Марика горестно плачет по своей маленькой подружке. Им пришлось расстаться как раз тогда, когда они полюбили друг друга.

– Не плачь, Марика, я люблю тебя, – обняла ее по-матерински Светочка. И в подтверждение своих слов подарила ей свою любимую игрушку, маленькие ручные часы с красным ремешком. И “золотым” ободком, который так нравился Марике. Даже и я удивилась тому, сколько бескорыстия и любви было в этом ребенке. Марика ответила на ее любезность разноцветными стеклянными шариками и заколкой в виде божьей коровки. Света немедленно водрузила божью коровку на голову. Обмен сокровищами, детскими сокровищами. Девочки целовались и обнимались, две маленькие красавицы или, как назвала их медсестра Нина, две русалочки. Увидятся ли они еще когда-нибудь? Или только фотография будет напоминать им друг о друге и об этих курганских днях? Вот и улетела еще одна божья коровка.

Сергей Васильевич сказал, что сегодня состоится экскурсия в лесное коневодческое хозяйство, я могу взять с собой Марику и, если захотим, то можно будет даже покататься на лошади. Однако несмотря на то, что с небольшой группой поехала и тетя Татьяна, мужчина, который организовал экскурсию, не пустил нас в автобус, сказав, что моя дочка слишком маленькая. Марику буквально сразило разочарование и она горько рыдала.

И сколько еще разочарований ждет тебя, моя красавица! Нужно научиться переносить их.

Я сварила вкусные голубцы, опустела целая кострюля. К моей радости ела и Марика.

В девять вечера, когда я отправилась домой, профессор Илизаров еще оперировал.

12 июня

Утром мы с венгерскими мамами собрались перед столовой и обсудили свежие новости и впечатления. Детей из подросткового отделения оперировали до десяти вечера. После этого профессор еще осматривал пациентов.

– Он поразительно вынослив, прямо одержимый.

– На самом деле его интересует только работа.

– Он хорошо чувствует себя только здесь, среди больных, – слышались мнения и замечания.

Во второй половине дня я опять была в больнице, шел дождь, нельзя было выйти погулять. Марика сидела на подоконнике у задней лестницы, я стояла напротив нее и мы играли в собак, шекотали, “покусывали” друг друга. Марика самозабвенно хохотала, ей нравилась эта игра, она начинала ее снова и снова.

– Еще, еще раз! А теперь ты будешь кот Филимон, залезай сюда!

Сверху, из-за моей спины, послышался смех. Кто это подсматривает за нами? – повернулась я на звук. В полете стоял Илизаров и любовался нами. Он обследовал больных на верхнем этаже и как раз спускался вниз.

– Гавриил Абрамович, когда мы сможем уехать домой? – спросила я быстро, воспользовавшись редкой возможностью.

– В будущем месяце.

– В каком? В июле или в августе?

– Какая вы хитроумная женщина, – улыбнулся в усы профессор.

– Гавриил Абрамович, я хотела бы сфотографироваться с вами. Можно?

– Можно.

– Когда?

– На будущей неделе, в понедельник или во вторник, в течение дня.

Профессор поспешил по своим делам, а мы продолжали играть в любви и согласии.

13 июня

Сегодня моей маме исполнилось бы шестьдесят девять. Она умерла четыре года назад. Ее голубые глаза часто появляются передо мной, когда я опускаю ресницы. Я всегда вижу ее за работой. Вот она замешивает хлеб, я вытираю ей пот со лба. Для меня из теста печется птичка, мы едим свежие хлебные лепешки. А вот она доит корову, откармливает гусей, выщипывает перья и пух. Навещает меня в больнице с маленькой елкой. Я смотрю, как она возвращается с рынка, приносит в корзине груши, собака Букши виляет хвостом, увидев ее. Она всегда встает на заре, надевает мешок, два моих младших брата держатся за ее юбку. Я тащу кувшин с водой, мы подвязываем виноград на горе Сархедь. Я собираю колоски за отцом, высматриваю, не показалась ли уже в аллее ореховых деревьев моя мама. Это все картинки из памяти, фотографии, запечатленные в моем сердце. Когда мне было десять лет, я спасла маме жизнь, увидела у нее на ноге красную полосу после того, как она наступила на ржавый гвоздь. В моей книге для чтения говорилось о столбняке, к тексту был приложен цветной рисунок. Я знала, что от этого умерла моя бабушка и полетела за врачом.

– Утром было бы уже поздно, – пробасил, глядя через очки, добродушный доктор Вахлер и погладил меня по голове.

14 июня

Когда проясняется небо и греет солнце, у человека даже повышается настроение.

Сегодня в десять часов был общий обход. Сергей Васильевич выслал меня на лестничную клетку. Я слышал плач Марики, а потом голос Валентины Ивановны, которая раздраженно попросила ее замолчать. После обхода я попросила для Эржи справку о том, что ее ребенок находится здесь, в больнице. Эту справку нужно будет предъявить на работе, чтобы к ним мог приехать Эржин муж. Я поинтересовалась у доктора Васильева состоянием Йожики. Перевод получается у меня все лучше и лучше. Затем, с разрешения Сергея Васильевича, мы с дочкой спустились к кабинету Илизарова и стали ждать обещанной возможности сфотографироваться. В половине двенадцатого прибежал профессор.

– Вы ждете? Теперь уже нет времени. Потом, после операций.

В половине четвертого он вернулся из операционной, но немедленно побежал дальше. Его ждала делегация офицеров, для которой он прочитал лекцию в большом зале. Фотограф Сергей показывал диапозитивы с изображениями больных. Много народа ждало конца лекции. Марика нетерпеливо ерзала у меня на руках, ей наскучило ожидание. Я едва могла удержать ее. Но мной овладело упрямство: профессор дал обещание на сегодняшний день, если сегодня не получится, то вряд ли представится другая возможность. Ожидающих в коридоре становилось все больше и больше, мы все хотели что-то спросить или сказать. Профессора ждали и врачи с рентгеновскими снимками в руках, желавшие проконсультироваться с ним. Пришли больные на костылях, их покажут гостям, проиллюстрировав сказанное на лекции живыми примерами.

Открылась дверь, выглянул Гавриил Абрамович и позвал некоторых из нас в кабинет. Он молниеносно ответил торопящимся коллегам, сделал несколько неотложных дел, а затем по очереди показал пациентов гостям. Я поставила дочку перед ним на пол. Щелкали фотоаппараты, в конце концов редко можно увидеть такого очаровательного маленького пациента. Профессор рассказал, что ногу девочки растянули на 9 сантиметров, больная нога сейчас на два сантиметра длиннее здоровой, это запас, потому что ребенок еще будет расти. Врожденное укорочение, отец девочки – журналист в русскоязычном журнале, – это он уже говорил и в прошлый раз.

С профессором Илизаровым – «Где твоя мама?»
– Здесь, вот она».

Почему ему так запомнился Петер? Может быть, он понял то, о чем я думала, разглядывая в коридоре фотографии молодого Илизарова? Марика тоже однажды сказала с удивлением: – Смотри, Гавриил Абрамович здесь – вылитый папа!

Потом один за другим заходили больные, некоторые из них лежали в экспериментальном отделении, непосредственно около кабинета. Как правило у них проблемы с руками, им “вытягивают” пальцы малюсенькими аппаратами. Из детского отделения пришла Оля и еще один мальчик, Коля. За час осмотр был закончен.

– Проходите в кабинет! – сказал Илизаров. Он проводил гостей, у входа офицеры собрались для коллективной фотографии, посередине стоял профессор в белом халате и шапке. Сергей щелкал фотоаппаратом. Марике не терпелось, ей нужно было писать. Я отвела ее в туалет.

– Где венгерка с ребенком? Куда подевался Сергей? – услышала я голос профессора, когда мы вернулись из туалета.

– Ну, какую фотографию вы хотите? – спросил он в кабинете.

– Пусть Марика сядет к вам на колени.

– Так подойдет? – он с любовью посадил на колени маленькую пациентку.

– Вы тоже садитесь с нами! – пригласил он и меня.

– Теперь хорошо, – сказал Сергей и запечатлел три мгновения.

Стоило так долго ждать. Мы почти весь день просидели ради этих нескольких минут. Потом мы пошли завтракать, последовали обычные вечерные заботы по уходу за ребенком. Гавриил Абрамович посчитал ожидающих, начался вечерний обход.

Я была вне себя от счастья. Раиса Симоновна уже ждала меня: – Ну, рассказывай, что с вами случилось сегодня! Потом началась обычная вторая смена: готовка, стирка, уборка. Снова полночь, уже темнеет. А в два часа начнется рассвет.

15 июня

Утром среди мам с быстротой молнии разнеслась весть, что сегодня у Гавриила Абрамовича день рождения, шестьдесят первый. Одна из мам собрала деньги на цветы, все давали с радостью. Наша воспитательница Ида Ивановна сказала, чтобы я одела ребенка в красивую одежду, пойдем поздравлять Илизарова.

Мы ждали профессора с облаченными в праздничные одежды сердцами. Повсюду виднелись улыбающиеся лица, благодарные, сияющие глаза, мелькали розы, георгины, гладиолусы. В одиннадцать часов приехал и Гавриил Абрамович, к нему подошли дети с раскрасневшимися лицами, врачи, медсестры и другие сотрудники. Среди поздравляющих было и немало мам.

Гавриил Абрамович, расчувствовавшись, слушал детей: От всего сердца поздравляем вас с днем рождения. Моя дочка, повторив текст, неловко протянула зажа-

тую в руке розу. Илизаров поднял девочку и поцеловал в щеку. Потом его поздравили другие дети, врачи и работники больницы.

Секретарша Галина Мартемьяновна ломала голову, не зная, куда деть такое огромное количество чудесных цветов. Целое море красоты, но еще больше благодарности и любви в глазах людей. Благодарности этому человеку, который отдает пациентам свои знания, сердце, человечность и любовь. Я думаю, что обращенные к нему любовь и благодарность значат для Гавриила Абрамовича больше, нежели все премии и награды.

Неожиданно наступило лето, ртутный столбик градусника заполз за тридцать градусов.

16 июня

Я сделала хорошую рекламу фотографам. Все захотели сфотографироваться с Илизаровым. Многие мамы обратились ко мне, чтобы я попросила профессора сфотографироваться с ними. Но добиться этого очень трудно. Я рассказала, как долго мы сами ждали этого момента. Сергей отдал мне фотографии в подарок. Я спросила, что он хотел бы взамен. Он попросил фотопленку. Я написала Петеру, чтобы он привез ее из Будапешта.

Я отправила домой веселое письмо, приложив к нему фотографии в большом конверте. Девушка на почте наклеила на посылку красивые марки. Дома будут рады сюрпризу.

Марика устала от сильной жары и задремала после обеда. Воспользовавшись недолгим покоем, я, сидя на подоконнике у лестницы, записывала в дневник события прошедших дней.

Сергей Васильевич вышел на балкон покурить. Он уже раньше заметил, что я делаю записи в записной книжке с красным переплетом.

– Пишете книгу? – спросил он.

– Да нет! Только дневник для себя и для Марики о том, что произошло с ней. Когда она вырастет, пусть знает, как она перенесла все это, какой была наша жизнь в Кургане.

– Почему только для себя? Об этом надо написать книгу!

– Спасибо за идею, Сергей Васильевич. Это не так просто. Для издания книги потребуется много времени, это будет зависеть не от меня.

И все же эта мысль запала мне в душу, я постепенно увлеклась ею. Книга о Марике, о Кургане – как было бы хорошо!

Весь день стояла невероятная жара, во второй половине дня даже в тени было 35 градусов. Вечером все венгерские дети и мамы прохладжались на дворе, сидя в тени на скамейке.

17 июня

Во всей красе щеголяли полевые цветы и сорняки, растущие вдоль пешеходной аллеи, ведущей к больнице. В это свежее росистое утро чувствовался пьянящий аромат цветов, которые распахнули свои лепестки, создав вокруг настоящее царство красок: васильки, живокость, льнянка, молочай, синие цветки цикория, мак самосейка и маргаритки и еще много других цветов, названия которых я даже не знаю.

Смотрю, смотрю и вдруг вижу уже не только цветы, а и себя маленькой девочкой, подобно бабочке порхающей от цветка к цветку на прибрежном лугу на поводке материнского взгляда. Букет предназначен маме, мне даже слышится ее голос: – Иди же сюда дочка, иди сюда, Марика!

Вот и теперь, спустя тридцать лет, я опять собираю полевые цветы, на этот раз для своей дочки.

– Почему ты принесла мне цветы? Какой сегодня праздник? – прижалась она ко мне.

– Сегодня очень красивое утро, а ты очень мила, только и всего.

– От тебя идет такой приятный запах мамы, – Марика погладила мои свежewe-мытые волосы.

Она тоже захотела стать фейей, и я распустила ей косичку. Мы глубоко вдыхали аромат цветов, а потом фотографировались с тетей Татьяной.

В половине десятого мы вернулись со двора. Сергей Васильевич осмотрел девочек и поиграл с ними, а они спели ему. Дядя доктор утешил светловолосую Таню, которая плакала на кровати. Она здесь с осени и очень хочет домой. Ида Ивановна принесла целый мешок кукол, пусть девочки поиграют вдоволь.

Я снова кормила Марику. Каждый день я вижу, какая она худая. Марика очень мало ест, это сильно огорчает меня. В одиннадцать часов я проводила ее на лечебную гимнастику.

В общежитии меня ждало письмо от Петера. Оно было ласковым и грустным, Петер очень скучает по нам. Завтра позвоню ему, надеюсь, получится.

В половине четвертого пополудни в большом зале устроили праздник, поздравили врачей и медсестер по случаю дня медицинского работника. Эта больница – одна большая международная семья.

Вечером мальчики устроили на дворе игру, военную стычку между двумя командами. У мальчиков на головах красовались синие и красные бумажные пилотки и ковбойские шляпы из газетной бумаги. Ружьями были костыли, которые они держали под мышками и использовали для стрельбы. Командиром одной из команд был Павлик, а его адъютантом – вечно ржущий как жеребец, скачущий и прыгающий Димка. Ему не мешал аппарат, установленный в верхней части руки. Своими выкриками ребята разорвали тишину двора. Мы, взрослые, хватаясь за головы,

были наготове, чтобы никто из мальчиков не пострадал. Но все обошлось благополучно, и веселый детский отряд удалился на покой.

По дороге домой я снова была очарована зрелищем заката. Вечерний ветер приносил горьковато-сладкий аромат сена. Мне вспомнились мама, моя деревня, сбор сена в детстве. Вид нашего кладбища на склоне холма.

Я поняла, это тоска по родине. Она все мучительнее. Домой, уже пора домой!

Для утешения я начала читать, на родном языке: “Суверенный человек”, воспоминания Михая Цине о Петере Вереше. Интересно, что о встречах с ним писали также Ласло Надь и Андраш Шютё. Они восхищались поколением Петера Вереша.³³ А мы – ими. Покажем ли и мы пример идущим за нами?

18 июня

Ночью мне снилась мама. Она возвращалась домой с рынка с широкой улыбкой на лице и кренделем в кармане передника. Теперь она уже останется в моей памяти именно такой, возвращающейся с рынка и отправляющейся на кладбище. Чаще всего ее приходилось ждать именно тогда. Каждый день я вспоминаю ее, глядя на Галю. Иногда я поглаживаю Галины седеющие волосы, собранные в простой пучок. Быть может, как раз при виде Гали во мне всплывают прятавшиеся в подсознании воспоминания. Что пишет об этом Фрейд? Нужно было бы что-нибудь почитать об этом, но у меня нет с собой таких книг. Я не могла привезти с собой много книг, они слишком тяжелы. К тому же у меня все равно нет времени для чтения. К вечеру в уставшей голове мало что остается.

Два словаря, учебник по языку, сказки Толстого на русском языке, томик стихов Ласло Надя, книга Андраша Шютё о его внуке, “Народ и литература” Михая Цине, роман Толстого “Воскресение”, написанная Носиком биография Швейцера – вот практически и весь мой запас духовной пищи. Есть еще детские книги для Марики: сказки братьев Гримм и Морица, “Няня ланей” Анны Фазекаш, “Вацкор” Иштвана Кормоша и “Бобита” Вёрёша. И очень хорошо, что я взяла их с собой, потому что моя малышка разговаривает уже только по-русски, нередко даже и со мной.

– Давай лучше говорить по-русски, мама!

Я остоленела. Она ведь может забыть родную речь! Все чаще и чаще нужно напоминать ей венгерские соответствия русским словам.

– У меня болит пятка! – пожаловалась она.

– Что у тебя болит?

– Пятка.

³³ Петер Вереш (1897–1970) – венгерский писатель, популярный политик, председатель Национальной крестьянской партии, министр обороны Венгрии (1947–1948).

– А как нужно сказать по-венгерски?

– Не знаю, скажи!

– Это “sarkad”, дочка.

Она уже забыла. Слова, обозначающие части ноги, детали аппарата, и выражения, связанные с лечением, она слышит много раз в день только по-русски. Все чаще я слышу от нее смешанную речь: русские слова с венгерскими суффиксами и окончаниями, русский порядок слов и русские ударения в венгерских предложениях. Я еще вовремя спохватилась: Андраш Шютё! Ведь он писал и об этом, об этой двойной языковой среде, в которой дети забывают материнскую речь.

– Давай договоримся, дочка!

– О чем? – она уже протянула руку для договора.

– С детьми, дядей доктором и тетями ты будешь говорить по-русски, а с венгерскими мамами, детьми и со мной – по-венгерски.

Договор заключен, от меня зависит его соблюдение.

После двух с половиной часов ожидания удалось поговорить с Петером. Он спросил, на какое число ему брать билет на самолет, потому что придет за нами. Велика радость, близится время исполнения надежд, грядут, говоря словами Андраша Шютё, радужные ворота.

– Приезжай пятнадцатого июня, Сергей Васильевич уже давно обещает нам, но точно сказать, когда снимут аппарат, может только Илизаров. Здесь ужасно жарко, сейчас, наверное, около сорока градусов.

Я еще услышала, что в Венгрии лето помягче, а Петер готовится в Антверпен на конгресс. Время, отведенное для разговора, быстро закончилось. Ну ничего, еще три недели, и муж придет за нами.

Во второй половине дня, когда я возвращалась в больницу, солнце буквально жгло мне голову, палило волосы, я была совершенно мокрой от пота и с нетерпением ждала возможности укрыться в здании. В половине четвертого пополудни термометр, находившийся у входной двери в больницу, показывал 42 градуса в тени. На солнце могло быть все пятьдесят. Раньше я не сталкивалась с такой жарой. Не знаю, что здесь ужаснее, лютая зима или знойное лето. Лето нужно перенести точно так же, как и зиму.

19 июня

Эта ночь – настоящий ад! Стоит невероятная духота от жары и целых армий комаров. В болотистой местности близ Тобола их больше, чем на Балатоне. Они жалят, кусают, наши руки и ноги сплошь покрыты маленькими пупырышками. “Атаки

тараканов не слабеют”.³⁴ На этот раз я, как моя дочка, не знаю, как они называются по венгерски. Быть может, “csótányok”. Это овальные насекомые оранжево-коричневого цвета размером около сантиметра. Они бегают, собираются на еду как мыши в деревенских кладовых, забираются даже ко мне на кровать, когда один из них пробежал по мне ночью, я испугалась. Раиса Симоновна уже давала мне средство от насекомых, но я попросила еще. Страшно неприятный порошок, от него можно потерять сознание. На ночь пришлось открыть окно. Теперь, надеюсь, на месяц все уладилось, и тараканы оставят меня в покое.

Африканская жара. Вспоминаю Швейцера: *“В Ламбарене стена леса ограждает неподвижную мокрую духоту, и только изредка, совсем редко дует торнадо. В остальное время Ламбарене – это парилка, в которой нужно жить, да еще и работать, нужно хлопотать, лечить, уговаривать, нервничать, руководить и только поздно вечером можно отдыхать, думать, радоваться жизни”*.

Это могло быть написано и о Кургане. Только здесь все это есть и в жару, и в холод. Днем нет воды, ее включают только по утрам и вечерам, И тогда я набираю ее во все емкости, в какие можно. Я спросила у Раисы, почему отключают воду?

Ответил ее муж: – Тобол не Дунай.

Я поняла, Тобол скорее похож на Тису с ее большими затонами, изгибами, болотами и комарами.

Для утешения я взяла в руки книжицу Андраша Шютё *“Пустите слова приходить ко мне”*. Поразительно, как точно он описал слова и поведение своего внука, учившегося говорить. На это редко способны даже матери. Мне пришел в голову вчерашний случай с Марикой и вспомнилось одно из наставлений Шютё: *„Береги его слова!”*

Жара спала. Два часа ночи, уже светлела полоска горизонта. Готовилось встать солнце. А ко мне пришел *“сладкий сон в образе бабочки”*.

20 июня

Будильник беспощаден, пора вставать. Куранты на Спасской башне пробили шесть часов, раздались громкие звуки гимна. Надо идти.

Я люблю эти утренние прогулки, душевное общение с Марикой в сиянии солнца и благоухании цветов. Она свертывается в комочек у меня на коленях и любопытствует:

– Когда же, наконец, приедет папа?

– Скоро.

– Сколько раз нужно еще спать до его приезда?

³⁴ Строчка из стихотворения Миклоша Радноти „Седьмая эклога” (пер. Д. Самойлова).

– Давай посчитаем!

Она протянула правую руку и показала большой палец. Я вдруг задумалась, как она сможет сосчитать на пальцах до десяти в первом классе? Придется считать не на пальцах, а считальными палочками. Мы досчитали до двадцати семи, сначала по-венгерски, а потом по-русски. Остался еще почти целый месяц. Потом Марика сосчитала до десяти по-итальянски, этому ее научили итальянские девочки.

– Давай погуляем еще! – предложила я. Нога у нее уже не болит, и она охотно пошла со мной.

По дороге домой я купила на небольшом базаре рядом с “Сибирью” грибы с коричневыми шляпками и белой мякотью, здесь их называют белыми грибами, а у нас – “vargányu”. Их продают по два рубля за килограмм, в Будапеште они в четыре раза дороже. Из них можно приготовить вкусный суп и мясной пёркельт. В нарезанном и сушеном виде они могут долго храниться и использоваться для заправки разных блюд. Я боюсь давать их дочке, она любит маслята, жаренные с яйцом.

Я быстро закончила готовить и поспешила с обедом и ужином обратно в больницу, потому что во второй половине дня жара доставляет еще больше неприятностей. У меня не было большой охоты оставаться дома, в общежитии началась большая суэта, здание и большой зал украшали к завтрашним выборам.

Вечером мы практиковались в ходьбе на задней лестнице, там было меньше людей. Марика самостоятельно шла вниз по лестнице, осторожно держась за перила. Я внимательно следила за ней, напрягая все мышцы и нервы и, подобно леопарду, готовясь к прыжку, если девочка потеряет равновесие. Неожиданно в коридор выбежала Лена, та самая девочка, которую на время отправили домой из-за кожной инфекции, и костылем толкнула Марику вниз.

– Лена, что же ты делаешь? – крикнула я. Как может быть в девочке столько недоброжелательности?

К счастью, я стояла ниже и успела подхватить Марику. Она опиралась на руку и не ушибла ногу. Я быстро взяла ее на руки, защищая от беды.

Вечер мы опять провели во дворе с венгерскими мамами и детьми.

21 июня

У Марики было хорошее настроение, она весело встретила меня. К счастью, она способна спать в эту изнурительную жару. Я одела ее в красивую одежду, собрала в хвостик ее кудрявые волосы и дала в руки красивые цветы, которые я хранила в холодильнике. Марика поздравила Сергея Васильевича по случаю дня медицинского работника.

Сегодня я написала письма в Москву и в Будапешт и отправила фотографии в Ташкент маме Светы Вольфус. Пришло письмо из Будапешта от моих учеников, я с радостью прочитала полученные от них новости.

Во второй половине дня к нам приходили Эржи и Марго, им удалось снять жилье в доме напротив. Я пообещала принести им из буфета свиную вырезку, из которой можно приготовить жареное мясо в сухарях, угостила их пивом и кофе, от кваса они отказались. Я уже привыкла к квасу и готовлю его сама, придавая ему горьковатый аромат добавлением сушеных листьев вишневых деревьев.

Марика утомилась и заснула после обеда. Я навестила Пишти в отделении для подростков. Бедному мальчику неудобно с двумя аппаратами на бедрах. Утомительно лежать целый день на кровати в такую жару. Я поговорила с его мамой о ее впечатлениях. Именно о ней и о ее сыне говорилось в репортаже Юлии Сел.

Мама Наташа и Машенька приехали из Москвы для контрольного осмотра.

22 июня

Наконец-то спала эта адская жара, подул небольшой ветерок. Марика и Йожика соревновались, кто быстрее ходит. Моя дочь была горда тем, что ей удалось победить, хотя победить было не так сложно, потому что Йожу прооперировали позже.

Потом я разговаривала с русскими женщинами на скамейке. У них сложилось странное представление о Венгрии как о земле с молочными реками и кисельными берегами, где все есть. Они попросили меня написать мужу, чтобы он привез для них всякую всячину. Перечислению заказов не было конца, я даже не смогла их запомнить. – Короче, надо привезти Венгрию со всеми магазинами, – сказала я, смеясь. Им тоже стало смешно.

Сегодня больных одного за другим относили в операционную, было много операций. Уже не так жарко.

Пришли письма от Петера и от Евы. Петер упрямо защищает свое увлечение эсперанто. “Разве так трудно понять, что человечеству нужен некий общий знаменатель, чтобы люди, наконец, начали понимать друг друга? Неужели это утопия? Неужели я одержимый? Нет. Я просто вижу яснее, чем средний человек. Мне тоже нужно нечто такое, ради чего стоит жить. Я думал, что ты тоже выучишь эсперанто, поедешь со мной в Стокгольм и поймешь что-то важное. Но вышло иначе. Мне очень жаль. Что же делать? Я чувствую себя таким беспомощным, что хочется плакать”.

А какой видит меня Ева? Она писала: “Было бы хорошо поговорить с тобой об актуальных событиях, которые спустя недели или месяцы станут уже малоинтересными. Например, о том, что по телевизору транслировали интересный вечер поэзии Домокоша Силади, его стихи читала Кинга Ййеш, было бы хорошо поговорить об этом на следующий день”.

Действительно, мне тоже не хватает разговора с ней, ее постоянной жизнерадостности, реального мировидения. Для меня она скорее даже не начальница, а гораздо больше того, близкая сердцу подруга. Муж видит меня так, а самая близкая мне сотрудница – по-другому.

В супружеской жизни возникает большая проблема, если увлечения супругов отличаются друг от друга. Кто должен отказаться от своих увлечений ради партнера? Как можно сочетать их? Как можно помогать друг другу в работе? Или каждый должен самостоятельно делать свое дело? Все женщины, пример которых важен для меня, Софья Берс, Елена Бреслау, Янка Холич,³⁵ были помощницами своих мужей и подчинили им свою жизнь. Но как же я? Что мне делать с эсперанто и с общественной работой? Пересилив себя, вдохновляясь ими и уничтожить в себе то, чем я действительно вдохновляюсь, любовь к литературе и детям? Как разрешить эту дилемму? К чему это приведет?

Мне пришлось отказаться от многих открывавшихся передо мною возможностей, от продвижения по службе, потому что передо мной стоял выбор: работа или ребенок. Эта важнейшая дилемма для женщин интеллигентских профессий. Я выбрала своей главной профессией материнство, сейчас я занимаюсь ей здесь, в Кургане, ухаживая за больной дочкой. Это – задача, требующая всего человека, ее могу выполнить только я, и она дана мне на всю жизнь.

Марика была очаровательна, хорошо кушала. Теперь ее любимица – Моника, которая дала ей поиграть кубик Рубика. Марика неустанно крутила его. Мы долго сидели во дворе.

Вечером мы пошли домой с Ниной Владимировной. Скоро они с дочкой уедут домой, под Ростов. Нина тоже выбрала главной профессией материнство. Уже пятнадцать лет ее главной заботой остается лечение больной дочки. Она занимается этим одна. У нее материальные трудности, но она не сдается. Нина стала для меня примером. В конце концов врачам удалось растянуть Свете ногу на 35 сантиметров. Утолщение ноги и растяжение стопы станут следующей задачей. Это будет болезненный процесс. При виде Нины с дочкой мне вспомнилась строчка из стихотворения Габора Гараи “Что за взаимная нужда...”.

23 июня

Мне приятно, что каждое утро Сергей Васильевич улыбается нам. Он знает, но все же по дороге на работу всегда спрашивает: “Идете гулять?”. Потом гладит Марику, шуточно покачивает ей хвостик на голове и всегда советует девочке побольше ходить и, садясь, выпрямлять колени, хотя я и сама это знаю.

Этот врач так и запомнится мне: вот он бежит вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, останавливается поговорить с нами, затем все идет дальше по

³⁵ Софья Берс (1844–1919) – Софья Андреевна Толстая, жена Льва Николаевича Толстого; Елена Бреслау (1879–1957) – жена и соратница Альберта Швейцера; Янка Холич (1883–1925) – первая жена Жигмонда Морицау Их брак был несчастлив, Янка Холич покончила жизнь самоубийством.

своим делам. Но он еще оснанавливается на лестничной площадке, оборачивается и машет нам рукой.

Двух итальянских девочек, Ирене и Мургариту, отвезли в операционную, сегодня их прооперируют. Это шестилетние дети, у обеих врожденное укорочение ноги. Сегодня было восемь операций, последняя закончилась в восемь часов вечера. Во второй половине дня двух девочек привезли из операционной, пришли дети посмотреть на них, они гладили им ноги и предупреждали друг друга, что надо соблюдать тишину. Эти дети психически более зрелые, чем их здоровые сверстники. Страдание развивает в них сочувствие и желание помочь.

Профессор Илизаров осмотрел венгерского малыша, у которого ниже локтя не было руки. Его привела на первый осмотр молодая мама, но не знаю, с каким обещанием она ушла.

Моя маленькая красавица весь вечер, играя, делала вид, что разговаривает по телефону с Будапештом, понарошку звоня то из одной, то из другой телефонной будки, стоявшей в вестибюле у входа.

– Алло, Будапешт! Папа, говорит кот Филимон. Бонифаций, ты меня слышишь? Я хорошо себя чувствую, неплохо хожу, нога уже не болит. Скоро снимут аппарат. Я сейчас говорю по-русски, слышишь? Я сделала укол Сергею Васильевичу. Мы играли в доктора. Моя кукла, медвежонок и обезьянка мончичи тоже получили по уколу. Слышишь, папа? Мы скоро поедим домой, приезжай за нами. – Папа ничего не слышал, так как линии не было. Но Марика болтала, полностью вжившись в свою роль.

Сегодня я получила посылку из Москвы, Позвонил Вилен и поинтересовался, когда мы отправимся домой. Пока не смогла сказать ему ничего определенного.

В Венгрии завершился учебный год, побережье Балатона заполнилось отдыхающими.

24 июня

Жжет летнее солнце, стоит невыносимая жара, из-за которой невозможно заснуть. Утром я уже почувствовала усталость. Когда же это, наконец, закончится? И это пекло, и наше пребывание здесь. Мне нужен какой-то опий, утешение, которое поможет мне выстоять, не чувствовать всей тяжести нашего положения.

Огонь. Солнце обливало меня своими цепенящими лучами. Мой мозг работал как мотальная машина. Как много венгерских писателей писали об огне! Я собрала в памяти несколько примеров: созданный Петёфи образ костра Дожи³⁶, “Очистка кукурузы” Яноша Араня, меланхолические стихи Йозефа Кишша, вдруг наполня-

³⁶ Дёрдь Дожа (ок. 1470 – 1514) – руководитель крестьянской войны 1514 г. в Венгрии, после поражения восстания был посажен на раскаленный трон с раскаленной короной на голове.

ющиеся революционным пылом, “Март огня” и “Высекатель огня” Эндре Ади, волшебна красивая медитация Дюлы Ййеша³⁷ “Пламя моего детства” и любимое, ободряющее стихотворение Ласло Надя. Под его ритм я иду в больницу, оно заставляет учащенно биться мое сердце: “О огонь, как ты прекрасен...”.

Я задумалась о своем огне. Я покусилась на невозможное, разделила огонь на пылающее пламя и тихо тлеющие угольки. Возможно ли это? Пламя гаснет, угольки разгораются. Так было бы очень хорошо. Но гаснет ли и разгорается ли? Мы непрерывно гасим и разжигаем огонь в себе и в других. Такова человеческая натура.

Великий русский мудрец всю жизнь писал об этом, из этого рождались его романы, “Анна Каренина” и “Воскресение”. Неисчерпаемая, вечная тема. Все крутится вокруг нее.

Вот и цветочный луг, пешеходная аллея. Я опять собрала маленький букет для Марики. Она и на этот раз удивилась такому вниманию. Она тоже огонь, огонек. Утренняя прогулка, благоухание цветов, беззаботная игра под цветущими деревьями со свежей листвой. Небольшая липа во дворе, распространяющая приятный аромат.

В кинозале фотограф Сергей показал нам несколько фильмов о больничной жизни, о том, как работают люди с аппаратами. Женщина с аппаратом на нижней части руки доила корову. Она работала привычными движениями, вот только молоко не текло. Только я обратила на это внимание и не могла не посмеяться про себя. Рыжеватая корова безмятежно терпела роль кинозвезды и помахивала хвостом. Мужчина занимался перевозкой кирпичей, у него аппарат был на голени. Другой мужчина пахал на тракторе с аппаратом на руке. Это возможно в последней стадии лечения, когда новая кость уже достаточно окрепнет. В другом фильме дети занимались физкультурой, был Новый год. Детвора была одета в маскарадные костюмы, шло веселое соревнование, мальчики и девочки перекатывали мяч, обегали друг друга. Все они, конечно, были с аппаратами. В жюри сидели Илизаров, Валентина Ивановна, Татьяна Георгиевна и Ида Ивановна. Царило отличное настроение, все были охвачены волнением. В третьем фильме было показано веселое путешествие по Тоболу на лодках. Одна женщина гребла с аппаратом на руке. Вместе с другими в лодке сидели Татьяна Георгиевна и Сергей Васильевич. Марика засмеялась, узнав их. – Это снимали летом прошлого года, – заметила Ида Ивановна. Было еще несколько диапозитивов о недавней экскурсии в коневодческое хозяйство. Тетя Татьяна, Павлик, Женя на спине лошади. Поднялся галдеж, дети смеялись и указывали друг на друга:

³⁷ Йозеф Кишш (1843–1921) – венгерский поэт, имеется в виду его стихотворение “Огни”; Эндре Ади (1877–1919) – известный венгерский поэт и публицист; Дюла Ййеш (1902–1983) – венгерский поэт, писатель и общественный деятель, один из виднейших представителей группы “народных писателей”.

– Вон там ты! И там тоже!

Мы рассказали о виденном Сергею Васильевичу.

– Илизаров показывал эти фильмы осенью на медицинской конференции в Дюссельдорфе, – пояснил он.

Вечером разразилась жуткая гроза, страшно гремел гром, сверкали молнии.

25 июня

Ночной дождь охладил и освежил воздух. Марика играла в телефонный разговор. Не беда, что ей никто не отвечал, она продолжала говорить свое. Ей не надоело. Она считала дни, ждала приезда отца.

Галина Мартемьяновна позвала меня переводить, приехали пациенты из Венгрии, мама с дочкой из Дьёра. У девочки вывих бедра. Я проводила их в поликлинику, потом объяснила, как добраться до гостиницы “Москва” и в отделение милиции, разъяснила что нужно сделать и каким путем можно будет вернуться обратно. Возможно, вечером до них дойдет очередь у профессора.

Я достала у буфетчицы свиную вырезку для Эржи и Марго, они очень обрадовались и снова навестили меня. Марго рассказала историю их приезда из Венгрии. Что и говорить, у них тоже остались горькие впечатления от венгерской бюрократии! Через сколько мытарств им пришлось пройти, прежде чем они приехали сюда! Потом они рассказали о своих впечатлениях от здешнего рынка, о коровьих головах и глазах, о смрадном запахе мясной лавки, причем поведали обо всем этом с отличной мимикой и замечательным юмором. Мы много смеялись.

В детском отделении мы столкнулись с большими строгостями: мамам запретили заходить в палаты. Доктор Васильев выслал и меня за дверь в коридор: – Мария, вам тоже нужно остаться там! – Когда врачи уехали домой на четырехчасовом автобусе, я вошла и узнала причину этой строгости. В мае прибыло много итальянских больных, и в отделениях неожиданно стало шумно. Поэтому и ввели строгие правила.

Мы с Марикой спустились на первый этаж к Яношу. Мальчики и девочки сидели на балконе, между ними возникали разговоры, завязывалась любовь. От ночного дождя осталась небольшая лужа, моя дочь залезла в нее. Пришлось бежать в перевязочную к медсестре Нине! Мам постоянно отсылают из отделения. Марика ужасно плакала по мне.

26 июня

Ох уж эта вечная стирка! Неужели ей не будет конца! Когда меня нет, Марика все измазывает шоколадом и фруктами. Приходится все время стирать и гладить. Очень кстати была бы стиральная машина!

Раиса Симоновна собиралась поехать на общественную работу в близлежащий населенный пункт, в детский дом, но опоздала на автобус. Мне тоже было жаль, я бы тоже с удовольствием съездила посмотреть, как живут здесь детдомовские дети. Профессиональное любопытство.

Пришло письмо от дедушки. Он пишет, чтобы я была терпелива с ребенком. На минуту мне представилось, что бы он делал на моем месте. Например, если бы ему пришлось часами слушать выматывающий душу плач любимой внучки, часами стоять в очередях и в заниматься в здешних условиях этим сизифовым трудом, стиркой, да еще каждый день проходить пешком по несколько километров.

Чтобы успокоить нервы, я взяла в руки книгу Дедушки из Марошвавархя.³⁸ Он пишет то же самое: обращайтесь с любовью с доверенными вам детьми! Что же делать, таковы все дедушки! Моя досада испарилась. Я побежала в больницу. Марика спала, я охраняла для нее тишину, отгоняла мух. Нужно радоваться каждому часу, который она проводит во сне. Потом она проснулась и обрадовалась мне. Хорошо покушала. Затем мы в четвером играли в мяч во дворе. К нам присоединились армянские дети, Анюта и Арпад. Моя дочка с громким смехом бегала за катящимся мячиком. Я с улыбкой любовалась тем, как подпрыгивал у нее на голове хвостик из кудрявых волос.

Вечером я гладила, когда вахтерша позвала меня к телефону. Петер был счастлив слышать мой голос и радовался полученным фотографиям. Он уже получил визу на десять дней, с 13 по 23 июля, и просил сообщить, когда мы выезжаем в Венгрию. Точно. Если бы я сама это знала!

До полуночи можно читать, не включая электричества.

27 июня

Утром я искупала Марику и помыла ей голову на тот случай, если опять закроют воду.

Потом мы играли в прятки во дворе среди кустов, дочка играла с большим увлечением, многие дети присоединились к нам.

Позже я проводила Марику в палату и поспешила заняться готовкой. В такую жару все быстро портится, нужна свежая пища. Когда я вернулась с обедом, Илизаров осматривал в отделении детей и как раз подкручивал аппарат Марике. В это время дня, в воскресенье после обеда, у него больше времени для спокойного обследования детей. Он очень любит их.

Марика заметила, что я заглянула из коридора в палату, и, заплавав, начала звать меня, конечно, по-русски:

³⁸ Имеется в виду Андраш Шютё.

– Мама, иди сюда!

– Интересно, когда мамы нет, она не плачет! – засмеялся Гавриил Абрамович.

И правда. Дочка на самом деле сильнее хныкает в моем присутствии. Кому же другому она может пожаловаться?

– Когда мы сможем уехать домой? – спросила я у профессора.

– Завтра будет рентген, все зависит от него.

Я уже вижу, что он снова отодвигает радужные ворота подальше.

28 июня

В первой половине дня Татьяна Георгиевна основательно поработала с коленом и стопой Марики. Колено хорошо сгибается, но если выпрямить ногу полностью, то дочке больно. Потом мы пошли на рентген.

В одиннадцать пришли мама с дочкой из Дьёра, и секретарша опять позвала меня. Но Илизаров поспешил в операционную и не смог принять их. – До пяти он точно пробудет там, – сказала секретарша. Придется вернуться тогда.

Я надеялась, что сегодня профессор вызовет детей на осмотр, и быстро закончила дома все дела, чтобы вернуться в больницу к четырем часам. Но, к моему сожалению, осмотр не состоялся, и я так и не узнала даты отъезда в Венгрию. Мама из Дьёра тоже вернулась вместе с дочкой, которая в девятилетнем возрасте заболела воспалением костного мозга, из-за которого у нее деформировался позвоночник и укоротилось бедро. Они терпеливо ждали вечернего приема.

После обеда Марика не спала, была в унылом настроении. Мы вышли на балкон. Она попросила меня лечь рядом с ней. Мы целовали друг друга как голуби. Марике понравилось это сравнение. Она немедленно вжилась в роль:

– Я – маленький голубь, а ты – большой!

– Ты – маленькая голубка, вот кто ты! – я со смехом пощекотала ее, радуясь, что у нее вдруг улучшилось настроение.

– Ха-ха, голубка, как интересно! – повторила она, чирикавая, ранее незнакомое ей слово. Оно понравилось ей, она пробовала его вкус как голубка пробует свое первое пшеничное зерно.

Потом Марика задремала рядом со мной, а во мне затрепетала радость, я задумалась над тем, как она смаковала новое слово. А в прошлый раз я заметила, как она сказала зажатой в кулаке божьей коровке:

– Ну, сейчас я посмотрю на тебя поближе!

Как она восприимчива к красивым и интересным словам и выражениям! Если она не понимает что-нибудь в прочитанной ей сказке, то даже спустя несколько дней спрашивает значение неясного слова. Она интересуется им, носит его в себе. Этот процесс развития речи продолжается у нее с восьмимесячного возраста. Поначалу я записывала известные ей слова, считала, сколько слов она уже знает, что

понимает в услышанных предложениях, а потом их стало так много, что я перестала записывать. Теперь я радовалась тому, как расширяется, богатеет ее словарный запас, как становится все более разнообразной ее речь.

29 июня

Именины Петра и Павла. Надо отправить поздравительную телеграмму Петеру. Пусть он порадуетя в своем одиночестве!

Большими хлопьями падал тополиный пух. Летний снегопад. Несколько пушинок пощекотали мне щеку. Эти летние утра очень красивы. Все вокруг меня сверкало: и ограды, и листья деревьев. Веселее звучало и пение птиц. Сегодня я узнаю, когда мы поедем домой.

Я отправила телеграмму Петеру, но оказалось, что не стоило делить шкуру неубитого медведя. Сергей Васильевич не смог сказать ничего определенного ни о снятии аппарата, ни об отъезде домой.

– Это зависит от Илизарова, – сказал он.

– Петер приедет за нами через две недели.

Потом мы поговорили о Земмельвейсе. Доктору было незнакомо его имя. Но он сказал, что в России в прошлом веке распознали родильную горячку, выяснили ее причину и боролись с ней с помощью обеззараживания рук и вываривания инструментов. Так они учили в Омске, в институте. Потом речь зашла о деятельности Альберта Швейцера. Сергей Васильевич улыбнулся, когда я сравнила Швейцера с Илизаровым, ему это понравилось. В институте он мало знал о своем теперешнем начальнике, его метод изучил только здесь, в больнице. Четыре года назад Сергей Васильевич тоже начал свою врачебную карьеру с экспериментирования, с операций на собаках.

Он осмотрел детей и сказал, что во второй половине дня будет прием у профессора, после чего поспешил в операционную. Я приступила к работе, помыла коридор, туалет и две палаты. Я взялась за эту работу, чтобы днем быть рядом с дочкой. Мы с Марикой спустились на первый этаж. Я подружилась с двумя фотографами, Сергеем и Сашей. Они сделали копии фотографий с Илизаровым. По их словам, на основе того, что они снимали во время визита офицеров, будет сделан фильм.

По дороге домой мы встали в очередь за ананасами перед “Сибирью”. Прибыла новая партия из Индии. Я впервые увидела эти фрукты в необработанном, натуральном виде. Их продавали по три рубля за штуку. Галя стояла в голове очереди, купила десять ананасов, которые мы поделили с пришедшими позднее. Наше больничное сообщество – одна большая семья, в которой царит дух коллективизма, сплоченности и взаимопомощи. Сегодня я тебе, завтра ты мне, все ради детей. Мы договариваемся между собой, кому в какой очереди стоять. Кто-то стоит за клубничкой, кто-то в магазине за сосисками, это зависит от того, где что дают. Меньше потерянного времени.

На обед я приготовила куриный суп и блины с творогом, орехами и земляничным вареньем. Марика покушала с аппетитом. Наконец-то!

Затем – осмотр у Илизарова. Там Марика не выдержала и расплакалась, потому что профессор двигал, подкручивал ей аппарат. Она не может держать себя в руках как взрослые.

– Замолчи! – строго велел ей Гавриил Абрамович.

– Я пробормотала про себя строки Ласло Нада: *“Все выше и выше крадется боль, ломит кость – терпеть изволь”*.³⁹

Девочка, всхлипывая, глотала слезы. В ней зреет самодисциплина. Воцарилась тишина. Присутствующие бросали друг на друга быстрые взгляды. Все видели, что профессор почему-то угрюм. Сергей Васильевич показал ему вчерашний рентген. Илизаров посмотрел, взял в руки малюсенькую стопу Марики и распустил бинт у нижнего кольца. Сергей Васильевич дал знак глазами, и мы стянули марлю. Марика почувствовала боль и стиснула зубы. Я прижала к себе ее голову и поглаживала, уговаривая девочку не плакать. Вытерла ей глаза. Напряжение спало. Гавриил Абрамович рассматривал стопу.

– Спросите его, когда нам можно будет уехать домой! – шепнула я нашему врачу.

– Спросите сами! – ответил он тоже шепотом.

Я не посмела, он тоже. Я подхватила девочку и поспешила с ней в перевязочную.

Похоже, что в ближайшее время мы не поедем домой. Телеграмма ушла, Петер приезжает, а мы остаемся.

Я устала. Не хочется ничего делать.

30 июня

Обильный ночной дождь немного охладил воздух. Но утром быстро установилась жара, ясно сияло небо.

Снова фотографируем, на этот раз четверых детей: Алексиса, чернокожего мальчика из Кубы, Настеньку, Мишеньку и Марику. Они самые маленькие, часто играют друг с другом. Венгерских мам трудно уговорить сделать общие снимки. Они спешат по своим делам.

Строгость доктора Васильева побудила меня прибегнуть к хитрости. Я попросила главного врача разрешить мне оставаться днем с дочкой, а взамен я согласилась убирать помещения и помогать детям. Я и раньше делала это. Глаза главврача блеснули. В такую жару мало кто из мам берется за такую работу.

– Только не за деньги, Мария. Иностранцам у нас не разрешается устраиваться на работу.

³⁹ Строчка из стихотворения Ласло Нада “Я и боль”.

– Знаю, я так и думала. Буду работать только для того, чтобы быть с Марикой.

– Хорошо – главврач обняла и похлопала меня по спине, благодаря за предложение и за небольшой подарок, который я дала ей на радости, – фотографию с Илизаровым.

Теперь я уже легальная санитарка. Я как раз мыла пол в коридоре, когда появился доктор Васильев и заморгал, не веря своим глазам.

– А! Мария – санитарка? – удивился он.

– Да.

– Ловкая женщина! – засмеялся доктор, поняв, что я перехитрила его.

Эту сцену видела Эржи, стоявшая за дверью. Она тоже засмеялась, зная строгость доктора. Она позвала меня и попросила помочь сыну.

– Я помогала ему и раньше, когда тебя не было. А ты бы согласилась на такую работу? – спросила я, оглядев коридор.

– Я – нет.

– Мы разные люди. Я не стыжусь работы.

Сергей Васильевич сказал, чтобы, закончив мыть полы, я отвела Марику в перевязочную.

В общезитии я написала грустновато-кислое письмо Петеру. Пришлось ушить юбку в талии, вся одежда болтается на мне.

Вернувшись после обеда, я увидела, что Марика с бледным лицом сидит на кровати. Она не плакала и не хныкала. Приподняв закрывающее ногу легкое покрывало, она подозвала меня посмотреть, что сделал с ней Сергей Васильевич. У нее из пятки торчали две спицы, прикрепленные к полукольцу.

– Погладь мне колено и подошву, очень больно!

Я гладила, целовала ее, взяла на руки. Марика съела немного мясного супа, незаметно вложила ей в рот и кусочки мяса. Клубничкой она лакомилась с большей охотой. Потом забралась ко мне на руки, и я отнесла ее во двор. Во дворе я рассказала ей сказку, после чего мы сидели и смотрели, как играют дети. Марика жаловалась на боль. В девять часов ей дали обезболивающее. Я подождала, пока она заснет.

1 июля

Я приехала рано, пришлось поменять постельное белье. Мое сокровище лежало на кровати с бледным лицом. Вскоре пришла Валентина Ивановна, которая начала шутить с Марикой.

– Марика, когда поедешь домой, возьми нас с собой в Будапешт! Мы все поедем с тобой: Гавриил Абрамович, Сергей Васильевич и я. Хочешь? А когда ты вырастешь и станешь врачом не понарошку, а по-настоящему, вернешься в Курган. Так будет, Марика?

Ребенок вяло улыбался ее словам.

– Сегодня ее опять прооперируют. Гавриил Абрамович вставит ей в пятку еще две спицы, – сказала доктор и ушла. То же самое сообщил и Сергей Васильевич.

В одиннадцать Марику отвезли в операционную. Я помыла полы в коридоре, в двух палатах и туалете и поспешила домой стирать постельное белье, чтобы в случае необходимости было чистое. В качестве обеда я съела полученную утром в больнице кашу из банки, а к ней – салат из капусты с двумя вареными яйцами. Марике я сварила вкусный суп из курицы и картофельное пюре, положила все это в термос, термос – в сумку и побежала обратно в больницу.

Сегодня прооперировали Марику, Яноша и Алексиса. Мою дочь привезли в палату в два часа. Она была бледна и спала в забытьи, от ее шел сильный запах эфира. Иногда она открывала глаза, но не знаю, видела ли и узнавала ли меня. Взяв в рот большой палец левой руки и причмокивая, она продолжала спать и проснулась, когда время уже клонилось к вечеру, а ужин закончился.

– Будешь кушать, дочка? Я принесла вкусный супчик.

– Ничего не надо, погладь мне ногу!

Потом она опять задремала. Я целовала и гладила ее. Чувствовалась, что лицо у нее пышет жаром, температура поднялась до 38,5 градусов. Я ввела ей свечу “Гермицид”. Ночным дежурным был доктор Васильев, он распорядился дать Марике болеутоляющее. Медсестра Александра Антоновна быстро вернулась, неся набранное в шприц лекарство. Моя дочка бурно протестовала, я прижала к кровати ее дрыгающиеся ножки. Быстрый укол иглой. Вскоре девочка снова заснула, намушавшись за сегодняшний день. Я посмотрела, что изменили в ее аппарате. У нижнего кольца были вынуты спицы, остались только две, расположенные по диагонали. В кость пятки ввели еще две спицы, которые позже будут подкручивать. Эту операцию пришлось сделать потому, что гипсовым настомником не удалось скорректировать отклонение стопы вовне.

Уходя, я зашла к Яношу. К нему издалека, из-под Калочи, приехала мама, совершенно одна. Добродушная, простая женщина.

Янош рассказал, что произошло в операционной.

– Дядя Янош, береги меня! – плакала Марика, пока ее не усыпили.

Марику и Яноша оперировал Илизаров. Яношу он поставил повыше кольцо, находившееся под коленом. Там были и другие больные и из детского, и из взрослого отделения. Маленький Алексис спал в забытьи, с него сняли аппарат. Его дядя, мужчина с седой бородой, радовался скорому отъезду домой.

Было около десяти, когда я отправилась домой. В общезитии я сварила свежий суп из домашней курицы, купленной на ранке перед “Сибирью”, пока варился суп, я гладила. Полночь застала меня еще за работой.

2 июля

Я приехала рано, навела порядок вокруг Марики, поменяла испачканное постельное белье. Как хорошо, что я принесла с собой чистое!

Когда Марика проснулась, ей сделали болеутоляющий укол. Она съела вареное яйцо и выпила чашку чая. После этого ее вызвали на перевязку.

Я быстро сделала свою больничную работу и поспешила домой. По дороге я купила свежие фрукты. Подогрев сваренный ночью суп, я побежала обратно с обедом. Марика съела чашку супа и немного куриной грудки. Радуюсь каждому кусочку еды, который остается у нее в желудке. Особенно ей понравился смородина с сахаром.

– Когда ты была маленькой, тебе было три месяца, я отвезла тебя в Толчву, к твоему деревенскому дедушке. Там я впервые раз приготовила тебе смородину с сахаром, ты слизывала сок с ложки и причмокивала.

Тетя Пяня и главная медсестра Надежда Николаевна сели рядом с нами на пустую кровать. Они следили за состоянием недавно прооперированных больных.

– Тетя Пяня, какая вы сегодня красивая! – сказала Марика по-русски и заметила на голове пожилой медсестры свеженакрахмаленный платок.

От этого комплимента тетя Пяня покраснела до корней волос. Эта женщина – воплощенное добродушие, она очень любит детей, особенно самую маленькую, мою дочку. Каждый день она приходит к Марике, щекочет ее, играет с ней, поглаживает, они вместе разыгрывают кукольные представления. Тетя Пяня распространяет вокруг себя атмосферу любви и отличается своей сочной русской речью.

– Марика, я сшила тебе новый подстопник, но уж ты его не теряй! Смотри-ка, я напишу на нем твое имя, все будут знать, что он твой, если ты его потеряешь.

Я расспросила Сергея Васильевича о результатах в лечении воспаления костного мозга.

– Были пациенты, которые уехали совершенно вылеченными?

– Были, и не один. Но лечение этой болезни – длительный процесс. Большой костный мозг и костные ткани не способны регенерироваться так же быстро, как и здоровые. В большинстве случаев получается большое укорочение.

Сергей Васильевич упомянул несколько детей из отделения, страдающих этой болезнью. Валерию Брумелю и Карло Маури удалось вылечиться.

Однажды вечером я шла домой вместе с Лениной мамой. Ранее нас сблизило вязание. Она рассказала, что они приехали из Краснодара, ее дочка в двухлетнем возрасте упала и сильно ушибла правую ногу. Они приезжали сюда восемь раз, прежде чем ее госпитализировали. Тогда у десятилетней девочки укорочение уже достигло 30 сантиметров. Ей прооперировали бедро и голень, укорочение сократилось, но воспаление костного мозга не прошло полностью.

Два года назад они провели здесь 11 месяцев, потом уехали на год отдохнуть, а теперь снова живут здесь уже почти год, потому что девочка неожиданно начала расти, пришлось снова растягивать больную ногу.

– Мария, поверь мне, я каждый день молюсь, чтобы Илизаров жил как можно дольше и вылечил моего ребенка, спас его ногу от ампутации.

– Не ты единственная мама, которая молится о здоровье Илизарова. Лена – ловкая девочка, у нее умелые руки, она хорошо вяжет. Будем надеяться, что ей удастся полностью вылечиться.

Потом она говорила о своих родных местах, о пшенице, которая там выращивается, о вкусном хлебе, о плодородном черноземе, который немцы вывозили вагонами.

Сергей Васильевич снова осмотрел недавно прооперированных девочек в палате. То тут, то там слышались тихие стоны. Только у Анюты, у девочки из Армении, было шутовское настроение, она неустанно пыталась воодрузить корону маленькой принцессы на голову дяди врача, прямо на накрахмаленную медицинскую шапку. Однако он отказался от этой игры, добродушно пошлепал Анюту, и надел сверкающую корону Марике на голову. Вялое личико дочки засияло от счастья, на некоторое время она почувствовала себя принцессой. Потом маленькая корона кочевала с головы на голову, чтобы радость игры смягчила боль, которую испытывали девочки.

Вечером я разговаривала с мамой Яноша. Она рассказала, как приехала сюда одна, без знания языка. И как водила от врача к врачу своего сына, заболевшего детским параличом.

– У меня было три сына, а теперь остался только Янош. Один из сыновей умер в детстве, другой разбился на мотоцикле в восемнадцатилетнем возрасте. Спасибо вам, что вы заботитесь о сыне и покупаете ему продукты, которые он просит.

– О, об этом не сто́ит и говорить, я часто хожу на рынок!

4 июля

И вчера, и сегодня я целый день провела в больнице. С семи до девяти утра жару еще можно было терпеть.

Во дворе цветет маленькая липа, мы с Марикой сидели под ней, я держала Мариду на руках. Она еще не может ходить, но ей уже скучно лежать в кровати. Этот двор выглядел бы очень красивым, если бы за ним лучше ухаживали. Здесь есть молодой дуб, несколько стройных березок, ель и тополь, огромная плакучая ива, пара кустов сирени и ползучий можжевельник. В бетонных вазонах распускаются цветы. Осыпались лепестки тюльпанов, желтеет шпорник, краснеет фуксия, распускаются астры и поднимают головы несколько сиротливых гвоздик. Трава уже скошена, горьковато-сладкий запах сена смешивается с ароматом липы, на деревь-

ях чирикают птицы. Мне нравится сидеть здесь в тишине и слушать, как бьется сердечко дочери, сидящей у меня на коленях.

– Марика! – раздался чей-то возглас. Мы обернулись на голос. Олечка, опираясь на костыль, прыгала к нам на одной ноге. Они сегодня вернулись из Челябинска, им разрешили на месяц поехать домой. Всегда случаются какие-то мелкие радости. Вместе с Олиной бабушкой мы смотрели, как девочки обнимают друг друга. Потом они, как в начале знакомства, начали играть во врачей, только взаимная любовь у них теперь стала глубже.

Рядом с нами разместились девушка лет двадцати с вязанием в мешочке. Это знакомство тоже началось осенью, когда я похвалила вязаную юбку девушки. Сейчас она показала мне платье, которое она вяжет. Девушка приехала из Минска. В трехлетнем возрасте она порезала ножом правую ногу. Большая рана, воспаление, а в итоге получилось укорочение кости. Ее прооперировал в поликлинике Владимир Шевцов, неделю она пролежала там, а теперь живет в пансионе за больницей с двумя другими девушками, они содержат себя сами. Я получила приглашение навестить их.

Мимо нас прошел Оскар, дядя Алексиса. Он радостно обернулся и сообщил, что они скоро поедут домой. Он объяснялся жестами, зная по-русски всего несколько слов. Потом он быстрыми шагами направился наверх, белый халат развевался у него на шее. Несколько лет назад Илизаров побывал на Кубе по приглашению Фиделя Кастро, с тех пор оттуда прибыло уже несколько больных.

Папа исландского мальчика расположился около нас на скамейке, чтобы написать письмо. Он уже был разговорчивее, главным образом благодаря водке. Он хорошо чувствовал себя в Кургане. Жена ушла от него, оставив у него низкорослого мальчика. Светловолосый парень был вылитый отец, но в два раза ниже ростом. По словам исландца, он так и сказал Илизарову, что не уедет отсюда в Рейкьявик до тех пор, пока его сын не достигнет хотя бы 170 сантиметров. Профессор посмеялся его словам.

Марика вообразила себя медвежонком и уплетала свежую малину, которую продавали бабушки перед “Сибирью” по рублю за стакан. За пятьдесят копеек продается и черная смородина.

Мы укрылись от жары в палате.

Вечером мы праздновали день рождения, трем девочкам, Анюте, Лене и Настеньке, исполняется семь лет. На праздничном столе торт, фрукты, вишневый сок, березовый сироп. Мамы и дети дружно пели хором.

Дома я непрерывно пью квас. Меня изнурила эта жара.

Позвонил Петер, он купил билет на самолет и летит к нам. Его огорчило, что мы не вернемся домой вместе с ним, но он все равно приедет, потому что ему хочется увидеться с нами.

5 июля

Бедная дочка, как у нее опять болит нога! А ведь еще неделю назад она так весело ходила, играя в телефонный разговор!

Марика не может встать на ноги, болят раны, причиненные спицами. Я напрасно пытаюсь снова поставить ее на ноги. Она сидела у меня на коленях, опираясь на мои бедра. Я накрыла ее халатом, она выглянула через рукав. Так мы играли, смеясь. Позже, прислонившись к лестничному окну, я ждала окончания большого обхода. У меня буквально разрывалось сердце, когда я слышала, как она рыдает по мне. После ухода врачей я вошла к ней.

– Поищи, что там внутри для тебя! – уговаривала я ее поесть, протянув испеченный вчера пирожок с вишнями.

Марика съела половину пирожка и три чайных ложки сметаны. Печально, что она все худеет и не ест из-за боли.

Татьяна Георгиевна позвала нас, и я отвела Марику на лечебную гимнастику. Пока она была там, я выполнила свою работу.

Я поговорила с Сергеем Васильевичем о новой больнице. В ней будут лечить заболевания не только длинных трубчатых костей, но и тазовой кости. Я упомянула предназначенный для показов скелет, стоявший в кинозале, на этом скелете стояли аппараты даже на черепе и на позвоночнике.

– В принципе с помощью аппарата можно лечить много заболеваний костной системы. Но только в принципе. То, что делается на практике, это результат долгого экспериментирования. Проводятся эксперименты на собаках. Идите, посмотрите на них!

Павильон для собак. Множество клеток с животными. По вечерам и по утрам я часто слышу их жалобный вой. Они страдают ради людей. Маленькие аппараты размещены у них на бедрах, на голенях передних или задних лап, а иногда и сразу в двух местах. Мой проводник сказал, что есть собаки, у которых аппарат стоит на позвоночнике или на голове. Но их мне не показали. Бедные собаки!

Илизаров часто спешит к ним через двор. Говорят, что однажды погибло сразу трое собак, этот случай очень опечалил его. Уважение к жизни – жизненный принцип, философское ядро деятельности Альберта Швейцера. А в Кургане – профессора Илизарова.

Когда я вернулась, Татьяна сказала мне, что Марика пробыла на гимнастике пять минут и три раза упала, теперь мне надо погулять с ней.

И вот снова, как в стихотворении “Петике ходит”, Марика неуверенно шагает. Испытание терпения, нервная работа. Держу Марику за обе руки.

– Ну, шагай, не бойся! Опусть и левую ногу! – Но она лишь прыгала на одной ноге как птичка.

– Не бойся, не упадешь! Я с тобой!

– Колет, болит!

– Потерпи немножко!

Марика судорожно вцепилась в мои руки, подняв на меня взгляд. Сегодня она встанет на обе ноги, завтра сделает два шага, послезавтра еще на один больше, через неделю будет ходить, а через полгода – бегать. Потом все снова и снова начнет сначала, и так будет повторяться годами.

Вечером по дороге домой я встретила с молодым человеком, у которого я несколько раз спрашивала, двигаются ли у него пальцы на руке, на которых стоял аппарат, но он ни разу не ответил мне. У него сияло лицо, его буквально распирало от радости. Я обернулась, чтобы посмотреть, кому он улыбается. За мной никого не было. Мы подошли ближе друг к другу, молодой человек распахнул руки.

– Что это с ним? Может быть, он хочет меня обнять? – подумала я.

– У меня родилась дочь! – остановился он передо мной. – Весит три кило, здоровая. Здесь родила жена, я прямо оттуда.

– Поздравляю, я очень рада.

– Спасибо, – он стиснул мне руку рукой с аппаратом. Я почувствовала, что его пальцы сгибаются, и в них была сила. Аппарат стоял уже только на указательном пальце.

– В сентябре старик снимет его и тогда все, конец, – похвастался он. Потом рассказал, что его лечение началось три года назад, ему сделали двенадцать операций, и теперь у него на кисти появились все пальцы.

Случай с молодым человеком – это только одно из чудес Илизарова. Для этого чуда потребовались большие знания и бесконечное терпение.

По дороге домой я размышляла о том, как профессор будет лечить Марике левую руку.

С сегодняшнего дня Гавриил Абрамович ушел в отпуск и уехал на Кавказ.

7 июля

С самого утра нет воды. У меня в чайнике еще осталось несколько децилитров. стакан воды уйдет на чистку зубов, а все остальное – на чай нам обоим.

Сегодня Марика опять обеспечила мне множество вещей для стирки. Я отнесла их домой. Пришлось три раза сходить к колодцу во дворе близлежащего деревянного дома. Пожилая женщина разрешила мне набрать у нее воды. Я притащила драгоценную ношу на третий этаж. Еще хорошо, что сейчас не зима. Я постирала и выварила постельное белье. К счастью, когда дело дошло до полоскания, на полчаса пустили воду. Хорошо, что я заметила это и наполнила водой банки из-под варенья и пустые кастрюли. Тем временем сварилась моя говядина. Играло радио. Я вдруг обратила внимание на знакомую мелодию песни “Бабе лето”. Принужденно и горько улыбнувшись, я подумала, что бабе лето наступит, когда мы уедем отсюда. Сентябрь. Даже и Сергей Васильевич засмеялся, когда я сложила для него по-

русски стишок: *Вы всегда говорили мне: раньше, А я вижу: все дальше и дальше.* А правду сказала в апреле известная своей прямоотой медсестра Галина Викторовна:

– Мария, если Гавриил Абрамович обещал тебе три месяца, то будет все шесть, вот увидишь.

Выпал обильный дождь, пришлось снимать только что вывешенное постельное белье. Гроза налетела неожиданно и так же быстро ушла дальше. Когда я пришла в больницу, на небе красовалась прекрасная радуга.

Я подхватила на руки Марику и побежала с ней на балкон.

– Смотри, как красиво! Такого ты еще не видела!

Марика смотрела редкое природное явление, но не радовалась ему так, как я.

Небесная радуга исчезла так же быстро, как и сотканная из надежды и точно назначенная дата нашего отъезда в Венгрию. А во мне начали строиться более отдаленные радужные ворота.

Вечером Лида, одна из мам, заметила: – Мария, как ты ужасно выглядишь! На тебя страшно смотреть!

Я очень похудела и снова сузила юбку в талии.

8 июля

Ох, как же у меня болит все тело! Это все из-за вчерашней ности воды! Я чувствую боль во всех мышцах. Мне каждый день приходится носить туда-сюда Марику, а в общежитии таскать вверх-вниз кастрюлю для стирки.

Сегодня утром моя “госпожа и повелительница” встретила меня требованием принести ей игрушечного Чебурашку, потому что всем остальным детям мамы уже купили эту игрушку. Сейчас это – новинка в витринах, очаровывающих детские глаза. Марика настойчиво плакала из-за нее. Я решила пока не покупать ее, не нужно покупать все, что просит дочка. Она уже растеряла игрушки из врачебного набора и из набора посуды, потерялись и маленькие игрушечные часы. С тех пор как вернулась эта беспокойная Лена, все куда-то подевалось, куклу выпотрошили, волосы ей вырвали, ресницы отрезали.

В ответ на строгие аргументы последовала новая волна рыданий. И куда только делась моя педагогическая методичность!

Мое сердце дрогнуло при виде плачущего ребенка. Я, как Лёринц Сабо, начала смотреть на все снизу, глазами Лоци.⁴⁰ Ведь моя девочка уже несколько месяцев лежит в больнице и рвется домой, у нее болит нога, нет аппетита, а есть лишь одно желание – Чебурашка. Каждую минуту она смотрит на дверь, ожидая, когда я вой-

⁴⁰ Намек на стихотворение поэта Лёринца Сабо “Лоци будет великаном”.

ду в палату, и испытывает радость только тогда, когда я рядом с ней. Когда я уйду от нее, она всегда переживает такое чувство, как если бы теряла меня навсегда.

Я сходила в ЦУМ, купила двух Чебурашек, синего и розового. У остальных детей Чебурашки зеленого цвета, и я хотела избежать ссор. Потом я поспешила на рынок купить арбуз, виноград и сливы. Вечером Марика с любовью поглаживала двух Чебурашек, прижимала их к своему сердечку, а на мое склонилась свою кудрявую головку.

10 июля

Сегодня ночью была страшная жара.

Будь проклят тот комар, который ухитрился укусить меня прямо в веко! Я ужасно выгляжу. Если это не пройдет до приезда Петера, то он увидит меня и сбежит обратно в Будапешт.

В больнице нет воды. В подвале лопнула труба. Мы, мамы, вместе с несколькими уборщицами таскаем ведрами вонючую воду затопившую помещения. Едва закончив, мы направились к колодцам во дворах соседних домов и начали носить чистую воду для больных в ведрах, банках и молочных бутылках. Стояла адская жара, температура воздуха была, наверное, около 40 градусов. Мы потели и задыхались.

В общежитии была вода, это настоящее чудо. Опять стирка и готовка. Голубцы по-армянски. Я нарезала в начинку петрушку и укроп, придавшие ей свежий вкус. Так готовит Шура.

С улицы слышались звуки гармоники, играл оркестр. Я выглянула из окна кухни. Собралось много народа, на грузовике, посередине, стоял гроб, покрытый красным кумачом, в гробу лежал покойник с зеленоватым лицом, вокруг него бумажные цветы, рядом награды на бархатной подушке. За грузовиком к кладбищу шли рыдающие женщины и еще много людей. Женщины в общежитии говорили, что мужчина умер от теплового удара, ему было лет сорок.

Мне было странно видеть эти похороны в открытом гробу в такую жару. И вот еще один трупик на аллее, ведущей в больницу. Маленькая птичка. Интересно, от чего она умерла? Термометр у входа показывал сорок два градуса в тени.

Марике понравились голубцы, после которых она вместе с Олей съела арбуз. Наконец-то есть чему радоваться сегодня!

Я читала до полуночи при естественном свете сказки Толстого на русском языке. Он написал их для деревенских детей. Всего несколько слов пришлось посмотреть в словаре. Я неустанно хлопаю на себе комаров.

11 июля

Марика едва кушала яичницу с грибами.

– Она не такая, как дома.

– Где же я куплю шампиньоны? Здесь есть только белые грибы с коричневой шляпкой. Вкусные, лесные.

Со времени последней операции прошло десять дней.

– Дочка, пойдем погуляем!

Другие дети начинают ходить уже на третий день, но Марика не хотела. Она плакала до конца коридора, с натугой шагала, держа меня за руку. Я пожалела ее, взяла на руки и поставила на пол у лестницы.

– Ну, держись, пойдем вниз!

Но Марика заупрямилась и не хотела идти. Эта волынка продолжалась полчаса, мне уже было стыдно перед остальными. Марика хотела то идти во двор, то вернуться на кровать. От нее можно было сойти с ума. Мое терпение подошло к концу. Я отнесла дочку обратно в палату и положила на кровать.

– Тогда плачь! Реши, наконец, чего ты хочешь! Я ухожу домой!

Она отчаянно сжимала мне шею.

– Я очень люблю тебя, не уходи!

– Тогда веди себя нормально! Нужно ходить, иначе нога не окрепнет! Подумай, дочка, я вернусь после обеда!

Марика плакала, но я ушла домой. Мне хотелось тишины, немного покоя, одиночества. Раиса Симоновна позвала меня купаться на Тобол.

– Мне нужно стирать, а потом пойду обратно в больницу.

Когда я вернулась, дежурная медсестра встретила меня известием, что Марика вела себя хорошо, не хныкала, и отведала больничный обед. Я принесла ей вишневый суп, мясо в сухарях, картошку с петрушкой и виноград. Она все съела без угорворов. Я надела на нее сандали, подстопник на больную ногу, и она зашагала со мной по коридору. Строгость пошла Марике на пользу, она задумалась. Вечером она спросила:

– Когда же папа приедет за нами?

– Поспишь еще пять раз, и будет здесь. Ну, закрывай глазки – я усыпила ее стихотворением Аттилы Йожефа.

13 июля

Жара спала, стало прохладно, дул сильный ветер. Я, наконец, смогла спать ночью!

Марика встретила меня хорошо, одна сходила в туалет, для меня это было большой радостью. Она хорошо покушала, потом я надела на нее красную вязаную

кофточку, и мы отправились на утреннюю прогулку. Во дворе мы прижались друг к другу, я прикрывала ее своим телом как сидящая в гнезде птица своих птенцов.

– Когда мы вернемся домой, я уже пойду в детский сад, правда, мама?

– В сентябре ты еще не будешь ходить в сад. Только после контрольного обследования, с ноября, если все будет в порядке.

– А где я буду, когда ты будешь на работе?

– У бабушки с дедушкой. Будешь рисовать с дедушкой, готовить вместе с Бёжике и бабушкой. С тобой будут сразу трое. До обеда ты будешь со мной, а вечером Бонифаций будет рассказывать тебе сказки.

– Как было хорошо, если бы мы уже были дома!

– Скоро будем, не плачь!

– Когда мы будем дома, у меня будет маленький братик или сестричка? Я так хотела бы этого!

– И я тоже хотела бы. – Но сбудется ли это? – это я уже спросила у самой себя. Радужные ворота.

Через некоторое время мы пошли на лечебную гимнастику. Я выполнила свою больничную работу, но не спешила домой, потому что сегодня мне не надо было стирать. Насколько больше свободного времени бывает у меня в таких случаях! Я переводила для себя тексты об идущей здесь работе, размещенные на стендах в коридоре первого этажа. На этот раз возилась с текстом об Анне Майоровне Аранович. Она родилась в 1949 г., с 1972 г. работает здесь, в больнице, сейчас – в детском отделении. Ей удалось разработать методику лечения аппаратом Илизарова больных с врожденным укорочением конечности и отсутствием малой берцовой кости. За это она получила степень кандидата наук.

Я доела остатки голубцов. Это моя любимая пища. Я уже съела здесь столько капусты, что скоро превращусь в козу. Келемен Микеш посмеялся бы над этим. Он тоже больше всего любил капусту. Пишу этот дневник о нашей жизни и о том, как сильно нам хочется домой. Марика считает на пальчиках, сколько раз ей еще нужно будет спать, до приезда отца из далекого далека. Спешу обратно в больницу.

– Что было на обед, дочка?

– Первое и второе.

– Какой был суп?

– Красный.

– Что в нем было?

– Мясо, картошка и капуста.

– Это борщ. А на второе?

– Каша и котлетки.

– Какая каша?

– Коричневая.

– Ну и как ты покушала?

– Из тарелки.

Я улынулась остроумному ответу. В девочке тоже скрывается крупица юмора Келемена Микеша.

– А ты что принесла мне покушать?

– Гороховый суп, жареную рыбу, сырники и лакомство медвежонка.

У Марики заблестели глаза. Все было съедено. Я снова стала старым Бенце со слезинкой на реснице. Потом я посадила Марику на шею, и мы долго любовались морем маковых цветов, растущих около дороги.

– Как красиво, как красиво! Давай соберем букетик!

– Нужно рвать цветки с распускающимися бутонами. Видишь, какие у них морщинистые лепестки? К утру они разглядятся.

Букет постепенно увеличивался, в нем были маки, маргаритки, шпорник и льнянка.

– Смотри, там, там, что-то горит, огонь! – испуганно показала Марика в сторону луга.

– Это не огонь, дочка. Это прощается, идет спать солнышко. Оно как будто разводит огонь на краю неба, в облаках. Позже ты тоже узнаешь это от Яноша Араня.

– Солнышко спряталось. Ушло спать за деревья. Ему не страшно в лесу?

– Не страшно. Солнышка нет в лесу. Это тебе так кажется. Ты еще маленькая, тебе этого не понять. Я объясню тебе потом, когда ты станешь постарше. Пойдем спать. Садись верхом мне на шею!

– Ну, лошадка, ну, пошла, цок-цок, – зацокала Марика.

В общежитии меня ждала телеграмма: “Приезжаю утром, Петер”. Все-таки приезжает, хотя уже знает, что мы не поедem домой. Получена виза, взят отпуск, муж хочет видеть нас. Я рада, что он приезжает, приятно чувствовать, что он любит нас. Но когда утром? Завтра или послезавтра?

15 июля

На днях я купила на рынке зеленый перец. Три штуки за рубль. В Будапеште за те же деньги я купила бы целый килограмм. Я поела бы лечо и персиков. Их тоже уже много в Будапеште. А здесь они очень дорогие, я покупаю всего несколько штук для Марики.

– Когда же приедет папа? – встретила меня Марика утром.

– Скоро приедет. Нужно поспать еще только один раз.

Во дворе мы слушали приятный голос Иды Ивановны, рассказывавшей Марике “Теремок” по книге с множеством цветных рисунков и фигур. Марика, как маленький попугай, прошебетала за ней всю сказку.

– Мария, что у тебя за ребенок, какая у нее память!

– Она уже слышала эту сказку.

Приближался утренний обход, нужно было подняться в палату. Сергей Васильевич подкручивал спицы в Марикиной пятке. Ребенок проливал крокодиловы слезы.

– Больно, очень больно.

Доктор обнял ее и дал ей в руки ключ.

– Ну, крути! Теперь ты будешь доктором.

Марика, сначала похныкивая, а потом со смехом взяла в руку инструмент, ее удивила эта неожиданная игра. Да это и не игра, все вполне серьезно. Сергей Васильевич терпеливо показал ей, как надо подкрутить вот здесь и здесь. Мне тоже нравится такое обращение. И не только этот конкретный случай, я каждый день видела здесь много похожего, внимательное отношение к сиюминутному душевному состоянию пациента, целительная работа, выполняемая с любовью.

– Хочу писать, – простонала маленькая итальянка Маргарита.

Доктор спустил Марику с колен и направился к другой девочке.

– Я помогу ей – опередила я врача.

Потом мы беседовали о том, какой научной работой занимается Сергей Васильевич. Он изучает, в каком случае развитие костной ткани идет успешнее: при одном или при двух рассечениях, собирает наблюдения о том, сколько времени требуется для лечения, и как переносят больные этот период. Как жаль, что я недостаточно хорошо знаю русский язык и не все понимаю из того, что хотела бы знать!

В общежитии я устроила большую уборку. Жду своего “князя”, хотя, конечно, не с такой помпезностью, с какой Жужанна Карои в романе “Трансильвания” ждала Габора Бетлена. На кухне распространялся вкусный запах, в кастрюле, побулькивая, варилось мясо с грибами.

16 июля

Я встала в половине пятого. Окна противоположного дома как будто зажглись ярким огнем. В стеклах отражался восход солнца. Рассвет здесь так же прекрасен, как и закат солнца. На горизонте возникла оранжевая расщелина, небо разверлось. Потом сияние постепенно поблекло, огромный красный солнечный диск выглянул из-за леса и поднимался все выше.

Такси, аэропорт, жду прибытия самолета. Разглядываю выходящих из самолета пассажиров. Ищу глазами светлое кремовое нейлоновое полупальто, белый выпущенный воротник рубашки, лицо в очках, черные, густые волосы, но не вижу ничего похожего. Быть может, он не прилетел? Сотрудник аэропорта попросил меня отойти от окна.

В зал ожидания хлынули люди, вновь прибывшие ждали свой багаж. Я с растущим разочарованием следила за входом. Вдруг кто-то сзади дотронулся до моего плеча. Я испугалась.

– О, это ты? Я уже подумала, что ты не прилетел. Ты оделся не так, как я ожидала. Ты такой серьезный в этом галстуке.

– Я вовсе не серьезный. Очень рад, что ты ждешь меня, – обнял меня Петер.

Как будто мы расстались только вчера. Снова вместе. Радость. Марика не поверила своим глазам, когда отец подошел к ее кровати. Она стыдливо зарылась лицом в подушку, а потом ухватилась за шею отца.

– А вот и ты, Бонифаций! Теперь я снова кот Филимон, – сказала Марика и нежно, с любовью поцеловала усталое лицо Петера.

Мы разговаривали, сидя на подоконнике в коридоре, Марика показывала отцу большую ножку. На несколько слов к нам подошел Сергей Васильевич. Я отвела Марику на малый обход, потом помыла пол в коридоре. Когда мы собрались уходить, дочка ужасно расплакалась. Сергей Васильевич глазами и головой дал мне знак, чтобы мы уходили. Спускаясь по лестнице, я еще слышала рыдания и всхлипывания дочки, но знала, что в первой палате уже началась игра во врача.

В маленькой комнатке общежития мы разговаривали о разных вещах, потом Петера одолела усталость от ночной поездки, и он заснул. Я пошла к Марике одна. Разочарование вызвало у нее взрыв горьких эмоций, она страшно рыдала по отцу. Я позвонила в общежитие вахтерше, чтобы она разбудила Петера и послала его в больницу.

Марика мечтала, чтобы мы снова были вместе. Мы сидели на ее кровати, она обняла нас обоих за шею и радостно осыпала нас поцелуями.

17 июля

Моему взрослому в комфорте муженьку не понравилось в общежитии. Больше всего он был недоволен тем, что ему приходится мыться в тазу. Я грела на кухне воду, мылись в комнате, а потом я выливали воду в туалете. Действительно, в таких условиях соблюдение личной гигиены требовало много времени, было неудобным и менее основательным. Я уже смирилась и привыкла к этому. Я лишь раз в неделю спускалась в душевую, которую закрыли с первого апреля. С тех пор я решала эти свои проблемы в больнице. Мы вспомнили нашу темную временную квартиру, в которой прожили четыре года. Там мы мылись так же.

– Действительно, мы выдержали и это. Но все-таки было плохо.

– Здесь по крайней мере сейчас тепло и светло, – обратила я все в шутку.

К нашему приходу Марика обильно “обеспечила” меня бельем для стирки. В общежитии я безостановочно работала, стирала, готовила, гладила. Муж видел,

чем я занимаюсь каждый день. Во второй половине дня я снова меняла постельное белье, проделывая каждодневную работу во второй раз.

Марике и Петеру понравились щи, русский летний капустный суп. Я испекла блины, начинив их творогом с укропом, орехами и вареньем.

За весь день я села лишь на то время, пока мы играли с дочкой на скамейке. Магический кубик привлек к нам и остальных детей. Петер разговаривал с Яношем о здешней жизни и о перенесенной боли.

По дороге домой мой милый муж со строгостью учителя заметил, что недоволен мои знанием русского языка. Ему-то было легко, он ходил в русскую школу и продолжал учить русский язык в университете.

– Когда мне учиться? Когда? Все мои дни проходят так же, как сегодняшний, у меня нет ни времени, ни сил для учебы, – ответила я. – Мне было бы интересно, как бы ты справлялся здесь на моем месте.

На это он не ответил.

18 июля

Сегодня мы провели с Марикой больше времени. Она счастливо обняла нас под большой ивой, но в момент, запечатленный фотографом Сашей, как раз скривила рот с некоторой грустью, уже зная, что еще не пришло время для долгожданного отъезда в Будапешт, и ее отец пробудет с ней только несколько дней. Саша сделал групповой снимок находившихся во дворе венгерских детей и мам.

На обед я сделала курицу со сметаной, галушки и огуречный салат.

– Как хорошо снова есть твою еду! – заметил Петер. – С тех пор как ты уехала, я не ел такой вкусноты. Интересно, мы уже полгода живем вдали друг от друга, но пару дней все опять так, как будто мы дома.

Я погладила высухшее постельное белье, собрала еду для ребенка, и мы поспешили обратно в больницу. На

Приезд отца

ночном дежурстве был Сергей Васильевич, и я знала, что с Марикой не будет проблем, когда мы уйдем.

Вечером нас ждали в гости у Бориса. Борис разговаривал с Петером об Илизарове, о строительстве новой больницы и о своей работе. Мы с Софьей сидели на кухне и смотрели на тихую воду Тобола при свете теплого летнего заката.

19 июля

Вчера я подшутила над дочкой, запеленала ее куском простыни, чтобы все вокруг не промокло, если она описается.

– Что же, я младенец, по-твоему? – протестовала Марика. К утру она вынула пеленку, застыдилась и не обмочилась. Я могла бы догадаться сделать так и раньше.

Петер поговорил с доктором Валентиной Ивановной о том, что произошло с Марикой и что будет дальше. Моя зайчишка, забравшись мне на колени, внимательно слушала, что о ней говорят, а я следила за ее лицом, пытаюсь выяснить, что она понимает из этого разговора.

– Валентина Ивановна, – заговорила Марика, – сделайте мне, пожалуйста, пальчики на эту руку, чтобы она была такой же, как и вот эта.

– Гавриил Абрамович посмотрит и прооперирует, – ответила доктор.

– Можно ли сделать из этого тонкого среднего пальчика здоровый палец? – вступила я в разговор.

– Можно, Мария.

Новый луч надежды. Мы договорились, что, приехав осенью на контрольный осмотр, мы останемся здесь для операции операции руки.

Марика в отчаянии рыдала, когда мы ушли от нее.

– Не плачь, уезжает только папа!

– Не уходи, останься со мной!

– Я вернусь, не оставлю тебя, не бойся!

– Марика даже по-венгерски говорит с русским акцентом, – заметил отец.

Ее плач слышался даже во дворе. Вернувшись после обеда, я узнала от детей, что Марику успокоил Сергей Васильевич.

В полдень Борис прислал машину, которая отвезла нас в аэропорт.

– Хорошо, что у нас были эти несколько дней семейного счастья, – попрощался Петер. – Когда мы снова будем вместе?

Поднимаясь по лестнице, он обернулся и помахал рукой. Я стояла у того же окна, у которого ждала в пятницу его прибытия. Вскоре самолет покатился по взлетной полосе и улетел в сторону Москвы.

Марика успокоилась, увидев, что я осталась в Кургане. На радостях она целый вечер целовала меня и болтала со мной.

– Когда я вечером пришла в общежитие, позвонил Вилен:

– Петер вылетел? Самолет из Кургана не прибыл в Москву.

Мир закачался у меня перед глазами. Что случилось? Они разбились? Мне не было покоя.

20 июля

В деревне строили деревянный дом. Строили не заново, на старое здание накладывали новое покрытие. Чувствовался запах свежеструганных досок, разлетались завитки стружек. Работали двое загорелых мужчин.

Какое чистое, синее небо! Прибыл ли самолет в Москву? Или разбился где-то по пути? Неужели так просто обрывается жизнь? Жизнь мужа и всех, кто летел на этом самолете. Что случилось? Быть может, вечером я узнаю от Вилены. Нет! Заказу телефонный разговор прямо сейчас, утром. Нет линии. Десять часов. Есть связь, но Москва не отвечала. Никого нет дома. Боюсь, что сегодняшний день будет очень длинным! Вечером попробую еще раз.

Сегодня врачи и медсестры не вышли на работу в больницу, осталось только несколько дежурных. Остальные, как я узнала, уехали в колхоз полоть редьку.

– Редька маленькая, а сорняки большие, – сказала Галя.

– Почему работники больницы едут в колхоз? – смотрела я с удивлением.

– Все должны работать на земле.

Здесь это реальность, а не утопия. Томас Мор мечтал и писал о таком государстве, в котором и чиновники, и другие слои населения должны работать в сельском хозяйстве. Не знаю, как отнеслись бы к этому люди в Венгрии.

Во второй половине дня дети ждали меня с радостной новостью. Они сообщили, что тетя Татьяна похвалила Марику за то, что она хорошо ходила на лечебной гимнастике. Наконец-то я дожила и до этого! Внизу во дворе она тоже гуляла со мной без единой жалобы.

Я поспешила вернуться в общежитие, позвонила на почту и попросила разговор с Москвой. Вилен успокоил меня: Петер уже дома, в Будапеште. Самолет из Кургана прилетел поздно вечером, он должен был сесть в Перьми на заправку.

21 июля

Ярко светит солнце, сегодня опять будет жарко. Дети были взволнованы. Ида Ивановна организовала им на сегодня кино. Всех переполняло любопытство, получают ли они разрешение от своих лечащих врачей. Все дисциплинированно ждали утреннего малого обхода. Марика громко засмеялась, запрыгала и захлопала от радости, когда Сергей Васильевич сообщил ей, что она тоже может ехать.

– Поедем с нами, мама!

В десять часов прибыл автобус и отвез нас на площадь Ленина, к кинотеатру “Россия”. Кино очень понравилось детям, иногда зал сотрясался от их громкого смеха. Фильм назывался “Полосатый рейс”. Его действие происходило на пароходе, перевозившем много тигров и львов в клетках, из которых зверей выпустила обезьяна. Это страшно напугало матросов, отдыхающие сломя голову убежали с пляжа, увидев подплывающих тигров.

В зрительном зале стоял веселый шум.

Вечером ко мне пришли Галя и Лида. Мы разговаривали о любви, о браке, о наших детях. О том, что много браков разрушается из-за того, что, пока мамы месяцами находятся в Кургане с больными детьми, папы дома находят себе других партнеров, и все кончается разводом. Петер им понравился. В этом они похожи на всех остальных, думают, что у соседа трава зеленее, то есть чужое всегда лучше. Гости ушли в одиннадцать, когда уже темнело и начало холодеть.

22 июля

Проснувшись, я увидела пасмурное небо и лужи на улице, ночью шел дождь.

Я вернулась к прежнему распорядку дня, встаю в шесть, выхожу из общежития в четверть восьмого. Только бы не болела так сильно поясница! Я чувствую боль со времени последней операции, потому что мне приходилось часто нести Марику по лестнице, а в общежитии надо было таскать кастрюлю, полную воды и одежды. Иногда я чувствую, что больше не могу, у меня дрожат ноги, постоянно сводит мышцы, и к вечеру всегда распухают щиколотки.

С тех пор как я узнала, что Сергей Васильевич – наполовину татарин по материнской линии, я стала задумываться над странностями истории. Как писал Габор Гараи, “*В крови моей смешение пяти-шести народов*”.⁴¹ Смотрю на лицо этого молодого врача и ищу в нем черты подчинявших народы варварских воинов. Если они так же выглядели и обладали такой же статурой несколько столетий назад, то не удивительно, что их так боялись! Здесь, напротив меня, стоит уже укрощенный полутатарин. Он заметил мою задумчивость и спросил, о чем я размышляю. Как объяснить ему, что я размышляю о “Горестной песни” магистра Рогерия⁴², о нашем короле Беле IV, о книге В. Г. Яна “Нашествие монголов” и об одном фильме, который назывался “Иконописец” и был посвящен Андрею Рублеву. В этом фильме был снят эпизод разорения татарами Владимира. Мы с Петером побывали во Владимире в 1977 году, посмотрели несколько церквей, Золотые ворота и музей с дио-

рамой о татарском нападении. Неподалеку от Владимира мы осмотрели и чудесный Суздаль.

– Я размышляю об истории, о татарах, – ответила я на вопрос доктора, – и о том, как вы вчера взяли Марику на руки и передали мне над головами детей, потому что я не могла подойти к ней.

– Как же это связано друг с другом? – засмеялся он.

Я не смогла объяснить ему. Но мне нравились его любезность, внимание и любовь, с которой он обращался с моим ребенком.

Сегодня прооперировали проказницу Лену. Ей поставили аппарат на правую ногу. У нее не сгибался коленный сустав. Наконец-то она больше не будет столько носиться по больнице и обижать Марику. Меня уже раздражала ее грубость, я ничего не могла с ней поделать. Лена сильно плакала и стонала. Я дала ей кусок арбуза, она удивилась. Ее мать весь вечер суежилась вокруг нее, крупная женщина, мне все время приходилось обходить ее. Она какая-то странная, привезла девочку в мае, и у нее ни с кем нет хороших отношений. Неудивительно, что у ее дочки такой характер.

Как я уже жду дня отъезда! Хорошо бы оказаться дома к началу учебного года. Ходить на работу к моим ученицам. Это легче монотонной больничной жизни. Здесь хорошо только тогда, когда мы играем с Марикой. Вдруг она спросила:

– Как я появилась у тебя в животе? Вдруг начала расти, потому что ты очень хотела, чтобы я родилась?

– Да, очень хотела.

Пять лет назад, тоже летом, в Леаньфалу я взяла на руки Катю, восьмимесячную дочку Вириа. Следуя младенческому инстинкту, она сложила ротик в трубочку и залезла в разрез моего летнего платья, пытаясь пососать молоко. Ее мать удивилась, ведь она кормила дочь из бутылки с соской. Тогда во мне зародилось желание, чтобы у меня тоже был ребенок, сейчас же, немедленно, и это желание вскоре стало действительностью. Рождение дочери принесло радость и печаль, а ее лечение и воспитание стали для меня задачей на всю жизнь.

Вечером я взяла в руки последний номер венгерского журнала “Советская литература”, который оставил мне Петер, и прочитала “Ардабиолу” Евтушенко. Он описал отрицательные стороны проникающего и сюда западного влияния, хулиганство, сумасшедшую погоню за джинсами, тесноту аэропорта Домодедово. Правдивы диалоги, изображение русских обычаев, образа жизни, прекрасен эпизод в душевой с березовым веником, отлично показаны судьбы избитого до полусмерти гения и его брата и их встреча на похоронах отца.

⁴¹ Строка из стихотворения Габора Гараи “Родина”.

⁴² “Горестная песнь” магистра Рогерия – повествование итальянского священника Рогерия о вторжении монголов в Венгрию.

25 июля

Какой сегодня туман! Летом я еще не видела такого! Ничего себе смена погоды. Наверное, поэтому я плохо спала и проснулась с головной болью. Из окна едва можно было разглядеть деревянные дома на другой стороне улицы. Туман рассеялся около десяти, когда мы с Марикой гуляли по коридору первого этажа. Потом зашли на почту написать письмо. Марика, сидя у меня на коленях, плакала, ей очень хотелось домой.

– Напиши, что я хочу дедушкин бутерброд с ветчиной и вареники, которые делает мне Бёжике. Отвезите меня на Балатон! А еще я хочу братика или сестричку, чтобы было с кем играть! Когда ребеночек будет вот такой маленький, – показала она рукой, – я буду покачивать его в кроватке, чтобы не плакал, когда ты готовишь.

Произнеся это, Марика заплакала. У нее болела нога, а сердечко страдало от тоски по родине.

– Успокойся, доченька, не плачь, скоро мы поедem домой. Будет тебе бутерброд, вареники и Балатон. Может быть, даже и ребеночек в кроватке! Не плачь, я тебя очень люблю.

– Скоро? Когда же будет это скоро?

Я не смогла ответить на этот вопрос. Через месяц? Через два? Бедный ребенок, как же ей не грустить! У нее проколота кость пятки, она едва может ходить. Только бы удалось вылечить ей ногу, чтобы все эти страдания не оказались напрасными.

Из больницы я поспешила на рынок, чтобы купить свежие фрукты, а оттуда, как обещала, – к Борису, чтобы показать сделанные в больнице фотографии. Я подарила Софье те из них, которые она выбрала для себя. Иночка сыграла на пианино *Für Elise*. С Региной мы поговорили о том, как живут студенты-медики из челябинского мединститута, чем она хочет заняться по окончании учебы. Она готовилась сюда, в больницу Илизарова. Софья рассказывала о дочерях, вспомнив, какими они были в детстве. Старые воспоминания нахлынули на нее при виде фотографий Марики. Бориса не было дома. Он получил от городских властей участок в нескольких километрах от города, и у него были там какие-то дела.

Марика обрадовалась вкусным фруктам, но не захотела спуститься во двор на собственных ногах. Вечером ей уже трудно пройти два этажа по лестнице. Мы вышли на балкон, где уже было много родителей и детей. Итальянка Мария и кубинец Оскар записали на магнитофон песню детей, а потом проиграли запись. Дети громко смеялись, услышав свои голоса. Там были армянка Анюта, две девочки из Италии, Ирене и Маргарита, а также темнокожий мальчик Алексис и жеребенок Димка, малыши из детского отделения со своими родственниками. Марика тоже захотела петь и выбрала русскую песню “Спасите”, она хорошо знала ее текст. У нее засияло лицо, когда она услышала в записи свой голос. Через некоторое время детям наскучило перие, и они спустились играть во двор. Затем последовало самое хорошее. Запели мы, взрослые, пропели “Катюшу”, “Бабые лето” и “Подмосковные

вечера”. Мария пела по-итальянски, Оскар по-испански, Нина и Лида по-русски, а я по-венгерски. Мы долго пели с сияющими лицами, возвышенными сердцами, время от времени обнимаясь. Мне вспомнились слова Петера Вереша и Лайоша Вашша⁴³ о коллективообразующей силе совместного пения.

После ужина я с помощью словаря “разговаривала” с другой Марией, мамой маленькой Маргариты. Она не говорит по-русски, у нее есть маленький карманный словарь, в котором она показывала мне нужные слова. Я узнала, что она – художник, а ее муж преподает в университете, Маргарита – их единственный ребенок.

27 июля

Сильный ветер разогнал облака, в синеве неба плавало лишь несколько серовато-белых клубочков. После дождя осталось много грязи и несколько луж.

Сергей Васильевич дал мне копии рентгеновских снимков кисти Марики и сказал, что лечение кисти займет минимум четыре месяца. Значит понадобится полгода.

– Я хочу и мизинчик, Сергей Васильевич, – прочирикала Марика.

Доктор добродушно рассмеялся. Никто из нас не ответил. Но я знаю, что мизинчика не получится. Не из чего, потому что нет косточки. Что могло случиться с зародышем, что он так развивался? Никто не дал мне точного ответа. Остались только гадания и подозрения. Да еще самообвинение, сознание своей вины.

Дорогая моя дочка, я так люблю тебя! Сколько любви и заботы понадобится тебе, прежде чем ты вырастешь! Сколько боли, больничных неудобств, как много обид и унижений придется тебе перенести до тех пор! Если даже удастся в основном скорректировать твои недостатки, у тебя все равно не будет ни здоровой левой руки, ни здоровой левой ноги. Твое упрямство, с которым ты добиваешься всего, что тебе нужно, игрушек или дружбы, может обратиться на пользу, если дополнится здравым смыслом. Ты легко учишь стихи, восприимчива к красоте и добру. Я планирую твое будущее.

Как далеко я забралась в прошлое и в планы на будущее! Настало время приступить к работе. Уже вчера я почувствовала на общей кухне запах газа. Вчера все загорелось желанием варить варенье, откладывали на зиму малину, смородину, крыжовник. Женщины ходили туда-сюда по коридору, хотели вызвать мастера, потому что от чего-то пахло газом. Я приняховалась и рассматривала конфорки до тех пор, пока не заметила, что из одной из них просачивается газ, а ручка для ее выключения отсутствует. К счастью, ночью окно было открыто, и мы не взорвались. Заготовка варенья продолжалась и сегодня. Так вот почему в городе нет сахара!

⁴³ Лайош Вашш (1927–1992) – венгерский композитор, исследователь народной музыки, выдающийся представитель массового хорового движения.

Марике понравился приготовленный на русский манер грибной суп, жареная рыба и сырники. Она хлопала в ладоши при виде крупных, красных виноградин. После обеда она заснула, а когда проснулась, у нее было хорошее настроение. Мы играли в доктора. Прижав меня к себе, Марика добродушно утешала меня, “больную”, как обычно утешал ее Сергей Васильевич.

Ночью дежурил доктор Васильев. Его строгость положила конец нашей совместной игре. Он отослал всех мам домой.

28 июля

Утром родители много ворчали из-за вчерашних строгих мер. Художник Мария возмущалась с заплаканными глазами, но мы ничего не поняли, потому что она жаловалась по-итальянски. Она написала на бумаге несколько русских слов из словаря, но ее все равно никто не понял. По просьбе мам, я пошла к Валентине Ивановне и сказала, что иностранные мамы не согласны со строгими мерами, потому что дежурные часто не помогают детям. Главврач защищала русских мам, ссылаясь на то, что у них очень трудная работа. К тому же строгое соблюдение тишины и чистоты в интересах больных детей, необходимо избегать инфекций. Обе стороны были правы, каждая со своей точки зрения. Но как же прийти к общему знаменателю? Ведь все мы, и врачи, и мамы, заботимся об интересах детей. Но главврач не уступила.

Я помыла пол в коридоре, вынесла горшки, сделала уборку в двух палатах и в туалете, поменяла постельное белье и помогла детям. Так прошла первая половина дня. Я делала все это, чтобы быть вместе с Марикой. К сожалению, она и сегодня описалась, пока я была во врачебном кабинете, она звала меня, но напрасно.

У Сергея Васильевича сияло лицо, он не мог сдержать радости и рассказал, с каким нетерпением ждет ребенка. Он побывал в Омске, навестил беременную жену. Восемь часов на поезде туда, восемь обратно, ехал ночью. Сергей Васильевич буквально лучился счастьем. Наконец-то какая-то крупная радость в пасмурной атмосфере сегодняшнего дня!

Таня вернулась с Катюшей для наложения гипса. Она привезла с дачи помидоры, огурцы и малину для Марики, а мне – три прекрасных гладиолуса: белый, розовый и темно-бордовый с бархатными лепестками. Таких я еще не видела. Необыкновенная красота.

Вечером две мамы-итальянки жаловались армянке Нине, не понимая, почему мне разрешается находиться в отделении? Дежурной медсестрой была Галина Викторевна, которая, услышав это, ответила им: – Вы тоже можете убирать помещения!

30 июля

Строгость принесла результаты. В детском отделении стало больше порядка. Теперь я убирала меньше мусора.

Закончив работу, я проводила Марикку на гимнастику и поспешила в общежитие готовить. Я шла по тропинке в больничном дворе, когда почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я увидела Сергея Васильевича, который приветливо помахал мне с балкона. Он стоял там вместе с Васильевым, они устроили перекур.

Я испекла пирожки с яблоками и капустой, получилось очень много. Я дала пирожков Раисе. Марике и Тане с дочкой они тоже понравились. Сегодня Таня увозит домой маленькую Катюшу. Мы обменялись мелкими подарками. Зарождается дружба.

Марика была приветливой и милой, она опять хорошо ходит, нога у нее уже болит не так сильно.

Вечером подростки устроили шутивную свадьбу. Мы держались за животы от смеха.

Сегодня Сергей Васильевич провел в больнице последний день, он уходит в отпуск, его не будет месяц. Он добросовестно осмотрел всех больных, подкрутил аппараты, и мы распрощались, пожелав друг другу всего хорошего.

31 июля

Утром Марика встретила меня тем, что самостоятельно сходила в туалет. Я очень похвалила ее за это.

Она терпеливо подождала, пока я помыла пол в коридоре и убрала ее палату. Потом последовали прогулка во дворе и лечебная гимнастика с тетей Татьяной. У них большая дружба, они уже полюбили друг друга. Строгость принесла результат.

Пришло письмо от Петера. Он описал остановку в Перьми и возвращение домой, переполненное всякими трудностями. С ним всегда что-то приключается. В ответном письме я в основном писала о Марике.

Купила в магазине два кило сахарного песка, и даже не пришлось стоять в очереди! Это большое событие.

Потом я была в гостях у Эржи и Марго в доме напротив. Они живут вдвоем в одной комнате и платят за нее по 30 рублей с человека. Но они смогут остаться там только до первого сентября, потом им придется искать другое жилье.

Все же мое общежитие – хорошее место, надежное, дешевое, и не нужно ни кому приспособливаться. Правда, оно тесновато и не слишком фешенебельно, но это можно вынести.

Вечером мы с Марикой были в гостях в четвертой палате у девочек-подростков. Они шалили с моей малышкой, причесывали, нянчили, одевали ее, а она от души наслаждалась тем, как ее баловали.

1 августа

Дочка встетила меня не вчерашней хорошей новостью, а кучей белья для стирки. К счастью, сегодня не мне нужно мыть пол в коридоре. Я сбегала домой и замочила постельное белье. Потом поспешила в город за свежими фруктами. Все продается, но все еще дорого. В основном я трачу деньги на фрукты.

– Что ты принесла, мама? – она спрашивает это каждый вечер. Она ищет лакомства, это чаще всего фрукты или выпечка. Я довольствуюсь одним зрелищем, для меня лакомство – это морковь.

С рынка я пошла к Борису. Вечером позвонила Софья, она испекла медовый торт и хотела послать несколько кусков моей дочке. Мы поговорили о грибах, сейчас как раз грибной сезон. Софья рассказала, что Илизаров очень любит собирать грибы в лесу. Я пригласила Софью с семьей в гости будущим летом. Софья вежливо отказывалась, а Инесса очень обрадовалась, она хотела бы посмотреть Будапешт. Затем я спустилась на берег Тобола, на местный пляж. Множество людей загорало на горячем песке, другие плескались в воде. Было очень жарко, хорошо было бы искупаться. Но у меня не было с собой купальника, я не думала, что у меня появится такое желание.

Охотнее всего Марика играет с Олечкой. С марта им никак не надоест играть во врача. Позже с помощью костыля-гитары они устроили для нас во дворе фестиваль эстрадной песни. Мы с Олечкиной бабушкой весело смеялись над представлением двух маленьких певиц. Сидевшие на другой скамейке венгерские мамы и дети, смеясь, слушали этот импровизированный концерт. Потом две маленькие артистки с удовольствием съели торт, который прислала Софья.

Здесь, во дворе, люди легко завязывают дружбу. Вся больница – одна большая семья. Она сплывает не только больных и их родственников, но и работников больницы. Это согревающий сердце коллектив. Я уже тоже чувствую то, о чем писал Карло Маури: “Никогда, нигде в мире я не чувствовал такой тесной связи с окружающими меня людьми, жителями чужого города, как в Кургане. ... С тех пор как я оказался здесь, без знания русского языка, далеко от привычной для меня обстановки, среди тяжелых больных клиники Илизарова, я никогда, ни на минуту не падал духом, больше того, случалось, что я с трудом сдерживал слезы радости, которые вызывались у меня знаками оказываемого мне искреннего человеческого внимания”.

Маури – итальянец, он все видел и оценивал глазами западного человека.

У меня перед глазами мелькали картины фильма Золтана Гусарика⁴⁴ о Чонтвари: на Западе я видел богатство, эгоизм и жадность, а на Востоке видел бедность, любовь и помощь.

Я не помнила точно, но смысл был такой. И все-таки иногда я задумывалась над прочитанным недавно у Евтушенко, над результатами просачивающегося и сюда западного влияния.

2 августа

Раиса Симоновна с семьей улетела в Москву и пообещала привезти что-нибудь Марике.

Вместе с Ниной из Армении мы навели порядок в палатах. Сегодня будет общий обход. Я как раз мыла пол в коридоре, когда по нему проходила главный врач. Она засмеялась, обняла меня и потрепала меня по плечу:

– Вам не утомительно заниматься этим каждый день, Мария?

– Работать не стыдно. Марика гордится тем, что я здесь работаю.

Все ждали Илизарова и мы тоже. Когда же он скажет, что можно снять аппарат?

Вернувшись во второй половине дня, я увидела, что Марика спит. Я смотрела, смотрела на нее, и меня охватило счастливое чувство, что это маленькое посапывающее существо – моя дочь, мое главное сокровище. Марика заказала отварную картошку в сметанном соусе с сосисками, но кушала мало. Зато арбуз был съеден без остатка. Потом мы гуляли и играли во дворе. Дочка не может долго ходить, быстро устает, я беру ее на руки, она опирается на мою талию или держится за шею.

Было еще светло, когда мы с Галей в девять вечера отправились домой. По дороге мы встретились с Ниной, которая немного говорит по-венгерски, она позвала нас к себе. У нее живут Терчи и Мани. Терчи показала свои вышивки, Нина достала плохо связанный свитер и попросила меня распустить его и связать снова. Я отказалась, на это ушло бы слишком много времени. Исправлять испорченную работу сложнее, чем делать самой от начала до конца.

В половине двенадцатого я отправилась домой, полная луна сопровождала меня в теплой летней ночи. Я чувствовала запах земли, пыль деревенских удочек. Этот аромат, вздох земли описали Реймонт⁴⁵ и Шолохов, а у нас – Дюла Юхас⁴⁶ и Михай Ваци. Горожане, быть может даже и не чувствуют его. Петера раздражают пыль-

⁴⁴ Золтан Хусарик (1931–1981) – венгерский кинорежиссер и сценарист, лауреат премий Белы Балажа и Кошута.

⁴⁵ Владислав Реймонт (1867–1925) – польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, известен романом “Мужики”, описывающим проблемы сельской жизни.

⁴⁶ Дюла Юхас (1883–1937) – венгерский поэт, известен своей пейзажной лирикой.

ные и грязные места. Мне они напоминают мою деревню. Мое сердце наполнилось радостью, во мне зародилось какое-то большое, возвышенное чувство.

3 августа

Марика встретила меня в хорошем настроении, она хорошо выспалась. Сейчас она все время рисует, я очинила ей цветные карандаши. Быстро закончив уборку, я отвела дочку на перевязку. Перевязочная медсестра Ольга Петровна, занимаясь ее ногой, превратила Марику в маленького доктора, надела ей на голову марлевый платок, а на лицо маску, из-под которой виднелись только глаза. Ими Марика следила за мной и заметила, что я собралась выскользнуть из комнаты. Я пообещала скоро вернуться.

Стояла ужасная жара, было около сорока градусов, с меня лил пот, я вся вспотела на палящем солнце, меня одолел сон. Было очень приятно немного отдохнуть в холодке, в тени деревьев. Марика встретила меня сообщением, что тетя Татьяна опять похвалила ее за то, что она хорошо гуляла вместе с Сашей Чернышевым. Саша – смирный, светловолосый мальчик лет десяти, он заботится о Марике по поручению тети Татьяны, окружая ее такой любовью, как будто она была его младшей сестренкой.

Странные эти итальянки, ни с кем не дружат, только друг с другом. В них есть какое-то не поддающееся определению сознание своей аристократичности по сравнению с нами. Это потому что они с Запада? Их дети овладевают русским языком, а мамы знают лишь по несколько русских слов. Может быть, поэтому и не дружат ни с кем?

4 августа

Терчи получила письмо из дома. Ей написали, что по радио выступал венгерский профессор-ортопед, который заявил, что не понимает, почему все хотят ехать в Курган, хотя в Венгрии тоже умеют лечить те болезни, которыми там занимаются.

Я рассказала, что мы тоже были у этого известного венгерского специалиста. В первый раз я показала ему Марику, когда ей было четыре месяца. Доктор осмотрел ее, были сделаны рентгеновские снимки руки и ноги, в следующий раз мы должны были прийти спустя полгода. Во время третьего визита с нами был и Петер, мы хотели поговорить о том, что делать с ребенком дальше.

– Ребенка можно прооперировать в десятилетнем возрасте, большую ногу мы вытянем на 4-6 сантиметров, а здоровую укоротим. С руки удалим недоразвитый палец, – сказал доктор.

– Господин доктор, мы читали об Илизарове, – сообщили мы о своем плане, – который удлиняет больную ногу на 10-20 сантиметров и не прикасается к здоровой. Мы даже видели фотографии.

– Что? Илизаров? – раздался голос врача. – Нам хорошо известно, что может Илизаров! Вы верите тому, что пишут в газетах? Что удлиняет на 20 или на 40 сантиметров?

Затем он занялся другим ребенком, но сказал, чтобы мы пришли через полгода. Летом 1979 года мы снова появились у него на приеме. Марике уже исполнился год, она ползала на четвереньках, вставала, даже шагала, когда мы держали ее за руку, подпрыгивая при этом как птичка, веди к тому времени разница в длине ног составляла у нее уже 4 сантиметра.

– Ей нужна обувь, лечебная обувь на большую ногу, чтобы она начала ходить, – спрашивала я доктора.

– Я не стану прописывать обувь ребенку, который еще не умеет ходить, – отказал он.

– Но тогда как же она научится ходить с такой ногой?

Мы ушли домой с пустыми руками.

Месяцем позже Марику осмотрел и Илизаров. Он пощупал ее косточки, посмотрел рентгеновские снимки, внимательно следил за девочкой, которая ползала на четвереньках по его кабинету, потом встала, ухватившись за ножку стола, зашагала, держась за его край, и потянулась за трубкой красного телефона. Одновременно он написал свое предложение, согласившись принять нашего ребенка на лечение, когда ему исполнится четыре года.

– Живой, жизнерадостный ребенок, – сказал Илизаров. – Уже хочет ходить. Купите ей туфли и попросите сапожника сделать для левой туфли вкладыш толщиной в полсантиметра и приподнять подошву снаружи на три сантиметра!

Туфли изготовил вечно улыбающийся дядя Пишта Замбори, первого сентября Марика уже самостоятельно ходила. Это был лучший подарок ко дню рождения, который я когда-либо получала. Я рассказала все это Терчи. А она рассказала мне о том, как с ней делала радиорепортаж Юлия Сел.

Я шла домой в хорошем настроении. Со двора нового здания выехала машина и поехала мне навстречу. Кто-то помахал из нее рукой. Когда она подъехала поближе, я увидела Илизарова, улыбавшегося в усы, на голове у него была легкая летняя шляпа. Мне было приятно, что во время приезда он приветствовал меня так же, как Сергей Васильевич во время отъезда. Мы уже несколько дней ждали его.

В общезитии у меня не было ни минуты покоя. Я поспешила приготовить еду и отправилась обратно в больницу в надежде, что сегодня, быть может, профессор вызовет детей на осмотр. Но к нему в кабинет позвали только подростков. Потом профессор поднялся в детское отделение и спросил у меня, где моя дочка. При виде Гавриила Абрамовича лицо Марики просияло. Она знала, что, если он придет, то мы вскоре сможем уехать домой.

Профессор посмотрел ногу ребенка и сказал, что нужен рентген. Он обрадовался, когда я подарила ему три бережно хранившиеся у меня фотографии, которые сделал Сергей. Я написала на них дату, когда они были сделаны, и наши имена.

Кубинский мальчик Алексис упал во дворе и остался лежать без движения. На мгновение у меня замерло сердце. Я схватила ребенка, отнесла его на второй этаж и положила на кровать. Потом сообщила о случившемся дежурной медсестре. Марика осталась на скамейке под надзором взрослого больного. Я торопливо вернулась к ней. Ничего не случилось, она терпеливо ждала меня.

5 августа

Я снова пала духом. Целый день я ждала Илизарова, чтобы он дал согласие на снятие аппарата, но сегодня он так и не появился в больнице.

У меня было плохое настроение, в этом была виновата и дождливая, ветреная, холодная погода, Марику нельзя было вывести во двор. Ида Ивановна собрала детей в холле, она начала рисовать карандашами и красками. Марика прочувствованно рисовала кисточкой красивые цветы, яблоки и деревья.

Вместе с Ниной мы поменяли постельное белье в палатах, помыли полы и навели везде порядок.

Главврач Валентина Ивановна бросала на нас довольные взгляды. Она сказала, что с Марикой все в порядке и скоро мы сможем уехать домой. Хорошо бы уже знать точную дату!

Таня привела Катюшу, много плакавшую ночью, чтобы главврач посмотрела ее. Она принесла Марике малину, помидоры и огурцы из собственного сада. Я была ей очень благодарна. Таня сообщила, что Вова, ее муж, с понедельника работает здесь, в больнице, он только что окончил челябинский медицинский институт.

Сегодня на лечебной гимнастике Марика опять гуляла с Сашей Чернышевым. Приятно смотреть с какой любовью относится к ней этот мальчик.

Нина научила меня готовить армянское блюдо. Сначала обжариваем на жире лук, добавляем нарезанную картошку, баклажаны, перец, помидоры и сосиски, солим, смешиваем со сметаной и тушим на малом огне, пока не станет мягким. Затем нарезаем петрушку и готово. Это гибрид лечо и запявленного перцем картофеля, обогащенный баклажанами.

Вечером я катала Марику на стуле с колесиками. Она была очень довольна. Позже мы спустились к Яношу и поздравили его, – сегодня с него сняли аппарат.

6 августа

Сегодня именины Берты. Я мысленно поздравила свою маму. Она умерла четыре года назад. Сколько всего случилось с тех пор! Два года рядом с ней лежит и мой отец. Его стубила тоска по жене. Они прожили вместе почти полвека и вырастили семерых детей.

Я снова пошла в больницу с надеждой, что узнаю день нашего отъезда домой. Там я провела целый день, выполняла свои обычные обязанности. К одиннадцати приехал Илизаров со своей дочерью Светланой, студенткой медицинского института. В половине четвертого закончились операции. Потом профессор зашел в новую больницу. Вечером его ждало много народа, потому что прошел слух, что он снова уезжает. Я терпеливо ждала, но у меня было мало надежды на то, что я попаду к нему. Когда он в очередной раз выглянул из кабинета, чтобы посмотреть, сколько еще людей ожидает его, я спросила, когда он будет здесь в следующий раз.

– В воскресенье и в понедельник, – ответил он.

Я не стала ждать дальше. Марика проснулась, заплакала и искала меня. Таня утешала ее, приговаривая, что я сейчас приду. Катюшка тоже плакала, ей было неудобно в гипсовых штанишках. Валентина Ивановна вечером пришла и сняла их. Веселая малышка с хохотом задргала ногами. Таня, Галя, Марика и я, обступив кровать, слушали ее журчащий смех.

8 августа

Люди готовились к сбору ягод. Семьи, от мала до велика, с ведрами, корзинами и кастрюлями направились в близлежащий лес собирать малину. Другие отправились собирать урожай за Тобол, на дачи. В этом году уродилось много малины.

Утром я нагрнула две сумки едой и выстиранными вещами, сегодня я проведу весь день в больнице. Мы разговаривали с Таней, пили кофе и вязали, наши девочки играли перед нашими глазами. Я люблю вечно улыбающую Таню, добрую и непосредственную женщину, которая была инициатором этой дружбы. Она рассказывала о том, как они со студентами мединститута плавали на плотках по тихой воде Тобола и Урала и показала мне фотографии. Была она и на Кавказе и рассказывала о живущих там народах, подчеркнув разницу в атмосфере этих двух горных местностей, тихое спокойствие Урала и суровое величие Кавказа. Таня еще не была за границей. Я пригласила ее в Венгрию. Ей хотелось бы приехать, ее муж хочет купить машину. Они оба начинающие врачи с небольшой зарплатой, большими планами, целеустремленностью и верой в себя. Они живут у Таниных родителей. Быть может, через восемь лет они получают квартиру от города, но, может быть, это произойдет раньше, если Вова будет работать в клинике Илизарова.

В четыре часа пополудни я спустилась к кабинету и стала ждать. Многие пришли в ожидании Илизарова. Я и поныне не понимаю, откуда они проведали о том, когда профессор придет в больницу в выходной день. Среди ожидающих была женщина, которая привезла сына-подростка из Алма-Аты. У бедного парнишки были вывернуты колено и локоть. Он сидел с непроницаемым лицом около броско одетой матери, которая неустанно пыталась протиснуться вперед, не обращая внимания на тех, кто пришел раньше нее.

Около половины шестого Таня принесла Марику, которая проснулась, заплакала и требовала меня. Мы просидели до половины восьмого, ожидая профессора. Марике наскучило долгое ожидание, она потеряла терпение, и я поднялась с ней в палату, покормила ее и уложила спать. В девять распространилась новость, что прибыл Илизаров. Я попала к нему в кабинет в одиннадцать. Он сказал, что на следующей неделе посмотрит ребенка и новые рентгеновские снимки и тогда сможет определить, когда можно будет снять аппарат.

К полуночи я пришла в общежитие. Вахтерша сказала, что мне звонили из Будапешта. Наверное, это был Петер, подумала я, но все равно не смогла бы сказать ему ничего определенного. В курганскую больницу трудно попасть, но и уехать из нее тоже не просто.

9 августа

Доктор Александр Александрович, замещавший нашего ушедшего в отпуск врача, назначил рентген руки и ноги. Я посадила Марику под рентгеновский аппарат и закрыла ей живот резиновым передником, чтобы защитить находившиеся там внутренние органы.

Потом я поспешила домой, быстро приготовила еду и поторопилась обратно в больницу. В три часа нас попросили спуститься к кабинету. Марика заснула у меня на руках. Илизаров ушел, потому что на контрольное обследование прибыл Зурико, и у него была проблема с ногой. Потом его позвали к женщине, лежавшей в отдельной палате. В семь часов пришла наша очередь. Марика вела себя очень мило, ходила в присутствии множества врачей и едва не пустилась в пляс, у нее уже не болела нога. Операцию руки профессор предложил назначить на апрель следующего года. Говорили, что он уйдет на полгода в творческий отпуск, хочет написать книгу о своем методе. А затем последовала большая радость, профессор сказал: – Завтра можно снять аппарат.

Вечером я сообщила эту новость по телефону Петеру. Радужные ворота открываются. Еще десять дней, и мы доберемся до них. Можно будет поехать домой после полугода испытаний.

10 августа

Утром Марика похвалилась всем, что сегодня ей снимут аппарат. Со времени операции прошло пять месяцев. Кость, рассеченная в двух местах 12 марта, срослась. За полгода Марика основательно похудела, ослабевший детский организм выработал новую костную ткань, заполнившую щели между отломками (мозоль). Больная нога удлинилась на девять сантиметров, стала на два сантиметра длиннее здоровой, но эта разница вскоре будет компенсирована за счет естественного роста. Ценой скольких страданий, какого, иногда казавшегося сверхчеловеческим, детского упорства и скольких рыданий, – больно, погладь! – удалось добиться этого результата! И сколько выдержки, труда, новых и новых усилий потребовалось для этого! И, наконец, все наши старания окупилась!

– Мама, как будет хорошо! – Марика повисла у меня на шее.

– Доченька, я тоже очень счастлива! – сказала я и подняла ее вверх.

– Когда придет папа? Когда мы поедем домой?

– Нужно поспать еще десять раз.

– Сегодня я только ослаблю гайки на аппарате, – произнес за моей спиной доктор Александр Александрович.

Я спросила у главврача, на какое число заказывать билеты на самолет.

– На конец будущей недели.

Я быстро сделала уборку и побежала на почту послать телеграмму Петеру и Вилену. Потом – в город, в кассы “Аэрофлота”, забронировать места на самолет.

Во все это невозможно поверить! Скоро пройдет полгода с тех пор, как мы уехали из Венгрии. Еще десять дней, и мы снова будем дома! Даже хорошо, что в следующий раз нужно будет приехать только в апреле. Мне не придется провести здесь еще одну суровую зиму. Я смогу проработать почти весь учебный год. Последний с моими девочками. Они уже будут восьмиклассницами. Мне не хватало их, я часто думала о них. Теперь я уже мысленно готовлюсь к новому учебному году, строю разные планы. Я буду дома. Даже не могу поверить. Я не помнила себя от счастья. Какая радость!

Вернувшись в больницу во второй половине дня, я встретила улыбающуюся Галю:

– Марике сняли аппарат.

– Кто?

– Те, кто поставил. Валентина Ивановна и Раиса Ивановна.

– Вот почему они сказали, что только завтра, не хотели, чтобы я была здесь. Перехитрили меня.

Галя засмеялась.

Моя красавица сидела на кровати с прямыми вытянутыми ногами, левая нога у нее была перевязана до колена. Марика смеялась, обняла меня, радовалась, мы поцеловали друг друга. Она рассказала, что ее отвели в гипсовальную во время тихого

часа. Два доктора попросили ее спеть, а сами сняли винты, стержни и полукольца, вынули спицы. Они предупредили Марику, чтобы она ходила осторожно, с костылем, и в течение нескольких дней не слишком сильно опиралась на больную ногу.

Моя дочка хорошо поужинала, ее не пришлось уговаривать. Потом мы лепили из пластилина, Я слепила Марике лисенка Вука.

11 августа

Хм, я проспала, уже семь часов. Я измоталась от волнений прошедших дней. Бегом в больницу, опоздала совсем немного. Быстро одела Марику, дала ей позавтракать, а потом мы спустились на больничную почту. В половине десятого я смогла поговорить с Будапештом, мы с Петером хорошо слышали друг друга. Он был счастлив, когда его дочка прощбетала в трубку:

– Папа, приезжай, на мне уже нет аппарата!

Он приедет на будущей неделе, но еще неизвестно, на какое число сможет достать билет.

Взрослые и дети один за другим приходили к Марике с поздравлениями. Два доктора лукаво посмеивались, видя, какой сюрприз они преподнесли мне. Они шутили с ребенком:

– Марика, возьми меня с собой в Будапешт! Я буду спать с тобой в твоей комнате.

– У меня маленькая кроватка с решеткой, Валентина Ивановна не поместится в ней.

Мы все весело смеялись. Раиса Ивановна предложила Марике не уезжать домой, а стать ее дочкой. У нее два сына, они будут рады сестренке. Марика не соглашалась ни на одно из этих предложений. Она хотела ехать домой только с родителями, как мы нарисовали однажды зимой, она даже достала этот рисунок и показала его врачам в истрепанной тетради для рисования.

Я быстро сделала свою работу.

Сегодня не было операций. Гавриил Абрамович ходил за грибами, у него начался небольшой насморк.

Ида Ивановна организовала выставку детских пластилиновых изделий. Эта идея пришла ей в голову при виде Марикиного Вука. Она собрала все, что слепили остальные дети. Там были самые разные фигурки: грибы, елки, лесной домик, больничная кровать, ребенок с аппаратом, врач в очках и всякие животные, Вук, медвежонок, ежик, белочка, кошка, встречались даже цветы. Авторы с гордостью показывали свои творения.

Я купила Марике два маленьких костыля. Она все время порывалась ходить, но несколько дней ей нельзя было наступать на больную ногу. И нельзя падать. Мне приходится следить за каждым ее движением, за каждым шагом, строго оберегать

ее, внимательнее, чем когда бы то ни было. Если сейчас слабая кость сломается или погнется... Придется опять вернуться.

Во второй половине дня я отвела Марику к Илизарову. Он был доволен достигнутым результатом. Профессор надписал наши фотографии на память, одну Марике, другую Петеру, а третью мне. Хорошо, что я попросила у фотографа несколько копий.

Света Вольфус с мамой приехали на контрольный осмотр. Две маленькие подружки обняли друг друга.

12 августа

Маки всегда доставляют мне удовольствие. Как они красивы по утрам на краю дороги! Они темнее венгерских. Их все меньше, но они еще стоят в полной красе.

Повсюду метут улицы, красят в белый цвет стволы деревьев, украшают придорожные столбы изображениями серпа и молота, звездами и флажками. Курган готовится к празднованию 200-летней годовщины своего основания.

Сегодня в больнице был субботник. Все мамы мыли окна и стены, мы организовали большую уборку. Было и несколько операций.

Во второй половине дня пришло много гостей из Италии, Илизаров ушел с ними.

Детское отделение поехало на экскурсию. Мы проехали на автобусе через весь город до здешнего Центрального парка. Там было множество приспособлений для игры. Больше всего мне понравились вырезанные из дерева животные: медвежонок, жираф, олененок, слон. На них можно было сесть верхом. Было также много качелей и приспособлений для лазания. В парке много пышных деревьев и ухоженных цветочных клумб. Ида Ивановна с гордостью рассказала, что шестнадцать лет назад она вместе со своими учениками посадила молодые деревья, которые с тех пор обросли ветвями.

Парк обнимает затон реки Тобол. Кое-где виднелись переброшенные через него мостики. Ивы, цветы, сказочные фигуры, поодаль – качели-лодочки, карусель, чертово колесо. За парком на берегу стояли деревянные домики. Этот бедный старый мирок представляет собой живописную картину, воссоздает атмосферу прошлого века. Только я вижу его таким, для местных жителей это привычное зрелище. Все направились в кафе “Сказка”, детей привлекает мороженое. Два воспитателя неустанно следят за ними: костыли, аппараты, нужно быть осторожным на улице. Быть воспитателем в больнице – благородная, но трудная работа. С больными детьми нужно обращаться с еще большей любовью и вниманием, чем со здоровыми.

Но вот, время послеобеденных игр закончилось. Автобус отвез веселую детскую компанию обратно в больницу.

К Тане и Катюше приехала посетительница из Воронежа, сестра бабушки, тетя Вера. У нее живое, веселое лицо, похожее на лицо креолки, ее черные глаза сияют, она молодо двигается и отличается одной странностью, копной волос необыкновенной белизны. Ее волосы окрасила сама история. Когда ей было 24 года, она посидела за месяц во время осады. Я слышала, что такое случилось и с солдатами. Они сидели за одну ночь, сидя в окопах под градом пуль. От страха смерти. Тетя Вера – учительница. Она взяла Марику на руки и начала рассказывать ей самые новые короткие сказки. У моей дочки округлились глаза, и она, как губка, впитывала в себя мир русских сказок. Катюша дрыгала ногами и хохотала. Мы с Таней улыбнулись друг другу при виде радости двух наших девочек.

13 августа

Какой туман спустился к утру! Почти ничего не видно. Около десяти туман рассеялся, к полудню стало очень жарко. Утром я разговаривала с Петером, я разбудила его, беднягу, по телефону был слышен его сонный голос. В Будапеште была половина пятого. Он, видимо, прилетит в четверг. Я сказала об этом Марике, ей захотелось, чтобы отец немедленно был здесь. Пусть летит быстро как мысль. Марика пролиwała горькие слезы и вытирала глаза краем своей юбки.

Она все время порывалась ходить, приходилось ее удерживать. Я ни на минуту не спускала с нее глаз. Время после снятия аппарата – самое опасное. Девочка чувствует, как легка ее нога. Слабую кость нельзя нагружать, она может погнуться или сломаться. Пока я делала уборку, за Марикой следила Таня.

Лида приехала из Москвы. По моей просьбе, она привезла Марике детский конструктор, игру немецкого производства, похожую на Лего. Все дети собрались и начали строить. В этом международном коллективе царят братские отношения. Вместе играли итальянцы, русские, болгары, венгры и кубинцы. Я любовалась ими. Наконец-то, мне тоже выпала возможность ослабить внимание и побыть в покое. Девочки-подростки из четвертой палаты занялись шитьем, делали из лоскутов петуха и телочку. Порожденные фантазией фигуры, замысел и работа Светы Цапок. Матерчатые фигурки животных поедут в Индию, на международную выставку детских рисунков и детских изделий. Кем станут эти дети с ловкими руками и больными ногами? Сколько у них воли, старания и таланта! Им, хромым, придется сто раз доказывать, что они могут “бегать” не хуже людей со здоровыми ногами. Каждый из них – маленький Гефест!

Больничная воспитательница попросила у меня на время Марикиных кукол. Она насмотрелась на то, как мы с Марикой играем в куклы и разыгрываем сказки, и тоже решила сделать куклы, с помощью которых в больничном кукольном театре способные дети своими руками оживят русские сказки. Воспитательница старательно рисовала шаблоны.

14 августа

Утром мы с Марикой долго смотрели на покрытые пузырьками лужи. Марика, смеясь, наблюдала за тем, как растут и лопаются водяные пузырьки. Какая жара неожиданно пришла к нам!

Моя дочь – маленький вечный двигатель! Мне страшно, когда она ходит. Не дай бог ей упасть! Она не должна упасть! Я опять оберегаю ее с утра до вечера. Она неуверенно держит костыль, который иногда выпадает у нее из-под мышки. В таких случаях я испуганно подхватываю его. По вечерам мне нет покоя и дома, говорили, что Марика уже однажды упала, к счастью, она шлепнулась на попу. Ну а если когда-нибудь не к счастью...? Сейчас она, как аист, ходит на одной ноге. Опирается на костыли, выпячивая попу. Это зрелище вызвало у меня смех. На время уборки я поручаю Марике заботам, зоркому присмотру Гали.

Таня пообещала, что на днях мы пойдем за грибами. Может быть, сегодня. Но в первой половине дня они с Катюшей вернулись в больницу, девочка всю ночь плакала, Таня устало повела ее на рентген, неизвестно, что с ней случилось. Сорвался и план похода в лес, может быть, это и к лучшему, я не решаюсь оставить здесь Марику. А между тем грибов очень много. На улице все несли их в наполненных до краев ведрах и корзинах.

Я отвела Марику на лечебную гимнастику, потом – обед и тихий час, она заснула. Я попросила Галю присмотреть за ней.

Я сходила в Музей изобразительных искусств и посмотрела выставку, открытую по случаю 200-летней годовщины города. Современное бетонное здание музея стояло на Пролетарской улице, вблизи рынка. Борис похвастался им, это они построили его. Синин увековечил бригаду строителей под руководством Лории. В первом зале мое внимание привлекли правдивые портреты наиболее значительного курганского художника, Илюшина. А подальше, в малозаметном месте, висело полотно, с которого знакомо улыбался в усы молодой Илизаров в белом халате и с аппаратом в руках. Это был портрет, написанный Колмаковым двадцать лет назад, в 1962 г., когда врач только еще отправился навстречу мировой известности.

Пробежав по последнему залу, я взглянула и на ручные изделия. Там были вещи, связанные крючком, кружева макраме, вышивки, мотивы из междуречья Рабакёз, гранаты и шарлёзские и бужакские узоры. Даже с такой же окраской. Может быть, это древнее финно-угорское наследие? Оно и здесь хранится вышивальщицами? Общая реликвия прошлого.

Мне нужно было спешить. Как там Марика? Три часа. Ничего не случилось, она еще спала.

15 августа

Сегодня праздник, день основания Кургана. Везде стоят павильоны, в которых продается всякая всячина, видны толпы людей, с самого утра сложилась ярмарочная атмосфера.

Мы, больничные мамы, ждали открытия овощного магазина на углу улицы Кузнецова. К восьми часам мы собрались в достаточно длинной очереди. Внутри магазина находилась огромная гора арбузов по 25 копеек кило. В другом углу – холм капустных голов по десять копеек. Изобилие и дешевизна. Мы выбирали арбузы, Нина из Армении, Галя, Лида и я. Мы с Ниной постукивали по зеленым шарам. Две московские мамы не могли решить, чьим советом лучше воспользоваться. Здесь не вырезают кусочек арбуза на пробу, пробовать можно только на рынке, но там дороже. Ну а здесь – как повезет, что купишь, то и съешь. В государственные магазины арбузы привозят нерегулярно. Сегодня они есть, но кто знает, когда будут в следующий раз. И так почти со всеми товарами. Вечно приходится стоять в очередях. Многие мамы просят купить и на их долю! Но ведь арбузы нужно еще и нести! Мы смогли унести по три-четыре арбуза, запихнув их в сумки и в мешок. Пришлось повозиться с тяжестью.

В больнице детские глаза заблестели. Сколько арбузов! В такую жару праздник без арбуза не праздник.

Дети лихорадочно готовились. Автобус отвез их в городской парк, на место мероприятий. Все они были крайне возбуждены, в детском отделении стоял гул взволнованных голосов.

Дежурная медсестра Галина Викторовна позвонила главврачу, чтобы узнать, может ли Марика поехать вместе с остальными пациентами. Мы приуныли, она не разрешила. Будет большая толпа, толкотня, ребенка нельзя подвергать опасности. Разочарованная малышка разразилась ужасными рыданиями, мне пришлось долго успокаивать ее. Мы посмотрели по телевизору курганскую передачу, погуляли, играли во дворе в прятки. Пока Марика спала в тихий час, я опять оставила ее под присмотром Гали.

В Центральном парке открылась выставка цветов, туда я и направилась. В двух павильонах передо мной раскрылся целый сказочный мир. В вазах были выставлены прекрасные сокровища лета, собранные в интересные композиции. А что за названия дали некоторым букетам: “Небесные звезды”, “Чудеса леса”, “Байконур”. Последний состоял из единственного красного гладиолуса, который устремился по кривой в небо. Цветочные шедевры, ловко придуманные названия: “Дружба народов”, “Кавалькада цветов”. Больше всего мне понравилась композиция под названием “Старая Рига”. Один темно-бордовый гладиолус в окружении небольших белых и розовых цветов. Над древним городом свет заката, садится солнце, белеют звезды. Профессор Илизаров тоже зашел на выставку с итальянскими гостями, их фотографировал Сергей. Мы улыбнулись друг другу.

Я забежала в общежитие за едой, а потом вернулась к Марике. На этот раз она мало спала, хныкала и неохотно кушала. Хотя от арбуза она, конечно, не отказалась!

Итальянская девочка Наташа, которой дали имя после просмотра фильма “Война и мир”, приехала на контрольный осмотр вместе с мамой.

16 августа

Последняя неделя в Кургане. Два врача посмотрели мою дочку. Вскоре они послали за мной, потому что Марика не позволила снять с ноги носок. Раны хорошо заживают. Стопа не двигается, ее и нельзя трогать, она сама начнет двигаться в процессе ходьбы. Нужна осторожная гимнастика стопы, мне показали, как ее нужно делать. Стопа немножко вывернута наружу, таково направление роста. Когда Марика подрастет, будет осуществлена коррекция.

В общежитии все чистили нарезали и нанизывали на нитки грибы. Потом их вешают на окна сушить. Коридор наполнился ароматом вкусных лесных грибов.

18 августа

Какой хороший сон я видела! В здании будайского дворца открылась библиотека им. Сечени! Огромные, светлые читальные залы с огромными окнами и видом на Табан. Чистота, тишина. Когда все это сбудется?

Марика ждала меня уже одетой, хотела удивить меня своей ловкостью. Ей это удалось. Александр Александрович измерил ей ногу и вписал точные данные в историю болезни ребенка. Левая голень растянута на 9 сантиметров, сейчас она на 2 сантиметра длиннее правой. Левое бедро на 3 сантиметра короче правого, со временем его тоже нужно будет растянуть. Тонкая малоберцовая кость не срослась, над щиколоткой в ней есть зазор размером в 2 сантиметра. Вся голень – кожа да кости, покрыта ранками, следами спиц. Со временем они станут менее заметны. Слабую растянутую мышцу нужно массировать, чтобы она окрепла. Эта ножка – ценное сокровище.

Я пошла в общежитие готовить еду. На оконных рамах домов повсюду сохли связки грибов как гроздь перца в районе Калочи и початки кукурузы под навесами деревенских домиков.

Письмо от Петера. В нем рассказ об антверпенском конгрессе эсперантистов. Движимый неким сознанием своей миссии, мой муж стремится добиться того, чтобы человеческие сердца раскрылись навстречу друг другу. Это движение ширится год от года. Они стремятся построить Анти-Вавилон, чтобы люди, разговаривая на общем языке, понимали друг друга. Петер мысленно уже строил планы к буда-

Первый результат:
нога удлинилась на 9 см

пештскому конгрессу, который состоится будущим летом.

Как было бы хорошо, если бы я смогла уговорить его перевести на эсперанто избранные стихотворения Ласло Надя! От так хорошо перевел его стихи “Кто перенесет любовь?”, “Моя любовь, костоломная жизнь” и “Скиталец в стихах”! В этом сыграла роль и моя воодушевленность, настойчивость, поддержка и помощь в толковании некоторых слов.

Если все идет хорошо, то Петер уже в Москве, утром будет у нас. Марика уже очень ждет его. Весь вечер мы в хорошем настроении гуляли и играли во дворе с двумя итальянскими девочками и Анютой из Армении.

19 августа

Что за туман и тьма на улице в пять часов утра! Как сильно отличается это утро от того, что было месяц назад!

В половине шестого такси еще не было, я позвонила от вахтерши. Без десяти шесть пришло другое. По дороге мы с шофером видели сломавшуюся первую машину. Один за другим длинными рядами двигались автобусы, “началась разумная работа”.⁴⁷

Самолет опоздал на полчаса. Петер прилетел усталым и голодным. Он быстро съел начинку из нескольких моих голубцов, ему понравилась пикантная приправа. Мы поспешили к Марике. На берегу Черного ручья на травинках блесстел иней.

Блекнет трава, близится осень, лето было коротким.

Марика была несказанно рада отцу, повисла у него на шее, целовала его лицо. Они говорили по-русски. Наша дочь правильно строила предложения, говорила с хорошим произношением. Отец был поражен и похвалил ее.

Во дворе собрались венгры, взрослые и дети. Мы попрощались с остающимися и пожелали им скорейшего выздоровления.

20 августа

В Венгрии большой праздник, день короля Иштвана, нового хлеба и конституции. У нас в Кургане тоже большой праздник. Мы увозим домой Марику, наконец-то добрались до радуги, которая долго казалась недостижимой.

Перед “Сибирью” я купила два чудесных букета гладиолусов. Мы втроем зашли к главврачу поблагодарить ее за доброту и заботу. Марика вручила ей один из букетов. Мы получили нужные нам справки о том, с какого по какое число наша дочь была на лечении, из нужно будет показать в Венгрии в Институте медицинских экспертов. Нам выдали и другой документ, согласно которому нам следовало вернуться в ноябре на контрольный осмотр, а в апреле приехать для прохождения следующего лечебного периода.

Марика вместе с Анютой обошла все палаты, даря детям шоколад и жвачку. Я собрала вещи дочери, привела в порядок ее кровать, мы попрощались с детьми, с медсестрами и с Галей и спустились к кабинету профессора.

Приехал Илизаров. Его ждали многие. Мы вошли к нему первыми. Марика поблагодарила его цветами.

Гавриил Абрамович рассказал и показал нам, как делать гимнастику для ноги. Около двух недель на ночь ногу надо фиксировать в горизонтальном положении, потому что может случиться, что еще не затвердевшая кость искривится. Мы с благодарностью распрощались. В дверях Марика неожиданно обернулась:

– Гавриил Абрамович, я хотела бы вас поцеловать!

– Ну, давай! – у Илизарова блеснули глаза, он улыбнулся в усы. Прозвучали чмокающие звуки поцелуев.

В общезитии мы сидели на кровати, Марика устроилась у меня на руках. Неожиданно она притянула к себе отца, обняла нас за шею и запела песню: “Давайте любить друг друга, друзья”...

Большой праздник, счастье, мы снова вместе.

Вечером мы пошли в гости к Тане. За нами приехал на машине ее отец. Кронидов старший произнес тост в нашу честь. Он был рад познакомиться с нами и пригласил нас заходить, когда мы снова приедем в Курган. Петер не захотел произнести ответную речь и предложил говорить мне. Муж переводил на русский язык мои слова, которые я произносила запинаясь, со слезами на глазах.

– Мы рады этой дружбе и благодарим вас за приглашение. Дружить начали наши дети, Катюша и Марика, мы с Таней только продолжили эту дружбу. А теперь подружились и наши семьи. Спасибо вам за вашу доброту и огромную помощь.

⁴⁷ Цитата из стихотворения венгерского поэта Арпада Тота “Рассвет на проспекте”.

Мы обещаем зайти к вам, когда будем в Кургане, а вы, если сможете, навестите нас в Будапеште!

Рыбу, из которой был приготовлен вкусный ужин, поймал в Тоболе Кронидов старший, на столе стояли вареные и жареные караси, лещи, щуки. Дети увлеченно играли, Таня достала семейные фотографии. Вова рассказывал о своих планах, он хотел бы заняться исследовательской работой и способствовать распространению лечения аппаратом на новые области медицины. Тетя из Воронежа вспоминала дни осады, Танина мама занималась выпечкой. Мы все любовались двумя маленькими девочками.

21 августа

Наконец-то можно поспать. По прошествии полугода впервые не торопит время, не трещит будильник. Мы трое дурачились в хорошем настроении, радуясь тому, что снова вместе. До обеда Марика и Петер продолжали играть, а я упаковывала чемоданы и готовила обед.

Я распрощалась с Раисой Симоновной, Галей Брацовой и буфетчицей, они больше всех помогли мне в общежитии.

Марика устала и заснула после обеда. Петер позвонил Борису, чтобы сообщить, что придем, когда проснется Марика. Они тоже позвали нас на прощанье в гости. Борис и Петер разговаривали о работе. Я спросила, кто такой Мальцев, изображение которого я видела на одной из картин в музее, он стоял босиком на краю пшеничного поля. Борис ответил, и я поняла следующее. Мальцев – знаменитость Курганской области, обладающий обширными знаниями работник сельского хозяйства, академик, добывший знания путем самообразования. Он крупный специалист, прекрасный знаток плодородных земель. По его совету в этой местности при пахоте земля не переворачивается, а только разрыхляется, чтобы не испарилась влажность. Благодаря этому достигаются более крупные урожаи. На картине я видела его босиком потому, что так он определяет, когда можно убирать пшеницу. Только когда земля теплая. Станный старик, всегда ходит пешком. До сих пор активно работает.

После этого рассказа мне вспомнился отец. Он тоже был влюблен в плодородные земли и обладал необыкновенной работоспособностью.

Мы поблагодарили Бориса и его семью за большую помощь и пригласили их в Будапешт. Наступило время заката, мы постарались заснуть, завтра утром надо будет рано вставать. Я попросила вахтершу разбудить нас ровно в пять.

22 августа

Мы благополучно проспали! Если бы вахтерша не постучалась, мы опоздали бы на самолет. Мы так глубоко спали, что не слышали звонка будильника. Марика заплакала из-за раннего подъема. Мы быстро собрались и с Петером снесли вниз чемоданы. В половине шестого за нами приехало такси. Самолет взлетел в семь. Мы смотрели на коричневые дома, леса, извилистую ленту Тобола, а потом стали видны только облака.

В Домодедово нас ждали Вилен с Мишей. Никогда не забуду его лицо, когда он увидел у меня на спине Марику! Как он ей обрадовался! Как можно так сильно любить чужого ребенка?

Аэропорт, толпа, полным-полно людей с багажом, детьми. Ждут внутренних рейсов. Неозримый ряд припаркованных машин.

Ограмный рынок в центре Москвы. Кило свиной вырезки стоит восемь рублей, дороже, чем дома, в Пеште. Все стоит дороже, но есть в продаже. Вилен моментально понял, что относительно покупок лучше слушаться меня, сегодня я буду готовить у него, потому что Элла уехала в Баку. Я приготовила вырезку с грибами, всем понравилось.

По дороге в Шереметьево шел дождь. У волоколамской развилки Вилен снова показал противотанковые ежи, чтобы мы не забывали о них.

Аэропорт, проверка. В половине девятого вечера вылетал самолет, направлявшийся через Будапешт в Африку, конечная цель – Лусака, столица Замбии. Масса интересных лиц. Дети в красных галстуках с огромными плюшевыми медведями и куклами. Они приезжали на отдых. Молодежь с гитарой. Женщина с маленьким ребенком, узлом с вещами и пластмассовым тазом. А поодаль – монгольская красавица, увешанная драгоценностями. Таинственный взгляд, обольстительные глаза, длинные ресницы, напомаженный рот.

В самолете все утихло. Мы покатались по взлетной полосе, вибрировал свет. Самолет катился дальше, свет моргнул и погас. Скоро взлет, появилась надпись, призывавшая пассажиров пристегнуть ремни. Члены экипажа забегали туда-сюда. Что-то случилось. На лицах пассажиров появилось испуганное любопытство. Что теперь будет? Самолет замедлил движение, развернулся и покатался обратно. Нас высадили, потому что электрическое оборудование вышло из строя. Страшно подумать, что было бы с нами, если бы все это произошло через полчаса после взлета.

Мы выгрузились и стали ждать. Вокруг было много детей. Марика беспокойно ерзала у меня на коленях, плакала, ей хотелось спать. – Спи спокойно! – укачивала я ее. В зале ожидания было светло, и она не могла уснуть. По громкоговорителю объявили, что через час будет другой самолет. Миновала полночь, но другого самолета не было. Час ночи, посадка. Я осторожно прижала к себе спящую малышку.

Самолет взлетел. Марика посапывала, Петер дремал. Монгольская красавица красилась. Ей хотелось нравиться, она сидела как на иголках.

Половина второго, это уже будапештское время. Приехали! Мы снова дома после полугодичного отсутствия!

Я прикоснулась ладонью к бетону аэродрома, погладила его. Венгерская земля. Мне пришла в голову книга Стефана Цвейга “Магеллан”. Вернувшись домой матери целовали испанскую землю. А монгольская красавица поцеловала венгерского мужчину. Международная любовь. Через несколько мгновений они исчезли.

Таможенный досмотр. Быстро проходим, у нас не было ничего подлежащего таможенному сбору. Такси не было. Пожилая супружеская пара предложила мне поехать с ними вместе с ребенком. Они живут в Бекашмедере. Таксист пообещал вернуться за Петером и за чемоданами. Двойная поездка будет стоить в два раза больше.

Дома нас встретил полный порядок. Мне непривычна эта уютная обстановка. Марика вертелась перед зеркалом.

– Не беда, что я немного косоглазая, только бы не быть хромой! – сказала она.

Меня потрясли ее слова. Я не могла произнести ни звука, горло сдавили слезы. Я схватила, расцеловала ее, мы уселись в маленькой комнате. Марика с изумлением рассматривала свои игрушки, брала в руки медвежат, куклы, разноцветные кубики, погладила на настенной декорации взбирающегося на дерево Вацкора, старушку, лань и маленького белого кота Филимона. Так прошел час, а она все не хотела засыпать, ждала отца. Неожиданно она забралась ко мне на колени, обняла меня за шею и чмокнула меня в лицо.

– Спасибо, мама, что ты оберегала мою жизнь в Кургане.

Меня удивило выражение “мою жизнь”. Какой серьезной и душевно зрелой стала эта маленькая девочка! Я с любовью прижала ее к себе, ты моя единственная, мое сокровище.

Вскоре открылась дверь. Пришел отец. Начало светать, мы легли спать.

Конец августа – начало сентября 1982 г.

Начался учебный год, я ходила на работу. Сослуживцы были рады, им стало легче, больше не надо было так часто заменять меня на занятиях. Родовались и дети. Они ждали меня. Приятно было видеть их веселые лица. Я тоже была рада, легче работать с ними, чем переносить все то, что я перенесла в Кургане. Ну и, конечно, нужны деньги. На то, что остается от зарплаты Петера, не проживешь. Марику я или носила на спине, или возила в коляске на работу. Наш физиотерапевт согласился заниматься с ней каждый день, сняв эту заботу с моих плеч.

Марике пока нельзя было ходить в детский сад, ее постоянно нужно было держать под наблюдением. Быть может, после контрольного обследования ее уже

можно будет водить в детсад. А пока я таскала ее на спине как моя мама узлы в виноградник на горе Сархедь. Я работаю в здании эрцгерцогского дворца в районе Рожадомб. Мне пришлось с горечью убедиться в том, что водители автобусов закрывали двери, не дожидаясь нас. Люди редко помогали мне, когда я поднималась или спускалась с детской коляской по лестнице. Я видела в этом погоню за западным образом жизни, отчуждение. В магазинах, на рынках – изобилие товаров. Зато заметен дефицит человечности и желания помочь другим. Повсюду много эгоизма. Мы богатеем материально и беднеем душевно.

“Будапешт построен для сутолоки”, – писал Ласло Надь.⁴⁸ Это я и вижу дома.

С Марикой невозможно было справиться. Она была буквально одержима движением. Все время хотела бегать. На ноге у нее уже нет ни тяжелого ботинка, ни металлического кольца, ни железных оков, уже не болят раны, причиненные спицами. Как джинн из бутылки, освободилась в Марике жажда движения, подавлявшаяся в течение полугода. Это естественно для всех детей.

В первой половине дня у меня не было ни одной спокойной минуты, приходилось все время быть начеку. Осторожнее с этим костылем! После лечебной гимнастики дедушка уводил Марику к себе, там за ее каждым движением следили три пары глаз. После работы за ней заходил отец и приводил ее домой. По вечерам я прикрепляла больную ногу к ее кровати, чтобы она оставалась выпрямленной. Несколько раз в день я смотрела, нет ли каких-нибудь отклонений.

Я ориентировалась на этой ноге с закрытыми глазами, как слепые по сделанной для них карте. Я знала, где на ней шрам, какой он величины и что это за ямочка рядом с ним, пониже колени и повыше щиколотки. Знала, где ярче синее вена. И знала, чего стоила нам эта маленькая растянутая ножка. Сколько мы страдали из-за нее, сколько боли перенесла из-за нее Марика и сколько трудностей я. Сколько лишений и потерь перенесли мы, все трое, ради этих девяти сантиметров. Эта ножка для меня дороже алмаза. Только бы выдержать первые три недели! Это самое трудное время.

– Ходить можно, больше того, нужно, сколько она захочет, – ответил Илизаров на мой вопрос во время нашей последней встречи. Но Марика все время хотела ходить, целый день. Ее невозможно было удержать.

7 сентября 1982 г.

Все поплыло у меня перед глазами. На месте разлома кости над щиколоткой появился изгиб. В районе выступа кожа стала теплее и светлее. Я не поверила своим глазам. Господи, именно этого я и боялась! Я смотрела, смотрела и утирала слезы.

⁴⁸ Строка из стихотворения Ласло Нады “Синдбад”.

Все было хорошо видно на рентгеновском снимке. Большеберцовая кость прогнулась, а лодыжка сместилась.

– Вчера после обеда она бегала, и нога у нее согнулась как колесо, – сказала бабушка. – Напрасно я говорила ей, что нельзя бегать.

Грустный подарок на мой день рождения. Петер послал теленраму Илизарову, сообщил ему о случившемся и спросил, что делать. Через три дня пришел ответ, я перевела его себе вечером, после работы: “Срочно привозите ребенка обратно в больницу!”. На следующий день я побежала в Институт медицинских экспертов. Они не захотели отпустить нас. Пришлось дожидаться направления на лечение за границей.

Искривилась

На работе упало настроение. Я сообщила о происшедшем и попросила отпуск за свой счет на неопределенное время. У разных людей, знакомых, родственников, я попросила денег взаймы, обещая отдать долг после приезда. Я полгода не работала, не получала зарплаты и мне нечего было поменять на следующие месяцы. Кто-то дал, а кто-то не дал. Затем – полиция, паспорт, билет на самолет.

От одной молодой женщины-врача я случайно узнала, что ее муж, несколько врачей и уже упомянутый авторитетный отечественный специалист вылетают в октябре в Курган, чтобы посетить больницу Илизарова. Я широко раскрыла глаза и не могла поверить в эту новость.

От одной молодой женщины-врача я случайно узнала, что ее муж, несколько врачей и уже упомянутый авторитетный отечественный специалист вылетают в октябре в Курган, чтобы посетить больницу Илизарова. Я широко раскрыла глаза и не могла поверить в эту новость.

II этап 28 сентября 1982 г. – 28 февраля 1983 г.

28 сентября

Наступила осень. Завтра день Святого Михаила. Набережная Дуная сверкала в утреннем свете. Из-за ржаво-коричневой листвы каштановых деревьев выглядывали молодые зеленые листья размером в палец. Осенняя весна. Я уже несколько лет наблюдаю за этими деревьями. Еще искрится лето, палит августовская жара, но они уже оповещают о приближении осени, первыми меняют цвет своей листвы с зеленого на коричневый. Деревья на горе Геллерт не обращают на них никакого внимания, по-прежнему красуясь в зеленом наряде. Лишь в октябре они оденутся в осенние цвета и будут поражать богатством оттенков. Со старых каштановых деревьев на набережной к тому времени уже осыпятся листья, ветер постепенно разделет их ветви. А вон там на конце ветки виднеется малюсенькая гроздь белых цветков. Она напоминает о весне в начале осени. Осень обещает быть длинной и красивой.

Мне вспомнились эпизоды из прошлого. Мы шли по мосту Эржибет. В памяти всплыло послеполуденное время давнего октябрьского воскресенья. Тогда прогулка по была для меня игрой и сказкой, сейчас я стремительно лечу по мосту. Та давняя история случилась пятнадцать лет назад, время приукрасило ее. Это было нечто неуловимое как сон, это была весна моей жизни, начало моего счастья и горя.

Молодой пастух – Нехлюдов. Я отдала ему все хорошее, что было во мне. Когда на днях я смиренно пришла к нему за помощью вся в слезах, больная, обиженная им в глубине сердца, как престарелый Приам к победоносному Ахиллу, он ответил всего лишь так:

– Боже мой, во что превратилась прежняя красивая, добрая девушка! Не могу тебе помочь. Я тебе ничего не обещал.

Обещания помнила только я, только я относилась к ним серьезно. Тогда, давно, он попросил меня: “Люби меня немножко!”. И я любила его больше всех на свете.

Я вышла от него с плачем, убедившись, что могу рассчитывать только на себя. Теперь снова Сибирь. Я принимаю и перенесу все, что предназначила мне Жизнь.

Интересно, что он сейчас делает? Наверное, удобно устроился дома или говорит о Жизни, о Любви и о Человечности при свете праздника. Ему и в голову не приходит Катюша Маслова. Он не хотел и не думал тогда, что все так получится, ему очень жаль. Он не виноват, его это не интересует. Ведь в его жизни есть еще столько интересного!

Не могу освободиться от воздействия книги Толстого. Ни одна книга не трогала так сильно моего сердца. Потому что это и моя судьба? Только время между Нехлюдовым и Сибирью прошло иначе. Иначе, чем жизнь Катюши.

Но этот роман интересует меня не только из-за их судеб. Интересны и люди в суде, мир господ, общество, в котором “рука руку моет”, и которое описал и Мориц в “Родственниках” и в своем дневнике. Мир остался таким до сих пор. Даже стал хуже.

Я не знала, читал ли Жигмонд Мориц Толстого и что он о нем думал. Меня удивило, что они во многом похоже мыслили о важных сторонах Жизни, о работе, любви, о борьбе мужчины и женщины друг с другом и друг за друга. О параллели между “Анной Карениной” и “Трансильванией” упоминал и Ласло Немет. Я спрашивала Вираг:

– Твой дедушка читал Толстого?

– Читал и любил, его особенно интересовал старческий фанатизм Толстого. Побег из дома. Он знал врача, который лечил Толстого.

Я вдруг поняла, сколько похожего было в поведении двух писателей в последние годы их жизни, как важно было для них веление человечности, совести. Нельзя отречься от себя, от своих поступков, от себя не убежишь, – убеждает образом Нехлюдова великий мудрец, граф с мужичьей душой, пророк из Ясной Поляны, мудрец из мудрецов, который превосходил мудростью даже темнокожего мага, первого из трех библейских волхвов.

Пример Катюши Масловой говорил мне, что нужно отречься от себя, от веления сердца. Да, Катюша с поднятой головой приняла каторгу, смирившись со своей судьбой, отказавшись от любимого человека, с умиротворенной душой, как бы воскреснув новым человеком. Но ей помогает в этом сознание того, что Нехлюдов любит ее, способен на все ради нее, поможет ей, примет свою судьбу вместе с поездкой в Сибирь. Только Катюша не принимает, не может принять этой великой жертвы. Быть может, о внутренней борьбе в ее душе Толстой рассказывает меньше, чем о битве в душе Нехлюдова. В обоих случаях борьба идет в самой глубине их душ, а ставка в ней – их собственная судьба.

Роман проникнут лиризмом. Ритмически повторяется мотив воскресения. Это конкретный праздник в начале их любви, позже это скромная пасха в тюрьме, а в конце книги – их душевное возрождение. Опоры структуры романа. Это напоминает живущий во мне мотив моста. Давняя осенняя игра на мосту, а потом – нынешний стремительный бег, мимолетные воспоминания, мысли о прошлом.

Молодой пастух не Нехлюдов. Князь – персонаж страдавшего избытком совести Толстого, не начинающего писателя с разгульным образом жизни, а Великого Пророка, желавшего искупить грехи мира. Лишь немногие способны достичь такой человеческой высоты.

– Как сильно ты задумалась, – подтолкнул меня в бок муж с любовью, шутя.

Такси двигалось извилистыми улочками в сторону проспекта Юллёи. Марики нет с нами, ее привезли в аэропорт бабушка с дедушкой. Теперь они долго не увидят ее, и поэтому попросили, чтобы она ночевала у них. Они уже, смеясь, ждали нас в аэропорту. Мы сдали чемоданы, я оплатила перевес.

Прощание. Марика сидит в надетом на меня рюкзаке для переноски детей, ее костыли висят у меня на руке. Летим. На этот раз только я и ребенок. Нам не страшно на борту самолета.

Маленькие домики, коричневатые пашни, кукурузные поля, зеленые пятна лесов. Вскоре я увидела то, чего уже ждала с любопытством

– Смотри, дочка, видишь иногда поблескивающую полоску там, внизу? Это Тиса! Любимая река Петёфи. И твоей мамы тоже, я купалась в ней столько же, сколько ты в Балатоне.

– Вижу, вон она, блестит.

Мы смотрели на извилистый путь реки обратно, к ее колыбели, на сердито-зеленые, суровые склоны Карпат, строгость которых кое-где смягчалась освещенными солнечным светом лугами. Потом мы летели над Восточноевропейской равниной, но уже не видели ее, она была скрыта от нас покровом облаков.

– За что ты ее любишь? – неожиданно спросила дочь.

– Кого, что?

– Тису.

– Ты тоже полюбишь ее, когда увидишь поближе и выучишь стихотворение, написанное о ней Петёфи. В нем есть красивая строка, послушай, в ней говорится о тебе и обо мне: “Резвый Тур, что к матери ребенок, к ней стремится говорлив и звонок”.⁴⁹

– Почему Петёфи писал о нас?

– Не только о нас. О всех матерях и всех детях, которые, как ты сейчас, устравиваются на маминых коленях. Он написал об этом и другое стихотворение.

– О чем?

– О том, как ты сидишь у меня на коленях. “Здравствуй, Лацци! //Слушай, братец, //Потолкуем пять минут//Ну, иди, коли зовут//Да живей, одним прыжком, //На колено сядь верхом!”.⁵⁰

Так мы провели время, смеясь и развлекаясь стихами.

В Шереметьево нас встретил Вилен, по его словам, он ждал нас уже четыре часа. Петер сообщил ему неправильное время прилета. Дело осложнялось тем, что в Венгрии на зимнее время перешли с сегодняшнего дня, а в Москве часы будут переведены только с первого октября.

На Ленинградском проспекте все деревья уже пожелтели и покраснели. Золотая осень. Зеленели только хвойные деревья. Снова противотанковые ежи на Волоко-

⁴⁹ Строка из стихотворения Шандора Петёфи “Тиса” (пер. В. В. Левика).

⁵⁰ Строки из стихотворения Шандора Петёфи “Лацци Араню” (пер. С. Маршака).

ламском шоссе. Знакомая местность. Химки, населенный пункт перед Москвой, Галина деревня. Любопытно, что с ними?

Мы у Вилена. Обмен новостями. Сережа женился.

Наши хозяева были опечалены тем, что случилось с Марикиной ногой. Элла всплеснула руками:

– Бедный ребенок! Опять операция, а тебе опять придется перезимовать здесь!

Ночь, Домодедово. Туман и холод. Отправляется ночной самолет. Зал ожидания, толпа народа. Кто-то спит на скамейке, те, кому не досталось места, заснули прямо сидя на полу, привалившись к соседу.

В зале ожидания “Интуриста” мы встретились с итальянцем Роберто и его мамой. С мальчиком мы разговаривали по-русски, на этот раз с ними не было переводчика. Они летели на операцию, уже на третий этап, пока все хорошо, теперь настала очередь бедра. Мы с мамой Роберто улыбнулись друг другу, накрыли своих детей. Ранее в больнице я слышала, что они миллионеры.

29 сентября

В самолете я чувствовала утренний холод, но не думала, что в Кургане температура воздуха всего 6 градусов, на двадцать градусов ниже, чем в Будапеште. Я сняла свой кардиган и надела его на Марику вместе с ее кофточкой, потом усадила Марику в рюкзак-кенгуру “Чикко” и надела рюкзак на спину. После посадки Роберто начал сонно протирать глаза, шесть часов.

В зале ожидания аэропорта нам улыбнулся врач из нашей больницы и спросил, что случилось, неужели мы так скоро приехали на контрольное обследование. Услышав о случившемся, он грустно покачал головой. Он улетал в Москву.

Я попросила таксиста поднести чемоданы, потому что я не справлюсь с ними с ребенком на спине. Он с большой готовностью помог мне.

Вахтерша в общежитии удивилась нашему неожиданному приезду. При виде искривленной ноги Марики у нее на глазах выступили слезы. Она быстро побежала поделиться новостью с Галиной Николаевной. К счастью, наша старая комната все еще пустовала, я уложила Марику и накрыла ее полученным от вахтерши пледом. Я тоже растянулась на кровати с сеткой, стараясь не уснуть. Затем я притащила чемоданы на второй этаж, один из них весил 32, а другой 34 килограмма. Только теперь я по-настоящему почувствовала их тяжесть! Достав самые необходимые вещи, новые рентгеновские снимки, я осторожно разбудила погрузившегося в сон ребенка и после восьми отправилась с ним в больницу. По дороге Марика продолжала дремать, прижавшись к моему плечу.

Услышав Марикину болтовню перед врачом кабинетом, Сергей Васильевич с широкой улыбкой вышел к нам, покачивая головой с удивлением, а потом с жалостью.

Марика с громким смехом обняла за шею тетю Галю, которая прибежала, узнав о нашем приезде.

Вскоре вокруг нас собрались курганские венгры, Эржи с Йожишкой, Кристи с бабушкой.

Затем нас позвали во врачебный кабинет. Главврач Валентина Ивановна измерила Марикину ногу, Сергей Васильевич записал все данные. Они спросили, когда и как случилась беда. Я устало отвечала, подыскивая слова. Сергей Васильевич, подтрунивая надо мной, заметил, что я забыла русский язык. На самом деле я не могла вспомнить слова от усталости, я совсем не спала. Валентина Ивановна спросила, ходила ли Марика без костылей.

– Да – кивнула я.

– Нельзя было так ходить.

Это я уже и сама знала. Больше того, мне не надо было ходить на работу. Но теперь уже поздно, время назад не повернешь. Я отдала последние рентгеновские снимки, они пообещали показать их профессору, который скажет, что делать дальше.

Стоявшие в коридоре русские мамы и проходившие мимо медсестры утешали меня тем, что Марика не первая, у кого согнулась нога, ее приведут в порядок. Еще хорошо, что Марика поехала домой не в гипсе, и я быстро заметила беду.

В общежитии я получила у кладовщицы Тамары постельное белье. До вечера мы спали, а потом я спустилась позвонить Борису и Тане и сообщить им, что мы снова здесь.

30 сентября

С утра я направилась в милицию. Там пришлось ждать приема. Мы зашли в ЦУМ купить несколько мелочей. Потом появилась сотрудница милиции, и мы зарегистрировались.

После обеда мы поспешили в больницу. Илизарова ждало много народа, но он не появился.

В больничном дворе красивые деревья. Березы пожелтели, несколько кустов покрылись красным цветом, ели остались зелеными. Распустились еще несколько сиротливых гвоздик, но в воздухе уже не чувствовалось того приятного аромата цветов, который пьянил меня по утрам летом.

В общежитии Марика играла с Ромкой, сыном Раисы Симоновны. Они разложили на ковре игрушечную железную дорогу и с громким смехом сопровождали бегущий по петляющим рельсам поезд. У Раисы сильно округлился живот, она положила на него мою руку, чтобы я почувствовала, как в нем толкается малыш. Ее лицо сияло от счастья, курносый нос казался еще более вздернутым, когда она улыбалась мне из-под сужавшихся век шаловливыми синими, как забывудки, глаза-

ми. На мгновение и во мне промелькнуло какое-то радостное чувство еще из того давнего счастливого настроения, когда я ждала Марику. Мне кажется, что эти восемь месяцев были лучшим, самым светлым периодом в моей жизни, как будто это была и не я, а какое-то одухотворенное существо, вселившееся в меня на эти несколько месяцев.

Быть может, Пал Сабо⁵¹ лучше других описал в образе Марики Юош трепет женской души, атмосферу счастливого ожидания, тот наполненный отчасти неосознанной радостью, почти волшебством период жизни, который по-настоящему переживают только беременные женщины, с любовью ожидающие, носящие под сердцем своих детей. Лучшее изображение этого душевного состояния, настроения, чувства можно увидеть в мадоннах на картинах эпохи Ренессанса. Только бы еще раз почувствовать его. Как я желаю этого! Если бы у меня появился еще один малыш! Здоровый. Недостижимая мечта. Но как бы мне этого хотелось, как было бы хорошо!

Раиса заметила мои раздумья и, возможно, угадала некоторые из моих мыслей, потому что, смеясь, похлопала меня по спине:

– Будет и у тебя, не бойся!

Потом мы начали готовить. Вечером я долго играла с Марикой. Она расставила полученные от Раисы матрешки в круг, поместив самую маленькую из них в центре, пела им и меняла их местами. Матрешки играли в круговые игры.

1 октября

В первой половине дня мы поспешили в больницу. Илизаров пришел к половине первого. Его ждало много людей. Сначала к нему зашли несколько врачей, которые провели у него много времени. Секретарша успокаивала меня, предлагая подождать, пока они выйдут, а потом придет наша очередь, мы были первыми. Однако Марике спокойное ожидание уже было не под силу. Она проголодалась, я поднялась с ней в детское отделение и попросила для нее в столовой тарелку супа. Я не предполагала, что в полдень мы еще будем в больнице.

Наконец, в три часа врачи ушли. Мы ждали пять часов ради пяти минут.

Гавриил Абрамович посмотрел ногу дочки и покачал головой: – “О, о, это нехорошо”!

Скоро все будет в порядке, – успокоил меня профессор.

Он поговорил с Марикой об отце, о бабушке с дедушкой и спросил, все еще смеяться и шутя: – Как же тебя зовут?

И, наконец, поставив нас перед выбором, спросил:

⁵¹ Пал Сабо (1893–1970) – венгерский писатель и политик, автор романа “Пядь земли”, героиней которого является Марика Юош.

– Когда ты хочешь лечь в больницу? Сейчас или в понедельник?

– В понедельник, – ответила маленькая болтушка.

Я тоже хотела, чтобы этот конец недели мы еще провели вместе.

2 октября

Утром я постирала накопившиеся грязные вещи. Марика трудилась вместе со мной, намыливая свои трусики и маечки. Она была очень довольна собой и даже спросила: – Правда, я сейчас похожа на “Жужи помогает”?

Это название диафильма о трудолюбивой девочке, который я часто показывала ей. В Марике тоже так много воли, проворства, столько старания. Я рада, что она такая хорошая девочка. Вот только рука и нога... Мое большое горе. А в будущем и ее тоже, когда она вырастет и осознает свой физический недостаток. Когда же ее вылечат? Сколько еще раз придется привозить ее сюда для этого? Сколько страданий ей нужно будет перенести, сколько зим нам придется провести здесь?

В первой половине дня мы зашли в ЦУМ. В отделе игрушек Марика изумленно захихикала при виде пухлых кукол. У них виноградная мордочка, заявила она. Поначалу я не поняла этой странной ассоциации, но потом сообразила, что вчера мы играли, набивая щеки виноградинами, и наши лица становились такими же пухлыми. После долгих колебаний Марика выбрала игрушку, лисенка, которого немедленно назвала Вуком по имени персонажа книги Иштвана Фекете и запела известную песенку.

Потом мы отправились в госте к Катюше. Таня была на дежурстве. Она оставила дочку на свою мать, бабушку Женю. Две девочки в полном согласии играли лисенком и куклой, которую мы принесли Катюше, одновременно с аппетитом уплетая арбуз с тонкой кожурой. Бабушка, смеясь, всплеснула руками при виде их вымазанных мордочек.

Ужинали мы у Бориса. Марика и Иночка играли на пианино “в четыре руки” и, к нашей общей радости, вместе пели.

Софья, как бы угадав мою мечту, подарила мне книгу. Она заметила, что я всегда рассматривала ее у них на полке, и по русскому обычаю гостю дарят то, что ему понравилось. Это был роман Толстого “Воскресение”. Действительно, во мне шевелилось желание достать его где-нибудь. Летом я искала эту книгу в книжном магазине на главной площади, но его не было. Я хотела прочитать этот роман в оригинале, переводя для себя по вечерам. Теперь я несказанно обрадовалась этому желанному и неожиданному подарку и была очень-очень благодарна Софье, которая даже не подозревала, что значит для меня эта книга.

Борис заказал нам машину. Шофер повез нас в общежитие по тенистой Советской улице. Лучи заходящего солнца гладили фасады старых домов.

3 октября

Какая ненастная погода установилась к утру: туман, пасмурность, холод! Все же Борис был прав, когда утверждал, что через две недели выпадет снег, наступит зима и понадобится шуба.

Всю первую половину дня Марика играла в общежитии с маленькой красавицей Танечкой. Танечка жила в комнате напротив, ее мама, вечно смеющаяся Галя, – инженер на железобетонном заводе, ее муж – начальник цеха. Их сын, Алеша, родился в феврале, когда мы приехали. С Галей мы подружились на почве вязания. Они много помогали мне первое время. Две девочки играли то у нас, то у них, готовили, стирали кукольную одежду, подражали тому, что что делали их мамы.

Марика заявила, что хочет кушать и попросила курицу в сметане с галушками. Хорошо, что я взяла предложенную мне Борисом курицу, иначе не знаю, где бы я достала ее сегодня, в воскресенье. Обед был быстро приготовлен.

Вечером, чтобы усыпить Марику, я читала ей книгу Иштвана Кормоша “Сказка о Вацкоре”. Отличная история с прекрасной музыкой слов. В описываемых событиях оживает мир детей детсадовского возраста. Марика полностью вжилась в действие и заплакала, не зная, где будет спать Вацкор в детском саду, есть ли у него там кровать. Ей было непонятно выражение *погрузился в глубокий сон*, она подумала, что он умер, поэтому пришлось объяснить ей значения глагола “погрузиться”. Я пожелала ей, чтобы она, как Вацкор, тоже погрузилась в глубокий сон, и проснулась отдохнувшей. Марика радостно познавала вкус нового усвоенного выражения, пока не уснула.

4 октября

Грустно светило солнце, утром дул холодный ветер. Мы собрались. Я взвалила на спину свой самый ценный груз, Марику, положила в сумку ее вещи, и мы отправились в больницу.

Сергей Васильевич обрадовался нам, снял с меня ребенка, надел рюкзак-кенгуру себе на спину и весело ходил с ним по врачебному кабинету, показывая Раисе Ивановне, как это удобно – обе руки свободны. Ему захотелось сделать такое же приспособление на спину и для своего ребенка. Марика радовалась необычной игре, тому, что она сидит на спине у дяди доктора. Сергей Васильевич попросил на время рюкзак “Чикко”, я дала, пускай мастерит, у него очень ловкие руки. Приятно видеть, как он готовится к отцовству, если бы это зависело от него, он с удовольствием перелистнул бы календарь на ноябрь, чтобы его малыш поскорее родился.

У Марики взяли в отделении кровь из вены и из пальца, а затем я отвела ее на рентген.

Она осталась в больнице и уже не плакала, когда я ушла. Ее окружали знакомые дети.

Я поспешила в магазины за продуктами. Купила муку, маргарин, сахара не было. Перед овощным магазином виднелась большая куча вываленных на бетон капустных кочнов по семь копеек кило. Сплошная дешевизна. Лука и лимонов не было, к счастью, я купила их на прошлой неделе. Сейчас еще легко доставать продукты, когда настанет зима, товары будут подвозиться реже. Неделями будет дефицит и только стояние в очередях, если что-то куда-то привезут.

Вечером было очень холодно, хорошо, что я надела шубу, прежде чем вернуться в больницу.

5 октября

К утру на разноцветную листву деревьев легло белое покрывало. Такого я еще не видела: зима пестрой осенью, под ярким солнечным светом. Весеннюю зиму я уже много раз видела в Венгрии, когда в начале апреля зима опустошала цветущие фруктовые деревья и, на беду, портила урожай. Как хорошо, что Марика уже в больнице и ее не нужно носить туда-сюда по холоду.

Когда утром я пришла в больницу, Марике как раз поставили клизму, в девять часов ей сделали усыпляющий укол и увезли в операционную.

Я сбегала домой, приготовила еду и вернулась в больницу. Марику вывезли после обеда. Она неглубоко спала. Ее личико было утомленным, бледным и неподвижным, на носу между глазами и на лице еще виднелся след от наркозной маски. Она в полузабытьи простонала: “Болит нога”. Я видела, что на месте искривления есть новый перелом, гладила девочке колено, подошву стопы, целовала голову, лицо, мне хотелось освободить ее от боли. Я следила за каждым ее движением, за каждым трепетом тела. Ей опять поставили три кольца и полукольцо на пятку. Больше всего болит стопа. Господи, сколько еще придется страдать ради того, что для других естественно!

Марика попросила воды, я не могу напоить ее, потому что ее стошнит. Но она так просила потрескавшимися губами, что дала ей поток воды и полизать дольку лимона. Вскоре все вышло обратно.

Вечером главная медсестра Надежда Николаевна сделала Марике обезболивающий укол. Она мягко, с любовью разговаривала с девочкой, сказала, что ее все любят. Я подождала, пока ребенок погрузился в глубокий сон.

Долго не было автобуса. Я пошла домой пешком по холоду, в темноте.

6 октября

Пришла зима. Холодный ветер нес по улице снег, повсюду сплошная белизна. Итальянцы, дрожа от холода, онемелыми пальцами снимали неожиданно наступившую зиму. Армянка Нина помыла окна и рамы в палатах, заткнула щели ватой и заклеила их белыми бумажными лентами, я помогала ей.

Марика спала. Врачи Раиса Ивановна и Анна Майоровна зашли посмотреть ее, они оперировали ее вместе с Илизаровым. Потом пришел и Сергей Васильевич.

Вчера с маленькой итальянки Маргариты сняли аппарат, она должна была сидеть на кровати с полностью вытянутыми, привязанными ногами. Но через некоторое время она начала плакать, ей хотелось ходить. Доктор Васильев спросил по телефону профессора, можно ли девочке встать. Ребенок был вне себя от радости, услышав положительный ответ.

Сергей Васильевич простудился, возможно, у него гайморит. Ему нужен укол, но он сказал, что боится укола. Я дала ему пачку “Марипена”, может быть, это поможет. Мне вспомнилось, как весной он отругал меня за мою домашнюю аптечку, а теперь она пригодилась и ему.

Марика проснулась, я рассказывала ей сказки, показывала кукольное представление. Марика не жаловалась, пока еще действовало обезболивающее. В полдень она уже скушала мясной суп, картофельное пюре и вареную грудинку.

Под вечер Марику пришла навестить Таня и принесла арбуз.

Эржи поинтересовалась состоянием Марики. Она жалела, что врач Йожики, доктор Васильев, теперь работает в поликлинике и надеялась скоро уехать домой, нога ее сына успешно выздоравливала. Эржи очень похудела, устала как психически, так и физически. Она не предполагала, что будет так трудно. Иногда в ней прорывается горечь, она уже хотела бы быть дома, скучает по дочке.

В больнице много новых детей, в основном мальчиков с вывернутыми руками и ногами.

Вечером удалось поговорить по телефону с Виленом, я сказала ему, что Марике уже сделали операцию и перечислила, что нам нужно. Затем – стирка, готовка. Вечная работа.

7-8-9 октября

Трехдневный праздник, нерабочие дни, в больнице находятся только дежурные врачи и медсестры. С утра до вечера я была рядом с Марикой. Я простудилась, чувствовала боль в нижней части живота. Хорошо было бы полежать в постели, но нельзя.

Марика была рада, что я первой прибыла к ней утром. Она благодарно, любовно прижалась ко мне как зайчик-кошечка, как она обычно представляет и рисует себя.

Я одела ее. Сегодня она уже немного походила на костылях, подпрыгивая на одной ноге. Снова “Петике ходит”. Я отвела ее на первый этаж, ко входу, откуда она смотрела на заснеженные деревья. Нас ждал мужчина из Венгрии, Карой Ч. Он спросил, что ему нужно делать, куда надо пойти, чтобы оформить госпитализацию, и старательно записал все, что я сказала.

Во второй половине дня дети весело дурачились в отделении. Они оделись в пестрые, рваные одежды, накрашились, пели, играя на костыле-гитаре, танцевали с аппаратами на теле, радовались снегопаду и ждали Деда Мороза. Мы посмотрели по телевизору цирковую программу, выступление балерины и передачу о прекрасных дворцах и парках Ленинграда.

Марику волновал Дед Мороз. Она попросила меня написать ему, что она сейчас в Кургане и чтобы он прислал подарки сюда.

10 октября

Толщина снега уже достигла 10-12 сантиметров. Здешние жители говорят, что ранняя зима останется ненадолго.

Я читала Марике сказку о Вацкоре, то место, где говорится о том, как маленький медвежонок полюбил мед. Хитрость удалась, Марика тоже захотела стать медвежонком и проглотила несколько чайных ложек меда. Только бы она ела его и позже, мед полезен для развития костей!

Сегодня в первой половине дня венгерские мамы долго оставались в больнице, разговаривали на балконе. Я завернула Марику в плед, и мы вышли к ним. Нам всем уже хочется домой.

Интересно, как там дома? Как Петер справляется в одиночку? Что с моими коллегами и девочками на работе? Как хорошо было бы быть с ними в последнем учебном году! Но я не могу доверить Марику кому-то другому. Да мне бы и не было покоя без нее.

Марика тоже все чаще думает о доме.

– Я хочу моих братьев и сестер! – сказала она с плачем. – Чтобы они видели мой аппарат и знали, что у меня очень болит нога.

Я целовала бедняжку, чтобы она меньше чувствовала боль.

11 октября

Сегодня будет общий осмотр. Сергей Васильевич сказал, чтобы я отвела Марику на рентген.

Потом – бегом домой, надо стирать постельное белье: вечный сизифов труд. Затем – обратно в больницу. Наш врач попросил меня отвести после обеда Марику к

кабинету профессора, готовы сделанные в первой половине дня рентгеновские снимки, и профессор посмотрит ребенка, когда вернется из операционной. У кабинета ждало много детей с мамами, бабушками и дедушками, а также их лечащие врачи с рентгеновскими снимками. Под вечер пришел Илизаров. Сначала по очереди посмотрели тех, кого прооперируют завтра. Долго была в кабинете девочка с вывернутым локтем, за ней последовали два маленьких итальянских мальчика, а потом – Марика.

Я видела рентгеновские снимки, искривление под коленом. Завтра туда поставят спицы. И еще одну в кость стопы.

– Все будет в порядке, все будет хорошо, – успокаивал Гавриил Абрамович.

Сергей Васильевич подмигнул мне, как мы говоря: видите, как “быстро” мы закончили. Было уже больше половины одиннадцатого. Марика уже спала у меня на плече. Я притащила ее в палату и уложила в кровать. Затем – пешком домой в темноте, по холоду.

12 октября

В шесть часов утра я уже была в больнице. Ночная медсестра Александра Антоновна сделала моей дочке клизму и перевязала ей больную ножку. Сегодня Марике нельзя было есть. Я читала ей сказку о Вацкоре, мохнатый медвежонок ушиб нос, и его посмотрел доктор Фридеш Шиндлер. Но беда медвежонок – ничто по сравнению с болезнью Марики! Я утешала ее, говоря, что будет не больно, но знала, что это неправда. Марика рассматривала рисунки Кароя Рейха. Пришел Сергей Васильевич и сказал, что сегодня он уже тоже будет оперировать, у него прошел насморк, он поблагодарил меня за лекарство, оно помогло. Он подбадривал Марику, уговаривая ее не бояться, он тоже будет с ней и будет бороться с ней. В два часа главная медсестра сделала Марике обезболивающий укол, мы надели на девочку операционную рубашечку, я положила ее на каталку и мы вкатили ее в операционную.

– Оставайся со мной, мама! Я хочу видеть тебя постоянно, все время! Береги меня! Я не могу без тебя! – плакала Марика и обняла меня за шею.

Конечно, я тоже плакала. Мне вспомнилось, как мой отец перед смертью предупредил меня: *“Очень береги ее! Ей будет хорошо только пока ты жива”*. Марика погладила меня по голове и поцеловала, чтобы я не плакала. Она такой милый, теплосердечный, искренний ребенок!

Вторая половина дня прошла в нервном ожидании. На улице крупными хлопьями падал снег. Я пыталась писать письмо, сидя у окна в коридоре. Потом спустилась на больничную почту позвонить в Будапешт, но позвонить не удалось.

Марику привезли из операционной в половине девятого вечера, она дрожала, у нее было бледное, измученное лицо. За ней пришел Сергей Васильевич и осмотрел

ее. По его словам, операция продолжалась так долго потому, что по ходу дела у профессора появилась новая идея.

– Раздевалка уже закрыта. Не уходите домой без пальто, Сергей Васильевич, вы опять простудитесь!

– Ну ладно! Вчера ночью мне тоже не удалось уйти домой, посплю в больнице и сегодня. Да я и не смог бы войти в квартиру, ключи остались в кармане пальто.

Недавно упавшие кристаллы снега алмазами сверкали под электрическими фонарями, когда я брела к общежитию.

13 октября

Еще едва забрезжил утренний свет, когда я уже была в больнице у Марики. Рядом с ней я увидела Сергея Васильевича. Я подумала, что что-то случилось, но он всего лишь мерил девочке давление. Для верности померила и медсестра Александра Антоновна. Все было в порядке.

Мы разбинтовали Марикину ножку, я смогла увидеть, какую идею реализовали во время операции, маленькая ножка была в крови и железе. Примерно в полутора сантиметрах ниже установленного под коленом кольца профессор просверлил кость и вставил туда спицу, кольцо вокруг щиколотки заменил на другое, размером побольше, просверлил кости и вставил туда еще одну спицу. С их помощью будут скорректированы искривление ноги и деформация стопы. Когда дочь заснула от укола, я побежала в общежитие варить свежий мясной суп. Но она съела только несколько ложек и попросила меня поддержать и погладить ее ногу, тогда она меньше болит. Так прошла вторая половина дня. Сказка, кукольный театр, несколько ложек супа, поглаживание ноги, боль и терпение.

К вечеру температура поднялась до 38 градусов. Я дала ей “Гермицид”. Когда она заснула, я побежала на почту около “Сибири”, но и оттуда тоже не удалось позвонить.

14 октября

Утром Марика немного покушала, но только после долгих уговоров. Она плакала из-за того, что я спустилась на больничную почту, ей тоже хотелось пойти со мной позвонить отцу. Но пока я не могу взять ее с собой.

Я подняла бедного Петера с постели на заре, он был рад получить, наконец, от нас свежие новости. У него был сонный, насморочный голос. Я рассказала ему, что произошло с Марикой, а потом мы обменялись сведениями о погоде. Петер удивился, что в Кургане уже выпал снег. Ради этих пяти минут разговора я просидела на холоде два часа, ожидая телефонной линии с Будапештом. Я пыталась позво-

нить уже третий день. Пока я ждала на почте, Марика непрерывно плакала, Анна Майоровна и Сергей Васильевич попеременно успокаивали ее, играли с ней во врача. Но она лишь повторяла им: “Не могу жить без мамы”. Они обрадовались моему появлению, теперь в коридоре, наконец-то будет тихо.

К вечеру погода смягчилась, снег смыло дождем. Десятидневная октябрьская зима закончилась. Единственным ее результатом была непролазная слякоть на улицах.

15 октября

У меня кончилась лекарственная ромашка. Мне помогали теплые ванны по вечерам. Было бы хорошо достать еще один пакетик этого лечебного растения, но в аптеках его нет. Таня пообещала мне принести от знакомого аптекаря. Сегодня она в последний раз отвела Катюшу на лечебную гимнастику.

По дороге домой они подвезли меня на рынок на машине. Мне нужно было купить мясо и фрукты и, кроме того, я купила Марике вырезанную из дерева птичку-свистульку.

Пришла посылка от Вилены, в ней – игрушки и белый резиновый кот, Филимон. Марика очень обрадовалась, я телеграммой поблагодарила Вилену и его семью за подарок.

Моя дочь сделала несколько шагов по палате, опираясь на костыль. Она не сумела выпрямить ногу в колене. Я не настаивала и взяла ее на руки.

Опять прибыли новые дети. Среди них мальчик лет десяти, все четыре конечности у него были в удручающем состоянии. Прооперировали и девочку двух с половиной лет, у которой обе стопы были вывернуты внутрь. Операцию делали молодые врачи без Илизарова.

16 октября

Ярко светило солнце. Я завернула Марику в плед и, посадив в кресло на колесиках, вывезла на балкон, катала вперед-назад. Она наслаждалась катанием и ласкающим теплом солнца. Около полудня я спустилась с ней во двор.

Интересно, какая сейчас погода в Будапеште? Как хорошо было бы сейчас сходить с моими подопечными на экскурсию к смотровой площадке на горе Янош! Полюбоваться Будайскими горами, нарядившимися в осенние одежды. Или побывать в долине Салайка, у Вуального водопада, да еще посмотреть, что делается на родной горе Сархедь, ведь сейчас время сбора винограда! Интересно, какой урожай будет в этом году? Все это подумалось мне вдалеке, за несколько тысяч километров от дома. Близка только тоска по родине, она во мне, внутри. Марика рвется

в Бекашмедер, она знает только эту местность. Там тоже уже желтеет склон Серебряной горы. К тому времени, когда мы снова увидим его, он уже побелеет.

17 октября

Сегодня в первой половине дня мне пришлось буквально тайком улизнуть из больницы. Таня пригласила меня на обед. Праздновали второй день рождения Катюши. Я поздравила ребенка куклой и сладостями. Катюша, наконец-то подружилась со мной, устроилась у меня на руках и без усталости болтала своим тоненьким голоском. Она еще не могла ходить и только проворно ползала по полу на четвереньках.

Я хорошо чувствовала себя у них. Любезные, простые люди. Вова был полон планов и амбиций. Он хотел заняться исследованиями, хотя пока еще не знал, лечением поясницы или деформированной стопы. Это интересует его, за ним будущее, он – молодой, энергичный, здоровый молодой человек. Вова гордился своей семьей, видимо, здесь это тоже имеет значение, во всяком случае, он что-то говорил о родстве с композитором Бородиным. Таня показала учебник, по которому она изучала педиатрию. Его написал Эден Керпель-Фрониус, уроженец Венгрии, наш знаменитый врач. Теперь настал мой черед гордиться. Я мало знала об этом враче, только то, что он занимался изучением обмена воды и солей в человеческом организме, а также младенческой смертностью из-за обезвоживания, и большую часть своей жизни провел в Пече. Я смутно помнила, что где-то читала об этом. Теперь передо мной лежала его книга на русском языке с поразительными фотографиями африканских и азиатских детей с вздувшимися животами, исхудавших до костей голодающих людей. Это зрелище потрясло меня и послужило предупреждением, что наибольшее внимание я должна уделять питанию Марики, какой бы утомительной и нервной ни была эта работа.

Таня дала мне приготовленной на обед еды, чтобы я отнесла Марике, потому что у меня уже не было времени идти готовить в общежитие. По дороге в больницу я навестила в роддоме другую свою здешнюю подругу, Раису Симоновну. Войти в здание было нельзя и мы по местному обычаю разговаривали, стоя у окна. Это продолжалось недолго.

Марика упрекнула меня в том, что я не провела с ней весь день, хотя сегодня воскресенье.

18 октября

Мы напрасно ждали общего обхода, он не состоялся. На сегодня запланировано много операций.

Перед обедом Сергей Васильевич сделал перемонтаж аппарата на Марикиной ноге. Он немного повернул спицы под коленом и в стопе. Моя дочь плакала, всхлипывала, потому что я позволила ее унести. Ольга Петровна перевязала ее, и мы вместе положили ее обратно на кровать. Я утешала, целовала, терпеливо кормила ее, дала ей попить гранатового сока и рассказывала сказки, чтобы она успокоилась.

Вскоре пришел Сергей Васильевич посмотреть, как она себя чувствует и попросил меня отвести девочку на рентген.

Вечером я взяла словарь и “Воскресение” на русском языке. Я прочитала и перевела одну страницу, но так устала, что на большее не хватило сил.

19 октября

Луг покрылся тонкой, как вуаль, полосой утреннего тумана. Казалось, что около березовых стволов вьется дым. Такого прозрачного, легкого, как дыхание, тумана я еще не видела. Солнце быстро развеяло это редкое природное явление.

Сергей Васильевич быстро сделал малый утренний обход и спешно ушел из больницы. Врачи и сестры поехали в колхоз собирать капусту. В отделении остались дежурить только врач Раиса Ивановна и медсестра Галина Викторовна.

От вечного хождения, стояния, подъема и спуска по лестнице и таскания тяжестей у меня болят ноги. Особенно левая. Ломит поясницу. Мне надо бы больше отдыхать, читать и переводить. Для изучения языка лучше всего подходит метод Лайоша Кошута.⁵² Словарь и томик Шекспира, много-много времени и упорство. Я пытаюсь применить этот метод к книге Толстого, но у меня нет для этого времени.

Я написала письма Бёжике, дедушке и подружке Кате.

Марика показала редкое лукавство, ловко добивалась того, чтобы я отнесла ее во двор покататься в кресле на колесиках. Я смеялась ее прозрачной хитрости. Она была недовольна тем, что я не вернулась к ней так же скоро, как обычно. В конце концов мы договорились выйти на балкон. Спускаться и снова подниматься на второй этаж с ребенком и креслом на колесиках довольно утомительно.

21 октября

Еще светит солнце, но постоянно холодает. Сегодня я снова спустилась покатать Марику, скоро делать это станет невозможно. Сергей Васильевич помог нам спуститься по лестнице, чтобы мне не нужно было спускаться дважды. Он заботливо

⁵² Лайош Кошут (1802–1894) – венгерский государственный деятель, премьер-министр Венгрии во время революции 1848–1849 гг. В тюремном заключении занимался английским языком, его любимым чтением были произведения Шекспира.

показал жестом, что из-за холода мы можем гулять лишь полчаса. Приятно, что у него всегда есть для нас несколько приветливых слов. Потом он пошел в близлежащую больницу навестить отца.

От Раисы Ивановны я узнала, что сегодня прибывают венгерские врачи, четыре или пять человек. Это заинтересовало меня. Раиса Ивановна также сказала, что, возможно, в январе мы сможем уехать домой. После снятия аппарата Марика пробудет под наблюдением больше времени, чем обычно.

Семья Вилена прислала посылку, в ней были в основном яблоки. Вилен написал, что едет в Югославию и вернется 5-го ноября. Он надеялся, что поезд пойдет через Будапешт, и ему удастся встретиться с Петером. Но из этого ничего не вышло, потому что поезд остановился не в Пеште, а только в Дебрецене.

Действительно прибыли венгерские врачи. Во второй половине дня они посетили Илизарова. Я заглянула в кабинет, видела доктора Тибора Визкелети. Илизаров заметил меня и улыбнулся. У кабинета его ждали взрослые пациенты.

Вечером я писала письма Петеру и на работу, Еве, рассказала им о состоянии Марики.

22 октября

Стало холодно, выпал и растаял снег, улицы покрылись кашцей слякоти.

Утром зашла даже главврач, хотя она сейчас в отпуске. Перед общим обходом Сергей Васильевич посмотрел своих больных, подкрутил Ленин аппарат, бедная девочка ужасно плакала. Мне было очень жаль ее. У Марики нога практически в порядке, еще несколько дней наш врач будет подкручивать ее аппарат, и на этом все кончится.

Целый день я ждала в больнице венгерских врачей. Несколько раз я спускалась по лестнице и видела, как они смотрели и расспрашивали больных с аппаратами. Затем заглянули в некоторые помещения больницы. Их сопровождал доктор Дьякин.

Все мы, венгерские мамы, ждали, что они заинтересуются находящимися здесь венгерскими больными и навестят их, но этого не произошло.

Марика была очень рада, что я весь день провела с ней в больнице.

23 октября

Утром дежурная медсестра сообщила, что Марика и Йожика записаны для показа гостям. Оба ребенка были сильно возбуждены и ждали, что произойдет.

В одиннадцать прибыли венгерские врачи. В большом зале и в коридоре столпились любопытствующие, больных с аппаратами собрали в зале поменьше. Даже

из поликлиники пришли пациенты с самыми странными проблемами, находившиеся на разных стадиях лечения. Гостей ждало не менее сорока больных, взрослые и дети с лечащими врачами и подборками рентгеновских снимков.

Рядом с Илизаровым сидели доктор Тибор Визкелети и доктор Йозеф Гурин, который взял на себя роль переводчика. Доктор Карой Эке записывал разговор на магнитофон, а доктор Тамаш Месарош фотографировал. Профессор Илизаров рассказал, кто чем болен, показал предоперационные фотографии пациентов, рентгеновские снимки, сделанные на разных стадиях лечения, а потом продемонстрировал, в каком состоянии находятся больные в настоящий момент.

Профессор долго говорил о Йожики, доктор Визкелети с интересом слушал. Он узнал ребенка, назвал его по имени и попросил доктора Кароя Эке сделать репортаж с его мамой. Эржи смутилась, рассказала, как они попали сюда и как живут здесь, пожаловалась, что не получила в венгерском Министерстве здравоохранения никакой информации и конкретной помощи в связи с Курганом. Профессор быстро покончил с Марикией, показал предоперационную фотографию, на которой видны ее строптивное лицо и разница в семь сантиметров, снимок растянутой ножки перед августовским отъездом домой и недавнее искривление. Доктор Карой Эке сделал репортаж и с нами, расспросил и Марику, которая с радостью сообщила в микрофон свое имя, жалобным голосом рассказала о своей ноге и передала отцу, что целует. Когда показ закончился, мы поговорили с доктором Йозефом Гуриным о том, что он здесь видел. В нем роилось множество свежих впечатлений. Потом гости поспешили на обед.

Вечером я никак не могла успокоиться. Во мне тоже роились разные мысли, я хотела бы еще поговорить с приехавшими врачами. Хорошо, когда за границей встречаешься с соотечественниками, в таких случаях люди становятся как-то непосредственнее, ближе друг другу. Я чувствовала внутреннее напряжение из-за прежнего мнения доктора Тибора Визкелети, не зная, изменилось ли оно.

24 октября

Утром я поспешила в гостиницу “Москва”, но венгерские врачи уже выписались из нее. Я знала, что во второй половине дня они улетают в Москву.

Я направилась к Тане, дома был только ее отец. Вова повел Катюшу гулять, Таня пошла ко мне в больницу. Нам пришла в голову одна и та же мысль, это телепатия.

От Тани я узнала, что венгерские врачи куда-то ушли с Дьякиным. Она заговорила о Дьякине, о том, какой он прекрасный человек и врач, рассказала, что он оперировал и ее, когда она была еще девочкой. Позже он успешно применял свою методику операций и в других случаях и даже опубликовал ее. Сейчас он – заместитель Илизарова, координатор и руководитель ведущих в больнице теоретических исследований.

Потом я пошла к Марики. Она хорошо пообедала. Не было никаких проблем.

Позже я поехала на автобусе в аэропорт. Сегодня еще не было рейса на Москву. В половине третьего появился больничный автобус с венгерскими врачами и Дьякиным. От доктора Йозефа Гурина я узнала, что они колесили по тайге вокруг Кургана, наслаждаясь рано наступившей солнечной зимой. Потом они задали много вопросов о том, что я видела, как мы здесь живем, какие болезни здесь лечат, как здесь делают лечебную гимнастику, и как переносят больные здешние условия.

Поначалу доктор Тибор Визкелети вел себя так, будто его все это не интересовало, но потом именно он задал больше всего вопросов. Я рассказала, что показала ему дочь, когда ей было четыре месяца, а потом приносила ее каждые полгода. – Вы сказали, что прооперируете ее, когда ей исполнится десять лет, растяните больную ногу на 4-6 сантиметров и укоротите здоровую, – напомнила я врачу наши прежние встречи. – Мы с мужем упомянули об Илизарове, но вы не советовали обращаться к нему. Потом я приходила к вам, когда моя дочь встала и, опираясь, зашагала. Я просила вас тогда прописать ей лечебную обувь...

– Я не прописываю обувь ребенку, который еще не ходит.

– Как же ему научиться ходить, если у него четырехсантиметровая разница в длине ног?

– И как же ваша дочь в конце концов научилась ходить?

– Я купила в магазине ботинки, мы пошли к дяде Пиште Замбори, сапожнику-ортопеду, работавшему на улице Ласло Рудаша. Он сделал наращивание в левом ботинке. После этого мы еще раз были у вас, и вы сказали, что мы очень удачно справились с проблемой обуви. Правда, так было гораздо дороже. Я не согласна и с тем, что ребенок может получить только одну пару ортопедической обуви. Не ходить же ему в одной и той же обуви зимой и летом?

– Теперь уже можно получить две пары в год. Ваш ребенок уже получил обувь?

– Да, я отвела дочку к специалисту в третьем районе, и доктор Ласло Лукач, добрый, пожилой врач, прописал ей обувь.

– А как вы оказались в Кургане? На основании какой врачебной рекомендации, какого разрешения?

– Летом 1979 г. моего мужа пригласили в Москву, мы взяли с собой дочку и показали ее Илизарову, который после осмотра дал нам справку о том, что берется лечить девочку с четырехлетнего возраста. Мы оформили лечение через Институт медицинских экспертов.

– Кто дал врачебную рекомендацию?

– Доктор Ласло Лукач, но и он не рекомендовал лечение за границей. Я приехала в аэропорт, чтобы рассказать вам обо всем этом. Я не хотела, чтобы вы отрезали ребенку часть здоровой ноги. Меня обидило и ваше мнение об Илизарове. Теперь вы верите, что можно растянуть конечность на 20-30 сантиметров и даже больше?

– Да. Что вы думаете о лилипутах?

– У них необычайная сила воли. Они переносят все эти мучения, чтобы иметь возможность пользоваться транспортом, столами, приборами. Это очень важно для них и с психологической точки зрения.

– А что вы думаете об удлинении стопы?

– Тот мальчик, которого вам показали, Павлик, находится на лечении уже четыре года. Ему сделали много операций. Его родители переселились сюда из Краснодара. Ребенок и его мать рады достигнутым результатам, Илизаров тоже доволен.

– В таких случаях лучше сделать хороший протез.

– Моему директору поезд отрезал ногу с колена. Для него сделали протез, но протез постоянно натирает культю и причиняет боль. Я знаю ребенка, у которого из-за ортопедических сапог с железными шарнирами атрофировались мышцы.

– Вы знаете кого-нибудь, кто вернулся сюда для продолжения лечения?

– Да, в подростковом отделении и среди молодежи есть много пациентов, которых начали лечить еще в детстве.

– А как планируется лечить вашу дочь?

– Сейчас лечат голень, потом последуют кисть, бедро и стопа. Таков план. К тому времени, когда девочка вырастет, все будет готово, если мы доживем до этого. Это программа на две жизни, ее и мою: ей нужно вынести все это, а я переживаю за ее судьбу.

– Что у нее с кистью?

– Там есть палец в зачаточном состоянии, который вы предложили отрезать. Летом 1978 г. в клинике на улице Каролины был сделан рентгеновский снимок этого пальца. Илизаров сказал, что палец можно спасти, растянуть аппаратом.

– Возможно, с виду это будет красиво, но может пострадать вся кисть. Функциональные соображения важнее, мы считаем их первичными. Непосвященные не знают этого. Может случиться, что зачаточный палец будет препятствовать использованию руки. А как будут отращивать палец? Мне это неясно.

– И мне тоже. Больные с такими недостатками лежат в экспериментальном отделении, я их не знаю. Надеюсь, что Марикина рука будет и эстетически красивой, и функционально пригодной.

– Вы не думаете, что это операционное вмешательство у девочки было преждевременным?

– Возможно. Действительно, оно ее очень изнурило. Но ведь разница уже составляла семь сантиметров. По мнению Илизарова, если разница больше четырех сантиметров, ее нужно скорректировать, потому что она ведет к деформации позвоночника.

– Это тоже аргумент. Во всяком случае, я не стал бы оперировать такого маленького ребенка.

Потом профессор показал мне несколько диапозитивов с изображением прооперированных им больных, но они были такими маленькими, что я почти ничего не видела. Он попросил меня позвонить ему по возвращении в Венгрию и дал

мне свою визитную карточку. Я получила визитку и от доктора Йозефа Гурина, оба врача попросили меня отвести потом Марику в клинику на улице Каролины. Профессор Визкелети дал мне для дочери две шоколадки с орехами. Я поблагодарила его, сказав, что одну из них отдам Йожице. Доктор Карой Эке попросил записать для него и послать на радио этот разговор. Его заинтересовал и мой дневник. Врачи сказали, что пригласили Илизарова в Венгрию, а из Венгрии в Курган прилетит на обучение врач. Завтра делегация врачей посетит в Москве еще один институт. (Поездка в Курган описана доктором Каройем Эке в его книге “Душа и тело”).

Я пожелала врачам счастливого пути и благополучного возвращения домой. Мое внутреннее напряжение исчезло. Я поспешила к Марики. Рядом с ней сидел Илизаров, осматривавший ей ногу и подкручивающий аппарат. Его лицо сияло от радости, он расспросил меня о гостях.

25 октября

Утром Раиса Ивановна весело посмеялась, когда маленькая итальянка Маргарита обняла ее за талию и попросила передать дяде Илизарову, что она его очень любит.

– Скажи ему сама, ты уже хорошо говоришь по-русски! – засмеялась врач, подмигнув мне при виде счастливого детского лица, затем покачала головой.

– Дети, дети. Как они плачут с аппаратом на ноге, а в такие моменты все довольны, любят и целуют Илизарова.

Думаю, что все врачи работают с такой самоотверженностью именно ради этого. Ради радости, которую приносит излечение.

Я написала письмо мужу, рассказала о состоянии Марики и приезде делегации врачей.

Во второй половине дня я разговаривала с Сергеем Васильевичем. Он сказал, что венгерские врачи, вероятно, лечат с помощью аппарата Вагнера. Он объяснил разницу между двумя приспособлениями. По его мнению, аппарат Илизарова позволяет достичь лучших результатов и может применяться для лечения большего числа болезней.

Я задумалась над тем, как используют венгерские врачи обмен опытом. Было бы хорошо, если бы сюда на самом деле приехал кто-нибудь учиться. Если вдруг случится беда или в случае контрольного осмотра было бы к кому обратиться с доверием, не нужно было бы терпеть бюрократическую волокиту, здешние условия жизни и долгие полеты на самолете. Было бы хорошо, если бы в кругу специалистов исчезла неприязнь к Илизарову, если бы и у нас не только больные, но и врачи признали, что он гениальный изобретатель и замечательный врач.

Сегодня Марики вела себя хорошо, нормально покушала. Тетя Татьяна похвалила ее на лечебной гимнастике.

Вечером дул резкий, пронизывающий до костей холодный ветер. Суровый край эта Сибирь.

26 октября

Мы с Мариной поздравили Йожуку с днем рождения. Эржи радостно сообщила, что ее сотрудники собрали для нее на работе 17 тысяч форинтов. Наверное, это хороший коллектив, если в нем принимают так близко к сердцу ее судьбу и судьбу ее сына.

Сегодня Марику отвели на перевязку. Подкручивание аппарата на голени закончилось, а на стопе еще надо продолжать.

Вечером я написала письмо доктору Карою Эке.

28 октября

Светловолосая Таня и итальянка Ирене уехали домой. В нашу палату положили двух новых девочек. Павлина приехала из Чехословакии. У нее ужасно тонкая левая нога и очень маленькая стопа. Укорочение составляет семь сантиметров, малая берцовая кость отсутствует. Вдоль всей голени тянется длинный шрам, след операции, сделанной на родине. Девочке восемь лет, с ней приехала молодая бабушка, мать осталась дома с младшим братом Павлины. Другой девочке двенадцать лет, она из Подмосквья. Ее лечили здесь уже много раз. В первый раз в четырехлетнем возрасте. Теперь, когда она вдруг начала расти, больная правая нога опять отстала на 7 сантиметров. У нее в голени тоже есть только большая берцовая кость. Прекрасные густые волосы свисают у нее ниже пояса, таких пышных волос я еще не видела у такой молодой девочки. Ее зовут Ренатой, ей отвели кровать рядом с моей дочкой. Они сразу подружились. Вечером Ренату навестили две другие девочки, они давно знакомы друг с другом. Одна из них – Лена, ее лечат от воспаления костного мозга, потому что в двухлетнем возрасте она упала и заболела. Другая девочка при рождении сломала ногу, в шестимесячном возрасте ее прооперировали, и плохо сросшаяся кость сильно деформировалась. Все они надеются на Илизарова.

29 октября

К большой печали Марики, сегодня я не смогла пробыть с ней целый день. В ее головке никак не укладывается, что у меня могут быть другие дела, и я не могу все время сидеть, играть и гулять с ней в больнице.

– Ты прямо как вихрь, носишься туда-сюда! А я не могу обойтись без тебя. Смотри, какими толстыми слезами я плачу по тебе! – сказала она, и у нее из глаз потекли слезы.

Нога у Марики уже болит не так сильно, но дочка требует, чтобы я исполнила ее желание и была все время с ней. Эржи сказала, что в больницу приехали двенадцатилетняя девочка с отцом из Кишкёрёша. В детстве ей сделали укол в бедро, игла задела нерв, у нее плохо немного растет и двигается стопа. Они надеются сегодня попасть на прием к Илизарову. На этой неделе девочка была в Москве, а с сегодняшнего дня будет здесь.

Сегодня во второй половине дня в большом зале состоялись лекции. Лекция Поповой называлась “Учеными не рождаются, учеными становятся”. Лекцию под названием “В научных книгах никогда не бывает конечной границы” прочитал Дьякин. Как жаль, что я недостаточно хорошо знаю русский язык и не вполне поняла, о чем шла речь!

Я поспешила домой, чтобы закончить и заново переписать письмо доктору Карою Эке. Вот несколько отрывков из него:

“Я рада, что лед тронулся, и сюда, в Курган, приехала первая делегация венгерских врачей. Здесь всех принимают с радостью. Я думаю, что важно не то, кто более известный специалист, а то, кто больше и результативнее работает в интересах больных, ради здоровья людей.

Прожив здесь несколько месяцев, я поняла, что привлекает в Курган тех, кто ищет исцеления. Не только известность и большие знания Илизарова, но и та задушевная, семейная атмосфера, которая сложилась среди находящихся в больнице пациентов, живущих здесь родственников, и работников больницы. Поначалу поведение врачей казалось мне странным. Они не сдержанны и неприступны, а непосредственны и терпеливы, с большой любовью обращаются с детьми, иногда играют с ними, например, во врача, меняясь с ними ролями. Маленькие временные врачи понарошку осматривают дядю или тетю доктора, берут у них кровь, делают им уколы. Они разыгрывают то, что, к сожалению, им приходится переносить в действительности. Врачи больницы берут на руки и утешают плачущих детей. Я много раз видела, как моя дочь играет на коленях у своего лечащего врача, Сергея Васильевича. Такое обращение с пациентами снимает страх, усиливает доверие, способствует излечению. Вы не видели этого, это можно заметить только живя здесь, среди них.

На основании межгосударственного договора по вопросам здравоохранения расходы по лечению за границей оплачивает венгерское государство. Спасибо ему за это. О своем питании и жилье я забочусь сама.

Илизаров начал лечение аппаратом в 1950-х гг. Его аппарат стал революционным новшеством в ортопедии. В мастерской при больнице они производятся в разных размерах. Во время операции в случае необходимости можно, как в детском конструкторе, смонтировать различные конструкции. В основе аппарата лежит

этот простой принцип. И все же с его помощью можно достичь замечательных результатов, решать сложные медицинские проблемы. Я видела, как здесь лечат разные болезни: врожденные и приобретенные укорочения конечностей, паралич, укорочения после перелома, искривления костей различных размеров и формы, косяпость, вывихи бедра у детей и взрослых, вывернутые, деформированные суставы колена, щиколотки и локтя. Здесь приводят в порядок плохо вылеченных больных, перенесших операции, с помощью продолжительного лечения исцеляют длительное воспаление костного мозга. Рост малорослых людей увеличивают путем растяжения костей голени и бедра. Из рудиментарных пальцев формируют здоровые пальцы рук. Ведутся эксперименты по замене отсутствующей стопы с использованием костей голени. По мнению пациентов, аппарат Илизарова лучше гипса, с ним можно двигаться, а конечности хорошо проветриваются. Уже много людей вылечились с помощью этого аппарата. День за днем продолжается паломничество ищущих исцеления больных. Сюда приезжают пациенты со всех уголков мира: из Италии, Исландии, Кубы, Монголии и т. д. Есть и много венгров. Знаю, что здесь тоже не происходит чудес. Но если имеется хотя бы маленькая кость, то здешние врачи уже могут что-то предпринять. Чудес не случается, но рождаются чудесные достижения в области медицины.

Зная Илизарова, видя обращенные к нему доверие и любовь людей, их веру в исцеление, наблюдая, как он лечит своих пациентов, я порой думаю, что в этом неутомимом, всемирно известном враче есть нечто подобное магической силе древних шаманов”.

Я описала Марикины проблемы, обстоятельства нашей поездки в Курган и наши надежды на исцеление. Все это заняло двенадцать страниц, на чтение которых требуется тринадцать минут. Интересно, что и сколько будет передано по радио. Я послала Петеру копию письма, чтобы он смог сравнить его с тем, что прозвучит по радио.

31 октября

Утром у моей красавицы было плохое настроение, она не выспалась. Я искупала ее, помыла ей голову, немножко пощекотала, чтобы развеселить ее, и Марика постепенно пришла в себя. Она гладила обеими руками мое лицо, руку, чтобы я чувствовала, как сильно она меня любит. Я неотрывно смотрела на нее, и мое сердце наполнилось приятным чувством, что она моя дочь.

– Почему ты так рассматриваешь меня?

– Я люблюсь тобой, радуюсь, что ты такая красивая и хорошая девочка.

– И я люблюсь тобой, – повторила Марика понравившееся ей слово, – потому что ты хорошая.

Мои глаза наполнились слезами. Мне было приятно, что она гладит мои волосы. Мы прогулялись по коридору, вышли на балкон, смотрели следы птичек на снегу. Затем я проводила Марику на лечебную гимнастику.

Ко мне в общежитие на обед пришла Таня Бородина. Я научила ее готовить мясо в сухарях, потому что оно понравилось Катюше, когда я дала ей попробовать, и с тех пор она все время просит “мясо Майики”.

Мы разговаривали с Таней о том, что применение аппарата Илизарова для ног разработано хорошо, а его применение для рук еще нуждается в улучшении. У каждого больного свои проблемы, нужно много экспериментировать. Молодые, недавно окончившие институт врачи выбирают для себя отдельные области применения аппарата, разрабатывают методику лечения, публикуют научные работы в медицинских журналах. У них достаточно работы, только успевай делать. Скоро откроется новая больница, наступят крупные перемены.

1 ноября

Сегодня день всех святых, завтра будет день памяти усопших. Я подумала о родителях. Хочу передать им на тот свет, что у нас все хорошо. Видите, мама, как вы и предсказывали, я теперь могу прожить даже на льдине, в прямом значении этого слова. Я с благодарностью и любовью думаю о родителях, они дали мне все, что мне понадобилось в жизни: на собственном примере, строгими методами воспитали во мне трудолюбие и усердие.

Снова сделали рентгеновский снимок Марикиной ноги. Вероятно, коррекция стопы, подкручивание аппарата будет закончена.

Вечером я разговаривала с Жанной, мамой Ренаты. Они живут не в Москве, а в близлежащем академическом городке, Жанна и ее муж – физики, кандидаты наук, оба работают в научно-исследовательском институте. У Жанны, как и у многих других находящихся здесь женщин, нет больше детей, потому что с этим единственным, больным ребенком приходится часто ездить в больницу. В первый раз они были здесь в 1975 г., потом в 77-м и 80-м. Тогда Рената заболела желтухой и долгое время лежала в санатории. Жанна сказала, что, увидев меня, она вспомнила себя в свой первый приезд в Курган, Ренате, как сейчас Марике, было тогда четыре года.

Мы вместе отправились домой. Стало очень холодно, зима суровее.

2 ноября

Закончив утренний уход за детьми и поговорив с врачом, венгерские мамы собрались и направились в центр города за покупками. Вчетвером мы потратили бы

очень много времени, поэтому разделились на пары. Тетя Маргит попросила меня пойти с ней, потому что она не знает ни города, ни русского языка, скоро вместе со внуком уедет домой и хотела бы, чтобы я помогла ей купить подарки. Мы зашли в ювелирный магазин и залюбовались множеством колец с агатами, рубинами, изумрудами, бирюзой, золотыми цепочками и другими драгоценностями. В Венгрии редко можно видеть такую красоту. Очень много индийских и китайских ваз и декоративных предметов. Ослепительное изобилие ценностей. В магазине подарков мы купили куклу-эскимоса, а также тарелку, ложку и поднос с хохломской росписью.

Вечером пришлось отвести Марику к Илизарову. Сергей Васильевич достал подшивку рентгеновских снимков. Вдвоем они поворачивали ногу ребенка, потом профессор начал подкручивать аппарат. Они сменили связывающие кольца стержни, сдвинули спицы. Марика страшно плакала, ей было больно. Сопя, она сварливо сказала сквозь слезы Илизарову:

- Я вас не люблю.
- Потом полюбишь, когда подрастешь, – ответил, смеясь, Гавриил Абрамович.
- А этого врача ты любишь? – лукаво спросил он, указав на Сергея Васильевича.
- Да, – кивнула Марика.
- Умная девочка, все понимает, – объявил профессор.

После десяти я отправилась пешком по холоду в общежитие. Там меня ждали письма от Петера и моих учениц.

3 ноября

На рассвете в окно проник лунный свет и вломился утренний холод. Наступила настоящая зима, снег уже не таял даже днем. Я заклеила окно и форточку, которую буду открывать только когда понадобится достать с улицы какую-нибудь еду.

Беда никогда не приходит одна. Мой холодильник уже несколько дней барахлил, недостаточно морозил, тихо гудел. Часть мяса я повесила на хранение за форточкой, а остальные продукты, фрукты, молочные изделия, отнесла к Гале и Раисе Симоновне. Вечером нужно будет позвонить Борису, чтобы он отвез холодильник в мастерскую.

В последнее время я печалюсь и из-за Марики. Она опять плохо ест, редко спит после обеда, психически устала, ее изнурила боль. Сейчас у нее небольшой насморк, вчера она простудилась внизу, на первом этаже, пока мы ждали своей очереди. Сегодня увезли на операцию Ренату и Павлину. Рената уже знала, что ее ожидает. Ее не будут усыплять, ей нельзя дать наркоз из-за желтухи. Нелегко будет вынести боль, которую ей предстоит испытать. Павлинка очень боялась, я подбадривала ее, повторяя, что все будет в порядке, Марика тоже выдержала все это. Во второй половине дня девочка сильно плакала, когда ее привезли из операционной.

Я поглаживала, успокаивала ее, пока не пришла ее бабушка. Марика тоже сочувственно обнадеживала ее:

- Павлинка, только неделю будет очень больно, а потом пройдет.

Жанна со слезами на глазах сидела на краю кровати своей дочери и целовала малюсенькую стопу девочки, которая была ростом не меньше своей мамы.

– Марика, – сказала она, – вот увидишь, чем больше ты страдаешь из-за Марики, ради нее, тем сильнее будешь ее любить.

Уходя, я навестила Кароя Ч., его прооперировали, он лежит на первом этаже. Здесь же и Янош, который ходит на лечебную гимнастику.

4 ноября

Полная луна сияла холодным светом. Я рано проснулась. Когда я пришла в больницу, было еще темно.

Марика радостно встретила, расцеловала меня и обняла за шею.

– Я очень люблю тебя, просто умерла бы без тебя.

– Откуда она берет такие слова? – подумала я про себя.

Доктор Анна Майоровна пришла посмотреть на Ренату. В течение нескольких лет она была ее лечащим врачом. Анна Майоровна ласково причесывала, заплетала необычайно густые волосы девочки. Сергей Васильевич пожалел, что у Марики в косичках нет бантиков, и сказал, чтобы я поила дочку теплым молоком, потому что у нее насморк.

В общежитии мне удалось достать небольшой холодильник, я взяла его напрокат у Галины Николаевны. В сломавшийся я положила посуду, по крайней мере она не будет занимать место на столе. Потом опять стирка, уборка, готовка.

Марика по частям съела еду и смеялась над тем, что мне ничего не осталось. Я притворилась, что рассердилась и расстроилась, хотя на самом деле была очень рада, что дочка хорошо покушала. Мы вышли в коридор поиграть в прятки, Марика играла с наслаждением. Потом мы посмотрели густой снегопад. При виде снега Марике захотелось выйти на двор и слепить снеговика. Вот только этого сейчас и не хватало!

5 ноября

Зима, зима, зима, скользкие дороги, нужно быть осторожным, а то не успеешь оглянуться, как уже упала.

В нашей палате идут большие сборы, маленькая Маргарита готовится к отъезду домой, в Милан.

Марикин аппарат на стопе нужно еще подкручивать с внешней стороны.

Из Секешфехервара приехала бабушка, тетя Ленке, с внуком, Пишти Т., мальчиком лет семи со светлыми волосами и лукавыми карими глазами. Когда он подрастет, из него получится большой сердцеед. Вечером профессор уже осмотрел ребенка и пообещал положить его в больницу на следующей неделе, а пока нужно сделать необходимые анализы. Тетя Ленке попросила меня помочь. Я с готовностью согласилась, вызвала такси, чтобы бабушка со внуком съездили в милицию зарегистрироваться. Я показала им, где находится поликлиника, где нужно записаться на анализы. Потом я навестила Магди, Кароя, Яноша и спросила их, что им принести из магазина и с рынка.

Я простудилась, все мышцы в судороге, болит голова. Единственное лекарство – горячий чай.

7 ноября

От вчерашнего дождя со снегом дорога превратилась в ледяное зеркало. Везде скользко, нужно ходить осторожно. Только бы выпало немного снега, чтобы легче было ходить! Температура 15 градусов мороза.

Понадобилось достаточно много времени, чтобы доехать до больницы. Сегодня идет подготовка к трехдневному государственному празднику.

Праздник остается праздником даже в мороз. Для местных жителей это и не мороз, к тому же замечательно, ярко светило солнце. Работники больницы собрались, держа в руках красные бумажные цветы, флаги и шелковые ленты, и поехали на автобусе на демонстрацию. Местный транспорт ходил только до железнодорожного моста, до улицы Некрасова, даже такси не заезжали на внутренние улицы города.

Я попрощалась с Марикой, сказала ей, что мне нужно зайти к Борису, я вернусь во второй половине дня, а весь завтрашний день проведу с ней. По моей просьбе Жанна присматривает за ней.

Борис со своей семьей пригласили меня на праздничный обед. Я оценила ситуацию, доехала от больницы до железнодорожного моста, оттуда мне надо было пройти пешком по Пролетарской улице до рынка, а потом по улице Куйбышева до улицы Климова. На железнодорожном мосту я встретила главную медсестру Надежду Ивановну и Любовь Ивановну, которые подошли ко мне в веселом настроении, остановили меня, вынули из внутреннего кармана согревающий душу напиток и не давали мне идти дальше, пока я не глотнула из их плоской бутылки. Я напрасно отговаривалась тем, что водка ударит мне в голову, пришлось уступить. – Ну, давай, только чуть-чуть! – Водка пришлась кстати, действительно согрела меня. От моста я шла пешком еще час, пока не подошла к дому, где жили Борис и его семья.

Мы с Борисом посмотрели трансляцию из Москвы, военный парад на Красной площади. Видели, как болен Брежнев, который едва держался на ногах на трибуне

и вдыхал воздух открытым ртом. Зачем нужно было выставлять там этого большого старика?

Мы разговаривали о гонке вооружений, о войне, об Илизарове, о Мальцеве и о Марике.

Софья приготовила вкусный обед, упаковала небольшой пакет еды и для Марики. Борис вызвал машину. Во второй половине дня вся семья, все четверо, поехали со мной в больницу навестить мою дочку. Марика удивилась и обрадовалась неожиданным гостям. Сначала Борис, а потом Софья взяли ее на руки, мы уселись в холле, в конце коридора. Иночка привезла Марике игрушку, катающуюся собачку с вращающимися глазами, которая имела большой успех. Регина моментально освоилась среди больных детей и с интересом следила за всем и за всеми, готовясь к своей будущей профессии. Я надела на нее свой сменный белый халат, чтобы она могло войти в палату и посмотреть на двух недавно прооперированных девочек.

Марика опять задрала нос и едва попробовала вкусную еду, которую ей принесли.

Вечером в общежитии я смотрела телевизор, повторяли церемонию открытия московской олимпиады. В свое время я не видела ее. Потом меня позвала к себе женщина из 34-й комнаты и угостила вкусными грибами и венгерским вином. Она достала фотографии и рассказала, что работала на стройке в Усть-Илимске, в районе Байкала, где бывал мороз до 50 градусов. Там она познакомилась с венгерским молодым человеком, который жил в Тагабанье. Его звали Ференц Фаркаш. Я сказала, что его будет невозможно найти, у нас очень многие носят это имя. Женщина сообщила, что скоро они с мужем съедут из общежития, потому что муж получил на работе квартиру.

Так прошел день большого праздника.

8 ноября

Сегодня выходной день, с утра до вечера я, как и обещала, провела его с Марикой. Мы разговаривали втроем с Жанной и бабушкой Павлины. Бабушка думала, что получит от государства деньги за то, что ухаживает здесь за внучкой. Она жаловалась на больничное снабжение, на холод, ее все очень утомляет. Мы с Жанной попробовали успокоить ее, сказав, что здесь всем тяжело.

Мы с Марикой погуляли по коридору, а потом сели рисовать. Я вязала, а Марика пела, держа вязальную спицу как микрофон. Шура со смехом смотрела на нее, потом захлопала и наградила маленькую “певицу” щербетом, турецкой сладостью с орехами, по вкусу напоминающей карамель и похожей на венгерский картофельный сахар. Щербет сделала сама Шура. До сих пор я встречалась с ним только в балладе Яноша Араня (“Два оруженосца Сонди”), а теперь видела и в действительности.

Вечером Илизаров провел осмотр в детском отделении. – Марикина нога в порядке, – сказал он, – аппарат больше не надо подкручивать.

Жанна уже не раз видела, как плохо кушает моя дочь, и как сильно я устаю от нее. Она взяла у меня тарелку и ложку и с широко раскрытыми глазами и сложенным в трубочку ртом, дурачась, начала рассказывать Марике сказку “Кот в сапогах”. Моя дочка, замерев от удивления, слушала, глотая тем временем незаметно вкладываемую ей в рот еду. Это было большое актерское достижение.

10 ноября

Звезды светили холодным светом. Мне вспомнились стихи Аттилы Йожефа “Зимняя ночь” и сцена у эскимосов из “Трагедии человека”. Как часто я дрожала от холода в своей жизни! Нетопленная съемная комната в Циганде, холодная кухня на улице 6-го октября и эта ужасная зима здесь! А будет и еще холоднее. Как переносили холод древние венгры в палатках на берегу Тобола? По радио сказали, что температура воздуха минус 17 градусов, дует ветер. Ветер – мой исконный враг.

Мне вспомнились Михай Вац и его мать, ухаживавшая за сыном в дребенценовской больнице в нетопленной палате без окон в декабре 45-го года. Их пример дал мне силы, я тоже должна выдержать все это. Я вспомнила слова из адресованного мне письма поэта: “Усилия которые вы прилагаете, чтобы, несмотря на обстоятельства, держаться, как подобает человеку, вызывают умиление и уважение. Поздравляю вас с тем, что вы выдерживаете все это и хотел бы попросить вас не прекращать этого и впредь”. А ведь тогда обстоятельства не были столь тяжелы. Я все выдерживаю и здесь. Выдержка по-настоящему понадобилась мне именно теперь.

Сергей Васильевич был сегодня очень любезен, спросил, как я себя чувствую. Я удивилась и переспросила: Я? – Да – Хорошо. Приятно видеть его радость, он ждет не дожидается рождения ребенка. Сергей Васильевич шепнул нам, что до первого декабря снова будет работать в поликлинике, но иногда будет приходить к нам и не останется там навсегда. Пока его будет заменять Алексей Алексеевич Чипизубов, он будет нашим врачом. Пока мы разговаривали, Марика, весело напевая, обошла нас кругом, шалила и получила докторский щелчок по голове. Потом мы отправились на лечебную гимнастику.

Во второй половине дня дочка встретила меня новостью, что тетя Татьяна прислала в палату югославского мальчика, который забрал ее костыли, теперь придется ходить без них.

По дороге домой и рассматривала звезды на небе. Нашла Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду и Плеяды.

11 ноября

К утру стало пасмурно, шел снег, разносимый ветром. Я основательно закутала живот и лицо. Нечего делать, нужно идти, Марика ждет, подбадривала я себя.

В первой половине дня мы с Жанной посмотрели новую больницу. Внутреннее, центральное ядро здания представляло собой равносторонний треугольник, план всего здания напоминал снежинку. В большом внутреннем дворе первого этажа будет фонтан с растениями и скамейками рядом с ним. От остриев треугольного щита на четырех этажах в трех направлениях разбегаются коридоры, которые примерно через 10-12 метров разветвляются надвое, образуя букву Y. В разветвлениях находятся палаты для больных, а в ведущих к ним частях коридора – врачебные комнаты, перевязочная, столовая, учебные аудитории, склады, гостиная. Крылья здания расположены таким образом, чтобы окна палат выходили на восток или на запад, таким образом, больных не потревожит ни холодный северный ветер зимой, ни сильный южный солнечный свет летом. На сторонах треугольника, на первом этаже, в северо-восточном направлении, вблизи главного входа находится большой конференц-зал, на южной стороне – самый крупный гимнастический зал с кабинками для индивидуальных занятий, а на западной – бассейн с разными вспомогательными помещениями, например, с кабинками для массажа.

В коридоре гимнастического блока можно осмотреть небольшой больничный музей с выставкой, рассказывающей о совершенствовании и истории применения аппарата. На пятом этаже расположены операционные с рядом расположенных друг за другом окон, которые по вечерам светятся, напоминая нить жемчуга. На шестом этаже находятся комнаты для рентгена, на седьмом – медицинское оборудование, приборы, техническое снаряжение. По коридору, тянущемуся под первым этажом, можно обойти все здание.

Борис очень гордится больницей, он с сотрудниками проектировал и строил ее. Скоро она будет сдана в эксплуатацию и в нее вселятся медицинские работники и больные.

Медсестра Анна Фазиловна провела нас по лабиринту помещений уже знакомого нам огромного здания. Уже несколько недель моют окна, оборудуют палаты и комнаты врачей. Новые палаты будут красивые, в них будет по три-четыре места, балконы, туалеты.

Как только мы выбрались на улицу, сбоку ударил резкий северный ветер, бросивший нам в лицо и глаза снежную пыль. Жанна пришла ко мне в общежитие в гости. Мы согревали окоченевшие пальцы на стакане с кофе. Жанна рассказала о своем первом приезде в Курган, потом речь зашла об Илизарове. Я на минуту задумалась о том, что его мечта, больница, о которой он мечтал с молодости, осуществилась, когда он уже достиг шестидесятилетнего возраста. Она виделась ему именно такой большой, красивой, импозантной. Какой мучительный путь вел к этой мечте! Об этом рассказала Жанна. О пятидесятых годах, когда он тратил все де-

нги, заработанные им, молодым врачом, на “железки”. Он работал с незгибаемой волей, питаюсь картошкой и хлебом, желая убедить людей в том, во что верил он сам, хотя сомневающиеся находились даже в его ближайшем окружении. Он делал все возможное, чтобы его открытие положило начало новой эпохе в истории ортопедии. Он необычайно много трудился для этого.

Мы с Жанной приготовили еду для детей и отправились обратно в больницу.

Марика встретила меня заявлением, что сегодня нельзя смеяться. В ответ на мой вопросительный взгляд и вопросительные слова она подвела меня к стоявшему в коридоре столу дежурной. Над столом на стене висел портрет Брежнева в черно-красной рамке. 7 ноября он еще стоял на Красной площади, и по нему было видно, что он очень болен. Люди растроганно ходили по больнице, в коридоре царилла какая-то необычная тишина, даже дети не шалили, как обычно. Все с напряженным вниманием слушали передаваемые по телевидению сообщения, ожидая, когда же объявят об извещениях в высшем руководстве.

12 ноября

В утренних передачах московского радио долго перечисляли заслуги Леонида Ильича Брежнева в борьбе за мир, которую он неустанно вел с 1964 г. На общественных зданиях повсюду висели красные флаги с черной каймой.

Жанна тоже выслушала некролог и отправилась из больницы домой лечить свою простуду. Я поспешила на рынок и находившийся неподалеку от него магазин оптики, где хотела отдать склеить оправу своих очков, но в магазине не взялись за эту работу. Оправа лопнула на морозе, и я боялась, что из нее выпадет линза. Когда я вернулась в больницу, Сергей Васильевич обещал мне попробовать починить очки.

Мы с Марикой практиковались в ходьбе по коридору. Беда была в том, что Марика выворачивает стопу, не следит как следует за своими шагами. Мне непрестанно приходилось смотреть, как она ставит ногу при ходьбе. Потом мы играли в школу. Естественно, Марика была учительницей, а я – ученицей. Три девочки из ее палаты ходят в первый класс, и теперь они чаще всего играют в школу.

В половине седьмого вечера мы посмотрели по телевизору прощание с телом Брежнева. Сероватое лицо среди моря цветов. Множество людей со всех краев огромной страны собрались, чтобы почтить память покойного руководителя. Затем были обнародованы персональные перемены в руководстве страны.

Вечером Таня привела Катюшу на лечебную гимнастику, мы с Марикой тоже пошли в гимнастический зал. Две девочки, нежно обнимавшие друг друга, смотрелись очень мило.

Я получила письмо от свекрови, которая сообщила, что Петеру не выдают пособие на детей даже по высланной мною доверенности, нужно официально засвидетельствовать, что мы находимся на лечении в Кургане. В Венгрии тоже никак не

обойтись без бюрократической волокиты. Правило есть правило! Завтра я попрошу у главврача справку о том, что мы находимся здесь.

13 ноября

Закончив утренние дела, мы с Терчи обошли прилегавшие к больнице улицы в поисках комнаты для недавно прибывших соотечественников. Они жили в ужасных условиях у пожилой тети в деревянном домике рядом с Черным ручьем. Я даже не решаюсь описать их жилье. Нечто подобное я видела в Бодрогкёзе на берегу Тисы. Нам удалось отыскать сдававшуюся комнату в одном из бетонных корпусов рядом с “Сибирью”. Но мы напрасно искали соотечественников у ручья, чтобы сообщить им хорошую новость, они уехали в город. Потом найдем их в больнице.

В общежитии я сварила голубцы. По дороге в больницу я постучала в окно родильного дома и передала немного голубцов Раисе, которая любит их. Она сказала, что ждать уже недолго, долгожданный ребенок может родиться в любой момент.

Вечером Илизаров заглянул в больницу и поднялся в детское отделение. Он сегодня приехал из Москвы, хотя мы думали, что он останется в столице на похороны Брежнева. Когда Илизаров появился в коридоре, его с благодарностью и любовью окружили мамы и дети. Наверняка приятно жить в таком океане любви. Профессор осматривал, расспрашивал своих маленьких пациентов. Потом его неожиданно позвали в кабинет к телефону, и он немедленно ушел. Мы гадали, что произошло.

14 ноября

Утром по больнице с быстротой огня пронеслась новость, что вчера вечером в возрасте 95 лет умерла мать Илизарова. Она жила здесь, в Кургане.

А на кухне общежития женщины разговаривали о том, что вчера вечером у Раисы Симоновны родилась дочь. Одна женщина ушла из жизни, а другая, – еще младенец, но когда-то и она станет женщиной, – появилась на свет. Таков закон жизни. О, как я жду их приезда! У меня в руках снова будет маленький ребенок.

Сегодня ко мне в гости пришла Таня. Готов ее огромный воротник, очень красивый, прекрасная рыжая лисица.

Марика была очень мила. Она по-прежнему думает, что Дед Мороз заглядывает в окно, и если она не будет кушать, он не принесет ей подарков. Она вопросительно посмотрела на Жанну, правда ли то, что я сказала. Жанна, хорошо все понимая, кивнула, побуждая девочку продолжать кушать.

Потом мы вышли в коридор перед столовой поговорить с венгерскими мамами и детьми. Мы с Терчи посмеялись над чем-то. В Марику вселился бес ревности и она, надувшись, сказала:

– Ты всем улыбаешься, кроме меня!

– О, да что ты, ведь до сих пор я улыбалась только тебе, играла только с тобой!

Не будь такой эгоисткой!

Моника с отцом приехали на контрольное обследование. Мы радостно встретили их. Они привезли здешним детям венгерский шоколад. Мы слушали венгерские новости.

15 ноября

Сегодня плохая, туманная погода, но, по крайней мере, грязь уже замерзла, не придется ее месить по дороге.

Илизаров не приходил в больницу, сегодня похоронили его мать. Около здания мы мельком видели нескольких похожих на него мужчин, женщины сказали, что это его братья.

Брежнева тоже похоронили сегодня. С половины первого до трех по курганскому времени мы с Жанной смотрели трансляцию из Москвы.

16 ноября

Вчера был грустный день, тем веселее день сегодняшний. Вчера все в больнице были в печали, сегодня все веселятся. Сегодня Сергей Васильевич пришел на работу, улыбаясь шире обычного. Мгновенно распространилась новость, что вчера его жена родила трехкилограммовую девочку. Мы все, мамы и дети из первой палаты, поздравили его, даже моя маленькая дочка, которую он на радостях подхватил на руки. Нина из Армении собрала деньги и вместе с Жанной пошла покупать детские вещи для новорожденной.

Весь день я провела в больнице. Мне не хотелось идти домой пешком по холоду. Мы с дочкой много гуляли и играли в коридоре. Марике не надоедает играть в прятки, она громко хохочет, когда находит меня. Врач по-прежнему подкручивает ей аппарат на стопе, подошва ноги уже располагается под углом в двадцать градусов по отношению к земле. Внешний край стопы находится ниже. Это так называемый запас, который нужен, чтобы компенсировать погрешность роста, причиняемую неправильной ходьбой. Так объяснил мне Сергей Васильевич. Как много всего им приходится принимать во внимание!

17 ноября

Марика опять плохо кушает. Теперь уже не из-за боли, а в первую очередь потому, что ее психически выматывает больничная обстановка. Но что же делать? Нужно терпеть, нам необходимо быть здесь.

Ко мне в общежитие пришла Жанна. Ей не дает покоя болтовня ее хозяйки, у нее гудит голова, ей хотелось тишины. По дороге из больницы домой мы купили в “Сибири” бананы, ждали целый час, пока подошла наша очередь. Сегодня все дети будут есть бананы, их купили многие мамы.

Мы тащили домой сумку с пустыми бутылками, термосами и бананами, а в другой сумке несли грязное белье. Я чувствовала, как тяжесть сумки оттягивает мне руку и плечо, дорога была скользкая, а автобусная остановка – далеко, ждать автобуса в сторону общежития не имело смысла, они ходят редко.

Жанна рассказала мне об обстоятельствах рождения Ренаты, о том, как она впала в отчаяние, увидев младенца с больными ногами. Никто не мог объяснить, в чем причина, почему ребенок родился с таким недостатком. Жанна была молода, постоянно плакала и не могла кормить младенца грудью. Поначалу за девочкой ухаживали мать и муж Жанны. Потом Рената заболела, и у молодой мамы проснулась совесть. После этого она стала терпеливее заниматься своей дочкой, сильно полюбила ее и готова сделать для нее все, что можно. Их много раз обследовали, выяснилось, что проблема имеет не генетическое происхождение. Жанна рассказала, как добродушный сапожник-ортопед, единственный в огромной Москве, изготовил для Ренаты обувь, и поведала о своем визите к известному ортопеду доктору Волкову, который собирался ампутировать Ренате стопу и настаивал на том, что ей следует носить ортопедическую обувь. Когда Жанна упомянула ему имя Илизарова, доктор захлопнул перед ней дверь и обозвал дурой. Она перечислила, при каких обстоятельствах и с чьей помощью им с дочерью удалось попасть в Курган к Илизарову. Профессор пригласил их и рассказал о своем детстве. Тогда, в 1975 г., они провели здесь восемь месяцев, за которые голень Ренаты удалось растянуть на четыре сантиметра. Жанна вызвалась делать в больнице уборку, чтобы быть вместе с дочкой, так как в то время еще действовали строгие правила. Матерям не разрешалось входить в отделение и кормить детей, дети ужасно худели и психически страдали без материнской заботы.

Я вспомнила, что писал Андраш Шютё о римском императоре Фридрихе II, который запретил нянькам и кормилицам разговаривать с младенцами.

“Все дети умирали во младенчестве, – цитирует Андраш Шютё слова Салимбене, пармского хрониста XIII в. – Ведь они не могли жить без шлепков, поглаживаний, улыбок и ласк своих нянек и кормилиц”.

Здесь тоже чуть не началось нечто подобное. С тех пор матерям разрешается посещать отделение и ухаживать за своими детьми. К тому же нянечкам и медсест-

рам очень трудно обеспечить снабжение такого количества больных детей. Это очень тяжелая работа.

Мы пришли в общежитие. Разговор продолжался за жидким кофе и готовкойпельменей.

– Мои родители были инженерами. У меня есть старший брат, он преподаватель университета в Новосибирске. Во время войны мы были еще маленькие. С Украины нас эвакуировали в Пермскую область, мой отец воевал на фронте. Мы жили на Урале вчетвером, с мамой и бабушкой, и все были больны. Я и брат каждый день получали по кружке пшенной каши, желтой, которую ты тоже любишь, Марика. И по чашке молока. Это была вся наша дневная еда. Мама с бабушкой получали хлеб и картошку, так мы жили годами. Многие умерли от голода и холода, я даже не знаю, как нам удалось выжить. После войны мы переехали в Москву, отец вернулся домой, родители работали, а мы учились. Смотри, какая я была красивая девушка! – показала она старую фотографию. – Наивная, оптимистичная, мечтательная. В университетские годы я вышла замуж за Мишу. Его родители жили на Камчатке, были рыбаками, простыми бедными людьми. Когда Миша окончил десять классов, они дали ему сто рублей и отправили в Москву учиться, попытаться счастья. Как в сказке. С тех пор он не был дома, только приезжал за матерью после смерти отца. Мать никак не смогла привыкнуть к городской жизни, жила с нами, а вскоре умерла и она. Когда я защищала кандидатскую диссертацию, появилась моя Большая Любовь, старый возлюбленный с огромным букетом цветов. Миша стал ревновать. А потом, Марика, все прошло. В последний раз я видела его три года назад. Он руководит научно-исследовательским институтом в Риге. Я не могла мечтать о нем. Для меня важнее всего Рената. А ее никто не любит так, как Миша. Если бы ты видела, как терпеливо он учит ее английскому языку! В такие минуты я чувствую, что тихая любовь стоит больше большой и недостижимой любви. Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – завершила Жанна пословицей свои воспоминания.

“В тебе сначала я заметил человека, потом судьбу, свою судьбу”⁵³, – промелькнула во мне строчка из стихотворения Габора Гараи. Мы жили в нескольких тысячах километров друг от друга, ничего не зная о том, насколько похожие впечатления выпали нам в нашей жизни. Нам довелось встретиться здесь. У нас общая судьба, общая боль и радость, общие заботы. Мы обе были наивными, красивыми девушками и превратились в надломленных судьбой женщин.

– Марика, ты знаешь, что значит слово “мука”?

– Знаю, вот это, – показала я на муку на столе.

– Это мука. А я сказала мука.

– Ударение стоит в разных местах, в одном слове в начале, а в другом в конце.

– Да-да. Мука, страдание, пытка, терзание, – показала она в словаре, – это наша жизнь в Кургане.

Я месила тесто для пельменей, Жанна три раза прокрутила мясо через мясорубку, две трети говядины, одна треть свинины. К мясу добавляются соль, тертый лук и немного молока. Из теста я сделала колбасу, разрешила ее на небольшие кружочки, расплющила их до размеров детской ладошки, положила в середину каждого из них по чайной ложке фарша, соединила и закрепила края кружочков, получив заготовки в форме полукружия (уха). Это и есть пельмени. Слепив друг с другом два конца пельменей, получаем круг. Это бабушкин платок. Несколько кружочков мы начинили подслащенным творогом и вишнями. Потом сварили тесто с начинкой в кастрюле. Пельмени с мясом мы ели с помидорами или сметаной, сладкие посыпали сахарной пудрой. Детям понравилось. Марика уничтожила шесть пельмешек с мясом, две с творогом и одну с вишнями, Рената – все с творогом, а мы – остальные. Закончив еду, мы переглянулись: наши старания не пропали даром.

Вечером по дороге домой пришла моя очередь рассказать историю своей жизни. Когда мы прощались друг с другом, Жанна сказала:

– Марика, у тебя такая же большая душа, как у русских людей. Я увидела это в тебе в первый же день.

Умение Жанны разбираться в людях заставило меня задуматься. Не все обладают этой способностью. С ней нужно родиться. Как Толстой, Мориц или Роден. Это талант. Если он сочетается со способностями к письму или изобразительному искусству, то возникают шедевры культуры.

Вечером муж Раисы Симоновны рассказал, что их дочь родилась с помощью кесарева сечения. У Раисы началось воспаление, ее нельзя навещать, они вернутся домой нескоро. Я попросила Женю передать ей, что я с любовью думаю о ней и очень жду ее вместе с ребенком.

Лежа в постели, я думала о Жанне, о наших похожих судьбах и о Большой Любви в моей жизни. О Большой Рыбе, с которой я боролась как боролся со своей рыбой Сантьяго Хемингуэя. С ней, за нее. Хотела победить ее. “В любви не бывает победителей и побежденных”. Слова, его слова.

Время рождения любви – период ожидания, наполненный тайнами, вопросами, волшебством. Обнадеживающая, подбадривающая игра глаз и рук, бессловесный разговор глаз и рук, проникнутый тревогой за другого, преданностью, ожиданием чуда.

Ужасно угасание любви, сопровождающееся болью, вспышками страстей, безжалостными словесными ударами, грубостью, терзаниями и унижениями.

Когда-то он казался мне полубогом. В другой раз я думала, что он вырезан из огромного дуба резцом Серватиусов⁵⁴ и вызван к жизни чудесной божественной

⁵³ Неточная цитата из стихотворения Габора Гараи “Во веки веков”.

⁵⁴ Енё (1903–1983) и Тибор (1930–2018) Серватиусы – венгерские скульпторы, отец и сын.

искрой. С ним связывают меня все мои грехи, беды и это мучительное сознание вины. Как ужасен был последний год! Мне казалось, что я сойду с ума. Я беспрепятственно вспоминала Камиллу Клодель. Она тоже считала полубогом предмет своей любви, его бюст стал ее шедевром. Она отдала Родену свою молодость, лучшие годы своей красоты. А потом, став жертвой эмоциональной эксплуатации, душевно надломленная, претерпевшая личную трагедию, она оказалась в приюте для умалишенных. В Медоне, скрываясь то тут, то там, она с помраченным сознанием жаждала увидеть своего Учителя, Возлюбленного, свое Все. Бедная Камилла! Она была достойна лучшей судьбы.

Подобно колониальным народам, у которых белые богачи украли их сокровища, и которые в порыве отчаянного гнева восстают против грабителей, я тоже иногда чувствую бессильный гнев. Зачем я пондобилась? Зачем? Если это “было неважно”, то зачем вообще было нужно? Это жестоко, как “Прекрасный прощальный привет”.

Мне вспомнился первый вечер.

– Сегодня я сдала экзамен по лингвистике, – похвасталась я по-детски полученной пятеркой.

– И я тоже, по эстетике. Ты красивая.

Мне вспомнился и мой шуточный подарок, сделанный ему ко дню Св. Николая, в котором были “крылатая”, “быстропишущая” ручка, игрушечный попугай и насмешливый стишок. Какой милой, ребяческой была его радость при виде моей проказы! Счастье улетело. Если бы тогда... Да, тогда моя жизнь сложилась бы по-другому.

Настроение последнего года всплывает в памяти и сейчас. Это было мучительное время, когда мы сдавали друг другу экзамен на человечность. Я задумалась о нашей сентябрьской встрече. Как он изменился! Каким он стал эгоистичным, самодовольным и бесчувственным! Как убивает успех Человека в человеке!

Не Нехлюдов, нет. Это мне только казалось. “Я не имею к этому никакого отношения!”, – но куда же спрячешься от самого себя? От собственной совести, если от нее осталась хотя бы крупица?

Конец! Нужно забыть!

Как можно вычеркнуть из нашей жизни десять лет? Молодость, когда решается наша судьба? Мы тащим прошлое с собой вместе с его последствиями. Как жгало в размерах во мне тот, кого я некогда считала полубогом.

„Сын человеческий, приветствующий за руку вышних духов, погибнет от такого счастья”.⁵⁵

Я не погибла, но сильно натерпелась. Нет приюта для умалишенных, есть только Сибирь. Есть Петер и Марика. Они важны для меня.

⁵⁵ Цитата из романа Жигмонда Морица “Сад фей”.

Нужно спать и не думать о нем, никогда больше.

18 ноября

По утрам Марика все время капризничает, потому что не может как следует выспаться. Когда я уходила от нее, она сильно плакала. Здесь сейчас нет Сергея Васильевича. Врач, который его заменяет, не разрешил мне остаться с дочерью.

Мы с Жанной поспешили на рынок, а оттуда пошли в близлежащий музей. На втором этаже музея открылась новая выставка картин свердловских художников. В зале царил атмосфера уральских пейзажей. Было очень приятно отвлечься от каждодневной работы монотонных будней.

Марике сегодня перевязали ногу. Она целый вечер хныкала, я перепробовала все средства, чтобы успокоить ее: катала в кресле на колесиках, играла с ней в прятки, рассказывала сказки. Марика на время замолкала, а потом снова начинала плакать. Она устала психически. Ей нужно много и спокойно поспать. Я померила ей температуру, 37,4. Поэтому она и хныкает. Но в чем причина? Нет никаких признаков простуды. Или у нее что-то с ногой? Нет нашего врача, кто будет заниматься этим? Я успокаивала, покачивала дочку, и она уснула под чтение “Золушки”.

Вечером в общежитии не было воды, и я не могла ни стирать, ни мыть посуду.

20 ноября

Женщины на кухне сказали, что сегодня тоже не будет воды. Утром ее ненадолго пустили, и я смогла наполнить свои кастрюли.

У Марики прошла температура. Ванная была свободна, и я искупала дочь. Мы много играли в магазин, в ладунки, а потом я читала ей сказку о Вацкоре. Она попросила главу “День сказок в детском саду”. Она всегда вызывает у Марики такой хохот, что радостно видеть и слышать. Папа маленькой золотой рыбки бьет метлой щуку, госпожу Дуная и всех вод, чтобы она не обижала золотую рыбку.

Потом мы пошли к тете Татьяне на лечебную гимнастику. Там Марика и сын Татьяны перекачивали друг другу мяч ногой. Это очень понравилось дочке.

Жанна и сегодня провела день у меня. Мы разговаривали.

– Марика, ты еще по-настоящему не знаешь, что значит Курган. Ты еще молодая, сильная и здоровая. Курган – каторга для матерей.

– Это сказала Борису и главврач Грачева, – согласилась я. – Она действительно употребила слово “каторга”.

– Стояние в очередях, вечная работа, постоянная ходьба туда-сюда настолько изнашивает организм, что за год здесь стареешь на пять лет. Больничная обстановка действует на нервы, приходится смертельно волноваться за больного ребенка. Не-

возможно отдохнуть, все время хочется спать. Ты пока еще не чувствуешь этого, потому что ты включена как какой-нибудь прибор. Ты не можешь остановиться, нужно идти по делам, иногда по несколько раз в день. Курган похож на фронттовую службу. В конце валишься от усталости. Этому может поверить только тот, кто и сам живет здесь и делает все это. Дома даже представить не могут, как мы здесь живем. Однажды Миша был здесь с Ренатой. Он не выдержал больше трех месяцев. Вот увидишь, и у тебя на работе тоже не понравится, что ты проводишь время в Кургане. Ты отстанешь в своей профессии. Пока другие делают карьеру, ты готовишь еду больному ребенку и оберегаешь его покой. Поскольку ты не работаешь, тебе не повысят зарплату, не дадут премий и наград. А ведь деньги нужны и здесь, фрукты стоят очень дорого. У тебя нет возможности опубликовать научные работы, да даже просто углубиться в какую-нибудь тему, потому что проводишь дома один-два года, а потом – снова в Курган. Мы жертвуем собой ради больного ребенка в десять раз больше, чем другие ради здорового.

Я поражено слушала Жанну. Тогда я еще не знала, что действительно так все и будет. Что поощрение, которое я могла получить за проделанную мной работу, не дадут мне из-за того, что я уехала в Курган. Как будто я была виновата в том, что у меня больной ребенок, рядом с которым я должна быть матерью. Это тоже защита детей.

– Марика, – сказала Жанна, глубоко посмотрев мне в глаза, – нужно по крайней мере два года, чтобы отдохнуть от одногодичного лечения в Кургане. Чтобы подготовиться к следующему этапу. Иначе не выдержишь. У моей соседки есть двухлетняя дочка. Бывало, Наташа покупала апельсины и съедала их сама, а ребенку не давала. – Наташа, – спросила я, – почему ты не даешь Танечке?

– Танечке нужна здоровая мать, – последовал ответ. – Видишь, бывают и такие мамы. Ты несешь и даешь Марике самую вкусную еду, ловишь на лету все ее желания, а сама живешь на каше и на свекле. И я тоже. Марике и Ренате еще больше нужны здоровые мамы. Я уже восемь лет езжу в Курган. Такая же судьба жден и тебя, Марика. Послушай меня! Подготовься к этому! Я хочу помочь, чтобы тебе было легче! Потом увидишь, что из-за Марики у тебя никогда не будет покоя. Если ты отпустишь ее играть на улице, то все время будешь следить из окна, не упала ли она, не сломала ли ногу. Психологически ты постоянно будешь в состоянии готовности, зная, что в случае неожиданного происшествия тебе немедленно надо будет лететь в Курган. Когда будешь идти с Марикой по улице, она вдруг не сможет идти дальше, устанет или заболит нога, и ты возьмешь ее на руки, но не будет сил, и ты уже не сможешь ее тащить на себе. Нужна будет машина, нужны будут деньги, но их не будет, потому что ты годами не работала.

Пока я слушала Жанну, во мне крепло решение описать все это, как я смогу. Написать о нас, здешних мамах, о Гале, Нине, Шуре, Жанне, Мани, Марго, Эржи, о тете Ленке, о наших огромных усилиях, о боли и о слезах, детских и наших, потому что это другая, менее блестящая сторона медали. Илизаров лечит наших детей, и это цена результатов, успеха. Мы платим болью за чудо.

– Марика, – продолжала Жанна, – другого выхода нет. Во всем мире только Илизаров умеет это делать, вся надежда на него. Если бы я осталась в Москве, и Волков отрезал бы Ренате стопу... Даже подумать страшно. Илизаров растянет ей ногу, она сможет носить нормальную обувь. Я уже видела такую здоровую ногу после окончания лечения. И видела женщину, которая, ползая на коленях, целовала ботинки Илизарова за то, что он выпрямил кривые ноги ее сына. Я видела очень много возвращавшихся сюда признательных пациентов.

Мы начали переводить. Жанна достала статью о физике кристаллов из английского журнала, а я перевела для себя несколько страниц из “Воскресения”. Сегодня мы не пошли в магазин, а немного отдохнули. Затем готовили, собрали вещи и в четыре часа отправились с полными сумками к нашим детям.

Илизаров приходил в отделение, осмотрел детей и продолжил осмотр в своем кабинете.

21 ноября

Я прибыла в больницу к восьми, все дети еще спали, и мне было жалко будить их. Я ждала в коридоре, занявшись вязанием. Пришла и Жанна. Марика радостно встретила меня и съела приготовленную для нее яичницу. Мы погуляли, а потом Марика играла с Ренатой.

Мы с Жанной пошли на берег Тобола на воскресную барахолку. Там собралась толпа народа, продавали всякую всячину. Я уже слышала об этом базаре, мне было любопытно посмотреть на него. Лед Тобола и прибрежные деревья белели от снега, а на противоположном берегу чернела толпа суеящихся людей. Перейдя через мост, мы увидели на берегу на разложенных прямо на земле нейлоновых мешках шапки, сапоги, вязанные вещи, детскую одежду. На шеях мужчин висели связки лисьих шкур, блестящих, хорошо выделанных нутрий, серого и черного каракуля. Из них могли бы выйти шикарные шубы, конечно, если у кого-то есть на это деньги. Услышав цены, человек присвистывает от удивления. Лисьи шкурки белого, сероватого и серебристого цвета, которые здесь называют песцами, стоят по 200-350 рублей за штуку. А черный мех, чернубурка, – самый дорогой, его цена колеблется между 400 и 600 рублями. Она зависит от размера, цвета и качества меха. Мех молодых животных – короткошерстый и шелковистый, а двух-трехлетних – длинношерстный и блестящий. Но лишь немного лисиц держат до этого возраста, потому что их корм дорого стоит. У лисиц, которых кормят мясом и молоком, мех красивый, а у тех, кого кормят хлебом и рыбой – похуже. Что же касается нутрий, то здесь, наоборот, больше ценится мех не старых, а молодых животных с мягкой, шелковистой шерстью. Нутрии продавались по 40-60 рублей за штуку, а каракуль – по 70-80 рублей. Какие роскошные шубы делаются из этих мехов!

От моста базар растянулся больше чем на километр в обе стороны. По краям дороги стояли продавцы, а посередине толпились люди, в основном любопытствующие. Они задевали друг друга, сталкивались, нам едва удавалось двигаться вперед. Там, где дорога поворачивала буквой L, на стоящих длинным рядом машинах были разложены лисьи меха, на веревках висели снятые с животных шкурки, одна красивее другой. Я вспомнила стихотворение Евгения Евтушенко “Монолог голубого песка”:

*Я голубой на звероферме серой,
но, цветом обреченный на убой,
за непрогрызной проволочной сеткой
не утешаюсь тем, что голубой.*

Несколько дней назад в газетах появилась короткая новость, которая чувствительно затронула звероводов курганской области, занимающихся разведением пушных зверей. С первого января частным лицам запрещалось разводить пушных зверей и продавать меха. Этим и объясняется большой выбор на барахолке. Животных убивают одного за другим, выделяют шкурки и продают, потому что время поджимает. В седах, расположенных в окрестностях Кургана, разводят значительную часть пушных зверей, что объясняется благоприятным климатом этой местности. Теперь продажа мехов станет привилегией государства.

Моросил снег, дрожа от холода, топтались люди. Мы с Жанной направились домой, тесно взявшись под руки. По пути мы еще подивились на несколько мастерски связанных, тончайших, мягких, теплых пуховых платков кремового цвета на руках у бабушек. Одна из них, видя наши удивленные взгляды, приветливо предлагала свой товар.

– Девушки, берите, пятьдесят рублей! Пройдет через обручальное кольцо, попробуйте!

Жанна сняла кольцо, и замечательный платок действительно удовлетворил строгому стандарту. Я изумилась, мне не удалось бы связать такую прелесть.

Мы еще полюбовались серой заячьей шубой, она была отлично сделана из тонких меховых и кожаных полосок, сшитых в форме буквы V. Ее продали прямо у нас на глазах за 600 рублей. Мы мельком взглянули на сотканые из шелка или шерсти прекрасные и невообразимо дорогие персидские ковры, на крутившиеся на руках продавцов шапки из лисьего меха. Но ни одна из них не была удлиненного фасона боярки.

Жанна шипела, у нее мерзли ноги, мы быстро шагали, было трудно двигаться по забитому людьми мосту. Мы купили двести грамм пуха, шерсти ангорского кролика. Позже сплетем его с пряжей для вязания, и я свяжу Марике теплый кардиган.

Мы заглянули в близлежащий овощной магазин, стояла огромная очередь за яблоками, которые продавались по 1 рублю 30 копеек за килограмм. Яблоки были знакомые, сабальский джонатан. Было бы неплохо купить килограмм пять, но для этого пришлось бы ждать не менее полутора часов. Мы спешили к детям с обедом.

Эржи попросила меня помочь ей искупать Йожику, одна она не справится. Единственная ванная комната освободилась нескоро, и я опоздала на автобус. Пришлось идти домой пешком, я очень мерзла.

23 ноября

Утром за мной пришел Вова, муж Тани, и позвал меня в свое отделение, потому что они с Магди, его больной, никак не могут понять друг друга. Магди прооперировали с вывихом бедра. В воскресенье вечером она была на контрольном обследовании у Илизарова, но ее последних рентгеновских снимков не нашли. Теперь она спрашивала у Вовы, куда он их дел, потому что именно он подшивал их. Об этом шел разговор, который мне пришлось переводить.

Меня огорчает, что у Марики нет аппетита. Не знаю, что мне делать. Я сообщила об этом Тане, она все-таки детский врач, может быть, сможет помочь. Дочка едва хочет ходить, заставляет меня носить ее на руках, а у меня уже подкашиваются ноги от хождения вверх-вниз по лестнице, по вечерам болят колени, щиколотка и поясница.

Мне грустно, я очень давно не получала никаких известий из дома. Написала письмо Петеру, свекрови и младшему брату, на этом и кончилось мое свободное время.

Марика попросила пельмени, я нашла в холодильнике столько, сколько ей хватит, сварила и отнесла ей. Она съела сначала шесть штук, потом еще три и два банана. Этого и достаточно такому маленькому ребенку. Наконец-то хоть какая-то радость!

Марика лечила Павлину игрушечными врачебными инструментами, мне пришлось собирать разбросанные игрушки. Перед сном я прочитала ей сказки братьев Grimm. В такие моменты ее личико выражает сосредоточенное внимание и сообразительность.

24 ноября

Дочка была очень мила, сама оделась и ждала меня на кровати. Она мало ела на завтрак, я оставила ей бутерброд с салом и заставила ее пообещать съесть его. После завтрака я отвела ее на рентген, потом мы гуляли, после чего я проводила ее на лечебную гимнастику.

Мы с Жанной поехали в центр города и в ЦУМ-е полюбовались прекрасными шубами. Каракулевые стоят 4-5 тысяч рублей, а норковая – десять тысяч. Для меня обе слишком дорогие. На самом деле шуба нужна только здесь. Мне хватит и черной кошачьей шубы, сшитой в Венгрии, только бы продержалась на то время, пока

я езжу сюда! В Венгрии зимой достаточно и матерчатого пальто. В универмаге было полно людей, привезли постельное белье, за ним стояла очередь.

Мы осмотрели отдел игрушек, там не было толпы. На полках лежали гирлянды, деревянные слочные украшения, одно интереснее другого. Мы посмотрели и ювелирные изделия, сверкающие драгоценные камни. Это именно то, на что у нас не будет денег. Наши драгоценности – ноги наших детей.

Когда мы вернулись в больницу, Илизаров был наверху, в детском отделении. Он сказал, что нога у дочки в порядке, можно прекратить подкручивать аппарат, скоро мы сможем уехать домой. Сегодняшнего рентгеновского снимка он еще не видел. Скоро. Хорошо бы к Рождеству. В январе и феврале здесь очень холодно.

Марика, Анюта и Павлинка целый вечер играли во врачей. У Анюты на носу сидели очки, как у Илизарова, Марика была главврачом, они оперировали Павлинку. Взрослые весело смеялись, глядя на них. Им не надоедает эта игра, они никак не хотели ее окончить.

Я ушла поздно, трясясь от холода, топя ногами, ждала автобуса. Позвонил Вилен, он послал посылку. Мы добродушно обменялись шутками.

25 ноября

Прекратилось подкручивание аппарата. Он останется на ноге еще месяц, к Новому году его снимут, и в середине января можно будет ехать домой. Еще полтора месяца. И до сих пор было нелегко, но только теперь начинается самое трудное, наступают сильные холода. Сегодня день Екатерины, в Венгрии в это время начинает портиться погода. Здесь это длится уже второй месяц. Хотя сегодня потеплело. К утру все было покрыто снегом, около полудня снег начал таять, снегопад перешел в дождь со снегом. К вечеру опять будут заморозки.

Сегодняшний день был спокойным. Я вязала дома. Тишина, отдых и одиночество пошли мне на пользу. Жаль, что это длилось только несколько часов. Как хорошо, что не надо было стирать кучу постельного белья!

Марика хныкала, ей перевязали стопу. Собственно, больно тогда, когда сестра снимает марлю, тревожа рану, и нервы долго не успокаиваются после этого. Я целый вечер нянчила Марику, пытаясь отвлечь ее внимание от боли, и просидела с ней допоздна.

В общежитии меня ждала радостная новость. Вернулась Раиса Симоновна с младенцем. У входа их встретила приветственная надпись. Вечером я пошла к ним в гости. Раиса рассказала о родах, ее муж накрыл скромный стол. Я все смотрела на крохотную девочку в решетчатой кроватке, и у меня из глаз потекли слезы. Я расстрогалась точно так же, как в свое время при виде маленькой Кати, дочери Вилага, в саду дома в Леаньфалу. Каким мучительным бывает желание иметь ребенка! А

ведь я была очень рада этой крошке. Плача, я пошла домой. Мне долго было грустно, не хотелось ничего делать.

26 ноября

Илизаров улетел в Москву.

Утром я отказалась от всех приглашений, не пошла ни к Жанне, ни к Шуре на кофе. Я спешила домой готовить. Раиса была одна с дочкой. Ее сына Ромку увела с собой бабушка, Женя ушел на работу. В моих инстинктах сохранилась деревенская привычка угощать едой заболевшую родственницу. Я подогрела остатки куриного супа и отнесла Раисе. Она удивилась и поблагодарила меня. Я рассказала ей о наших деревенских привычках и объяснила, почему расплакалась прошлым вечером.

Я сварила большую кастрюлю борща, половину отдала Раисе. Кроме этого, я приготовила мясо в сухарях, картошку, блинчики с творогом, свекольный салат и компот из айвы. Половину всей еды я отдала Раисе. Она обрадовалась, ела и благодарила меня. Осталось и на долю мужа и сына.

Я быстро приехала в больницу. Марика радостно встретила меня, ей тоже понравилась еда. Она сообщила, что тетя Татьяна похвалила ее, взяла на руки и расцеловала, потому что она хорошо делала гимнастику. Ольга Петровна и сегодня перевязала ей ногу.

27 ноября

Замечательно светит солнце, на улице тепло. После лечебной гимнастики я закутала Марику в плед и отнесла на двор кататься на санках. Она наслаждалась свежим воздухом и “быстрой ездой”. Я была быстроногой лошадкой, Марика кричала: “Пошла, ты, буланая!”. Потом я покормила дочку обедом и положила спать.

Я поспешила к Тане, Вова передал мне, что сегодня она меня ждет. Они как раз кончили оклеивать свою комнату обоями. Мы с бабушкой и дедушкой делали на кухне пельмени. Я уже тоже научилась быстро лепить. Таня дала какой-то желтый порошок, от него у Марики должен улучшиться аппетит.

28 ноября

Эржи попросила меня сходить с ней на барахолку, она еще не видела ее и ей интересно, как она выглядит. По дороге она пожаловалась, что они живут втроем в одной съемной комнате, и русская женщина не дает им покоя, они с Маргит не высыпятся. Она попросила сказать об этом Вале, потому что они не могут. Попробую.

Утром дежурная медсестра сказала, что после обеда в большом зале будет кукольное представление, можно пойти посмотреть. Вчера по телевидению передавали открытие недели детского театра, на этой неделе повсюду в этой большой стране будут устраивать спектакли для детей. В большом зале больницы артисты, четыре женщины и мужчина, разыграли куклами небольшую историю о том, как львенок искал настоящего друга. Он встретился с маленьким гипопотамом, с крокодилом, зайчиком, змеей и жирафом. Звери по-разному вели себя и разговаривали.

Марика целиком вжилась в сказку, испугалась больших кукол, начала плакать, просила оберегать и защитить ее. Жанна тоже начала нянчить ее, и нам с большим трудом удалось ее успокоить. Я не ожидала, что спектакль так подействует на нее.

В общежитии меня ждало письмо от Петера, да не одно, а сразу два. Вот что он написал: “Когда ты уезжала, мама дала тебе 15 рублей на письма и телефон. Ты сэкономишь. Это прекрасно, но неправильно. Мы живем за много тысяч километров друг от друга и между нами нет почти никакой связи. Когда ты писала каждую неделю, мы, хоть и с опозданием, но все же узнавали новости. Сейчас нет никаких новостей. Все беспокоятся.

Я не слышал курганского репортажа доктора Кароя Эке. Мама узнала, что передача состоится в декабре. Недавно в одной из радиопередач какой-то литературовед процитировал известное изречение, – к сожалению, не знаю, кому оно принадлежит, – согласно которому крупные открытия поначалу никто не замечает, потом их подвергают осмеянию, они вызывают негодование, а в конце концов все делают вид, что они всегда знали, что все это так и есть. Так обстоит дело и с Илизаровым. Мне очень тяжело не видеть вас и не слышать ваших голосов. И все же я думаю, что тебе надо оставаться там столько, сколько нужно, лучше мы встретимся попозже, только бы у ребенка не искривилась нога”.

29 ноября

Сегодня я посмотрела последний рентгеновский снимок. Кость срослась в месте разлома, но еще видна щель, рассечка. Вся большая берцовая кость согнута, в нижней части выгибается наружу. Это запас, потому что при ходьбе Марика наклоняет ногу внутрь.

Алексей Алексеевич Чипизубов пришел делать осмотр. К сожалению, с ним нельзя разговаривать так, как с Сергеем Васильевичем Макаровым. Чипизубов не разрешил мне остаться в отделении. Марика сильно плакала из-за того, что он отослал меня.

Я написала письмо Петеру, вязала белый кардиган дочке. Потом – стирка, готовка и – обратно в больницу. Кажется, порошок, который дала Таня, помогает, хотя Марику и сейчас приходится уговаривать поесть. Мы в хорошем настроении игра-

ли в прятки. Марика пряталась за дверью, в шкафу, под кроватью, в углу коридора, заворачивалась в занавеску, то тут, то там слышался ее звонкий смех.

– Я так спряталась, что ты меня не нашла! – сегодня это была самая большая радость. Сейчас у Марики не болит нога, она хорошо ходит, дожили и до этого.

Эржи хочет уехать с Йожикой домой на Рождество. Они здесь с весны и уже устали. Ожидается приезд в больницу женщины с сыном, нужно найти им жилье.

1 декабря

Сегодня в первой половине дня ко мне пришла Жанна. Мы шили Марике из белой марли маскарадный костюм Снегурочки. Приближается праздник, Новый Год. Когда я накрахмалю ее малюсенькое платьице и разукрашу его блестящими полосками, из дочки получится прекрасная снежная фея. Это первый маскарадный костюм в ее жизни. Она, конечно, никак не может выбрать, кем ей быть на маскараде, хочет быть то мышкой, то белочкой, то зайчиком, то кошечкой, и иногда маленьким лисенком Вуком. Иногда ей приходит в голову одно, иногда другое. Она возбужденно ждет этого незнакомого, обещающего много интересного события.

После обеда я отвела Марику на больничную почту, я заказала там телефонный разговор с Будапештом, его назначили на три часа. Я хотела, чтобы Марика поболтала с бабушкой и дедушкой, но к тому времени, когда нас соединили с Будапештом, она заснула у меня на руках. Я слышала все, что они говорили, они же вовсе не слышали меня.

К вечеру стало очень холодно.

2 декабря

Кажется, декабрь хочет показать, что не шутит и не зря считается настоящим зимним месяцем. К утру выпало много снега, дул ветер, во многих местах образовались снежные заносы, температура упала до 20 градусов мороза. Я основательно закуталась, выходя на улицу.

У Марики было плохое настроение, она плохо спала, ночью хныкала, плакала, у нее болела нога. Наверное, сломанные кости почувствовали холодный атмосферный фронт. Павлина тоже стонала ночью, они не могли заснуть. Я утешала измученных девочек и предложила им попробовать поспать в тихий час.

Шура позвала меня к себе в гости, в прошлый раз я не смогла прийти, теперь это надо восполнить, она опять сделает голубцы и сварит мне турецкий кофе. Я не могла уклониться от любезного приглашения. С ней живет русская женщина, которая родила девочку в городе Папа. У девочки одно бедро короче другого.

Шура умеет готовить маленькие, аппетитные и очень вкусные голубцы, есть их большое наслаждение. А ее турецкий кофе интересен потому, что она гадает на гуще, оставшейся на дне чашки. Нужно опрокинуть чашку, чтобы разлилась гуща и образовался рисунок. Мы смеялись, слушая предсказания.

Меня ждало письмо от Евы. Я обрадовалась новостям с работы.

“Дорогая Марика, мы часто вспоминаем тебя, ты как будто здесь, среди нас. Мы с большой радостью читали оптимистичное письмо, которое ты написала Марте, и искренне надеемся, что это лечение даст уже полный результат. С тех пор мы старательно просматриваем программу радиопередач, обязательно хотим послушать передачу о Кургане, вы наверняка уже будете дома, когда ее будут транслировать.

Здесь очень много работы. В детском доме тоже достаточно дел, хотя, как я всегда говорю коллегам, это остров спокойствия в бурном море педагогики. С твоими девочками нет проблем. Шарика держит их в строгости, а “кроткую” Илике они очень любят. У них проходили практику мои студенты, проводили с девочками трудовые занятия.

На прошлой неделе у нас были японские гости, японские педагоги. Им очень понравился детдом, я расскажу тебе об этом позже, когда ты приедешь. Семнадцать маленьких пожилых женщин, педагоги и социал-психологи, любезные, вежливые и, наверное, достаточно богатые, потому что, по словам переводчика, они изучают европейские социальные учреждения на свои деньги, можно сказать, из увлечения. От нас они поехали в Австрию, Францию и Италию.

У нас уже состоялось ноябрьское педагогическое совещание. Анико провела показательную оценку успеваемости за неделю, а потом мы устроили совещание в прекрасной новой читальной комнате, это было как бы ее торжественное открытие. Она наверняка понравится и тебе, спасибо хорошему вкусу Марты.

У нас очень хорошая погода, температура днем плюс 12-15 °С. Думаю, у вас там уже самый разгар зимы. Береги маленькую Марику, чтобы она не простудилась! Сейчас для тебя важнее всего, чтобы малышка поправилась. Но ты и сама знаешь это лучше меня.

Дорогая Марика, мы очень-очень переживаем за тебя и за маленькую Марику. Немного женщин смогло бы повторить то, что делаешь ты, ты очень сильная и упорная, но тебе и нужно быть такой, чтобы, не падая духом, перенести все эти испытания.

На директорском совещании была Магди Тот из Орослани. Она была очень мила, тепло интересовалась тобой, и очень хвалила тебя. Чувствовалось, что это не обычное, рутинное любопытство, а настоящее, искреннее человеческое сочувствие”.

Было радостно читать написанные Евой строки, они придали мне силы. Но больше всего я обрадовалась тому, что она написала о Магди Тот и об Орослане, городе моей молодости и первых трудовых начинаний, в котором я научилась сво-

ей работе и который неохотно, с тяжелым сердцем покинула после семи лет, богатых поначалу неудачами, а потом успехами.

3 декабря

Очень холодно. Мне не терпелось поскорее добраться из больницы до общежития, я совершенно окоченела.

В общежитии взялась за обычные дела: стирка, готовка, писание писем. Я люблю такие дни, когда не надо никуда идти, и я могу спокойно заниматься своими делами. Мне не хотелось прерываться и после обеда снова идти в больницу. Но надо.

К четырем я уже была в больнице, но оказалось, что опоздала. Утром никто не предупредил меня, что после обеда будет осмотр у профессора. Жанна тоже не знала об этом. Я видела, что мамы и дети ждут перед кабинетом Илизарова, а в кабинете находились врачи детского отделения. Перед ними как раз стояла Рената.

Мне сказали, что Марика уже ушла, ее осмотр недавно закончился. Я побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Моя маленькая красавица обрадовалась мне и похвалилась тем, что одна поднялась по лестнице на второй этаж, опираясь на костыль. Наконец-то, дожила и до этого, какой важный результат! Илизаров и Сергей Васильевич подкрутили ей аппарат, но на этот раз это не причинило боли. Потом Марика шепнула мне на ухо, что теперь она любит Гавриила Абрамовича, потому что он вылечил ей ногу и не обрезал здоровую.

Она съела остаток завтрака, помыла тарелку, хорошо ходила на лечебной гимнастике и немного пообедала. Я расцеловала ее, радуясь, что у меня такая хорошая и ловкая дочка. Учительница первоклассников дала ей русский букварь, она рассматривала и с гордостью показывала его. Она уже знает большинство букв, соседки по палате уже научили ее.

Как только осмотр в кабинете закончился, к нам поднялся Сергей Васильевич. Он наконец-то вернулся после месяца работы в поликлинике! Мне не хватало его заботы и доброты.

Я получила письмо от свекра, который написал, что радиопередача доктора Кароя Эке состоится 21-го числа.

6 декабря

Марика увлеченно играла в кубики, подаренные ей на день св. Николая. Она была страшно рада, что Дед Мороз принес ей подарки из такого далека и положил их в сандали, стоявшие под кроватью. Она получила от него даже шоколад.

Сергей Васильевич сказал, что нужно еще некоторое время подкручивать аппарат на стопе, так сказал вчера Илизаров. Потом он достал фотографии своей дочери и с ребяческой искренностью показал свою гордость, маленькую Веру. Я поздравила его, сказав, что ребенок – самая большая радость в жизни. Его жена – молодая, красивая женщина. На прошлой неделе он ездил к ней в Омск.

Галина Николаевна, заведующая общежитием, сказала, что в моей комнате будут красить стены, окно, дверь и пол, мне нужно на неделю переселиться к кому-то. Ремонт начнется на следующей неделе. Раиса Симоновна предложила мне переехать к ним, но они и так уже теснятся вчетвером в одной комнате, и я не могла принять ее предложение. Я подумала о буфетчице, она живет одна, но в последнее время я ее не видела, она уехала в деревню. Как-нибудь образуется. В общежитии ужасный кавардак, в коридорах стоят железные кровати. Красить начали на первом этаже и на лестничных клетках. Зимой, в большой холод нельзя даже проветривать.

7 декабря

Жанна заболела и пошла к врачу. Она позвонила, что утром не сможет придти в больницу и попросила меня дать что-нибудь на завтрак Ренате, а после обеда зайти к ней за едой, которую она приготовит, и отнести ее дочке. Жанна чувствует себя очень плохо и не может встать. Я обещала, что, конечно, сделаю все, что нужно.

Эржи жаловалась. Она рассказала о новых печальных неприятностях с соседкой по комнате. Я напрасно разговаривала с Валею, ее характер невозможно изменить. Может быть, она нарочно раздражает двух венгерок. Трудно жить с чужими людьми. Проходят дни, месяцы, у женщин отказывают нервы. Уж лучше рабочее общежитие, только бы не было этого ремонта. Я досадовала на то, что в городе уже несколько недель нет нормальной белой муки по 41 копейки, продается только другая, по 26 копеек, но из нее получают очень толстые и невкусные блины.

Прибыла посылка из Москвы, много мандаринов и лекарство в маленькой коробочке, о нем позаботился свекор. Все это как-то переслали Вилену.

Сегодня оперировали Наташу из нашей палаты, девочку-подростка, у которой вывернулось наружу колено, ей будут растягивать голень. Ее лечат уже в третий раз.

Вечером я прочитала Марике письмо дедушки, которое пришло в маленьком конверте. Она обрадовалась письму, но расплакалась, ей хотелось бы посидеть на коленях у дедушки, а кроме того она хочет увидеться с отцом, пусть он приедет к ней. Если бы это было так просто, как это кажется маленькому ребенку!

9 декабря

Утром родители собирали деньги, приближается день рождения перевязочной сестры, Ольги Петровны, и они хотят купить ей подарок.

Сегодня будет несколько операций. Габорке поставят аппарат на руку, Пишти – на бедро и голень, остальных детей я не знаю.

Шура и Жанна пришли ко мне на голубцы. Мы пили венгерский вермут, его любезно прислал из Новосибирска старший брат Жанны. Потом мы пошли в город, переходя из одного магазина в другой, покупали подарки к Рождеству. Я нашла для Петера две красивые рубашки, одну румынского, а другую египетского производства. Марика получит очень красивую куклу, Борис и его семья – индийскую вазу, остальные – хохломские тарелки и чашки. Мы долго скользили по тротуарам на морозе. Через некоторое время Шура пошла к каким-то своим знакомым.

Я получила от свекрови письмо, в котором она сообщила, какие шубы и по каким ценам продаются в Венгрии. Я отказалась от мысли купить шубу здесь. Пришло письмо и от Евы с новостями о детях и коллегах.

В больнице мы навестили двух недавно прооперированных мальчиков, Пишти и Габорку. Марика дала им мандарин и апельсин. Пишти очень бледен и слаб. Его бабушка сидела рядом с ним, ломая руки и утирая заплаканные глаза.

Марика была в хорошем настроении, ее доктор подкрутил ей аппарат. Мы поиграли в учителя, я была ученицей. Марика, подражая жестам и мимике здешней учительницы первого класса, заставляла меня читать букварь и упражняться в письме, я должна была красиво выписывать русские буквы. Как наблюдательна моя дочь! Потом она свернулась у меня на коленях и обняла меня за шею, чтобы я почувствовала, что она любит меня больше всех на свете.

Вечером, расставшись с Жанной, я побрела в одиночестве домой по темной морозной улице. Я думала об отце, которому сегодня исполнилось бы 73 года. Он умер два года назад. Отец вырвался из бедности благодаря усердию и необыкновенной работоспособности. Все, что у него было, он добыл своими руками. Самым важным для него, всем его достоянием была земля, на ней он проработал до надрыва всю жизнь. Он мечтал стать крупным хозяином, у которого будут работать его дети. Но получилось иначе. Его детям не была нужна ни земля, ни виноградники, которые представляли для него столь большую ценность. Обрабатывать их – тяжелый труд. Дети выучились другим профессиям, пошли другими путями. Как мучительно прошли последние два года его жизни! В безысходном одиночестве он неутоленно оплакивал мою мать. Так прошла вся его жизнь, семьдесят один год.

Самое ясное воспоминание о нем связано с уборкой урожая. Он был прекрасным косцом. С детства в течение пятнадцати лет я каждый раз собирала за ним колоски. Во время работы он иногда оборачивался, глядя на меня, чтобы не порезать мне ноги, я ловко нагибалась, идя вслед за ним. Каким жгучим было лето в то время, и сколько прекрасных рассветов я видела тогда! Сколько фруктовых деревьев и

розовых кустов мы посадили вместе! В другой раз мы вместе переливали вино. Обиднее всего для меня было то, что он не разрешил мне идти в университет. А ведь я смгла бы прожить на стипендию. Однажды он ждал меня у ворот как хозяин Янчи Кукурузу.⁵⁶ Обходчик сообщил ему новость, что, пока я читала, две наши коровы, Цифра и Бимбо, зашли в чужой виноградник. И вот, напрасно он запрещал мне читать книги и учиться, ему не помогла никакая строгость. В моей школе меня встретили написанные на стене слова Сечени: “Сила нации кроется во множестве просвещенных людей”.⁵⁷ Я верила в это. Бывший баронский дворец, моя родная школа, красивая, чистая сельская школа. Как далеко от нее я оказалась! У меня тоже получилось не так, как я мечтала. Но о Сибири я не думала даже в самых смелых мечтах.

Однажды во время сбора грибов отец сказал мне: “Трудно жить честно, но только так и стоит жить”. Это очень часто вспоминается мне и сейчас.

10 декабря

Марика сделала мне приятное, ждала меня уже одетой. В ней еще была свежая радость от вчерашней игры, она со смехом спросила:

– Помнишь, как я спряталась в шкаф и испугала тебя?

Жанна пришла поздно, она еще не совсем поправилась, вчерашний поход за покупками не пошел ей на пользу. У нее было плохое настроение, потому что у Ренаты очень болит нога.

Я получила от Петера сразу два письма и немедленно ответила на них, на это ушло довольно много времени, я захотела отослать ответ еще сегодня, и пришлось долго ждать на почте.

Мой муж по-прежнему писал о своем увлечении эсперанто, ничто другое его не интересовало. А я ворчала из-за того, что он тратит на это слишком много времени и лучше бы переводил, за это он получил бы хоть немного денег. Он наверняка рассердится, потому что я подробно описала ему наше материальное положение, которое никак нельзя было назвать хорошим. Я упомянула и о дальнейшем лечении Марики. Правда, само лечение будет бесплатным, но жизнь здесь все же дорогая.

Марика ждала меня с плачем, она не могла представить, где я, я пришла только к пяти. Моя дорогуша была голодна и, к моей радости, хорошо поела. Для утешения мы поиграли в гимнастическом зале, в такое время там уже нет занятий, и можно войти. Марика, подражая тете Татьяне, давала мне команды и не заметила, как Та-

⁵⁶ Янчи Кукуруза – пастух-сирота, герой поэмы Шандора Петёфи “Витязь Янош”.

⁵⁷ Иштван Сечени (1791–1860) – венгерский политик и мыслитель, один из ведущих представителей движения за реформы в Венгрии в первой половине XIX в., министр транспорта в первом независимом ответственном правительстве Венгрии (1848).

тьяна вошла в зал и начала следить за нами. Потом Марика увидела ее в зеркало, и ей стало стыдно. Физиотерапевт пообещала, что завтра Марика будет дежурной и сможет давать команды остальным детям. Марика была вне себя от радости, услышав это обещание, она преисполнилась гордости. Приятно видеть, что у них такие дружеские отношения. Марика знает, что она очень многим обязана тете Татьяне.

Илизаров до позднего вечера оперировал взрослых. Закончив работу, он с удовлетворением оглядел окруживших его детей и матерей, благодарно смотревших на него и устроивших настоящую какофонию языков. Здесь он мог видеть, что его изобретение приносит плоды.

Только Пишти Т. лежал с бледным лицом. С тех пор, как мы здесь, еще никто не переносил операцию так тяжело. Физически более слабый Габорка уже встал. Мы, венгерские мамы, с тревожными и сочувственными взглядами следили за лицом Пишти и по возможности во всем помогали его бабушке.

12 декабря

Сегодня воскресенье, но я уже с раннего утра пошла в больницу. Я беспокоюсь из-за Пишти, может быть, нужно будет переводить. Доктор Раиса Ивановна вышла на балкон подышать свежим воздухом. Наверное, она не спала всю ночь, дежурила у кровати Пишти. Видимо, с ребенком случилось что-то серьезное. Илизаров тоже провел ночь в кабинете и рано появился в нашем коридоре, пришла и главврач Грачева. Врачи ходили туда-сюда, вся больница растревожилась, но в коридоре все же царил тишина. Пишти вместе с кроватью поместили в комнате медсестер. Уже появился главврач, занимающийся ЭКГ, и врач-специалист по кардиологии.

Бабушка Пишти прерывающимся от рыданий голосом, непрерывно утирая глаза, сказала:

– У него холодная и распухшая, посиневшая стопа, на ней пятна величиной с фасолины. Лицо бесцветное, рот дрожит, он едва узнает меня. Ничего не ест. Ой, что же с ним будет!?

Все мы, помогая друг другу в беде, попробовали утешить ее. После завтрака родителей отправили по домам.

Мы с Жанной простояли полтора часа в очереди за яблоками джонатан, купили 10 кило. По крайней мере мы тоже сможем поесть яблок, и еще останется для выпечки. Я написала рождественские поздравительные открытки в Венгрию, готовила, помыла посуду и поспешила обратно.

Профессор Илизаров и два главврача почти целый день сидели у кровати Пишти. Надежда Николаевна, наша многоопытная главная медсестра, непрерывно делала ребенку инфузию через левую руку, время от времени брала у него кровь, врачи следили за работой сердца. Все беспокоились, мы ничего не знали. Что могло случиться?

Тетя Ленке измучилась, не спит уже вторую ночь. Она попросила меня сказать, что за болезнь у ее внука. Но что же делать, если я и сама не знаю! Она не поверила мне.

В коридоре воцарилась угрюмая тишина. Взрослые беззвучно двигались, обмениваясь вопросительными взглядами. Дети играли в палатах, им даже не приходило в голову выйти шуметь в коридор, как они обычно делали.

13 декабря

Звезды светили холодным светом, температура минус 18 градусов, дул сильный ветер. Едва начало светать, когда я отправилась в больницу.

Сбоку меня ударил сильный порыв ветра, он подхватил меня как легкую пушинку. Переходя улицу, я поскользнулась на спрессованном до блеска снегу, упала, ушибла правый локоть, сумка упала, термос треснул, из него вытекло какао. К счастью, термос с чаем остался целым. Какао моментально примерзло ко дну сумки. Я с трудом поднялась, моя правая рука ослабла, от локтя до позвоночника я чувствовала колющую боль. Два автобуса ушли, я, переминаясь с ноги на ногу, ждала следующего, повернувшись спиной к ветру.

В больнице была лихорадочная суматоха. Говорили, что Илизаров и сегодня ночью не уходил домой и три раза поднялся посмотреть Пишти. Два главврача тоже ночевали в больнице, они посменно дежурили у кровати больного ребенка.

Тетя Ленке горько плакала и попросила меня узнать, что с мальчиком, ей кажется, что от железок у него началось заражение крови. Я и сама ничего не знаю, мне ничего не говорят.

По дороге домой я расспросила Жанну, может быть, она что-то знает. Дома мы поняли друг друга с помощью карманного словаря. У мальчика не заражение крови, а тромбоз. Поэтому ему и дают кровь, и поэтому у него посинела стопа. Мы заговорили о том, что здесь уже прооперировали так много детей, и ни у кого из них не было таких серьезных осложнений. Редкий случай. Сложную проблему может причинить нарушение функции печени, поэтому всех спрашивают о желтухе. Жанна сказала, что утром принесла в больницу колбасу, грибы и кофе для врачей, в таких случаях они всю ночь дежурят и едят больничную кашу.

Во второй половине дня тетя Ленке позвала меня, потому что к Пишти пришел молодой врач, который хочет что-то спросить, но она не понимает его. Он только хотел спросить, были ли у мальчика и раньше нервные судороги.

– Нет, – ответили мы. Наверное, это был невропатолог.

Этот длящийся несколько дней стресс плохо повлиял на Марику. Она не понимала, почему нельзя выйти поиграть в коридор. Она устроила истерику, плакала, я заперлась с ней, чтобы производить как можно меньше шума. Прошло много времени, пока мне удалось утихомирить и усыпить ее.

14 декабря

Утром первый вопросом мам было: Что с Пишти? Итальянские, болгарские, монгольские, чешские, русские и венгерские мамы все, как одна, волновались за венгерского мальчика.

Сегодня ночью опять дежурили две строгие, но очень добросовестные медсестры, Раиса Ивановна и Александра Антоновна. Они не получают за это никаких сверхурочных.

Пишти стало лучше, бабушка радостно сообщила, что он немного поел еды, которую она принесла ему на завтрак.

Велось непрерывное наблюдение за каждым движением ребенка, за его дыханием и биением сердца. Врач-кардиолог оставалась в больнице на ночь. Ее сын лежал в нашем отделении, ему растягивали руку. Это был симпатичный паренек, прямо вылитый Чебурашка.

Около больного Пишти дежурили четыре главврача и профессор. Итальянские мамы сказали, что у них это стоило бы миллионы.

Сегодня кофе принесла и отнесла во врачебную комнату Шура, мама из Армении.

После обеда напряженная атмосфера разрядилась. Воспитательница Ида Ивановна раздала детям в холле новогодние маскарадные костюмы, это вызвало много радости. Марика получила лисичью юбочку и целый вечер крутилась и вертелась в ней. Свои наряды надели и другие дети, все в карнавальном настроении дурачились в коридоре. Конец беззаботному веселью положила Валентина Ивановна. Моментально распространилась печальная новость: состояние Пишти ухудшилось.

15 декабря

Как только я пришла в больницу, гардеробщица, не дожидаясь вопросов, сообщила, что Илизаров и Валентина Ивановна ушли домой в полночь, а около мальчика опять дежурит Раиса Ивановна.

Я застала ее во врачебной комнате лежащей на кушетке отдала ей начатую банку с кофе и полученную от Вилена колбасу. Она улыбнулась и поблагодарила. В эти дни я полюбила эту слишком строгую женщину, доктора “мама, домой”, оценила ее самоотверженность, волю, силу и добросовестность. В Венгрии я не посмела бы дать главврачу начатую банку с кофе. Здесь, в большой беде даже в холод люди становятся теплее, жесты дружелюбнее, все отношения приобретают большую человечность. Другая атмосфера. Не чувствуется дистанции, отчуждения.

Марика выспалась и была в хорошем настроении. Потом она вспомнила о медвежонке, которого обычно прикалывала к одежде, и спросила, где он. Я ответила ей, что позавчера медвежонок испугался ее, потому что она плохо себя вела, и вер-

нулся в лес. Марика горько заплакала и просила позвать его обратно. Я утешала ее, говоря, что если медвежонок узнает, что она грустит по нему, то обязательно вернется к ней. Ему расскажет об этом Дед Мороз, который каждый вечер подслушивает под окнами.

Милая девочка! Она все еще верит в эту сказку! Все время ждет, чтобы я занимались только ей. Когда меня позвали, и я ушла от нее, у нее на глазах появились слезы.

Раиса Ивановна послала за мной, попросив передать тете Ленке, чтобы она всегда приносила Пишти свежую еду и много фруктов, никаких консервов. Надежда Николаевна каждый день записывала, когда и что ел Пишти, сколько ложек еды, сколько штук сушеных персиков, сколько долек апельсина, сколько кусочков хлеба. Она пробовала вареные блюда на вкус и на температуру. Бедная тетя Ленке! Как не просто было пройти эту проверку качества! Я переводила вопросы, ответы и указания.

Во второй половине дня Пишти стало лучше. У него заблестели глаза, похожие на двух маленьких жучков, рот раздвинулся в улыбке. У меня увлажнились глаза, прошло охватившее меня гнетущее чувство. Мальчик уже разговаривал. Надежда Николаевна попросила меня узнать, что и где у него болит, и записала каждое его слово. Все еще болела правая нога и левая рука. Рука была покрыта следами укулов, он по-прежнему получал инфузионный раствор. Но его лицо уже обрело прежний здоровый цвет, нога стала теплой. Тетя Ленке смеялась сквозь слезы, я обняла ее, погладила ее лицо и сказала ей, что это был тромбоз.

Марикина печаль улетучилась, нашелся медвежонок. На двери играла радуга, Марика захотела ее поймать. Радужное пятно появилось в результате преломления в оконном стекле солнечного света, игравшего на ослепительно белом снегу. Волшебство быстро исчезло. Я закутала Марику в предназначенное для глажения одеяло и вынесла на балкон. За мной пришла тетя Маргит, чтобы я помогла ей попросить справку для дочери, которая должна приехать за ними, она скоро поедут домой. В общежитие забежала Терчи, она еще не видела, где я живу. Они тоже хотели бы поехать в Венгрию на Рождество, но неизвестно, отпустит ли их профессор.

После ее ухода я собралась писать, но не смогла, потому что меня беспокоил плач маленькой дочки Раисы Симоновны. Мама уехала в город, а папа уже долгое время возился с малышкой. Я зашла к ним, положила дрожащую девочку на левое плечо и она затихла.

– Ничего не поделаешь, женщины лучше разбираются в этом, – улыбнулся Женя.

После обеда Марика спала, когда я вернулась к ней, у нее было хорошее настроение. Дети играли в прятки, в коридоре стоял звон от их смеха. На этот раз детская команда состояла из Павлины, Тимура, Лены, Димкм и Марики. Илизаров поднялся в отделение, осмотрел Пишти, Марику и Ренату и, удовлетворенно покачивая головой, любовался играющими детьми.

Я отдала Яношу письмо, которое я написала Петеру. Янош завтра улетает домой, в Венгрии бросит письмо в почтовый ящик, и Петер быстро получит его.

В Курган приехали итальянцы, Гавриил Абрамович встречал делегацию а аэропорту, местное телевидение транслировало встречу в вечернем выпуске.

Опять стирка, как же я устала! Когда все это кончится?

17 декабря

Я больше не буду подкручивать Марике аппарат, – сказал Сергей Васильевич, – теперь наступает период закрепления, он продлится один-два месяца.

А как хорошо было бы уже уехать домой! На Рождество уже никак не получится, придется остаться здесь в сильном холоде, быть может, в конце января вырвемся отсюда. Январь и февраль здесь очень суровые.

Жанна провела весь день в больнице, дожидаясь, когда Ренату увезут в операционную и когда привезут обратно. Ренате ввели в стопу две спицы, усыпление не понадобилось. После операции смелая девочка вернулась в палату, пройдя по коридору на собственных ногах, опираясь на костыли. Жанна всю ночь дремала около нее, охраняя ее покой.

Пишти уже лучше, он поел, хотя пока еще и не встал на ноги. Бабушка купила ему маленький телевизор. Раиса Ивановна ушла домой, она уже целую неделю не видела своего сына Гришу.

Терчи попросила меня сказать Илизарову, что они хотели бы поехать домой на Рождество. Я передала это профессору, когда он зашел к Пишти. Профессор посмотрел последние рентгеновские снимки сына Терчи и ответил:

– Не советую.

Терчи приуныла и начала думать, что теперь делать.

18 декабря

Сегодня суббота. На двери столовой написано, кто какую палату будет убирать. Жанна, бабушка Павлины и я составляли бригаду в первой палате. Мы быстро закончили работу, мы всегда поддерживаем порядок.

Дети – Нагаша, Рената, Света Цапок, Юлия, одна итальянская девочка и два мальчика, Дёрдь и Павлик, – с большим рвением репетировали в холле какой-то спектакль. Они готовятся показать на новогоднем празднике сказочное представление.

Ида Ивановна Вывалила целый мешок тряпок, мы начали шить одежду для надевающихся на руки кукол. Дети столпились вокруг нас, было много смеха. Марика спрашивала меня сшить штанишки для обезьянки мончичи. Мое материнское

сердце наполнилось приятным чувством: мой ребенок начинает играть в куклы. Говорят, что девочки, которые любят играть в куклы, становятся хорошими матерями.

Позже мы катались во дворе на санках в сверкающем свете солнца.

Пишти еще получает инфузию, но уже почти в полном порядке. Тетя Ленке принесла ему птичье молоко и угостила Марику.

Вечером я получила письмо от Евы, она рассказала о двух интересных телевизионных дискуссиях.

20 декабря

В утренней программе курганского радио объявили, что Илизарову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он улетел в Москву, быть может, именно поэтому.

Я купила Марике маленькую елку и отнесла в больницу. Марика все время играла с ней и любовалась ей. Она радовалась, что ни у кого нет такой красиво наряженной елки. Мне пришло в голову, что моя мама тоже принесла мне маленькую елку, когда я в четырехлетнем возрасте лежала в больнице.

В первой половине дня мы с Жанной отвезли в общежитие мясо, которое она получила в субботу. Его привезла на поезде из Москвы одна курганская женщина. Миша еще прислал муку, апельсины и консервы. Хозяйка Жанны не разрешает ей взять напрокат холодильник, в ее холодильник много не влезает, и тем не менее все как-то слишком быстро кончается. Жанна спросила, нельзя ли хранить продукты у меня, ведь мы все равно всегда вместе. Мы попросили у Раисы Симоновны санки и перевезли на них продукты. Пришлось сделать на нашем “такси” два рейса.

Наташе сегодня исполняется 13 лет. Ее зашли поздравить девочки из других палат. Марика тоже подарила ей шоколад с орехами. Наташина мама принесла торт и сироп, накрыла детям стол. Они вместе пели песни о березке, о елке, о ручейке и голубом вагоне. Веселое настроение Светы Цапок передалось остальным. Марика мурлыкала с ними, играла на воображаемой гитаре, которую заменял костыль.

– Еще, еще! Я хочу петь, – упрашивала она, когда дети прекратили пение.

Эти дети очень милы. У них открытые сердца, сильное чувство коллективизма и много любви друг к другу.

21 декабря

Перед обедом, когда я, уходя, одевалась, моя красавица украдкой вышла ко мне в коридор попрощаться и поцеловать меня. Это естественный детский поступок, и все же я очень обрадовалась ему, потому что Марика сделала это по собственному

желанию и от всего сердца. Я размышляла об этом и в такси по дороге в Кетово, деревню, расположенную вблизи Кургана. Мы отправились туда покупать подарок к приближавшемуся дню рождения Валентины Ивановны вчетвером – Шура, Жанна, Амина и я.

В деревнях люди не покупают так, как в городе, – сказали Шура и Амина, – там можно купить больше хороших вещей. Они уже не раз бывали в окрестных деревнях.

Замечательно светило солнце, блестел снег на крышах деревенских домов, среди деревьев березового леса, казавшегося более мрачным от попадавших в нем елей, мелькал солнечный свет. Я не слушала разговор трех женщин, передо мной все время возникало милое личико дочки. Как она выросла и посерьезнела за эти несколько месяцев! Я очень люблю ее, для меня она дороже и важнее всех. Насколько легче с ней сейчас, когда у нее уже не болит нога!

Начались долгие поиски, мы переходили из одного магазина в другой. Наконец, решили купить кофейный набор, который понравился мне больше всего. Тонкий фарфор, изящные чашки, тонкая золотая кайма, роспись с маленькими розовыми цветами и ветками, черно-красными птицами. Немного напоминает херендские мотивы. Китайская или японская работа. Остальные хотели купить хрустальную вазу или шоколадный набор, но мой выбор был самым решительным, и они приняли его.

Терчи с сыном уехали домой. Это было очень смело с их стороны. Когда они уехали? Мы слышали, что самолет из Москвы еще не прибыл.

В Венгрии сегодня передавали по радио передачу доктора Кароя Эке. Интересно, что было прочитано из моего письма?

22 декабря

К рассвету стало холоднее, по радио сказали, что температура 22 градуса мороза. Погода суровее, туман замерз на ветках деревьев и кустов, на них подрагивал иней. Вернувшись от Марики, я, расчувствовавшись, прочитала письмо моей коллеги Толнаи Золтанне.

“Марика, мы вместе с Евой со слезами на глазах читали твое первое письмо, в котором ты подробно описала новые испытания, которые выпали на долю маленькой Марики и на твою долю.

Кстати, хочу написать тебе несколько слов о наших общих делах! Наши девочки (Эрика Киш и Ица Дёме) представляли наш детдом на праздничном памятном собрании у могилы Яноша Араня.

Вчера мы с Евой и Ари участвовали в большой конференции в здании клуба “Факел”, на которой товарищ Мезеи дал оценку работе детских домов и деятельности по охране детей начиная с 1968 г., когда сложилась дифференцированная

сеть детских домов. Конечный вывод: проделана хорошая работа, но нужно двигаться дальше, а именно – стремиться к тому, чтобы ребенок, пребывая в сети Института охраны детей и молодежи, по возможности оставался в одном детдоме. Иначе говоря, необходимо создавать совместные, смешанные коллективы, потому что только такие коллективы по-настоящему близки к жизни, в них есть возможность для формирования модели семьи. Что ты об этом думаешь?”

Мне было приятно читать эти сочувственные слова, выражение искреннего признания и поддержки. Приятно, что коллеги думают о нас, волнуются за нас и сочувствуют нам в нашей беде. Меня удивило это письмо. В течение нескольких лет мы с Мартой были так далеки друг от друга, и вот теперь, будучи в беде, я вижу, какой она добросердечный человек. Я ответила ей, описала, как мы живем, как выглядит пушной базар на берегу Тобола – ее очень интересует мода и у нее отличный вкус. Ответила я и на ее вопрос о совместных группах. Осуществить это будет стоить больших денег, а работа воспитателей сильно затруднится. Экономическое положение Венгрии не позволяет ввести это новшество повсюду. Большим местом нашей системы воспитания является не отсутствие совместных групп, а недостаток дисциплины. Мы слишком балуем детей, обслуживаем их, не обращаем достаточного внимания на трудовое воспитание, на трудовую дисциплину, много говорим о духе коллективизма, а в действительности мало результатов. Положение ухудшается уже несколько лет.

Марика встретила меня отчаянным плачем, она хотела добиться, чтобы я принесла ей костыль из зала для гимнастики. Тетя Татьяна забрала его у нее, девочке уже нужно ходить без костылей. Как бы я ни жалела дочку, я не могла исполнить ее просьбу.

Вечером я посмотрела кадры заседания Верховного Совета СССР. Стоя перед огромным портретом Ленина, какой-то молодой военной руководитель твердым голосом говорил о том, что и у СССР будут такие же ракеты и другое оружие, как у американцев. Показали офицеров, со строгими лицами сидевших в зале. Слыша это выступление и видя кадры передачи, я содрогнулась. Я боюсь войны, очень боюсь. Неужели еще не достаточно? Почему нужно убивать друг друга? Почему нужно жить под постоянной угрозой?

Илизаров тоже присутствовал на торжественном заседании Верховного Совета в честь 60-й годовщины образования СССР. Он тоже был виден в одном из кадров передачи.

23 декабря

Утром я послушала по радио новости, диктор перечислил, кто был на торжественном заседании Верховного Совета от братских партий и правительств соседних стран. Раиса Симоновна спросила у меня, почему так спешил домой Янош Кадар. Он уехал уже в вечерние часы.

Завтра у нас будет большой праздник, Рождество, а поездом ехать долго, – ответила я.

Я поспешила к Шуре, мы положили красивый кофейный прибор на санки, так он был доставлен в больницу. Родители и дети выстроились перед врачебной комнатой и поздравили Валентину Ивановну с днем рождения. Она очень обрадовалась нашему вниманию и красивому подарку.

24 декабря

Марика радовалась, мы пошли звонить отцу. Она ворковала, чмокала, изображая по телефону поцелуй, рассказала о своих свежих впечатлениях. Мы пожелали друг другу счастливого Рождества. Я забыла спросить о радиопередаче, но, возможно, Петер и не слышал ее, иначе он бы рассказал о ней.

Эржи тоже поговорила со своим мужем, он слышал, как читали отрывок из моего письма. Эржи в отчаянии сообщила, что им нужно съехать отсюда, где они сейчас живут. Она попросила меня поговорить с их хозяйкой, что они они уже пробудут здесь недолго, пусть разрешит им остаться до отъезда. Я сходила и поговорила с хозяйкой, устроилось и это.

Потом я поспешила домой. Меня ждали письма от Петера и от младшего брата. Я приготовила праздничную еду, насколько это было возможно в здешних скромных условиях, и поторопилась обратно к Марике. Я ехала на 12-ом автобусе среди деревянных домов. Было очень красиво, покрытые инеем березы склонились в зимних сумерках, на заднем плане виднелось розовое небо.

Моя дочка была рада рождественским подаркам, кукле-эскимосу и белому кардигану, который мне удалось закончить. Венгерские мамы и дети собрались в холле. Мы поздравили друг друга вечером этого скромного кануна Рождества, а потом пошли кататься на санках.

Рената, Жанна и мы

25 декабря

Мы украсили нашу палату к наступающему празднику Нового Года, повесили всякие блестящие гирлянды, ленты. На окна повесили бумажные цветы, кружева и снежинки. Наша палата превратилась в настоящий бальный зал. Между палатами шло соревнование, какая из них будет красивее остальных. На окнах цветными мелками рисовали Деда Мороза, Снегурочку, медвежонка Мишу, Микулаша. По мнению импровизированного жюри, лучшими оказались девочки-подростки из четвертой палаты, за ними следовала наша, первая. Наши девочки обрадовались второму месту и захопалали. У нас было праздничное настроение.

Итальянские мамы и дети собрались в столовой. Они окружили поставленные на стол вифлеемские ясли с маленьким Иисусом, Девой Марией и тремя восточными волхвами и пели. Мы с Жанной провели весь день в больнице.

26 декабря

Сегодня последнее воскресенье, когда на барахолке будут продаваться меха. Мы с Жанной пошли туда. Выбор был богатый, прекрасные меха, песцы, чернобурки, норки, нутрии, готовые шапки, шали, шубы. Все хотели продать свой товар. Цены упали на двадцать-тридцать рублей. Жанна купила красивый белый мех за 250 рублей, а я серовато-белый мех поменьше за 220. Около часа дня все начали собираться, и масса людей исчезла будто по взмаху волшебной палочки, барахолка закрылась.

27 декабря

Я понесла в больницу завтрак одна, Жанна поспешила на станцию к прибывающему в семь часов поезду, ее муж опять послал посылку с работающей на поезде буфетчицей.

Я рассказала Валентине Ивановне, что у Эржи, мамы Йожика, нервное переутомление, она хочет домой к дочери и очень хотела бы, чтобы ее сына, наконец, показали профессору. Главврач успокоила меня, сказав, что на этой неделе Илизаров осмотрит всех детей.

Другие мамы тоже обратились ко мне, чтобы я попросила справки об их пребывании здесь, кому-то они нужны для одного, кому-то для другого.

За Кристи приехала мама, девочка была вне себя от радости. Маргит рассказала, что 21-го числа она слышала передачу по радио, в ней прочитали тот отрывок из моего письма, где я с признательностью писала о том, как врачи обращаются здесь с больными. Продолжение будет 17 января.

После обеда профессор сделал осмотр, большинство детей попросили спуститься к нему в кабинет. Марика тоже была у него. На основании сегодняшнего рентгеновского снимка Илизаров решил, что завтра нужно будет снять кольцо, находящееся под коленом. Вечером я написала эту радостную новость Петеру.

30 декабря

Детское отделение было похоже на растревоженный пчелиный улей. Сегодня будет Новый Год, придет Дед Мороз и принесет всем подарки. Елка, маскарад, наступает праздник. Вчера некоторые из мам нарядили большую елку в холле. Мы разместили рядом с ней большую ширму, дети разыграют кукольное представление. Все маленькие больные, надев маскарадные костюмы, суетились в коридоре. Повсюду виднелись затейливые одежды, интересные фигуры животных, волшебники, сказочные персонажи, петух Йожика, лисица Марика, зайчик Настенька, но был и гусар, принцесса, турецкий паша, лесной гном и еще много всякого другого.

Ида Ивановна поздравила детей, работников больницы и родителей. Началась интересная программа, декламации, песни, кукольные представления, шуточные сценки. Самым большим успехом пользовалась сказка о репке. Рената играла роль дедушки, Света Цапок – бабушки, они дергали-тащили репу, им помогали внучка, собака, кошка, потом им на помощь прибежала проворная мышка, Димка, и репу удалось, наконец, вытащить. Смех вызвали не только игра, натужные усилия персонажей, но и их замечательные костюмы.

В конце программы дети с волнением ждали Деда Мороза. Узнают ли они, кто из дядей докторов нарядился Дедом Морозом и что они получают в подарок? Велика была радость, когда Дед Мороз вместе со своей внучкой Снегурочкой появился, тянув за собой большую корзину. Они танцевали, пели и раздавали детям подарки. Нельзя было угадать, кто из врачей и медсестер скрывался под маскарадными костюмами. Они даже запечатлены на общей фотографии. Потом празднующие разошлись. Разочарование вызвало отсутствие на празднике Гавриила Абрамовича.

После обеда, когда я вернулась в больницу, Марика с грустным лицом сидела на кровати.

- Что случилось, дочка?
- Боюсь сказать, – всхлипывала она.
- Ты сделала что-то нехорошее?
- Да. Я упала, и у меня болит нога.
- Покажи!

Я посмотрела ногу, никаких следов. Ушиблась, поэтому и болит. Но среднее кольцо как будто стояло теперь косо. Я показала Марике дежурному врачу. Александр Александрович успокоил меня, все в порядке. Мы рука об руку отправились на привычную прогулку. Дочка осторожно поднимала больную ногу.

31 декабря

Весь день я провела в больнице и не спускала глаз с Марикиной ноги. Марика жаловалась на боль, но из-за повязки я не видела никаких внешних повреждений. Вечером, едва я пришла домой, меня позвали к телефону. Борис сказал, что они ждут меня на новогодний вечер, как мы договаривались раньше. Мне было неприятно отказываться, но я все же отказалась. Я не находила себе покоя и рассказала, что случилось с Марикой. Тогда Борис попросил меня придти хотя бы завтра в полдень на обед. Я пообещала. У меня была Жанна, мы договорились скромно отметить Новый Год вместе. Она не хотела оставаться у себя дома, но у нее не было и настроения ехать в город к знакомым. Утром все равно нужно будет идти к детям.

– Марика, у тебя две кровати. Можно я переночую на одной из них? – спросила Жанна.

– Ну конечно, – ответила я, – не нужно и спрашивать.

Об этом узнали соседи по общежитию, Раиса Симоновна, Галя Брацова и Валя, которая работала в Усть-Илимске, они немедленно пригласили нас присоединиться к ним. У собравшихся было веселое настроение. Мы потешались над тем, что Женя, муж Раисы, оделся цыганкой и все время поправлял два мячика, чтобы они не соскальзывали у него в блузке. Он гадал по руке всем женщинам, это тоже вызывало смех. Одна из женщин поплотнее напялила на себя штаны, надела на голову рваную шляпу, намалевала под носом усы и представляла Гажи, мужа цыганки, играя на аккордеоне.. Мы чуть не надорвались от смеха. Так мы встретили Новый Год.

1 января 1983 г.

Город погрузился в глубокий сон, наступил новый год. Везде царил тишина. Не ходили автобусы, на улицах виднелось всего несколько человек. Мы с Жанной более получаса скользили, спотыкаясь, брели по снегу и льду. Даже не знаю, что заставляет нас проделывать этот путь дважды в день туда-обратно. Привычка? Совесть? Чувство долга? Материнская любовь? Сегодня мной двигало беспокойство: как там Марика?

Дочка встретила меня известием, что нога все еще болит, но терпеть можно. Она попросила меня спуститься с ней во двор покататься на санках. Я привязала к ее ноге чехол с ватиновой подкладкой, взяла девочку на руки, завернула в одеяло и – пошла, лошадка! Жанна с Ренатой тоже спустились погулять. Светило солнце, слетел снег, на деревьях дрожал иней, градусник у входа показывал 25 градусов мороза.

Около полудня мы распрощались с детьми и поехали в город к Борису встречать Новый год. Жанну тоже пригласили в соседний дом к Анне Майоровне Аранович, молодому кандидату наук, которая раньше была лечащим врачом Ренаты.

Новогодний групповой снимок детского отделения, 1 января 1983 г.

Софья удержала нас на обед, извиняясь за то, что он будет немного позже. Борис угостил нас шампанским, мы все чокнулись за Новый год. Борис поговорил с Жанной о своей работе, а потом поинтересовался у меня, что с Марикой. Он видел, что я сижу как на иголках, беспокоюсь и уже хочу уйти. Меня мучило дурное предчувствие из-за Марики. Из приличия мы еще посидели полчаса у Анны Майоровны, а потом заехали в общежитие, сложили в сумки еду, потом подогреем ее в больнице на плитке.

Марика хныкала, у нее болела нога. Я присмотрелась получше и увидела, что среднее кольцо перекошено сильнее, чем утром, да и спицы согнуты, стоят непрямо.

– Как ты упала? Прыгала? Кто это видел?

– Меня подняла тетя Алла, которая работает на кухне, – виновато ответила Марика, отведя глаза.

Алла дежурила, я побежала к ней узнать, что и как случилось.

– Позавчера в тихий час Марика вышла в туалет, начала танцевать, кружилась на одной ноге и упала, – рассказала Алла. – Она даже не заплакала, как раньше. В коридоре никого не было. Я как раз шла в санитарную комнату и помогла Марике лечь на кровать. Знаешь, был праздник, Дед Мороз, дети еще прыгали даже после обеда.

Так вот, о чем моя растерявшаяся дочка не решалась мне рассказать!

Я сдвинула бинт у среднего кольца, там, где оно скривилось, была новая рассечка. Дочка вскрикнула. Я увидела, что в этом месте нога распухла и покраснела. А там, где чувствовалась боль, даже посинела, а кожа была теплее, чем на остальной поверхности ноги.

Это перелом, – подумала я испуганно. Я побежала к Нине Владимировне, которая была сегодня дежурной медсестрой, рассказала ей, что случилось, она посмотрела и послала меня к Еркову, дежурному врачу, который немедленно назначил рентген. Пока делали снимок, прибыл наш ночной дежурный врач, доктор Васильев, который надел халат и сразу пришел к Марике. Он распорядился привязать ногу в вытянутом положении и повесить на нее груз в один килограмм. Мы с Ниной выполнили его распоряжение. Врач и сестра уже знали что произошло, они видели рентгеновский снимок, я могла только догадываться. Ребенок плакал, груз оттягивал ногу, которая болела сильнее. Венгерские мамы спрашивали, что произошло, но я пока и сама не могла сказать ничего определенного.

Я утешала, укачивала своего измученного ребенка. Меня тоже охватила усталость, я уже задремала. Жанна послала меня немного постоять на балконе, чтобы придти в себя, а сама рассказывала Марике сказку. Владимир Никандрович несколько раз звонил по телефону, мы не знали, кому и куда.

Было около половины девятого вечера, все мамы уже ушли, остались только мы с Жанной.

– Идите домой и вы! – сказал нам доктор Васильев. – Мария, вы очень устали. Идите, отдохните, ничего не случится! – Его рот растянулся в широкой улыбке, которая всегда придавала мне так много сил.

Мы с Жанной медленно брели домой. Там мы попеременно набирали домашний номер главврача Грачевой. Наконец, в половине одиннадцатого она подняла трубку. Я собралась с силами и в сопровождении извенений рассказала ей, что случилось с Марикой.

Успокойтесь, Мария, если ребенок ходил, то серьезной беды нет! В понедельник мы покажем Марик Гавриилу Абрамовичу.

До этого еще полтора дня. Я попробовала успокоиться.

2 января

Летом Галя показала мне полуподвальный вход у задней лестницы, здесь ходят только те, кто очень хорошо знают больницу. Через этот вход я поднялась на второй этаж и постучала в дверь рядом с нашим балконом. Еще не было и семи часов, только-только начало светать. Владимир Никандрович отодвинул защелку и встретил меня с широкой улыбкой.

– Мария, ночью мы с Гавриилом Абрамовичем прооперировали вашу дочь. Уже действительно нет никакой беды. Посмотрите, как она спокойно спит! Я как раз сейчас посмотрел ее, прежде чем уйти домой, – сказал он и так весело отправился домой, как будто ничего не случилось.

Марика спала в забытьи. Я приподняла ее одеяло. Новый год – новый аппарат. Под коленом опять виднелось кольцо, соединенное с другим, расположенным выше щиколотки. Нина вызвала меня в коридор и рассказала, что произошло ночью:

– Мария, вам просто повезло, что на дежурстве был Владимир Никандрович! Он такой ловкий и добросовестный врач! Как только вы покинули больницу, он пришел, ушел, позвонил по телефону и немедленно осмотрел ребенка. Около полуночи Тася, другая медсестра, разбудила меня, потому что пришел Гавриил Абрамович. В палату вкатили маленький рентгеновский аппарат, профессор лично сделал снимок ноги. Наверное, он не хотел верить тому, что показал ему Васильев. Включенный свет разбудил детей. Илизаров шутил с Марикой:

– Дай мне словую веточку! У тебя их целых три!

– Не дам.

– Ох, какая ты шалунья!

Все засмеялись. Потом Марик уезжали в операционную и в четыре привезли обратно. Позже Васильев еще несколько раз смотрел, как она себя чувствует, – закончила Нина свой рассказ.

Я целый день следила за своим ребенком. Жанна принесла нам горячую еду. После обеда Нина перевязала Марике ногу. Вечером звонил Петер, его поразил новый несчастный случай, который произошел с дочкой.

3 января

Сегодня утром я, как обычно, сидела рядом с Марикой, когда в палату вошла со строгим, сердитым лицом главврач Грачева, сильно хлопнула дверью и заворчала:

– Сколько раз я говорила вам, Мария, что Марику нельзя брать на руки! И вот, пожалуйста, у нее слабая кость, случилась беда! Я запрещаю вам находиться здесь с ней, с этого момента вам нельзя больше приходить в отделение! Вы поняли?

– Поняла. Но ведь большой беды уже нет! Нога прямая.

– Поймите, если вы будете щадить ребенка, если он будет мало ходить, то его кость не окрепнет, и опять произойдет то же самое. Она согнется или сломается. А теперь идите домой, теперь вы сможете встречаться только в столовой. И чтобы я больше не видела Марику у вас на руках!

Я быстро собралась. Марика горько плакала. Делать нечего, запрет – приказ главврача.

Дома я чувствовала себя очень скверно. После обеда я с трепетом вернулась в больницу, что же будет? Дежурной медсестрой была Галина Викторовна, которую я очень люблю. Она предупредила:

– Мария, не входи! Валентина Иванова и нам сказала, что не разрешает.

Шура вынесла Марику в коридор перед столовой. Весь вечер бедняжка просидела у меня на коленях, едва кушала. Она очень обрадовалась письму Бёжике.

Жанна отнесла ее обратно на кровать, уложила и рассказывала ей сказки.

4 января

Марика не ела, и я не смогла войти к ней. Жанна вынесла мне грязное постельное белье и другие вещи для стирки. Марика с костылем под мышкой прихромала ко мне.

– Пойдем, мама, мне нужно в туалет!

Главврач видела эту сцену. Я посмотрела на нее умоляющим взглядом, надеясь, что она разрешит проводить дочь. Но она была беспощадна. Марика, плача, всхлипывая, заковыляла в туалет с Жанной, а я утирала бежавшие по лицу слезы по другую сторону захлопывающейся двери, провожая взглядом плачущего ребенка.

Вечером то же самое. Какой ужасный запрет! Он действует мне на нервы. Почему же главврач столь строга и неумолима?

Вечером я позвонила на квартиру Борису и все рассказала Софье. Она пообещала поговорить с доктором, которая живет в квартире под ними, она их хорошая знакомая.

5 января

Марика снова ходила, правда, только на одной ноге и на костылях.

Утром повторилась вчерашняя сцена. Нет пощады. Я дрожала всем телом. Марика орала в коридоре:

– Мама, иди сюда!

Меня отослали. У меня кружилась голова. Не знаю, когда я в последний раз чувствовала себя так плохо психически. Мое самолюбие было уязвлено.

Берег Тобола. Вот зияет прорубь. Если я сейчас прыгну в нее... Тогда конец всему. Этим страданиям, этой холодной зиме. Я больше не могу.

Что чувствовала Эржике, связывая петлю на шею? А Янка, когда она приняла “Веронал” и открыла газ? А Аттила Йожеф, когда шагнул под поезд? То же самое. Что больше не могут.

Не помню, бывала ли я раньше в таком плохом душевном состоянии, как сейчас. Если и этого нельзя, нельзя быть с больным ребенком, тогда к чему все это?

– Умереть? Это может каждый! А вот жить! – так сказала бы моя подруга-ведьма, Анна Киш, если бы она видела меня сейчас. И еще: – Ты, сумасшедшая дура! – И, может быть, вдобавок дала бы мне по шее.

Я вспомнила предостерегающие слова отца, укачивавшего на руках младенца Марику: “*Ей будет хорошо только пока ты жива. Очень береги ее!*”. Как справился бы с ней Петер? Здесь? Сколько работают врачи во всем мире, спасая жизни людей! А я собираюсь отказаться от того, за что столько страдала моя мать.

Мне пришли в голову строки Михая Ваца о страдании, выпадающем на долю человека. Да, Михай Ваца выдержал и ободрял и меня, чтобы я не прекращала своих усилий и, несмотря на обстоятельства, “держалась, как подобает человеку”. Он ободряет меня и сейчас, после своей кончины. Однажды он рассказывал мне о каком-то русском враче, который спас его от смерти и поставил на ноги. Моего ребенка тоже ставят на ноги русские врачи. Странная штука – жизнь.

Нужно работать. Я часто убеждалась в том, что работа – лекарство от всех бед. Марика лежит в больнице, истощенная, с больной ногой, страдая от боли. Я должна думать только о ней, мне нельзя заниматься глупостями! Кто ее вырастет? О, как же я могла так отчаяться и вести себя как сумасшедшая? Все еще может обернуться к лучшему. Нельзя, нельзя, возьми себя в руки! – твердила я себе. Надо идти к Марике! Это моя задача здесь и сейчас. И по дороге домой я повторяла: Какое бы большое горе ни пало на сердце, надо жить, надо любить и надо выстоять.

Как хорошо, что я так пропитана литературой, цитатами, которые я всегда могу бормотать про себя! Я думаю, что литература не только изображает жизнь, но и вдохновляет человека, учит его жить.

Примерно в ста метрах от меня двое мужчин возились у другой проруби, вытаскивали добычу, вертлявых рыб. Они боролись с Большой Рыбой своей судьбы, с Жизнью и с этой суровой зимой. “*Человек создан не для того, чтобы терпеть по-*

ражения”. Они положили рыбы в мешок, позже они встанут с весами на каком-нибудь рынке и моментально продадут свежий улов.

Жанна встретила меня в больнице испытующим взглядом.

– Гда ты была, Марика? Я искала тебя в общежитии.

– Я ходила на берег Тобола. Посмотрела, как работают рыбаки.

– Правда?

– Правда. Как на Камчатке, точно так, как ты рассказывала.

Жанна привела Марику. Целый вечер мы просидели перед столовой, разговаривая с венгерскими мамами и детьми.

Вечером я позвонила Борису. Софья сказала, что она была с дипломатической миссией у Валентины Ивановны. Там она узнала, что Валентина Ивановна очень сердится на меня, но не сказала, почему. Выяснилось также и то, в чем я не была вполне уверена, – у Марики сломана нога.

Мы с Жанной начали стирать. С начала нового года она жила у меня, здесь спокойнее.

7 января

Мы с Марикой немного смирились с запретом. Вследствие этого снабжение моей дочки в палате в основном легло на Жанну. Утром – туалет, умывание, одевание, приведение в порядок игрушек и книг, а вечером – умывание перед сном, вечерняя сказка и усыпление ребенка. Подсматривая из коридора, я видела, как Жанна разговаривала с главврачом. Врач наклонилась к моей дочке, Марика что-то сказала ей, Валентина Ивановна улыбнулась и погладила ребенка по голове. Жанна поспешила ко мне и рассказала, чему она научила Марику, от чего смягчилось сердце врача. Заученные слова звучали так: “Дорогая Валентина Ивановна! Дорогая, добрая тетья доктор! Я буду вести себя хорошо, не буду кричать и плакать, буду много ходить на своих ногах, только прошу вас, разрешите моей маме входить ко мне в палату, как раньше”. Этот текст я написала на русском языке на фотографии, которая была сделана во время новогоднего фотографирования, и на которой Марика с такой любовью держит главврача за руку. Эта фотография была готова как раз сегодня, позже мы отдадим ее Валентине Ивановне.

Венгерские мамы приставали ко мне, чтобы я пошла с ними к главврачу поинтересоваться состоянием детей. Но на этот раз у меня не хватило смелости. Я предложила им словарь, но словарь был им не нужен, он им не поможет. Вместо этого они обиделись, не понимая, почему я не хочу им помочь.

Зато вечером они это поняли. Мы с мамами и детьми ждали осмотра перед кабинетом профессора. До сих пор первой чаще всего была Марика как самый младший пациент. Но сегодня нас оставили напоследок. Мы уже ждали около трех часов, когда пришла наша очередь. Я послала ребенка в кабинет. Сергей Васильевич

Главврач Валентина Грачева с Марикой

был в отпуске, его заменял Александр Александрович. Он сказал, чтобы я тоже вошла.

– Как вы догадались, что девочка сломала ногу? – спросил профессор.

– Она упала 30-го во второй половине дня.

– Доктор видел ее после этого?

– Да, тогда, вечером, я показала ее Александру Александровичу, но ничего не было видно.

– Рассказывайте дальше!

– Девочка жаловалась на боль, но немного погуляла со мной. Я думала, что ей больно, потому что она ушиблась. Потом первого числа я сдвинула повязку и увидела, что кожа стала блестящей, теплой, распухла и посинела, кольцо сильнее перекосилось, а спицы погнулись.

– Вы уже очень много знаете.

– Тогда я обратилась к дежурному врачу, Еркову, который послал нас на рентген. Потом пришел ночной врач, Владимир Никандрович.

– И потом вы мне позвонили.

– Только не я.

– Да, не вы, а Васильев.

Илизаров назвал доктора по фамилии.

Между тем я следила за лицом главврача и заметила, что в этот момент оно смягчилось. Я правильно подозревала, что она думала, что тогда, вечером, когда я позвонила ей, я звонила и Илизарову. Теперь все выяснилось. Лед тронулся, у меня словно камень с сердца свалился. Профессор смотрел на ногу Марики и размышлял вслух.

– Еще три недели. Поедете домой позже. Видите, я хотел, чтобы вы смогли уехать поскорее, но вышло иначе. Присматривайте за дочкой, она очень подвижная!

11 января

Мы сидели перед столовой, когда пришла Валентина Ивановна и улыбнулась моей дочери.

– Доктор, я хотела бы попросить у вас справки для венгерских матерей.

– Заходите!

Мы вошли во врачебный кабинет, мамы просили, спрашивали, я переводила на русский и на венгерский. Этот вопрос тоже был решен.

Мы с Жанной поспешили домой. Вчера мы упаковали мои вещи и оставили их на хранение у соседей, самое необходимое погрузили на санки потянули наше “такси” к Жанне. Пока красят мою комнату, я буду жить у нее.

Уложив вечером детей, мы быстро вернулись в рабочее общежитие за оставшимися там вещами. И пусть по радио объявили, что температура упала до 27 градусов, и дул ветер, разбрасывавший снег, это было нашей задачей. Друзья познаются в беде, – перевела я Жанне венгерскую поговорку.

Приехав сюда, как я мечтала найти такого же друга, каким был Вилен для Петера, бескорыстного и готового помочь. Поначалу я надеялась на журналистку Наташу, потом на Галю, а когда я уже отказалась от этой мечты, появилась Жанна, которая поддержала меня и помогла в беде.

– Мне тоже сказала Валентина Ивановна, – заметила Жанна, – что я сейчас веселее, чем на прошлых этапах, потому что нашла подругу.

Я очень радовалась этому сокровищу, нашей дружбе.

13 января

На кухне нам приходилось тесниться с хозяевами, нужно было приспособливаться. Но еще хуже была нехватка воды. Наверное, в Рыбково опять потрескалась от холода какая-нибудь труба, в этом районе города это случалось часто. К счастью, в чайнике еще оставалось несколько кружек воды, полстакана хватит для чистки зубов, а остальное пойдет на чай для детей. Жанна встала в очередь за молоком перед “Сибирью”, много людей топтали ногами на морозе, ждали открытия универсама.

В больнице тоже не было воды, ее перекрыли во всем городе. Случилась какая-то крупная беда. Среди стоявших в очереди молниеносно распространилась новость, что на берегу Тобола обрушился дом, его обращенная к реке часть рухнула в воду, пробив толстый лед. В этом доме было такое же четырехэтажное общежитие, как у нас. Многие погибли, остальных жителей поселили в близлежащих гостиницах. Причиной трагедии стало то, что река вымыла почву под фундаментом и, просачиваясь внутрь здания, разрушала стены. Поэтому нет воды, дано распоряжение обследовать городскую водопроводную сеть, что займет одну-две недели. Воду будут пускать только на короткое время по утрам и вечерам. Тогда придется набирать.

Как и везде, где происходят чрезвычайные происшествия, на месте стихийного бедствия собрались люди. Солдаты, люди в фуфайках спасали имущество, грузили обломки на грузовики, отгесняли подальше зевак. В углу здания зияла дыра, триж-

ды четыре комнаты свалились в Тобол. Говорили, что пропали восемь человек, пока нашли двенадцать трупов, двадцать человек доставили в больницу.

В углу одной из разрушенных комнат на втором этаже ветер колыхал повешенное на веревку белье.

Уже несколько дней у меня болели голова и горло, текло из носа. Хорошо бы оказаться в теплой комнате!

16 января

Со времени новогодней операции Марики, я так уставала, что по вечерам у меня не оставалось сил записывать дневные события. Да еще этот ремонт в комнате и переезд! Каждый день одна и та же изнурительная работа и ужасный холод.

К сегодняшнему дню закончили красить мою комнату, мы с Жанной убирали следы краски. Набранная утром вода быстро кончилась. Мы три раза бегали с ведром на соседнюю улицу к колодцу, стоявшему во дворе деревянного дома. У нас окоченели кончики пальцев, мы уже чувствовали не холод, а боль, днем было 25 градусов мороза.

Кастрюля для стирки, подогревание воды, затем мы смыли капли краски с окон, кроватей и пола. Потом притащили обратно мебель, чемоданы от соседей и множество банок, в которые мы собирали воду. Наконец, приготовив еду для детей, мы отправились в больницу.

Сегодня мы еще ночевали в съемной комнате Жанны, завтра переедем обратно в общежитие.

20 января

Нехватка воды все утомительнее, к тому же никак не прекращаются сильные морозы.

Мы с Жанной направились в город за покупками. Мы купили вишневым и березовый сироп, а на рынке приобрели задорого три прекрасных белых цветка каллы, которые хорошо завернули в бумагу, положили в полиэтиленовый пакет и поспешили домой, чтобы они не заморозили по дороге. Сегодня вечером, в день рождения Ренаты, мы устроим праздник. Но перед этим нам нужно было еще раз отправиться в город, в час двадцать на вокзал прибыл скорый из Москвы, Миша прислал посылку ко дню рождения дочери. Мы как раз пришли на вокзал, когда подошел длинный поезд, состоявший из зеленых вагонов. Жанна рассматривала вагоны, искала буфет и буфетчицу. К тому времени, когда они заметили друг друга, вагон уже отцепили и перевели на другой путь. Жанна побежала по снегу между рельсов против ветра и вскочила на движущийся состав. Я на секунду остолбенела, а вдруг не

получится, а вдруг она упадет под поезд... Но она только засмеялась и помахала мне рукой. Затем состав вернули обратно, я попробовала следовать за ним.

Жанна старательно тащила вещи. В обеих руках у нее были коробки, сумки. Как она справилась с ними? Они весили килограммов пятнадцать. Мы поделили багаж и побрели с ним к такси. Сколько здесь всего! Телятина, колбаса, консервные коробки с сосисками, икрой и рыбой, компоты в банках, яблоки, апельсины, сиропы, джемы, бутылка токайского вина и большой торт. Дети обрадовались изобилию вкусноты. Они подарили Ренате рисунок, куклу, несколько мелочей, сделанных собственными руками. Все ели, пили, танцевали и пели. Жанна была счастлива, ей удалось обрадовать детей.

На мою долю выпало мытье посуды. Но где же взять воды? Я не Моисей и не могу добыть воду из скалы! Я спустилась во двор с самой большой кастрюлей в руках, набрала снега и растопила его на плитке.

Вечером я получила письма от Петера и с работы. Меня уже очень ждут дома.

24 января

Беда не приходит одна. Мало было холода и нехватки воды, теперь в детском отделении еще начала распространяться ветряная оспа. На теле у все большего количества детей появлялись маленькие пузырьки. Всех детей с сыпью изолировали, – но где? Мамы завернули детей в пледы посадили их на санки и увезли в съемные комнаты. Жанна тоже увезла Ренату, Эржи – Йожику. Я знала, что Марика уже перенесла ветрянку, ей болезнь не грозила. Днем немного потеплело, сияло солнце и мы пошли кататься на санках. Санки быстро катились, дочка подбадривала меня: давай, лошадка, пошла! Мы навестили больную Ренату. Рената с мамой удивились и обрадовались. Две девочки играли в домино. Жанна шила шапку из белого меха.

– Ты еще пожалеешь, что начала кустарничать, вот, неправильно скроила! Для этого нужна профессиональная подготовка, – сказала я.

Жанна была непреклонна. Мы вертелись перед зеркалом, примеривали мягкий, шелковистый мех. Марика повесила на себя всякие погремушки, цепочку, браслет. Моде тоже нужно учиться, чем раньше, тем лучше.

Пишти пожелтел, его перевезли в другую больницу, там его навещала тетя Ленке. Приехала и мама мальчика.

1 февраля

Марика чувствует себя хорошо, неплохо ходит. А я примирилась с тем, что нам придется провести здесь и эту зиму, я уже привыкла. Да что же я пишу? Привыкла? К этому нельзя по-настоящему привыкнуть.

Жанна беспокоится, ее муж попал в больницу, ее отец тоже болен. Она хочет уехать домой на период закрепления, на два месяца. Ей хочется немного отдохнуть, прекратить эти каждодневные хлопоты.

Говорят, что Илизаров скоро уйдет в длительный отпуск. Он хочет писать, обобщить суть своего метода лечения, опыт, накопленный за долгие годы. Он все откладывал и откладывал это, как наш Земмельвейс. Главное – лечение, больные, Жизнь. Он будет реже оперировать, в случае необходимости больных будут возить к нему в приемную рядом с его квартирой. С ним будут работать пятеро, из нашего отделения Валентина Ивановна Грачева и Сергей Васильевич Макаров. Теоретическая работа становится срочной, осенью состоится открытие новой больницы, будут организованы международные конгрессы врачей, прозвучат доклады. Приедут участники со всех концов земли, в том числе и из Венгрии.

Я забежала к Жанне с дочкой, отнесла им молоко и хлеб. У Ренаты сыпь стала меньше. Ее мать усердно мазала ее какой-то зеленой жидкостью, вся девочка была покрыта сыпью.

Я одна в общежитии. У меня меланхоличное настроение, нужна какая-нибудь радость. Пришло письмо от Петера, у него настроение не лучше. Он писал: “Я уже даже не знаю, в который раз слушаю магнитофонную запись ваших голосов. Позавчера, во вторник (17 января), по радио передавали ту часть передачи “Душа и тело”, в которой говорится о вас. Я соединил радио с магнитофоном и записал передачу на кассету”.

Затем шли новости о семье и с работы, а потом вечнозеленая тема – эсперанто. Муж рассказал о своих пятидневных курсах, об успешных экзаменах. Они лихорадочно готовятся к 68-му Всемирному конгрессу эсперантистов, который пройдет летом в Будапеште. Петер получил серьезную задачу. “Сейчас это успокаивает мне нервы и поддерживает психически. Мне есть куда пойти, о чем и с кем разговаривать. Иначе я прихожу домой, и меня встречают глухая тишина и пустота. Я вижу след твоих рук, игрушки Марики, но нет никого и ничего, и так день за днем. Что же это за жизнь?”.

Я начала собираться, нужно идти к ребенку. Из-за отсутствия воды и неудовлетворительной гигиены у девочки появились глисты. Это показал анализ на яйца глистов, его сделали всем детям, и те, кто заразился, получили лекарство. Я носила в больницу воду в банках, подогревала ее, несколько раз в день мыла Марике руки с мылом. Она опять плохо ела.

“Эта нехватка воды просто ужасна, – писала я мужу. – Не знаю, как бы ты выдержал ее. На умывание выпадает по семь децилитров в день. Поэтому стирка и готовка и причиняют столько забот. А сейчас жестокий мороз. Температура ночью 32, а днем 25-28 градусов мороза. Марикина нога срослась. 24 января сделали рентген. Увидев его, Илизаров сказал, что можно снять аппарат. Но Валентина Ивановна осторожна. Она сказала, что нельзя торопиться со снятием аппарата, потому что потом придется начинать все сначала. Так что я не знаю, когда его снимут, воз-

можно, в середине февраля. Я поеду домой одна. Борис поможет мне здесь, а Вилен в Москве. Вы будете ждать нас дома. Я пошлю телеграмму. Отправление рейсов очень ненадежно.

Кстати сказать, малышка стала здесь совсем большой девочкой. Она танцует, поет, каждый день “выступает” в палате. А какие она строит гримасы! Они смешат всех нас.

Однажды вечером Жанна поддразнивала ее, предлагая Марике стать ее дочкой, и тогда у нее будет новый папа в Москве, лучше прежнего.

– Мне не нужен лучше! Мне нужен мой папа! Тетя Жанна не знает, какой хороший и красивый муж моей мамы. Посмотрите его фотографию!

Марика целовала твою фотографию, смеялась тому, что у тебя колючие усы. Вот как любит тебя твоя маленькая дочка!

Чуть не забыла! Она выступала по курганскому радио. Мы слушали. Она залезла под стол, застыдилась собственного голоса. Она продекламировала стишок о Деде Морозе, и ее похвалили за хорошее знание русского языка.

В конце февраля Галина Николаевна поедет в Будапешт с туристической группой. Окажите ей помощь!

У меня испортились сапоги, сейчас они в починке, я хожу в сапогах, полученных на время.

Я уже очень жду, когда мы снова будем вместе”.

4 февраля

Рената вернулась в больницу, Жанна снова жила у меня. Она все сильнее волновалась из-за новостей, которые получала из дома, по вечерам все время звонила по телефону.

Наконец-то есть вода и днем, да и погода уже не такая суровая. Черт бы побрал эту зиму!

Днем мы вязали, переводили. Только беда в том, что на это выпадало мало времени, всегда находились другие дела. Сегодня в общежитии мы убрали лопатами вонючую сточную воду из коридора общежития после засора унитаза в туалете, переглядываясь и спрашивая друг у друга: “Неужели мы учились двадцать лет, чтобы быть здесь санитарками”? Это было самое ужасное.

Я очень благодарна Жанне, у которой снова научилась русскому языку. Правда, нельзя сказать, что я знаю язык в совершенстве, но меня понимают. Мы разговаривали о всякой всячине, о литературе, живописи, семье, о судьбе, о войне, о чем придется. Она объяснила мне всю эту курганскую жизнь, что она значит, и что ждет нас в будущем. Всякий раз, когда мы доедали оставленную детьми еду или жевали свеклу, морковь и апельсиновую кожуру, мы, смеясь, повторяли, что детям нужны здоровые мамы.

– Марика, больше всего будет тогда, когда маленькая Марика подрастет, осознает свою красоту и свой недостаток и спросит: Почему ты родила меня такой? Это будет хуже всего, больше всего. Тебе достанется, как досталось мне. И если Марике будут обижать из-за руки или ноги в детском саду или в школе, это будет больно вам обоим. Но нет другого выхода, только вот этот: метод Илизарова в Кургане. Ради него нужно годами приносить жертвы, потому что мы в первую очередь матери. Не забудь, что я сказала тебе о питании и береги и себя тоже, потому что ей еще долго будет нужна здоровая мать!

Сегодня я опять отвела дочку кататься на санках. Она не простудится, я закутала ее в гладильное одеяло и основательно закрыла ей лицо. Вдруг мы повстречались с милой ночной сестрой, тетей Паней, которая несла в руках сумку с яблоками. Я передала через нее матерям, что стою в очереди в овощном магазине, кто хочет купить яблок, пусть присоединяется. Многие присоединились ко мне. В городе давно не было свежих яблок, в сильный мороз долго не было завоза.

5 февраля

Тетя Ленке попросила меня пойти с ней в кассы “Аэрофлота” заказать билеты на самолет, потому что они не могут объясниться. Ее невестка собирается лететь домой.

Заказав билеты, тетя Ленке с невесткой пошли на рынок, а я рассматривала дома на тенистой Советской улице. Мне нравятся эти старенькие дома, они особенно красивы сейчас, покрытые снегом. Иней вышил праздничные узоры на выдавших виды железных решетках. Зима здесь красива, когда не слишком сурова, не дует ветер, много солнечного света и ясно блестит небо. Собственно говоря, в такие моменты мне нравится жить здесь. Я чувствую себя как Катюша Маслова, уже привыкла к этому бедноватому, простому, но гораздо более человечному миру. На моем лице мелькала улыбка, когда под деревьями со мной здоровались знакомые. Сибирь, Курган, русская земля, моя вторая родина.

Вечером венгры опять собрались для небольшой беседы. Кто уезжает домой в ближайшее время, кто приезжает из Венгрии? Мы сдружились в беде. Ждем новостей, ждем дня отъезда на родину.

Прежде остальных уехала Жанна с дочерью, правда, они “сбегают” только на полтора месяца, на период закрепления, аппарат Ренаты перестали подкручивать. “Мама” Валентина отпустила их, Илизаров тоже согласился на их отъезд.

13 февраля

От Марики я поспешила к Жанне, чтобы помочь ей отвезти вещи на аэродром. Вечера мы перевезли ко мне посуду и остатки продуктов, сегодня я везу к себе постель-

ное белье. Я обещала постирать его к тому времени, когда Жанна с дочерью вернутся обратно. Если тогда нас уже не будет здесь, я оставлю у Шуры одежду, посуду и непортящиеся продукты.

Пакет, чемодан, коробка, сумка – семь предметов багажа. Мы с Жанной три раза спускались с четвертого этажа. Рената с аппаратом на ноге осторожно сошла, опираясь на костыли. Они улетели домой.

Меня окружила глубокая тишина, мне не хватало смеха Жанны, ее воркующего говора, вибрирующего беспокойства. У меня было ощущение, будто потеряна часть собственного “я”.

– Когда будешь уезжать домой, пришли телеграмму! Я приеду в Москву, чтобы встретиться с тобой! – сказала Жанна на прощание.

Со мной остались наши совместные планы. “Мы снова приедем через два года, весной 85-го. Будем опять жить в общежитии. Если у тебя будет ребеночек, привози и его, будем ухаживать за ним вдвоем! Он будет немножко и моим. Мы будем ходить в больницу попеременно, утром я, а вечером ты”.

Мне вспомнились проведенные в хорошем настроении дни и недели, движения Жанны, когда мы вместе работали, готовили еду для наших детей. И ее обещание приехать в Венгрию, где ее интересует все, Будапешт, Сентендре, Вишеград и Балатон. Если я останусь здесь, она тоже будет сопровождать меня повсюду. Больше всего мне хочется посмотреть Загорск и Ясную Поляну.

Я поспешила к Марике, чтобы не чувствовать с такой силой неожиданно обрушившееся на меня мучительное одиночество.

Вечером меня ждало письмо от Петера. Ему тоже не легче.

14 февраля

Ответ мужу:

“С тех пор как мы приехали сюда, прошел без двух дней год. Принимая во внимание все трудности, плохую погоду, нелегкие условия жизни и перенесенные нами троими психические и физические нагрузки, я все же считаю, что в интересах Марики мы правильно сделали, что выбрали Илизарова и Курган. В настоящее время это лучшая возможность для лечения. Даже учитывая искривление и новый перелом. Хотя было бы лучше, если бы этого не случилось. В дальнейшем надо лучше оберегать дочку. Быть может, когда она подрастет, поймет, что ей нельзя делать все, что делают другие дети. На лечение этой малышки у меня уйдет полжизни. Мне нужно это выдержать. Каждый раз, когда мы приезжаем сюда, я принимаю во внимание возможность смерти, я тоже боюсь, что самолет разобьется.

Марика ведет и чувствует себя хорошо, хорошо ходит. Глисты и воспаление мочевого пузыря уже прошли.

Здесь есть девочка, которую порезали хирурги во Франции, и в конце концов пришлось привезти сюда.

Галина Николаевна, комендантша, поехала в Будапешт, она будет там с первого по четвертое марта. Я дала ей твой адрес и телефон, если она обратится к тебе, помоги ей!

У нас потеплело, температура 10-15 градусов мороза, идет снег”.

15 февраля

Во второй половине дня доктор Раиса Ивановна попросила меня быстро покормить ребенка, внизу нас ждет микробус, он отправляется в пять часов, мы поедем в город к Илизарову.

Марика быстро съела борщ, сырники она уже глотала в автобусе.

Мне стало жарко, когда я внесла ее на четвертый этаж, в приемную Илизарова. Остальные опередили меня. Мы тихо сидели и ждали осмотра. На этот раз нас позвали первыми. В комнате профессор, Валентина Ивановна и Сергей Васильевич посмотрели, как Марика ходит, а также ее ногу и рентгеновские снимки. Потом они вынули из кармана халата ключи и начали ослаблять гайки на аппарате.

– Завтра Сергей Васильевич снимает аппарат. Можете ехать домой. Все в порядке, не бойтесь, ничего не случится! – сказал Гавриил Абрамович.

Зимняя прогулка с Сергеем Макаровым

Прогулка в одиночестве

Мы с Мариной не могли поверить своим ушам и глазам, так неожиданно застигла нас эта новость. Один год – девять сантиметров! Для нас это большой праздник.

Еще десять дней, и можно будет уехать домой. Эти десять дней после снятия аппарата будут по-настоящему тяжелы. Каждый день пройдет для меня в постоянном трепете, страхе и внимательном наблюдении. Только бы Марика не упала, только бы не ушиблась, потому что, если что-нибудь случится, то снова аппарат! Я снова буду рядом с ней с утра до вечера.

20 февраля

Марикина нога стала красивой и прямой, удалось даже добиться легкого изгиба голени. Сейчас нога даже красивее, чем была летом. Правда, на ней много следов от спиц, ранок, но со временем кожа регенерируется. Сергей Васильевич и Татьяна Сергеевна показали, как я должна буду массировать дома дочкину ногу несколько раз в день по десять-двадцать минут.

Сегодня милый дядя доктор разрешил нам спуститься во двор покататься на санках, было не очень холодно. Я надела на Марику красные суконные сапожки, купленные на днях. С нами спустился и Сергей Васильевич, мы попросили фотографа Сергея запечатлеть нашу прогулку. У меня было ощущение, будто мое сердце стучит в горле, так я волновалась, опасаясь, что Марика упадет на скользкой дороге. Но она гуляла безопасно, опираясь на костыли и несильно нагружая больную ногу.

Мы считали дни как дети между днем Святого Николая и Рождеством: сколько еще раз нужно будет спать до желанного дня?

25 февраля

Прошло десять дней, ничего плохого не случилось. Когда мне было нужно идти заказывать билеты на самолет и отправлять телеграммы, я оставила Марику на попечение Шуры. Я сообщила Вилену, Петеру и Жанне дату нашего отъезда, где и когда нужно будет нас встретить.

Главврач выдала мне справки. В них было указано с какого по какое число Марика была в больнице, и когда нам нужно будет вернуться для контрольного осмотра.

Мы попрощались с Сергеем Васильевичем.

– Дорогой доктор, я очень благодарна вам за ласковое обращение и добросовестную заботу о моем ребенке. Мне хотелось бы пригласить вас летом к нам в гости в Будапешт.

– Потом, теперь не могу.

– Надеюсь, вы будете нашим врачом и когда мы приедем в следующий раз.

– Не знаю, посмотрим.

Мы попрощались с венгерскими мамами, пациентами и другими знакомыми. Я собрала Марикины вещи, заправила ее постель, вызвала такси, и мы поехали в общежитие. Сегодня вечером Марика уже ночевала вместе со мной.

26 февраля

Все наши вещи упакованы. Посуда и одежда зашиты в мешки, они будут ждать нас на складе.

Муж Раисы Симоновны отнес два чемодана вниз. Я попрощалась с Галей Брацовой и бабушкой Валею, буфетчицей. Раиса проводила нас до ворот, я поцеловала двух ее детей, и мы распрощались. Марика была готова к поездке, я хорошо закутала ее.

Борис приехал за нами на машине. Мы еще заскочили к его семье попрощаться с Софьей и Иночкой. Борис собирался поднять Марику на руках в свою квартиру на четвертом этаже, но она не разрешила. Только я знаю, как ее нужно держать, ее нога чувствительна к прикосновениям, посторонний человек может случайно стиснуть ее.

Когда мы поднимались вверх по лестнице, открылась дверь четвертой квартиры, и нас позвала к себе Валентина Ивановна. Она как раз мыла у себя прихожую и узнала голос Марики. Ее муж, судья, читал.

– Это та самая венгерская женщина, о которой я тебе рассказывала, – представила она меня.

В комнате доктора я увидела народные вышивки, в том числе и много венгерских, я сказала их названия: калочайская, матью. Узнала я и свой подарок, лежавший на столе, – берегскую перекрестную вышивку с узором Ракоци. В большой комнате стояли шкафы с книгами. На шкафах располагались бутылки с интересными этикетками, винная коллекция мужа, собранная со всех концов мира. Он собирает ее уже тридцать лет. Я посмотрела, есть ли в ней токайское вино. В скромно спрятавшейся поллитровой бутылке виднелась золотистая жидкость, токайское асу с пятью путтонами. На полках были расставлены разные безделушки, сувениры из разных стран мира – раковины, коробки, куклы, игрушки. На столе – свежие цветы и фотографии пациентов. Среди них и наша, на которой Марика с любовью держит доктора за руку.

Мой взгляд остановился на большом зеленом альбоме: Ясная Поляна. Я с любопытством перелистала его, искала ставшие символом деревья, дуб с березой, обнимающиеся в парке. Как писал в своем стихотворении Габор Гараи, *“Из одного корня растут те два ствола, иль накрепко срослись там, под землей”*.⁵⁸ Я нашла их.

⁵⁸ Строки из стихотворения Габора Гараи “Обнимающиеся деревья”.

Был там и рассказывающий о Ясной Поляне альбом поменьше, доктор подарила его мне. Я очень удивилась и поблагодарила ее.

Валентина Ивановна показала мне и кухню. Кажется, что во всем мире женщины ведут самые душевные разговоры именно на кухне. Марика с гордостью помогала молоть кофе. Доктор угостила нас кавказскими деликатесами и перечислила их названия.

– Мария, вы успеете вернуться через два года! Марика обязательно должна научиться плавать это пойдет ей на пользу в течение всей ее жизни! Мария, родите еще одного ребенка! Вы молодая, сильная, здоровая женщина. У меня только одна дочь, знаете, Света. Когда мне пришлось в голову, что хорошо бы завести еще одного ребенка, мне было уже за сорок.

Потом мы поговорили о моей работе, о семье и о нашем доме. Я удивилась любезности и естественному поведению доктора и задумалась над тем, что в Венгрии главврач едва ли стал бы накоротке общаться с пациентом.

Марика с любопытством осмотрелась и начала увлеченно играть с комнатной собачкой. Потом за нами спустилась Софья, нужно было торопиться, чтобы не опоздать на самолет.

– Всего хорошего! – попрощалась Валентина Ивановна. – Когда вернетесь сюда в мае, заходите к нам снова!

В глазах Софьи мелькала лукавая улыбка, посмеиваясь, она сказала, что у нее есть для меня небольшой подарок. Она заметила, что всякий раз, когда я приходила к ним в гости, я перелистывала альбом Сурикова, теперь она подарила его мне. Я очень обрадовалась и поблагодарила ее. В этом альбоме меня в первую очередь привлекала картина, изображавшая упрямую веру боярыни Морозовой в условиях суровой русской зимы. Эта вера закаляла и меня. Даже если все будут смеяться надо мной и отвернутся от меня, я все равно не сдамся! Доведу это трудное дело до конца.

По русскому обычаю мы присели, собираясь с силами перед дальней дорогой. Мы знали, что расстаемся не навсегда. Софья расцеловала Марику. Борис и Иночка проводили нас в аэропорт, приехали и Таня с Вовой. Ослепительно светило зимнее солнце.

Галя Стольникова тоже сегодня везла домой дочь, как и Лида Димку, своего сына. До Москвы мы летели вместе. Моторы самолета равномерно гудели. Марика заснула у меня на руках. Смотря на ее кудрявую головку, я задумалась над тем, сколько километров я исходила ради нее за прошедший год в больницу и обратно и сколько килограммов перетаскала за это время. Для меня это такая же пожизненная задача, какой были семеро детей и виноградник на горе Сархедь для моей матери. До контрольного осмотра остается еще два с половиной месяца. Какое это будет сумасшедшее время! Я непрерывно должна буду следить за девочкой, куда идет, как ступает!

Вилен и Миша ждали нас в Домодедово, а Элла дома, приготовив вкусный ужин. Марика весело играла с Женей в железную дорогу. Потом раздался звонок, приехала и Жанна.

27 февраля

Шереметьево. Марика у меня на спине. Тяжелые чемоданы. Таможенный контроль. Мы прощаемся с Виленом и Мишей. Встретимся с ними в мае, а летом они, может быть, приедут к нам.

Будапешт, Ферихедь. Нас ждали Отец, Бабушка, Дедушка, Бёжике. Я привезла младшую внучку.

III этап ноябрь 1985 г. – сентябрь 1986 г.

С тех пор как мы вернулись из Кургана, прошло два с половиной года. Мы были там в середине мая 1983 г., я возила Марику на контрольный осмотр. Нам назначили вернуться в ноябре, но, к сожалению, тогда я не смогла поехать. Случилось то, что предсказала Жанна, в конце концов я свалилась с ног от усталости. С сентября я не могла ходить в прямом значении этого выражения. Меня лечили в больнице, чтобы я смогла встать на ноги, а потом я несколько месяцев лежала дома на доске. Из-за межпозвоночной грыжи, ишиаса с болью в левой ноге и других проблем я получила массу успокаивающих и обезболивающих уколов и приняла огромное количество таблеток. Условия жизни в Кургане истощили меня физически. Но еще труднее было вынести отрицательные воздействия, обиды и разочарования, которым подвергалась моя нервная система в Венгрии. В то время все складывалось как-то неудачно: дома тоже приходилось часто таскать тяжести, на работе произошли перемены, и не удался и обмен квартиры. Откуда же нам было взять столько денег при таких обстоятельствах? Марика пошла в первый класс. Ее часто дразнили в школе, ее никто не защитил. Был человек, у которого я просила и от которого надеялась получить помощь, но напрасно.

Я могу надеяться только на себя, – сказала я себе снова. Но на этот раз меня подвело и здоровье.

И все же нашлись люди, которые пришли мне на помощь в то время. Районный врач Юдит Шелмец и главврач Марта Якаб добросовестно сделали все возможное, чтобы поставить меня на ноги. Ведь я должна была лететь с ребенком в Курган.

Писание – лекарство для раненой души. Вылив на бумагу всю свою боль, человек снимает с себя душевный груз и успокаивается. В этом невозможном положении Петер пришел в отчаяние. Он боялся ехать с Марикой на неизвестную чужбину и боялся оставить меня одну, больную, неспособную ходить. Да он и вообще не мог бы уехать. Как бы он справился с уходом за Марикой в Кургане, в таких условиях? И если бы он вышел на больничный, как бы он оплачивал алименты на трех детей?

Я написала профессору Илизарову в письме, почему мы не можем поехать к нему в ноябре и попросила назначить другое время. Венгерские медицинские ведомства не приняли ответа, прибывшего на наш адрес. Они считали, что мы произвольно прервали процесс лечения и хотели, чтобы мы начали всю процедуру сна-

чала, как будто бы Марика была новой больной. После восьмимесячного ожидания, в течение которого они не передавали нашего прошения в Курган, мы получили отказ. Я не успокоилась на этом и обратилась с жалобой к министру здравоохранения доктору Ласло Медве. В мае 1985 г. Петер поехал в Москву, где с помощью Жанны встретился с находившимся там проездом профессором Илизаровым и разговаривал с работником министерства здравоохранения СССР. С полученными от них бумагами, пройдя через все лабиринты медицинских ведомств и преодолев бюрократические препоны, нам удалось оформить поездку в Курган для новой операции.

Мое положение на работе улучшилось, я получила больше понимания и сочувствия, меня наградили за отличную работу, и тем самым я получила некоторую материальную поддержку на период предстоявшей нам поездки в Курган.

2 ноября

Из-за множества дел я легла спать только в полночь, но не смогла заснуть. Перед поездкой меня всегда охватывает сильное волнение, я боюсь проспать. Уже в четыре часа я вскочила с кровати и сложила вещи в чемодан. Петер ворчал, чтобы я спала, зачем вставать так рано? Вскоре после пяти зазвонил телефон, Вилен сказал, что в три часа утра он ждал нас в “Шереметьево”. Я разозлась на собственную глупость, в посланной мной телеграмме было неточное извещение о приезде. После моих многочисленных извинений Вилен успокоил меня и сказал, что будет ждать нас и во второй половине дня. Он – редкий пример готового на жертвы друга.

Бабушка, дедушка, Петер и Бёжике проводили нас в аэропорт Ферихедь, в 10 часов 20 минут мы вылетели в Москву, на этот раз только вдвоем с дочерью. Нас ждали Вилен и Сережа. По дороге Вилен рассказал, как его хотели убить немцы, и показал, где шли жестокие бои. Дома он достал рентгеновские снимки, около позвоночника в нем остались осколки автоматных пуль. Он рассказал, что его несколько раз оперировали, пытаясь вынуть памятки войны, но так и не удалось удалить все осколки. Его жизнь висела на волоске. Я почувствовала к нему еще большее уважение, благодарность и дружеские чувства.

Марика и Женечка весь вечер играли в учительницу. Мы с Эллой, переглядываясь, любовались на детей. Вилен позвонил в Курган и сказал Борису, что мы приезжаем завтра.

3 ноября

Рано утром Вилен и Сережа проводили нас в “Домодедово”. После двух с половиной часов полета мы прибыли в Курган. Город и его окрестности были покрыты

снегом. Уже миновал полдень, было 12 градусов мороза. В Будапеште во время нашего отъезда было 10 градусов тепла. Хорошо еще, что я основательно одела Марику.

Уже выглянув из иллюминатора самолета, я заметила грузную фигуру Бориса, его пристальный взгляд, прикованный к двери самолета. Он встретил нас с широкой улыбкой, удивившись, как сильно выросла Марика.

В рабочем общежитии нас ждала Раиса Симоновна, приготовившая нам чистую комнату. Для меня она достала старую дверь, которую можно было положить на кровать. Моему позвоночнику нужна была жесткая постель. Едва положив чемоданы, мы поспешили к Борису, где нас ждала с обедом Софья. Она с любовью взяла Марику на руки. Беда была только в том, что моя дочь забыла все, что выучила раньше по русскому языку.

В семье Бориса изменилось только то, что Регина закончила институт и работала начинающим врачом в больнице Илизарова, а Иночка училась в челябинском мединституте.

К вечеру стало холодно, по радио сказали, что ночью будет 26 градусов мороза.

Новая больница

4 ноября

Утром мы встали на учет в милиции. По дороге я купила Марике несколько игрушек, а себе – чайник, кастрюли и другую посуду.

Около полудня мы вошли через боковой вход в новую больницу. Но дошли только до вахтера. Он не пустил нас ни к Илизарову, ни к его секретарше. Зато он разрешил мне позвонить, но никто не поднял трубку. Я сильно раздосадовалась. К наше-

му счастью и к нашей радости, как раз тогда проходил мимо Сергей Васильевич Макаров, который раньше был лечащим врачом Марики. Он узнал нас и показал нам дорогу, перешел с нами в старое здание и взял в архиве письменные материалы о Марике. Потом осмотрел и обмерил ее, описал ее состояние и подшил бумагу к истории болезни. По его словам, Марику, вероятно, положат или в отделение Васильева, или в отделение Чипизубова. Мы опечалились, что попадем не к нему. Он работает в старом здании. Два других доктора тоже работали в старом здании, мы знали их. Доктор Макаров сказал, что завтра Марику посмотрит доктор Васильев, и потом решат, что с ней делать.

Сергей Васильевич с радостью сообщил, что его дочке скоро исполнится три года, а его жена работает в новой больнице. Потом он поинтересовался, что с Петером, и как дела у меня на работе.

5 ноября

В первой половине дня я навела порядок, распаковала чемоданы и занималась с Марикой. Я привезла с собой все учебники для второго класса, тетради и учебный план, который дала мне учительница, чтобы мы планомерно осваивали учебный материал.

Интересно, что Марика больше всего любит арифметику, моментально решает все задачи без всякой помощи. Она хорошо читает, нужно добиться того, чтобы она читала свободнее и выразительнее. Письмо и грамматика требуют от нее более серьезной работы. Мне нужно быть строже, чтобы она упорно занималась этими предметами.

В старой больнице я встретила с Яношем Шанта, он приехал для контрольного обследования и лечебной гимнастики.

К часу мы пришли в новую больницу, но не нашли там доктора Васильева, его операция затянулась. Придется придти снова завтра к десяти.

Вахтершей в новой больнице была мама Павлика, мальчика, которому Илизаров сделал стопу из берцовой кости, она узнала нас. С ее помощью удалось позвать Ренату Кулакову. Я попросила ее передать матери, что мы приехали, живем на новом месте и ждем ее в гости.

По дороге домой я купила в “Сибири” еду. Марика капризничала, хотела есть и спать. Я быстро разогрела ей обед, она поела и после обеда заснула. Когда она проснулась, мы сели за учебу.

Вечером позвонила Жанна, позже она зашла к нам. Она сказала, что они приехали 18 сентября и с тех пор ждут Илизарова и операцию. Она живет у знакомой санитарки в одной комнате с ней и двумя ее детьми. По ее словам, с тех пор как открылась новая больница, съемные комнаты очень подорожали. Комната, в которой нужно жить вместе с хозяйкой, стоит сорок рублей в месяц. За отдельную комнату

надо платить 50-60 рублей, а за небольшую отдельную квартиру 80-100 рублей. Столько мы, интеллигенты, платить не можем. Если добавить к этому, что каждый раз нужно покупать необходимую посуду и другие предметы домашнего хозяйства, то каждый этап стоит дорого и требует больших усилий.

Все-таки хорошо, что есть рабочее общежитие, оно стоит недорого, нет хозяйки, а моя посуда сохранилась в мешке, запечатом на складе, потому что Раиса Симоновна сберегла ее. Спасибо за все Борису.

6 ноября

К утру сильно похолодало, на деревьях выпал красивый иней. Я наконец-то отдохнула после предотъездных приготовлений и дорожной усталости. Здесь я успокоилась и перешла на местное время. Разница четыре часа, здесь все происходит раньше, чем в Будапеште.

Ослабло и чувство тревоги, которое я испытывала после возвращения в Венгрию: из-за пребывания в Кургане я оказалась в неблагоприятной ситуации. Напрасно новый директор пыталась возместить мне ущерб, разочарование и горький привкус во рту все же остались. Если человеку портят рабочий настрой, это нелегко компенсировать. Боль пускает в душе человека более глубокие корни, чем радость.

В Кургане я попала в иную ситуацию, у меня другая задача, я редко думаю о неприятностях, перенесенных в Венгрии. Я хорошо чувствую себя среди этих простых русских людей, видя их желание помочь нам. Мне не мешает детский гомон, любопытство.

К десяти мы пошли в больницу. Жанна уже ждала нас. Она разговаривала со своей подругой, бывшим лечащим врачом Ренаты, Анной Майоровной Аранович. Доктор, которая была моложе нас, еще в начале своей карьеры получила степень кандидата наук. Она обрадовалась нам и вспомнила тот день, когда я принесла Марику на спине три года назад.

Наконец нас вызвали. Владимир Никандрович Васильев осмотрел дочь. Ему вспомнилась та ночь в начале нового года, когда они с профессором прооперировали Марику. Он нашел лист, на котором несколько дней назад Сергей Васильевич записал данные о состоянии моей дочери. Тем временем я размышляла о том, как изменила этого человека руководящая должность. Он стал еще строже и держался с еще бóльшим достоинством. В итоге он сказал, что 13 ноября в два часа дня они снова осмотрят Марику с главврачом Калякиной, которая решит вопрос о госпитализации.

Жанна пригласила нас на обед. Увидев, где и в каких условиях она живет, я предложила ей переселиться ко мне в общежитие, когда Марика ляжет в больницу.

Вечером я хотела позвонить по телефону, но не получилось.

7 ноября

Утренние приготовления, умывание идут теперь немного быстрее, чем раньше. И все равно, пока я подгревала на кухне воду и мыла Марику в тазике, пока носила воду вверх-вниз и собралась сама, прошел целый час. Всю первую половину дня мы провели за учебой.

Борис пригласил нас на обед. Пойманные в Тоболе и поджаренные с красноватой корочкой карасики были для нас настоящим деликатесом. Софья даже не надеялась, что они нам так понравятся. Борис открыл в нашу честь бутылку венгерского вина. Он с ностальгией вспоминал вечеринку с приготовлением гуляша в один из будапештских вечеров летом 1972 г. и красоты нашей столицы. Мне удалось позвонить от Бориса домой. Родственники обрадовались голосу Марики, а я тому, что мне не придется часами ждать линии на почте.

Мы посмотрели по телевизору трансляцию праздничного парада на Красной площади.

Под вечер Софья и Борис проводили нас до остановки 8-го автобуса. По дороге Марика покачалась на качелях в вечерних сумерках.

8 ноября

Сегодня мы никуда не ходили. Я сварила фасолевый суп с копченой шеей, испекла много блинов и пригласила на обед Жанну с Ренатой. Я привезла из Будапешта семь бутылок подсолнечного масла, надеясь, что его хватит на время нашего пребывания здесь. Я угостила обедом и Раису Симоновну, они еще не ели такого фасолевого супа.

Заведующая общежитием пообещала Жанне, что она сможет переселиться ко мне, пока мы живем в Кургане.

Вечером я позвала к нам дочку Гали Брацовой, Танечку, чтобы она поиграла с Марикой. Они в полном согласии одевали, причесывали и водили на прогулку куклу Барби. Плохо было лишь то, что Марика не смогла разговаривать по-русски.

9 ноября

Праздник продолжается и сегодня.

Рано утром я поставила на плиту кастрюлю для стирки, чтобы подогреть воду. Раиса Симоновна дала мне свою старенькую дисковую стиральную машину, в которой я постирала на кухне грязную одежду. Но полоскать ее все равно пришлось на кухне первого этажа. Я снова подогрела воду, которую мы с Раисой отнесли вниз в ведре, чтобы сделать более сносной воду в ванне. Теперь она уже не напоми-

нала ледяную кашу. Я помешивала одежду деревянной ложкой, выжимать приходилось руками. Потом я развесила одежду наверху, на веревке, натянутой в комнате. Как тяжело и неудобно стирать так в холодную погоду!

Мне приходилось стирать так и в Будапеште, когда я была беременна Марикой. Зимой, в теплом пальто в нетопленной, разваливающейся кухне. При социализме семье интеллигентов было не так-то просто получить квартиру.

Наша временная квартира – чердачная комната в центре Будапешта – была темной и сырой, когда шел дождь, я собирала капающую дождевую воду в таз, стоявший посередине комнаты. Зимой электрическая печь нагревала комнату максимум до 17-18 градусов. Так мы, супружеская пара с университетским образованием, прожили четыре года, четыре зимы. Мои детдомовские воспитанницы ужаснулись при виде нашего жилья.

В августе 1977 г., когда выяснилось, что я забеременела, мы обратились к санитарному врачу за заключением о состоянии нашей квартиры. Проводивший обследование доктор Янош Лакс представил в Санитарно-эпидемиологическую службу пятого района Будапештского совета следующее официальное заключение: “Квартира состоит из одного помещения площадью 12 квадратных метров. Естественное освещение плохое, вход в помещение открывается непосредственно из коридора. Стены сырые, мокрые, потолок с трещинами, в аварийном состоянии. В жилом помещении паркетный пол, отопление осуществляется электрической печью. Водоснабжение отсутствует. В квартире живут двое, Мария Кадаш (беременна) и ее муж. Свои элементарные гигиенические потребности они удовлетворяют на кухне рядом с комнатой, стены на кухне мокрые и покрыты трещинами, труба для сточных вод неисправна, окно разбито. Общий туалет открывается из коридора. Квартира находится в состоянии, представляющем опасность для здоровья жильцов!”.

Последнее предложение было выделено разрядкой и подчеркнуто. Это заключение мы приложили к нашему заявлению, направленному руководителю жилищного отдела Совета пятого района, в райком партии и руководству Венгерского радио. Отовсюду пришли ответы, но не помощь. Ответы были подписаны ответственными людьми, я храню эти документы. Переходя из одного учреждения в другое, я повсюду наталкивалась на глухую стену отказов и безразличия.

Это к вопросу о ностильгии по режиму Кадара.

Затем, в ноябре, я попала в больницу, и с помощью врачей родильного отделения на ул. Сабольч мне удалось сохранить Марику. В мае 1978 г. в привезла в эту временную квартиру достигнувшего необходимого веса недоношенного ребенка и по-прежнему стирала и готовила на холоде. Мне дали квартиру из контингента жилплощади для столичных педпгогов в 1980 г. К тому времени, когда мы получили эту квартиру площадью 67 квадратных метров, которая была так нужна нам десять-пятнадцать лет назад, и в которой я могла бы выносить и родить здоровых, умных и красивых детей, о которых мы мечтали, я уже перенесла спасшую мне жизнь операцию, после которой у меня уже не могло быть детей. Теперь я могла

надеяться только на внуков, если позволит Марикино здоровье. Вот одна из причин, по которой мне нужно заботливо оберегать ее.

И вот я, сдерживая свои переживания, размышляю о демографической политике, здравоохранении и жилищном вопросе при социализме, сидя в одиночестве в холодной сибирской кухне. Теперь уже все напрасно, молодость пролетела. Нужно было жить как-то по-другому тогда, обеспечив себе больше помощи и поддержки.

Я помешивала длинной деревянной ложкой стиранную одежду в серой ванне. Мне нужно было беречь руку, если от холодной воды начнется воспаление суставов, то уже ничто не поможет. Я положила в один таз белые, а в другой цветные вещи, притащила их наверх, в комнату, и развесила на растянутой веревке. Но капающая вода попала прямо на шею вошедшей Жанны.

– Хорошо бы иметь центрифугу, в следующий раз я привезу и ее, без нее не обойтись, – встретила я Жанну. Мы посмеялись над своими невзгодами.

Марика примостилась на кровати. В руках у нее были “Семьдесят семь венгерских народных сказок”, толстая книга, она посидела над ней некоторое время. Потом Марика проголодалась и попросила есть. Сейчас в городе продают без талонов курицы, я быстро приготовила пёркэльт с галушками. Жанна помогла мне, мы пообедали вместе.

После обеда мы с Марикой занимались учебой. Когда она ляжет в больницу, у нее будет для этого меньше возможностей. Я не хочу, чтобы она осталась на второй год.

Вечером позвонила мама Путич. Ее сыну согнули берцовую кость, будут делать стопу. Если лечение окажется успешным, ему не придется носить тяжелые кованые сапоги.

Операцию сделал Владимир Иванович Шевцов.

10 ноября

Сегодня, в воскресенье, был рабочий день. К девяти мы пошли сдавать кровь натощак. Я сдала в лаборатории мочу и кал. Медсестра в поликлинике дала мне пачку листов, на которых было написано, когда и куда нужно будет идти на дальнейшее обследование. Мы встали в очередь на анализ крови, сначала берут кровь из вены, потом из пальца. Последнее не получилось, кончились трубочки, нужно будет снова придти завтра. Мою дочку посмотрели зубной врач и врач ухо-горло-нос, везде мы получили справку, что все в порядке. На ЭКГ Марика удивилась, что ей на грудь поставили маленькие стеклянные колокольчики, это показалось ей интересным.

Закончив обследования, мы полубовались в новой больнице красотами зимнего сада. Треугольный внутренний двор выглядел радующим глаз зеленым островом в мрачной бетонной громаде больничного здания – цветущие хризантемы,

цикламены, вьющиеся аспарагусы, стройные, хрупкие пальмы, маленький журчащий фонтан с пузыристой водой, скамейки, покрытые коричневыми листьями мрамора. Красивое зрелище, но холодное сиденье. Деревянное покрытие было бы лучше. Марика, как маленькая бабочка, порхала от одного цветка к другому, плескалась в воде фонтана. Фотограф Саша сделал несколько снимков резвящихся детей.

Во внутренних помещениях треугольного центрального здания размещаются комнаты сотрудников, занимающихся организацией и руководством лечебной деятельности. На первом этаже, по соседству с зимним садом, находится почта, иногда заполненная ожидающими пациентами и их родственниками.

В помещении рядом с главным входом работает главврач Петр Борисович Шагланов, главный организатор и контролер распорядка работы в больнице. В помещениях второго этажа находятся важные медицинские приборы и оборудование, здесь же размещаются кабинеты научных работников, занимающихся исследовательской работой.

“Сердце и мозг” больницы, Гавриил Абрамович Илизаров, работает на третьем этаже. Эта больница – его заветная мечта, результат его воли и усилий, его знания определяют характер ведущейся здесь деятельности. Рядом с его кабинетом находится канцелярия, сотрудники которой занимаются административными делами. В этом коридоре работают заместитель профессора, Владимир Иванович Шевцов, руководитель и координатор научно-исследовательской деятельности, главврач Валентина Ивановна Калякина, решающая вопросы госпитализации, а также ведущий лабораторией.

В помещениях четвертого этажа ведется лабораторная работа, на пятом этаже находятся операционные, а на шестом – рентген. Этажи связаны тремя лестницами и лифтами.

В настоящее время лечение ведется в шести больничных отделениях. Вскоре откроются еще три, там будут лечить заболевания позвоночника.

В больнице работает десятиклассная школа, после обеда к детям приходят учителя из близлежащих учебных заведений. У каждого класса есть аудитория, дети знают, в каком коридоре находится их учебное помещение и после обеда идут туда с учебниками и школьными принадлежностями. В детских отделениях воспитатели занимаются детьми в хорошо оборудованных игровых комнатах. В свободное время для детей организуются различные мероприятия.

11 ноября

Очень трудно попасть в новую больницу. Вахтер практически никого не пускает. Говорили, что женщины обратились к Илизарову с жалобой на то, что их не пропускают к детям, было собрано очень много подписей. Жанна стала носильщицей, по утрам она принимала у входа нагруженные едой сумки и несла их наверх, де-

там. Ее пропускали, потому что она преподавала в больничной школе. С ее помощью удалось пройти и нам. Мы направились в приемную Илизарова.

В половине второго его уже ждало много людей. Уходя, профессор посмотрел на нас, но, видя, что он куда-то спешит, я не решилась окликнуть его. В результате мы напрасно ждали три часа. Я с грустью рассказала Жанне, что мы ушли ни с чем. Ей это было знакомо, они ждут с середины сентября, им уже пришлось пережить несколько таких часов.

Марика терпеливо ждала. Она радовалась сегодняшней встрече с физиотерапевтом Татьяной Георгиевной, которую она очень любит.

Вечером у меня болело горло, стучало в ухе, ныл живот. Я простудилась на кухне.

12 ноября

Зима разрисовала наше окно ледяными цветами и папортниковыми узорами, к утру было 20 градусов мороза. У меня чесались руки и ноги, я покрылась крапивной сыпью, или, может быть, меня укусило какое-то насекомое. У Марики на руке я тоже нашла пятна, напоминающие комариные укусы.

Около полудня к нам зашла Жанна, она приехала из больницы в подавленном и грустном настроении и рассказала, что несколько часов ждала Илизарова. В конце концов ей удалось поговорить с ним, но он по-прежнему не сказал, когда будет оперировать Ренате ногу.

– Нужно набраться терпения и подождать своей очереди. Сейчас очень много больных, – таков был ответ Илизарова.

Вчера было научное заседание, позавчера здесь были гости из Министерства сельского хозяйства, а на днях больницу посетит товарищ Алиев.

Жанна не хотела ничего другого, кроме того, чтобы Илизаров как можно скорее вылечил ее ребенка.

– Но ведь этого хотят все матери, – сказал я. – Нас много.

В ответ Жанна заплакала. Я очень жалела и попробовала утешить ее. Это томительное ожидание продолжается уже два месяца.

13 ноября

В два часа дня мы с Марикой пришли в больницу к главврачу Калякиной, которая должна была вынести решение о госпитализации моей дочери. Там было много ожидающих, которые пришли с той же целью. Мы терпеливо просидели до четверти пятого, ждали, когда нас позвонят. Тогда секретарше пришлось в голову, что Марикины документы лежат на столе у профессора, она принесла их, но Ка-

Перед операцией – руки

лякина уже не захотела заниматься ими, она готовилась идти к Илизарову. Тогда я решила во что бы то ни стало добиться сегодня вечером приема у Илизарова, сколько бы ни пришлось ждать для этого. Доктор Анна Майорова, понимая двусмысленность ситуации, почувствовала, что я пожалуюсь Илизарову на напрасное ожидание. Она начала успокаивать меня, говоря, что когда Калякина выдет из ка-

бинета, она посмотрит Марику и решит, в какое отделение ее нужно положить. Через полчаса главврач Калякина вышла, но отложила осмотр на завтра.

– Почему же только завтра? Мы сидим здесь с двух часов, почему нас не позвали?

– Не было документов. Почему Васильев не показал мне ребенка? Он производил осмотр.

– Это не наше дело. На прошлой неделе Васильев сказал, чтобы мы пришли сюда сегодня к двум часам. Дайте мне документы моей дочки, все анализы в порядке, я пойду к профессору!

После этого Калякина осмотрела Марику, убавила строгость, и мы договорились, что Марика будет лежать в отделении патологии кисти и стопы, в одной палате с Ренатой. Она дала мне подписанную ей бумагу, без которой госпитализация была невозможна, и прочитала телеграмму, посланную товарищем Шумовым из Министерства здравоохранения, в которой содержалось уведомление и разрешение на госпитализацию.

Я вернулась с ребенком к кабинету Илизарова. Как всегда, там было много врачей, больных и родственников, ожидавших приема у профессора. Уже минуло семь часов, когда подошла наша очередь.

Гавриил Абрамович узнал нас и спросил, почему мы не появлялись за прошедшие два года. Я коротко сообщила причину, ишиас. Профессор спросил, где Петер, упомянул об их встрече в Москве. Я показала и подарила ему номер журнала “Уй тьюкёр” от 22 июля 1984 г., в котором содержалась публикация Эржибет Фазекаш “Отрывки из писем” с фрагментами моих курганских писем и сделанная здесь фотография, на которой был виден и Гавриил Абрамович. Он очень обрадовался журналу.

Затем профессор посмотрел Марикины рентгеновские снимки, потом ее руку и ногу. Я попросила его снова прооперировать мою дочку.

– Хорошо, – ответил он, – но только после 5 декабря, когда вернусь из Болгарии.

От радости я поцеловала его. Он рассмеялся, засмеялась и Марика.

– Ну, иди сюда, поцелуй меня и ты! – сказал Илизаров, я подняла Марику к нему.

Кроме этого, я еще сказала, что привезла с собой письма, просьбы двух венгерок, которые писали о больных ногах своих детей и прислали фотографии их рук, прося согласия на приезд для лечения. Я попросила ответить им.

– Хорошо, сдайте письма в регистратуру!

Вечером мы поздравили трехлетнюю дочку Раисы Симоновны с днем рождения. Все дети из комнат нашего коридора плясали, праздновали у Раисы. Марика беззаботно веселилась вместе с ними.

14 ноября

Утром Марику положили в больницу, ее поместили в 3-й палате на втором этаже, рядом с Ренатой. Кроме них, там лежат еще две девочки, Рима из Абу-Даби и Мирослава из Болгарии. У них на руках аппарат, им “выманивают” пальцы. Марика самая младшая, остальные трое – подростки. Язык общения – русский. Рима сейчас знакомится с ним, Жанна и Рената по-английски помогают ей и ее маме, Нухе, освоиться в этом крайне странном и чужом для них мире.

Недавно назначенный заведующий нашим отделением – довольно молодой мужчина, Игорь Александрович Редько, а врач нашей палаты, Светлана Михайловна, еще моложе. Они оба ласково встретили Марику.

На улице люди несли в больших сетках и сумках лук, сразу по пять-десять кило.

– Где дают? – спросили мы с Жанной.

Мы встали в очередь в овощном магазине. Сегодня еще есть, а потом кто знает, когда будет в следующий раз. Купили пять кило, чтобы хватило до весны, и отнесли домой вместе с больничными вещами. Потом мы попросили у Раисы наше “такси” и перетасили ко мне в общежитие Жаннины пожитки. Пришлось обернуться несколько раз, и мы очень устали.

15 ноября

Сегодня город готовился к большому дню. В “Сибири” продавали цветы, их хватывали как сахар.

Родителям разрешили навестить детей в больнице только утром. Мы, мамы, устроили большую уборку, мыли стены, двери, окна. Во второй половине дня произошло большое событие, всемирно известную больницу посетил член ЦК КПСС товарищ Г. А. Алиев.

Мы оставили нашим детям в термосе обед и ужин и оставили Марику на попечение Ренаты.

Мы с Жанной продолжили начатую вчера переноску вещей. В нашей маленькой комнате оставалось так мало место, что яблоку негде было упасть. Весь вечер мы паковали вещи, чтобы навести удовлетворительный порядок. Главная беда в том, что у нас нет холодильника. Стол и подоконник завалены продуктами. Под моей кроватью стояли два ящика, в одном из них были яблоки, апельсины и гранаты, а в другом – капуста, свекла, морковь и картошка. В углу лежал лук. Самой большой заботой было хранение мясных продуктов. Расфасованное по порциям в полиэтиленовых пакетиках сырое мясо висело на улице в авоськах, привязанных к оконным ручкам. На форточке на достижимом расстоянии была вывешена авоська с копченой шейей, сырами, салами и сосисками. Иногда появлялись маленькие птички, отклеивавшие кусочки продуктов. Более серьезной заботой было хранение вареной еды и молочных продуктов. Они “гостили у соседей”, в холодильнике у Раисы Симоновны и Гали Брацовой. Не имей сто рублей, а имей сто друзей, – повторяла Жанна известную поговорку.

Вечером я позвонила Борису и поинтересовалась, когда мы получим холодильник.

16 ноября

Один из сотрудников Жанны сделал из двух лезвий для бритвы кипятильник. Одно лезвие было анодом, а другое катодом, провода от которых были вставлены в розетку. Опустив лезвия в пятилитровую банку, можно было за несколько минут получить шумящую, кипящую воду для утреннего умывания. Мы делили воду пополам и выливали ее в два таза.

Всю первую половину дня мы провели в больнице, занимались учебой с нашими детьми.

В общежитии мы стирали в воде, подогретой описанным выше способом, сгорбившись над установленным на стуле тазом. Внизу на кухне очень холодно, я до сих пор шмыгаю носом после последней простуды.

А мы еще и готовили. Суп из шеек. Его приготовление сильно запомнилось нам. Буфетчица дала нам пакет куриных шеек без кожи. Что же можно из них приготовить? – совещались мы с Жанной. Груда шеек все варилась и варилась в кастрюле, плавающие в воде шейки были похожи на толстых червячков. Мы посолили воду, положили в нее морковь, чтобы добиться какого-нибудь вкуса и цвета, но съедобного супа никак не получалось, мы все время морщились.

– Давай положим немного лаврового листа, чтобы был аромат, – предложила я.

– И картошки, чтобы было что есть, – засмеялась Жанна.

– Я поджарю в суп немного лука.

– И, возможно, не помешает и щепотка майорана.

Это уже было похоже на сказку, в которой солдат варил суп из топора.

– Получается, – пробовали мы суп, держась за живот и скрестив ноги, чтобы не обмочиться от смеха.

Потом мы ели суп, поминая своих мужей и сожалея, что не можем угостить их этим сказочным кушаньем.

– Не печалься! – махнула рукой Жанна. – Остались еще шейки, половину сварим моему, половину – твоему, если они приедут.

Детям мы приготовили нормальную еду, голубцы и сырники.

Вечером, когда мы вернулись домой из больницы, я, глотая горячий чай, с широко открытыми глазами слушала Жанну. Она рассказывало об Илизарове.

– Его квартира похожа на музей. В одной из комнат есть много-много клеток с красивыми попугаями, цветными и крупными, в том числе с какаду. Он собрал и богатую коллекцию минералов, очень красивы и кораллы. Кроме этого, у него есть вышивки, ткани и игрушки со всех концов мира.

Так мы, физик и учитель, вязали и рассказывали друг другу разные вещи. Словарь уже был не нужен.

18 ноября

Всю первую половину дня я училась с Марикой. Дочка была сильно возбуждена, потому что сегодня после обеда она пойдет во второй класс больничной школы, где обучение ведется, естественно, на русском языке. Она уже забыла то, что знала раньше по русскому языку, но я надеюсь, что эти знания скоро оживут в ее памяти. Больше всего ее волнует арифметика. Здесь дети уже учат таблицу умножения, а она еще не знает, что такое деление и умножение. Это я и объясняла ей в первой половине дня, она быстро все поняла. Мы учили умножение на 2 и 3, Марика легко усвоила его. Я показала ей классную комнату, в которую она должна будет пойти после обеда.

Во второй половине дня Марика встретила меня новостью, что она получила в школе четверку по арифметике и пятерку по рисованию. Я обрадовалась и похвалила ее. Она рассказала о пожилой, милой учительнице и об одноклассниках, в том числе о девочке, которая сидела рядом с ней, и которую звали Василиной. У Василины на бедре аппарат, ее оперировал Илизаров.

Мы с Жанной ездили на вокзал. Ее старший брат, работавший в Новосибирске профессором в университете, на кафедре химической физики, прислал посылку. Килограммов в десять весом. В ней были венгерское лечо, соленая рыба, говядина, консервы, грибы, гранаты и апельсины. Мы положили посылку в мою сумку на колесах. Эта сумка сослужила нам хорошую службу, не нужно таскать тяжести.

Вернувшись вечером из больницы, мы увидели стоявший перед дверью моей комнаты холодильник. Его прислал Борис. Для нас это была большая радость.

Сегодня Илизаров улетел в Болгарию.

19 ноября

Утром у всех потребовали пропуск на вход. У меня пока нет пропуска, поэтому меня не пустили в больницу. Жанна попросила нашего доктора спуститься к проходной, только после этого я смогла пройти к Марике. В первой половине дня я все еще не получила пропуск, бегала между заведующим отделением, главной медсестрой и главврачом Шаглановым, пытаюсь оформить эту бумагу. Бюрократии здесь тоже хватает. Во второй половине дня пропуск, наконец, был выдан. Важная бумага.

Сегодня мы с Жанной купили двадцатилитровую кастрюлю для стирки, старая бесследно исчезла, эта кастрюля будет нашей стиральной машиной. В ней мы будем кипятить нижнее и постельное белье. Я сразу приступила к работе.

Жанна поехала в город с арабкой Нухой, чтобы помочь ей сделать покупки и заказать телефонный разговор с Абу-Даби. Нуха работает медсестрой в больнице, ее муж – инженер, у них четверо детей, Рима – старшая из них. Нуха беспокоится за больного мужа и оставшихся дома детей, ей очень хочется домой. Здешняя зима для нее слишком сурова, она страдает из-за нее. За комнату она платит пятьдесят рублей, это тоже дорого.

Вечером мы очень жалели, что забыли посмотреть телевизионную трансляцию женевской встречи Горбачева и Рейгана. Мы шинковали капусту для квашения, и эта работа отвлекла наше внимание.

21 ноября

Жанна раздобыла у Раисы Симоновны еще один маленький столик, мы поставили его у окна, он стал у нас столом культуры, на нем лежали словарь, книги, бумаги, дневник. Мы переставили мебель в комнате, теперь у нас тесновато, но мы умещаемся. Над кроватью мы повесили сине-белый клетчатый плед, так теплее и уютнее. Мясо и сыры мы теперь сняли с окна.

Жанна беспокоится, ждет мужа, не знает, где он, откуда и когда приедет в Курган.

После обеда Марика встретила меня плачем, она забыла пойти в школу. Ей никто не напомнил, и она слишком увлеклась игрой. Я попросила Ренату напоминать Марике о школе после обеда.

Я помогла дочке Бориса, Регине, заполнить историю болезни одного из венгерских пациентов, переводила их разговор.

Сегодня мы не забыли посмотреть по телевизору у Раисы Симоновны встречу Горбачева и Рейгана.

22 ноября

Когда мы пришли в больницу, у проходной нас ждали Миша, муж Жанны, и Рената. Миша – седой, низкий, худощавый мужчина с морщинами, оставленными временем на его лице, и лукавым блеском в глазах. Он кандидат наук, занимается лазерной физикой в научно-исследовательском институте под Москвой. Жанна рассказывала, что однажды Миша поехал на строительство дороги на полуостров Таймыр, где даже летом лежит снег, чтобы заработать денег на лечение в Кургане. Я представила себе ученого, который долбит киркой мерзлую землю и катит тачку. На что только не способен человек, когда его принуждает жизнь!

Миша приехал из казахстанского Петропавловска ночью, усталым, он провел два дня в командировке в Алма-Ате. Он привез обеим девочкам много всего – свежие и вкусные апельсины, мандарины, огурцы, помидоры, чтобы они ели в тяжелые дни после операции. Мы с Жанной положили эту “вкусноту, на которую нам можно только смотреть”, в полиэтиленовый пакет, закрыв его пластмассовой мембранной пробкой, чтобы продукты долго сохраняли свежесть в холодильнике. В Мишином портфеле хранились дальнейшие сюрпризы. Из него появилась бережно хранимая банка, наполненная черной икрой. Дорогой и труднодоступный подарок детям.

Вечером мы открыли в честь гостя шампанское. Потом Жанна с мужем ушли в город к знакомым и остались у них ночевать.

23 ноября

В утренней передаче курганского радио говорилось о достижениях Мальцева. Сейчас отмечается 90-летие пожилого агронома, пользующегося большим авторитетом. На днях я видела по телевизору худощавого академика-самоучку, многолетняя деятельность которого привела к повышению плодородия земли в Курганском районе. В Венгрии этот метод обработки земли применял Габор Майнинген.

Утром меня позвали к телефону, старший брат Жанны из Новосибирска интересовался, как дела у нас и у Миши.

Сегодня Марика провела первую половину дня с Кристи Тот. Она познакомилась с молодым венгерским врачом из Закарпатья, который несколько месяцев работает в здешней больнице.

Вечер в нашей палате прошел в домашней атмосфере. Рената играла на гитаре и вместе с отцом пела чудесные русские песни. У Ренаты музыкальный талант, она прекрасно играет и на пианино. Шла речь о том, что ей следовало бы учиться в консерватории, вот только ее нога не справится с педалью.

Марика забралась ко мне на руки и шепнула, что скучает по отцу. Ей уже хочется домой. Да ведь ее еще даже не оперировали! Мы начали читать друг другу сказ-

ки, она прочитала мне простую, “Солнце, ветер”, а я ей – замысловатую, “Янош Жемчужная Роса”, из книги “Семьдесят семь венгерских народных сказок”.

24 ноября

В последние дня я часто таскала тяжести, это отзывается у меня в пояснице, в ногах и руках. Все более холодная погода оставила неизгладимый след в моих суставах, мышцах и даже в костях. У меня болят кисти рук, пальцы распухли и сгибаются с трудом, печальный результат полоскания в холодной воде. Горячей воды, стиральной машины нет и не будет. Зато нас ждет еще четыре суровых зимних месяца, это только начало, будет еще холоднее. Всеми жилами моего тела я чувствую, что зима становится по-настоящему суровой, температура сейчас около 20 градусов мороза.

Вчера и сегодня уход за детьми выпал на мою долю. Жанна и Миша навещали знакомых в городе. Во второй половине дня мы на прощание провели часок вместе в скромном увеселительном заведении, коктейльном баре на Советской улице. Бар представлял собой сводчатое, слабо освещенное мерцающим светом помещение с ковром-макраме на стене. Тут не было ничего особенно интересного. Спиртные напитки не продавались, зато, если кому-то было жарко, можно было отведать мороженого.

Мы проводили Мишу на вокзал, он уехал домой поездом.

Марика целый день капризничала, она не смогла выспаться, потому что большие девочки поздно погасили свет и долго разговаривали.

25 ноября

Венгерские мамы собрались перед кабинетом главврача Шагланова у зимнего сада. Он пригласил нас к десяти, но, видимо позабыл о нас. Здесь с пациентами обращаются уже не так, как когда-то в старой больнице.

28 ноября

У Марики взяли кровь натошак.

Сегодня я тоже была у врача, мне нужно принимать “Тетран”, у меня воспаление в нижней части живота, я ослабла, у меня температура. Мне надо бы по крайней мере неделю лежать в постеле, в тепле. Но это невозможно. Жанна с Нухой поехали в город, на почту, звонить по телефону. Нуха беспокоится за мужа, которого оперировали в больнице, интересовало ее и как там ее младший ребенок.

29–30 ноября

Красивое зимнее утро, свежий чистый воздух, иней и солнечный свет, суббота-воскресенье, покой. В такие дни мы с Марикой учимся больше всего. По венгерскому языку мы начали тему “Слово”. Марика с радостью делала упражнения, с ней очень легко работать. Она уже выучила половину таблицы умножения и немного научилась делить и читать на русском языке.

Мы поехали с детьми в город погулять в этот красивый зимний день. К нам присоединились и Нуха с Римой, мы пообедали в ресторане “Тобол”. Жанна с Нухой и девочками пошли в кино, а мы с Марикой вернулись в больницу. Марика была несканно рада, что мы были в палате вдвоем, она обнимала и целовала меня, чтобы я чувствовала, как она меня любит. Ей только очень не хватает отца и Бёжике, она попросила меня написать об этом домой. Марика немного ревнует из-за того, что Жанна дружит с тетей Нухой. Я успокоила ее, сказав, что тетя Жанна любит нас сильнее, но помогает и тете Нухе, потому что та не знает русского языка, но не надо беспокоиться, тетя Жанна не переедет к ней жить.

1 декабря

Сегодня мы снова получили посылку из Новосибирска, доставленную на следовавшем в Одессу поезде. Кроме обычной еды, старший брат Жанны, Валерий, прислал мне чудесный чайный сервиз. Я напрасно протестовала, нельзя было не принять подарок гостеприимного русского человека. Я горячо поблагодарила его.

Марика целый вечер играла, пуская мыльные пузыри с помощью полого внутри пера. Рената научила ее смешивать воду, мыло и шампунь так, чтобы получались большие пузыри, которые плавают в воздухе, сияя всеми цветами радуги и, наконец, исчезают.

На днях в Курган приехала богатая мусульманка. У ее дочери лет семнадцати вывих бедра, который уже попытались скорректировать в Англии, но осталось укорочение размером в четыре сантиметра. Они надеются, что Илизарову удастся ликвидировать эту разницу. Мама-миллионерша попросила Жанну помочь ей заказать телефонный разговор с Иорданией. Двадцатиминутный разговор с Амманом стоит 120 рублей. Немалая сумма, здесь это месячная зарплата. Для них это немного.

2 декабря

Жанна преподает физику в больничной школе. Русские женщины не получают денег по больничному листу за время пребывания их детей в больнице. Таким образом, проведенные здесь месяцы сильно ухудшают материальное положение их се-

мей. Поэтому Миша и работал киркой на Таймыре. Жанна взялась преподавать, чтобы заработать немного денег, и живет со мной в общежитии не только из дружбы, но и потому что ей так легче и дешевле.

Уроки и подготовка к ним занимали у нее много времени. Значительная часть работы по уходу за двумя детьми легла на меня. Что же делать? Я взяла на себя эту работу, дружба обязывает. С другой стороны, мы тоже выигрывали от этого, потому что Марика получала часть присылаемой Жанне еды.

Две арабки никак не могут понять, что на рынке нельзя купить только куриную грудку, нужно покупать целую курицу.

4 декабря

В больнице была большая суета, завтра возвращается Илизаров. Все активизировались. Марика сегодня не смогла пойти в школу, ее фотографировали и сделали несколько осмотров. Ее начали готовить к приближающейся операции.

Скоро наступит конец веселой жизни, начнутся операции. Рима боится, Марика не думает об этом, а Рената знает, что ее ждет.

К вечеру потеплело, на город спустился туман, шел снег. Он падал мелкими, мягкими кристаллами, наши сапоги промокли, небо запорошило наши шубы.

6 декабря

Утром Марику постигла большая радость. Пока она умывалась, Микулаш преподнес сюрприз и принес ей еще два подарка, кроме моего. Один она получила от мамы Путич, а другой от тети Этуш.

В первой половине дня мы учили венгерские уроки, а после обеда наступила очередь русской школы. Марика уже знает часть таблицы умножения и на русском языке. Она опять получила пятерку по арифметике, учительница, Надежда Михайловна, похвалила ее и за чтение.

Вечером мы не захотели оставаться в палате. К Рима постоянно приходила мама-миллионерша с шумной дочерью и еще один мальчик, вместе они поднимали невыносимый шум. После появления болгарской мамы вавилонское смешение языков стало полным. Мы с Марикой укрылись в находившейся в нашем коридоре аудитории первоклассников и играли, занимались арифметикой и читали сказки, пока посетители не ушли.

Сегодня прибыла венгерская супружеская пара с ребенком, они ждали Илизарова, я послала с ними в Венгрию свои письма.

Вечером выпало очень много снега.

7 декабря

К утру стало очень холодно, к деревьям, кустам, оградкам и крышам домов примерзло толстое покрывало снега.

Из Москвы вернулась Софья, навещавшая мать. Она позвала нас в гости. Регина всячески разукрасила и нарядила Марику, они отлично развлекались.

Мы навестили главврача Валентину Ивановну Грачеву, долго остававшуюся на больничном листе. Она уже не взялась работать в новой больнице. Мы разговаривали о всякой всячине. Например, о том, что, когда она была еще начинающим врачом, в отделениях ортопедии лечилось очень много детей с параличом. Позже эта болезнь почти полностью исчезла благодаря прививкам. Но, к сожалению, за последнее десятилетие сильно увеличилось количество различных вариантов врожденной аномалии рук и ног. Пока точно неизвестны, причины этого явления, врачи подозревают, что виновато воздействие лекарств и ядерных испытаний.

Маленькая внучка доктора, Юлия, и Марика моментально поняли друг друга и с хохотом рисовали и играли вместе.

8 декабря

Если слабеет мороз, то дует ветер. Это еще хуже сурового холода.

Было очень трудно двигаться против ветра, который к тому же швырял снег мне в лицо. Сегодня ветер дул с юго-запада, образовались огромные заносы.

Венгерские мамы и пациенты собирались по вечерам в пятой палате больницы. Здесь лежат Эндре Путич и Золи Дохань. К нам также поднялся Янош Шанта и Магди Ковач, пациентка Вовы. Мы говорили о том, как было бы хорошо, если бы наши врачи тоже освоили и применяли метод Илизарова. Это было бы дешевле и государству, и больным, не нужно было бы проводить долгие месяцы в условиях сибирской зимы.

Здесь, в новой больнице, ситуация не такая, какой она была в старой. Сейчас здесь приблизительно 800 больных. Скоро откроется третье крыло здания. Однако численность врачей, медсестер, уборщиц и других сотрудников не увеличивается пропорционально росту загруженности. Больше того! Поскольку работы стало больше, и она становится все сложнее, сотрудники скорее уходят из больницы.

Несколько лет назад в старом детском отделении в каждой палате был свой лечащий врач, у которого было 6-8 больных. Теперь на долю одного врача приходится две-три палаты, более десяти пациентов. В нашем отделении все представляют собой особый случай.

Одним словом, ситуация изменилась. Я уже не чувствую здесь той семейной атмосферы, которая была характерна для нашего коллектива в прежнем детском отделении. Там мамы и медсестры были “на ты”. Здесь все обращаются друг к дру-

гу “на вы”, и держатся на некотором расстоянии друг от друга. Появилось отчуждение, о котором писал Евтушенко в “Ардабиоле”, я прочитала этот рассказ летом 1982 года. В старой больнице иностранные пациенты пользовались особым вниманием. Теперь это не так. Правда они и сегодня составляют треть всего количества больных, а их питание несколько лучше. Но нужно признать справедливость жалоб и требований местных граждан. Это их страна, их больница, так почему же их больные находятся в невыгодном положении? Почему они должны ждать годами, в то время как иностранцы попадают в больницу быстрее? Все должны быть равны!

Секрет успеха метода Илизарова во многолетнем опыте лечения, в обширных знаниях и смелости врача. Такой врач берет на себя и больше риска, чем его более осторожные коллеги. Усвоить этот метод, понять его секрет можно лишь в рамках длительного практического сотрудничества. Как было бы хорошо, если бы несколько говорящих по-русски, смелых и предприимчивых венгерских ортопедов приехали сюда учиться и работать на один-два года! Если бы они согласились жить в не слишком комфортабельных условиях, как мы, матери. Это должно произойти, пока не поздно, в интересах больных, детей, успешного лечения и медицинской науки! Венгрии это принесло бы пользу.

9 декабря

Жанна беспокойна. Они с дочкой ждут уже с середины сентября и Жанна по-прежнему не знает, когда профессор будет оперировать ее дочь. В первой половине дня она не пошла со мной домой, надеясь, что, может быть, сегодня узнает. К тому же она хотела подготовиться к урокам. В полдень она покормит наших детей обедом, который мы приготовили рано утром, и во второй половине дня будет преподавать в школе.

Мне пришлось стирать, гладить, делать покупки и готовить ужин.

Вечером в нашей палате опять собралась арабская компания. Наконец-то они надоели не только мне, но и Жанне, которая попросила их выйти разговаривать в коридор, потому что Рената из-за них не может делать уроки. Она девятиклассница, умная девочка, и как раз решала задачи по математике и физике, которые прислали ей из школы. Она готовится поступать в Ломоносовский университет. Жанне надоело, что ее дочке нет покоя от двух арабов, которые все время просят у нее помощи – то переводить, то сходить с ними на рынок, в магазин, на почту, одним словом, полностью занимают все ее свободное время. Она сказала им, что здесь нет слуг, все мамы одинаковы, независимо от того, кто богат, а кто беден. Жанна уже и дома ворчала, что люди с Запада очень эгоистичны и самоуверенны и думают, что, если у них много денег, то им все позволено.

– Твой принцип в том, что людям нужно помогать. Но сколько и до каких пор? Их богатство происходит от того, что их деньги меняют по лучшему курсу, и это им

выгодно. А причина этого, вероятно, в том, что на Западе выше качество и эффективность труда, чем у нас, – ответила я.

10 декабря

Для всех нас стала неожиданностью новость, что Риму будут оперировать сегодня. У сильно выросшей тринадцатилетней девочки, в душе остававшейся еще ребенком, нет пальцев на левой руке, только один большой. Длина и среднего пальцев – один сантиметр, безымянный палец и мизинец отсутствуют. Эти два сантиметровых зачатка и будет растягивать Илизаров с помощью мини-аппарата.

Несмотря на свое вчерашнее раздражение, Жанна сегодня опять пошла с Нухой на рынок. Пожалела.

В первой половине дня я занималась с Марикой грамматикой. Мы проходили многозначные слова. Интересно, что раньше мы преподавали эту тему в пятом классе, но и там многие дети с трудом понимали ее. К счастью, моя дочка поняла уже сейчас. Благодаря множеству сказок, которые она знает. Она поняла, что одно и то же слово может обозначать несколько предметов, между которыми, однако, есть какая-то связь, например, лист, доска, ножка. Это понятные, простые примеры. То, какое конкретное значение реализуется в данной ситуации, всегда зависит от предложения.

Мы получили письмо из дома. Отец написал дочери отдельное письмо школьными буквами и положил его в маленький конверт с ее именем и адресом. Это доставило Марике большую радость.

Сегодня Жанна не нашла на рынке куриного мяса. Такого еще не было, мы не знаем, что случилось. Еще хорошо, что у нас есть петух, которого я купила в прошлый раз. Мы бережем его на время после операции.

Риму привезли из операционной поздно вечером. Нуха осталась с ней в больнице на ночь.

11 декабря

Рано утром наша врач, Светлана Михайловна, пришла осмотреть недавно оперированную Риму. Мы узнали, что произошло в операционной. Профессор отщипил кусочки берцовой кости и пересадил их в зачатки пальцев подобно тому, как делают прививку винограда или плодовых деревьев. Если кусочек кости приживется, начнет жить, то на него поставят аппарат и начнут растягивать. Это кропотливая работа, требующая большого терпения, профессиональной подготовки и внимания.

Здесь есть большой мальчик, который стал сейчас темой для разговоров. Он лежит на первом этаже, его недавно прооперировали, он в очень тяжелом состоянии. Мы все волнуемся за него.

Марика получила пятерку и четверку по арифметике, здесь имеет значение и оформление задания, отсюда четверка. Марика любит ходить в школу, особенно когда к ним приходит учительница Надежда Михайловна.

Вечером Риму навестила жена иорданского министра с дочерью. Они приехали на контрольный осмотр. Принцессу, как все называли эту девочку лет четырнадцати, в августе прошлого года оперировал Илизаров, растянувший ей на три сантиметра бедро и голень и поднявший стопу. И все это за четыре месяца. Получилось отлично. Девочка показала ногу. Такому результату можно позавидовать. Следы спиц, ранки едва заметны. Только левая нога получилась немного тоньше правой. Но девочка очень счастлива.

Все рассматривали маму. Ее стройную фигуру покрывала черно-белая полосатая норковая шуба. Такую шубу не увидишь каждый день. Темное, креольское лицо, большие глаза, чувственный рот, такие лица запечатлены на египетских настенных рисунках.

12 декабря

Дул сильный юго-западный ветер, мел снег, наносил сугробы. Суровая погода, хороший хозяин собаку из дома не выгонит. В русском языке тоже есть такая пословица. Хотя я и обещала маме Путич зайти к ней и сшить Марике юбку на швейной машинке ее хозяйки, от этого пришлось отказаться. В такую погоду ехать на автобусе в город? Я с нетерпением ждала, когда доберусь до общежития.

Сегодня в большом зале была конференция, на сегодня операций не планировалось. После конференции профессор поспешил в операционную. Там лежал тот самый большой мальчик, который уже несколько дней находится между жизнью и смертью. Он был жив. Ему влили кровь. Все волновались, ампутируют ли ему ногу, или ее удастся спасти. Мать мальчика работала воспитательницей в больнице. Я на минуту представила себя в ее положении. До сих пор все шло хорошо, а теперь, на последнем этапе, случилась беда. Это может случиться с кем угодно в семнадцатилетнем возрасте. От этого никто не застрахован. Я попыталась убедить себя отогнать эту страшную мысль.

Доктор Светлана Михайловна сообщила, что, когда Илизаров спустится из операционной, будет разбор, предоперационное совещание с врачами в кабинете, нам тоже нужно быть там, профессор посмотрит Ренату и Марику.

Иорданская принцесса с мамой и сегодня пришли в нашу палату. Погрузившись в оживленный разговор, мы с Жанной через некоторое время с испугом обнаружили, что Марика исчезла. Нам надо было идти к кабинету. Мы искали Марику по

всему отделению, везде, где она могла спрятаться. Сбегали на третий этаж, а вдруг доктор отвела ее к кабинету, но там ее не было. Где же она может быть?

Когда человек впадает в отчаяние и огорчается, ему приходит в голову все, кроме самой простой возможности. Марика мирно смотрела телевизор в палате люкс напротив нашей палаты. Сегодня туда положили одну студентку, с которой Марика немедленно подружилась. Ей наскучили гости, и она пошла к ней.

Мы ждали профессора до девяти, но он не возвращался из операционной. В конце концов нам сообщили, что сегодня разбора уже не будет.

13 декабря

Пятница, тринадцатое, счастливое число. По больнице мгновенно распространилась новость, что Андрей жив, его удалось спасти. Илизаров, врач, который ранее оперировал мальчика, и еще многие другие работали до полуночи. Профессор под микроскопом сшил поврежденную вену на бедре мальчика. В первой половине дня я встретила с мамой Андрея и поинтересовалась его состоянием. Я рассказала ей случай Пишти Т., у которого в ноге образовался тромб, и прошла целая неделя, пока его состояние улучшилось, около него дежурили днем и ночью.

Вернувшись с ужином, я не нашла Марику в палате, не было ее и у студентки. Я узнала, что она не пошла в школу и с двух часов сидела у кабинета, ожидая консилиума. Там же были и Жанна с Ренатой. Я поспешила наверх и обнаружила, что все двери, ведущие в коридор третьего этажа, закрыты. Я крикнула им из зимнего сада, что принесла ужин и несколько раз попыталась проникнуть к ним, в конце концов меня впустил Валерий Дмитриевич Мальцев, заведующий отделением патологии таза и бедра. Марика ждала меня голодная как волк. А я беспокоилась как волчица, оберегающая своего младенца. Вместе ждать гораздо легче, чем без Марики.

Марику позвали в кабинет после восьми. Было решено, когда состоится операция. Когда прием окончился, мы не смогли выйти. Я попросила главврача Шагланова выпустить нас. Он был очень насмешлив.

Я уложила Марику и подождала Жанну, мы пошли домой вместе. Вахтер хотел забрать у нас пропуска, потому что уже минуло восемь часов, но поверил, что мы были у Илизарова.

14 декабря

Закончив уход за детьми, мы с Жанной и Нухой поехали за покупками. У меня не было денег, на дне моего кошелька таились всего пять копеек. Я хотела снять со сберкнижки сто рублей в сберкассе около “Сибири”, но она была закрыта, ее красили. Всю дорогу две мои спутницы поддразнивали меня и шутили над моим

смешным материальным положением. Я и сама обратила все в шутку. Я знала, что, если мне захочется что-нибудь купить, Жанна выручит меня и даст необходимую сумму в долг. Мы тряслись в переполненном автобусе, время от времени соскабливая ледяные узоры с окна, чтобы видеть, где мы находимся. В универсаме “Мебель” мы купили мясорубку. Напротив был книжный магазин. Мало книг, много репродукций. Мне понравилась одна из них, сделанная с картины Кондратенко “Зимний вечер”. Заснеженный деревенский пейзаж, небо оранжевого цвета, ясные сумерки, иней на деревьях и кустах.

- Что ты оставилась на эту картину, мало тебе курганской зимы?
- Я смотрю потому, что это очень похоже на Рыбково. Ты этого не видишь, Жанна?
- Это другая деревня.
- Другая, но похожа, эти деревья не кудрявые березы, как в той местности.
- Откуда ты знаешь? На них нет листьев.
- Посмотри на изящный рисунок ветвей, на огромные кроны деревьев!
- Пошли уже!

– Если будут деньги, я куплю ее, чтобы никогда не забывать, сколько я дрожала от холода.

Мне было досадно, что я зря слонялась с ними в двадцатипятиградусный мороз.

Рынок. Курятины опять не было. Пришлось стоять в очереди за говядиной, после часового ожидания удалось купить три килограмма мяса. Купив еще замороженную черную смородину и другие фрукты, я почти заполнила свою сумку. Нуха купила кролика. Его выпотрошенное худощавое тело оказалось в сумке на самом верху. Как я ни старалась, из сумки свисали шелковистые кисточки его некогда быстрых лапок. Мы не могли удержаться от смеха и с улыбкой рассматривали странно упокованную, набитую сумку с выглядывающими из нее кроличьими лапками.

Я уже собралась домой, но человека легко соблазнить, даже если у него нет ни копейки.

– Пойдем в ювелирный магазин! – предложила Жанна. – Нуха еще не видела его.

Там мы, конечно, ничего не купили, нам это было не по карману. Нам всего лишь хотелось порадовать глаза чудесным зрелищем драгоценных камней и ювелирных шедевров уральских приисков и мастерских.

15 декабря

Мы с Марикой занимались грамматикой. Она уже понимает разницу между многозначными и тождественными по форме словами, но добиться этого было не просто. Опять учебный материал для пятиклассников во втором классе. Видел ли живого ребенка человек, который дал такое предписание? Пока Марика писала, считала

и делала задания, я вязала рядом. Я хочу связать Петеру серый пуловер, правда, вязание продвигается медленно, но надеюсь, что пуловер будет готов к тому времени, когда Петер прилетит сюда. Я написала ему письмо, рассказала о плане лечения Марики, который сообщил мне профессор на консилиуме. Марике скорректируют осевую деформацию голени, растянут стопу, разобшат сросшиеся пальцы на руке и отделят указательный палец. Это потребует немалого труда от врачей и причинит боль ребенку, нас ждет трудный период времени.

Янош Шанта уезжает домой, он собрал у венгров письма, в Венгрии он отдаст их на почту, чтобы адресаты получили их поскорее. Янош вернется весной, тогда настанет очередь его стопы. Из всех находящихся здесь венгров я теснее всего сдружилась с Яношем. В самом начале, когда мы еще едва говорили по-русски, мы много помогали друг другу. Я и сейчас благодарна ему за то, что после первой операции он заботился о моей дочке, когда меня не было в больнице, нянчился с ней по вечерам, а то и по ночам, читал ей сказки и укачивал страдающую девочку перед сном. Марика выросла, стала застенчивее и уже не раздает поцелуев по первому слову, но прежняя привязанность сохранилась у обоих. В этот раз они поцеловали друг друга на прощание.

Дочка поспешила к Магди Ковач, своей взрослой подруге, которой Шевцов прооперировал ногу. Для меня тайна, о чем могут столько шушукаться эти две девочки, большая и маленькая.

16 декабря

На заре мы проснулись от воя сирен пожарных машин под окном. Пожарники пытались набрать воды из близлежащего колодца, но так и не сумели сбить с железной крышки толстый слой льда. Позже, часа через полтора, вой утих, мы еще немного поспали и пошли к детям. По возвращении у меня нашлось много работы.

Со свинцовой тяжестью в ногах я ходила вверх-вниз с кастрюлей для стирки и тазами, наполненными мокрыми вещами. Я выварила больничное постельное белье, чтобы дети лежали на чистом после операции.

Сегодня Илизаров прооперировал болгарку Мирославу и арабку Рулю, завтра сделает операцию Ренате и через несколько дней – Марике.

Жанна встретила меня новостью, что в здании старой больницы был пожар, но его удалось погасить, особого ущерба он не причинил. Жанна очень беспокоится из-за завтрашнего дня, ее охватил страх. Вечером, когда мы шли домой, она потеряла около “Сибири” кошелек и паспорт. Мы напрасно прошли этот путь три раза туда и обратно, потерянные вещи так и не нашлись.

17 декабря

Жанна уже с вечера собрала самые необходимые вещи и рано утром ушла в больницу. Еще даже не светало. Она не надеялась, что ее кошельки и паспорт найдутся. Но выяснилось, что вчера мы не нашли их потому, что один молодой человек немедленно подобрал их и отдал продавщице, которая видела нас. Утром она узнала Жанну и отдала ей ее вещи в целостности и сохранности. Бывают же честные люди. Жанна радостно рассказала мне это, когда я пришла в больницу с завтраком.

Ренату нельзя оперировать под глубоким наркозом, потому что она однажды пожелтела и долго была больна. Она слышала, как ей сверлят и раскалывают берцовую кость на правой ноге и разрезают неразвитую пяточную кость. Это ее самая сложная операция, ей расширят голень. Это очень опасно.

Сегодня Рената ничего не ела, только выпила немного лимонада, да и тот вышел обратно. Жанна осталась с ней на ночь.

Я побрела домой одна. Холод казался мне еще холоднее.

18 декабря

Две арабские мамы всегда обсуждают свои проблемы в нашей палате. На этот раз речь идет о том, идти ли их детям в отдельную комнату или нет. Дочке миллионерши не нравится общая палата, а одной ей отдельной комнаты не дадут. Рима хочет переселиться только с Ренатой, а Рени ни в коем случае не хочет лежать в “люксе”.

– Что скажут остальные русские дети? Нет, не пойду! Мне хорошо и в общей палате! – решила Рената.

Мама-миллионерша никак не могла понять этого.

– Как плохо воспитывают у вас детей, – сделала она вывод в разговоре с Жанной.

– Как так плохо? Как раз хорошо. Рената хочет быть с остальными, сочувствует им.

– Не понимаю, почему она не хочет перейти в отдельную комнату. Там есть телефон, цветной телевизор, девочки будут только вдвоем, и Рената сможет спокойно заниматься.

Тут столкнулись два подхода. Кстати сказать, в “люксе” нет ничего люксового, только телевизор и телефон, да еще больной находится там один или с кем-то вдвоем, но за это надо хорошо заплатить.

В Кургане мне тоже не пришлось далеко идти, чтобы столкнуться с эгоистичным поведением, достаточно было зайти на почту около “Сибири”. Жанна попросила меня разменять три рубля на монеты по пятнадцать копеек, чтобы она могла позвонить по телефону. Я не нашла менявшую деньги работницу почты на рабочем месте и прождала полчаса. Где она ходит в рабочее время? Ее коллега, продавав-

шая конверты и открытки, сказала, что она сейчас придет. Но и здесь сейчас длится целый час.

– Что же за дело может быть у нее в рабочее время? – размышляла я с растущим раздражением. Наконец я попросила продавщицу открыток разменять мне деньги.

– Это не моя обязанность.

– В вашем городе во многих местах написано крупными буквами: “Рабочее время – работе”! Почему же вы не соблюдаете этого?

Раздосадованная, я ушла, жалея только о том, что зря потратила сорок пять минут. Я напрасно пробовала разменять деньги в “Сибири” и в овощном магазине, никто не соглашался. В конце концов деньги разменяла любезная бабушка из небольшой булочной на улице 9 Мая. Ей это не составило труда. Вечером Жанна смогла позвонить в Новосибирск старшему брату, чтобы он на всякий случай прислал в больницу активированный уголь для фильтрации крови.

19 декабря

Марика потряхивала косичками, в которых красовались огромные розовые банты. Она превратилась в Машеньку, причесывает волосы как русские девочки.

Утром Светлана Михайловна основательно посмотрела, есть ли у нее какая-нибудь ранка, послушала дыхание, осмотрела горло и нос, нет ли у нее насморка.

– Завтра будет операция, сегодня ей нельзя никуда ходить, даже в школу, чтобы не простудилась! – сказала она.

В первой половине дня – лаборатория, анализ крови. Потом мы навестили венгерских больных, потому что потом мы сможем приходить к ним реже. Магди и Кристи поцеловали Марику, подбадривая ее, чтобы она не боялась, и пообещали навестить ее после операции. Встретились мы и с Гавриилом Абрамовичем, вместе ехали в лифте, он улыбнулся нам и, спеша, сказал, что завтра у него будет шесть операций.

20 декабря

Утром было еще темно, когда я пришла в больницу. Жанна и Марика бодрствовали. Моя маленькая красавица сказала, что ей уже сделали клизму, она была в туалете, а потом медсестра помазала иодом и забинтовала ей руку и ногу. Я села рядом с ней на кровать, взяла на руки и целовала, чтобы ей не было страшно. Через некоторое время две медсестры, Альбина и Света, вкатили каталку, я надела на Марику белую больничную рубашечку, Галина Георгиевна сделала ей в руку усыпляющий укол, и в девять часов мы отвезли ее наверх, в операционную. Там я еще раз поцеловала ее, сказала, чтобы она не боялась и пообещала не уходить и подождать ее.

В палате я поправила постель, постелила чистое белье, розовое с цветочками, которое получила от Жанны. Потом я встретила с Ренатой, которая спросила о Марике и пообещала придти навестить ее, и, возможно, найдут время придти и Софья с Борисом.

После обеда, когда девочки ушли в школу, я помыла пол в палате хлорной водой, убрала туалет и включила кварцевую лампу. Потом я отнесла в мастерскую новые костыли и попросила мастеров укоротить их. Они с готовностью выполнили мою просьбу. В мастерской было разное старье – старый самовар, выпотрошенное радио, телевизор, пилы. Было около четырех, я шила в холле, когда мне сказали, чтобы я шла к операционной за ребенком. Дежурной медсестрой была Надежда Петровна, беременная женщина, которая вошла в операционную и выкатила Марику.

Вышла и наша доктор, которая заставила меня пообещать, что я не дам девочке пить и только помажу ей уголки рта чаем, лимоном. В операции еще принимали участие главврач Игорь Александрович и доктор Александр Кириенко, они сняли зеленую полотняную одежду, надели белые халаты и поспешно ушли. Надежда Петровна подкатила ко мне мое измученное сокровище. Мы вошли в лифт и поднялись на шестой этаж на рентген. Осторожно обняв Марику, я сняла ее с каталки и положила под рентгеновский аппарат. Мне не пришло в голову, что вместе с металлическими аппаратами она весила килограммов двадцать пять, а мне с большим позвоночником нельзя поднимать тяжести.

В коридоре нашего отделения Марику уже ждали ее подруги, позже к ней пришли венгерские мамы и пациенты, а потом зашел доктор Игорь Александрович с двумя другими врачами. После уроков в школе пришла и Жанна.

От полученного наркотика Марика стала очень самоуверенной и все решительнее требовала пить.

– Понимаешь, мама, я хочу выпить много за один раз.

– Понимаю, дочка. Но кто будет убирать, если все выйдет обратно?

Это заставило ее задуматься, она откинулась на подушку и позволила вложить ей в рот только чайную ложку чая. Около восьми Марика уже очень жаловалась на боль в ноге, бинт на пятке и под коленом, где Илизаров расколол ей кости, пропитался кровью. Она чувствовала свинцовую тяжесть в руке, ее голова металась на подушке, бедняжка никак не могла успокоиться.

Жанна пошла домой спать, сегодня я осталась в больнице на ночь.

В девять часов медсестра сделала дочке укол “Промидола”, и она быстро уснула. Мы с Надеждой Петровной еще некоторое время пили чай. Потом я постелила и себе на покрытом линолиумом бетонном полу между кроватями Марики и Ренаты. Я принесла из стоявших в холле перед телевизором кресел подушки, покрытые искусственной кожей, накрыла их пледом, надела свои ватные штаны и широкий пуловер, натянула сверху самый большой белый халат и легла.

Однако покой так и не наступил. У Ренаты болел живот, медсестра вызвала к ней дежурного терапевта, который пощупал живот, печень и предложил сделать

клизму. Ренате сделали укол, и она заснула. Около одиннадцати наступил покой, но ненадолго, потому что Марика проснулась от боли и начала стонать, что ей нужно писать и чтобы я погладила ей ногу. В полночь ей сделали еще один укол, и она заснула часа на два. Мне постоянно приходилось накрывать ее, потому что она сбрасывала с себя одеяло. Потом она заявила, что очень хочет есть, жадно съела кусок черного хлеба с маслом и залпом выпила стакан молока. Я боялась, что случится беда, но хлеб и молоко не вышли обратно. Рената проснулась на шорохи, и с нее тоже упало одеяло, сбросили с себя одеяла и Рима с Мирославой. Я по очереди накрывала четырех детей. К рассвету стало холоднее, я чувствовала на полу свистящий ветер. В три часа Надежда Петровна опять пришла с уколом, после чего девочки задремали.

Наступила тишина, целительная, успокаивающая тишина. Наконец-то заснула и я. Около шести в коридоре началось движение. Пришел добродушный, усатый, молодой анестезиолог, чтобы посмотреть Марику. Он спросил меня, спала ли и писала ли она, много ли и сколько раз, когда получила укол и тошнило ее или нет. Он также сказал, что теперь можно дать девочке есть и пить.

– Она уже недавно съела немного хлеба с маслом и выпила стакан молока, очень просила, – сказала я робко.

Врач обрадовался этому, засмеялся, видя, что все в порядке, и ушел. Я померила Марике температуру, градусник показывал 37 градусов. Надежда Петровна померила ей давление.

21 декабря

Утром Игорь Александрович посмотрел у дочки ногу, попросил выпрямить ее в колене, но это не получилось. В первой половине дня я отнесла Марику на перевязку. За это время я написала письмо Петеру и бабушке с дедушкой, рассказала им об операции: “Под коленом и над щиколоткой стоят кольца, в передней части стопы, у пальцев, – полукольцо, а у пятки – еще одно, поменьше. На расстоянии пяти сантиметров ниже колена сделали поперечную рассечку берцовой кости, чтобы скорректировать рост наружу или, как они говорят, осевую деформацию голени. На стопе будет выровнено укорочение в 2,7 см, настолько короче стопа, это хорошо видно на рентгеновском снимке. Пяточную кость профессор разрезал в форме вытянутой буквы V, ее постепенно растянут с помощью подкручивания. Две косточки кисти и все фаланги пальцев схвачены тонкими спицами, прикрепленными к металлической рамке. План заключается в том, чтобы оттянуть указательный палец от двух других, растянуть кожу и отделить палец. Мы пробудем здесь долго, надеюсь, летом вернемся домой”.

Как только я закончила это письмо, за мной прибежал один из детей и позвал меня зайти за Марикой в перевязочную. Я привезла ее на каталке, она обняла меня

После операции с аппаратом на руке и ноге.

за шею, так было легче класть и снимать ее. Я уже не в состоянии таскать дочку. В нашем отделении единственная дежурная медсестра приходится на сорок детей, нельзя ожидать от нее такой работы. Мамы помогают. Конечно, здесь есть и несколько бабушек, отцов, больше того, дедушек. Но лечатся и дети, с которыми никого нет.

В первой половине дня я понемножку влила в Марикин желудочек поллитра молока, на обед она скушала двести грамм мясного супа и несколько кусочков грудинки. Около половины третьего ей сделали укол, от которого она опять заснула. Медсестра Света сообщила, что следующий укол “Промидола” Марика получит только через восемь часов. Я оберегала покой дочки, сделала замечание стучавшим электрикам, а потом выпроводила в коридор тараторивших арабок.

Время от времени я выглядывала из окна. Ветер подхватывал и кружил крупные снежинки. Я высматривала Жанну, с растущим беспокойством ожидая ее возвращения с вокзала. Сегодня она одна поехала туда за посылкой, прибывшей из Москвы.

– Едва сумела дотащить ее до такси, – Жанна свалилась на стул. – Миша прислал к празднику всякую всячину – фрукты, сладости, консервы, шампанское. А мой отец даже достал шпроты и финнскую колбасу.

После обеда анестезиолог снова осмотрел Марику, потом к ней пришли венгерские мамы и дети, которые принесли пудинг, конфеты, апельсины. Мы были рады такой любезности, вниманию, чувству национальной солидарности.

К вечеру я очень устала и меня раздражал любой шум. Я едва дождалась ухода матерей. Больше всех меня беспокоила болгарка, она ходила тяжелыми шагами, постоянно громко разговаривала и не обращала внимания на мои замечания. Когда, наконец, ушла и она, я помыла палату хлорной водой и собрала воду, капавшую в туалете. Ночью Марика несколько раз просыпалась от боли, в такие моменты я брала ее на руки и нянчила. От невыспанности я чувствовала резь в глазах.

22 декабря

Сегодня Жанна опять поехала одна на вокзал, ее старший брат прислал ей посылку.

У Марики улучшилось настроение, мы по очереди читали друг другу сказки.

В холле мамы и дети рисовали на оконных стеклах зимние картинки. На всех окнах виднелись разные рисунки – Дед Мороз, Снегурочка, медвежонок, елка, заснеженный домик, снеговик и другие подобные изображения. Много было шума и гама, радости, во всех палатах дети работали с вдохновением. Веселое настроение сохранялось весь вечер, шум не утихал даже после окончания телевизионного фильма. В 11 часов Марике и Ренате сделали укол, я выключила свет, и стало тихо.

23 декабря

Сегодня будет общий осмотр, принесли рентгеновские снимки. У Марики на ноге и руке началось подкручивание. Во второй половине дня наш доктор сообщил, что вечером Илизаров поднимется в наше отделение посмотреть детей. Я посадила Марику на каталку, надела ей на голову марлевый платок, на лицо – маску, и мы стали ждать профессора. Всех четырех девочек из нашей палаты позвали к перевязочной. Мамы собрались в помещении напротив, в классной комнате первоклассников. Когда Илизаров осмотрел всех детей, уже минуло девять. У Марики все было в порядке, он подкрутил ей аппараты на руке и ноге.

Потом моя бедная дочка сильно плакала в палате. Напрасно я гладила ее, она никак не могла успокоиться. Прошло три дня после операции, Марике сделали последний укол “Промидола”, и ей удалось поспать несколько часов. Потом она проснулась со стонами, я поглаживала ей подошву ноги, она задремала, потом снова проснулась и заплакала, и так продолжалось всю ночь.

К утру у меня резало в глазах, мне едва удавалось держать их открытыми, у меня болели голова и поясница от неудобного ложа и немилосердного мороза.

24 декабря

Я уже четвертую ночь спала, точнее, бодрствовала в больнице около Марики, следя за каждым ее стоном, за каждым движением и выполняя все ее просьбы. Иногда мне удавалось подремать час-другой внизу, между двумя кроватями. Все мое тело было будто налито свинцом, все мышцы болели, я едва могла держать глаза открытыми, у меня болела голова.

Жанна была ошеломлена, увидев меня утром. – Иди домой, поспи, я послежу за нашими детьми! – сказала она.

Я собрала посуду, плед, грязное постельное белье, положила все это в сумку на колесиках, приготовившись идти домой, в общежитие. Гардеробщицы удивились,

когда я спустилась к ним за шубой, они думали, что я потерялась, моя шуба висела у них на гвозде уже четвертый день.

В полдень я вышла на солнечный свет, на свежий воздух, вдыхая его большими глотками. Сегодня канун Рождества, вот мой подарок – этот свежий воздух, солнечный свет, несколько свободных часов, тишина, одиночество.

Еще в Будапеште я свято поклялась больше не стирать больничное постельное белье. Но пришлось нарушить этот обет. Я поставила грязное белье вариться. Потом приготовила детям суп с фрикадельками, поджарила котлеты, приготовила картофельное пюре, перемешав его до пенистой консистенции, и сварила компот из черной смородины. Затем я сбегала на почту, потому что Вилен прислал посылку, но вскрыть ее уже не было времени. Я спешила обратно к детям с едой. К моему огорчению, они ели мало.

Жанна купила подарки к празднику, потом преподавала в школе. Сегодня с нашими детьми уже занимался в палате физиотерапевт.

Венгерские мамы принесли Марике маленький рождественский подарок – шоколад, конфеты. Вечером мы собрались в холле и отметили праздник.

Я попросила гардеробщицу дать мне шубу Жанны, принесла и оставила ее в отделении, Жанна еще не знала, пойдет домой или нет. У Ренаты на подошве ноги появились красные пятна, и Жанна позвонила в кабинет Илизарову, чтобы он посмотрел их.

Бредя в одиночестве домой с наполненной посудой сумкой, я почувствовала, что у меня болит сердце. И не только в переносном смысле. Чувство давления и тяжести в области сердца послужило предупреждением, что сегодня мне уже нельзя больше работать. Только бы добраться до дома!

Я выложила на стол бутылки и наполнила их водой. Утром помою... Завтра прополоскаю постельное белье... Завтра... все.. сделаю.

Я вскрыла посылку, подарок Вилена и его семьи. Ящик, наполненный апельсинами и мандаринами. Я разрешила надтреснутый апельсин и, жуя его, растянувшись на своей покрытой жесткой доской кровати, ждала Жанну.

Илизаров посмотрел Ренату. У нее воспаление в пятке около спицы, ей будут колоть самый сильный антибиотик неделю или десять дней.

Жанна тоже съела надтреснутый апельсин. Мы с кислой улыбкой вспомнили наше крылатое выражение: нужна здоровая мама.

В Венгрии сейчас навечерие Рождества, большой праздник любви.

25 декабря

Стоило возвращаться домой! Ночью клоп так искусал мне лоб что он распух над левым глазом. Он исползал мне бедро и запястье, пил кровь, я чувствовала жжение и страшный зуд. Включив свет, мы обнаружили на потолке насытившееся черное

насекомое величиной с чечевичное зернышко, но, пока я оторвала бумаги, чтобы отправить его в иной мир, он мгновенно исчез. Мы с Жанной хотели посыпать комнату порошком. Но это было невозможно, потому что тогда мы испортили бы с трудом добытые, бережно хранимые и отложенные на будущее продукты. А что же будут есть наши дети? И куда мы переселимся на те два-три дня, пока испарится неприятный запах химиката? В итоге пришлось ограничиться отчаянной каждодневной борьбой, “охотой” на каждого клопа и постоянно чесаться по ночам.

Утром девочки встретили нас известием, что Марика всю ночь плакала и не давала им спать. Дочка с измученным лицом строптиво, с упреком смотрела на меня заплаканными глазами, не понимая, почему я ушла из больницы. Она не поверила, что родителям разрешают оставаться в палате только три ночи. А между тем это правда. Марика мало кушала, съела лишь кусок хлеба с черной икрой и выпила чашку молока. Я не настаивала, может быть, этого и достаточно. Проголодается – попросит еще.

Вскоре пришла наш врач, подкрутила аппарат под коленом и показала, как нужно подкручивать аппарат на стопе, сказав, что теперь это будет моей задачей. Я немного испугалась как тогда, когда мне пришлось в первый раз сделать укол своей маме. Но человек способен научиться всему, если это нужно. Пришел главврач Игорь Александрович, посадил ребенка на колени и вытянул ей ногу в колене, чтобы не сжались суставы.

Мы с Жанной поехали в город, чтобы купить рождественские подарки в художественном салоне рядом с музеем. Дешевле всего были медные турецкие кофейники с деревянной ручкой, эмалевые картинки, резные и рисованные декоративные изделия и игрушки.

Жанна поспешила обратно на урок в школу, а я потащила домой наши покупки. В общегитии я сделала все дела, на которые вчера не было сил, приготовила еду и поехала к детям.

26 декабря

Сегодня утром дети опять встретили меня сообщением, что Марика всю ночь плакала, мешая им спать. У дочки все болит. С помощью подкручивания ей двигают кость под коленом, удлинняют стопу, подкручивая аппарат в четырех местах, растягивают руку. Это похоже на пытку, а маленькая девочка должна все выдержать. Мало кому удалось бы перенести это без жалоб и слез. Марика трясла головой, покачивалась от боли, не хотела есть. В конце концов мне удалось немного покормить ее благодаря тому, что Нуха не соглашалась рисовать на окне веселого мальчишка, символизирувавшего Новый год, пока Марика не съест несколько кусочков еды.

Из-за постоянного плача Марики в палате сложилась очень напряженная атмосфера. К вечеру температура у нее поднялась до 37,8, ей дали лекарство, чтобы она

заснула. Я просидела с ней весь день, остаться на ночь было нельзя. Вернувшись домой, я не находила себе покоя, постоянно думала о Марике.

27 декабря

Утром взорвалась бомба. Нуха открыто набросилась на меня с требованием переселить Марику в другое место, потому что Рима не может спать из-за нее. Она пошла жаловаться главврачу, чтобы моего ребенка положили в другую палату.

В первой половине дня главврач Игорь Александрович и наша врач позвали Марику в гипсовальную и скорректировали ей аппарат. Пока дочка была в гипсовальной, я бубнила свое Нухе.

– Конечно, это не беда, если арабы шумят здесь, если от шагов мамы-болгарки дрожит земля, а дети бегают и хлопают дверью, а вот если Марика плачет от боли, то нет ничего проще, как выкинуть ее из палаты. Какая же ты медсестра после этого?

Нуха ничего не ответила. Я сказала то же самое и нашему врачу. Светлана Михайловна начала меня успокаивать. Она очень добрая и хочет, чтобы всем было хорошо.

– Первая палата потише, там и девочки помоложе, Марике будет там спокойнее, – предложила она.

Но девочка, с которой предполагалось поменяться местами, не захотела переходить в третью палату.

28 декабря

Сегодня утром меня снова встретила напряженная атмосфера. Нуха опять набросилась на меня.

– Посмотри, какие у Римы глаза! У нее резь, ей больно, она не спит.

Разразилась ссора. Рената, которая тоже не могла спать от шума и боли, рассказала, как прошла ночь.

Я не знала, что мне делать. Мне было жаль и своего ребенка, и остальных девочек.

Сегодня нас снова навестила Регина, она принесла Марике печенье, мандарины и компот, приготовленные Софьей. Она пригласила меня к ним на Новый год, ее отец уже купил венгерское шампанское, они ждут меня. Я поблагодарила за любезное приглашение и с сожалением сказала, что не смогу придти из-за состояния Марики.

Когда Регина ушла, мы с Жанной осуществили задуманный нами план, перевезли Марику вместе с ее кроватью в учебную комнату для первоклассников. Мы по-

просили разрешения на это у дежурной медсестры Розы. Ждать дальше было уже невозможно. Непрерывный плач Марики действовал всем на нервы. Ей тоже мешали постоянный шум и суета. В таких случаях нужны тишина и одиночество. Пока продолжаются зимние каникулы, мы можем оставаться здесь. За десять дней Марика, возможно, успокоится и сможет вернуться в общую палату. Это время мне нужно перенести с ней здесь. Отдельное помещение, люкс. Только бы она смогла спать! Тогда не будет так много плакать! Но отчего у нее температура? Для этого должна быть какая-то серьезная причина.

В письме отцу Марики я описала все свои невзгоды – боль, страдания, холод. Одна из матерей летит в Венгрию, завтра она отвезет письма.

К нам пришел главврач Игорь Александрович. Он уже знал, что мы расположились в классной комнате и только спросил:

– Где дети будут учиться после обеда?

– С сегодняшнего дня до 10 января будут зимние каникулы. Мы можем остаться здесь до тех пор?

– Ну, тогда все в порядке!

Он подкрутил Марикин аппарат и ушел.

Вечером Илизаров осмотрел нескольких детей из нашего отделения. Я набралась смелости, сказала ему, что у дочки сильно болит рука, она горячая и воспаленная, не может ли он посмотреть ее. Он сказал, чтобы я привела Марику в перевязочную.

Марика проплакала весь вечер, у меня заболела от нее голова. Но нужно было терпеть. Она не хотела лежать на маленькой кровати, которая казалась ей слишком тесной. У меня с этой кровати свисали ноги. Я чувствовала, что мерзну. Ребенок стонал, кровать скрипела, сон никак не приходил, все было нехорошо.

29 декабря

Сегодня я подкручивала аппарат на Марикиной ступе под надзором Светланы Михайловны. В праздники в больнице практически не будет врачей и медсестр.

Марика плакала, трясла головой, покачивалась и замолкла только когда я начала читать ей сказку.

– Понимаешь, мама, мне нужна тысяча сказок, тогда я не плачу.

Понимаю. Слушая чудесные истории, Марика позабыла о боли. “Семьдесят семь венгерских сказок” оказались хорошим лекарством, хорошо, что взяла эту книгу с собой. Я читала, пока не устали глаза. Они у меня и без того слабые, быстро устают от недостатка сна и начинают слезиться.

К счастью, Марику позвали на перевязку. Тем временем я нашивала ей на костюм снежинки блестящие полоски. Сегодня будет праздник елки.

Во второй половине дня к нам в отделение пришли Дед Мороз и Снегурочка. Они обошли палаты и раздали детям пакеты с подарками. Марика была счастлива, гости зашли и к ней, отыскивали ее в классной комнате. Все гадали, кто нарядился Дедом Морозом, и по усам и улыбке мы поняли, что это молодой анестезиолог.

Марика непременно хотела пойти на общий праздник. Я долго одевала ее, а потом мы спустились в гимнастический зал. Это была ее первая большая прогулка, она шагала, прилагая героические усилия. Большой гимнастический зал был переполнен врачами, медсестрами, детьми и родителями. Они с песнями ждали Деда Мороза вокруг елки. Вскоре он появился. Дети танцевали, разыгрывали разные сцены.

К тому времени, когда мы вернулись, Марика очень устала. Я весь вечер читала ей сказки и посмотрела ногу в том месте, где она чувствовала боль. На внешней части ноги под коленом тянулась красная полоска. Кисть руки была горячей, под сросшимися ногтями виднелось желтое гнойное пятнышко размером с булавочную головку, окруженное красной воспаленной опухолью.

– Как противно! Не смотри туда! – протестовала Марика.

Я померила ей температуру, 37,8. Напрасно я дала ей “Гермицид”, температура не понизилась. Я стала читать сказки, но иногда приходилось останавливаться, потому что буквы сливались у меня перед глазами. Потом Марика свернулась у меня на руках и немного успокоилась, слушая биение моего сердца. Однако вскоре опять начала капризничать:

– Хочу видеть папу! Хочу, чтобы он тоже поцеловал меня! Мне хочется на руки к Бёжике! Как плохо, что они не пишут мне!

Марика опять довела себя до рыдания. К моему огорчению, ее стошнило, в результате чего то небольшое количество еды, которое я упростила ее съесть, вышло наружу вместе с болеутоляющим лекарством.

Тогда я попросила Эндре Путича сходить в гардероб и принести из кармана пальто проездной, в котором я храню фотографию Петера, чтобы Марика хотя бы так увидела отца.

Марика рассматривала и целовала пожелтевшую фотографию, а потом начала рыдать еще отчаяннее:

– Я не хочу фотографию! Он нужен мне по-настоящему! Сейчас Рождество!

– Он приедет в марте, дочка, – попробовала я утешить ее.

Пока Марика могла следить, я читала ей сказки, потом укачивала у себя на коленях. Всю ночь она страдала от жара и боли, я – от ее непрерывного плача, а мы обе – от бессонницы.

Уже светало, когда нам удалось задремать. Покой продолжался часа полтора, а потом начался рабочий день. К нам вошла наша врач, я показала ей воспаление на руке и красную полоску под коленом.

30 декабря

После того как профессор позавчера посмотрел Марику, доктор только один раз подкручивала аппарат на Марикиной руке и только в одном месте, наверху, у ногтей. Из-за воспаления, начинающегося под коленом, будет сделана перевязка, Светлана Михайловна пообещала очистить рану. Она посмотрит и кисть. Аппарат на стопе подкручиваю я, там все в порядке.

В первой половине дня я проводила дочку на лечебную гимнастику. Это первый день, когда она должна была опереться на больную ногу. Ей нужно было постоять несколько минут и сделать пару шагов. Физиотерапевт похвалила ее. Потом Марика попросилась к Магди Ковач, еще до операции она пообещала Магди, что та будет первой, кого она навестит после операции. Теперь она захромала к ней на костылях, ступая на одну ногу. Пока они разговаривали и слушали музыку, я поспешно ушла, чтобы погладить постельное белье. Из-за воспаления я меняю его чаще. Здесь трудно достать уют, я попросила у взрослых больных. Регина пообещала принести мне уют из дома. Она перевязывала того мальчику, которому Илизаров сшил вену. Регина тоже участвовала в той срочной, многочасовой операции, Андрей лежит в их отделении. Сегодня мальчик, за жизнь которого волновалась вся больница, пришел на перевязку на собственных ногах.

Когда мы с Марикой вернулись в классную комнату первоклассников, к нам подошел Сергей Васильевич с дочкой и пожелал нам счастливого нового года. Я была рада этому любезному жесту. Марика была счастлива и смеялась, радуясь тому, что ее прежний дядя доктор навестил ее и принес ей шоколадку. На мгновение я вспомнила, как Сергей Васильевич ждал эту крошку, которая сейчас с волнением держалась за белый халат своего отца, а в другой ручке сжимала конфету и жевачку, которую дала ей моя дочь. Верочка проворковала слова отца.

– Выздоровливай, Марика!

За прошедшие три года Сергей Васильевич возмужал, располнел, ему дали квартиру. Он работал в старой больнице, не знаю, почему не здесь. Я забыла спросить его об этом.

Вечером Марика почти не кушала. Ее нервы были сильно измотаны послеоперационными болями, а позже воспалением и высокой температурой. Она смогла немного поспать только вечером. С полуночи до утра продолжались плач, поглаживание, чтение сказок.

– Хочу пить! Мне нужно писать! Почитай еще! Очень больно! Хочу к тебе на руки! – повторяла она.

31 декабря

Утром к нам заглянул Игорь Александрович и сказал, что в первой половине дня мне нужно будет отвезти Марику на перевязку. Дочка погрузилась в глубокий сон после съеденного с большим трудом завтрака. Я дремала рядом, оберегая ее покой. Вскоре главврач послал за нами медсестру Розу.

– Доктор, она сейчас спит. Нельзя немного попозже?

– Давайте сейчас, везите на кровати, не будите ее! Понятно?

Приказ есть приказ, надо выполнять. Я поняла, что случилось что-то серьезное, если главврач не ушел домой в этот нерабочий, предновогодний праздничный день.

Когда я вкатила дочку в перевязочную, она немедленно проснулась из-за звона ножниц и пинцетов и заплакала.

– Хватит плакать, Марика! – строго сказал главврач.

Ребенок еще немного повсхлипывал, потом уже ничего не было слышно. Всю первую половину дня главврач вместе с нашим доктором и медсестрой очищали Марике раны и везде наложили новые повязки.

Во второй половине дня, прежде чем уйти домой, Игорь Александрович зашел к нам и вручил мне ампулу, попросив отдать ее завтра перед перевязкой дежурному врачу. Он спросил, кто будет подкручивать аппарат в праздники. Я сказала, что я, он попросил показать, как я буду это делать, и успокоился. Я видела, каким уставшим выглядит его молодое лицо, вчера он оперировал с утра до вечера, ночью дежурил и сегодня остался в больнице, чтобы еще раз посмотреть сложные случаи. Он сказал, что моей дочке каждые четыре часа будут колоть пенициллин, я должна наблюдать, чтобы медсестра делала это вовремя. Мы поздравили друг друга с Новым годом, и доктор ушел.

Вечером мамы накрыли в холле около нашей большой елки стол для детей. Марика сначала не хотела идти туда, ее утомили перевязка и укол. В конце концов она все же, хромя, спустилась в холл, чтобы побыть с другими детьми. После ужина включили магнитофон, зазвучала музыка, и дети с аппаратами на руках и ногах пустились в пляс. Марикины ноги тоже задвигались в такт музыке, она позабыла о боли. Дочка попросила меня поддержать ее под мышками, тогда она сможет потанцевать на одной ноге. Она самозабвенно покачивалась в танце, не обращая внимание на мои предостережения, и быстро устала. Ей пришлось заплатить сильной болью за несколько минут радости.

Вечером Марика проглотила полтаблетки “Промидола”, которую дала наш врач, и быстро заснула. Однако в десять часов она проснулась и сон больше не приходил к ней, она лежала на кровати и стонала. Я бодрствовала рядом, примостившись на трех разложенных на полу около кровати подушках и дрожа от холода. Рима, Рената и Жанна звали нас в палату праздновать вместе с ними. Позже они прислали за мной болгарскую девочку Мирославу, но я не пошла и на этот раз. С

одной стороны, меня огорчило, что они так вели себя с нами, а с другой стороны, из-за состояния Марики у меня не было настроения праздновать в большом обществе.

Перед полуночью снова зашли Жанна с Ренатой, надеясь, что Марика заснула, и я смогу провести с ними несколько минут. Нуха приготовила для праздничного стола какое-то вкусное арабское блюдо, но я не пошла к ним. Мы с Жанной и Ренатой расцеловались и обменялись подарками в надежде на то, что наступающий новый год будет лучше старого. В два часа пришла ночная медсестра с уколом, потом я попробовала усыпить дочку, у которой была высокая температура, рассказывая сказки. Не получилось. Мы с открытыми глазами ждали в темноте наступления утра. Праздничный шум в коридоре стих только перед рассветом.

У меня болели, зудели все мышцы и суставы. На улице должно быть очень холодно, подумала я. В одной из своих новелл Петер Вереш писал о том, как жестоко болят в холодную погоду ревматические конечности. Я уже знаю это по собственному опыту.

1 января 1986 г.

Сегодня снова перевязка, пенициллин, сказки. Марика огорчилась, что я не привезла с собой книгу сказок Эмиля Коложвари Гранпьера “Чудесная флейта”. Ей очень хотелось почитать ее.

Нас навестили венгерские родители и пациенты, они зашли обменяться новогодними поздравлениями.

Нам повезло, что есть эта классная комната, хорошо, что наступили зимние каникулы. Иначе не знаю, как бы мы перенесли этот трудный период. Но самое большое везение – Жанна. Она ходила домой, готовила, стирала, одна таскала еду в этот ужасный мороз. Не знаю, как бы мы справились без нее.

Вечером я решила попробовать, какую лежанку можно смастерить из трех школьных парт, чтобы не мерзнуть на бетонном полу. Я расположила их буквой П и застелила матрасом из маленькой кровати. Получилось отлично, правда, немного высоковато, но длиннее и теплее. Жаль, что это не пришло мне в голову раньше. Сегодня ночью мы смогли немного поспать с перерывами, во время которых я гонялась за комарами. Здесь они кусаются и зимой, скрываются и размножаются в щелях. Трех удалось прихлопнуть. У Марики температура 37,5.

2 января

Я смертельно устала. Не знаю, сколько еще мы сможем выносить эти дни и ночи, разделенные из-за уколов на четырехчасовые периоды. Сколько еще это будет про-

должаться? Неделю, десять дней или еще дольше? Никто не знает, когда пройдет воспаление.

В первой половине дня – лечебная гимнастика. Дочке нужно распрямить ногу в колене, но она не выдерживает в таком положении больше десяти минут.

– Я отдам тебя Татьяне Георгиевне, – пытается испугать Марику наш физиотерапевт.

– Вот и хорошо, – засмеялась Марика, – я люблю ее.

Все улыбнулись этому ответу. Строгость красивой женщины-физиотерапевта общеизвестна. Потом Марика должна была стоять около шведской стенки то на одной, то на другой ноге. Это получалось лучше, успех воодушевил девочку. Каждый день заданий становится чуть больше, а результат чуть лучше.

После обеда Марика села за школьную парту. Она нарисовала домик, окруженный цветами, над домиком солнце и компас со стрелкой, показывающей на запад, две бабочки, одну поменьше, а другую побольше и сердечко между ними. В этом детском рисунке все понятно. Ей очень хочется домой, сильнее всего она скучает по отцу и по Бёжике. Она очень грустила, не получив от них письма на Рождество. Видимо, оно где-то застряло из-за большой перегруженности почты на праздники.

Вечером мама Путич и мать Золи Доханя принесли Марике фасолевый суп, это была ее просьба. Одна из женщин сварила его со сметаной, а другая с овощами. Замечательно, что для живущих здесь венгров характерна такая солидарность и взаимопомощь.

3 января

Дочка опять плохо спала ночью. Ужасно, что боль в костях настолько мешает спать, так жестоко мучает эту исхудавшую, бледную девочку.

В первой половине дня на лечебной гимнастике Марика прошла на одном костыле половину зала туда и обратно. Тетя Татьяна похвалила ее. Даже Золи Дохань был поражен, сказав, что не мог так ходить через две недели после операции.

Во второй половине дня я сбегала в “Сибирь” купить мясо и сосиски. Жанна сказала, что за ними стоит очередь. У меня есть талон, в больнице нас взяли на учет, мы стали местными и можем покупать в магазине по два кило мясных изделий в месяц.

Ярко светило солнце, было приятно подышать свежим воздухом.

Марика схитрила, попросив прочитать ей сказку о королевиче Брунцуке, это очень длинная сказка. Она слушала ее, забравшись ко мне на руки.

– Знаешь, здесь очень хорошо, я всегда успокаиваюсь, – сказала Марика. – Здесь я всегда немного забываю о том, как сильно болят рука и нога.

У нее небольшая температура, 37,2. Пенициллин делает свое дело.

4 января

В первой половине дня опять были перевязка и стирка. Я искупала Марику. В последний раз я мыла ей голову две недели назад, перед операцией. Ей понравилось купание, она развеселилась и обрадовалась красивым волосам. Наша доктор осталась довольна подкручиванием и улучшением состояния ребенка.

Жанна беспокойна, у Ренаты на пятке началось воспаление. Она позвонила домой и узнала, что ее отца пришлось отвезти в больницу. Жанна не знала, что ей делать, она не решалась оставить здесь свою дочь одну и в то же время беспокоилась за отца.

У нас была спокойная ночь. Марика только один раз проснулась от боли, когда ее укололи иглой шприца. Я приласкала ее, и она погрузилась в глубокий сон.

6 января

В первой половине дня на гимнастике дочка прошла без костылей, держа меня за руку, через весь зал туда и обратно. Во второй половине дня она читала сказки, позволив мне работать. Вечером к нам зашел главврач Игорь Александрович. Он обрадовался, что Марике стало лучше, успокоился и похвалил ее за достижения на лечебной гимнастике, о которых узнал от физиотерапевта. Я померила Марике температуру, градусник показывал 36,6. Это и хотел узнать главврач.

– Сегодня и завтра ей еще дадут пенициллин, – сообщил он мне, а Марике сказал: – Скоро сможешь вернуться в общую палату.

Вика, которая живет одна в “люксе”, потому что ходит в институт и должна заниматься, навестила Марику. Она сказала, что завтра ей прооперируют ногу.

Вечером Жанна принесла нам рождественские открытки от наших родственников и знакомых из Венгрии. Марика по очереди целовала открытки от отца и бабушки.

Жанна с дочкой до позднего вечера ждали Илизарова, чтобы он посмотрел ногу Ренаты и установил причину воспаления.

8 января

Я сшила чехлы на руку и ногу дочки. Они защищают от загрязнения и холода.

Сегодня мы разговаривали о том, как трудна здесь работа врачей и сестер. Их мало, а больных много. Вчера молодые врачи из нашего отделения весь день провели в операционной, а потом до позднего вечера показывали больных профессору Илизарову. В таких случаях обсуждается, с кем что нужно делать, как следует лечить неожиданно возникающие осложнения, как у кого подкручивать аппараты,

как и когда осуществлять изменения, куда поставить новую спицу, когда закончить подкручивание и снимать аппарат. Такие совещания часто продолжаются до полуночи, а то и дольше, а потом нужно идти домой по ночному морозу. На другой день в половине девятого беспощадно наступает новый рабочий день. За эту работу им платят очень маленькую зарплату. Медсестры получают 80-100 рублей, а врачи – 110-150 рублей. “Смеется крейцер, вот за сколько ты работал, отнюдь не даром”.⁵⁹ Мы сравнили эту зарплату с зарплатой Нухи. Получилось, что она получает в несколько раз больше.

В Венгрии тоже не лучше. Материальное положение и уровень жизни медицинских работников, интеллигенции, рабочих и служащих сильно уступает уровню жизни ловкачей, беззастенчивых и на всем наживающихся людей, обманывающих и использующих других. Почему так получается?

Вечером у Марики было температура 37 градусов. Она жалуется на руку, ей очень больно.

9 января

Мне снилась родная деревня, я снова была ребенком. Лето, сладкие груши, жужжание пчел, журчание ручья на склоне холма среди тенистых деревьев. Детство дало мне большой эмоциональный заряд. Как хорошо было бы снова оказаться дома! Но как это еще далеко!

Петеру готов серый пуловер, я начала вязать себе бордовый кардиган. Марика, весело смеясь, учила стихотворение Петёфи “Лаци Араню”. Она начала успокаиваться и только каждый день боится перевязки. Ее крик, раздававшийся из-за двери, когда с ее ран срывали бинт, бил мне по нервам.

За последние дни мою дочку несколько раз навещала ее здешняя одноклассница, маленькая Василина. Она родом из Краснодара, Илизаров прооперировал ей бедро. Девочки отлично понимают друг друга. Я рада, что у Марики здесь есть подружка, и что она опять достаточно хорошо говорит по-русски.

11 января

Всю первую половину дня мы ждали перевязки, но из-за множества недавно оперированных больных очередь Марики наступила только после обеда. Поскольку была суббота, по окончании перевязки мне уже не удалось заказать такси. Мы собиравшись поехать на главную площадь посмотреть зимний сказочный мир, сделан-

⁵⁹ Строка из стихотворения Агилы Йожефа “Моя родина”.

ный из снега и льда. Все восхищались им, многие уже видели его. Доктор Игорь Александрович отпустил посмотреть и Марику, но добавил, что можно только смотреть, кататься с горки нельзя. Ну что же, эта мечта осуществится завтра. А пока осталось покататься на санках вокруг больницы. Марика уже целый месяц не была на свежем воздухе.

На правую ногу мы надели сапог, на левую – чехол, сшитый из куска одеяла, правую руку засунули в рукав шубы, левая не влезала, я завернула ее в шерстяной платок. А всего ребенка я закутала в плед, надела на голову Марики лисью шапку, и мы отправились кататься на санках.

– Еще, еще! Кати меня по кругу! Пошла, лошадка!

Я осторожно двигалась по дорожке, протоптанной вокруг больницы, чтобы санки не опрокинулись на натертых до ледяного состояния скользких участках пути. По дороге мы все время гадали, чьи окна мы видим, смотрели, где еще сохранилось множество рисунков, сделанных к Новому году. Добравшись до старой больницы, мы долго смотрели на сверкающий закат солнца.

– Там Венгрия! – промолвила Марика.

– Да, правильно, никогда не забывай этого! Это золотистое сверкание всегда будет напоминать тебе о ней.

12 января

В первой половине дня я заказала такси на половину пятого. Оно пришло точно в назначенное время. Марика прижалась ко мне и с благодарностью убедилась в том, что я сдержала свое обещание. Уже все рассказывали о чуде на главной площади, и Марика тоже очень хотела посмотреть его, ей было интересно. В пять мы были на площади.

– Освещение включают только в шесть, когда совершенно стемнеет, – сказал таксист.

Я попросила его отвезти нас к Борису, мне не хотелось, чтобы Марика простудилась во время часового ожидания. Софья и Регина очень удивились нам. Я объяснила причину нашего неожиданного посещения. Они грустно сообщили, что после праздников Борис попал в больницу.

В шесть за нами к дому подъехало другое такси. На площади Ленина толпа девчонки наслаждалась радостями зимы. Там стояли три огромные елки, освещенные гирляндами лампочек. Световая надпись на фасаде Дворца пионеров поздравляла всех с Новым годом. Свет, белизна, много смеха. В одном из концов площади разместились снежный домик, детские горки, маленькие крепости, карусель, увешанная детьми. Куда ни глянь, повсюду видны валяющиеся в снегу, резвящиеся проказники. На них смотрело несколько детей с аппаратами и костылями.

Моя хромоножка тоже заразилась общим весельем и запрыгала на костылях как птичка со сломанной лапкой. Ей хотелось присоединиться к счастливым детям, скатиться с горки. Но нельзя, ей никак нельзя. Ее пальто облепили тяжелые снежинки.

Мы осмотрели сложенную из ледяных глыб стену с резными изображениями. Выразительные, грубоватые мужские лица, татарские раскосые глаза, женщины в платках, миловидные девичьи профили, будто вырезанные резцом Серватиусов.

13 января

С помощью Жанны я вселила Марику на освободившееся место в первой палате. Там лежат девочки помоложе, может быть, Марике будет лучше с ними, ей будет с кем играть и она не будет так много плакать.

Сегодня она долго пробыла в перевязочной. Воспаление под коленом уже проходит, но из руки, к сожалению, идет кровавый гной. Доктор вместе с перевязочной сестрой выдавили его. Дочка кричала от боли. Матери нелегко каждый день слушать и переносить это. Выйдя из перевязочной, Марика прижалась ко мне, я приласкала ее, читала ей сказки.

Сегодя мне уже нельзя было остаться с дочкой на ночь. Я собрала накопившееся грязное белье и вместе с Жанной отправилась домой. В общегитии женщины уже беспокоились, не понимая, куда я пропала.

Еще вечером я выварила постельное белье, чтобы в случае необходимости было чистое. Потом помыла много грязной посуды. Жана готовила еду на завтра.

Всю ночь я не могла заснуть, все время думала о Марике, волновалась за нее, без нее. Кто накроет ее ночью? Кто утешит, если она проснется?

Сегодня ночью ужасно холодно. Я смотрела на звезды, сиявшие резким светом. В памяти всплыли строчки из “Зимней ночи”.⁶⁰ Я чувствовала боль во всем теле. Во мне заболела моя судьба. Но больнее всего отзывалось в душе сознание ушедшей молодости и упущенного счастья.

Я смотрела на спящую Жанну, и мое сердце согревала наша рожденная в беде и нужде и окрепшая в тяжелые дни дружба.

14 января

С резью в глазах, уставившись на потолок, я ждала наступления утра. Ночью было очень холодно.

Я думала о Марике. Почему она родилась такой, почему на ее долю выпало столько страданий? Когда это кончится? Пока она вырастет, нам еще придется приехать сюда три-четыре раза. На следующем этапе будет много работы с рукой. Пересадка кости на кисть и присоединение к ней среднего пальца. Через год или два для этого потребуется еще восемь-десять месяцев. Когда Марике исполнится десять лет, настанет время для растяжения бедра. Правда, сейчас обе ноги имеют одинаковую длину, но когда ребенок будет расти, за три-четыре года больная нога снова отстанет в развитии. Разница между двумя бедрами сейчас составляет 3 см, а через несколько лет достигнет 5 см. К тому времени длина голени уравнивается. Коррекция бедра займет еще шесть-восемь месяцев. К возрасту 15 лет в основном установится рост ребенка и длина стопы, которую придется растянуть еще раз. Таков план, если все пойдет хорошо. В конце будет сделана пластическая коррекция, закрытие ран на коже. Это еще по крайней мере десять лет. На это уйдет моя жизнь, молодые годы, профессиональная карьера, здоровье и наскребанные мной деньги. Я дорого плачу судьбе. Время, которое я проведу дома, понадобится на то, чтобы Марика ликвидировала отставание в школе, а я собрала деньги для следующего этапа. Каким бы крепким ни был мой организм, закаленный крестьянским трудом, в нем все же оставили свой след тяжелые месяцы, суровые зимы. В двадцатилетнем возрасте я провела два года в нетопленной съемной комнате, потом четыре года во временной квартире с кухней без отопления, а теперь идет уже третья зима нашего пребывания здесь. Скажем, на этот раз я обзавелась необходимыми теплыми вещами.

По радио пробили часы Спасской башни, зазвучали торжественные, победные звуки гимна. Они были слышны из соседнего помещения.

– Наконец-то шесть часов, – подумала я, – можно вставать.

Я одевалась при свете, проникавшем с улицы, надела ветхие туфли, служащие мне тапочками, поставила чайник, чтобы согреть воду для умывания, потом выжала остывшее в кастрюле для стирки постельное белье. Когда я вернулась в комнату, Жанна уже потягивалась. Я включила радио, курганская радиостанция передавала прогноз погоды. Я не хотела верить своим ушам и спросила Жанну, правильно ли я слышала, что утром местная температура была минус 38 градусов.

– Правильно. Сколько штанов ты наденешь? А завтра? Завтра будет минус 45 градусов, – и Жанна засмеялась.

– Не может быть... Не верю. Хотя я все ночь чувствовала эти минус 38 градусов, не могла заснуть.

Мы умылись в холодной комнате. Небольшая батарея почти не давала тепла. Жанна начала готовить завтрак и обед, а я, основательно одевшись в ватные брюки, сапоги и ушанку, спустилась на кухню первого этажа сполоснуть постельное белье. Никогда не забуду это утро. Обзор из окна кухни застилала изнутри не только ледяные разводы. Оба окна покрывали ледяные кристаллы, похожие на расплыв-

⁶⁰ Имеется в виду стихотворение Агилы Йожефа “Зимняя ночь”.

шие скопления кораллов, а в подоконник, как корни дерева в почву, вцепились сосульки толщиной в человеческую руку.

Я пустила воду из обеих труб и деревянной ложкой помешивала одежду в ледяной жидкости, дважды сменив ее. Но чтобы выжать вещи, пришлось все таки опустить руки в воду. Я работала посиневшими, окостеневшими руками.

К тому времени, когда я развесила постиранное, закончила готовку и Жанна. Мы положили еду в термосы и банки и поспешили к детям.

На улице было туманно, в воздухе висел белый, зернистый туман и снеговая пыль. Вился длинный, белый пар, он шел ото всюду – из ноздрей, открытых ртов, дверных щелей и оконных рам. Маленькие деревянные домики испускали в чистую синеву неба струйки дыма. Тонкий серп молодой луны резко сиял над крышами домов.

Люди поспешно, молчаливо шли по улицам. Даже снаружи было слышно, как по радио несколько раз повторили, чтобы дети не ходили сегодня в школу. Автобусы были переполнены и передвигались поскрипывая. Не было смысла ждать их, пешком можно было быстрее добраться куда угодно.

В больничном саду уже лежало толстое снежное покрывало. Вдоль дороги стояли двухметровые снежные сугробы. Снег трещал под быстрыми ногами пешеходов, до блеска натерших дорогу.

Марика ждала меня, спокойно сидя на кровати. К моей радости, она проспала всю ночь. Одна из девочек помогла ей сходить в туалет. Я обрадовалась этой новости и очень поблагодарила девочку.

Первую половину дня я провела с дочкой. Сегодня мы уже занялись учебой.

В первой половине дня я сбегала на почту за посылкой, которую прислал Вилен. У входа я помогла женщине с костылями и аппаратом. Я подержала ей дверь, а когда отпустила, дверь захлопнулась, и мой левый мизинец застрял в щели. Руку пронзила боль, палец распух, ноготь моментально посинел, кисть онемела. Сломана кость? Или перерезан нерв? Я поспешила в больницу. Светлана Михайловна немедленно посмотрела меня и послала на рентген. Перелома, трещины не было, нужно было сделать примочку.

Вечером мы снова собрались в пятой палате и отпраздновали 12-й день рождения Золи Дохана. Марика была очень весела и даже поцеловала Золи в щеку, от чего они оба покраснели.

15 января

Жанна дурачилась. К утру сибирская зима смягчилась, градусник показывал всего минус 30 градусов. Для нас и это много. Батарея была теплой, воды вообще не было. Но готовить все равно нужно. На холодильнике выстроились трех- и пяти-

литровые банки, наполненные водой. В Кургане нужно запастись всем, в том числе и водой.

Я приготовила детям отличную картошку с колбасой. Ибоя Т. и не подозревала, что кусок домашней колбасы, который она оставила своей соседке по квартире, Нухе, в конце концов окажется в нашей кастрюле.

– Прямо как дома, даже лучше, – похвалила Марика.

Сегодня наша доктор заменила два длинных стержня на стопе дочки еще более длинными, чтобы можно было растягивать стопу дальше. Это кропотливая работа, требующая большого внимания. Нужно знать, где и как подкрутить аппарат, чтобы больному было не очень больно. Наша врач – очень участливая, внимательная, любезная со всеми женщина, ее любят и дети, и родители. Пока она делала свое дело, мы разговаривали. Светлана Михайловна окончила медицинский институт в Новосибирске и второй год работает в Кургане. Она беременна, ждет первенца. Я волнуясь за нее. У нее утомительная работа, и здесь сейчас очень холодно.

– Дома комната еще холоднее, – ответила она. – Лопнула труба батареи, и у нас не топят. Я включила электроприбор и вскипятила воду, чтобы можно было перенести холод.

Зима, зима, суровая сибирская зима, каким испытаниям она подвергает людей! Но в то же время и закаляет их, делает их смелее и выносливее.

Вечером у нас тоже не грела батарея, и не шла вода. Нам удалось набрать шесть литров, но вода только сочилась.

16 января

На рынке пожилой мужчина продавал красивые, крупные, красные яблоки джонатан. По моему произношению он немедленно заметил, что я венгерка, и сразу сказал “kislány” (девушка), а, предлагая яблоки, добавил: “Jó” (хороший). Яблоки он привез из Молдавии, а венгерские слова – с войны. В марте 1945 г. он побывал в Пече и Секешфехерваре. Наш разговор шел, конечно, на русском языке. Ну а чем другим мог развлечь бывший солдат прибывшую издалека девушку? Ожили военные воспоминания. Потом речь зашла о том, каким ветром меня сюда занесло. Я рассказала. Он выбрал для Марики лучшие яблоки.

С площади Ленина исчез сказочный мир. Разрядили огромные елки, бульдозеры разрушили ледяные домики и стену с резными изображениями. У меня защемило сердце, детской радости пришел конец.

Марика уже ходила самостоятельно, с одним костылем. Мне уже не нужно было следить за каждым ее шагом. Я немного освободилась.

17 января

В первой половине дня была лечебная гимнастика, потом – учеба, а во второй половине дня – перевязка. Такова наша дневная программа. Нам пришлось подождать, пока Игорь Александрович спустится из операционной и посмотрит Марикину руку. Она по-прежнему была воспалена, продолжалось местное лечение ранок, расположенных у спиц.

Пересехав в первую палату, дочка как будто действительно стала спокойнее. Она нашла себе подружку, строптивую, непослушную Наташу. На первый взгляд трудно было поверить, что эта живая, говорящая кукла со вздернутым носиком – не простой педагогический случай. Ее воспитывали бабушка с дедушкой. Под Рождество к ней на несколько дней приезжала мама. Одним словом, эта маленькая Наташа была настоящим неугомонным ребенком, сущим чертенком. Целый день она носилась и играла “в войну” с мальчишками. Они прятались в классной комнате под партами и “открывали огонь” по входящим. Бедной бабушке уже надоели каждодневные жалобы и Наташенькины проказы. Что и говорить, Наташа с ее оригинальными затеями все же вызывала большую симпатию. Сегодня во второй половине дня она придумала, что надо выдать Марикину куклу Барби замуж за резинового гнома. Все вторую половину дня девочки, сидя на кровати дочки, наряжали кукол в праздничные одежды для свадебной процессии. Они собрали около двадцати разных кукол, с большим старанием расчесывали невесте волосы, а престарелому гному-жениху – бороду. Все смеялись. На кровати была выстроена роскошная процессия, а потому все куклы и детишки с аппаратами, собравшиеся в нашей палате, узнав об интересной игре, начали плясать и веселиться. Бабушка радовалась, что ее внучка наконец-то играет в игру для девочек.

19 января

В первой половине дня я тепло одела Марику и Наташеньку и отвела их во двор кататься на санках. Сначала я обошла здание, везя Наташу, а Марика ждала у входа. Потом я завернула в плед Марику. Наташа скакала рядом с нами как жеребенок, у нее на руке стоит маленький аппарат, ей “вытягивают” два пальца.

Вечером главврач Игорь Александрович поинтересовался самочувствием Марики. Я сказала ему, что, по моему наблюдению, она чувствует боль, если ей надавить на больную ногу у большого пальца, но у остальных пальцев боль не возникает. В больном месте кожа бледнее и не такая теплая, как на правой ноге. Главврач проверил мое сообщение и сказал, чтобы я пока не подкручивала аппарат на стопе. Нужно подождать, потому что растягивание шло очень быстро и нервы функционируют не так, как надо. Он успокоил меня, что через несколько дней все будет в порядке. Наша врач попросила меня наблюдать за состоянием стопы каждый день.

Когда она ушла, я померила длину двух стоп, до сих пор достигнуто растяжение в два сантиметра, разница составляла уже только полсантиметра.

21 января

Марика хорошо отвечала на уроке арифметики, безошибочно рассказала по-русски таблицу умножения на четыре. Учительница Надежда Михайловна похвалила ее и поставило ей пятерку.

На имя Марики пришла маленькая посылка. Марика несказанно обрадовалась присланному из дома рождественскому подарку. В посылке была книга, “Саффи”, телевизионный медвежонок и три коробки шоколада “Кошачий язык”. Новая книга заинтересовала ее и она начала жадно читать.

Однако радость чтения продолжалась недолго, потому что Марику вызвали на перевязку, с рукой у нее по-прежнему не все в порядке. Она уже не гноится, но из нее еще сочится кровь. Думаю, что я навсегда запомнила ее плач, ее душераздирающие рыдания, которые слышались, когда ей обрабатывали руку.

У Ренаты сегодня пятнадцатый день рождения. Миша прислал ей посылку, в ней зеленый перец и свежие помидоры. Я представила себе, как он обошел за этими овощами всю Москву в середине января. Мы с Жанной накрыли детям стол, заставленный всякими лакомствами. Мы испекли на радость детям огромный бисквитный торт, приготовили разные по вкусу фруктовые желе, сделали сироп из черной смородины. Угостили всех, кто из любопытства зашел к нам в палату.

22 января

Со дня операции прошел месяц. У Марики взяли кровь из вены и из пальца и посмотрели показатели, отыскивая причину длительного воспаления. Анализ крови периодически повторяются, чтобы можно было проследить, как организм переносит аппарат.

Результаты анализа были не слишком утешительны. С сегодняшнего дня Марике трижды в день будут колоть “Линкомицин”. Она обрадовалась, что уколы будет делать Галина Георгиевна Улыбина, любимая медсестра всех детей. Медсестра Галя с ее грузной фигурой, широкой улыбкой и розовощеким лицом – радостное зрелище в нашей палате. Она появляется то тут, то там, поспешно шагая с пробиркой, шприцем или обеденным подносом в руках. Я и сама убедилась в том, что она берет кровь и делает уколы буквально незаметно для пациента.

– Не понимаю, – сказала она, – все хотят попасть ко мне. А ведь я просто беру, колю мышцу – и все. Я занимаюсь этим двадцать лет. Делала я всякую работу, ко-

торуую делают сестры, работала с детьми в отделе интенсивной терапии, это было труднее всего. Я знаю здесь всех детей, большинство из них узнаю уже по их плачу.

– Вы не простудитесь босиком в сандалях? На улице 20 градусов мороза.

– Мне всегда жарко. В шесть приходите снова!

Она заспешила по делам, сверкнув лукавыми голубыми глазами, ее красивые зубы блеснули в улыбке.

Сегодня мы опять праздновали день рождения, Наташеньке исполнилось семь лет.

23 января

Сегодня во второй половине дня Марику осмотрел профессор Илизаров, она пробыла у него полчаса. От нашего врача я узнала, что, когда пройдет воспаление, Марике разделят ногти и продолжат оттягивать пальцы друг от друга. Стопу нужно будет растягивать медленнее, чем прежде. Профессор ощупал пальцы ноги, они уже чувствительнее, чем в конце недели. К нему на осмотр вызвали многих детей.

Из Алма-Аты приехала старая подружка Марики, Света Д. У девочки на обоих руках были спутанные зачатки пальцев. Профессор уже распутал, разделил и растянул пальцы правой руки, теперь настала очередь левой руки. Чтобы скорректировать странности природы, нужно необыкновенное терпение и обширные профессиональные знания. В Будапеште я тоже видела детей с такими руками, говорят, что на пальцы намотались выросшие из матки нити.

25 января

Мороз смягчился, стало минус 20 градусов, К утру все было покрыто толстым, мягким снежным покрывалом. Прекрасная погода, великолепное солнце, чистое небо.

В первой половине дня мы с Марикой много занимались. У нее уже улучшилось настроение. Проходит воспаление на руке, подействовал “Линкомицин”, хотя его еще продолжают давать. Медсестра Галя сделала Марике подарок. Поскольку Марика по-содлатски стойко, не плача перенесла уколы, Галя дала ей несколько капельниц. Это невзрачная пластиковая трубочка для вливания жидкости, большое сокровище для больничных детей. Обладающие богатой фантазией подростки делают из нее интересные игрушки. А любопытствующие дети помладше околачиваются вокруг них до тех пор, пока им не сплетают рыбку, чертенка, гномика, девочку с косичкой и тому подобные вещички. Такие игрушки здесь очень ценятся. Девочки свивают себе из лоскутов газетной бумаги шейные цепочки, получается очень красиво. Полезное занятие для собственной радости.

Если не считать двух-трех недель после операции, дети хорошо чувствуют себя в больнице. Здесь сложилась семейная, дружеская атмосфера, дети ходят друг к другу в палаты, вместе играют, делятся друг с другом едой, подростки часто слушают магнитофон. Сейчас в моде электронные игры, и молодые пациенты целыми днями нажимают на издающие пискливые звуки кнопки. У подростков сильна солидарность, привязанность к больнице и друг к другу. Мы спросили их, почему им нравится здесь. Они ответили так:

– Здесь все одинаковые, у кого-то болт нога, а у кого-то рука. У всех есть какой-то дефект. Дома здоровые сверстники не дружат с нами, презирают, чуждаются и обижают нас.

Искренние, прямые, но горькие слова. А между тем эти дети с физическими недостатками часто бывают лучше, сообразительнее и достойнее “нормальных”, здоровых сверстников. Быть может тем, кто презирает, обижает и дразнит их, тоже чего-то не хватает. Каких-то душевных качеств, человечности, чего-то такого, что недоступно взгляду, но можно почувствовать.

Сегодня пришли письма, Петер и Бёжике написали их к Рождеству и отправили 12 декабря. Марика очень обрадовалась, и ее радость была еще сильнее от того, что сегодня ей не надо было идти на перевязку.

Я провела целый день с ней в больнице, вяжу ей широкие шаровары, чтобы в них вместились нога с аппаратом. Я очень устала, всем телом чувствую последствия этого утомительного послеоперационного месяца. Если бы можно было поспать, долго, спокойно, то я пришла бы в себя за неделю. Но ночью нет покоя от клопов, а утром нужно идти в больницу и постоянно быть наготове как роботу.

26 января

Зима показывает свою лучшую сторону. Крупными хлопьями падал снег, на свежих снежных кристаллах блестело солнце. Было на редкость красиво, здесь почти не бывает таких зимних дней. Благодаря им сердце наполняется каким-то странным, чудесным чувством, смесью радости, свободы и беззаботности. Мы с Марикой час катались на санках, я радовалась, что она хорошо чувствовала себя. Но надо быть настороже! Это солнышко обманчиво. Температура минус 15 градусов. Хотя здесь это пустяк!

Марика хохотала при виде снежинок, падавших ей на нос.

– Еще, еще, давай сделаем еще один круг! Еще рано возвращаться!

Больничный двор и сад расположены на территории в несколько гектаров. Вдоль северо-западной ограды выстроились пышные березы. Перед главным фасадом здания простиралось огромное свободное пространство с тремя широкими дорогами. Средняя дорога ведет к главному входу в здание. Весной сад постоянно озеленяется, в нем прокладываются прогулочные дорожки. Мы надеемся, что поз-

же поставят и скамейки. С юго-восточной стороны уже подрастают недавно посаженные молодые деревья. Лучше всего ухожена юго-западная часть сада с множеством кустарников, цветочных клумб и дорожек для прогулок. Рядом с садом в западном направлении возвышаются десятиэтажные здания. Говорят, что первоначально они предназначались для размещения находящихся здесь родителей. Некоторые счастливицы получили там жилье. Но в большинстве квартир живут врачи и медсестры.

Во второй половине дня Марику опять навестила ее одноклассница Василина. Ее привезла мама, которая оставалась с ней несколько недель после операции, а потом уехала домой. Девочки вместе рисовали и дружно играли.

Я снова подкручиваю аппарат на стопе, хотя и реже, чем раньше. В пальчиках уже появилась чувствительность.

Дедушкины открытки всегда сильно радуют Марику, дедушка пишет чаще остальных. На этот раз он опять написал, что каждую минуту думает о своей маленькой внучке.

29 января

Теперь, когда Марика почувствовала себя лучше, у нас сложился привычный распорядок дня. После завтрака следует врачебный обход, с 10 до 11 – лечебная гимнастика, потом до обеда, до часа, мы занимаемся учебой, а с 2 до 5 часов идут школьные занятия. Я рада, что мы уже продвигаемся с учебой, хотя Марика пока не может учиться с таким вниманием и выполнять задания с такой быстротой, как до операции. После обеда почти каждый день нужно очищать рану и делать перевязку. Меня поражает терпение, с которым медсестра Светлана обращается с Марикой. Когда она зовет мою дочку на перевязку, в ее голосе чувствуется доброта и любовь. У нее наверняка тоже болит сердце при виде страданий девочки. Она каждый день информирует меня о поведении Марики, о том, как она переносит перевязки, и о состоянии ран. В большинстве случаев в перевязках принимает участие главврач Игорь или наша доктор. Так как перевязки иногда затягиваются, и Марика опаздывает в школу, мы перенесли их на время после учебы.

Пока Марика занималась с преподавательницей, я сбегала в поликлинику на ультразвуковое исследование. У меня что-то с животом, началось воспаление. Гениколог прописала укол, который мне сделала в нашем отделении Галина Георгиевна. (Нужна здоровая мама).

Вернувшись, я долго слушала, что было в школе, сколько пятерок получила дочка. Свежая новость, что Надежда Михайловна дала Марике книгу для чтения на русском языке, которой Марика может пользоваться, пока находится в больнице. Она должна читать русские тексты, а в качестве домашнего задания ей нужно переписать в тетрадь указанный отрывок из книги. Для полноты картины, необходимо

добавить, что это я попросила учительницу посылнее загружать Марику, ей пойдет на пользу, если она научится читать и говорить по русски. За прошедшие три месяца я прошла с Марикой русский букварь, она уже хорошо узнает и считывает буквы. Но правильному русскому произношению и чтению и пониманию связанных текстов она учится у педагога, который разбирается в этом гораздо лучше меня.

На этой неделе в городе состоялась партийная конференция, в работе которой приняло участие множество работников больницы. В вывешенном у входа сообщении говорилось о том, что руководитель нашей больницы, Гавриил Абрамович Илизаров, будет делегатом приближающегося XXVII съезда партии.

30 января

Я даже не знаю, в который раз в утренних радиопередачах сообщается об удойности коров, выращенных в Курганской области. Создается впечатление, что коровы тоже пообещали давать больше молока в честь съезда партии. Дорогие журналисты, мы очень рады этому, в больнице нам тоже достается по литру молока на пациента, потому что не все пользуются положенным им поллитром, поэтому мы, активные потребители молока, получаем двойную порцию, чтобы добро не пропадало зря. Достается и нам, мамам. И хорошо, будем здоровы! Но зачем же нужно каждое утро сообщать, сколько молока дают славные буренки? Мы с Жанной посмеялись над этим сообщением.

Но и вспомнили прежние времена, когда мы по утрам стояли в темноте в очереди за молоком в входа в “Сибирь”.

Сегодня профессор опять прооперировал Риму. На привитые, начавшие развиваться косточки установлен аппарат, их будут растягивать. На остальные пальцы тоже поставлен аппарат из тонкой проволоки.

У Марики был хороший день. А его вечернее завершение превзошло все ожидания. Она ходила, танцевала и пела без костылей вместе с Наташей и Яной. Мы с мамами смотрели на них влажными от слез глазами.

Мы с Жанной провели весь день в больнице. В такую холодную погоду вполне достаточно дважды пройти длинный, скользкий путь до больницы и обратно.

31 января

Утром Марика все сделала сама, застелила постель, оделась и причесалась. Это большое событие, настоящий сюрприз для меня. Я очень похвалила и поцеловала дочку.

Во второй половине дня мы навестили Чиллу, которую вчера прооперировали. У лифта нам повстречался Гавриил Абрамович. Он спросил, как у нас дела. Марика показала ему ходьбу без костылей.

– Хорошо, молодец! – похвалил ее профессор. – А как рука? – спросил он меня.

– Рука еще воспалена, – ответила я.

Поскольку днем мы с Жанной были в больнице, все хозяйственные заботы остались на вечер. Меня уже очень утомляет эта монотонная сизифова работа, но ее нужно делать.

Я жажду одиночества, хочу спокойно поспать, почитать и поплавать.

1–2 февраля

Дует жестокий северный ветер, никак не хочет утихнуть. Это хуже всего. Нужно основательно одеться. Температура – минус 25 градусов.

Конец недели. Большинство детей мамы взяли к себе до понедельника. Марика осталась одна в палате, я спала с ней две ночи, чтобы она не боялась. Мы много занимались и катались на санках.

Вместе с Жанной мы отправились на вокзал за посылкой, которую прислал ее брат. В ней было венгерское лечо, говядина, апельсины. Из Москвы тоже пришла посылка, за ней пришлось идти на почту. Вилен прислал оливковое масло, туалетную бумагу, два батона венгерской колбасы, сгущенное молоко, апельсины и мандарины. Вечером я позвонила и поблагодарила его.

Несколько дней Жанна ухаживала за Римой, потому что ее мать простудилась в своей шубе из искусственного меха, у нее была высокая температура. С таким морозом Нуха не сталкивалась никогда в жизни, у них самая холодная погода – минус пять градусов, да и она бывает редко.

Во второй половине дня стих ветер. Сегодня медведь увидел свою тень, зима продлится долго. Я и сегодня покатила Марику на санках на закате красивого зимнего дня. Мы ждали, ждали, пока красный солнечный шар не исчез за золотистыми облаками.

Вечером я получила письма от Петера, своих коллег и учениц.

3 февраля

Мы сильно отстали в учебе. Моей дочке при таком состоянии здоровья слишком сложно учиться и по венгерской, и по русской учебной программе. Я думала, что она справится с этой нагрузкой, но мне не хотелось неволить ее, и я немного замедлила темп. Мы не успеваем за учебным планом, прежде всего не удалось достаточно поупражняться в венгерской грамматике. Позже дома наверстаем.

Во время сегодняшней перевязки доктор посмотрела Марикину руку. Из нее снова сочился гной. Я поделилась своей тревогой со Светланой Михайловной:

– Боюсь, что воспаление не только в мышцах, но уже распространилось и на косточки пальцев. Точно не знаю, но очень боюсь, что это будет стоить ей руки. Воспаление продолжается уже месяц и не прошло от уколов, этому должна быть какая-то серьезная причина.

Я попросила сделать рентген, снова посмотреть показатели анализа крови и еще раз показать Марику профессору. Доктор успокоила меня, что это не опасно, опухоль уже меньше, красные пятна поблекли, не стоит так волноваться.

Вечером распространилась новость, что Илизаров придет в нашу перевязочную. Я попросила главврача показать ему Марикину руку, но он только отмахнулся, сказав, что уже есть улучшение. Я знаю, что иногда проходит одна-две недели перед следующим приходом Илизарова. Мне не было покоя, и я попросила профессора посмотреть руку моей дочки. Я знала от Жанны, что, как бы он ни спешил, если его просит мать, он не отказывает.

– Хорошо, я посмотрю, пообещал он, – когда закончу с теми, кто сейчас в перевязочной.

Мы с Марикой сидели перед перевязочной, ребенок уже спал у меня на руках, я тоже дремала, прислонившись к стене. Жанна ждала вместе с Ренатой. К нам подошел поговорить Володя Бородин. Он пригласил нас навестить их, его жена, Таня, всегда дома с Катюшей, она не работает, потому что опять ждет ребенка. Я очень обрадовалась приглашению.

– Я приду, когда погода станет лучше, – пообещала я.

Мы с Жанной завидовали находившимся в перевязочной детям, у них в основном все было в порядке. Мы не знали, в чем причина того, что у одного ребенка возникает воспаление в районе спицы, а у другого нет. Почему два человека по-разному реагируют на одно и то же? Профессор посмотрел Ренату и Марику и сказал, что воспаление нужно вылечить.

– Может быть, его причиняют спицы, – сказала я Илизарову. Он поднял брови и посмотрел на меня с удивлением.

Как можно вылечить воспаление? Оно не прошло от уколов пенициллина и “Линкомицина”. Что же еще можно дать? Сколько лекарств можно дать такому маленькому ребенку? Но в чем причина воспаления? Ой, я не смею повторить то, что думаю. Причина в спицах, в спицах. Если загнойтся косточки... Тогда вся рука... Ой, об этом даже страшно подумать! Я боюсь, не смею написать об этом Петеру. Зря мы все это затеяли!

Мы добрались домой на такси, после одиннадцати. Смертельно уставшая Жанна свалилась спать. Я вышла в общую кухню и помыла три кастрюли, это моя обязанность. Потом спустилась прополоскать вываренное утром постельное белье, которое я меняю каждые два-три дня из-за воспаления. Утром я уже буду неспособна этим заниматься. По радио объявили, что на рассвете будет 27 градусов мороза.

4 февраля

Прекрасный зимний день, сильные заморозки, ослепительный снег, сверкающее солнце, жестокий северо-восточный ветер, минус 30 градусов. Нужно выдерживать, нужно вытерпеть.

У Марики было слишком много русских уроков, она была нетерпелива.

– Я хочу выходной день!

– Гм..., я тоже. Хорошо. Завтра и послезавтра я не приду, а ты делай, что хочешь!

Марика серьезным взглядом вопросительно посмотрела на меня, пытаясь угадать, правду я говорю или шучу. Потом она на мгновение задумалась, продолжила и закончила домашнее задание.

Когда Марика закончила уроки, я отпустила ее к подружке-студентке. Я понимаю причину этой тесной дружбы. Вика в какой-то степени заменяет ей Гигику, взрослую единокровную сестру, тоже студентку, которая учится в Будапештском университете по специальности венгерский и русский язык и литература и сейчас проводит семестр в Москве.

Я получила письмо от Петера, который написал его под Новый год в грустном, тоскливом настроении. Бабушка с дедушкой прислали открытку из Хевиза. Пришла посылка из Одессы. Ее прислала Наталья Пенчковская, отец которой погиб на войне и похоронен в Дёндёше. Когда Наталья впервые приехала в Будапешт на могилу отца, на Восточном вокзале ей показал дорогу Петер. Отсюда знакомство, помощь за помощь. С тех пор, приезжая в Будапешт, она всегда останавливается у нас.

Жанна больна, она простудилась, у нее сухой кашель, болит грудь и оба плеча и поднялась температура. Боюсь, что это воспаление легких. Я сказала ей, чтобы она оставалась в постели, я пойду к детям, а ей дала кипяченое молоко.

– Ты смеешься надо мной, что я одеваюсь как медведь, а сама думаешь, что тебе все еще двадцать лет, и не надеваешь теплых вещей. Ты думаешь, что январь, февраль – и настало лето, – упрекнула я ее по-дружески.

Я одна сделала все дела. Пока еще держусь, но у меня болят все суставы. От холодной воды, стирки, мытья посуды больше всего болят пальцы и кисти рук. Почему здесь нет горячей воды?

5 февраля

Галина Георгиевна взяла у Марики кровь из вены, а медсестра в лаборатории – из пальца. Сделали рентген кисти. По окончании лечебной гимнастики моя дочь вместе с остальными детьми поднялась в игровую комнату на третьем этаже. Они разучивают программу под руководством воспитательницы Иды Ивановны.

Я уже тоже хотела бы работать как Ида. Меня тянет к моим “дочкам”. Буквально телепатия, что сегодня прибыл ответ с работы, написанный нашим директором

Толнаи Золтанне. Она сообщила мне о своих проблемах, о работе, о детях, которых мне так не хватает. В конце письма была радостная новость о полученном с опозданием рождественском подарке: “Храню для тебя книгу с дарственной надписью Немет Ласлоне”.

Меня только беспокоит Жанна. Она не послушалась моего совета оставаться дома и лежать в тепле. Ей хуже, чем вчера, у нее горит лицо, она приняла лекарство.

6 февраля

Меня удивила новость: у Марики хороший анализ крови. Она как раз переписывала текст о Гагарине, когда за ней пришла медсестра Света и отвела на пятый этаж к анестезиологу. Завтра моему ребенку сделают небольшую операцию.

Во второй половине дня я, не обращая внимания на крепкий мороз, сходила в ЦУМ и купила кое-что из одежды. Марика нетерпеливо ждала, встретила меня у лифта. Я была рада этому, но отругала ее, чтобы она не стояла здесь, а то простудится. Марика обрадовалась купленным мною вещам. Когда я вечером прощалась с ней, она обняла меня за шею:

– Мама, я люблю тебя больше всех на свете! Приходи рано утром! Я очень боюсь!

– И я люблю тебя больше всех, дочка. Не бойся, я приду рано!

7 февраля

Главврач еще раз посмотрел Марику перед операцией.

– Она хорошо спала, температуры нет, рука болит только после перевязок, девочка немного боится, – отвечала я на его вопросы. – Простуды нет.

В половине второго привезли Марику. Ее лицо напоминало красную розу, она была похожа на Спящую красавицу. На минуту придя в себя от боли в руке, она попросила пить. Но проглоченный глоток лимонного сока немедленно вышел обратно. Все же, по крайней мере, удалось смочить ей потрескавшийся рот. Она застонала, после чего начала стонать и Яна, которой вчера сделали операцию. Они мешали друг другу. Что же делать? Я привезла каталку, закутала Марику в одеяло и вывезла в холл. В это время там никого не бывает. Я охраняла покой ребенка.

Пришлось попросить главврача Игоря, чтобы он разрешил нам снова вселиться в классную комнату первоклассников на конец недели.

– Только на эти два дня, Игорь Александрович, пока пройдет сильная боль. Яна и Марика плачут по очереди, не дают друг другу спать.

– Ну ладно, до понедельника!

От нашего доктора я узнала, что Марике разделили сросшиеся ногти и установили новую спицу, чтобы продолжить растяжение пальцев. В ходе операции вынули

три спицы, побуревшие в кости. Поэтому и не проходило воспаление. Аллергия на металл, – сказала Светлана Михайловна.

К сожалению, я оказалась права, врачи не хотели верить моему предчувствию. Конечно, чувствовать и знать – разные вещи.

Жанна рассказала, что когда-то начинающий врач неправильно подкручивал Ренате аппарат. Но Илизаров отчитал Жанну.

– Вы зачем пришли сюда? Варить кашу? Или ухаживать, смотреть за ребенком? Вы должны постоянно следить за своей дочкой!

Он сказал это Жанне, но в назидание всем нам!

Мы с Жанной вселили Марику в классную комнату. Ей снова будут давать “Линкомицин” три раза в день в течение десяти дней. Вечерняя температура – 37 градусов. Я составила себе три парты. Ночью боль не давала покоя, мы бодрствовали.

8–9 февраля

Сегодня во время перевязки Марика не плакала так сильно, как раньше. После обеда она оделась и поспешила в четвертую палату, где девочки-подростки слушали музыку и танцевали. Меня удивил такой поворот событий. Конечно, я была рада. Главврач тоже удивился, обнаружив недавно прооперированного ребенка в четвертой палате, и смеялся вместе со всеми.

За обманчивым днем последовала тяжелая ночь. Мне с трудом удалось усыпить Марику. Я достала присланные из дома открытки, она раскладывала, смотрела их и в конце концов заснула, помянув Бёжике и целуя ее открытки.

Утром медсестра из лаборатории взяла у Марики анализ крови и мочи.

Жанна пришла с известием, что женщины в общежитии опять интересовались, где я, они волнуются за меня. Мне было приятно слышать это.

11 февраля

Вокзал, снова посылка из Москвы. В ней – два зеленых огурца. Сокровище. Свежие витамины для детей. Правда, на днях Жанна купила у одного дяди на рынке килограмм зеленой петрушки. Все недоумевали, зачем Жанна покупает столько петрушки.

– Кому нужно так много зелени? Кого вы кормите? – спрашивали у нее.

В пакете, закрытом специальной затычкой, петрушка долго сохраняет свежесть. Мы добавляли ее ко всем блюдам. Салат из свежих огурцов с петрушкой – отличное кушанье. Это сюрприз. Не говоря уж о “Пепси-коле”, которую мы купили в поездном буфете!

Мы отнесли пакеты домой, немного передохнули и пошли к врачу. Гинеколог Людмила Васильевна Нестеренко снова осмотрела меня и предложила неизвестный мне метод лечения. Она уже при первой встрече вызвала у меня симпатию. У нее был приятный, вызывающий доверие голос, она искренне интересовалась моими жалобами, терпеливо выслушала меня, когда я на несовершенном русском языке объяснила ей, что, где и с каких пор у меня болит. Я задумалась о том, что в общении между больным и врачом, как и в других областях жизни, очень важно, какие впечатления, какие чувства вызовет у двух собеседников атмосфера первой встречи.

Жанна ждала меня в коридоре. Но ее помощь переводчика не понадобилась. Я и сама удивилась, как хорошо мне удалось объясниться по-русски.

Вечером я с любопытством слушала рассказ Марики, которая с гордостью сообщила, что ее навестил ее прежний дядя доктор, Сергей Васильевич. Он принес ей шоколад, посмотрел руку, ногу, погладил ее по голове и очень сожалел, что не застал маму.

Когда я узнала, зачем он приходил, мне тоже стало жаль, что мы не встретились. Сергей Васильевич Макаров ушел из больницы. Любопытно, почему он так решил? Что с ним случилось? Почему он ушел работать в другое место? Мне будет не хватать его приятной, мальчишеской улыбки и искреннего участия: “Вы идете гулять? Как себя чувствует Марика?”

Марике каждый день перевязывают руку, за ее лечением наблюдает один из врачей-исследователей, который часто осматривает ее в перевязочной. Прошла неделя после операции, еще два дня ей будут давать “Линкомицин”.

Пришла посылка из Москвы, Вилен переслал нам то, что ему привезла Вираг от бабушки с дедушкой.

15–16 февраля

Сегодня суббота, общественная работа в честь XXVII съезда партии. Сотрудники больницы создали три бригады. Одна из них грузила на дворе лопатами снег в кузов грузовика, другая работала в открывающемся вскоре третьем крыле больничного здания. Мы, мамы, делали уборку в коридоре и палатах.

Утром я испекла пирожки с яблоками. Они имели большой успех, к полудню все было съедено детьми из первой и третьей палаты.

Очень хорошо, что трудные послеоперационные дни уже миновали. Теперь стало легче, свободнее веселее. Жанна пошла в кино с одной из мам, они звали и меня, но я не присоединилась к ним. Мне не хотелось часами сидеть в большом, холодном зале.

Мы занимались с Марикой, играли с девочками, а позже катались на санках.

Вечером позвонил Вилен и поинтересовался, что с нами. Затем последовала настоящая радость: Вираг взяла трубку и заговорила со мной из Москвы на венгерском языке.

17 февраля

Марике сделали рентген руки и ноги. Возможно, нужно будет прекратить растягивать стопу. Левая длиннее здоровой, образовался небольшой запас. Будет еще одна операция, нужно скорректировать плоскостопие. Осевую деформацию голени удалось исправить. Кисть выздоравливает, но симптомы еще остались. Снова сделали анализ крови.

Радостная новость из школы: пятерки по арифметике и письму.

18 февраля

В больнице была санитарная проверка, нас не было там целый день.

Мы с Жанной нашли прачечную и отнесли туда постельное белье. Наша жизнь стала легче. Жаль, что мы не наткнулись на эту прачечную на несколько месяцев раньше.

Марике доставили радость две блузки, сшитые бабушкой и присланные в посылке, которую привезла Вираг. Левый рукав застегивается от плеча до кисти, так ее проще надевать. Одна из блузок была сшита по фасону русских рубах, она имела большой успех.

Вечером мы навестили Золи Доханя. Вчера профессор прооперировал ему руку. Собрались почти все находящиеся здесь венгры.

19 февраля

С тех пор как Нуха улетела домой, ее дочь, Рима, стала угрюмой и грустной, уже целую неделю не хочет есть. Жанна заботится о ней, готовит ей завтрак и ужин, держит в порядке ее вещи. На ее плечи легла еще одна забота, как будто ей не хватало своих.

Сегодня Гавриил Абрамович снова провел осмотр в нашем отделении. Он посмотрел прооперированных им детей. Он осуществляет большую часть сложных коррекций. Чаще всего ему помогает в этом доктор Александр Кириенко.

Когда Илизаров ушел, мы, как всегда, обступили нашего молодого главврача.

– Что сказал профессор?

Игорь Александрович едва успевал отвечать. Всех мам интересовала только судьба, руки-ноги собственных детей. Но он неустанно работает и вместо своих отсутствующих коллег и держит в уме все болезни, руки, ноги и раны всех сорока детей.

Хорошо, что Марикина рука постепенно заживает, я перестала бояться. Нога в порядке. У меня в сердце зародилась надежда: все-таки у нас все получится!

До восьми часов я проводила дочку в палату, нужно было спешить, чтобы у меня не отобрали пропуск. Жанна уже ждала внизу, у проходной. Мне пришлось сбегать обратно, я где-то оставила свой теплый пуловер. Марика плакала на кровати, держа пуловер в руках.

– Почему ты плачешь?

– Я спешила, кричала, догоняла тебя, а ты не слышала! Ты ведь простудилась без него!

Весь вечер во мне жило чувство радости. Мне представлялась Марика, поспешно ковылявшая за мной на костылях со свитером в руках, чтобы я не простудилась.

20 февраля

Западный ветер, дувший со скоростью двадцать километров в час, кружил снег, воздвигая гребнистые снежные заносы. В больничном дворе снег занес дорожки. Безжалостный ветер дул мне в лицо со стороны больничного здания, подхватывал, толкал в грудь, почти поднял в воздух. Я в одиночку старалась одолеть погруженный в сумку на колесиках груз, дневную порцию продуктов на пять человек. Жанна осталась на почте, она хотела позвонить домой. Дороги не было, были лишь сугробы, ямы, следы ног, в которые человек проваливался по колено. Сумку нельзя было тянуть на колесах, ее можно было только нести, прижимая к себе. Я вела ужасную борьбу с бездорожьем, встречным ветром и тяжелым грузом. Мне едва удавалось продвигаться вперед. Ненастная погода, жестокий мороз, 26 градусов. Те, кто не пережил этого, даже не смогут представить и поверить, что это значит в действительности.

Марика, как обычно, ждала, высматривая меня из окна. Она видела спотыкавшихся в снегу людей. Когда я подошла к ней, она обняла и расцеловала меня.

Проводив ее на лечебную гимнастику, я сходила к главной медсестре, чтобы вернуть пропуск, который вечером отобрал вахтер, потому что я ушла на три минуты позже восьми. Сегодня утром у проходной дежурила мама Павлика, которая давно знала меня и пропустила без бумаги. Главная медсестра возвратила пропуск, предупредив, что, если его отберут еще раз, я больше не смогу пройти в больницу.

Вечером мы с Жанной с любопытством слушали прогноз погоды. Будет еще холоднее.

21 февраля

Многие из нас слышали и наблюдали следующую сцену. На кровати лежала девочка с угрюмым лицом и аппаратом на ноге.

– Ты испортила мне всю жизнь! Я страдаю здесь из-за тебя! – кричала на нее мать.

– Не надо было меня рожать, – всхлипывал ребенок.

Мама шумно удалилась. Марика спросила девочку:

– Почему твоя мама всегда ссорится с тобой?

– Ей нужно лечить нервы, – ответила смышленная девочка.

Бывает и так. Мы все были потрясены этим случаем и попросили маму обращаться с ребенком потактичнее.

Что правда то правда, больной ребенок основательно изменяет жизнь своей матери. Лечение и воспитание такого ребенка требуют необыкновенной жертвенности, силы, трудолюбия и упорства, прежде всего от матери. Но мать может справиться с этой задачей только в том случае, если чувствует сильную любовь к своему ребенку. Помимо невознаградившей материнской заботы, материальные затраты на лечение и воспитание больного ребенка во много раз превышают расходы на воспитание обычных детей. Жанна считает, что с такими затратами можно вырастить пять здоровых детей.

Мамы часто вынуждены брать отпуска за свой счет, необходимые для лечения в больнице. И в таких случаях они не только не получают помощи от государства или от общества, которая в оптимальном случае могла бы носить и материальный характер, но и часто страдают от неприязненного или пренебрежительного отношения к себе. Потому что не работают! Не работают?

Правда, матери больного ребенка причитается немного повышенное пособие по воспитанию детей. Но хватает ли этой помощи на лечение?

Многодетные родители получают разнообразную помощь от государства. Несколько лет назад я зашла с просьбой о пособии в отдел социальной политики Совета третьего района вместе с одной неработающей женщиной. Она получила, а я нет. Я решилась на этот унижительный шаг из-за плачевного материального положения, в котором мы оказались после годичного пребывания в Кургане. Сотрудник Райсовета отказал мне, потому что я работала, интеллигенции пособие не полагается. Его не интересовало наше длительное пребывание в больнице. Здесь есть венгерские мамы, которые получали материальные пособия по месту работы или от Совета, они говорили о 20, 50 и 120 тысячах форинтов. Я не принадлежу к их числу.

– Слушай, Марика, – сказала Жанна, – нужно было написать письмо съезду партии, чтобы они обращали больше внимания на нужды родителей, воспитывающих больных детей. Видишь, у нас даже не оплачивается больничный лист за проведенные здесь месяцы.

– Поздно спохватилась. Съезд начинается завтра.

– Скажи, Марика, ты уже обижала маленькую Марику за то, что она родилась такой?

– Нет, никогда. Я сердилась из-за этого только на себя, у меня было чувство вины. Но с тех пор как ее состояние улучшается, и я делаю ради нее все, что могу, это самообвинение начало исчезать. Я пряду нить ее судьбы, она станет переводчицей со специальностью русский-английский-венгерский язык. Или учительницей. У нее способность к языкам. Или, может быть, врачом. Посмотрим. Но я очень жалею, что у меня больше нет детей. Об этом тоже уже поздно жалеть.

23 февраля

В пятницу главврач Мальцев прооперировал Яноша Т. Вчера и сегодня утром главврач приходил к Яношу и просил меня придти и переводить им.

Сегодня дети опять попросили сделать им на обед курицу с аджикой. Мы поджарили две курицы, с красной корочкой, смазав их грузинской приправой. Рима съедает полкурицы, Рената и Марика получают на обед по куриной ноге и грудку на ужин. Сегодня у нас появилась еще одна столовница, та самая девочка, на которую недавно накричала ее мама. Современная мама, будучи вегетарианкой, из принципа не давала дочке мясных блюд. Бедная девочка всегда широко открытыми глазами смотрела, как наши дети едят мясо. Мы с Жанной решили тайком дать ей куриную ногу, когда ее мамы не будет в больнице. Сегодня такой случай представился, и девочка была очень благодарна. С аппаратом невозможно месяцами жить на одних салатах. Чтобы способствовать росту костной ткани, нужно есть очень много мяса, белков. И, конечно, молочных продуктов, свежих фруктов, витаминов.

Жанне и мне остались кости – шейка, гузка, спинка.

Я связала себе бордово-красный кардиган.

26 февраля

Все с интересом ждали последствий партийного съезда, слушали по телевидению и радио сообщения о том, как изменится жизнь, работа, какие конкретные меры будут приняты.

У нас нет врача. Светлана Михайловна попала в больницу. Ждем, кто и когда заменит ее.

Ждем, когда Марику снова прооперируют.

Ждем, когда Илизаров вернется с партийного съезда и из Эрфурта, с международного конгресса ортопедов.

Ждем весны и хорошей погоды.

Ждем приезда Петера.

Я ждала Марику с лечебной гимнастики, из школы, с перевязки.

Вечером мы слушали выступление Яноша Кадара, которое прозвучало в рамках репортажа о партийном съезде.

28 февраля

Погода обманчива, торопит приближение весны. Приветливо светит и греет солнце, снежное покрывало разрыхлилось и осело.

Марике не сидится в помещении, мы вышли погулять. Марика со смехом искала свою тень и следы своей ноги на снегу. Потом мы покатались на санках. После этого она занималась учебой с большим желанием. Свежий воздух необходим.

Вечером мы видели по телевизору профессора Илизарова. Он дал в Кремле интервью, продолжавшееся несколько минут. Он по-прежнему строит планы. В интервью он говорил о том, как можно обеспечить студентам челябинского мединститута возможность освоить метод лечения аппаратом.

3 марта

К вечеру у Марики поднялась температура. Она плохо себя чувствовала и забралась ко мне на колени. После ужина ее стошнило, температура – 37,4.

Я подумала, что она, возможно, простудилась в субботу, когда мы гуляли по снегу. Я досадовала на себя за то, что поддалась соблазну. А теперь случилась беда. Целый месяц не было почти никаких проблем, все шло хорошо, как по маслу. И вот теперь, когда близится операция, у Марики поднимается температура. И еще она жалуется на боль в стопе. Игорь Александрович немедленно пришел, еще вечером посмотрел ее и отправил на перевязку. Он уже видел результаты анализа крови, но ничего не сказал. Я сильно пожалела о субботней прогулке, совесть не давала мне покоя.

4 марта

Утром у Марики не было жара. Она жаловалась на боль в ноге у пальцев и в щиколотке. Ее нога показалась мне покрасневшей и немного распухшей. В первой половине дня мы занимались. Правда, Марика работала без особой охоты, но сделала много заданий. После обеда я взяла с нее обещание не идти в школу, оставаться в постели и накрыла ее одеялом.

Мы с Жанной хотели поехать в город за подарками к приближавшемуся женскому дню, но у нас не было денег. Сберегательную кассу по-прежнему ремонтирова-

ли, я не могла снять денег с книжки. Копейки на оплату стирки постельного белья мы собирали как семья Морица необходимые ей семь крейцеров.⁶¹

Вскоре мы “разбогатели”. В школе Жанна получила зарплату за преподавание в школе, 170 рублей.

– Ну, теперь я и разговаривать не хочу с тобой, беднотой! – сказала она и задрала нос.

Мы хохотали все дорогу, идя через деревню между сказочных домиков, стоявших на улице Чернышевского. Сильные лучи светившего нам в лицо солнца заставили нас прослезиться, когда мы шагали в сторону леса, к конечной остановке 8-го автобуса. Там была небольшая красивая столовая, где мы купили детям на женский день тридцать пирожных безе.

К вечеру температура у Марики поднялась до 37,6. Главврач снова осмотрел ее. Я грустно пошла домой.

5 марта

В десять часов сорок минут в Курган прибывал скорый поезд, следовавший из Москвы в Кемерово. Из больницы мы поспешили прямо на вокзал. Миша послал посылку к приближающемуся празднику. Топая окоченевшими ногами на 23-градусном морозе, мы высматривали паровозы, приближавшиеся с западного направления. Подошел товарный поезд с нагруженными вагонами и, постукивая, медленно медленно проследовал дальше.

– Может быть, за ним идет скорый из Москвы, – сказала я, рассматривая горизонт.

– Уже 10.47, он должен быть здесь!

Жанна закрыла лицо другим концом моего шарфа, мы топали ногами, отплясывая на снегу чардаш.

– Вот еще один паровоз, может быть, это наш...

Мимо прогремел еще один товарный поезд. Мне пришел в голову Аттила Йожеф. Мы напрасно мерзли уже полчаса, когда объявили, что скорый поезд из Москвы опаздывает еще на 25 минут. Совершенно замерзнув, мы укрылись в здании вокзала и продолжали ждать там.

Жанна прочитала мне интервью с Илизаровым, опубликованное в курганской газете “Советское Зауралье”. Оно напечатано на заглавной странице сегодняшнего номера. Из него выяснилось, что на XXVII съезде партии секретарь ЦК КПСС Егор Кузмич Лигачев лично говорил об Илизарове как о новаторе, герое труда, как о человеке, который творчески, смело берется за достижение поставленной цели.

⁶¹ Намек на новеллу Жигмонда Морица “Семь крейцеров”, принесшую ему известность. В новелле описывается жизнь бедной семьи, состоящей из мальчика и его матери.

Гавриила Абрамовича до глубины души растрогала эта высокая оценка, которую он воспринял как оценку деятельности всей больницы в целом.

Мы поговорили о том, как было бы хорошо, если бы, наряду с лестными словами, врачи, медсестры и другие работники больницы получили и материальное поощрение. Уже была речь о том, что им повысят зарплату, но никто не знает, когда это произойдет.

Прибыл скорый поезд, мы поспешили домой, приготовили еду и пошли в больницу.

Марика побывала на лечебной гимнастике и на перевязке, в школу не ходила, после обеда лежала и читала. Ее состояние улучшается.

6 марта

В первой половине дня для мам и работников больницы был устроен праздник по случаю женского дня. Дети выступили с программой, вместе с воспитательницей Идой Ивановной они разучили стихи, песни и театральные сценки. У зрителей сжималось сердце при виде множества детей с аппаратами. И все же на их лицах отражалась радость песен, общего праздника. Я совершенно расчувствовалась, глядя на этих милых детей и на ободряющую, славную улыбку Иды. Я снова почувствовала прежнее теплое чувство: эта больница – одна большая семья. Мне пришли в голову мои ученицы, коллеги, наши выступления.

Доктор Игорь Александрович вынул из Марикиной стопы спицу, стоявшую спереди, у пальцев, спица была в хорошем состоянии, у воспаления была другая причина. С сегодняшнего дня Марике снова будут колоть пеницилин каждые четыре часа в течение недели. Мне очень жаль, я сильно раскаиваюсь в том, что повела Марику гулять. Наверное, она тогда и простудилась.

Я тоже простудилась на вокзале, к вечеру у меня поднялась температура. Я едва дождалась, когда мы вернемся в общежитие. Хорошо, что есть Жанна и мы ухаживаем друг за другом. Сегодня она сделала всю работу по хозяйству.

9 марта

В первой половине дня мне удалось поговорить с Петером по телефону с больной почтой. Мы хорошо слышали друг друга. В его голосе чувствовалась радость, он сказал, что приедет 26-го. Нас обоих обрадовала эта новость. Марика проворковала ему, что очень ждет его. Она немедленно подсчитала, что до его приезда нужно будет спать шестнадцать раз. Она ждет отца как Микулаша. Так и получится, он будет пасхальным Микулашем, если привезет все то, что мы попросили.

Сегодня испортилась математическая игрушка моей дочки, которую ей подарила Жанна на женский день. Девочка заплакала. Кто ее починит?

– Давай, беги за Сережей!

Молодой человек лежит во взрослом отделении, ему уже далеко за тридцать, но он все время крутится около детей. Он попал под трамвай, который отрезал ему стопу и полголеи, кроме того он потерял слух и получил повреждение речевого центра. Его доставили в больницу в шоковом состоянии. Он мгновенно починил Марикину игрушку, да еще поблагодарил нас за то, что получил возможность помочь нам.

11 марта

Уже две недели нет гардеробщиц, они считали, что у них маленькая зарплата и много работы, не хотели поднимать тяжелые шубы. И в конце концов ушли. Эта проблема переросла рамки больницы. С тех пор никто не охраняет шубы и пальто, они висят на вешалках, но ни одно их пока не пропало. Гардероб остался без охраны и перешел на самообслуживание. Правда, есть и такие, кто беспокоится за свое пальто и берет его с собой в отделение, не оставляет внизу.

В первой половине дня мы ждали своей очереди на рентген. Пришли несколько недавно прооперированных пациентов, обычно их пропускают вперед. Прошел час, но нас так и не вызвали. Быть может, завтра нам больше повезет.

Я поторопилась домой, намереваясь сдать в близлежащий приемный пункт банки и бутылки из-под сиропа. Их было 25 штук, они занимали много места и мешали. Я подсчитала, что получу за них пять рублей, на которые смогу купить полтора килограмма яблок. Стояла длинная очередь, мы ждали на холоде, чтобы кто-нибудь принял у нас бутылки. Были вывешены часы работы: 10-17. Уже минула половина двенадцатого, но никого не было. Во многих местах города большими буквами было написано: “*Рабочее время – работе*”. Я положила авоську с бутылками, не потащила их назад. Мой план сорвался, пропало полтора кило яблок.

После обеда Марика пошла в школу, но занятий не было. Не пришла учительница. Такой уж выдался день. Я рада, что мой ребенок чувствует себя лучше.

12 марта

Мы уже смирились с тем, что гардероб закрыт. Вчера пропало пальто, с тех пор мы тоже таскаем с собой шубы, сапоги и сумки. Недавно одна из мам наполовину шутиливо, а наполовину всерьез заметила Игорю Александровичу:

– Больницу скоро придется закрыть. Директор отсутствует, врачей мало, медсестер двое, гардероб закрыт. Остались больные и мамы.

Наш главврач успокоил ее, что, пока не найдут другого врача, он сам будет замещать нашего врача и, выполняя руководящую работу, будет одновременно наблюдать за всеми тремя палатами. Бедный Игорь Александрович! Сколько еще нагрузки можно взвалить на его плечи?

У меня еще не прошел насморк, я утомлена, Вчерашние события рассердили меня, мне хотелось остаться одной. Я дала Марике задания, которые ей нужно будет сделать, а я вечером проверю. Жанне я сказала, что мне хочется несколько часов побыть одной и заняться вязанием, это мое успокоительное средство. Днем в общежитии относительно спокойно, взрослые на работе, а дети в школе. Я несколько часов вязала, закончила серый пуловер для Петера, он будет рад, когда придет. Себе я продолжила вязать белый кардиган из пряжи букле, он тоже скоро будет готов. Тишина, радость от работы и ее результат, хорошо получившийся предмет одежды, восстановили мое спокойствие. Непрерывная работа привела меня в порядок и после рождения Марики, а позже – после смерти матери. С тех пор я знаю, что работа – целебное средство от всех неприятностей. Если делать ее с радостью, то то это приумножает ее чудесное влияние.

Моя дочка тоже хорошо поработала. Самостоятельность подбодрила ее. Правда, она допустила несколько ошибок, но мы исправили их. Она даже одна сходила на рентген, который не удалось сделать вчера. Была и в школе, получила пятерку по чтению. Я очень похвалила и много раз поцеловала ее.

13 марта

Сегодня в первой половине дня ко мне в общежитие пришла мама Путич. Они готовятся к возвращению домой. Ее сыну Эндре заменили отсутствующую стопу, вытянув и согнув берцовую кость. Они очень рады результату, для них закончился тяжелый период употребления аппарата для ходьбы и ношения кованных сапог. Но им еще придется вернуться на одну операцию. Марику Путич беспокоит судьба Яноша Т. Она и Маргит Доханье ухаживали за ним в трудные послеоперационные дни. Они написали его матери, прося ее приехать, я тоже мобилизовала Петера и по телефону попросила его найти ее и взять с собой в Курган. Сейчас мы ждем, что будет. Здесь нужен материнский уход за больными, потому что больных много, а медсестер мало.

Жанна ездила в город, она у нас отвечает за снабжение. Чаше всего она же и повар. Стирка, глаженье, мытье посуды и вынос мусора – моя обязанность. Таково разделение труда между нами.

– Я покрашу тебя в негра, Марика, – шутила Жанна. – Черную работу делают негры.

– Что ты меня дразнишь? Это высококвалифицированная работа, Мы делаем ее с дипломом в кармане. Видишь, мама-миллионерша не выдержала, предпочла пла-

тить, Нуха уехала домой, ты все делаешь вместо нее. А мы? Нет слуг – работай сам, запомни эту нашу поговорку!

Марика с нетерпением ждала меня.

– Завтра мне сделают операцию, – всхлипывала она.

– Это хорошая новость, у тебя все в порядке! Ты выздоровела. Залезай ко мне на колени, это тебя успокоит!

14 марта

Наступила пора, когда днем сильно тает, но ночью еще морозно. Уменьшается снежный покров, от снежных шапок на крышах домов отламываются большие куски, с водосточных труб падают маленькие сосульки. На улицах – грязная каша, журчит множество ручейков.

Когда я пришла в больницу, медсестра Света уже подготовила Марику к операции. Сегодня ей ввели новые спицы в кисть и пальцы, чтобы с помощью терпеливого, медленного подкручивания продолжить растягивание кожной ткани между пальцами. В стопу тоже была вставлена спица, плоскостопие будет скорректировано, то есть будет создан необходимый изгиб свода стопы. Небольшая операция была сделана быстро, в полдень мою красавицу уже привезли обратно. Коррекцию осуществили доктор Кириенко и главврач Игорь Александрович. Всю вторую половину дня я оберегала дочку. У нее не поднялась температура, но ей все же вкололи пенициллин.

15 марта

Ночью Марика спала, мне тоже удалось поспать, хотя под утро я чувствовала холод. Жанна принесла письма. Петер рассказал о приготовлениях к поездке его дочери Вираг в Москву и о состоянии здоровья Бёжике. Последняя новость очень огорчила меня, я не сказала о ней Марике, чтобы она не плакала.

Написали мне и мои ученицы. Четвероклассницы по отдельности рассказали мне о своих мелких делах, а маленькие первоклассницы прислали Марики рисунки и пожелания выздоровления. А мне они написали, что очень ждут моего возвращения в Венгрию. Это согрело мое сердце.

Во второй половине дня главврач осмотрел Марику. Он очень обрадовался тому, что у нее нет температуры, сегодня она уже встала и даже ходила. Ее навестила Василина, которая рассказала, что было в школе и что задано на дом.

Жанна переводила с английского на русский и мучалась с медицинскими терминами. Молодой врач-исследователь из нашего отделения, общепризнанный специалист по болезням рук, Александр Кириенко, попросил ее перевести ему статью из

мартовского номера выходящего в США (в Сент-Луисе) медицинского журнала “The Journal of Hand Surgery” за 1983 год, который он взял в больничной библиотеке. Вечером перевод продолжила Рената. Марика подошла к ней и из любопытства попросила ее показать фотографии и рентгеновский снимки больных рук и изображения американских аппаратов.

19 марта

Утром я надела резиновые сапоги. По этому морю слякоти, которое покрывает улицы, целесообразнее всего ходить в сапогах. Я купила их здесь. Мы, покачиваясь, балансировали на краю тротуара подобно канатоходцам. Похожая грязь была когда-то в Бодрогкёзе, где я в последний раз носила резиновые сапоги.

Жанна хочет уехать домой, когда уже не нужно будет подкручивать аппарат на ноге у Ренаты. Они проведут дома два месяца, отпразднуют ее день рождения и немного отдохнут. Жанна планирует, ее цели реальны, рассчитаны на ближайшее будущее. Будущей весной они приедут к нам в Будапешт, летом мы будем отдыхать вместе с детьми на Азовском море. Затем Рената будет поступать в Ломоносовский университет... Потом мы снова приедем в Курган...

У меня были более смелые планы. Еще один ребенок, а потом будет видно. Квартирный обмен. Это нереальная мечта, осуществить ее труднее всего. Жанна не понимает, почему я считаю, сколько нужно денег, и поражена тем, что новая квартира обойдется в миллионы, и нам за всю жизнь не удастся заработать столько денег. В ее стране это кажется проще.

Для Жанны было непостижимо и то, почему у нас так дорого стоит телефон. И уж совсем непонятно ей, почему невозможно добиться установки телефона в квартире. Мне это тоже непонятно. Действительно, почему?

Илизаров уже вернулся из Эрфурта. Вероятно, вечером у него в кабинете будет осмотр, соберется много людей.

Сегодня Марика уже подкручивала аппарат на своей руке, она делала это осторожно, чувствуя, до каких пор можно растягивать кожу. Ее научил дядя Игорь.

– Знаешь, мама, я чувствую, как будто мой указательный палец сделан из нитей, которые кто-то разрывает.

Моя старательная дочка и сегодня добилась успеха в школе. Я была очень горда, услышав эту новость. Поджидая Марику, я вязала ей юбочку.

20 марта

В воздухе летают огромные снежинки, немедленно тающие при соприкосновении с землей. Печален вид умирающей зимы. Повсюду серость и слякоть.

Путичи, мама и сын, сегодня улетели домой. К Кристи прехала бабушка, а к Чилле – старшая сестра. Они привезли небольшие подарки всем венгерским больным, находящимся в больнице. Приятно видеть эту национальную солидарность, чувствовать внимание соотечественников друг к другу.

Марика каждый день сравнивает себя со мной, проверяя, насколько выросла за прошедшее время. Мы с Жанной смеемся над тем, как она вытягивается, поднимаясь на цыпочки. Сегодня мы купили ей зимнее пальто сливово-синего цвета, оно еще немного велико ей, к будущей зиме будет впору. Пальто очень теплое и стоит в два раза меньше, чем в Будапеште.

За прошедшие три года в городе многое изменилось. Расширился ассортимент товаров в универмагах, улучшилось их качество, усилился порядок в городе, чувствуется прогресс. Курган отстраивается и становится все красивее. Жизнь стала более яркой.

21 марта

Сегодня был общий осмотр. Я посмотрела новые рентгеновские снимки. Воспаление кисти прошло, более четко вырисовываются контуры косточек. Указательный палец удален от остальных на полсантиметра. Уже заметен изгиб свода стопы. Голень по форме уже близка к голени здоровой ноги. Я уже поняла, почему над щиколоткой осталась щель в малой берцовой кости. Там оказывается небольшое давление с целью формирования женственного изгиба голени. Во время первой операции Илизаров был очень предусмотрителен и рассек кость именно в этом месте. Перелом под коленом сросся.

Мы очень благодарны профессору Илизарову. Не знаю, как сложилась бы жизнь, судьба Марики, если бы ее не лечили здесь, если бы, как обещали в Будапеште, ей укоротили здоровую ногу. Какой она была бы теперь? Девочка с двумя больными ногами... Хорошо, что мы привезли ее сюда. Было трудно, но все трудности окупились результатом.

Я часто вспоминаю тех венгерских детей, которые, откликнувшись на письменный призыв доктора Эндре Цейзеля, пришли со своими родителями 8 декабря 1983 г. на площадь Марцибани на осмотр к профессору Ленцу и за консультацией к собравшимся там врачам и другим специалистам. Виденные мной там аномалии можно было бы скорректировать.

Если бы курганская больница смогла принять их...

Если бы венгерские медицинские ведомства дали разрешение...

Если бы родители были готовы принести материальные и личные жертвы...

Или если бы наши врачи, признав достигнутые здесь результаты, переняли, освоили и применяли на родине эти методы. Потому что больному не все равно, носит ли он протез или пользуется собственными руками и ногами.

Как было бы хорошо, если бы молодые врачи продолжили бы начатую Гавриилом Абрамовичем Илизаровым работу и усовершенствовали его изобретения!

Я шила уже третий подстопник на Марикину ногу. Она изнашивает их как сказочные принцессы свои башмачки. Уже нет доброй тети Пани, которая шила детям подстопники в старой больнице.

Каждодневная забота – что приготовить детям. В конце зимы все продукты теряют свой вкус, уменьшается содержание витаминов. Марика попросила суп из свежих шампиньонов. Здесь это недостижимая мечта.

Жанна отрезала мне ломоть коложварского сала, которое привезла Вираг и прислал Вилен. Хороший, соблазнительный, мясистый ломоть. Я не смогла съесть его, он нужен детям, они любят поджаристое сало с яйцом. Мы с Жанной живем на молоке, черном хлебе, луке и квашеной капусте и едим больничную кашу.

Ждем Петера, может быть, он привезет кусок сала. Ждем, какие новости и продукты он привезет.

Мы с Жанной подшучиваем друг над другом, думая, как мы будем спать тогда.

– “По краям – блюда из золота, посередине – ложка из дерева”...⁶² Да уж! Две бодрые, отдохнувшие молодые женщины...

23 марта

Сегодня в Кургане был кипучий, хлопотливый день. Люди праздновали конец зимы. На улицах девушки и женщины, одетые в маскарадные и национальные костюмы, с платками на голове и накрашенными лицами и губами продавали разные сладости, сутились вокруг тарелок и покупателей. Играла музыка, шипели шашлыки, булькал самовар. Продавалось множество интересных лакомств, от которых разбегались глаза. Вот несколько необычных изделий: торт в виде корзины с грибами, белая грибная ножка “безе” с красной шляпкой, ежик из струганного шоколада, торт в форме деревенской печи с играющим на гармонике Иванушкой на крыше, украшенные цветами пироги, разнообразные по форме и орнаменту калачи, жареные рыбы, беляши с мясом, пиво, горячий чай, мороженое. Слышались звуки гармоники. Все способные двигаться дети и взрослые высыпали на улицы и площади. Ожила русская народная сказка, хорошая, солнечная погода выманила людей из домов. Таял снег, это уже весна. Народ веселился на улице Некрасова, у железнодорожного моста, около вокзала, в центральном городском парке (это местный Central Park), на площади Ленина и недалеко от больницы, на улице Петрова. Человеческая толпа лилась по улицам, все хотели увидеть, что продается в ларьках и палатках, как сжигают символы зимы, соломенные чучела.

⁶² Венгерская поговорка.

Такой же народный обычай живет и у нас, о нем упоминает в своей книге Текла Дёмётёр.⁶³ Одним из его разновидностей является карнавал в городе Мохаче, Бушояраш.

Регина принесла Марике подарок от Софьи и Бориса. В коробке лежали две куклы для одевания, Танечка и Ванечка, и сборная мозаика.

25 марта

В 12-м номере газеты “Неделя” напечатано интересное всю страницу интервью с Илизаровым, сделанное журналистом Эдуардом Церковером. У меня сейчас нет под рукой русского текста, я реконструирую интервью по сделанным мной тогда записям на венгерском языке.

Журналист: Вы лично накопили большой опыт в борьбе с косностью и инертностью, поскольку вы и ваши сотрудники десятилетиями боролись, чтобы вернуть людям здоровье. Но вы победили; с чем нужно бороться сейчас?

Илизаров: Неужели победили? В медицине нет и, по-моему, не может быть окончательных и бесспорных побед. Правда, аппарат, метод получил признание, в наше распоряжение предоставлен новый, уникальный научный центр, уже есть и такие, кто приезжает к нам учиться. Но на этом нельзя остановиться. На сегодняшний день мы разработали шестьсот методик лечения, их нужно непрерывно совершенствовать. И те, кто перенимает эти методики, должны точно и безошибочно знать их.

Мы открыли общие биологические закономерности в области зарождения и роста тканей, нервов, мышц и сосудов. Вы только подумайте, какие возможности открываются перед врачами! Если сосуды находятся в плохом состоянии, часто приходится ампутировать ногу, а мы располагаем такими методами, с помощью которых можем снова наращивать сосуды и сохранить ногу, которая будет служить своему хозяину так же, как и до болезни. На основании наших открытий мы можем распрямлять горбчатых, изменять рост человека, делая его выше или ниже, и для этого не нужно удалять часть костей, мы можем наращивать пальцы, стопу, придавая им нужную форму. Общеизвестно, что, если спинной мозг получает повреждение, то человека поражает паралич, и он живет, будучи прикованным к постели. Так вот, вполне возможно, что нам удастся победить этот паралич. Человек должен ходить.

Ж.: Гавриил Абрамович, в вашей семье были врачи?

⁶³ Текла Дёмётёр (1914–1987) – венгерский этнограф, собирательница народных обычаев и венгерского фольклора, доктор исторических наук.

И.: Нет, только крестьяне. Я родился в маленьком горном ауле Кусары, на границе Азербайджана и Дагестана.⁶⁴ Мои родители были колхозниками, в нашей семье было шесть детей. Твердое намерение стать врачом зародилось во мне тогда, когда в девятилетнем возрасте я съел грушу, опрысканную медным купоросом, и едва не умер. Человек в белом халате, который сделал мне болезненное, но благотворное промывание желудка, навсегда запал мне в душу. К тому же у моего младшего брата от рождения была атерома над бровью, которое удалили врачи. Это окончательно укрепило меня в моем решении.

Ж.: В чем причина того, что именно вы открыли этот метод?

И.: Со времен Гиппократы врачи считали кость практически мертвой тканью... Это долго объяснять. Хотите верьте, хотите нет, но форму и строение аппарата мне впервые подсказало крепление полотна лопаты к черенку, а позже – лошадиная сбруя, хомут, дуга, оглобли.

Когда я работал в Долговке, мне приходилось сотни раз ездить к больным на телеге или санях, я погонял лошадей и одновременно представлял себе части аппарата, охватывающего больную или поврежденную ногу. Прототип такого аппарата помогли создать рабочие слесарной мастерской местной текстильной фабрики.

Ж.: Я убедился в том, что у вас совсем нет свободного времени, вы всегда заняты. Что говорит по этому поводу ваша семья? Жена, дети?

И.: Добавьте еще: и внук. У меня уже есть и внук, только я его очень редко вижу. Я целый день на работе. До позднего вечера занимаюсь больными, не ухожу домой до тех пор, пока не посмотрел последнего пациента, вызванного в тот день. Дома я тоже работаю до полуночи, читаю специальную литературу, рисую разные комбинации деталей аппарата, которые могут расширить область его применения. Я сплю максимум шесть, но бывает, что только четыре часа в день. В медицинской литературе я встречался со случаями, когда люди годами не испытывали необходимости спать. Очень завидую им.

Ж.: Но ведь вы врач и не можете не знать, что такой образ жизни разрушает организм.

И.: Во-первых, у меня сильный организм. С крестьянскими костями, крестьянской закалкой. Когда-то я пас стадо, выкорчевывал пни из земли, пахал и сеял. Во-вторых, как врач я знаю, как важны для организма успехи, позитивные эмоции. Когда мне удастся что-то придумать или помочь отчаявшемуся человеку, когда мне удастся в прямом смысле слова поставить его на ноги, я чувствую такую радость, переживаю такие счастливые мгновения, которые способны компенсировать физическую и психическую нагрузку.

Ж.: А как обстоит дело с искусством? С сокровищами мировой культуры, замечательными романами, драмами, фильмами, живописью, музыкой?

И.: Ну да, здесь я безнадежно отстал. Нет времени. Я вынужден многим пожертвовать, отказаться от сокровищ культуры во имя неотложной задачи, которая стала моей внутренней сутью. Вы думаете, мне не хотелось бы иногда сходить на концерт симфонической музыки или на выставку известного или подающего надежды молодого художника? Очень даже хотелось бы! Но за те часы, которые потребуются для этого, можно вернуть здоровье человеку. И я не могу позволить себе этого. Может быть, позже. Когда все наши коллеги овладеют нашими методами.

Ж.: И все же, я думаю, больше того, уверен, что произведения Чехова вы знаете вдоль и поперек. И даже подозреваю, почему.

И.: Так и есть! Потому что он тоже был уездным врачом. И у него тоже было много проблем в начале его деятельности, да и позже. Ну и еще потому что Чехов – прекрасный психолог. И, наконец, из-за его кристально чистого, прозрачного, бесконечно простого и точного стиля.

Ж.: Когда вы учились на врача, вы уже решили, в какой области будете работать?

И.: Да нет! Разве это было возможно? Шла война. Все хотели идти на фронт. Но почти всех нас послали за Урал, где в 1944 г. вспыхнула эпидемия, и не хватало врачей. Так я стал единственным врачом в огромном районе. В нем было много больших и малых деревень. Я принимал роды, делал кесаревы сечения, удалял зубы, был терапевтом, педиатром, отоларингологом. И хотите верьте, хотите нет, мне, как врачу, все это пошло на пользу. Я ни о чем не жалею. Самое большее о тех годах, когда должен был доказывать применимость своего метода и возможности использования аппарата для лечения больных. Я жалею об этих годах потому, что за это время можно было бы вылечить много людей, и все же это оказалось невозможно. С тех пор я решительно борюсь за то, чтобы все новое и хорошее как можно скорее получало зеленый свет.

Ж.: Гавриил Абрамович, если бы ваши сотрудники, предположим, хитростью удалили вас из клиники и сказали бы, что вы должны целый день отдыхать, как бы вам хотелось это сделать?

И.: На лоне природы. С природой. Я бы бродил по лесу, собирал бы грибы. (Я страстный грибник). Смотрел бы, как бежит река, как плывут по небу облака... Между прочим, однажды меня попробовали запихнуть в санаторий. Через неделю я сбежал оттуда.

Ж.: В итоге как бы вы охарактеризовали доктора Илизарова?

И.: Я думаю, он немного чудакват. Например, не любит брать обязательств по случаю важных годовщин. Обязательство означает, что человек в определенный период времени работает более интенсивно. А что же он делал до обязательства? А после? Быть может, делал свое дело в полсилы или с 80-процентной эффективностью? Нет, у нас всегда непрерывно происходит то, что обычно называют “форсированным выполнением плана”. Я не умею, да и не хочу работать по-другому.

⁶⁴ По каким-то причинам Г. А. Илизаров неверно указал место своего рождения.

После этого интервью портрет нашего всемирно известного профессора стал еще более полным. Он действительно много работает, обладает невероятной работоспособностью. У него огромное количество дел, которыми нужно заниматься! И так много больных, у каждого из которых своя болезнь! Нужно решить, кому, что, как и когда нужно сделать? И все это профессор выполняет с большим чувством ответственности.

Сегодня открылось третье крыло здания, там будет осуществляться коррекция аномалий позвоночника. На предназначенных для демонстраций скелетах я уже видела аппараты на позвоночнике, но на человеке еще нет, и не могу представить себе, как можно жить с таким аппаратом.

26 марта

Мы надолго задержались в больнице. У Ренаты взяли кровь из вены, после чего она побледнела и не могла завтракать, только позже.

Я договорилась с несколькими венгерскими мамами, что они поедут в аэропорт помочь маме Яноша Т., которая, вероятно, прилетит вместе с моим мужем. Мы высматривали их с террасы первого этажа под пальмами, посаженными в деревянных ящиках, ожидая приземления самолета. Как только они вышли из дверей, я сразу узнала их.

Три женщины проводили маму в гостиницу “Москва”.

Жанна ждала нас, наведя большой порядок и приготовив курицу с аджикой. Марика несказанно обрадовалась отцу, они провели вместе всю вторую половину дня и весь вечер, играли и самозабвенно дурачились.

Мы с Жанной довели шутку до предела, сказав Петеру, где мы ему постелим.

– Я подозревал, что в этом есть какое-то плутовство, – ответил он, – но я вылетел, приготовившись ко всему.

Этого уже нельзя было вынести без смеха. Мы, все трое, хорошо позабавились. Выпили немного домашнего вина, которое взял с собой Петер, он также привез нам колбасу, сало, ветчину, подсолнечное масло, все, что я просила.

Жанна временно переселилась в свободную комнату напротив.

27 марта

Марика и на этот раз стала слишком самоуверенной от множества подарков. Ее красивая кукла Барби получила мужа и ребенка, старого гнома теперь нужно забыть. Эта дорогая игрушка прибыла из Канады, бабушка попросила купить ее живущего там родственника. Оттуда прислали еще и “пикающую” электронную игрушку. Такие игрушки в ходу у детей. Им всегда нужно что-то новое, необычное,

интересное. Сейчас они с любопытством восхищаются новыми подарками Марики. Но с наибольшим удовольствием они играют в игру, которую Марика недавно нарисовала вместе с Василиной. Она раскрасила извилистую дорогу, на которой девочки поместили остановки – Краснодар, Курган, Будапешт, почта, телефон и солнце. Этот рисунок – сплав действительности и детской фантазии. Даже игральную кость девочки сделали сами, сами склеили и нанесли на нее точки, обозначающие числа. Они полностью погрузились в работу. Игра, радующая педагога. С любопытством жду, когда они достанут ее снова. Долго ждать не пришлось, Марика показала ее отцу, они начали играть вместе и весело хохотали.

Петер провел в больнице почти весь день, я раздобыла ему белый халат. Мы только сходили в близлежащий магазин и купили ему сапоги и ватиновое пальто, потому что его полуботинки промокли в дорожной слякоти, и он мерз в своем болоньевом полупальто.

– Почему же ты не привез с собой одежду потеплее?

– В Будапеште я уже давно хожу так.

– Здесь Сибирь. Ты забыл, куда едешь?

30 марта

С Марикой и Петером мы были в гостях у Бориса. Вся семья искренне радовалась приезду Петера. Софья и на этот раз отличилась, состряпав вкусный обед.

Мы разговаривали на разные темы. Регина вдохновенно, увлеченно, на изысканном русском языке рассказывала о работе врачей в больнице Илизарова.

– Вы, Регина, рассказываете прямо как настоящая актриса или как молодой адвокат, произносящий защитительную речь, – похвалил ее Петер.

Потом речь зашла об Илизарове, о том, какой он выносливый и неутомимый. Ему достаточно взглянуть на больную кость, как скульптору на глыбу мрамора, и он уже видит, какую форму ей можно придать.

– Не случайно, что итальянцы очень точно назвали его Микеланджело ортопедии. Он с инстинктом художника угадывает, чувствует что можно воплотить в жизнь. Он принимает такие решения, которые другим врачам даже не приходят в голову, – добавил к этому Петер.

– Действительно, – продолжала Регина, – в операционной мы часто удивляемся, когда Илизаров объясняет, что, как и почему нужно делать. А потом всегда понимаем, что он предложил наилучшее решение. У него можно многому научиться, но для того, чтобы работать так, как работает он, нужен исключительный талант.

– Взять, например, синдактилию на левой руке Марики. Следуя обычной врачебной практике, ей нужно было бы разделить сросшиеся пальцы, поставить с двух сторон заплату из кожи, взятой с бедра или откуда-нибудь еще, а зачаточные пальцы посередине отрезать. Илизаров с помощью аппарата растягивает пальцы, вытя-

гивает кожу и сшивает ее после разделения пальцев. Зачаточные пальцы сохраняются с помощью пересадки костей в ладонь. Это более продолжительное и трудное решение, однако оно кажется гораздо более удачным, – вступила я в разговор.

С работы врачей разговор перешел на литературу, на не слишком хорошие отношения между Тургеневым, Толстым и Достоевским. Но здесь, на книжной полке, они уже мирно соседствовали друг с другом. Нет соперничества, все – классики.

По телевидению передавали короткий фильм об американской девочке Саманте Смит, которая написала Андропову письмо о стремлении детей к миру. Генеральный секретарь пригласил девочку в СССР, в фильме рассказывалось о днях, проведенных Самантой в советской стране. Марика смотрела его с большим интересом.

31 марта

Все утро мы волновались, удастся ли Петеру поговорить перед отъездом с профессором. В десять часов я ждала Илизарова у главного входа, попросила его и удивилась тому, что сегодня он принял нас первыми. Профессор рассказал моему мужу о состоянии Марики, о планах лечения и ближайших мерах.

После обеда я проводила Петера на аэродром, в Москве его будет ждать Вилен. Сегодня удетела на родину и мама-миллионерша с дочерью. Их лица сияли от радости, они были счастливы. Большая девочка не надеялась, но все же дождалась того, что у нее ноги стали теперь одинаковой длины. Для этого они даже ездили в Англию, но в конце концов вылечил ее только профессор Илизаров.

3 апреля

Сегодня в нашем отделении был большой обход. Главврач Игорь Александрович представил нам нашего нового врача, Тамару Егорьевну Козьмину. Она внесла изменения в положение Марикиного аппарата, я помогала ей, держала ногу ребенка. Одну из спиц, прикрепленную к кольцу над щиколоткой пришлось передвинуть, потому что закрепительный винт препятствовал дальнейшему подкручиванию. Марика беззвучно терпела, но потом заплакала, когда доктор прикоснулась к спице.

Сегодня мы напрасно ждали, что Гавриил Абрамович сделает обход в нашем отделении. Несколько мам поднялись к нему с детьми, им придется долго ждать. Трудно сказать, примет ли он их и, если примет, то когда. Вместе с другими пошли и Жанна с Ренатой. Девочка бледна, у нее пропал аппетит, поднялась температура и покраснела подошва стопы. Мы не знаем, в чем причина этого. Жанна беспокоится, нервничает. Я волнуюсь за них.

Я побрела домой одна. Позвонил старший брат Жанны, я обрисовала ему ситуацию.

Потом помыла посуду и погладила. Жанна пришла домой после одиннадцати грустная и усталая. Было очень много народа, они не могли больше ждать. Значит, завтра...

4 апреля

Утром распространилась новость, что Илизаров принимал больных до трех часов ночи. Когда больные узнают, что он уезжает, они стремятся попасть к нему на прием. Жанна пожалела, что не осталась ждать дальше с Ренатой, но ей не хотелось утомлять ребенка. Сегодня Илизаров по телефону интересовался у главврача состоянием девочки и дал указания относительно ее лечения.

Здесь есть болгарский мальчик с вызывающими сострадание ногами и дивными, черными как смоль, печальными глазами. Мать бросила его, потому что он родился с аномалией ног, о нем заботится отец. Илизаров уже скорректировал одну из ног, теперь пришла очередь другой.

Есть у нас и мама из Болгарии с прелестной шестилетней дочкой. В понедельник Ниночку прооперировали, и главврач Игорь Александрович прислал маму ко мне узнать, до каких пор будет тяжело, и как можно вынести все это, когда кажется, что дальше уже терпеть невозможно. Я утешила безнадежно усталую женщину, товарища по несчастью, сказав, что трудно только в первые две-три недели. Если она почувствует, что больше не выдержит, то может привезти маленькую Нину на каталке в нашу палату, мы позаботимся о ней, а мама сможет отдохнуть несколько часов. Я и сама растрогалась, увидев, что Мария начала вытирать слезы с лица.

5 апреля

*Услышь сквозь паровозные свистки, сквозь ветер, тучи рвущий на куски,
как надо мне, попавшему в тиски, чтоб в комнате, где стены так узки,
ты жмурилась от счастья и тоски, до боли сжав ладонями виски”*

(Е. Евтушенко: “Заклинание”)

6 апреля

В наше отделение положили девочку, приехавшую из Веспрема, папа у нее венгр, а мама русская. Папа сегодня улетел в Венгрию, я отвезла на аэродром собранные нами письма, которые он взял с собой.

Я уходила только для этого, а весь остальной день провела с Марикой. Она была вялой, мерзла, жаловалась на боль в ноге, Я взяла ее на руки, покачивала, отвлекала внимание сказками. Сломанная конечность чувствует перемену погоды.

Жанна целый день сидела с Ренатой. Мы ждали, когда к нам в отделение поднимается Гавриил Абрамович. Это опять произошло только вечером, потому что днем сменяют друг друга операции, гости, сотрудники больницы, у которых кончается рабочее время. Больные и мамы ждут до позднего вечера, у них нет рабочего времени. Ренату профессор посмотрел в последнюю очередь, она старше остальных в отделении. Девочке будут делать инфузию. Я подождала Жанну, мы вернулись в общежитие к полуночи.

Похолодало, крупными хлопьями падал снег. Это почувствовали дети.

8 апреля

Утром мы лениво собрались. Все уже трудно и утомительно. Для Жанны это восьмой, а для нас шестой монотонный зимний месяц. Больше всего нас огорчает то, что дети плохо кушают, приходится буквально умолять их. Мы уже и не знаем, что приготовить. Жанна отказалась от мысли уехать домой.

Ждем, когда вернется Нуха. Необходимость кормить Риму только умножает наши заботы. Жанна не знает, что и где ей купить, а мне тяжелее тащить сумку на колесиках. Нет, нам мало своих проблем. Каждый день мы подбадриваем маму-болгарку. Она должна держаться, с каждым днем ей будет все легче.

У Жанны в школе сегодня свободный день, мы пошли на рынок. Все стало дороже из-за неожиданно наступившего холода, кило яблок стоит уже пять рублей. Огурцов нет, мы напрасно искали их.

Случайно мы доехали на автобусе до микрорайона БАМ. Его жители делают трубы для большого строительства века. Почему микрорайоны везде такие безотрадные? Множество людей стояло в очереди за спиртным. Магазин открывается в два, но уже в одиннадцать выстраивается длинная очередь. В рабочее время. А по дороге мы читали на плакатах: *“Рабочее время – работе”*.

9 апреля

Жанна мучается зубной болью, утром она едва сумела собраться с силами, но все же обязательно хотела пойти в больницу.

Ренате сделали инфузию, за ней наблюдала медсестра Галина Георгиевна Улыбина. Девочка лежала с бледным лицом. Иногда она вяло смотрела своими красивыми, грустными глазами Сивиллы на мать, которая весь день мерзла на краю кровати своей дочери. Меня беспокоило их состояние. Я знала, что для Ренаты врачи

сделают все, что возможно. Но Жанна? Она уже несколько дней почти ничего не ест, не может спать по ночам и только мучается из-за своего ребенка. У нее бледное, запавшее лицо. По дороге домой и в больницу я каждую минуту боялась, что она упадет в обморок. И все же она не соглашалась остаться в общежитии, я напрасно просила ее отдохнуть несколько дней.

Наша врач сегодня снова внесла изменения в положение Марикиного аппарата. Она сняла стержень, использовавшийся для вытягивания стопы, присоединила спицу, находившуюся на своде стопы, к полукольцу и приделала туда два новых стержня, которые будут отдавливать вниз пальцы. Их будут подкручивать. Доктор измерила длину стоп, сейчас длина обеих – 19,5 сантиметров. Большую стопу удалось удлинить на три сантиметра.

Учеба продвигалась с трудом, у дочки не было такого рабочего настроения, как прежде.

10 апреля

Утром у Марики взяли крови из вены. Она опечалилась, потому что сегодня не было ее любимой медсестры Гали. Кровь взяла Светлана Грибанова. Молодая сестричка сильно волновалась и отослала меня. Но в конце концов она очень ловко взяла кровь, Марика не плакала и не присвистывала. Интересно, какой будет анализ. Потом мы немного занимались, я отметила задания для самостоятельного решения по математике и грамматике и ушла домой. Уже и меня стала сильно утомлять больничная атмосфера, я занялась вязанием. Вяжу Марике на день рождения светло-синее платье. Получается настоящая романтическая поэма, я вложила в это вязание свое сердце и радость.

Вернувшись в больницу, я опечалилась от ошеломляющей новости. Тяжело заболела девочка не из нашего отделения. Мы все волнуемся за нее.

11 апреля

В воздухе распространялся запах горящей опавшей листвы. Оживала трава, набухали почки, распускали зеленые кроны березы. О зиме напоминали только оставшиеся там и сям серые горки снега. В Венгрии сегодня день поэзии. Здесь – первый прекрасный весенний день. Сделав утренние больничные дела, я отправилась в город покупать подарки к приближающимся дням рождения Марики и Жанны. Затем поспешила обратно к ним. Марика ждала меня с тремя пятерками по арифметике, чтению и письму. От радости я подхватила ее на руки. У нее была для меня еще одна новость.

– Меня водили во врачебный кабинет. Там сидело много-много врачей не из нашей больницы, и они все посмотрели мою руку.

Я узнала, что из Москвы, из Института ортопедии и травматологии и двух других учреждений, приехали врачи для обмена опытом. Они интересовались Ренатой и посетили ее. О ее пребывании здесь они узнали от академика Александрова, президента Академии наук СССР.

Марика обрадовалась подарку на день поэзии, иллюстрациям на открытках к сказкам братьев Гримм. Жанне я тоже купила серию открыток о современниках Пушкина. Она подарила мне томик Тютчева и вечером прочитала из него несколько стихотворений. Меня захватила музыка русских стихов.

12 апреля

По радио славили подвиг первого советского космонавта Юрия Гагарина. Сенсационная новость о его полете разлетелась по миру четверть века назад.

Жанна проснулась рано, еще в темноте, она очень беспокоится. В половине восьмого мы уже были в больнице. Рената бледна, у нее плохой анализ крови, ей уже третий день дают инфузию.

– Поймите, – сказала Жанну наблюдающему за нашим отделением врачу-исследователю, Рената не может умереть! Сделайте для нее все возможное! Этот ребенок не просто ребенок, он и моя жизнь. Из-за него была сломана моя научная карьера. Здесь, в этой больнице, я провела свои самые плодотворные молодые годы. Из-за лечения Ренаты я не родила второго ребенка.

– Вы же знаете, что мы сделаем все, что возможно. От этого сильного антибиотика, который ей вводят в виде инфузии, состояние девочки улучшится, не бойтесь! – успокаивал Жанну врач.

Я понимаю страх и беспокойство Жанны. Сегодня в полдень умерла семнадцатилетняя девочка, за которую мы все переживали. Ходят разные слухи о том, почему так произошло. К этому времени девочка прошла уже несколько этапов лечения. Многократное вмешательство утомляет, ослабляет организм больного. Тридцативосьмилетняя мама осталась в одиночестве. Она будет по-прежнему работать здесь медсестрой, так она решила в эту трудную для нее минуту. Смерть является частью жизни. Никто не знает, за кем и когда она придет. Новость о смерти девочки причинила всем нам боль.

Много больных, мало врачей и медсестер. Илизаров за границей. Родители оберегают своих детей.

13 апреля

Жанна рано утром пошла на рынок. Вечером мы слышали, что вчера продавались свежие огурцы, редиска и укроп. Но сегодня утром Жанна напрасно старалась, напрасно прождала несколько часов, уже ничего не было.

Я одна притащила еду детям и внимательно изучала лицо Ренаты. Сегодня на нем уже появилась улыбка. Я заключила с ней союз ради ее матери. Рената должна была уговорить мать поесть.

После обеда мы с Марикой немного погуляли при солнечном свете, было 14 градусов тепла. Потом поздравили Галину Георгиевну с днем рождения. Ей было очень приятно это внимание. Наверняка ей радостно чувствовать, что ее все так любят.

14 апреля

Сегодня приехала маленькая Наташа, озорная подружка Марики. Было много радости, объятий и поцелуев, потом они долго, самозабвенно и весело играли.

Только Жанна и Рената грустны. Уже целую неделю температура у девочки колеблется между 37 и 38 градусами, ей пятый день вводят антибиотики в виде инфузии.

Сегодня я отправилась в город за провизией. Нужны свежие овощи. Когда автобус повернул, я увидела, что на углу улицы Кирова стоит очередь перед овощным магазином. Вернувшись пешком обратно, я встала в очередь за огурцами. Стол с весами поставили на теневой стороне улицы, там дул ветер, а температура была пять-десять градусов. Иногда я перебежала немного погреться на солнечную сторону. Некоторое время я, стоя, вязала, чтобы с пользой провести дорогое время, но допустила ошибку, и у меня уже не было терпения ее исправить. У многих тоже лопнуло терпение, и они покинули очередь. В половине второго ушла и одетая в фуфайку продавщица, торговля огурцами прекратилась. Мы посчитали ящики.

– Осталось одиннадцать ящиков. Может быть, достанется и нам.

Без десяти два я вошла в магазин и поинтересовалась, когда будут снова продавать огурцы. Ждать ли нам целый час до трех, когда окончится обеденный перерыв.

– Всем положен перерыв на обед.

– Я тоже хотела бы спокойно обедать в течение часа.

– Занимайтесь своими делами!

– Мое дело ухаживать за больными детьми в больнице, готовить им еду. А я уже два часа напрасно стою здесь. Я понимаю, что женщина, которая вошла сюда полчаса назад, замерзла и проголодалась. Но неужели у вас нет другой продавщицы, которая заменила бы ее? Почему вы не можете лучше организовать работу? Знай-

те, если вы заставите нас понапрасну стоять здесь полтора часа, я напишу об этом в “Правду”.

Вскоре вышла та же самая продавщица, стала снова торговать огурцами. В три часа подошла моя очередь. Продавщица даже позволила мне выбрать для детей огурцы помельче.

Я ждала автобус с тремя килограммами свежих соковещ, вынула из сумки сломанный огурец и начала грызть его, чтобы утолить голод. Мне вспомнились строки Аттилы Йожефа: “Их сегодняшний обед – хлеб да огурцы”.⁶⁵

Теперь надо было быстро приготовить запеченную слоями картошку, салат из огурцов, суп из помидоров и – бегом в больницу. Меня ждали четыре голодных рта.

Илизаров вернулся из Тбилиси. С аэродрома он сразу приехал в больницу. Когда Жанна приоткрыла дверь его кабинета, профессор взглянул на ее измученное лицо, попросил прощения у присутствующих членов делегации и поспешил к Ренате. Он успокоил Жанну, сказал, что ей не нужно волноваться. Жанна наконец-то поела, и я была очень-очень рада этому.

15 апреля

Вернувшись из больницы, я стала вязать, чтобы закончить синее платье Марике на день рождения.

Затем, в два часа, я встала в очереди перед близлежащим магазином. У входа в магазин стояли два милиционера. В отдельном помещении продуктового магазина продавались спиртные напитки. Там сидели две кассирши, а в углу еще один милиционер. Весь выбор состоял из “Советского шампанского”, венгерского шампанского “Талисман”, вина “Золотая осень” и коньяка “Матра”. Все знали, что в одни руки дают по две бутылки. Я купила бутылку шампанского к приближавшемуся дню рождения Жанны.

Здесь идет серьезная борьба с алкоголизмом. Много винных магазинов было закрыто, а магазин на берегу Черного ручья уже снесли. Это тяжелая борьба, но уже виден результат – на улицах меньше пьяных.

16 апреля

Я преподнесла Жанне спрятанный уже несколько дней назад подарок, поздравила ее с днем рождения, пожелала ей много радости и чтобы мы снова

⁶⁵ Строка из стихотворения Аттилы Йожефа “Голод”.

жили вместе, если так сложится судьба. Потом мы приготовили обед и поспешили к детям.

В некоторое свободное время я опять вязала синие платице, сделав кружевной волан на плечах. Получился прекрасный наряд, дочка будет похожа в нем на маленькую синюю бабочку. Я уже давно не вязала с такой радостью и любовью.

Во второй половине дня Гавриил Абрамович посмотрел в перевязочной ногу Ренаты. Некоторые мамы заворчали, почему всегда только Рената?

– Потому что она больна, – ответила Жанна.

– У нас тоже больные дети.

Потом, когда из кабинета донеслись звуки отщипываемых профессором спиц, зависливые замечания возобновились.

– Реночка, потерпи еще немного! – слышался хорошо знакомый басистый голос. – Сейчас тебе станет легче.

Рената на костылях вышла в коридор и с улыбкой показала ногу. Профессор снял аппарат со стопы. Бедная девочка, как много она выстрадала ради тех трех сантиметров на которые ей удлиннили стопу!

Позже главврач Игорь Александрович зашел в палату посмотреть ногу Ренаты. Мы как раз тоже были там.

– Марика, ты очень хорошая девочка, – обратился он к моей дочке. – В последнее время совсем не плачешь! В пятницу мы разъединим тебе пальцы.

– Именно в пятницу? – у дочки вырвались рыдания. – В день рождения я не хочу клизму и наркоз.

– Ну хорошо, тогда позже! Если кожа станет крепче, результат будет лучше.

Мы с Жанной настолько обрадовались улучшению состояния Ренаты, что не следили за временем. В восемь часов закрылся гардероб, и мы остались стоять в белых халатах и тапочках.

– Жанночка, ключ от нашей комнаты остался у меня в кармане пальто.

– Как же мы попадем домой?

Мы уже стояли на остановке автобуса, смеясь над собой. Игорь Александрович поначалу не понял, почему мы ушли из больницы в халатах. Его тоже позабавила комичность ситуации, но одновременно обнаружилась и присущая ему человечность.

– Вот ключ от моей комнаты, переночуйте в больнице!

Жанна поблагодарила и взяла ключ. Она как раз собиралась повернуть назад, когда я сказала:

– Жанночка, пойдём-ка сначала домой! У меня для тебя сюрприз! Ты сама сказала, что у меня сто друзей, помощники всегда найдутся. Володя, мастер на все руки, откроет, а утром закроет нам дверь. Если не получится, вернемся в больницу.

Но получилось. С облегчением, расслабившись, мы задумчиво смотрели, как искрится шампанское в стаканах.

18 апреля

Мы с Жанной скитались из одного магазина в другой, чтобы купить Ренате подходящую обувь. Наши долгие поиски оказались напрасными. Я чувствовала унижительной необходимость показывать покупки стоящим у кассы универмагов и магазинов контролерам, которые даже осматривали содержимое сумок. Недавно по радио неодобрительно говорилось об этом, но прежняя унижительная практика сохранялась.

Дети собрались у кровати Марики и весело играли. Все восхищались ее вязаным синим платьем, это доставляло моей дочке самую большую радость.

– Я похожа на принцессу, – сказала она, вертясь перед зеркалом.

Подружки подарили Марике книжку сказок и разноцветные ленточки, от тети Жанны она получила платье.

По желанию виновницы торжества, я приготовила грибной суп, одна из мам дала мне банку консервированных шампиньонов. Праздничный обед состоял из курицы с аджикой, картошки с петрушкой и салата из огурцов. Ну и, конечно, был бисквитный торт с лимонным кремом, надписью из дунайских камушков⁶⁶ и цветами. Вокруг больничного стола сидели растроганные, веселые дети. В гости пришел и Золи Дохань, мамы и больные поздравили Марику с восьмым днем рождения. Ее отец, дедушка и бабушка прислали поздравительную телеграмму.

19 апреля

Сегодня опять субботник, на этот раз по случаю приближающегося дня рождения Ленина. В первой половине дня мы убирались в больнице. Пока я работала вместе с другими мамами, Марика подскользнулась, ушибла руки и ноги и разбила очки. Я рассердилась на нее за такую неосмотрительность, но потом взяла на руки, поцеловала, и она успокоилась. Когда ей страшно, она всегда утешается у меня на руках. Там она чувствует теплоту, защиту, безопасность. Сейчас она нервничает главным образом потому, что скоро ей прооперируют руку.

О, как бы хотела и я прижаться к кому-нибудь, когда мне страшно, когда тяжела жизнь! Почерпнуть сил. Нет уже защиты, утешения и убежища. Только желание, только воспоминание. Этим и нужно жить до самой смерти.

– Пойдем, навестим дядю Бориса!

Восемь цветных воздушных шариков поднялись вверх в большой комнате. Мы поздравляли Марику. Борис и его семья подарили ей огромного, мягкого, шелковистого медведя Мишу, который может служить и подушкой. Мы хорошо чувство-

⁶⁶ Венгерское ореховое драже.

вали себя в этой семейной, дружеской обстановке, в атмосфере любви. Такова душа русского народа, о которой с признанием писал и Ласло Немет.

23 апреля

Жанна начинает приходить в себя, успокаиваться. Анализ крови у Ренаты улучшился, она поправляется, аппетит тоже стал лучше. Жанна снова принялась строить планы, они хотели бы поехать домой и немного отдохнуть и развлечься.

Мы часто спрашиваем себя, когда вернется Нуха. Она обещала быть здесь спустя два месяца, но этот срок давно прошел. От нее нет никаких вестей. Рима боится, что, если Жанна с дочерью уедут, некому будет готовить и ухаживать за ней. Уход за больными – тяжелая, ответственная работа, за нее никто не берется даже за деньги. Всем хватает своих собственных забот. Мы с Жанной уже много раз подсчитывали, во сколько обходится этап лечения, шесть-восемь месяцев, и получается, что примерно в три тысячи рублей, даже при самой экономной жизни. Жанна взялась преподавать физику в больничной школе именно потому, что их материальные возможности иссякли, для них это уже шестой этап. Для нас – третий. Наше материальное положение тоже не лучше. Я сказала Жанне, что не смогу взять на себя уход за Римой, потому что у меня тоже мало денег, я не знаю, сколько времени мы пробудем здесь, к тому же я не забыла, как скверно они вели себя после того, как Марике сделали операцию.

Хорошо, что Марика получила в школе три пятерки. Хорошо, что я встретила с девочкой, с которой сдружилась на почве вязания. Я узнала ее по прекрасному костюму с норвежским узором. Она шла передо мной по улице, я поспешила за ней. Она обрадовалась встрече. В трехлетнем возрасте она порезала ногу ржавым ножом и страдает из-за этого всю жизнь.

25 апреля

Марике сделали рентген руки и ноги. Вероятно, подкручивание закончится.

Утром я подождала Илизарова у главного входа и попросила, чтобы он сам оперировал Марике руку.

– Ладно, хорошо. Но предварительно я осмотрю ее.

Этот разговор длился две минуты, перед кабинетом мне пришлось бы часами ждать этих двух фраз.

Строю разные планы, еще месяц-полтора и этот этап закончится, на лето поедем домой. Здесь нелегко выносить жару с тьмой комаров.

В первой половине дня мы с Жанной ездили в город. Когда выглядывает солнце, наступает хорошая погода, нами, женщинами, всегда овладевает древний инстинкт

– нам хочется нравиться, красиво одеваться, беззаботно и весело гулять под тенью деревьев. Правда, беззаботно и весело уже не получается. Молодость пролетела.

Зеленеют бархатные, блестящие листья на развесистых деревьях. В это время мне больше всего нравится Курган, этот веселый весенний гомон, это волшебство, эти цветущие жеревья и кусты. На улицах белили стволы деревьев, ограды, стены домов и “зебры” пешеходных переходов. Старые остановки автобусов и троллейбусов были разобраны, а на их месте появились домики с железными кружевами и скамейками для короткого отдыха ездящих по делам людей. На придорожные столбы вешают красные звезды и флаги. Город облачился в праздничные одежды. В магазинах расширился выбор товаров и улучшилось их качество. Внимание женщин с толстыми кошельками и любительниц просто полюбоваться изящными вещами привлекают сказочно красивые японские и китайские ткани, шелка и бархат, а также более простое отечественное полотно и ситец.

Марику нашла себе новую подружку для игр. В пятницу рядом с ней положили Олечку. Они способны так много шептаться и хохотать вместе, что иногда приходилось просить их вести себя потише.

Маленькую Олю прооперировали на прошлой неделе, по ночам с ней сидел ее отец, приятный, благодушный мужчина, занимающийся компьютерами. Они приехали из Подмосковья. Он заботливо ухаживал за дочерью. Мы, мамы, снабдили его кулинарными советами. Он старательно спрашивал и все скрупулезно записывал.

28 апреля

Жанна собирала и упаковывала вещи, готовилась к отъезду домой. В нашей крошечной комнате все стояло вверх дном. Везде лежали коробки с книгами, одеждой и лекарствами.

Жанна истощена физически и психически. После того как она однажды сказала, что иногда у нее темнеет в глазах, я испуганно следила за ней. Очень волнуясь за нее. По вечерам, вернувшись в общежитие, она ложилась на кровать и моментально засыпала. Потом ночью просыпалась, и сон уже не шел к ней.

Сегодня она целый день бегала туда-сюда, в школу, чтобы расторгнуть трудовой договор, оттуда в учебный центр, и так три раза, туда и обратно. К чему эта бюрократия? Почему нельзя оформить все в одном месте?

Марику перевезли на маленькой больничной машине скорой помощи в городскую больницу № 2 к главному врачу, который прописал ей новые очки.

29 апреля

Утром распространилась новость, что в первой половине дня профессор сделает обход в нашем отделении. Главврач Игорь Александрович собрал детей, отобранных для осмотра, перед перевязочной. Марику он не позвал. Когда дочка позавтракала, я передела ее и отвела к перевязочной.

– Зачем вы здесь, почему вы это делаете? – раздраженно спросил главврач.

– В пятницу вечером я попросила вас показать Марику профессору Илизарову. Я разговаривала с ним, он хочет осмотреть ее перед операцией.

– У Марики все в порядке, зачем ее показывать?

– Зимой вы не хотели показать ее, потому что тогда не все было в порядке. Я хочу знать, когда он прооперирует ей руку, и нужно ли еще подкручивать или нет.

– Пока еще нужно. Нового рентгеновского снимка нет. Что же я покажу?

– Есть новый снимок, его сделали в пятницу. Десять дней назад вы уже хотели оперировать ей руку. А теперь не хватает снимков? Я хочу знать мнение профессора. Мы приехали на операцию к Илизарову, а не к вам. Если он сейчас не посмотрит девочку, нам придется ждать неделями, потому что он уезжает. Скажите, Игорь Александрович, а почему вы всякий раз показываете этого итальянского ребенка?

На это он ничего не ответил. Марику терпеливо ждала. Прибыл Илизаров и позвал ее в кабинет. После осмотра главврач не ответил на мои вопросы и смотрел как будто сквозь меня.

– Спросите у профессора! – пожал он плечами.

30 апреля

Предпраздничное настроение. Нигде никого не видно, как будто сегодня нерабочий день. Родители взяли детей к себе в съемные комнаты. Предстоит четырехдневный праздник. Сегодня уезжают Жанна с дочкой, вечером я тоже возьму к себе Марику. Мне удалось в последний момент получить на это разрешение у главврача Игоря Александровича. Он тоже уезжает, у него месяц отпуска. Пришлось бы ждать его, если бы я вчера не высказала всего, что думаю.

Я рано покормила трех детей обедом. Появилась Жанна, закончившая свою беговую, мне удалось уговорить ее съесть несколько кусочков еды.

В час пришло такси, я проводила Жанну и Ренату на аэродром. По дороге мы видели, что перед универсамом стоит огромная очередь за водкой. В городе говорили, что с первого числа трудящиеся смогут покупать по одной бутылке водки в месяц, да и то по талону. Это новый указ Горбачева.

Когда в пять часов вечера я возвращалась к Марику, по городу пронесся страшный ураган. Я никогда не видела ничего подобного. С неба свисала длинная, темная воронка, которая, кружась, приближалась ко мне, поднимая и бросая мне в

лицо, волосы, глаза и шею черные клубы пыли и песка, ветер сбил с меня очки, приподнял над землей и оттолкнул в сторону. Даже на зубах у меня потрескивал и скрипел песок. Придя в больницу, я выглядела как трубочистка. Марика была поражена.

– Почему ты такая черная? Смотри, я осталась одна! Возьми меня с собой! Если надо, я дойду с тобой до дома пешком!

– Дочка, сейчас нельзя. Дует страшный ветер. Я не могу увести тебя в такую погоду. Диспетчер не принимает вызовов такси. Быть может, позже, когда стихнет ветер. А если нет, то я останусь здесь с тобой.

Мы ждали, пока пройдет страшный ураган. Уже начало темнеть, когда за нами пришло такси. В общезитии я прижала дочку к себе, пока она не заснула.

1 мая

Мы заказали такси на девять часов, сделать это опять было не просто. Улицы во многих местах были перекрыты из-за демонстрации. Можно было передвигаться только пешком. Население города хлынуло на демонстрацию.

Мы ехали в гости, Борис и его семья позвали нас на праздничный обед. Шофер выехал с нами из города и помчался через деревню, мимо сказочных деревянных домиков в сторону квартала БАМ, оттуда – к кварталу “Энергетика”, а потом – вдоль Тобола к дому Бориса. Однако то тут, то там нам преграждали путь направляющие движение милиционеры.

– Попросите вы милиционера, сказал таксист, – чтобы он пропустил нас, ведь с нами ребенок с аппаратом!

Услышав иностранный акцент и посмотрев на ногу ребенка, строгий страж порядка смягчился. Шоферу была незнакома эта часть города, он не знал, в каком направлении ехать и где поворачивать. Я тоже еще не бывала здесь. Проводником служил Тобол, я показывала дорогу, ориентируясь на водяное зеркало, поблескивавшее за деревьями, на направление течения реки, и сказала, что нам нужен дом, где живет Илизаров, только другой подъезд. После этого таксист уже справился со своей задачей.

Нас ждала Софья, Борис пошел на демонстрацию, Регина уехала к младшей сестре. Мы включили телевизор. На трибуне стоял Илизаров в светлом болоньевом пальто, дети приветствовали его цветами. Рядом с ним виднелся Борис Хайкис в костюме, были там и другие мужчины. Мы смотрели, как город отмечает праздник. Мне больше всего запомнилось интервью с писателем Виктором Потаниным. Он говорил о красоте жизни и о планах находящегося в Челябинске Южно-Уральского книжного издательства.

Вечером поймать такси было уже легче. Стало холоднее.

2 мая

Марика немного простудилась. Я накрыла ее пледом, она читала сказки. Я постирала оставленные Жанной вещи, приготовила вкусный обед, после которого мы сели заниматься.

Хорошо, что дочка была со мной, так было лучше нам обоим. Марика, хоть и ненадолго, вырвалась из больничной среды. По прошествии шести месяцев у нее уже появились отрицательные последствия госпитализации. Мне тоже было лучше, не надо было беспокоиться за нее, она была все время перед глазами. Не нужно было точно к сроку бежать в больницу с едой, таскать туда-сюда тяжести и мыть много посуды.

Под вечер мы позвали играть красивую дочку соседней Танечку. Увидев аппарат, она замаялась и боязливо приблизилась к Марике.

– Не бойся, Танечка! Подними железное кольцо! – подбодрила я девочку.

Она осторожно протянула руку к ноге подружки.

– О, бедная Марика, Сколько килограммов ей нужно таскать с собой!

Они начали играть вдвоем в кукольную свадьбу, весело разговаривая друг с другом.

3 мая

Раиса Симоновна с любопытством зашла к нам и спросила, что нам купить в магазине. Я попросила молоко, кефир, сметану и черный хлеб. Денег она не взяла, сказав, что я столько раз выручала ее, что она рада чем-нибудь возместить эту помощь.

После отъезда Жанны отношения между нами снова стали более близкими и душевными. Интересно, что присутствие третьего лица может мешать не только в любви, но иногда и в дружбе. Раиса с радостью сообщила, что ее муж привел в порядок полученную ими зимой трехкомнатную квартиру, и они переселятся туда, когда у сына кончится учебный год.

Одна половина моего сердца радовалась этой новости, большое счастье получить квартиру, имея двух детей. Другая половина моего сердца грустила, ведь мы уже не застанем их здесь, когда приедем в следующий раз. Маленькая дочка Раисы, Леночка, несмело крутилась около матери. Медвежонок и кукла Барби соблазнили ее поиграть рядом с Марикой. Светловолосая девочка с милым личиком и глазами льняного цвета. Я вспомнила, как сильно ждала и сколько раз нянчила эту малышку.

4 мая

Сегодня день матери. Марика еще вчера спросила, что мне подарить, потому что забыла в больнице приготовленный для меня подарок.

– Подари мне свое благодушие, дочка.

Она целый день вела себя хорошо и послушно. Пока я готовила, она повторяла по книге для чтения выученные наизусть стихи. После обеда мы делали уроки. Сначала учили правописание слов с длинными согласными, а затем перевод единиц измерения, который давался Марике легче.

Пришла телеграмма, Петер поздравил меня с годовщиной свадьбы.

Вечером я отвезла Марику на такси обратно в больницу. Мы хорошо отдохнули за эти три дня. Вернувшись в общежитие, я почувствовала, что мне не хватает дочки и Жанны.

5 мая

Похолодало, возвратилась зима, жестоко бушевал ветер. На улице было ноль градусов, внутри здания не работало отопление. Мне было досадно, что у Марики начался насморк, в палате холодно, с севера ее обдувает ветром.

Мне пообещали, что Илизаров посмотрит моего ребенка. Заместитель заведующего отделением сказал, чтобы я спросила, когда будут оперировать дочь.

Мама Яноша Т. попросила меня помочь ей, потому что ее сына вчера перевезли в другую больницу. В одиннадцать часов надо пойти с ней к их лечащему врачу поговорить о дальнейшем лечении. Я не знала, что мне делать, я не могу одновременно находиться в двух местах.

В конце концов мне удалось спросить Илизарова в коридоре, и он сказал, что посмотрел руку дочки и хочет еще подождать с операцией, пока не окрепнет вытянутая кожа. Я подумала, что значит нам придется провести здесь лето. Придется просить у кого-то в долг, у меня осталось мало денег.

Мне удалось поговорить с лечащим врачом Яноша, мы с матерью мальчика навестили его в другой больнице, в инфекционном отделении.

У Марики было плохое настроение, она получила тройку по письму. Доктор заменила верхний стержень на установленном на руке аппарате, Его пока еще нужно подкручивать. Потом мы с дежурной медсестрой сходили и сделали рентген руки. Указательный палец удален от остальных на два сантиметра. Между косточками натянута тонкая как перепонка кожа, ногти нездоровые, желтые. Вид маленькой ручки с торчащими из нее спицами произвел на меня ошеломляющее впечатление. Я с жалостью смотрела на ребенка. Марика быстро закрыла руку бинтом.

В общежитии меня ждало письмо от Толнаи Золтанне, рассказ о том, что происходит на работе. Письмо доставило мне радость, было приятно знать, что меня ждут дома, что на меня рассчитывают в будущем, что моя работа нужна.

9 мая

Сегодня праздник, День Победы, опять предстоят три выходных дня. Вечером я забрала Марику из больницы, нам опять можно будет отдохнуть. Только беда в том, что очень холодно и нет отопления. Май считается уже летним месяцем. На улице пять градусов мороза, в помещении, быть может, градусов на десять больше. Я основательно одела дочку, закутала ее и себя в шерстяной плед. Учеба, готовка, сказки, игры, вязание сменяли друг друга до самого вечера.

Марике уже надоели волшебные сказки. Ее интересуют истории о короле Матгяше и древнегреческие легенды. У нее заблестели глаза, она тесно прильнула ко мне, прижалась к моей руке, когда я начала рассказывать ей о Троянской войне.

– Ух, это интересно! Дальше, дальше! – возбужденно просила Марика.

И я рассказала ей о хитроумном Одиссе, который плыл домой, преодолевая многочисленные препятствия. Марике уже был знаком одноглазый великан. Навсикая и Пенелопа сильно овладели ее детским воображением, она непрестанно спрашивала о них.

Важнейшие ценности жизни, борьба, стойкость, молодость, любви и верность, стали доступными для восьмилетнего ребенка.

10 мая

Мы опять спали до девяти. Хороша эта тишина, мы смогли отдохнуть.

Моего ребенка занимали вопросы, почему Земля имеет форму шара, как это было доказано, и как Земля вращается вокруг Солнца. Вот, пожалуйста, теперь мне надо было рассказать историко-культурную “сказку”, настала пора поведать дочке о Колумбе, Магеллане, Копернике и Галилее. Я иллюстрировала рассказ яблоком и маленькой редиской. Марика держала яблоко, оно было Солнцем, а маленькая редиска – Землей, с ее помощью я показала двойное вращение Земли вокруг собственной оси и вокруг Солнца, чтобы Марика ясно поняла содержание этих понятий.

Интересовалась она и происхождением христианства, личностью Иисуса Христа. Речь зашла об императоре Августе, о переписи населения, о Марии и Иосифе, о необычном рождении, о яслях, о звезде Давида, о волхвах с Востока, об Ироде, о бегстве в Египт, о введении в иерусалимский храм, о проповеди, о воде Иордана, о чудесах, об осанне, о Пилате, об Елеонской горе, об Иуде, о Петре и о Голгофе.

Как много вопросов она задает! И каких! Ей удалось смутить меня вопросом о причине и исполнении распятия. Как рассказать ей о проколотых гвоздями руках и ногах, о страдании, когда она, бедняжка, знает все это лучше меня. Я попробовал перевести разговор на другую тему и снова начала рассказывать о древнегреческой мифологии.

13 мая

Сегодняшняя тема для разговоров – взрыв четвертого реактора в Чернобыле, рядом с Киевом. Три человека погибли, восемнадцать тяжело ранены, сто пятьдесят человек доставлены в больницу, в Москву. Ветер понес радиоактивное загрязнение на запад, от него пострадала и Венгрия. Эту новость принесла Магди Ковач.

С тех пор как Жанна с дочкой уехали, я не включала радио.

Марика получила письмо от отца, который написал длинное письмо и мне.

14 мая

Мрачное небо, высокая влажность, 86 процентов, необычное атмосферное давление, а у меня подавленное настроение.

Я потеряла кошелек, сама не знаю где. В нем было двадцать рублей и ключ от квартиры. Сначала я подумала, что его взяла Марика, чтобы пожить мелочью, но нет. Сберкасса была уже открыта и я сняла деньги с книжки. Потом купила на рынке лимон и отдала половину Риме. Жанна оставила ее на меня. Но я не готовлю ей, она ест больничную еду. Рано или поздно все привыкают к ней. У овощного магазина стояла длинная очередь, мне не хотелось терять полтора часа ради кочана старой капусты. Я забрала новые очки для Марики и заказала еще одни для себя. Всего я заплатила за них пять рублей, в Венгрии они стоили бы в шесть раз дороже. Это до некоторой степени заставило меня забыть об утренней неприятности.

Я вернулась к Марике, она обрадовалась новым очкам. В больничном холодильнике у нас осталось еще немного еды, я подогрела ее на плитке. Потом мы много занимались. Весь день я гадала, сумеет ли умелец Володя открыть мне дверь. Но его не было дома. Мне помог муж Райсы Симоновны, он вскрыл дверь и поставил новый замок.

Поздно вечером М. С. Горбачев по телевидению говорил о людях, погибших в результате взрыва в Чернобыле. Он выступал с чувством ответственности, глубокого соболезнования и сострадания. Почти плакал.

15 мая

Сегодня я опять провела весь день в больнице. Нас поджигает план прохождения учебного материала, мы отстали из-за операций и перенесенной Марикой боли. Теперь нужно воспользоваться периодом спокойствия, потому что он скоро закончится.

Сегодня дети рисовали и делали игрушки под руководством Иды Ивановны. Лучшие работы будут посланы в Болгарию, на международную выставку. Вместе с другими старательно работала и Марика.

Позвонила Жанна, пролежавшая две недели дома с воспалением легких. Она пообещала приехать в Курган в конце месяца и удивилась, что мать Римы еще не вернулась.

Во второй половине дня, когда я вязала, поджидая Марику из школы, ко мне подошла женщина, чтобы взглянуть на мою работу. Она привезла на лечение сына из Чехословакии, знала, что я венгерка, и была знакома с моей дочкой. Я удивилась, когда она рассказала, что в выходящей у них газете “Экспресс” был напечатан рассказывающий о нас материал “Отрывки из писем”, первоначально опубликованный в номере журнала “Уй тьюкёр” от 22 июля 1984 г. Она попросила меня помочь ее соотечественнице найти комнату.

– К сожалению, я не могу в этом помочь, у меня нет времени. Для этого нужно везение, много времени и денег. Нужно ходить из дома в дом и интересоваться, где есть съемная комната. Цена колеблется от сорока до восьмидесяти рублей.

16 мая

Небо рыдает уже третий день, все льет и льет дождь. Мои резиновые сапоги стали настоящим сокровищем.

Уже несколько недель не могу достать огурцов. Безнадежная ситуация. Пока я бегу туда, где их продают, они уже кончаются. Бегаю туда-сюда, стою в очередях под дождем, но все напрасно. Быть может, достану перед “Сибирью” щавель. Но и его нет. Весенняя нехватка витаминов. Чем ее смягчить? Что дать ребенку? Мне удалось купить за шестьдесят копеек пучок редиски. Весь пучок был размером с горсть, плоды были маленькие как черешни. Марика будет рада.

Под проливным дождем я отнесла домой посуду, молоко и хлеб по ухабистой, покрытой лужами улице Кузнецова, заставившей меня вспомнить отвратительную грязь Бодрогкёза. Я вернулась к овощному магазину, но огурцов по прежнему еще не было. Четыре часа дня.

По окончании уроков я собрала вещи дочки, собираясь взять ее с собой в общежитие на конец недели. Из-за проливного дождя нельзя было заказать такси.

– Как же я отвезу тебя домой, дочка? Ну ничего, как-нибудь получится! Люди добры, помощь всегда найдется.

В общежитие нас отвез пенсионер, который после отъезда Жанны поступил работать в больничную школу учителем физики. Это был инвалид, пожилой мужчина, на котором во многих местах виднелись следы войны – шрам на голове, вмятина от выстрела, ранения на левой ноге и правой руке.

В общежитии было холодно, не было света. Я не смогла включить маленький радиатор. Оставалось одеяло.

Я уже в третий раз сегодня вернулась за огурцами, но их не было.

17 мая

В восемь часов утра открылся находившийся неподалеку от нас овощной магазин. Я без всякой очереди купила три кило огурцов. Редкий случай, но так вышло. Если придет Жанна с дочерью, у нас будут огурцы. К большому удивлению Марики через полчаса я уже было дома.

Вскоре появилось электричество. Раиса Симоновна дала мне обогреватель-тарелку, с помощью которого мне удалось прогреть нашу комнату. Так я два года обогревала съемную и четыре года временную комнату.

Во второй половине дня тоже безутешно лил дождь. Я хотела отвести Марику в музей, чтобы она посмотрела выставку иллюстраций к сказкам и детских игрушек. Из этого ничего не вышло. У нас получился литературный вечер, я рассказала Марике новеллу “Пропавший барашек”.

– А теперь твоя очередь, ты, шельма! Ты будешь читать мне и к тому же по-русски! Отрывок из “Евгения Онегина” из вашего учебника.

Она прочитала хорошо, без запинок.

– Ого-го! Еще нужно перевести!

Марика рассказала, что зима запаздывала, снег выпал только в ночь на третье января и замел весь двор. Она переводила мне строку за строкой и узнавала новые слова – забор, куртины, кровли.

18 мая

В первой половине дня было еще пасмурно, накрапывал дождь, однако сильный северо-западный ветер разорвал и смел серую пелену неба. Из-за обрывков облаков все чаще и веселее сыпались лучи солнца. Мы пошли в музей.

Марике понравились иллюстрации к сказкам. Из игрушек она разглядывала текстильные куклы Молосновой и художественные соломенные фигуры Гловацкой.

Но больше всего нас заинтересовали два портрета. Там был похожий на оригинал скульптурный портрет хорошо знакомого лица “Профессор Гавриил Илизаров” вылепленный лауреатом Ленинской премии Черновым. Изображение точно отражало наиболее характерные черты профессора – спокойствие на лице, пристальное внимание и одержимость в устремленных вдаль глазах. Портрет художника Морозова был сильно идеализированным. Гавриил Абрамович казался на нем гораздо более молодым.

Здесь можно увидеть много интересного, полдня не хватит, нужно будет придти сюда еще раз. Больная нога быстро устала, нужно было отправляться домой.

В последние дни я была недовольна аппетитом Марики. Быть может, фасолевый суп придется ей по вкусу, думала я. Женщины в общежитии с любопытством пробовали мою стряпню. Анна Ефимовна решила сварить такой же суп. В обмен на стакан фасоли она дала мне кавказские вишни и земляничный джем. Я испекла блины, получилось вкусно. Марика ела с аппетитом.

20 мая

Сегодня Марике сделали рентген руки и ноги. Я спросила у доктора Александра Петровича Кириенко, когда будет операция. Он сказал, что профессор осмотрит девочку, а главврач Шагланов поставит ее на очередь на операцию. Будем ждать.

От бабушки снова пришла открытка. Они уже с большим нетерпением ждут нашего возвращения.

Марика снова получила три пятерки. Сегодня с детьми занималась пожилая учительница Надежда Михайловна, дочка очень любит ее. Надежда Михайловна – настоящий педагог, она отлично обращается с маленькими детьми, относится к ним со строгостью, пронизанной любовью. Для меня большая радость, что именно она учила моего ребенка. Надеюсь, Марика не забудет, благодаря кому она любила русский язык.

Вечером по отделению разнеслась новость, что профессор осмотрит детей. В десять часов он появился в сопровождении группы врачей. Я подхватила на руки дремавшую Марику и побежала с ней в перевязочную. Марика вышла в половине двенадцатого, ее маленькая подружка, Олечка, преданно ждала ее перед дверью.

Я сердилась, не понимая, почему сначала осмотрели подростков, а детей поменьше оставили напоследок, и почему дети из капиталистических стран пользуются преимуществом перед остальными.

В эти дни солнце садится после десяти, а после одиннадцати начинается темнота. В полночь я шагала домой. Воздух был чист, слабый ветерок приносил аромат цветов, сияющая луна освещала дорогу. Была очаровательная, опьянительная ночь. Я долго не могла заснуть.

22 мая

Сегодня мы читали рассказ Ференца Мора⁶⁷ “Ласточкина школа”. Марика хихикала, прочитав, что аистенку тоже нужно учиться, и мама-аист давала нерасторопному сыну затычины. Она много смеялась когда ей нужно было нарисовать в тетради тех зверей, которые больше всего понравились ей в книге для чтения. Было решено выбрать льва и собачку из сказки Льва Толстого. Но как их нарисовать? Собачка никак не получалась, вместо нее выходили то поросенок, то кошка. Марика буквально валялась от смеха, пока ее мама не дала ей затычину.

Я узнала, что на этой неделе операции еще не будет. Сначала я подумала, что в расписание операций не попала только Марика, но нет, все операции были перенесены на следующую неделю. Ну, не беда, этот конец недели мы еще проведем вместе!

Во второй половине дня я пошла в Дом-музей декабристов, находившийся в старом здании около ЦУМ-а. Мне хотелось посмотреть еще и еще, я выпитывала в себя увиденное, получив огромное впечатление.

Вечером я устроила генеральную уборку, вынесла все в коридор и выбила внизу одеяла. Работа затянулась, пришлось все время обходить любопытствующих детей.

23 мая

В первой половине дня, когда я занималась с Марикой, меня позвали к телефону. Звонил муж Жанны, который попросил меня встретить на аэродроме Жанну с Ренатой, они прилетают тогда-то и тогда-то. Я и представить себе не могла, что могло случиться, из-за чего им пришлось так неожиданно вернуться в Курган. У Ренаты воспалились раны на пятке, Жанна испугалась, немедленно собрала вещи и с дочерью отправилась в путь. Они поспешили прямо в больницу. Мне пришлось возиться с их чемоданами.

Ренату и Жанну постигло большое разочарование, потому что кровать Ренаты заняла девочка, которая не хотела возвращаться на прежнее место. Из-за этого Рената получила место в другой палате. Чувствительнее всего их затронуло поведение Римы, которая сдружилась с этой девочкой. Жанна плакала. Сколько она ухаживала за Римой, тратилась, стирала на нее, готовила ей еду, а теперь она ответила такой неблагодарностью. Иногда даже Рената ревновала мать, считая, что та больше занимается Римой, чем ей. Прошло три недели – и всему настал конец. Ни благодарности, ни угрызений совести. Только сиюминутный интерес. Время от време-

ни я предупреждала Жанну, предостерегала ее от этой связи. А потом бросила, пусть поймет сама. Знание людей вырабатывается разочарованиями. Мне Нуха надоела уже тогда, когда она под Рождество добилась удаления Марики от Ренаты из-за ее плача. Бедная Жанна, как она верила Нухе, как ждала каждый день, что та вернется!

Вечером, попивая чай в общежитии, мы разговаривали о дружбе. На вопрос Жанны – Кто твой друг? – я ответила нашей замечательной пословицей – “Друг познается в беде”.

– Этого еще не достаточно, если кто-то поможет тебе в беде. Друг остается другом и тогда, когда ты начинаешь жить лучше или лучше него. – И Жанна процитировала соответствующие строки из стихотворения одной поэтессы.

Я долго думала об этом. Знаю, что за последние месяцы и сегодня наша дружба стала такой же тесной, какой бывает глубокая связь между фронтовиками, соратниками в окопах. Теперь я поняла дружбу между Виленом и Петером.

24 мая

Сегодня мы с Марикой ходили в гости. В первой половине дня к Борису, к ним вернулась Инесса из Челябинска, а после обеда мы поздравили с днем рождения Таню у Бородиных. Катюша выросла, она красиво ходит, ничто не напоминает о ее прежней проблеме. Они с Марикой и на этот раз так же самозабвенно погрузились в игру, как и в прошлом, когда были совсем маленькими. Таня счастлива, ждет второго ребенка. Они даже уже получили квартиру. Дружелюбные, хорошие люди, у них сохранилось что-то от атмосферы старых патриархальных русских семей.

26 мая

Я рано пришла к Марике. Она очень обрадовалась письму Гигике, которое та написала ей перед отъездом домой.

В десять часов дочке сделали укол и отвезли наверх, в операционную. Трудно описать то беспокойное состояние, в котором находится мать в течение долгих, праздных часов, пока оперируют ее ребенка. Наверху было четыре ребенка – сын женщины из Словакии, Рима, Лена и Марика. Иногда до нас доходили новости из операционной. Там начнут с более тяжелых случаев, Марика осталась напоследок, поэтому я смогла сбежать на почту за посылкой, Вилен прислал коробку апельсинов на послеоперационные дни.

Я беспокойно, с тревогой ждала Марик. Сегодня профессор отделит ей указательный палец. Уже ушла домой дежурившая днем медсестра Света, ее сменила ночная медсестра, красивая казашка Роза. У меня не было терпения ни для чтения,

⁶⁷ Ференц Мора (1879–1934) – венгерский писатель и журналист, музеолог.

ни для вязания, мы с Жанной просто безмолвно сидели в классной комнате первоклассников, смотрели быстрый бег секундной стрелки, замечательную игру цветов во время заката, сияющие в золотистом свете цветущие дикie яблони и кусты, пышно зеленеющий, свежий весенний сад, желтеющие в траве головки одуванчиков.

В девять часов медсестры Роза и Алфира привезли Марику из операционной. Ее соседка Олечка весь день ждала этой минуты. Дочка сидела на каталке с широко раскрытыми глазами, но ее взгляд терялся в пустоте. Ее левая рука была обмотана толстым слоем бинтов, виднелись кровавые кончики пальцев. Марика обняла меня за шею, она показалась мне легкой как пух, и я осторожно уложила ее на кровать. Медсестра Роза померила ей пульс, давление и температуру, градусник показывал 37, 4. Потом пришел главврач Игорь и отослал меня домой, но я осталась. Позже недавно оперированных больных осмотрел ночной дежурный врач. В одиннадцать часов медсестра Роза сделала Марике укол “Гепарина”.

Когда стемнело, я постелила себе на разложенном на полу матрасе. На меня чуть не скатилась маленькая Ольга, я положила ее обратно на кровать и накрыла одеялом. Потом Марика начала стонать от боли в руке и попросила пить. В четыре часа Роза снова сделала укол. Марика еще была в забытьи и заснула, меня тоже сморил сон. Забрестило утро, в коридоре началось движение, в 7 часов пришла ассистентка из лаборатории и взяла у дочки кровь из пальца, в 8 часов Марике снова сделали укол, а потом настало время утреннего обхода. Доктор Тамара с радостью сообщила, что Марикина операция удалась, резал и сшивал сам Илизаров, так что наверное все будет хорошо.

Начали появляться родители с завтраком, пришла и Жанна.

Главврач Игорь Александрович снял с ноги Ренаты аппарат.

Я получила школьный табель Марики. 4 по русскому языку, пять по чтению, 5 по математике, 5 по природоведению, 5 по рисованию. Сбылась ее мечта, она стала лучшей ученицей в здешнем втором классе. В этой школе ей удалось добиться этого. Как-то ее встретят на родине?

Вечером Марику навестили дети из палат нашего коридора и венгерские мамы.

Профессор Илизаров и сегодня вечером сделал обход в нашем отделении.

29 мая

Потепление не наступало. Дул сильный ветер, который сорвал лепестки с деревьев. Утром пришлось надеть пальто. Жанна не послушала меня и вышла на улицу в сандалях. Я боялась, что она снова простудится.

В эти дни было особенно хорошо видно, какая у Жанны большая душа. Даже после всего случившегося она продолжала ухаживать за Римой. Я восхищалась ее человечностью и честностью. Правда, часто она посылала меня посмотреть, что с

Римой, что она просит. Жанна по-прежнему надеялась, что через несколько дней придет Нуха. Мы поспорили уже во второй раз, и я опять выиграла бутылку шампанского.

– Не понимаю, – сказала Жанна с недоумением, – как может мать не чувствовать, что она нужна ребенку? Теперь, когда Рима лежит после операции с температурой 38 градусов, я не могу оставить ее одну, как бы ни сердилась на нее. Совесть не дала бы мне покоя.

Жанна стирает, готовит для нее еду, прибирает за ней, но уже без прежней охоты.

30 мая

В первой половине дня Игорь Александрович собрал родителей и объявил, что время нашего пребывания в больнице будет упорядочено. У нас отобрали старые пропуска и выдали новые. Теперь мы сможем навещать детей с 08.30 до 10.00 утра, с 13 до 14 часов дня и с 17.30 до 19.30 вечера. Эта строгая мера облегчит положение работников больницы. В ней будет спокойнее и чище. Родителям будет хуже в том смысле, что каждый их день будет раздроблен на части, много времени у них будет уходить на поездки туда-обратно по шесть раз в день. Детям отчасти будет хуже, у них не будет постоянной помощи родителей. Зато они получают больше самостоятельности.

Сегодня я заказала телефонный разговор с Будапештом. Главврач Игорь Александрович разрешил нам позвонить из кабинета главной медсестры, чтобы поздравить Петера с сорок пятым днем рождения и дать возможность Марике поговорить с отцом. Дочка не помнила себя от радости, что слышит голос отца, совершенно растерялась, так что пришлось подсказывать ей, что нужно говорить. Петер обрадовался нам и хорошим новостям о нашей дочери, но вскоре перешел на печальную тему, Петер сообщил, что Бёжике умерла, сегодня состоятся похороны.

Марика начала спрашивать, дергала меня за халат, чтобы я объяснила причину моих вздохов. Ей удалось угадать, что произошло, но она не решалась сказать это вслух. Я отвела ее на наше любимое место, в классную комнату первоклассников. Она сидела у меня на коленях, обняв меня за шею, я целовала ее, мы обе плакали. Остановилось сердце, мотор нашей семьи, умер человек, который больше всех помогал нам с момента рождения Марики, который с любовью заботился, ласкал и воспитывал эту малышку, когда я работала.

– Кто теперь будет играть со мной на острове Маргит? Кто будет утешать, если мне станет грустно? Кто будет брать меня на колени? Кто будет водить в кино? Кто будет покупать мне мороженое? Ох, как жалко, что ее больше нет! – горько всхлипывала Марика.

Я ушла только после обеда, не желая оставить в одиночестве рыдающего ребенка, который хватался за меня, потеряв близкого, любимого человека. Во второй половине дня Марика, съжившись, грустно лежала на кровати, пока не уснула себя собственным плачем. Ее разбудила укол Галина Георгиевна. Вечером Марика опять безмолвно смотрела на меня грустными, блестящими глазами.

О, безжалостная смерть, почему ты отбираешь у нас любимых людей?

1 июня

Беспросветно лил дождь. Я рано пришла к Марике. Воспитательница Ида Ивановна будила детей. Сегодня, в международный день защиты детей, нас в половине десятого отвезли на автобусе в Городской детский театр. Кемеровская труппа показала там спектакль “Все мыши любят сыр”. Дети много смеялись и немного отвлеклись от больничной жизни.

Во второй половине дня мы с Жанной сходили в Дом-музей декабристов.

2 июня

Вернувшись вечером в больницу, мы с Жанной узнали, что Илизаров осмотрел детей из нашего отделения. Он дал распоряжения и советы относительно лечения ран у Ренаты, у Марики все было в порядке. Ей сменили окровавленные бинты. Мы также узнали у доктора Тамары, что Гавриил Абрамович был в необыкновенно хорошем настроении, болтал с детьми. Марика тоже набралась храбрости и попросила его так же хорошо разделить ей и остальные пальцы. Профессор погладил ее по голове и пообещал. Завтра доктор вынет одну спицу из аппарата, стоящего у Марики на голени, натяжение будет ослаблено, а скоро снимут и весь аппарат.

6 июня

Марика бледна, печальна, у нее нет аппетита, ее утомило множество уколов, ради которых ее даже будили ночью. Их будут делать еще два дня. Чтобы я ни спрашивала у дочки – чего ей хочется, что ей приготовить, она всегда отвечала только одно:

– Хочу домой, в Будапешт!

Еще несколько недель, и ее желание исполнится. А пока надо потерпеть.

Мы с Жанной сходили в кино на югославскую комедию. Основа ее сюжета позаимствована из романа Казандзакиса “Страсти по-гречески”, только в фильме она переделана в более современную и комичную историю. Мы много смеялись, особенно над фигурой жадного до наслаждения священника Макария.

Сегодня день поэзии, страна отмечает день рождения Пушкина. Завтра в Кургане пройдут литературные мероприятия, местные писатели и поэты встретятся с читателями. Было бы хорошо пойти и послушать их.

Семья Раисы Симоновны переселилась в новую квартиру.

8 июня

Мы с Жанной провели день дома, в полдень не пошли в больницу. С 11 до 4 часов мы шили Марике юбочку и заштопали прорехи на одежде. Соседняя супружеская пара уступила нам свою комнату вместе со швейной машинкой. С красивой Галей нас сдружило вязание, ее муж Володя – мастер на все руки, их дочка, Танечка, – здешняя подруга Марики, а их сын, Алеша, – мой любимец. Он родился, когда мы в первый раз были на лечении в Кургане, сейчас ему четыре года. Прелестный, светловолосый мальчуган с удивленными голубыми глазами, о таких сыновьях мечтают беременные женщины. Галя с мужем увезли детей в деревню к бабушке с дедушкой. По вечерам мне будет не хватать жеребчачей беготни Алеша по коридору и звуков, которые он издавал, подражая треску мотоцикла.

Юбка для Марики была готова, это развеселило девочку. Наконец-то я увидела на ее лице улыбку.

Вечером мы слушали по радио новости. Горбачев прибыл в Будапешт. Я с интересом жду дальнейших новостей об этом визите.

По телевидению передавали интересную передачу о литературном вечере, состоявшемся в Доме Союзов. Со вступительной речью выступил писатель Чингиз Айтматов, потом современные поэты прочитали свои стихи о Пушкине. Больше всего понравилась подборка стихотворений Пушкина – “К Чаадаеву”, “Вновь я посетил...”, “Заклинание”, романс Глинки на стихотворение Пушкина и несколько романсов в исполнении Шаляпина. Сюрпризом были приветственные слова, произнесенные в конце вечера правнуком поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным. Мы смотрели эту передачу и не пошли на городское мероприятие.

10 июня

Мы слушали новости о будапештском совещании руководителей социалистических стран.

Марика лучше выглядит, у нее начал улучшаться аппетит. Мы немного позанимались венгерской грамматикой.

Жанна с Римой поехали на аэродром встречать Нуху. Вместо половины второго самолет из Москвы прилетел в половине шестого. Нуха провела вечер у нас. Жанна угостила ее приготовленным мной куриным паприкашем с галушками, зная, что

она целый день ничего не ела. Мы жалели Нуху. Ей не дали визы, поэтому она не смогла приехать раньше. Непросто въехать в эту страну. Дома, в Абу-Даби, у нее трое маленьких детей и больной муж, которого ждет операция на сердце в США, а здесь ее ждет Рима. Нухе негде жить, ее прежнюю комнату сдали итальянке. В Кувейте Нуха купила за большие деньги десять кило свежих фруктов и овощей, которые у нее отобрали в Шереметьево. Она хотела порадовать детей. В Москве ей удалось купить немного свежих овощей, шпинат, тыкву, помидоры. Она попросила нас позволить ей пожить у нас, пока ей не удастся найти комнату, и приготовила арабское блюдо, которое понравилось Марике, поэтому опишу его приготовление. Сначала нужно обжарить репчатый лук, добавить к нему порезанное мясо и чеснок и тушить в небольшом количестве воды, пока мясо не станет мягким. Затем нужно добавить порезанную мелкими дольками или кубиками тыкву и несколько помидоров. Когда приготавливаемая еда размягчится, ее нужно посыпать укропом. На гарнир можно сварить рис, тархоню или кускус.

Вечером позвонил Вилен и спросил, когда мы планируем ехать домой.

11 июня

Жанна бегала по магазинам, чтобы купить Нухе мясо. Для нас Галя принесла из заводского буфета хорошую курятину. Нухе тоже понадобилась курятина, и Жанна пообещала сходить с ней в заводской магазин.

Сегодня на четыре часа дня намечено начало концерта в зале для конференций. В половине четвертого главная медсестра больницы перекрыла дорогу к залу, пропускали только людей без аппаратов, которые заплатили за вход. Пациенты больницы и их родственники терпеливо ждали. В конце концов нас тоже пропустили, причем бесплатно. Марика подумала, что ей не удастся посмотреть концерт. Выступал ансамбль из нескольких молодых людей, пели три певца в сопровождении музыкантов. Наибольшим успехом пользовался болгарский певец Иван Пусков. Он действительно пел лучше других, в его песнях говорилось о любви, о группе “Битлз” и о шоколаде. Секрет его успеха таился не только в прекрасном голосе. Все знали, что он отец-одиночка, жена оставила его, и на его долю выпало лечение и воспитание маленького сына с больными ногами. Певец часто ездит в турне, чтобы собрать деньги на жизнь себе и сыну.

12 июня

Сегодня я была у врача. Жанна с любопытством ждала меня, не зная, где я так сильно задержалась. Марика в отчаянии прижалась ко мне и допытывалась, что со

мною. Она боялась, что я умру как Бёжике, и тогда что же будет с ней. Таков инстинкт ребенка.

13 июня

Со всех собрали по два рубля, чтобы купить цветы по случаю Дня медицинского работника. Здесь непросто купить цветы. Одна из матерей уже в половине восьмого встала в очередь перед цветочным магазином на главной площади и ждала до десяти, когда магазин открылся. Тем временем к ней подошли и другие мамы, вместе им удалось купить десять букетов. К счастью, сегодня привезли красивые цветы, в каждом букете по три цветка, хочешь – бери, не хочешь – не бери, других все равно не будет.

Незадолго до обеда дети с цветами и тортом в руках собрались около врачебного кабинета, чтобы поздравить главврача Игоря, врачей Сашу, Алешу и Тамару и медсестер, тетю Галю, Свету, Розу и Альбину, которые работают в нашем отделении. Среди празднующих детей не было только Марики. Она плакала в перевязочной, потому что перед поздравлением врачей доктор Тамара сняла ей швы на руке, вынула спицу из ноги, после чего перевязочная медсестра очищала ей раны. Я очень жалела бедного ребенка. Но в виде утешения доктор отпустила ее со мной. С половины пятого до восьми Марика спала от утомления. Потом мы поиграли, почитали сказки, и она снова заснула рядом со мной.

14 июня

Марика спала до десяти. Бедный ребенок сильно устал. Я провела с ней весь день в общепитии. Утром мы с Жанной собирались на цыпочках, чтобы не разбудить девочку. Я была рада, что она смогла спокойно поспать.

Днем Марика приставала ко мне с намерением связать крючком шляпку для куклы Барби. Она намотала нити на толсто забинтованную левую руку и взяла в правую руку вязальный крючок. Ей удалось протянуть нить через несколько петель, а потом я продолжала работу. Было приятно видеть старание, настойчивость и усердие дочки. Кроме шляпки, мы связали блузочку и юбку, сегодня Барби обзавелась новой одеждой. Дочь играет в куклы, это большая радость для меня.

Жанна дала Марике атлас. Марике надоело одевать куклу, она стала изучать атлас. Ей удалось найти все, что она хотела, Москву, Курган, Краснодар, Будапешт, Абу-Даби. Она не уставала смотреть карты и так много спрашивала, что я едва успевала отвечать.

15 июня

Лето никак не наступит. Небо беспросветно пасмурное, все льет и льет дождь. К дождю прибавился холодный ветер. Рано утром Жанна ушла в очередь перед цветочным магазином. Она попросила и меня прийти туда к половине десятого, чтобы мы смогли купить два букета. Всем дают только по одному букету.

Я быстро приготовила завтрак, побежала к детям, накормила их и поспешила к 8-му автобусу. К тому времени, когда я подъехала к площади, Жанна уже купила букет роз. Все букеты разошлись за десять минут, хотя сегодня они были не такими красивыми, как в прошлый раз. Под проливным дождем мы обошли центральную площадь в поисках женщины, продающей цветы. В конце концов мы нашли цветочницу у входа в городской парк. Она продавала розы по три с половиной рубля за штуку, это были свежие цветы с длинными стеблями и прекрасными головками. Мы связали красивый букет и побежали, чтобы к одиннадцати успеть в больницу. Но когда мы приехали, двери коридоров, ведущих к Илизарову, уже были закрыты, пришлось ждать окончания проходивших у него совещаний. Тогда две девочки поздравили Гавриила Абрамовича с 65-летним днем рождения. Марика начала, а Рената продолжила. Илизаров был рад этой чуткости, любви детей и красивым цветам.

17 июня

Сегодня утром главная медсестра снова проверила пропуска. Многим мамам пришлось ждать, потому что их не пропустили.

Мы с Жанной договорились, что сегодня в полдень она покормит детей обедом. Она хотела обязательно поговорить с профессором Илизаровым о том, как лечить дальше раны Ренаты, и когда им можно будет уехать домой. Доктор Тамара пообещала мне спросить, когда можно будет снять с Марики аппарат, и когда мы сможем отправиться в Венгрию.

Я отнесла в стирку грязное постельное белье, постояла в очереди за огурцами и капустой, сделала уборку и приготовила еду. Жанна не пришла домой, я напрасно ждала ее. В пять часов я отправилась в больницу с ужином, но не нашла ни Марику, ни Ренату, ни Жанну. Выяснилось, что они с обеда ждут перед кабинетом. Я покричала наверх из зимнего сада, это наш своеобразный “домашний телефон”. Жанна попросила главврача Игоря впустить меня в коридор, чтобы я покормила детей. Там ждало много мам со своими детьми. У Илизарова находились Шевцов и Шагланов. В половине восьмого очередь еще не дошла до больных. Мой пропуск был действителен только до этого времени, больше я не могла ждать, пришлось уйти.

В общежитии я продолжила начатую днем работу, глаженье и стирку, и все с большим нетерпением ждала Жанну. Позвонил ее старший брат из Новосибирска, но я не смогла сказать ему ничего конкретного.

Жанна вернулась в общежитие в час ночи, усталая, подавленная и голодная. Она рассказала, что Марику позвали в кабинет в десять вечера, а Ренату профессор осмотрел после полуночи. Остальное доктор расскажет завтра.

18 июня

Утром доктор Тамара сообщила, что сегодня она снимет с Марики аппарат. Я настоятельно попросила дочку, чтобы после этого она мирно сидела на кровати, ходила в туалет только на костылях, на одной ноге, и вела себя осторожно, чтобы не упасть.

Вечером я узнала, что произошло вчера. После обеда, когда я уже ушла, доктор позвала Марику в кабинет, ослабила винты и быстрым движением вытащила спицы. Все это длилось 15-20 минут. Марика безропотно терпела и заплакала только тогда, когда доктор вытащила спицу из пятки. Медсестра Альбина наложила ей на ногу повязку и на руках отнесла девочку на кровать. Соседи по палате радовались и поздравили Марику. Потом пришла медсестра Галя, взяла ее на руки и отнесла на рентген. Там ей сделали снимок голени и стопы.

Нога получилась отлично, она почти такая же, как и здоровая, только немного потоньше. Прошла моя вчерашняя досада на долгое ожидание. Я снова чувствовала огромную благодарность к профессору Илизарову.

19 июня

Погода сошла с ума. Я еще нигде не видела, чтобы дождь и солнце сменяли друг друга пять раз в день.

Когда в первой половине дня мы с Жанной ехали на автобусе в город, тысячами лучами светило солнце, и мы думали, что настало лето. Когда через час мы ехали обратно, небо было покрыто огромными темными облаками, гремел гром, сильно трещали и искрились блестящие зигзаги молний. Летний дождь лил как из ведра. В моментально появившихся и разбухавших ручейках, струившихся по мостовой, бежали и лопались маленькие пузырьки. Автобусные остановки были до отказа забиты людьми, все надеялись протиснуться в редко подходившие, набитые как банки с сардинами автобусы. Многие совершенно промокли и дрожали от холода в пропитанной влагой одежде.

Сумасшедшая погода сказалась на нервах моего ребенка, Марика заволновалась и закапризничала. К тому же ночью она не выспалась. Вечером было светло, и дети

долго веселились. Мне пришлось ждать, когда освободится ванная, чтобы помыть Марику голову. В результате в половине восьмого я еще не спустилась к выходу, а прибыв туда десятью минутами позже, не нашла там своего пропуска. Его забрала чрезмерно усердная медсестра, заменявшая главную медсестру. Я очень раздосадовалась. Здесь у меня и без того хватает забот, а тут еще новое беспокойство.

20 июня

Утром я зашла к главной медсестре больницы за пропуском, но она не отдала его, потому что у меня уже было одно замечание.

– Как хорошо было бы, если бы здесь все проверяли и соблюдали с такой же точностью и строгостью, как время пребывания матерей, – сказала я уходя.

В полдень я как ни в чем не бывало отнесла нашим детям обед, сказав вахтерше, что мой пропуск у главной медсестры.

Позже я заказала такси и отвезла Марику в общежитие, чтобы она смогла хорошо выспаться.

Пришло письмо от дедушки, который рассказал о смерти Бёжике.

21 июня

Сегодня в Кургане наступила настоящая, знойная лето. Над землей плавали, кружились ватные хлопья, ветер подхватывал и разбрасывал эти летние снежинки, осыпаящийся пух тополей.

Мы с Марикой пошли в гости, нас с прощальным визитом ждала семья Бориса. Наше прибытие было встречено со всеобщей радостью. Нет аппарата, прошло восемь трудных месяцев, наше долгое пребывание здесь принесло результат, скоро можно будет отправляться домой.

У Бориса жила родственница, Таня, со старшим сыном. Илизаров выпрямил ему нижнюю часть руки, они находятся в Кургане четыре месяца и не знают, сколько еще придется пробыть здесь. Таня от всего сердца радовалась тому, что Марику вылечили ногу, втайне надеясь, что так же успешно удастся вылечить и руку ее сына.

Вторая половина дня прошла в уютной домашней атмосфере, мы беседовали, сидя вокруг красиво накрытого стола, уставленного множеством вкусной еды. Софья баловала Марику.

Борис и его семья обеспечивают мне чувство безопасности, я знаю, что всегда могу рассчитывать на них, в любое время прийти к ним, благодаря им мы чувствуем семейную обстановку даже вдали от родины. И эта далекая земля уже не чужая

для нас. Эта огромная страна приняла нас, друзья берегут нас, помогают нам и любят нас. Мы уже чувствуем себя здесь как дома.

23 июня

В половине десятого утра я сидела и вязала у входа в больницу, поджидая Илизарова. Он прибыл в десять.

– Гавриил Абрамович, – окликнула я его, – будьте любезны, посмотрите мою дочку! Вы сами сказали, чтобы я показала ее вам, когда с нее снимут аппарат. В конце недели мы хотели бы уехать домой.

– Хорошо, сегодня посмотрю. Сегодня меня ждет много дел. Позвоните через час!

Через час я попробовала позвонить, но напрасно, никто не брал трубку. Позже пытался позвонить главврач Игорь Александрович, но и ему не повезло. И поскольку он ночью дежурил, то ушел домой, так и не дозвонившись. Без него у меня уже было мало надежды попасть сегодня на прием к профессору.

Тогда я отправилась по своим делам. Десять дней назад, когда доктор Нестеренко проводила меня в онкологическое отделение, сам факт, что она не послала меня, а лично пошла со мной, укрепил меня в подозрении, что у меня что-то очень серьезное. На обратном пути доктор объяснила, что у меня за болезнь, но еще подала мне обманчивую надежду, что ее, быть может, удастся вылечить. Однако по ее голосу я почувствовала, что она просто утешает меня.

– Доктор, мне нужно знать правду, – посмотрела я на нее в отчаянии. – Ради Марики мне нужно прожить еще десять лет!

– Не расстраивайся, Мария, возвращайся за результатом туда, где мы сейчас были!

Но тогда я уже не видела дороги, сквозь радугу выступивших слез я видела размытую полосу света и теней, отбрасываемую на тротуар досками и щелями забора, я с болью вспомнила молодость, когда моя мечта, все, чего я ныне так безумно жажду, было еще в биологическом отношении достижимо. И в далеком прошлом мне представился тот момент, тот пункт, с которого моя судьба двинулась в этом направлении. Тогда решетки моста Эржибет так же отбрасывали полосу света и теней в ярком свете октябрьского солнца.

Сегодня я вернулась туда, куда меня провожала доктор Нестеренко. Врач был искренен и вежлив, глубоко сочувствовал мне.

– У вас больше не может быть детей. Когда вы вернетесь на родину, немедленно идите к врачу!

Мне сообщили, какая у меня болезнь и где именно ее очаг. Передо мной появились лица матери и двух младших братьев, которых она родила, когда ей было около сорока. И мне стало ясно, что дочка очень точно почувствовала все верным инс-

тинктом ребенка. Суровые курганские зимы и вызванные ими воспаления сделали свое дело.

В городе ужасная жара, особенно душно бывает по вечерам. Солнце до самого заката палит жгучими лучами. Повсюду летают крупные стаи комаров и мошек, приходится непрерывно хлопать себя по рукам и ногам.

Белые ночи. Тьма наступает после одиннадцати. Воздух недвижим, в комнате духота. Туда-сюда бегают армия тараканов. На ум приходят строки Радноти.

– Спишь, Жанночка?

Она не отвечала. Я накрыла ее и ждала, когда сон овладеет и мной. Не знаю, что здесь хуже: леденящая зима или знойное лето.

24 июня

Утром я спросила у главврача, что мне делать.

– Могу я заказывать билеты на самолет? И если да, то на какое число?

– Не знаю. Я не могу отпустить Марику без разрешения профессора. Не знаю, когда он сможет осмотреть ее. Сегодня он придет в больницу только около трех.

– Что же мне делать?

– Поступайте, как хотите.

Игорь Александрович развел руками и по-детски вздернул плечи.

Я пошла в кассу “Аэрофлота”, заказала билет в Москву на пятницу и попросила забронировать место на вечерний рейс авиакомпании “Малев” из Москвы в Будапешт. Завтра до восьми вечера я должна вернуться и узнать, удалось ли получить билет до Будапешта.

Я не пошла в больницу. Ждать в бездействии Илизарова утомительнее всего, утомительнее, чем копать, стирать, делать уборку или писать. В общежитии я постирала и приготовила еду, зная, что, если что-нибудь случится, Жанна позвонит мне. Около четырех она сообщила, что приехал Илизаров, может быть, нам удастся пробиться к нему, а заодно мне надо отвезти детям ужин. У меня были готовы соленые огурцы, а Жанна с дочкой уже полюбили мою запеченную слоями картошку. Я поспешила к ним.

Все старания и ожидание были напрасны. Сюда не только трудно приехать, не менее сложно и уехать.

Сегодня вечером я опять не смогла показать ребенка профессору. Он занимался больными, ждавшими операции, и срочными случаями.

25 июня

Утром Жанна позвонила домой. Ее расстроила новость, что ее мать очень больна, у нее высокое давление. Жанна побежала в общежитие, сложила вещи, заказала такси, с разрешения главврача забрала Ренату и вместе с ней отправилась в путь, чтобы во второй половине дня вылететь в Москву.

Я попросила женщину из Ленинграда, инженера Свету Фидахину, проводить Жанну на аэродром, потому что сегодня я не смогу поехать с ней. Света и Жанна – старые друзья. От Жанны я узнала, что когда Жанна с Ренаточкой впервые приехали в Курган, Света точно так же помогла ей освоиться здесь, как Жанна помогла мне. Поэтому я тоже полюбила Свету. Они уехали.

Я напрасно убеждала Жанну, что ее план нереален, и она не достанет билет на сегодняшний самолет. Перед ее глазами стояло лицо матери, ее мучила мысль, что она может не застать мать в живых, и была готова ради нее на все. Я понимала Жанну. Я тоже в такой же безумной спешке села на поезд, чтобы застать мать в живых после рождения Марики.

Жанне с Ренатой не удалось уехать, они не достали билетов и вернулись на такси в общежитие.

Сегодня в десять часов утра я опять ждала Илизарова у входа в больницу.

– Гавриил Абрамович, – упрасивала я, – если я сегодня не куплю билеты на самолет, то из-за приближающихся спортивных мероприятий мы сможем уехать домой только через месяц.

– Хорошо, я посмотрю вашу дочку. Позже.

– Вечер мне не подходит. В восемь часов закрываются кассы “Аэрофлота”. Завтра уже будет поздно. Когда вы сможете уделить нам несколько минут?

– Ну хорошо! Ждите меня, когда закончится научная конференция, между часом и половиной второго, потому что потом я начну оперировать.

Несколько часов мы терпеливо ждали в полном бездействии. Тысячи мыслей роились у меня в голове. Работали только мои мозговые извилины, рукой я обнимала Марику. Дисциплина крепко укоренилась в моем ребенке, это испытание характера. Нужно заставить себя сохранять спокойствие. Двенадцать часов. Участники научной конференции сделали перерыв, высыпали в коридор покурить. Тем временем в комнате секретарши, где мы ждали, начал звонить телефон. Многие спрашивали, когда будет профессор. В коридоре перед кабинетом собирались люди, больные, которые только что приехали, и пациенты, которые уже лежат в больнице. Все считали, что их дело важнее других. Каждому человеку его собственная проблема кажется самой важной. Около часа дня пришли врачи в белых халатах, с накрахмаленными белыми колпаками на головах и рентгеновскими снимками в руках, за ними следовали их больные. Каждый день на прием приходит столько желающих, что профессор не может принять всех. У него просто не хватает на это времени. Он пришел в два часа, пообедал. В половине третьего зазвонил

телефон, его попросили пройти в операционную. Тогда к нему спешно зашел Владимир Шевцов. Пять минут четвертого кабинет опустел, Илизаров поднялся в операционную.

В половине пятого он вернулся. Мы, множество собравшихся, терпеливо ждали его. К нему снова вошел Шевцов, потом другие руководящие работники больницы, заведующий административным отделом принес бумаги на подпись. Все знали, что сегодня Илизаров принимает в последний раз, завтра он улетает в Москву.

Без пятнадцати шесть. Мое терпение подходит к концу. У меня осталось еще два часа, если за это время я не вернусь в кассу “Аэрофлота”, то нам придется провести здесь без всякой надобности еще один месяц. Как раз тогда, когда лето будет самым беспощадным. До кассы сорок минут езды на автобусе, если его не придется ждать.

– Я войду в кабинет прямо сейчас, – сообщила я о своем решении нашему врачу, которая ждала вместе с нами.

– Не ходите, Мария, вас все равно вышлют оттуда, – попробовала успокоить меня Тамара Егорьевна.

– Спокойно жди меня здесь, пока я не вернусь за тобой, – сказала я дочке.

С бьющимся где-то в горле сердцем я смущенно стояла в кабинете перед профессором Илизаровым, в двух метрах от него. Он сидел за письменным столом, перед ним лежали ждущие подписи бумаги, письма и распоряжения, которые принес ему заведующий административным отделом. Стол обступили руководящие работники больницы.

Петр Борисович Шагланов, главный страж порядка в больнице, едва слышно сделал мне замечание:

– Что вы здесь делаете? Выйдите отсюда!

– Я не боюсь вас и не выйду. Мне нужно всего пять минут, чтобы профессор отпустил нас домой. Я уже третий день жду этого с утра до вечера.

Гавриил Абрамович поднял на меня взгляд, его зрачки блестели, на лице было заметно некоторое замешательство, быть может, он удивился моему молчанию. Потом он снова переключил внимание на лежащее перед ним море букв, давал женщине, занимавшейся перепиской больницы, короткие указания, что отвечать больным, желающим лечь на операцию, и врачам, которые хотели бы здесь работать.

Я молчала. Если я сейчас заговорю, то все испорчу. Напряженные мгновения. Илизаров снова посмотрел на меня, я и на этот раз безмолвно стояла, не решаясь заговорить. А между тем биение сердца в горле уже прекратилось, мой взгляд скользил по мебели, плюшевым креслам горчично-золотого цвета, элегантным, удобным стульям, гладкой поверхности коричневого стола для совещаний, орехово-коричневому ряду шкафов, хорошо знакомому макету больницы, красующимся в хрустальных вазах розам и гладиолусам, богатому орнаменту персидского ковра,

по изящным, отшлифованным до блеска стеклянным пластинам люстры, сверкавшим в дневном свете.

– Все? Больше нет? – услышала я рыкающий голос профессора, вырвавший меня из задумчивости.

– Где ребенок? – спросил он привычным, любезным голосом, посмотрев на меня.

– Сейчас приведу.

Марика стояла перед ним, и Гавриил Абрамович осматривал ее ногу.

– Ну, как вам нравится? – спросил он с довольной улыбкой.

– Гораздо лучше, чем раньше. Особенно голень. Стопа еще опухшая, раны пока заметны. Какую обувь ей можно носить?

– Обычную. Теперь ей уже не нужна ортопедическая обувь с высоким берцем. Она может носить и сандалии, только вставьте в них супинаторы! Руку еще нужно перевязывать. Возвращайтесь через два месяца во время международного медицинского конгресса! Тогда я скажу, что делать дальше. Можете ехать домой, счастливого пути!

Я полетела, как будто мною выстрелили из пушки. Однако в бюро “Аэрофлота” у меня испортилось настроение. Мне не удалось купить билеты на рейс Москва-Будапешт.

– Вилен достанет в Мовскве, он поможет, – подумала я.

Но попытки позвонить ему оказались безрезультатными, никто не брал трубку. Возможно, никого не было дома. Я заказала на утро телефонный разговор с Петром.

Жанна ждала меня в общежитии.

– Касса на аэродроме закрывается в десять вечера, потом, если останутся билеты, я смогу купить два на завтра. Поехали, отвезем на аэродром твой чемодан и сдадим в камеру хранения, в пятницу ты не справишься одна с Марикой на руках!

Такси, аэропорт. Вылетел последний сегодняшний самолет. Билеты были, Жанна с дочкой завтра могут лететь домой.

Короткое прощание с Борисом и его семьей, с семьей Бородининых, потом распрощались и с Анной Майоровной Аранович. А также с тихой водой Тобола, с курганскими домами, улицами, деревьями. До следующего свидания.

В полночь вахтерша позвала меня к телефону. Миша интересовался, где Жанна и Рената, почему они не приехали. Я успокоила его, сказав, что они здесь, со мной, все в порядке, они вылетают завтра, потому что билетов на сегодня не было.

26 июня

Телефонный звонок Петеру:

– В пятницу, в половине десятого вечера жди нас в Ферихеде! Если мы не прилетим, жди снова в субботу, в первой половине дня!

– Вы уже прилетаете? Завтра или послезавтра?

Он не поверил своим ушам, так неожиданно все случилось.

Два раза звоню Вилену, напрасно. Послала телеграмму. Получит ли?

Во второй половине дня я проводила Жанну с дочерью. Они улетели. На обратном пути я зашла в музей, чтобы посмотреть выставку работ воспитанников курганской рисовальной школы.

Вечером я отнесла часть оставшихся у меня продуктов остающимся здесь венгерским мамам, чтобы они разделили их между собой. Другую часть я подарила Свете Фидахиной. Надо сказать, что у нас скопилось довольно много запасов “на черный день”. Их вполне хватило бы на две недели. Но мы с Жанной знали, что в Кургане всегда нужно запастись всем, чем можно.

Вечером я дозвонилась до квартиры Вилен, дома был маленький Женя. Я могла лишь надеяться на то, что он точно передаст все, что я сказала.

К тому времени, когда мне удалось все упаковать, сложить и навести порядок, я уже падала с ног от усталости и от жары.

27 июня

В больнице шла общественная работа. Врачи и медсестры пропалывали, убирали огромный сад. Я задумалась, почему не организуют и бригаду из родителей. Наверное, многие с удовольствием согласились бы поработать. В том числе и я, если бы нам не нужно было ехать домой.

Мне выдали медицинское заключение и назвали дату, когда нам нужно будет вернуться на контрольное обследование. Мы с Марикией распрощались с венгерскими пациентами, мамами, другими хорошими знакомыми, врачами и медсестрами.

На самолете дочка проспала весь путь до Москвы. Вилен ждал нас в Домодедово. Ему удалось достать два билета на самолет, летевший через Будапешт в Алжир. Петер встретил нас в аэропорту Ферихедь. Пролетели восемь месяцев нашей жизни.

30 июня

Я купила Марикией настоящие туфли для девочек. Она с неописуемой радостью примеряла их, выбирая те, что больше нравятся и подходят ей по размеру. Это большая радость для нас. Ортопедическая обувь больше не нужна. Обе ноги приблизительно одинаковы.

По-прежнему подтверждается заключение профессора В. Ленца, сделанное им в конце октября 1983 г. в Ортопедической клинике. (Профессор Ленц – пользую-

щийся международной известностью специалист, с его именем связано распознавание опасности препарата “Контерган”, в 60-х гг. он описал синдром FFU /femur-fibula-ulna/, который наблюдается у Марики). Д-р Эндре Цейзель сообщил нам в письме:

“По мнению профессора В. Ленца, лечение Марики до сих пор велось очень профессионально, в настоящее время нигде в мире нельзя было бы сделать для нее больше. Однако очень важно, чтобы у ребенка не сложилось сознание болезни, то есть чтобы ребенок не чувствовал себя не таким, как остальные, ненормальным человеком. Для этого вам и всем остальным нужно будет приложить серьезные усилия”.

1 июля – 23 августа

1 июля я побывала в Институте медицинских экспертов и отдала ответственному за организацию лечения за рубежом полученное в больнице медицинское заключение, согласно которому Марикией надлежало вернуться в Курган 25-31 августа на контрольное обследование.

По своему делу я сходила к врачу, у которого родила Марику, рассказала ему, какая у меня болезнь, и что сказал советский врач. Последовали разные обследования, после которых я узнала ошеломляющую новость – мне предстоит серьезная операция. Я еще смогу отвезти ребенка на контрольное обследование, но в конце сентября мне нужно будет лечь в больницу.

Летом я лично и по телефону многократно интересовалась, когда мы получим разрешение на выезд. Я уважаю законы и обычно соблюдаю официальный порядок. Занимавшийся нашим делом главврач с десятидневным опозданием переслал наши материалы в Министерство здравоохранения, и я не знаю, переслали ли их оттуда в Москву. В последний раз я интересовалась ходом дела 21 августа, тогда разрешения еще не было. Причина: советская сторона не дала ответа.

Поскольку дата нашего вызова на контрольное обследование совпала со временем проведения в Кургане международного медицинского конгресса, и профессор Илизаров собирался доложить на нем и о результатах лечения Марики, венгерские органы здравоохранения не дали нам разрешения на выезд, ссылаясь на то, что расходы на поездку туда и обратно, составлявшие 7001 форинт, должна оплатить советская сторона из средств, выделенных на организацию конгресса.

26 августа

Мне пришлось купить билеты на самолет на свои деньги, и мы полетели в Курган без рекомендации Института медицинских экспертов.

Немедленно по прибытии на место мы поспешили в больницу. Доктор Тамара любезно встретила нас и сказала, что завтра положит Марику в больницу, чтобы, когда понадобится, она была здесь.

В больнице велись лихорадочные приготовления, ожидалось прибытие пятисот специалистов, в том числе и из-за рубежа. Больше всего мне понравился двор, сад больницы. За прошедшие два месяца он намного похорошел.

Мы навестили венгерских больных и их родственников, привезли им венгерский шоколад. Среди них был мальчик, прибывший на операцию, в Венгрии специалист и ему предложил в качестве коррекции укоротить здоровую ногу.

Вечером мы были в гостях у Бородининых. Таня счастливо показала свою дочку, Верочку, которая родилась в июле. Борис и его семья встретили нас радостной новостью: Регина выходит замуж, в субботу и воскресенье состоится свадьба, на которую пригласили и нас.

27 августа

В больнице Марику сфотографировали и сделали рентгеновский снимок. Фотографы торопились подготовить к конгрессу диапозитивы о пациентах. Доктор Тамара занималась выбранными для показа детьми. Марика в первой половине дня ходила на лечебную гимнастику, упражнялась в правильной ходьбе. Она хорошо чувствовала себя среди своих старых друзей.

29–30 августа

Доктор Тамара отпустила Марику из больницы, чтобы она вместе со мной смогла побывать на свадьбе Регины.

Вчера вечером я сварила себе белые грибы, варила недолго и, проголодавшись, съела их. Я страшно заболела, у меня были рези в желудке, всю ночь я не смела заснуть. Некоторое количество съеденного вышло вместе с рвотой. У меня перед глазами прыгали блестящие точки и желтые круги. Я едва сумела добраться до больницы. Увидев меня, Марика была поражена. Я не решилась сказать ей, почему мне плохо. Я побелела, была очень слаба, у меня кружилась голова.

На такси мы быстро доехали до дома, где жила семья Бориса. Я рассказала им, что случилось. Регина немедленно сбегала в близлежащую аптеку и сделала мне укол, Софья сварила какой-то ужасно горький чай, который я должна была пить три дня. Ничего другого есть было нельзя, я так и не попробовала вкусных свадебных кушаний. Из меня вышло все, что еще оставалось в желудке. Если бы семья Бориса не помогла мне, я, может быть, не пережила бы этого отравления грибами. По их мнению на белых грибах, видимо, были споры бледной поганки, и поскольку

ку я варила грибы недолго и к тому же выпила отвар, это стало причиной болезни. Мне повезло, что организм не успел усвоить отравленную пищу. Меня уложили в маленькой комнате, Марика смешалась с толпой празднующих.

(В первом издании книги нет этой истории, я не смела рассказать ее из-за свекрови, которая усиленно предостерегала меня от лесных грибов – М.К.).

В этот важный день своей жизни невеста Регина была в первую очередь врачом. Всю жизнь буду благодарна ей за это.

31 августа

Вечером профессор Илизаров осмотрел шестьдесят больных, которых намечено показать в ходе докладов на конгрессе. Из венгров в списке значатся Марика и Эндре Путич. Гавриил Абрамович был доволен состоянием моей дочери и встроенным в туфли супинатором, который сделал дядя Пишта Замбори. Профессор предложил привезти девочку через год на новую операцию руки и не понял, почему венгерские здравоохранительные органы не хотят отпустить нас.

1 сентября

В больничной школе состоялся праздник по случаю начала учебного года. Марика приветствовала свою бывшую учительницу, Надежду Михайловну, прекрасным букетом гладиолусов.

Сегодня я снова сходила в Дом-музей декабристов. Это место нравится мне больше всего в Кургане. Небольшая красивая вилла под номером 80/А на улице Климова когда-то принадлежала сосланному декабристу М. М. Нарышкину. У входа меня любезно встретила служительница музея.

– Вы к нам? У нас закрыто, идут ремонт и уборка.

– О, я только хотела спросить: Мария Николаевна Раевская и княгиня Волконская, чей портрет я здесь видела, – это одно и то же лицо? В Будапеште по телевидению показывали фильм о молодом Пушкине, в нем говорилось, что в Одессе поэт гостил у Раевских, и Мария была его музой. Показали портрет молодой девушки, и я нашла в нем сходство с портретом княгини Волконской. Подозреваю, что Пушкин создал с нее образ Татьяны.

– Раевская и Волконская – одно и то же лицо. Но не знаю, была ли она прообразом Татьяны. Но вы заходите, здесь наши сотрудники, спросите у них!

В здании кипела работа, научные сотрудники убирали помещения. Я была рада, что мне удалось при таких обстоятельствах познакомиться с руководителем музея, Людмилой Павловной Ковалевой, и Светланой Николаевной Малых. Через не-

сколько мгновений, когда я рассказала о цели своего прихода, завязался оживленный обмен мнениями.

– У Татьяны был не один прообраз. Я знаю четырех жен декабристов, судьба которых похожа на судьбу Татьяны, – доказывала Людмила Павловна. – Мария Раевская была еще ребенком, когда Пушкин гостил у них. Она была на шесть лет моложе поэта. Возможно. В сохранившейся в отрывках девятой главе “Евгения Онегина” Пушкин подробно писал о полученных у них одесских впечатлениях, а в десятой главе говорилось о декабристах. Но поскольку из-за суровых преследований со стороны царя две последние части не могли быть напечатаны и были частично уничтожены Пушкиным, в восьмой главе он, с болью думая о декабристах и ссылаясь на эпиграф к “Бахчисарайскому фонтану”, закончил свое произведение так:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял.*

Мы вели оживленный разговор о Евгении Онегине, о Татьяне, о мальчиках и девочках Раевских и об отношении Пушкина к ним и к декабристам. Людмила Павловна подарила мне книжечку о женах декабристов под названием “В добровольном изгнании”. Я получила от нее и два проспекта, в одном из которых говорилось о музее и живших в Кургане декабристах, а в другом – о женщинах-героинях, которые разделили со своими мужьями годы сибирской ссылки. Я читала и переводила их для себя.

Достоевский писал: “Они бросили все: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья...”.

В добровольную ссылку в Сибирь отправились одиннадцать женщин, девять жен и две невесты. За единственным исключением им было меньше тридцати, в основном около двадцати лет. Неужели их решимость была всего лишь бессмысленным героизмом?

Декабрист В. С. Толстой писал: “Нет сомнения, что если бы эти знаменитые женщины не решились бы на такой геройский поступок (...), наша участь была бы совершенно иная, и мы все погибли, забытые Россией”.

По приказу царя “невинная жена, следуя за мужем-преступником в Сибирь, должна оставаться там до конца”. Правительство не брало на себя обязательство

тво разрешить всем вдовам вернуться в Россию. Женщины должны были оставить дома своих детей. Многие поручили их заботам родителей или других родственников. Они знали, что родившиеся в Сибири дети будут записаны в казенные крестьяне, – так распорядился царь.

Я отыскала раздел, в котором рассказывалось о Волконской. Она была дочерью героя войны 1812 года, генерала Н. Н. Раевского. В 19 лет, по воле отца, Мария стала женой тридцатисемилетнего генерала князя Волконского. Ранее красота девушки увлекала и Пушкина, а потом к ней сватался польский революционер граф Олизар. Решение последовать за мужем в Сибирь было первым проявлением несгибаемого характера Марии Николаевны. Тем самым она взбунтовалась не только против окружавшей ее среды, но и в первую очередь против самой себя, против того детского послушания и той женской беспомощности, в атмосфере которых она воспитывалась с детских лет. Перед отъездом в Сибирь на вечер в доме своей невестки она встретила с А. С. Пушкиным. Поэт собирался передать с ней ссыльным свое послание, но она уехала раньше.

Когда Мария Николаевна после долгого и обременительного зимнего путешествия прибыла к мужу, Сергей Волконский бросился к ней бряцая цепями. “Вид его кандалов так воспламенил и расстрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом — его самого”, – так вспоминала об этом Мария Николаевна.

Розен так описывал ее: “Молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с гордой походкой, она получила у нас прозвание дева Ганга. Она никогда не выказывала грусти, была любезна с товарищами мужа, но горда и взыскательна с комендантом и начальником острога”.

Мария Николаевна была воспета Некрасовым в поэме “Русские женщины”. Сама она тоже писала. В своих “Записках” она не только с сочувствием пишет о судьбе декабристов, но и подчеркивает справедливый характер их деятельности. Завещанием звучат ее слова, адресованные сыну: “Кто кладет голову на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество”.

М. Н. Волконская разделила с мужем годы каторжных работ в Благодатском руднике, сопровождала его в Читку, на Петровский завод, в село Урик и в Иркутск. В Сибири она родила троих детей.

2 сентября

Уже несколько месяцев идут работы по перестройке улицы Карбышева. Проезжая часть расширена, удалена часть деревьев, окаймлявших тротуар, разобраны придомовые деревянные дома. Исчез винный магазин на берегу Черного ручья, а также стоявший поодаль, ближе к больнице, маленький, окрашенный в синий цвет до-

Счастливая Марика в девичьих туфлях, с отделенным указательным пальцем.

мик, хлебный магазин с приятной пожилой продавщицей, у которой всегда можно было купить вкусный, свежий черный хлеб, и нет больше деревянного дома № 15 со старушкой, у которой я раньше доставала щавель. Интересно, куда они подевались? Сохранившиеся дома и сады скрывала новенькая деревянная ограда, протянувшаяся вдоль дороги. Через Черный ручей переброшен новый мост, скоро он будет сдан в эксплуатацию. За несколько дней исчезли ямы на улице Кузнецова, теперь прохожих встречает новая гладкая дорога. В садах краснеют гроздья рябины. Еще красуются разноцветные георгины, астры и гладиолусы, сохранившиеся после “жатвы” в начале учебного года.

На сегодня Марика заказала петушиные гребешки из капусты. Это единственное капустное блюдо, которое она любит. Я научилась готовить его у Жанны. Небольшой кочан капусты разрезаем на восемь частей, капустные листья держатся на сохранившейся части кочерыжки. Каждую часть варим наполовину в соленой воде, а когда вся вода стекает, обваливаем в смеси соли, перца и муки и обжариваем во взбитых яйцах и масле до коричнево-красного цвета. Получается вкусный, приятный гарнир, который, если капустные листья раскрываются, по виду напоминает петушиний гребешок. Отсюда и его детское название.

Сегодня в нашу больницу прибыл министр здравоохранения СССР. Во второй половине дня в зале для конференций состоялся осмотр некоторых больных, готовящихся к завтрашнему показу. Доктор Тамара проводила в зал выбранных детей из нашего отделения, в том числе и Марику. Нас, родителей, в зал не пустили.

3 сентября

Сегодня в Кургане открылся трехдневный международный конгресс ортопедов. Делегаты прибыли на десяти полностью заполненных автобусах “Икарус”. Среди участников было много зарубежных специалистов. Приехали гости из Германии, Франции, Италии, Испании, Кубы, Болгарии, Чехословакии, Югославии и других стран. Больше всего отечественных, советских врачей.

Мы напрасно ждали и искали, среди пятисот участников конгресса нам так и не удалось найти ни одного венгерского врача. В программе конгресса среди докладчиков значилось два имени венгерских врачей из Печа, но и они не приехали. Почему?

Я знала, что как раз в это время, 1–4 сентября 1986 г., в Будапеште тоже проводился международный конгресс ортопедов. На нем не присутствовал ни один специалист из СССР. Илизаров был приглашен, но не поехал из-за занятости.

Непонятно, почему организаторы не согласовали время проведения таких важных международных мероприятий. Или это было сделано намеренно? Почему нельзя улучшить сотрудничество между Министерствами здравоохранения двух стран, ведь в соответствии с соглашением в области социальной политики множество венгерских больных проходит лечение в Кургане, а в Венгрии уже применяется метод Илизарова?

Знаю, что в конгрессе, проходившем в Кургане в сентябре 1983 г., приняли участие д-р Тибор Ришко и д-р Йозеф Лакатош. В номере журнала “Орсаг-Вилаг” от 15 августа 1984 г. я прочитала следующее: “По возвращении домой мы предложили компетентным должностным лицам послать на трехдневные курсы, организуемые курганским институтом, знающих русский язык специалистов, которые овладеют методом Илизарова и его коллег. Ведь положение облегчилось бы даже и в том случае, если бы аппараты только устанавливались в Кургане, а дальнейшим лечением занимались бы получившие соответствующую подготовку врачи в Венгрии.

Мы смело внесли наше предложение, поскольку Илизаров и его сотрудники заверили нас, что с радостью примут и венгерских врачей. Между прочим, познакомившись с институтом, мы с удивлением увидели, что в распоряжении социалистических стран здесь находится огромная научная база, которой мы, венгерские специалисты, слишком мало пользуемся”.

Слишком мало? Совсем не пользуются.

В первой половине дня, после торжественного открытия конференции, начались доклады. С большим интересом было встречено сообщение Илизарова. Он рассказал, сколько разных болезней они уже могут лечить – аномалии развития длинных трубчатых костей, врожденные дефекты, отсутствие пальцев и еще много других проблем.

Через некоторое время на экране появились первая, сделанная перед операцией фотография Марики с капризным лицом, изображения семисантиметрового укорочения, разницы между стопами и сросшихся пальцев. Профессор объяснил, что и почему было сделано, одновременно с этим фотограф Сергей спроецировал на экран несколько рентгеновских снимков, сделанных на различных стадиях лечения. Потом вышла Марика, показавшая, как хорошо она ходит, и продемонстрировавшая разделенные пальцы.

Затем последовали другие больные, которым растянули кости голени и, согнув их, сделали из них стопы, а также пациенты, которым привили косточки к зачаткам пальцев и растянули их с помощью аппарата.

После доклада Илизарова последовал перерыв, и мы покинули конференцию, чтобы подготовиться к отъезду домой.

6 сентября

Ясная Поляна. Здесь жил и работал Лев Николаевич Толстой. Все, что я здесь вижу, знакомо мне по альбомам и книгам. И все же я уже давно мечтала однажды приехать сюда.

Вилен и Элла напрасно старались отговорить нас от утомительной восьмичасовой поездки туда и обратно. До Тулы надо было ехать поездом, а дальше автобусом. Но мы с Жанной были полны решимости! Нам удалось найти все, что мы хотели. На краю освященной солнцем лужайки, где когда-то косил Толстой, и сегодня обнимаются стройная береза и двадцатипятилетний старый дуб, сплетающиеся друг с другом с той же нежностью и заботливостью, которые в свое время вдохновили на стихотворение Габора Гараи. Я видела здание, в котором Толстой учил деревенских детишек, в нем сохранились доска и букварь, мы посмотрели место, где стоял павильон, устроенный под больницу для нуждающихся.

Мы осмотрели рабочий кабинет, в котором создавались шедевры писателя. Сохранился и сарай, из которого престарелый писатель отправился в свой роковой, последний путь. Неподалеку, на склоне холма, стояло несколько домов, где жили крестьяне, которые продолжали служить Толстому и после освобождения в 1861 г.

Среди деревьев мы отыскивали простую могилу. За те приблизительно полтора часа, которые мы провели в усадьбе Толстого, я насчитала двенадцать пар молодоженов, которые вместе со свадебными гостями совершили паломничество к этой могиле. Я со смиренным уважением склонила голову перед покоящимся здесь Человеком с большой буквы, который в своем последнем романе, “Воскресении”, заветал человечеству заповедь следовать чувству ответственности и велению совести, эта заповедь стала итогом его насыщенной жизни.

IV этап 18 июля 1987 г. – 23 января 1988 г.

Осенью 1986 г., когда мы вернулись после контрольного обследования, я легла в больницу. Морозы, пережитые мной на предыдущих этапах лечения, стали причиной воспалений в нижней части живота. В результате я перенесла серьезную операцию, у меня больше не может быть детей. Восстановление после операции длилось несколько месяцев.

Я закончила “Курганский дневник”, историю первых трех этапов, и сдала рукопись в издательство. Мне обещали, что книга выйдет в будущем году.

18 июля 1987 г.

Скоро пройдет месяц с того времени, как мы переселились в новую квартиру, из Бекашмедера на Римский берег. Как только закончился учебный год, мы сложили в коробки множество книг, одежду, постельное белье и посуду и в два приема перевезли все это в новую квартиру. В ней на одну комнату больше, чем в старой, у меня тоже будет свой небольшой уголок. За истекшие три недели я очень устала, мне пришлось упаковывать и распаковывать кучу вещей. У меня осталось немного времени для того, чтобы заботливо отобрать все необходимое для пребывания в Кургане в следующие месяцы. Мы решили поехать туда летом, чтобы не пропустить слишком много занятий в школе и провести там как можно меньше времени зимой.

Из аэропорта я еще позвонила ближайшим знакомым и попрощалась с ними. Марика распрощалась с отцом, мы с дочкой тоже обнялись, подбадривая друг друга, и с некоторым волнением отправились навстречу новым испытаниям. К сожалению, с самолета нам не удалось увидеть Тису, небо было скрыто за облаками. В Москве мы много возились с тремя тяжелыми чемоданами, потому что мне не удалось найти тележку. Мы быстро прошли таможенный контроль, хотя таможенный офицер некоторое время придирался из-за моего обручального кольца, но в конце концов поверил, что мы купили его в Венгрии. У Вилена в семье все по-прежнему, они были рады нам. От них нам удалось позвонить Жанне, которая пообещала утром заехать за нами.

19 июля

К десяти часам за нами приехали Жанна и ее знакомый, молодой врач Юра, мы поехали с ними в Загорск. Этот небольшой подмосковный городок является туристической достопримечательностью и религиозным центром, наполненным прекрасными церквями. В XIV веке монах Сергей Радонежский основал здесь монастырь. Некогда этот наиболее посещаемый населенный пункт Золотого кольца России, был известен под названием Сергиев Посад. Он играл значительную роль в истории прошедших столетий. Царь Иван Грозный превратил монастырь в неприступную крепость. Сюда бежал ночью из Москвы в поисках убежища молодой царь Петр, спасаясь верхом от своих преследователей.

Мы как раз попали в толпу людей, праздновавших 650-летие городка. Множество священников, монахов и монахинь в различных церковных одеяниях шествовало между рядами собравшихся, которые истово целовали руки служителей церкви или протягиваемые ими кресты. Боже, как много верующих в этой стране, где обещано построение коммунизма! С каким благоговением они смотрят на священника, который проходит мимо них и поглаживает их по головам! После долгого стояния в очереди мы посмотрели знаменитый иконстас Троицкого собора, некоторые иконы которого были написаны Андреем Рублевым. Воздух в забитом до отказа соборе был пропитан ароматом лилии и ладана.

Остальные церкви и здания мы осмотрели только снаружи, потому что пошел дождь.

20 июля.

Сегодняшний день мы провели в гостях у Жанны в небольшом городе близ Москвы.

Марика быстро подружилась с мужем Жанны, Мишей, который показал ей выставленную в витрине коллекцию минералов. Он собирал ее годами, бродя по горам. Тут были красивые, разнообразные по форме и цвету камни. Малахит, яшма, карнеол, бирюза, лазурит – перечислял Миша их названия. Рената старательно решала задания по физике, вскоре она будет поступать в Ломоносовский университет. Ее сердце наполнено ожиданием, надеждой и волнением.

Во второй половине дня Юра прокатил нас на автомобиле. Я уже не помню, в какой деревне мы видели колокольную с позолоченным крестом на вершине, на высоте четырех-пяти этажей. Рядом стояла старая церковь, утратившая свою былую красоту. Находившееся поодаль здание монастыря отремонтировали и устроили в нем больницу для душевнобольных. При виде текущего поблизости ручья Жанна начала планировать поездку на шашлыки, которые можно будет пожарить на близлежащей лесной лужайке. В следующей деревне меня снова заворожили красота и

многообразие русских деревянных домов. Здесь они другие, чем в Кургане, чаще всего окрашены в желтые, зеленые и коричневые цвета, оконные рамы красятся в белый цвет и украшаются резными узорами. И еще одна интересная особенность: почти в каждом доме есть чердачная комната с малюсенькими оконцами. Как будто кто-то следит оттуда за дорогой. Над некоторыми воротами видны украшения в виде изображения глаза или желтого солнца. Юра отвез нас в деревню, древняя деревянная церковь которой была построена по приказу Петра Великого. Вокруг нее раскинулось старое кладбище, на могилах которого виднелись свежие цветы. Поблизости была построена огромная новая церковь. У входа молодой плотник вырезал два маленьких домика, ниши у ворот, работая то тут, то там. Разлетались свежие стружки, распространяя вокруг свой аромат. На небе собирались темные тучи, холодало, мы отправились домой. В находившемся поблизости пионерском лагере дети наслаждались летними радостями. Их галдеж растревожил тишину леса. Палатки пионеров стояли на островке посередине круглого озера. У входа через водяное кольцо был переброшен стройный мост, около которого стояли на посту два паренька в пионерских галстуках. Сегодня я наблюдала два лика этой разнообразной страны.

На краю леса краснела земляника, я собрала пучок для Марики. Как когда-то собирал для меня отец.

21 июля

Утром мы с Жанной поехали в Москву. Марика осталась дома с Ренатой. По дороге Жанна снова показала мне путь, ведущий в Звездный городок. Огромный памятник, изображающий ракету, указывал, где нужно свернуть в сторону центра подготовки космонавтов. По пересекающей шоссе железной дороге можно добраться до дачи Вилены. Мы уже давно не были там. На автобусе мы доехали до станции метро “Щелковская”, а оттуда поспешили на Старый Арбат, в знаменитый район, расположенный в центре Москвы. Несколько лет назад он был превращен в пешеходную улицу с кафе, цветами и скамейками. Почти через каждые десять шагов там стояли группы зевак, наблюдавшие, как на парижском Монмартре, за художниками и их моделями. Мы с Жанной направились в Пушкинский музей, но, к сожалению, не попали туда. Музей открывается в половине двенадцатого, и в полдень уже не было входных билетов. Тогда мы прогулялись на Красную площадь, обошли ее и подивились на луковичные купола собора Василия Блаженного. Это замечательное строение было создано по велению царя Ивана Грозного в честь победы над татарами, взятия Казани. Нам удалось пройти в Кремлевский парк, но в три знаменитых собора мы и на этот раз не попали.

23 июля

Юра отвез нас в аэропорт Домодедово. Я размышляла о том, как этот худенький молодой человек справится с двумя моими тяжелыми чемоданами, весившими более шестидесяти килограммов. Жанна основательно набила едой мою сумку на колесах, я едва смогла поднять ее. Мне помог внести ее в самолет один венгр, который тоже летел в Курган. На находящейся в 80 километрах от Кургана насосной станции в Юрганиче вводят в эксплуатацию компьютер. Там работает много венгров. Молодой человек – инженер-электрик, приехавший из Кечкемета.

На аэродроме нас ждал Борис. В рабочем общежитии мы получили свою прежнюю комнату № 39, чистую и побеленную. Вечером мы сходили в больницу, навести венгерских больных и других знакомых.

24 июля

Утром мы отправились в поликлинику. Пришлось ждать несколько часов, потому что работники регистратуры начали рабочий день только в 11 часов. Потом мы пошли заявить о своем прибытии в новую больницу, в отделение патологии кисти и стопы, где Марика лежала в прошлый раз. Новая заведующая отделом, Тамара Егорьевна Кузьмина, сердечно приняла нас. Обрадовалась нам и наша любимая медсестра Галина Георгиевна Улыбина, сейчас она главная медсестра. Из старых знакомых здесь находятся Лена Ковалева, югославка Милица и болгарка Мирослава.

Вечером я позвонила Борису и рассказала ему, что ночью нас ужасно искушали клопы, и я не знаю, что делать. Софья предложила нам завтра прийти к ним, и они отвезут нас к себе на дачу. Мы с Марикой с опасением ждали ночи, нового нашествия клопов. В Кургане стоит сильная жара, днем температура 35 градусов, вечером немного меньше, но даже ночью она не опускается ниже 25 градусов. В одиннадцать часов вечера еще совсем светло.

25 июля

Утром Марика ждала у проходной, пока я не смазала все в комнате средством от клопов “Карбофосом”. Смешав его с водой, я также опрыскала щели. Когда через полчаса я закончила эту неприятную работу, у меня уже болела голова от резкого запаха. Принесенные с собой продукты я заперла на складе первого этажа, чтобы они не испортились.

Семья Бориса отвезла нас на дачу на джипе. У дороги сменяли друг друга деревни Смолино, Увал, Кетово. Затем на берегу небольшого озера, расположенного рядом с лесом, появились дачи. У воды выстроились засохшие, похожие на скеле-

ты молодые березы, простирающие к небу голые ветви, веточки поменьше и потоньше уже были обломаны зимним ветром. После таяния снега образовались обильные грунтовые воды, что и привело к гибели красивых молодых деревьев. У меня защемило сердце от жалости.

Борисова дача еще не готова, в доме не хватает внутреннего покрытия стен. В саду растут вишневые деревья, кусты малины и смородины, огурцы, картошка и помидоры. Мы собирали и ели малину и смородину, хлопали комаров. Я помогла Софье очистить и законсервировать фрукты. Их запасают на зиму, смешивая с сахаром. До вечера я еще полола сорняки между грядками и кустами. Было очень приятно искупаться и посидеть в сауне. Марика очень хорошо чувствовала себя. Софья устроила ее на раскладушке, а я спала рядом с ней на матрасе.

27 июля

Утром мы вернулись в общежитие. Я открыла окно и дверь, чтобы избавиться от неприятного запаха, который распространяло средство от клопов, подмела с пола трупки тараканов, мух, комаров и клопов, трижды помыла все чистой водой, вытерла пол и, оставив после себя относительный порядок, пошла с Марикой в больницу. Дежурный врач осмотрел Марику и попросил нас вернуться к двум часам, чтобы врачебная комиссия осмотрела ее еще раз. Мы пообедали в больничном буфете, купив молока к принесенным с собой бутербродам с салом. Когда члены комиссии наконец собрались, было уже не два, а четыре часа. Их ждало много пациентов. Они пообещали, что завтра или послезавтра Марику посмотрит и профессор Илизаров, который решит, что и когда нужно будет оперировать. Отправившись домой, мы увидели, как черная машина, в которой ездил профессор, повернула к главному входу. Мы было вернулись обратно, но сегодня к нему никого не пустили.

28 июля

Мы пришли в больницу к десяти утра. Секретарша Галина Мартемьяновна приготовила на столе у профессора касающиеся Марики документы и рентгеновские снимки. Она сказала, что сегодня профессор будет на партийном пленуме, но вечером, может быть, заедет в больницу. Мы ждали до шести вечера, но он так и не приехал.

Я отвезла в гостиницу “Москва” собранные у венгерских мам и свои собственные письма. Молодой инженер из Кечкемета завтра летит домой и отдаст письма на почту в Венгрии, так наши родственники быстрее получат их.

29 июля

В больничном саду двое мужчин косами срезали высоко разросшийся шпинат и сорняки. Здесь запланировано устроить красивый парк, для этого нужны лишь деньги и рабочие руки.

С десяти мы снова ждали профессора. Секретарша пообещала, что скоро придет наша очередь. Однако все время подходили все новые и новые врачи и другие сотрудники больницы которые пользуются приоритетом по сравнению с больными. В коридоре собралось немало пациентов, ожидавших госпитализации. В половине пятого, по истечении рабочего времени, ушла домой секретарша. После ее ухода улетучилась надежда, что мы сегодня попадем к профессору. Роль стража взял на себя главврач Шагланов, чувствовавший себя маленьким царьком. Мама называли его между собой местным драконом. Я с напускным спокойствием и терпением читала в кабинете секретарши, Марика тоже вела себя дисциплинированно.

– Не сидите здесь! Вы мешаете мне работать! – упрекнул меня главврач и выслал нас в коридор. С остальными мамами он тоже разговаривал грубо, пренебрежительно, засунув руки в карманы. Не знаю, какую работу он выполнял тогда, я видела лишь, что он курил одну сигарету за другой и гасил окурки в наполненных землей горшках с цветами, за которыми бережно ухаживала Галина. Потом он выглянул в коридор, осмотрел ожидающих и снова прикрикнул на меня: – Иди отсюда! – Меня удивили и глубоко оскорбили этот грубый тон и тыканье. Так обычно прогоняют собак. Не знаю, зачем профессору Илизарову нужен этот человек. И вообще, знает ли он о том, как этот человек разговаривает с больными и их родственниками?

Уже минуло девять часов вечера, мы сидели здесь с самого утра. Шагланов открыл дверь в коридор и выпустил тех, кого уже осмотрел профессор. Потом немедленно впустил итальянца с дочерью. В этот момент из зимнего сада на первом этаже послышался голос нашего врача, Тамары Егорьевны, которая спрашивала, приводить ли ей Веру, которая ждала следующей операции. Я начала надеяться, что с нашим врачом мы, может быть, пробьемся к профессору. Вере тоже было досадно. Она лежит здесь с марта, потому что у нее никак не заживает рана на пятке. Когда ей было двадцать лет, с ней произошел несчастный случай, она потеряла стопу. Она ездит сюда уже восемь лет, ее всегда оперировал профессор, который делает ей стопу из растянутой берцовой кости. Вера уже пожалела о том, что затеяла всю эту историю с удлинением стопы. Она провела здесь лучшие годы молодости, а стопа все еще не готова.

– Лучше бы я ходила с протезом, – сказала она. – Теперь нужно опять растягивать голень. Когда же это кончится? Не знаю, что будет, если Илизаров скажет, чтобы я искала другого врача. Кого мне искать? Меня всегда оперировал он. А теперь он опять уезжает. 8 августа едет в Москву, оттуда в США, в сентябре в Австралию, а потом в Индию и Иорданию. Его не будет здесь до января, или, возможно, он про-

ведет здесь несколько дней. Кто будет заниматься мной за это время? Никто не вмешивается в дела его больных.

Я задумалась над услышанным. Стоит ли ждать понапрасну месяцами? Из ожидающих остались только мы, да еще женщина с жалкими стопами, в деформированной ортопедической обуви. Она попросила Веру посоветовать, что ей делать, к кому обратиться. Кто сможет привести в порядок ее стопы?

Доктор Тамара сначала позвала Веру, которая пробыла в кабинете около получаса, а потом пришла наша очередь.

Увидев Илизарова, я поразилась. За прошедший год он сильно постарел. Может быть, он тоже болен? Много работы, бодрствование по ночам и поездки не омолаживают организм человека. Профессор посмотрел Марикину руку и стопу, грустно покачал головой из-за того, что рана на кисти не заживает уже целый год, а на небольшом участке между пальцев срослась кожа. Он мгновенно оценил, что надо делать, и громко высказал свои мысли: кисть нужно расширить и разделить два других сросшихся пальца. Стопу тоже следует расширить, а также растянуть три маленьких пальца и скорректировать поворот большого пальца внутрь. К сожалению, он ничего не сказал о пятке ребенка, а между тем между двумя пятками есть значительная разница. Не было речи и о том, когда и кто будет делать операцию. Я хотела спросить, нельзя ли на следующей неделе. Профессор отклонил мой вопрос: – Ждите! – Я упомянула ему, что осенью выйдет в свет моя книга. На это он только устало сказал: – Посмотрим.

Доктор Тамара попросила нас подождать, пока она закончит дела, и тогда можно будет договориться о дальнейшем. Когда мы вышли от профессора, уже минуло десять часов. Женщине с больными стопами сказали, чтобы она пришла в январе. А нас попросили пойти завтра в поликлинику и пройти все предоперационные обследования.

30 июля

Сначала Марика сдала кровь на голодный желудок. Потом по очереди последовали зубной врач, ЭКГ, рентген. Ожидая своей очереди, мы видели мальчика лет шести, которого держал на руках отец, завернув в покрывало для постели. Ноги ребенка были сложены как звенья складного метра. Его кисть раздвигалась наподобие клешни рака. У входа сидели два других мальчика с аппаратами на нижней стороне рук, их кисти представляли собой единственный сросшийся палец. Много странностей творит природа. Мы с Марикой смотрели на мальчиков с грустью и участием.

Почему так много детей рождается с дефектами конечностей?

Мы встретились с Володей Бородиным. Вова работает в больнице Илизарова. Он позвал нас навестить их. Меня смутило его предложение. На первом этапе ле-

чения я подружилась с его женой, Таней, это произошло из-за наших детей, Кати и Марики. Позже, живя вместе с Жанной, я почти не ходила к ним. Теперь я пообещала вскоре придти к ним.

У меня основательно поубавилось денег. Я мало что купила и все же потратила за неделю сто пятьдесят рублей. Правда, мне пришлось купить таз и кое-что из посуды. На маленьком рынке рядом с “Сибирью” еда, фрукты очень дорогие. Нужно экономить, не знаю, сколько времени мы пробудем здесь.

31 июля

Утром, увидев на Марике новые укусы клопов, я задумалась над предложением Вовы. Может быть, нам действительно стоило бы пожить у них. Я знала, что если ранки от укусов не пройдут, ребенка не положат в больницу, и тогда придется долго ждать операции. Правда, квартира Володи дальше от больницы, ездить оттуда будет утомительнее, но у него мы будем жить в большей чистоте и комфорте, чем в общежитии. Ради Марики придется пожить у Вовы, пока ее не госпитализируют. Потом мне уже будет легче переносить присутствие клопов. Нужно будет повторить химическую обработку комнаты. Марика размышляла вместе со мной. Мы вместе приняли решение и вечером, когда спала жара, отправились в путь. Таня сердечно приняла нас и широко улыбнулась:

– Конечно, поживите у нас! Вова уехал за Катюшей в Челябинск, к бабушке, я все равно осталась дома одна с маленькой Верой.

Подвижная годовалая малышка ползает по квартире на четвереньках, скоро начнет ходить. У нее прекрасная светловолосая головка, она внимательно наблюдает за всем своими небесно-голубыми глазами. Я рада, что Таня родила еще одного ребенка. Она получает 35 рублей в месяц, это пособие по уходу за ребенком. Вова – научный работник, собирает материалы о лечении деформаций нижней части руки для своей кандидатской диссертации. Дохода молодой супружеской пары врачей едва хватает на содержание семьи из четырех человек. Им помогают и их родители. На даче они выращивают фрукты и овощи, но приходится и покупать. Прискорбно, что молодым интеллигентам приходится жить в таких условиях спустя семьдесят лет после великой революции, после множества обещаний и замечательных проектов на будущее. Правда, если взглянуть на нашу собственную судьбу, то и у нас положение не лучше. Вова встает на заре, он подрабатывает на второй ставке, а потом ему надо спешить в больницу. И все же они с женой помогают нам. Позже постараюсь как-нибудь отблагодарить их.

1 августа

В первой половине дня я перевезла из общежития к Тане немного продуктов и одежды и купила молока и хлеба в продуктовом магазине у конечной остановки 8-го автобуса. За несколько мгновений, понадобившихся мне, чтобы положить покупки в сумку, кто-то вытащил у меня из кармана кошелек. В нем было тридцать рублей и ключ от комнаты в общежитии. Я заметила пропажу на маленьком рынке, где собиралась купить картошки. Пришлось вернуться в магазин в надежде на то, что кошелек нашелся. Но эта надежда не оправдалась. Услышав эту новость, Марика расплакалась. Меня раздосадовала потеря ключа. Вечером я рассказала об этом Борису, который позвонил в общежитие спросить, нет ли у них другого ключа.

Мы с Таней поговорили о том, как жаль, что Валентина Ивановна Грачева уже не работает в больнице. Она вышла на пенсию. Мы помянули то время, когда наши дети лежали в руководимом ей детском отделении. Что и говорить, ее любящая строгость и теперь пришлась бы кстати в больнице, было бы больше порядка. Речь зашла и о тех врачах, которые начинали работать в ее отделении и многому научились у нее. Позже некоторые из них остались в больнице, а некоторые ушли. Больше всего я жалею об уходе Сергея Васильевича Макарова.

Вечером мы ходили купаться на Тобол. Было приятно поплавать в такую сильную жару. Вова нырял и из-под воды хватал за ноги то Катю, то Марику. Девочки с громким визгом спасались и старались обрызгать его. Таня сидела на берегу с маленькой Верой. Мы громко хохотали.

5 августа

Вова вернулся из больницы в час ночи, а в восемь утра ему уже нужно было отправляться обратно. Он до полуночи оперировал вместе с профессором. Одной из больных была Мирослава, которой на прошлом этапе растянули указательный и средний палец, а теперь настала очередь безымянного пальца и мизинца. К сожалению, один из растянутых пальцев сломался и укоротился. Лечение руки требует много терпения, это очень чувствительная часть тела.

В скором будущем в больнице начнут работать шестьдесят новых врачей, большинство из них закончили институт в Челябинске. Нужно будет распределить их по отделениям, решить проблему с жильем. Немалая забота. Новая больница функционирует уже пятый год, за это время врачи, накопившие большой опыт, уходили работать туда, где условия были получше. Сейчас едва остались опытные специалисты, у которых может учиться молодежь. Больных много. Часто их постигает разочарование. Они приезжают сюда со всех концов мира с надеждой и верой, а потом с грустью убеждаются в том, что дела идут не так, как они надеялись под влиянием пропаганды. Интересно, что будет, если, как говорят, приедут больные

из США. Сумеют ли обеспечить им снабжение на уровне западных стран? Местные жители полны ожиданий.

Меня по-прежнему раздражали пропажа ключа и клопы. Пушкин в “Евгении Онегине” тоже писал о неудобствах, причиняемых клопами.

6 августа

Марика хорошо прижилась у Тани, теперь я могу свободнее заниматься нашими делами.

Утром я пошла в Дом бытовых услуг “Техника”. Он находился напротив магазина “Мебель”, к нему можно было пройти через городской парк. В общежитии нашелся ключ к моей комнате, мне нужно было сделать дубликат. Это единственное место в Кургане, где изготавливают дубликаты ключей. Предварительно поинтересовавшись, я узнала, что заказы принимаются с 8 до 10 утра. Я пришла в половине десятого. Когда подошла моя очередь, уже минуло 10 часов. Молодой человек больше не пожелал принимать заказы. Я запротестовала, сказав, что пришла вовремя. Тогда он отослал меня к заведующей. Женщина лет пятидесяти вежливо выслушала меня и с готовностью оказала помощь, попросила какую-то девочку проводить меня в мастерскую. Там за разными станками работало двое мужчин. Я обратилась к мужчине пониже, у которого было более симпатичное лицо. Он сказал, что сейчас сделает, но мужчина постарше, с угрюмым лицом, забрал у него ключ и объяснил, где нужно сделать заказ.

– Я как раз оттуда, прождала там полчаса. Меня направили сюда.

– Приходите завтра утром!

Я села на стул и стала ждать.

– Девушка, до каких пор вы будете здесь сидеть? – заворчал на меня обладатель угрюмого лица.

– Пока вы не сделаете мне дубликат ключа.

– Мы работаем только по заказам, – сказал он и вернул мне запасной ключ.

– Меня прислала заведующая. У нас изготовление дубликата ключа занимает пять минут.

– Где вы живете?

– В Будапеште. Почему здесь нужно заказывать и потом ждать несколько дней?

– У нас такой порядок.

– Вижу. Почему вы делаете только по десять ключей в день?

– Больше не можем.

Это заставило меня призадуматься. Двое мужчин в течение полного рабочего времени способны изготовить только десять ключей. С ума сойти! Рабочий класс, производительность, эффективность. Вот тебе и социализм!

– Зачем вы приехали сюда из Будапешта? – нарушил тишину мужчина постарше.

– Моя дочка лечится в больнице Илизарова. Я потеряла ключ от комнаты.

– Смените замок!

– А кто же вынет старый замок и поставит новый? Нашелся еще один ключ, можно изготовить дубликат. За то время, что вы меня расспрашиваете, могли бы уже сделать.

– Ну, давайте сюда!

Я почувствовала облегчение. Отыскивая на столе заготовку для ключа, мужчина вдруг сказал вполголоса:

– Мы вас кормим! Посылаем в Венгрию мясо!

– Вряд ли! У нас продаются только советские рыбные консервы и водка. А здесь можно купить венгерскую салями, колбасу, ветчину, курицы, лечо, яблоки, вино и горошек, причем дешевле, чем у нас. В ЦУМ-е я видела еще одежду и обувь венгерского производства.

Мастер удивился, что здесь все это дешевле. Ему и не захотелось продолжать разговор. Вероятно, он подумал про себя, что я слишком остра на язык. Пока он выпиливал ключ, я думала о начале пятидесятых годов, о времени обязательных поставок, когда я, еще малолетняя девочка, голодала, потому что нам приходилось сдавать государству все, что у нас было – молоко, яйца, мясо, жир, муку. Все это шло в СССР в качестве репараций. В магазине нельзя было купить ни хлеба, ни муки, моя мама не могла ничего испечь. По ночам мы со старшим братом, сменяя друг друга, стояли в очереди в булочную за хлебом, но он был плохо пропечен, мякиш приходилось выбрасывать. Моя дочь не могла поверить, что в начале пятидесятых годов в деревне была такая нужда. Эти воспоминания пронеслись у меня в голове, а одновременно я рассматривала висевшую на стене карту Курганской области. Посередине был расположен Курган, вокруг которого было обозначено множество мелких населенных пунктов, изгибы реки Тобол, маленькие озера и линии дорог. Я отыскала Юрганич, где работают инженеры насосной станции.

– Вы уже выучили эту карту наизусть, – снова заговорил мужчина.

– Видите, Венгрия занимает такую же территорию, как и Курганская область. Здесь живет три миллиона человек, а у нас – десять миллионов.

– Все-таки мы вас кормим.

– Нет. У нас люди работают быстрее и больше, мы производим достаточно продуктов и даже экспортируем их в другие страны. Изготовление такого ключа заняло бы у нас одну-две минуты. Заготовку вставляют в станок, который изготавливает точный дубликат. И пилить не нужно.

Мастер удивленно покачал головой. Он протянул мне ключ, я заплатила за него рубль.

– Если не подойдет, приносите обратно!

Я поспешила в общежитие. Замок не открывался, я побежала обратно. По совету молодого товарища, мастер с угрюмым лицом еще немного подточил ключ. Вечером я рассказала об этом Тане.

– Я потратила на это целый день. Хорошо, что Марика так хорошо чувствует себя у тебя. Почему люди не работают больше и лучше? Все делается страшно медленно.

– Потому что они видят, что те, кто едва работают, лучше живут и имеют больше привилегий. Горбачеву хотелось бы, чтобы мы лучше работали и жили, но не получается. Люди получают маленькие зарплаты, на которые едва можно прожить. И им не заплатят больше, даже если они будут больше и лучше работать.

– Здесь все делается с быстротой улитки. Господствует принцип “Эх, успеем – жизнь длинна”.⁶⁸ А ведь это не только самая большая, но и самая богатая страна на Земле.

– Уровень жизни повысится только тогда, когда будут производить больше высококачественных товаров, которые можно будет продать на мировом рынке. Государство не может давать, если у него ничего нет, оно может давать только то, что производят его граждане. Зарплаты можно повышать только за счет прибыли.

7 августа

Я зашла в общежитие за теплыми вещами. Погода похолодала. Ключ теперь подходил, замок, хотя и с трудом, но открывался и закрывался. Опять появились клопы. Самая большая забота – где достать “Карбофос”. Женщина, которая обещала достать это средство, так и не принесла его.

Я сходила в больницу к венгерским больным. Они уже беспокоились за нас, не зная, куда мы делись. Родственники зарубежных больных платят за комнату 80-100 рублей в месяц. Для меня это очень дорого. Я буду рада, если удастся протянуть до конца года на тысячу рублей. А тут еще и клопы. Софья обещала позвонить местным дезинфекторам, чтобы они приехали и опрыскали все в комнате.

8 августа

Сегодня вся семья Тани уехала на дачу. Марика плакала, что ей нельзя поехать с ними. Она никак не может понять, что от конечной остановки автобуса нужно пройти пешком еще четыре километра, и ее больная нога не выдержит этого. Мы с Таней пообещали завтра отвезти и ее. Если не сможет идти, понесем на спине. У меня было тепло на сердце оттого, что Таня и Вова настолько доверяли мне, что оставили мне квартиру и ничего не заперли от меня. Сегодня мы с Марикой занимались. Скоро начнется учебный год, она пойдет уже в четвертый класс.

⁶⁸ Слова героя стихотворения Шандора Петёфи “Павел Пато” (пер. М. Замаховской).

Я сварила куриный суп с галушками из манной крупы, чтобы Таня и ее семья смогли поесть, когда приедут домой. К сожалению, суп получился не таким вкусным, как в Венгрии, здесь нет такого разнообразия овощей. Все же они ели с аппетитом. Вечером я долго играла с маленькой Верочкой. Марика ревнует меня к ней, думает, что я больше люблю Верочку. Я постаралась успокоить ее, чтобы она не так думала, потому что я никого не люблю больше нее. Марика, как в детстве, долго сидела у меня на коленях.

9 августа

Сегодня большой день. Мы с Марикой тоже поехали на дачу. Туда действительно долго ехать. На пятом троллейбусе мы быстро доехали до аэродрома, но там пришлось долго ждать автобуса, который отвез нас в Вороновку. Оттуда мы пошли пешком. Сначала мы перешли через Тобол по прекрасно сделанному деревянному мосту, а вскоре после этого переправились через один из глухих рукавов реки по скрипящему, узкому мостику. Он был очень страшен своей ухабистостью и покачиванием. Под нами была светлозеленая, неподвижная, затхлая вода. Интересно, какой она глубины? Я крепко, почти судорожно держала Марику за руку, чтобы мы не соскользнули с мостика.

– Что будет, если мы упадем в воду? – боязливо спросила Марика.

– Выплывем, – успокоила я ее, размышляя, как можно плавать в этой заросшей тиной, застойной воде. Но тем временем мы уже миновали мостик без всяких приключений. Таня успокоила меня, сказав, что они уже много раз ходили этой дорогой даже в дождливую погоду, и еще никто ни разу не упал в воду.

Вскоре нам навстречу выбежала Катюша. Они с отцом приехали раньше. На дачном участке стоял старый деревенский дом, Вова купил его в близлежащей деревне. Там дом разобрали, здесь снова собрали. Так получилось дешевле, чем строить из дерева новый. Маленькие окошки комнатного помещения выходили на малиновые кусты. Таня с мужем оклеили это помещение обоями. Вова пилил доски, готовился облицевать дом снаружи. Я собирала малину и смородину, а потом приготовила картошку с маслом и салат из свежих овощей. Поджарилась и наша курица, мы с аппетитом съели ее. Три девочки играли, а вечером мы отправились обратно в город. Таня показала магазин, находившийся около аэродрома, там можно купить средство от клопов.

11 августа

Ждем, когда вернется из отпуска Александр Петрович Кириенко. Я попросила его прооперировать Марике руку и стопу. Мы не можем ждать Илизарова до января,

сейчас профессор оперирует реже, чем прежде. В его отсутствие коллеги не решаются вмешиваться в процесс лечения его пациентов. Доктор Тамара передала нам через Вову, что нам нужно идти в больницу, прошло 10 дней, и необходимо повторить все осмотры. Марику положат в больницу на будущей неделе.

В общежитии я повторила процедуру уничтожения клопов. Надеюсь, что теперь мне удалось избавиться от них. У Тани вечером были гости, я помогла приготовить ужин. Маленькая Вера уже хочет встать и ходить. Она на мгновение поднимается на ноги, стоит, а потом шлепается на попу. Девочка со смехом неустанно повторяет это снова и снова.

14 августа

Утром мы встали рано и поехали сдавать кровь. Мы попросились в автобус, перевозящий врачей. Я думала, что без Вовы нас не пустят, но меня постигло приятное разочарование. Анализа крови пришлось ждать долго, медсестра пришла с опозданием. На больничной почте меня поджидала радость, Петер прислал открытку из Варшавы, с конгресса эсперантистов. Мы встретились с венгерскими больными и мамами, посмотрели, что продается на маленьком рынке рядом с “Сибирью”. К сожалению, грибов пока еще нет. В общежитии я снова убрала останки насекомых. Пришла посылка от Вилена. Жалею, что не попросила прислать зубную пасту, в Кургане ее нет.

15 августа

Сегодня праздник, день города Кургана. Повсюду стояли ларьки с едой, напитками и безделушками, вокруг них теснились толпы людей. Мы провели день на даче, вместе с с Таней заготавливали на зиму помидоры и огурцы. Здесь очень короток теплый период, когда из рассады вырастает растение и вызревают плоды. Всего три месяца. В начале мая и во второй половине августа случаются ночные заморозки. Нужно спешить, чтобы спасти все, что уродилось. Поэтому фрукты и овощи стоят так дорого. Вова, заботясь об урожае будущего года, унавозил кусты малины и начал поливать почву. Катя и Марика собрали засохшие лепестки гладиолусов. Верочка снова и снова повторяла любимую игру, шлепаясь на траву. Потом девочки устроили кукольную свадьбу, пели и танцевали. Мы, трое взрослых, любовались ими, прервав на минуту свою работу.

16 августа

Сегодня утром Таня разбудила меня новостью, что доктор Кириенко вернулся из отпуска, она видела, как он отправился собирать грибы. Поэтому сегодня мы с Марикой не поехали на дачу. Я надеялась, что во второй половине дня мне удастся поговорить с главврачом, когда он вернется из леса. Возможно, это последний день, который мы можем свободно провести с семьей Тани. Быть может, на этой неделе Марику положат в больницу и прооперируют. Во второй половине дня удалось поговорить с Александром Петровичем Кириенко, и я попросила его сделать дочери операцию, потому иначе нам придется слишком долго ждать профессора. Он сказал, чтобы утром мы пришли в больницу, и тогда можно будет обо всем договориться.

Я получила письмо от Жанны из Сочи. Ренату не приняли в университет, они собираются в Курган. Вечером я написала ей письмо и рассказала, как обстоят дела здесь.

17 августа

Утром мы пошли в больницу. Доктор Кириенко сказал, что надо подождать. Прошло два часа, началась подготовка к общему обходу. Я думала, что когда обход закончится, настанет наша очередь. Минут обход, в половине второго я спросила, ждать ли нам дальше. – Еще немножко, – сказал доктор. Его уже терпеливо ждало много мам и детей. В половине четвертого он сказал, что у него уже не будет времени для нас, придется придти завтра. Ради этого мы попусту просидели здесь целый день.

Из больницы мы отправились в общежитие за теплой одеждой, потому что наступила дождливая, холодная погода. Там меня ждала телеграмма от Петера: “В воскресенье умер дедушка. Берегите себя!”

Мы с Марикой, обнявшись, заплакали. – Никто больше не будет присылать мне открытки. У меня осталась только одна бабушка, папа и ты. Ты не умирай, я не могу жить без тебя! – вырвалась из нее с болью. Да, если бы твоя жизнь зависела только от меня, – подумала я. – Не бойся, Пока я жива, я буду беречь тебя! – утешала я Марику, прижав к себе.

18 августа

Всю ночь лил дождь, небо плакало вместе с нами. Я почти не спала. Вова и в эту ужасную погоду ушел подрабатывать на второй работе, а к десяти приехал в больницу. Я попросила Таню заказать такси, но заказ не приняли из-за плохой погоды.

Я с тяжелым сердцем разбудила Марику, собрала вещи, поблагодарила Таню за гостеприимство и собралась в больницу, пока еще не зная, как и на чем мы туда доберемся. Таня еще раз попробовала вызвать такси, на этот раз ей это удалось. У меня состоялся интересный разговор с шофером, который был убежден, что люди живут хорошо, и в магазинах все есть.

В больнице я потратила много времени в поисках документов лечения Марики. Мне вспомнились прошлые годы, когда Сергей Васильевич немедленно приносил все бумаги, как только мы приезжали. Как жаль, что его уже нет здесь! Куда подевались документы после 29 июля, когда профессор смотрел их? Галина Мартемьянова обзвонила всех, архив, регистратуру, приемный покой, но их нигде не могли найти. В конце концов я предложила посмотреть в кабинете доктора Тамары, ведь она была с нами у профессора. А потом ушла в отпуск. После долгих поисков нашелся ключ от ее кабинета, и наши бумаги лежали там. Под проливным дождем я под полученным взаймы зонтом пошла в поликлинику за свежими анализами и новыми рентгеновскими снимками. При этом я ворчала, не понимая, почему нельзя было сделать все это в огромной новой больнице. Марику я оставила в отделении. Доктор Кириенко посмотрел ребенка и собранные документы, но не захотел брать на себя операцию.

– Ребенка всегда оперировал профессор Илизаров, подождите до января!

– Мы ждем здесь уже месяц. До января нужно ждать еще четыре месяца. Доктор, я прошу вас прооперировать мою дочь!

– Я не знаю, какая операция нужна ей сейчас, – отклонил он мою просьбу.

– Профессор сказал, что нужно растянуть кости стопы, чтобы предотвратить поворот внутрь большого пальца. А на кисти нужно разделить сросшиеся пальцы.

– Здесь ничего не написано. Профессор видел ребенка?

– Да, видел 29-го числа.

Мы перелистали историю болезни дочки, и последняя запись, которую мы нашли, была сделана 27-го числа, в ней значилось, что девочку нужно показать профессору. Но ни Илизаров, ни доктор Тамара не записали, что сказал профессор 29-го июля о следующей операции. Доктор Кириенко пообещал вечером договориться с Илизаровым о том, что надо сделать. Он положил Марику в отделение на маленькую кровать и пообещал после операции перевести ее, если освободится кровать побольше.

19 августа

Утром я спросила доктора Кириенко, разговаривал ли он вечером с профессором, и он ответил, что разговаривал, Марику надо оперировать. Услышав это, я успокоилась, что Гавриил Абрамович все же заботится о здоровье моей дочки. Я упомянула доктору Кириенко о разнице между пятками и о неподвижности щиколотки, на

что он ответил, что в этот раз они не будут ими заниматься, но он спросит профессора и об этом.

20 августа

Сегодня в первой половине дня я занималась тем, что попросила в регистратуре новую историю болезни для собранных документов. После этого мы пошли к анестезиологу за разрешением на операцию. Надежда Прокофьевна узнала Марику и удивилась тому, как сильно она выросла за прошедшие годы. Мы вспомнили первую операцию, когда она делала дочке наркоз и отослала меня, чтобы я не плакала перед операционной. Я перебрала в памяти прошедшие пять лет. Все-таки мы правильно сделали, что приехали лечиться в Курган! Это подтвердила и другая мама, которая впервые привезла сюда дочку в двадцатилетнем возрасте. Она рассказала, сколько невзгод им пришлось перенести.

Вечером я написала свекрови и Петеру письмо с утешениями в связи со смертью бабушки. Потом я чистила маслята и думала о том, как хорошо было бы сейчас посмотреть праздничный салют на берегу Дуная.

21–23 августа

Мы провели конец недели у Бородиных, занимались с Марикой венгерской грамматикой. Ближится начало учебного года. Катя готовится в школу, Верочка пойдет в ясли, Таня с первого сентября выйдет на работу. Стоит пасмурная, дождливая погода.

25 августа

В утренней передаче курганского радио сообщили, что профессор Илизаров встретится в Нью-Йорке с журналистами и расскажет им о перестройке в сфере здравоохранения.

26–27 августа

Доктор Кириенко осмотрел в перевязочной руку Марики. Я упомянула ему, что там есть небольшая ранка, которая не заживает с прошлого года, видимо, где-то глубоко осталась нитка от шва. Марики сделали обезболивающий укол, ее кисть

распухла, врач искал в ране, но ничего не нашел. Потом кисть перевязали, сейчас она болит.

Вечером в программе “Время” показали Илизарова, посетившего выставку в Нью-Йорке. По радио в утреннем выпуске новостей рассказали о темах нью-йоркского международного медицинского конгресса.

Стоит холодная погода, идет дождь, на рынке очень много грибов. По дороге домой я купила грибов, вечером очистила их и заготовила на зиму, как меня учили женщины в общежитии. Сегодня также удалось купить винограда, я полтора часа стояла за ним в очереди перед “Сибирью”. В прогнозе погоды сказали, что ночью будет минус два градуса. Лето окончилось.

28–29 августа

На конец недели я взяла Марику к себе в общежитие и дала ей возможность подольше поспать и отдохнуть, потому что в больнице долго болтают и поздно ложатся спать. Чтобы не мерзнуть, я включила электрический обогреватель. По просьбе дочки, я приготовила фаршированный перец. Потом мы много занимались, дочка выучила по природоведению фруктовые деревья и виноград, по грамматике – части речи, по арифметике – таблицу разрядов чисел, а также чтение и правописание больших чисел, по литературе – сказки. Потом Марика задавала разные вопросы, прежде всего о звездах, о движении планеты, о солнечной системе, о полетах в космос, о посадке на Луну. Вечером мы спустились на улицу и я показала ей Большую и Малую Медведицу и Полярную звезду. Марика восхищалась августовским небом, усыпанным звездами.

Вечером мы поздравили по телефону Вилена, Женечку и Софью с днем рождения. Все трое были очень рады.

Готова розовая фланелевая пижама, которую я шила для Марики, сделал широкую штанину, чтобы в ней уместилась нога с аппаратом.

1 сентября

Мы проснулись красивым солнечным утром. Сегодня начался новый учебный год. Из находившихся около больницы домов пошли в школу девочки в коричневых платьях, белых фартуках, с большими бантами на головах и цветами в руках, я заметила и несколько мальчиков, одетых в темно-синюю форму. В больнице шумели дети, одевшиеся в самые красивые одежды. В одиннадцать часов в зимнем саду началось торжественное открытие учебного года, туда поспешили учителя, дети и родители. В три часа дня директор школы провел родительское собрание. Праздновало даже телевидение, был показан фильм, снятый по роману “Война и мир”.

3 сентября

У Марики до сих пор не зажила рука, на этой неделе операции не будет.

Все свое время я потратила на грибы. Сегодня я собрала много белых грибов в лесу рядом с больницей, и, нарезав и нанизав их на нитку, повесила сушить на окно. Маленькие маслята я полтора часа варила в соленой воде, потом процедила, положила в банки вместе с чесноком, лавровым листом и перцем в зернах, залила уксусной эссенцией и накрепко закрыла банки. Маслята покрупнее я нарезала и обжаривала в масле до тех пор, пока масло не очистится. Потом я разложила грибы в банки, их покрывает масло. Я не люблю чистить эти грибы, потому что их маслянистая, липкая коричневая пленка пачкает руки подобно молодым орехам. И все же стоило повозиться с ними, потому что они очень вкусные.

Вечером по дороге в больницу ко мне под зонтик попросился незнакомый русский мужчина. Он знал, что я венгерка. В 1956 г., будучи солдатом, он побывал и в Венгрии, а вообще он служил на Черноморском флоте и плавал по Дунаю.

– Там шла настоящая война, – сказал он, – нам было труднее, чем в 1968 г. в Чехословакии. СССР не отпускает страны, добытые кровью его солдат. Во время мировой войны много советских солдат погибло при осаде Будапешта.

– Я знаю, несколько лет назад я разговаривала с женщиной, которая жила здесь, у Черного ручья. Ее муж тоже погиб там.

Мужчина привез на лечение сына. Он знал, что я живу здесь с дочкой. Я продолжала размышлять над его словами даже тогда, когда мы с Марикой любовались с балкона радугой, венчавшей восточную сторону неба. Это была двойная радуга. Ее бледное отражение приукрасило небо, обремененное темными облаками. На западе мрачная пелена облаков уже начала расходиться, и прощавшееся солнышко рассыпало свои сияющие лучи.

Вечером нас навестила в общежитии Раиса Симоновна. Мы были очень рады друг другу. Женщины сообщили ей, что мы приехали.

5–6 сентября

Этот конец недели Марика опять провела со мной в общежитии. Мы сходили в парк рядом с центральной площадью и в находящийся там музей. Говорят, что это здание когда-то было церковью. В музее есть исторические материалы о декабристах и о ссылке Ленина, а в другой его части была представлена фауна и флора края – чучела зайцев, лисиц, волков и ласок. Марике больше всего понравился небольшой белый горностаев. Я рассказала ей, что мехом горностаев украшают королевские манитии. Марика долго любовалась разноцветными птицами и рыбами. В парке культуры мы покатались на чертовом колесе. Позже мы зашли к Тане, отведали дикой утки, которую подстрелил ее отец, и испекли пирог с яблоками.

7 сентября

В первой половине дня был большой обход. Александр Петрович объявил, что Марику прооперируют завтра. Но потом врачи заметили, что она все еще немного простужена, поэтому операцию отложили на пятницу.

Во второй половине дня я испекла пирог с яблоками, капустой и грибами. Вечером венгерские мамы пришли в общежитие поздравить меня с днем рождения.

11 сентября

Рано утром я приехала в больницу с двумя пледами. Марику отвезли в операционную. Я попросила доктора Кириенко, собиравшегося на операцию, разрешить мне постелить дочке на освободившейся большой кровати. Он не дал своего согласия, потому что эта кровать была обещана Гаянэ, девочке из Ташкента. В последние годы сложился обычай отдавать лучшие места в палате больным, которые лежат здесь дольше остальных, а новичкам отводятся места похуже. Я считала такую практику обидной, ведь больному нужны покой и комфорт прежде всего в дни после операции. Перед тем как Марику привезли из операционной, главная медсестра Галина Георгиевна пришла посмотреть, приготовила ли я кровать для своего ребенка. Она удивилась, что наше место по-прежнему на маленькой кровати, как и перед операцией. Марика не могла вытянуть на этой кровати ноги, они свисали, и это никак не подходит ребенку с аппаратом на ноге. В конце концов главная медсестра попросила Гаянэ и ее бабушку остаться на прежнем месте, а освободившаяся кровать у стены досталась Марике. Я быстро постелила свежестиранное, поглаженное постельное белье. Вскоре тоненькая медсестра Зина принесла на руках Марику с шестого этажа на второй, потому что лифт не работал. Ей пришлось пронести девочку по лестнице и через длинный коридор. У меня на глаза навернулись слезы, меня поразило это проявление большой человечности, человеческого великодушия. Я уже не беру на руки своего тридцатикилограммового ребенка, мне это уже не под силу. А эта хрупкая, молодая девушка носит мою дочку на руках. Я поблагодарила ее. Марике поставили аппараты на кисть и на стопу. Оперировал главврач Кириенко. Ребенок спокойно спал, иногда постанывая от стреляющей боли в руке. Под воздействием укола “Промидола” дочка провела ночь спокойно. Я бодрствовала и следила за ней до утра, расположившись рядом на постеленном на полу матрасе.

12 сентября

В первой половине дня я сбегала домой и сварила суп из курицы. Марика удовлетворительно пообедала. В течение дня она несколько раз пила лимонад и смороди-

новый сок. Во второй половине дня нас постигла большая радость, на контрольный осмотр приехали мама Путич с сыном Эндре. Они привезли нам посылку и письмо из дома.

18 сентября

Марика чувствует себя хорошо, ходит, мы подкручиваем аппараты на руке и ноге. На кисти мы растягиваем кожу между сросшимися пальцами, чтобы позже их можно было отделить друг от друга. На ступе удлиняю плюсневые кости, ведущие к маленьким пальцам. Эта операция не измучила дочку так сильно, как предыдущие. Правда, на этот раз не пришлось делать больших переломов, да и Марика уже стала намного старше. Она подружилась с другими девочками, мне уже не нужно постоянно сидеть с ней, я стала свободнее.

Сегодня мы с мамой Верой отправились за грибами в лес, расположенный на окраине города. Тайга здесь очень красива. Друг рядом с другом растут высокие березы и хвйные деревья. Мало кустов, подлесок очень редкий. Почва покрыта мягким слоем опавшей листвы, кое-где серебрятся пятна лишайника и зеленеют бархатистые подушки мха. Повсюду виднелись разные грибы. Издалека можно было заметить, как белеют бледные поганки, как будто выдававшие себя за невинную невесту. Выделялись и прочие мухоморы, некоторые из них, обладавшие красными шапочками с белыми пятнами, представляли собой заманчивое зрелище. Встречались и мухоморы апельсинового и лимонно-желтого цвета. Съедобные грибы коричневого или серого цвета скромно таятся у самой земли. Повыше вырастают только некоторые белые грибы и дождевики. Их нужно узнавать. Я нашла белые грибы, маслята, рядовку, рыжики и опять и наполнила ими корзину. Около полудня у меня заурчало в животе. Я поделилась с Верой захваченным с собой черным хлебом. Она тоже отыскала несколько конфет. Мы зашли глубоко в лес, отыскивая направление к дороге в Курган по рокоту машин. В общежитии быстро распространилась новость, что мы пошли в лес. О нас уже беспокоились и все были рады, когда мы появились. Тася, эксперт по грибам, немедленно зашла ко мне, высыпала грибы на стол, рассортировала, выкинув некоторые из них, и объяснила, как нужно готовить грибы разных сортов. После этого я отправилась к Марике с ужином, она удивилась, что я ходила в ближний лес. Придя домой, я до полуночи занималась своими грибами.

19 сентября

Мама Путич с сыном улетели домой. Я проводила их на аэродром. Автобусы ходили реже, потому что расширяли дорогу, ведущую в больницу. Подходило к концу

строительство бетонного моста через Черный ручей. Это была одна из причин. А другая заключалась в том, что автобусы понадобились для перевозки рабочих разных предприятий на осенний сбор урожая. На землях, расположенных вокруг города, собирали капусту, лук, картошку и свеклу. Из-за множества дождей нельзя было использовать уборочные машины, понадобились человеческие руки. Ехать пришлось всем – инженерам, врачам, учителям. Собранный урожай привозили на грузовиках в магазины, сваливали перед зданиями, люди мешками несли продукты домой. Продавцы с трудом справлялись со множеством товаров и покупателей.

21 сентября

Профессор Илизаров улетел в Москву, а оттуда отправится дальше, в Австралию. Там ему вручат международную премию, присвоенную весной в Швейцарии.

Марика старательно подкручивала аппараты. Беда заключалась лишь в том, что болт прокручивался, не схватывая спицу на мизинце ноги, так что подкручивать было невозможно. Я упомянула об этом врачу нашей палаты, Дмитрию Зузукину, который обещал посмотреть аппарат. Марика немного простудилась.

24 сентября

Все говорили о несчастном случае. В четыре часа дня в людей, стоявших на автобусной остановке у завода имени Ленина, врезался грузовик “КАМАЗ”, который поскользнулся на мокрой дороге, пытаясь объехать неожиданно повернувший мотоцикл. Говорят, что мотоциклист был пьян. Оба водителя погибли, многие из стоявших на остановке получили травмы.

У меня в комнате заменили батарею. Этим занимались двое мужчин, один работал, а другой смотрел. Вытекло много воды, в чемоданах под кроватью промокла одежда. Я очень устала, подтирая грязную воду, полоская и развешивая промокшие вещи.

Состояние Марики улучшается. После обеда она ходит в больничную школу и даже успевает сделать уроки к тому времени, когда я вечером прихожу к ней. Лечебная гимнастика, которую она посещала в первой половине дня, тоже была не так утомительна, как раньше. Наверное, потому, что аппараты стали теперь меньше и легче.

25 сентября

В утренней передаче московского радио объявили о том, что постановлением ЦК КПСС от 24 сентября курганская больница преобразована во Всесоюзный науч-

ный центр “Восстановительная травматология и ортопедия”. Утром на доске объявлений у входа в больницу появилось поздравление, в котором это изменение доводилось до нашего сведения.

2 октября

Мы должны были навести в палате большой порядок. Распространилась новость, что приехали американские врачи. В наше отделение они не заходили. Во второй половине дня для них устроили в большом зале показ диафильмов о проходящих лечении пациентах больницы, а также прозвучали доклады. На мероприятие пустили всех желающих.

5 октября

Со времени Марикиной операции прошло три недели. Были сделаны рентгеновские снимки руки и ноги. Марика пошла на рентген одна, ей пришлось долго ждать. В первой половине дня она сказала, чтобы я спокойно шла домой, она справится одна. Я поехала в город, посмотрела покрытые разноцветной листвой деревья на улице Куйбышева и Советской. Потом прогулялась до дома декабриста Розена и села отдохнуть на скамейку в беседке, стоявшей в маленьком саду. Этому историческому саду надо было бы уделять больше внимания. По размещению деревьев можно было представить, как прекрасен был этот парк в былые времена. Однажды мы с Таней побывали в этом доме, еще хранившем прежнюю красоту, мы провожали сюда Катюшу на урок скрипки. Теперь здесь работает музыкальная школа, прежние жилые комнаты превратились в учебные помещения. В большом зале, где устраивали танцевальные развлечения, теперь иногда дают концерты талантливые воспитанники школы, а в бывшем салоне для приемов балетмейстер занимается способными к танцам детьми. В коридоре размещены картины и скульптуры, в том числе копия головы Давида Микеланджело.

Потом я купила в ЦУМ-е несколько добротных полосатых полотняных простынь. Здесь широкий выбор постельного белья, невероятно, что за ним не нужно было стоять в очереди.

Вечером я прочитала в сегодняшнем номере газеты “Советское Зауралье” сообщение о том, что по случаю приближающейся 70-летней годовщины Великой октябрьской социалистической революции профессор Илизаров пожертвовал восемь тысяч рублей в пользу детей, воспитывающихся в детском доме близлежащего поселка Варгаши. В газете было напечатано и письмо Илизарова. Утром я услышала по радио слова благодарности руководителя детдома.

6 октября

Пришла посылка от Жанны. В ней были лосось, икра, кофе, персиковое варенье и короткое письмо, в котором говорилось, что они собираются, но еще не знают, когда приедут.

Вечером в палате вспыхнула ссора. Недавно к нам положили девочку из Румынии. Ее привез отец, который потом уехал домой. Даниэлле восемь лет, она развитая девочка с красивым лицом, самостоятельная, норовистая, непослушная и драчливая. Бьет остальных детей руками и ногами, а если кто-то из них отвечает ей, идет жаловаться дежурной медсестре. Так случилось и сегодня.

7 октября

В первой половине дня мы все посмотрели документальный фильм московского телевидения об Илизарове. В нем показали Карло Маури и ту девушку, которая была счастлива, потому что профессор растянул ей ногу. В фильме были хорошие кадры, показывающие, как она самозабвенно танцует на своей свадьбе.

Во второй половине дня мы ездили на автобусе в находившуюся неподалеку деревню Смолино, чтобы посмотреть красивую православную церковь. Говорят, что в этой деревне некоторое время жил декабрист Кюхельбекер.

13 октября

Сегодня день города Шадринска. Утром я слушала по радио передачу о знаменитом уроженце города, скульпторе Шадре. Известна его скульптура “Бульжник – оружие пролетариата”, а также замечательный портрет Горького. Несколько его работ выставлено и в курганском музее.

В сегодняшнем номере газеты “Труд” напечатана заслуживающая внимания статья о нашей больнице. В ней я прочитала следующее. Курганская больница станет Всесоюзным научным центром ортопедии и травматологии. Во многих местах на территории СССР, в Ленинграде, Казани, Краснодаре, Красноярске, Омске, Новосибирске, Владивостоке, Уфе и Москвской области, откроются больницы, где больных будут лечить по методу Илизарова. Такие больницы уже работают в Казани и Свердловске (ныне – Екатеринбург). В других городах места для строительства больниц будут обнеспечены Министерством здравоохранения СССР. Областные и городские партийные организации будут организовывать работы и контролировать деятельность больниц. В этих больницах будет увеличено число медицинских работников. Врачам, результативно лечащим своих пациентов, будут выдаваться дополнительные средства. В целях более успешного и эффективного лечения в

больницах будут создаваться бригады врачей и медсестр. Профессор Илизаров и сам сможет платить больше денег тем врачам, чьей работой он будет доволен.

Ох, как это прекрасно, как замечательно!

Больше средств будет тратиться на питание больных, будет повышено его качество. Будут созданы новые заводы по производству аппаратов, необходимо изготавливать аппараты более высокого качества. Содействие в этом должно оказывать Министерство промышленности СССР. В интересах повышения эффективности лечения необходимо расширять международное сотрудничество в области медицины. Можно наладить межгосударственную куплю-продажу ортопедического оборудования.

Интересно, что из этого будет осуществлено на самом деле?

17–18 октября

Стоит прекрасная осень, в саду больницы пожелтела листва берез, дикие яблони оделись в бордовый цвет. В маленьком саду по улице Кузнецова № 17 листья рябины за две недели поменяли свой цвет сначала с зеленого на желтый, а потом на бордовый. Привлекают взгляд гроздевидные ягоды, набухшие от ночных заморозков. К утру опадает все больше листьев. Деревья и кусты раздеваются на зиму.

На конец недели я отвезла Марику из больницы к себе в общежитие. Мы сходили к Бородиным, поздравили Катюшу с днем рождения. Навестили и Бориса. Вечером я была очень счастлива, что Марика сейчас со мной. Когда она прижимается ко мне, и я обнимаю ее, мне вспоминается, какой маленькой она была когда-то. Как пролетели годы! Скоро ей исполнится десять лет. Как хорошо, что у меня есть этот ребенок! К сожалению, больше детей у меня не будет.

За эти два дня мы много занимались. Нужно осваивать венгерскую школьную программу, я не хотела бы, чтобы Марика осталась на второй год. В нашей школе согласились на то, что я буду учить ее. В своем венгерском классе она принадлежит к числу лучших учеников.

19 октября

Сегодня Марике снова сделали рентген руки и ноги. Наш врач пообещал, что на будущей неделе Марику отвезут в операционную и вставят ей спицу к мизинцу ноги, чтобы можно было растягивать кость. Все зависит от рентгена. У меня такое чувство, что уже поздно. Со дня операции прошло больше месяца, рассеченная косточка уже срослась. Это нужно было сделать тогда, когда я сказала, что болт прокручивается и не схватывает спицу. Здесь тоже действует принцип “Эх, успеем

– жизнь длинна”. Из-за своего насморка Марика ходит на кварцевое лечение. Ей нужно брать в рот тубус, чтобы уничтожить бактерии в полостях рта и носа.

Со времени ленинградской речи Горбачева все говорят о повышении цен. В универмаге широкий выбор товаров, много покупателей, местные жители опасаются, что все подорожает. Не проходит и дня без того, чтобы по радио не говорили о перестройке. Люди пока верят в намеченную партией программу. Я рада, что судьба привела нас сюда именно в эти годы, рада, что стала очевидцем конца эры Брежнева и периода, связанного с именем Горбачева, периода гласности и крупных перемен. Происходящее в значительной мере определяет и нашу судьбу.

22 октября

После большого обхода я посмотрела рентгеновские снимки, сделанные 19-го числа. На руке расстояние между сросшимися пальцами уже достигло сантиметра. На ступе плюсневая кость, ведущая к мизинцу ноги, уже, к сожалению, срослась, больше нельзя подкручивать аппарат. А ведь я вовремя предупредила об этом, через десять дней после операции. С будущей недели начнут расширять стопу.

Сегодня я опять хотела забрать Марику из больницы, но она сказала, что ей хотелось бы остаться. Она подружилась с Гаянэ, девочкой из Ташкента, они много разговаривают и играют. А я помогаю ее бабушке, ей уже семьдесят лет, она ходит с трудом. Я покупаю для нее продукты на рынке.

В больничном саду установили перголы со скамейками. Как было бы хорошо, если бы это было сделано весной, когда здесь могли бы посидеть прогуливающиеся больные! Сейчас уже холодно, и ни у кого нет желания сидеть на скамейке.

24 октября

К утру выпал снег, ртутный столбик градусника упал до минус восьми градусов, наступила зима. Я провела весь день в больнице, искупала Марику, помыла ей голову, потом мы сели заниматься. Во второй половине дня нас навестила Таня Бородина, мы очень обрадовались ей и только жалели, что она не привела с собой дочерей. Оберегает их от холода.

Сейчас в отделении много иностранных больных. Среди них есть кубинцы, болгары, поляки, венгры, но больше всего русских. Одну взрослую девочку профессор прооперировал летом. Планировалось растянуть ей стопу. Неизвестно почему и отчего, но на стопе образовалась большая рана. Мы все волнуемся за нее.

29 октября

Я получила письма от нашей бабушки и от своей подруги-журналистки Эржебет Фазекаш. Они прислали искренние, сердечные строки о том, какие новости появились в газетах о моей книге “Курганский дневник”, рассказывающей о лечении моей дочки. Наша бабушка написала, что “во вторник в разделе культуры газеты „Непсабадшаг” от 13 октября появилась короткая статья о том, что на рождественской книжной ярмарке будет продаваться твоя книга. О тебе пишут с большой теплотой, поздравляю тебя. Петер позже вложит статью в письмо и отошлет тебе, чтобы ты смогла порадоваться”. Прочитала я и заботливое предупреждение: “Будь осторожна с грибами, я очень боюсь их. В Венгрии опять многие умерли от отравления грибами”.

Кроме этого, свекровь написала и о том, что 27-го числа уезжает в Канаду, туда нужно будет послать ответное письмо. Бедный Петер останется один, без всякой помощи!

В письме Эржебет Фазекаш я прочитала следующее: “Сейчас у меня есть серьезная причина писать тебе. Позавчера вечером я закончила читать твой дневник. Я проглотила его за пять ночей, потому что в редакции мне одолжили его на неделю. После прочтения твоей книги меня пронзила мысль, что было бы очень дурно не написать тебе немедленно, ведь тебе может быть крайне важно получить письмо из Венгрии, поэтому я решила нацарапать несколько важных вещей. Например, что 12-го числа, в понедельник вечером по радио говорилось о зимней книжной ярмарке и прозвучало, что состоится дебют нового автора, Марии Кадаш, которая в своей первой книге “Курганский дневник” пишет о том, как лечили ее дочь. И далее последовало два-три предложения о том, что лечение проходило вдали от родины, в зимний холод, но в человеческой теплоте, со многими мытарствами. Радуйся, теперь ты уже представлена публике”. Затем в письме было несколько искренних критических замечаний о книге. Со стороны лучше видны недостатки, и от хорошего друга человек не только принимает, но и искренно ждет критических замечаний, зная, что в дружеской критике содержится и требовательность, большие ожидания, и стремление помочь, и добрый совет. В заключение Эржебет сообщила, что закончила интервью, которое она взяла у меня и Марики перед нашим отъездом. Теперь она хочет отдать его в какую-нибудь газету, чтобы его напечатали одновременно с появлением книги.

Я с радостью прочитала оба письма, они возвратили мне хорошее настроение. Марика тоже доставила мне радость, написав контрольную работу по русской грамматике на четыре пятых. Им диктовали связный текст, и Марика сделала мало ошибок. Здесь она тоже ходит в четвертый класс.

30 октября

В магазинах – изобилие товаров. В городе предпраздничная лихорадка. В овощном магазине продается все, что растет в этой местности – яблоки, груши, помидоры, сельдерей, свекла, капуста, картошка, арбузы и даже гранаты. Их откуда-то привозят. С количеством овощей все в порядке, а вот их качество не такое, как у нас. Но хорошо, что все есть, причем дешево. Если бы так было и зимой!

1 ноября

Весь день я провела в больнице. Мы с Мариной занимались учебой. В полдень дети вместе пообедали, они уже подружились. Хорошее нестроение нарушает только девочка из Румынии, которая постоянно пристаёт к кому-то. Атмосферу сегодняшнего дня повысило то, что к Свете из Свердловска приехал отец поздравить ее с днем рождения. Все маленькие девочки любят Свету, которая намного старше их, и завалили ее небольшими подарками. Другим радостным событием стало то, что Марика тоже получила в подарок красивую раскрашенную коробочку от приглашенного в гости Золи Доханя. – Я так счастлива, мама! – Было приятно слышать и видеть ее радость.

Мы, взрослые, родственники, ухаживающие за детьми, тоже находимся в палате в хороших отношениях. Мы вместе пьем чай и кофе, иногда слушаем воспоминания бабушки Натальи, которая пережила исторические времена. Больше всего я уважаю в ней то, что, несмотря на свой преклонный возраст и болезни, она все же взяла на себя уход за своей внучкой Гаянэ. Эта задача подвергает испытанию даже силы и здоровье гораздо более молодых родителей.

Вечером в сегодняшнем номере местной газеты я прочитала, что американские врачи в Нью-Йорке проявляют большой интерес к методу профессора Илизарова. Американский профессор Франкель, который побывал здесь в мае, сообщил, что вскоре в Курган в научную командировку приедут американские врачи.

3 ноября

Вернувшись во второй половине дня в больницу, я нашла рядом с Мариной маленькую Василину. Она приехала с мамой из Краснодара на контрольное обследование. Две девочки с прежней сердечностью рассказывали друг другу, что произошло с ними с тех пор, как они расстались. Они вместе ходили во второй класс.

Погода все холоднее, в нашей палате по какой-то причине не грела батарея. Наши дети ходили погреться в 4-ю палату. Я уже сказала об этом главной медсестре и врачу, но ничего не произошло.

Вечером я посмотрела передачу московского телевидения. Передавали праздничный концерт по случаю 70-й годовщины революции. Больше всего мне понравилось выступление групп в национальных одеждах всех союзных республик, которые в конце собрались вместе для финальной сцены.

4 ноября

Сегодня в первой половине дня наш лечащий врач скорректировал Марикин аппарат, поменял в нем стержень, чтобы можно было продолжать расширение стопы.

Есть здесь русский мальчик лет четырех, его привез из детдома воспитатель, у него нет родственников. Он обращался за той или иной помощью то к одной, то к другой маме. Сегодня он подошел ко мне с просьбой перешить ему рукава рубашки и свитера так, чтобы он мог надеть их на руку с аппаратом. Я распустила боковые швы, пришила пуговицы и сделала петли, чтобы можно было застегнуть рукава. Мальчик заметил, что Марика – моя дочь, и у нее рукав свитера застегивается на пуговицы, потому что на ее руке стоит аппарат. Поэтому он и подошел ко мне. Все любят его, в том числе и те, кто работает на кухне. В первые дни по больнице ходили слова мальчика, превратившиеся в крылатое выражение: – Как я хотел бы быть иностранцем! Я тожу хочу есть сметану, картошку и жареную курицу, а не только кашу! Если оставалось немного хорошей еды, то повара звали его на кухню и отдавали еду ему. Этот мальчик немного напоминал мне Иванушку из снятого по рассказу Шолохова фильма “Судьба человека”, паренька, осиротевшего во время войны и усыновленного шофером, которого играл Сергей Бондарчук.

Вечером я посмотрела трансляцию из Кремля праздничного заседания Верховного Совета и репортаж о том, как смотрят передачи московского телевидения в Индии и Японии.

5 ноября

В первой половине дня наши дети выступили с праздничной программой, организованной и отрепетированной больничными воспитателями. Мы, родители, дети и свободные работники больницы, собрались в одном из гимнастических залов. Наибольший успех имели дети нашего отделения (патологии кисти и стопы). Празднуя столетие со дня рождения Самуила Маршака, они разыграли его сказку “Кошкин дом”. Света Тепкина играла кошку, Марика – одного, а Гаянэ – другого котенка, у Димки была роль мышки. Из-за огромного успеха представление пришлось повторить и во второй половине дня. Отлично удались не только голоса и игра исполнителей, но и их грим и костюмы. Было сделано много фотографий маленьких актеров.

Спектакль «Кошкин дом»: актерская группа

6–7–8 ноября

Три выходных праздничных дня мы провели у Бородиных и у Бориса, отдыхали, читали и смотрели телевизор.

9 ноября

Наступили серьезные холода, градусник у входа в больницу показывал утром девять градусов мороза. Я вошла в нашу палату, испытывая сильное беспокойство. Дети дрожали от холода под одеялами, боясь вылезти из постелей. Бабушка Наталья, которая жила ближе к больнице, приехала раньше меня и уже включила в розетку маленький рефлектор, который я купила в первые холодные сентябрьские дни. В палате было всего 12 градусов. Когда мы позавтракали, я основательно одела Марику, проводила ее на лечебную гимнастику в еще более холодный гимнастический зал на первом этаже, а потом зашла к главной медсестре больницы, чтобы рассказать ей о неисправности батареи. Я также сказала, что если наша батарея не будет греть и сегодня, то я пожалуюсь профессору Илизарову. Через некоторое время главная медсестра больницы Роза Ивановна появилась в нашей палате в со-

провождении работавшей в отделении медсестры, чтобы посмотреть, что случилось с батареей. Вскоре пришли два слесаря. Они заставили меня отодвинуть стоявшие поблизости кровати, стучали и крутили кран батареи. Постепенно она начала немного нагреваться, но только одна половина. Тем временем появились и столяры, которые забили балконную дверь, чтобы она не открывалась от ветра. С помощью ножа я заткнула щели ватой и заклеила их полотняными полосками. Этой работе я научилась здесь и делала ее уже много раз. Потом я пошла к нашим медсестрам по поводу едва нагревавшейся, наполовину работавшей батареи. В комнате сидело несколько человек.

– Приходили слесари, но батарея почти не нагревается, – сказала я, – Здесь тоже нужна перестройка, чтобы люди работали лучше и добросовестнее.

– Если Горбачев повысит нам зарплату, то мы будем лучше работать, – ответила одна из медсестер.

– Печально, что здесь нет никого, в ком заговорила бы совесть. Больные дети уже несколько недель лежат в холодной палате, на улице десять градусов мороза, а будет и еще холоднее. Разве нельзя что-нибудь сделать просто из человечности?

– У нас нет четырехкомнатных квартир и семисотрублевых зарплат.

Меня поразил этот неожиданный личный выпад. Откуда они знают, какая у нас квартира?

– Квартиру я получила летом, проработав для этого двадцать пять лет. У меня нет семисотрублевой зарплаты, но из того, что я сейчас получаю, я трачу на квартплату половину, а не всего десять рублей, как здесь. И поскольку я уже несколько месяцев не работаю, то и не получаю зарплаты. Здесь тоже нужно на что-то жить, на это уходит то, что я заработала раньше. К тому же я и здесь работаю.

– Что вы делаете?

– Я убираю нашу палату без всякого вознаграждения, хотя это не моя обязанность.

Я горько сокрушалась про себя. Как могут молодые женщины работать в медицинских учреждениях с таким образом мысли и настолько бездушно? Отнеслись бы они с таким равнодушием к неисправности батареи, если бы в таких условиях лежали бы их собственные дети? Мне вспомнилось детское отделение старой больницы, где трудовая дисциплина определялась любящей строгостью и добросовестностью Валентины Грачевой. Тогда мы, мамы, трудившиеся ради своих детей, мыли полы в палатах и коридоре по три раза в день. Требовательность и строгость Валентины не помешали бы и сейчас, заставив молодежь освоить навыки трудовой дисциплины. По радио часто передают новости о перестройке, говорится о том, что людей надо встряхнуть, чтобы они работали добросовестнее и лучше, повышали качество труда, делали свою работу с чувством полной ответственности за результат. Зато в действительности можно столкнуться с безмерным равнодушием.

Была уже вторая половина дня. Пока девочки были в школе, я помыла пол в палате и передвинула на место кровати. Никто не поинтересовался, что я делаю, не

появлялись и слесари, хотя я думала, что они зайдут посмотреть, как работает батарея. Одна половина батареи была по-прежнему теплая, а другая – холодная. Было ясно, что сама по себе она не станет теплее. Я поинтересовалась, к кому надо обратиться, кто отвечает в больнице за технические вопросы, и где его можно найти. Кроме этого, я оставалась целый день в больнице еще и в надежде на то, что Марики сделают перевязку, бинты на руке и ноге были уже довольно грязными. Со дня последней перевязки скоро уже пройдет месяц. Раньше перевязочная медсестра вызывала Марику чаще. Сегодня не состоялась и перевязка.

10 ноября

Утром в палате наших девочек было 5 градусов тепла, когда первой из родственников в больницу пришла бабушка Наталья. Она немедленно включила обогреватель, и к тому времени, когда четыре девочки оделись, и наш молодой лечащий врач Зузукин вошел в палату, чтобы сделать утренний обход, ртутный столбик градусника уже дополз до отметки в 10, а позже, когда девочки ушли на лечебную гимнастику, – в 12 градусов. Но выше он уже не поднялся. Мы с бабушкой Натальей ждали слесарей. Около полудня я уже собиралась пойти в старую больницу к Сутягину, который отвечал за технические вопросы, но бабушка Наташа отговорила меня, веря в то, что кто-нибудь придет и починит батарею. И действительно, после обеда пришел мужчина, не из тех, кто приходил вчера. Я снова отодвинула кровать, освободив для него место.

– Что случилось? – спросил мужчина.

– Батарея не греет.

– Строители плохо работали, неправильно установили ее, – попробовал переложить ответственность на других мужчина.

– Мы были здесь и два года назад, тогда батарея грела хорошо, – сказала я. – По всей видимости, отложившаяся накипь закрыла доступ воде. Нужно бы прочистить.

Слесарь постучал по батарее каким-то инструментом, пожал плечами и собрался уходить.

– Если сегодня дети не будут в тепле, я пойду к Сутягину. Он еще на работе. Вы время от времени смотрите батарею, а потом уходите. Ничего не происходит. Все дети простудились.

В ответ на это мужчина крутанул в месте соединения трубы и батареи. Брызнула вода, я побежала за ведром. Мужчина ушел, но оставил в палате ящик с инструментами. Я собрала тряпкой разбрызганную воду и обернула тряпкой щель, чтобы не вытекло много воды. Я слышала, как вода понемногу начала циркулировать и почувствовала, как нагревается батарея. Потом журчание утихло. Слесарь вернулся, открыл гайку, засунул палец направо и налево и вытер ржавую накипь тряп-

кой для мытья полов. Потом он снова прикрутил запорный кран, взял свой ящик и ушел. Все это длилось полчаса. Этого нужно было ждать, ради этого нужно было ссориться и жаловаться целый месяц. Я помыла комнату хлорной водой, потом с мы бабушкой Натальей поставили на место кровати и ночные шкафчики. Когда дети вернулись из школы, было уже 18 градусов. Мы все были очень рады, что не придется идти греться в 4-ю палату.

Почему нельзя было сделать этого месяц назад? С приближением холодов слесарям надо было проверить все батареи. Когда нет Илизарова, в больнице буквально останавливается работа. Люди ходят на работу, но не работают. Кто с них спросит? Почему слесарь вел себя так, будто он делает нам одолжение? Почему ему не пришлось в голову, что он выполняет свою трудовую обязанность? Семьдесят лет социализма привели к тому, что люди разучились работать. Мне вспомнился модный пештский анекдот: “Ленину было легко, потому что он воспитывал из рабочих и крестьян коммунистов. А Горбачеву будет трудно, потому что ему придется воспитывать из коммунистов рабочих и крестьян”.

11 ноября

Сегодня я заткнула ватой щели на окнах у себя в общежитии и положила в двойные окна ватные подушки, чтобы в комнату не задувал ветер и не проникал холод. Порывы юго-западного ветра жестоко сотрясали стекла. Было холодно, всего 15 градусов. Когда изменилось направление ветра, стало немного лучше.

От Вилена пришла посылка с апельсинами и яблоками. В больнице меня ждала еще одна радостная новость. Одна из венгерских мам разговаривала с мужем по телефону, и он сказал ей, что в книжных магазинах уже продается мой дневник, он выставлен в витринах, и его многие покупают. Мне стало грустно, что я сейчас не дома.

Наша дружба с бабушкой Натальей становится все теснее. Я волнуюсь за нее, у нее высокое давление и диабет, а ей приходится жить здесь в такую суровую погоду. К тому же два года назад, когда она с внуком собиралась приехать на контрольное обследование, ее кто-то толкнул на вокзале, она упала и пролежала целый месяц в больнице с переломом шейки бедра. К счастью, кость срослась. На этот раз они рассчитывали уехать домой в октябре, но им нужно дождаться декабря, возвращения профессора Илизарова, который еще не решил, когда он отпустит мальчика домой. Они не привезли с собой теплых вещей, у бабушки нет ни шубы, ни сапог. Я дала ей большой шерстяной пуловер и одну из своих ушанок. Она ходила в ботинках с высокими берцами, но я беспокоилась, что она подскользнется на скользкой дороге. По вечерам мы шли домой вместе, в одной руке у нее была палка, которой она нащупывала дорогу, а другой рукой она держалась за меня. К счастью, она жила поблизости. Иногда я делала для нее покупки на большом рынке, куда она и вовсе не могла ходить.

12 ноября

У Марики поднялась температура, болит горло и ухо. Я целый день оставалась рядом с ней, а она лежала в постели. Эту болезнь лучше всего лечит тепло. Дежурная медсестра дала Марике лекарство. Аппарат на стопе подкручен до конца стержня. Я сказала доктору, что если нужно подкручивать дальше, нужно сменить его. На кисти расстояние между кончиками пальцев уже достигло двух сантиметров. Возможно, что дальше расширять уже не нужно. Марика получила открытку от отца, это немного развеселило ее. Меня тоже постигла радость, прибыл первый экземпляр “Курганского дневника”. Его привезла одна мама, приехавшая с дочерью. Она показала книгу, но не отдала ее мне. Я с радостным ожиданием перелистала ее, но, увидев фотографии, огорчилась. Они не резкие, некоторые из них размытые, дефектные. На передней обложке фотография, на которой Марика сидит на коленях у профессора, а на задней обложке улыбаемся мы. Интересно, когда я получу экземпляр книги от Петера.

15 ноября

Я еще осенью обещала одной из мам, что, когда наступит зима, я схожу с ней в воскресенье на ярмарку на берегу Тобола. Она еще не была там. Сегодня мы сходили туда. На улице уже много снега, но еще не очень холодно. Стоит ясная погода. Утром градусник показывал 27 градусов мороза, позже ртутный столбик поднялся до минус двадцати. Хождение на барахолку является здесь излюбленным развлечением. Интереснее всего становится тогда, когда люди топчут снег, перебираясь на другой берег по льду Тобола, потому что в толкотне на мосту нельзя быстро двигаться ни в одном направлении. На противоположном берегу реки рядами стоят продавцы, двигаться между ними можно только шагом. С самого утра они предлагают свой товар, притопывая ногами от холода. Здесь много глазееющих, мало покупателей, все дороже, чем два года назад. Боярка из лисьего меха стоит сейчас на сто рублей дороже, а за вязаный платок надо платить на десять-двадцать рублей больше. Много поношенной, вышедшей из моды одежды. Есть несколько красивых сапог из оленьей кожи, их привезли из окрестностей Тюмени, просят двести-триста рублей за пару. Очень мало необработанных мехов, к тому же они не такие красивые, как несколько лет назад.

16 ноября

Сегодня врач нашей палаты Дмитрий Викторович Зузукин снова скорректировал аппарат. Он поменял стержень на стопе, ее нужно расширять дальше. Сделали рен-

тген кисти, там нужно продолжать подкручивать аппарат, но очень осторожно. Доктор пообещал, что будет делать это сам. Молодой доктор любезен и ловок, он нам нравится.

Главная медсестра Роза Ивановна спросила, тепло ли у нас в палате. Я сказала, что теперь уже все в порядке и поблагодарила за помощь. Бывает и такое. Эта пожилая женщина не сочла за труд сделать все возможное, чтобы дети не мерзли.

– Нужно было придти ко мне раньше.

– Я не хотела жаловаться, надеялась, что все устроит компетентное лицо нашего отделения. Я обращалась к нему минимум пять раз. В ответ я услышала, что уже всем известно, что у нас не греет батарея, и все же ничего не было сделано.

Вернувшись в палату, я застала там нашу медсестру. Она проверяла содержание и чистоту холодильника. К счастью, в субботу я его разморозила и помыла. Это задача родителей, мы храним здесь еду для детей. Медсестра вынула из морозильника две курицы, сырое мясо нельзя держать в холодильнике. Курицы были вынесены на холодный балкон. Медсестра нашла и другие недостатки, например, обнаружила капли мыльной воды, брызнувшие на стеклянную полку над раковиной.

– Интересно, целый месяц она даже не смотрела в нашу сторону, – сказала я бабушке Наталье, – а теперь, перед возвращением Илизарова, вдруг заусердствовала. Хорошо было бы еще поменять постельное белье.

Маленькая Даниэлла и Марика, склонившись над картой, что-то рьяно объясняли друг другу. Они рассматривали карту Венгрии эпохи Ракоци в книге для чтения для четвероклассников, которую держала в руках моя дочь, а румынская девочка показывала карту современной Румынии из книги для чтения для третьеклассников, на первой странице которой и еще в трех местах была помещена фотография Чаушеску. Марика показывала:

– Смотри, когда-то здесь были венгерские города – Арад, Темешвар, Надьварад, Коложвар, Марошвашархей. Эта территория – и Марика обвела в румынском учебнике карту Трансильвании – принадлежала Венгрии.

– Это Румыния, – шумела Даниэлла, – Орадеа, Тимишоара, Клуж-Напока, Тыргу-Муреш.

– Это история, – доказывала Марика.

– Дочка, ты бы лучше учила стихотворение! – сказала я. Мне не хотелось, чтобы их спор дошел до потасовки.

Я задумалась. Сколько еще десятилетий, при жизни скольких поколений будут отдаваться болью в нас и наших потомках эгоизм и вина руководителей воевавших друг с другом стран? До каких пор останутся нанесенные этим странам раны, сколько еще будет жить горечь от жестоко перекроенных государственных границ? До каких пор нужно будет замалчивать и фальсифицировать исторические факты?

В первой половине дня наша воспитательница созвала родителей, чтобы договориться о том, какие задачи они возьмут на себя в связи с приближающимся ново-

годним праздником. Кто-то взялся испечь торт, другие взяли на себя сбор денег и покупку подарков, а на мою долю выпала обязанность достать материалы для украшений.

17 ноября

Пришло письмо от Маргит Ач, которая редактировала мою книгу в издательстве “Художественная литература”. Она очень много сделала для выхода в свет моего дневника. В ее письме говорилось: “Надеюсь, у вас у обеих все хорошо, вероятно, в ваших краях давно наступила зима, значит, даже если у вас все хорошо, вам все равно нелегко живется. Спасибо за открытку с чудесной миниатюрой (на ней изображены такие характерные для русских сказок кони и витязи; что и говорить, фольклор проникает повсюду и придает каждой национальной культуре фантастическое единство). В ответ я могу послать только две газетные вырезки и свежие новости. Вышла в свет твоя книга, она набрана красивыми, хорошо читаемыми, крупными буквами, Только, к сожалению, иллюстрации получились не очень хорошего качества. К счастью, обложка сделана безупречно. Сердечно поздравляю тебя с появлением книги, желаю, чтобы она доставила тебе радость, и чтобы Марика тоже гордилась тобой, когда станет достаточно взрослой, чтобы прочитать ее... Надеюсь, что вам удастся вернуться домой в январе, как было намечено, потому что тогда ты сможешь еще лучше насладиться впечатлением от недавно вышедшей книги”.

Я быстро прочитала напечатанный в газете “Непсабадшаг” репортаж о пресс-конференции издательства. Было приятно видеть, что из появившихся к зимней книжной ярмарке книг о моей писали почти в первую очередь и подробнее всего, а потом еще говорилось о дневнике Дюлы Ийеша, новеллах Бабича⁶⁹ и других новинках. Ценность моего дневника повышалась тем, что в течение долгих лет это было первое произведение, в котором содержалось приблизительно реальное описание повседневной жизни советских людей.

Я немедленно ответила на письмо Маргит Ач, поблагодарив ее за все, что она сделала для появления книги.

Вернувшись вечером домой, я почувствовала, что у меня горит лицо, болят горло и ухо, и поднялась температура. Я приняла лекарство, подержала ноги в горячей воде и легла спать. Я не могу выбыть из строя, утром нужно будет идти в больницу.

⁶⁹ Михай Бабич (1883–1941) – поэт, писатель, переводчик и историк литературы, один из виднейших венгерских писателей первой половины XX в.

18 ноября

Было бы хорошо весь день оставаться в постели. Но сейчас нет Жанны, которая могла бы помочь мне. На днях я получила от нее письмо, она написала, что скоро приедет на лечение вместе с Ренатой. Они уже более десяти лет ездят в Курган, это будет их последний этап. Лучше делать работу вместе или разделить ее. Немного людей были так близки моему сердцу, как Жанна.

Даже если болеешь, нужно идти в больницу. Надо не только ухаживать за Мариной, но и позаботиться о бабушке Наталье, застрявшей в больнице из-за холода. Сегодня я сделала покупки и для нее и ее внука. Приближается суровая зима, в овощном магазине все меньше товаров, и их качество ухудшается. Я купила яблоки, картошку и помидоры. Помидоры зеленые, быть может, созреют в моем окне. Они безвкусные, но других нет. Я купила еще несколько кочнов капусты, закавашу ее, это мои витамины. Отнесла капусты и одной из любимых медсестер, потому что, когда она пойдет вечером домой, ей уже не достанется. А идти в магазин в рабочее время ей не позволяет совесть.

Я пожарила Марике куриную печень с чесноком, обычно она любит ее, но на этот раз все вышло из нее обратно. Я испуганно пощупала ей лоб, помернула температуру. 37,5. Она тоже жалуется на ухо и на горло. Я сказала об этом нашему врачу, который пообещал вызвать завтра специалиста из поликлиники.

Вечером в общежитии одна женщина позвала меня поехать с ними в Тюмень на встречу с работниками завода железобетонных изделий. Приглашение было заманчивым, но я не решилась ехать больной в такой холод.

20 ноября

К утру установился леденящий мороз. По радио объявили, что температура минус 34 градуса. В воздухе замерз пар, образовался странный, зернистый туман. Я чувствовала уколы волосинок в носу, выбившиеся из-под шапки волосы покрылись инеем, выдыхаемый воздух замерзал на воротнике.

А соседи по общежитию уехали в Тюмень. Смелые люди. Три часа туда, три часа обратно. А если сломается автобус? В этих краях на дорогах случается столько аварий! Я представила себе придорожные деревни с закутанными в снежные шубы деревянными домиками, из которых через маленькие окошки просачивается наружу свет ламп, бесконечные снежные поля, покрытые инеем леса. Я не увижу всего этого, как не увижу большого города и не куплю ковра с солнечным диском и сапог, сделанных из оленьего меха.

Марике лучше. К тому времени, когда я пришла в больницу, она уже оделась. Хорошо, что вчера она целый день оставалась в постели.

Больше невозможно терпеть поведение Даниэллы. Сегодня она опять ударила Марику по больной руке, пока я ходила за завтраком. Дочка громко заплакала, прибежала дежурная медсестра, Тамара Петровна. Через несколько минут подросла и я. – Я не потерплю, чтобы она была моего ребенка, так поколочу, что она не забудет этого! – сказала я медсестре. Но не тронула Даниэллу. Мне не хотелось неприятностей, я только припугнула задиристую, необузданную девочку. Она немного оробела и без единого звука готовилась завтракать. Ей даже не пришлось в голову попросить прощения. На самом деле мне было жаль ее. Поскольку она родилась с врожденной аномалией руки, мать отказалась от нее. Сегодня она удивилась, когда я застелила ей постель.

Я получила от Вилена посылку с яблоками джонатан, апельсинами и лимонами. Это большое сокровище, большая радость. Пришли письма из Венгрии от знакомых, они пишут о моей книге, значит ее читают.

21 ноября

Мороз превзошел все прогнозы. Минус 38 градусов. Я едва смогла встать с постели, болят обе ноги, распухли щиколотки. При мысли, что нужно отправляться в больницу, я пришла в отчаяние. Такого со мной еще не случалось. Я начала руками разминать ступни и массировать щиколотки и колени, чтобы суметь подняться на ноги. С большим трудом мне удалось справиться с силами, я засунула ноги в сапоги и, подсалясь и хромя, побрела в больницу. В этот раз у меня ушел почти час на то, на что летом я обычно трачу лишь полчаса. Из-за сильного мороза кубинцы с детьми поселились в гостинице “Москва”, чтобы не ходить в больницу. Я провела в больнице с Марикой весь день. Мы по возможности занимались учебой, я ушла домой только вечером.

22 ноября

Состояние правой щиколотки немного улучшилось, а левая еще болит и распухла. Я ношу купленные здесь сапоги, я намеренно купила сапоги на размер больше, чтобы в них поместились и шерстяные носки. Сапоги жестче, не такие модные, зато теплее, чем венгерские. Я основательно оделась и закутала платком лицо так, что виднелись только очки. Бабушка Наташа увидела меня из окна и, когда я появилась в палате, заметила, что я выгляжу так, как будто приехала из Якутии. Вчера одна грузинка пожаловалась, что у нее замерзло лицо. Оно было горячим и покраснелось, как будто его натерли наждачной бумагой. – Выходя днем на улицу, хорошо закутывайте лицо, а по вечерам основательно намазывайте его кремом, и

все пройдет, – посоветовала я. – Однажды со мной случилось тоже самое. Нужно тепло одеваться.

По утрам глазам открывается чудесное зрелище. Деревья и заборы покрыты инеем, в воздухе и на земле большая чистота. Из труб деревянных домов вырываются толстые струи дыма. Люди спешат, осторожно переходя через дорогу, потому что машины до блеска начистили снег. Этот холод не так уж и ужасен и кажется страшным только на первый взгляд. Сибирь – мы содргаемся при одном звуке этого слова. А между тем, если подготовиться, то можно выдержать и здешние условия.

Мы беззащитны только против холода и ледяных укулов, исходящих от людей! У всякого успеха, у всякой славы есть свои завистники. Свет и тень сопутствуют друг другу. Меня уже обидели здесь из-за моего дневника, но я не буду писать об этом. Мне грустно, что ни Петер, ни кто-либо из знакомых не прислали мне экземпляров книги. А мне хотелось бы подарить один томик Илизарову. Но у меня у самой нет ни одного экземпляра.

Весь день я провела в больнице. Сегодня мы тоже обедали вместе – Света, Гаянэ, Даниэлла, Марика, бабушка и я. – Кто скушает обед, получит блинчики с яблоками, – подбодрила я детей. – Я испекла блинчики в коридоре на небольшой плитке. Всем хватит, они ели с удовольствием, им редко выпадает такая возможность.

После этого дети под руководством Светы усердно занялись рисованием. Они узнали, что у врача нашей палаты сегодня день рождения и приготовили ему подарок.

Очень жду приезда Жанны с дочерью.

25 ноября

Зима очень сурова. Жестокий мороз воюет с нами уже десятый день. Но и в эту собачью погоду нужно ходить в больнице по два раза в день.

У Марики распухла нога, потому что Даниэлла пнула ее и наступила ей на ту ногу, на которой стоит аппарат. Румынская девочка свободно двигается, аппарат у нее только на одной руке. Ссора вспыхнула из-за того, что Марика не позволила Даниэлле причесать ее. Как девочка может быть такой дикой? Света старше ее, рядом с Гаянэ бабушка, остается моя дочка, на которой Даниэлла испытывает свою силу, когда меня нет в отделении. Ее уже все ругали из-за этого, но ей как об стенку горох! В отделении для взрослых лежит румынка, которая ухаживает за девочкой, стирает ее вещи. Она сразу пришла и побила Даниэллу. Маленькая дикарка даже не заплакала. Ни из-за того, что причинила боль другому ребенку, ни из-за того, что ее наказали. Это поразило меня. За время своей работы я встречалась с самыми разными детьми, с детдомовцами, сельскими и городскими школьниками, но с таким упрямым ребенком я еще не сталкивалась. Я попросила доктора Тамару перевести

девочку в другое место, потому что нам уже надоели ее выходы. Доктор выслушала меня, но все осталось по-прежнему. Мне вспомнилась Валентина Грачева. Какая большая разница!

26 ноября

Сегодня жестокие объятия зимы немного ослабли. Но дороги по-прежнему скользкие, нужно быть осторожным при каждом шаге. У Марики покраснела и болела нога, кожа на ней посинела, вся стопа покрылась ссадинами и распухла. Девочки укоряли Даниэлла, которая строптиво свернулась на кровати. Во время малого обхода Дмитрий Викторович осторожно осмотрел ногу, подкрутил аппарат на стопе и послал нас на рентген.

Пришло письмо от моей подруги, Эржебет Фаркаш, она прислала мне номер журнала “Уй тьюкёр” от 15 ноября, в котором было напечатано взятое у меня интервью под названием “Дневник о боли”. Потрясающий текст. Я немедленно ответила и поблагодарила ее. Я многому научилась у нее, если бы она не подбадривала меня, я, быть может, не написала бы своей книги. Потом я поспешила на аэродром, приехавшие на контрольное обследование мать с дочкой возвращаются домой, они отвезут в Венгрию наши письма.

27 ноября

Я посмотрела свежие рентгеновские снимки. Кость не получила повреждений, когда Даниэлла наступила Марике на ногу и пинала ее, растягивать стопу больше не нужно, наступает период покоя, теперь будет полегче.

В общежитии красили помещения, на кухне работали маляры, готовить было нелегко. Придется приготовить что-нибудь холодное. Выпало много снега, стало не так скользко. Жанна позвонила и сообщила, что они приезжают на будущей неделе и послали посылку, за которой нужно зайти на почту.

28 ноября

Сегодня днем в здании городской филармонии я посмотрела литературную программу, составленную из стихов Есенина. Исполнитель приехал из Москвы и прекрасно читал произведения поэта. Я была рада, что сумела так много понять. В конце программы можно было задавать вопросы артисту, который рассказал, что после окончания института поступил в театр Любимова. Позже он познакомился с Высоцким. Меня удивило, с какой непосредственностью он общается со зрителями.

Я поспешила обратно в больницу, чтобы, воспользовавшись мягким зимним днем, покатав детей на санках. К нам присоединились и Гаянэ с бабушкой. Мы несколько раз объехали огромный корпус больницы, любуясь ранним закатом солнца.

Вечером я поговорила с Даниэлла. Поначалу она боялась выйти со мной в коридор, но, сильно сердясь на нее, я все же успокоила ее, сказав, что не собираюсь ее обижать. Я верно почувствовала, что есть какая-то проблема в отношениях девочки с матерью. После рождения Даниэлла отвезли в деревню к бабушке со стороны отца, с первых дней жизни она была лишена материнской любви и заботы. Детей она бьет потому, что они не принимают ее, не хотят с ней играть. Мы вместе вернулись в палату, и я попросила Гаянэ и Марику принять ее в свои игры. Даниэлла пообещала, что не будет обижать их.

29 ноября

Одна из мам достала два билета на концерт и позвала меня в филармонию. Художавый, седой пианист замечательно исполнял произведения Листа, Мусоргского и Прокофьева. Было приятно слышать его хвалебные слова о Ференце Листе, он очень сердечно рассказал о его фаустовской сонате, факсимильное издание которой с замечаниями автора вышло в свет в прошлом году по случаю 100-летней годовщины смерти композитора.

В перерыве мы любовались красивым зданием. В фойе находились прекрасный паркет со звездной мозаикой, множество цветов, пуфики, оттуда открывался вид на Тобол и универмаг. В большом зале висел занавес горчично-золотого цвета из тяжелого шелка с интересным узором; посередине лирообразного мотива, похожего на контуры тюльпана, виднелся герб города Курган – зубчатое колесо, в которое продеты три золотых колоса. Когда-то на этом месте стояла самая большая церковь города, в которой царь Александр II встретился с живущими в этих краях декабристами. После смерти осудившего их Николая I царь освободил их. Эта церковь была разрушена при Сталине.

После постоянной больничной работы я с удовольствием наслаждалась культурным развлечением. И все же надо было спешить к Марике, мы занялись уроками. В нашу палату положили болгарскую девочку. Вечером пришло письмо от Жанны. Рената простудилась, они приедут, когда ей станет лучше. Жанна спрашивала, можно ли будет жить у меня. Завтра я пошлю телеграмму, что уже очень жду их.

1 декабря

В сегодняшнем номере “Советского Зауралья” сообщается о том, что в 14-ом микрорайоне Кургана начинается строительство новой больницы с гостиницей, квартирами для врачей и заводом по производству аппаратов. Ну, интересно знать, когда она будет построена! Пишут и о том, что в близлежащей деревне молодежь порвала и сожгла красный флаг СССР. Эта новость поразила меня.

Позвонила Жанна, она получила мою телеграмму, они приезжают в воскресенье и просят встретить их на аэродроме.

Я отоварила в “Сибири” месячные талоны на мясо. Их выдают в больнице, по ним я могу купить нам двоим шесть килограммов мяса или мясных изделий. Для этого пришлось полдня простоять в очереди. Как правило давали говядину с костью, которая годилась в суп, колбаса была толстой и жирной, зато сосиски были хорошие, а курица удовлетворительная. Кроме этого, я взяла две банки шпрот, нам они нравятся. Кофе нет, взятое с собой из Венгрии давно кончилось. Надеюсь, Жанна привезет.

3 декабря

Каждое утро, когда я отправляюсь в больницу, у меня сжимается сердце. Я боюсь, что Даниэлла опять причинила какую-нибудь неприятность, чем-то встретят меня девочки? Волнуюсь и из-за бабушки Натальи, не упала ли она по дороге? Сегодня утром меня встретили новостью, что Даниэлла побила пятилетнюю девочку из Болгарии, порвала карту СССР, наступила на нее, плюнула и сказала: – Это не Румыния! – После этого она разорвала красную пятиконечную бумажную звезду с детским портретом Ленина. Здесь такие звезды носят октябрята. Даниэлле не понравилось, что на звезде был изображен не Чаушеску. Русские девочки и Марика испуганно наблюдали за происходящим. Только маленькая болгарка Нина, еще не знавшая Даниэллу, сделала ей замечание. – Что ты делаешь? Все дети любят Ленина! – За это Даниэлла ее и побила. Дети еще вечером рассказали о случившемся взрослой румынской девушке, которая ухаживала за Даниэллой. – Что же я могу сделать? Она не мой ребенок. – После этого главврач Тамара Егорьевна распорядилась, чтобы Даниэллу перевели от нас в другую палату, к взрослым. Дети вздохнули с облегчением. Сегодня прооперировали маленькую Нину, теперь ей будет покойно.

Каждый день во мне возрождается надежда, что я получу письмо из дома, что Петер пришлет несколько книг. Но нет, сегодня опять ничего не пришло. Я не нахожу покоя из-за Петера, боюсь, что с ним что-нибудь случилось. Он совершенно один дома. Марика расплакалась из-за того, что мы и сегодня не получили никакой весточки из дома.

6 декабря

Рано утром меня разбудила полная луна. Она полностью осветила комнату, мне показалось, что пора вставать. Я немного почитала, потом поехала в больницу, а оттуда – на аэродром. Прилетели Жанна с дочкой. Их опечалила новость, что профессора Илизарова нет в Кургане и он вернется только через неделю. Во второй половине дня Марика так обрадовалась им, что совершенно раскраснелась.

Пока Ренату не положат в больницу, нам будет тесновато в комнате общежития. Но это только на несколько дней.

8 декабря

Утром я отвела Марику в перевязочную, потому что у нее на руке между пальцев выглянула прошлогодняя нитка из шва, она выглядела как маленький, едва заметный волосок, который мешал полному заживанию раны. Теперь ее вынули и сменили повязку. Кроме этого, у Марики взяли кровь из вены, идет подготовка к операции, которая состоится на будущей неделе. Я заказала телефонный разговор, хочу завтра вечером поговорить с домашними. Петера известят телеграммой, где состоится разговор. Об этой возможности я узнала от Жанны. Марика получила письмо от старшей сестры Вираг, которая училась в Москве. Во время чтения она иногда громко смеялась. Наконец-то какая-то радость!

Во второй половине дня Жанна и Рената пошли со мной в больницу, а потом мы поспешили в город к Анне Майоровне Аранович. Главврач рассказала о своей поездке в Африку. В августе она побывала в Танзании, где проходила выставка медицинского оборудования. Она представляла там курганскую больницу и продемонстрировала аппарат Илизарова.

Вечером мы посмотрели по телевизору встречу Горбачева и Рейгана и подивились на шубы двух первых дам.

9 декабря

Утром врач нашей палаты, доктор Зузукин, объявил, что Марику прооперируют на будущей неделе.

Сегодня опять не было письма от Петера. Не знаю, в чем причина. Вечером, после двух попыток мне удалось поговорить с ним по телефону. Он сильно грустит, скучает по нас. По его словам, две недели назад он послал в Москву шесть книг с одним из коллег-журналистов, тот встретится с Виленом, которому Петер послал один экземпляр отдельно. Вилен перешлет мне эту посылку. Я обрадовалась этой новости. Кроме этого, Петер сказал, что моя книга пользуется успехом,

она выставлена в витринах многих книжных магазинов, и ее покупают нарасхват. Я сообщила, что у нас все в порядке, на будущей неделе нашей дочке прооперируют руку. Теперь я наконец-то успокоилась.

10 декабря

От Петера пришло длинное письмо, он подробно сообщил о своих заботах и о венгерских новостях. Пришла и посылка от Вилены. Я поблагодарила его телеграммой и быстро запланировала, кому подарю книги – Илизарову, Жанне, Борису и его семье, Валентине Грачевой, семье Бородиных и Сергею Макарову, если удастся его найти. С тех пор как он ушел из больницы, я ничего не слышала о нем. А мне хотелось бы встретиться с ним, я благодарна ему не только за то, что он добросовестно занимался Марикой на самых трудных этапах лечения, но и за то, что именно от него исходила идея написать книгу на основании дневника о лечении, который я вела.

Первую книгу я надписала Жанне. Она попросила меня перевести посвящение. Мы также сформулировали дедикации для книг, которые я подарю Илизарову, Валентине Грачевой, семье Бориса и семье Тани.

Жанна и Рената ходят в поликлинику на медицинские осмотры.

Профессор Илизаров вернулся из заграничной поездки. Во второй половине дня и вечером он долго принимал пациентов.

12 декабря

Во второй половине дня мне удалось пробиться к профессору Илизарову. Он с улыбкой прочитал посвящение на книге: “Дорогому Гавриилу Абрамовичу с любовью и благодарностью за лечение моей дочери, Марии Радош”.

Профессор очень обрадовался, повертел, перелистал книгу, посмотрел в ней фотографии, а потом произнес:

– Ее нужно перевести на русский язык! Так я не могу прочитать, что вы о нас написали. Если можно, передайте один экземпляр и в больничную библиотеку! – Я пообещала исполнить его просьбу.

Вечером я отнесла надписанные экземпляры семье Бориса, Грачевой и семье Тани. Они тоже обрадовались, жалели, что не могут прочитать книгу и надеялись, что будет и издание на русском языке.

У меня остался только единственный экземпляр. Кому его отдать? Сергею Макарову или библиотеке?

13 декабря

Весь день я провела в больнице, занималась с Марикой. Стараюсь пройти с ней по всем предметам учебные материалы первого полугодия. Надеюсь, что со второго полугодия она уже будет нормально ходить в венгерскую школу.

Во второй половине дня мы катались на санках. Марика любила кататься с самых малых лет. Снежный покров уже достаточно высок, достигает полуметра и более в тех местах, где он не утоптан. По краям дорог насыпаны сугробы, там высота снежной стены больше метра. Я основательно закутала Марику в плед, который принесла из общежития еще тогда, когда не работала батареей. Когда Марика мерзнет, она стелит плед на больничное одеяло. Я везу Марику на санках в сторону старой больницы, оттуда закат солнца гораздо красивее. Когда темнеет, мы возвращаемся.

Жанна с Ренатой провели день в общежитии за учебой и отдыхом. Ренату скоро госпитализируют.

14 декабря

Дежурная медсестра в больнице сказала, что меня искали по телефону из газеты “Советское Зауралье”. Звонившая попросила подождать ее, она приедет в больницу и действительно вскоре приехала. Она знала мое имя, а также то, что моя дочка лежит в отделении патологии кисти и стопы. Мы представились другу, ее звали Светланой Хорошеевой. Она пришла потому, что слышала о моей книге, но не сказала, от кого, я напрасно спрашивала ее. Светлана попросила меня написать для их газеты короткую статью о себе, о дочери и о том, как создавалась моя книга. Я обещала написать, но только через неделю, потому что моему ребенку завтра сделают операцию, и потом у нас будет несколько трудных дней. Светлана пообещала вернуться через неделю.

15 декабря

Сегодня Александр Кириенко с помощью доктора Зузукина прооперировал Марику руку. Они разделили сросшиеся средний и безымянный пальцы. С руки Марика наконец-то сняли неудобный каркас аппарата. Я провела рядом с дочкой в больнице всю ночь. Она прошла относительно спокойно. Каждые шесть часов Марике давали обезболивающее. Медсестры всегда приносили его точно в нужное время.

16 декабря

В первой половине дня Ренату положили в больницу, она оказалась в 4-й палате, среди русских девочек. Ей не захотелось лежать во 2-й, где была и Марика, потому что там были только иностранки, с которыми она не могла поговорить. Жанна огорчилась, она напрасно убеждала дочку, что во 2-й палате в два раза меньше больных. Пока еще не известно, когда состоится операция, ждут, пока Ренату посмотрит профессор.

19–20 декабря

Марика чувствует себя вполне хорошо. Эта не очень серьезная операция не изнурила ее так сильно, как предыдущие. Аппарат стоит уже только на стопе. С ноября его не надо подкручивать. Пока Марика ходила на перевязку и лечебную гимнастику, я написала статью. Жанна исправила в ней ошибки.

В субботу во второй половине дня профессор Илизаров принимал больных, вместе с другими его ждали и Жанна с Ренатой. Спустя много времени они пришли с известием, что операция Ренаты назначена на будущую неделю.

Поздно вечером мы с Жанной отправились домой.

21 декабря

Светлана из “Советского Зауралья” приехала за моей статьей. Она попросила меня съездить с ней в редакцию газеты и в студию местного телевидения. Светлана прочитала статью и осталась довольна. Меня попросили зайти на короткое время и завтра, им хотелось бы снять небольшой ролик, в котором я представлю свою книгу и скажу несколько слов о себе и о дочери. Этот ролик планируется показать в последний день года в программе “Новогодний калейдоскоп”. Мы договорились, что Светлана снова заедет за мной завтра в десять часов.

24 декабря

Мы получили телеграмму от Петера, он поздравил нас с Рождеством. Вечером мы с венгерскими родителями и детьми скромно отметили в расположенном в конце коридора холле навечерие Рождества. В праздничном меню были выпечка, сироп и вино.

Сегодня Илизаров прооперировал Ренату. Жанна очень волновалась и осталась на ночь в больнице. Вечером позвонил ее муж и сказал, чтобы утром мы подошли к московскому поезду, он послал посылку с буфетчицей.

25 декабря

После проведенной без сна ночи в больнице Жанна уже в шесть утра зашла за мной, и мы отправились за посылкой. Стоял 35-градусный мороз, дул сильный ветер. Мы долго ждали автобуса, потаптывая ногами. Пешком до вокзала по крайней мере полтора часа ходьбы. На такой риск мы не решились, боясь, что не успеем до семи часов, времени прихода поезда. Наконец подошел автобус. А вот поезд опоздал. Мы очень замерзли на резком ветру. Когда начало светать, вдалеке показались две светлые точки. Прибыл скорый из Москвы. Это не транссибирский экспресс, который обходит Курган стороной, этот скорый идет до Кемерово. Мы побежали к вагону-буфету и нашли женщину, которая отдала нам посылку. Посылка была тяжелой, весом минимум в десять килограммов. Я положила ее в сумку на колесиках. Хорошо, что я захватила сумку с собой, по крайней мере не придется тащить тяжесть на себе. Только бы не дул этот ужасный ветер! Миша послал много всякой еды, в посылке были апельсины, свежие огурцы, колбаса, сыр, рыбные консервы, сушеные фрукты, греческий персиковый компот в жестяных банках. Мы были очень рады такому обилию вкусных вещей.

По дороге домой я все чаще чувствовала колющую боль в правой части лица.

26–27 декабря

Два последних дня недели мы с утра до вечера провели в больнице. Температура у Ренаты поднялась до 38,5 градусов. Мы очень расстроились. Жанна отыскала дежурного врача, чтобы от посмотрел ее дочь. Ренате дают антибиотик и жаропонижающее. Мы с Марикой занимались в классной комнате, а потом я шила ей розовое платье Снегурочки к приближающемуся новомуднему празднику в больнице. Все дети возбужденно гадают, кто будет Дедом Морозом, какой будет концерт, и какие подарки они получают. Праздник состоится завтра.

29 декабря

В телестудии мне показали ролик, сделанный на прошлой неделе, и сказали, что его можно будет посмотреть по телевизору вечером 31-го числа. Работники студии

были рады познакомиться с нами, а также тому, что я написала книгу о больничной жизни, и пожелали Марике успешного лечения.

Из Венгрии пришло очень много писем от родственников, учеников и коллег по работе.

31 декабря

Софья позвонила и пригласила меня встретить с ними Новый год. К моему большому сожалению, мне пришлось отказаться и на этот раз, пообещав, что завтра во второй половине дня я забегу поздравить их с Новым годом. Таня пригласила меня на новогодний обед, она с семьей живет в соседнем доме.

Мы с Жанной решили остаться на новогоднюю ночь с детьми в больнице и испекли им шоколадный бисквитный торт. Ранним вечером мы посмотрели по телевизору сделанный обо мне ролик. Вечером дети танцевали, пели, весело развлекались. После полуночи они утихли, мы с Жанной тоже легли спать, устроившись на стоявших в холле стульях.

Презентация моей книги на Курганском телевидении, моя статья в номере газеты «Советское Зауралье» от 3 января 1988 г.

1 января 1988 г.

Около полудня я поехала в город и забежала к Борису, чтобы поздравить всю семью с Новым годом. Потом пошла к Тане. В праздничный обед входили борщ, пельмени, пирожки с рыбой и яблоками. Мы чокнулись бокалами с вином. Все было очень вкусно, но я едва могла есть, потому что у меня очень болел правый верхний третий зуб и распухло лицо. Таня приготовила для Марики небольшой сверток с обеденными кушаниями. Достанется и Ренате. Я поехала в больницу, Жанна была уже там, она тоже приготовила детям лакомства.

2 января

Утром, когда мы с Жанной пришли в больницу, Марика испугалась при виде моего распухшего лица. Покончив с завтраком, мы с Жанной поехали в город, во вторую поликлинику, к зубному врачу. Увидев мое лицо, зубной врач всплеснула руками и сделала рентген. Она сказала, что третий, глазной зуб мертв и спросила, куда распространяется боль, я показала, что вверх вдоль носа и в сторону уха. Она сказала, что постарается спасти зуб и мост, но если не получится, то мост нужно будет снять, а зуб удалить. Потом она высверлила, очистила его и сказала, что, если к утру не станет лучше, зуб придется вырвать.

3 января

Ночью я не могла заснуть из-за боли, мне удалось задремать лишь на короткое время. В половине пятого я включила лампу и посмотрела на свое лицо в зеркале. Лицо было искажено, нос распух, опухоль тянулась к глазу. Жанна проснулась от света и ужаснулась. Она сказала, что нужно сначала пойти к зубному врачу и только потом к детям. Мне сделали укол, врач сняла мост и удалила зуб, показав мне ступок гноя на конце корня, который и был причиной болезни.

Мы с Жанной пошли домой, Жанна сказала, чтобы я ложилась в постель, сегодня она пойдет в больницу одна. Вернувшись в полдень, Жанна принесла сегодняшний номер «Советского Зауралья» с моей фотографией и статьей. Потом она поехала на аэродром, потому что одна венгерка привезла от Петера сверток с книгой, колбасой и шоколадом. Пока Жанны не было, я приготовила еду, суп из помидоров, запеченную слоями картошку и салат из огурцов. Я с беспокойством ждала Жанну, потому что она тоже больна, простудилась, несмотря на то, что у нее очень теплая шуба. В девять она вернулась усталая, с высокой температурой, и сразу легла в постель. Она привезла хорошую новость – Ренате стало лучше, но у нее еще повы-

шенная температура, детям понравилась приготовленная еда, они все съели. Марика удивилась, что я не пришла к ней, но поняла причину.

Я вынула из сумки грязные вещи, помыла посуду и замочила одежду.

4 января

В стоматологии врач сделала мне лезвием горизонтальный разрез десны и ввела в кровоточащую рану какое-то лекарство. Потом она лечила мне лицо ультразвуком. Дома мне нужно было делать полоскания теплой водой с содой. Каждый день я должна была приходиться сюда, пока воспаление не начнет спадать. Сегодня я пришла одна, Жанна отдыхала. Придя домой, я постирала вчерашнее грязное белье и приготовила обед. Ужасно, что как раз сейчас красят коридор и общую кухню, мы мешаем малярам, а они – нам.

Я написала письмо Петеру, поблагодарила его за посылку, и успокоила его, чтобы он не грустил. Мы скоро вернемся домой.

Я хотела пойти к детям одна, чтобы Жанна смогла остаться в тепле в общежитии, потому что у нее температура и кашель, но она упорствовала, что пойдет со мной, потому что беспокоится за Ренату.

6 января

Сегодня в первой половине дня доктор Кириенко сообщил радостную новость: у Марики хорошие результаты, ее рука нормально заживает, скоро снимут аппарат со ступы. 23 января можно ехать домой, я могу заказывать билеты.

Светлана Хорошеева позвонила и сказала, чтобы я зашла к ним, мне заплатят немного денег за мою статью.

Позвонил и муж Жанны, в субботу утром нужно будет опять подойти на вокзал к поезду, он снова послал посылку.

Жанна очень беспокоится, болеет, у нее высокая температура. Я попросила ее хотя бы на один день остаться в общежитии и отдохнуть, мне уже лучше.

13 января

Мне лечат место удаленного зуба электрофорезом. Раньше я не сталкивалась с этим методом. Нужно придти на шесть сеансов. Как раз успею к нашему отъезду. Воспаление спадает.

В Доме писателей я встретила с Валерием Сергеевичем Меньшиковым, с которым я познакомилась через Светлану. Меньшиков – редактор челябинского Юж-

но-Уральского книжного издательства. Он заинтересовался моей книгой, они хотят издать ее, нужно было бы перевести ее на русский язык. Они собирают книги и статьи об Илизарове. Меня очень порадовала эта новость.

Мария ждет отъезда домой. Жанна грустит, потому что скоро останется в одиночестве.

15 января

В первой половине дня доктор Кириенко снял с Марикиной стопы аппарат. Теперь обе стопы одинаковой длины, только жаль, что не удалось удлинить мизинец ноги. Когда-нибудь это придется скорректировать. Хорошо бы заняться этим, когда Марике исполнится 15 лет и ее рост замедлится. Растяжение второго и третьего пальцев было успешным, в результате поворот большого пальца внутрь прекратился.

К сожалению, Таня Бородина не сумела выяснить, где находится Сергей Макаров. Он пропал, как Петефи в тумане. А между тем нас очень интересует, что с ним, как сложилась его жизнь с тех пор, как мы потеряли его из виду. Быть может, мы никогда не узнаем этого. Так что последний экземпляр “Курганского дневника” я подарила больничной библиотеке.

16–17 января

В оба последних дня недели мы много знавались. Надеюсь, венгерская учительница Марики Фюлөп Лайошне, тетя Аги из аквинкумской школы, будет довольна тем, что Марика не отстала в учебе. На будущей неделе мы получим справку о том, что моя дочь посещала больничную школу, быть может будет указана и ее успеваемость.

В воскресенье, во второй половине дня я навестила Бориса и Бородиных, поблагодарила их за помощь и попрощалась с ними. Через неделю мы уезжаем.

18 января

В больницу прибыла делегация врачей из Америки. В большом зале профессор представил некоторых находившихся здесь на излечении пациентов. Показав фотографию пациента до лечения, он рассказывал о различных фазах лечения и объяснял примененные методы. Я некоторое время слушала, а потом поехала в город, в редакцию местной газеты и телевидения, чтобы попрощаться со знакомыми сотрудниками. К сожалению, я знаю только имена телевизионщиков, Людмила и Василий. Вася спросил, как я чувствовала себя в Кургане. Я пожаловалась только на сильный

мороз. В ответ на это он весело рассмеялся, сказав, что один из его родственников был заключенным в Воркуте, вот там был настоящий мороз. Он поинтересовался, знаю ли я, где находится Воркута. Я знала, что в северной части Урала действовал лагерь ГУЛАГа, туда посылали и венгерских военнопленных. Потом разговор перешел на Солженицына и его рассказ “Один день Ивана Денисовича”, который я с ужасом прочитала будучи гимназисткой. Вася полюбопытствовал, кого из русских писателей я знаю. Я со смехом ответила: Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Шолохова, Есенина, Евтушенко. На это они тоже засмеялись, пожелали мне счастливого возвращения домой и пригласили навестить их, если мы еще раз приедем в Курган. Я отправила Вилену телеграмму о нашем прибытии.

21 января

Утром Жанна опять поспешила на вокзал, потому что Миша послал посылку ко дню рождения Ренаты. Я пошла к детям одна.

Марика получила справку о посещении школы и оценках за полугодие. Ей поставили четверку по русскому языку, по остальным предметам у нее были пятерки. Ее прежняя учительница, Надежда Михайловна, подарила ей книгу, сборник стихов Пушкина. Марика очень дорожит этой книгой. Я вернула в библиотеку школьные учебники. Здесь это хорошо придумано, не нужно покупать, а потом выкидывать учебники, как в Венгрии.

Ко мне обратилась женщина, приехавшая из Новосибирска. Ее сыну шесть лет, у него такая же врожденная аномалия, как у моей дочки. На ноге у мальчика ортопедическая обувь с утолщением в 10 сантиметров, он ходит, наклонив позвоночник. Его мама интересовалась операциями и ожидаемым результатом. Марика охотно отвечала. Женщину прислал к нам Кириенко.

Возможно, было преждевременно начинать операции, когда Марике было всего четыре года, мы сильно намучались. Но вид мальчика, ходящего в обуви с десятисантиметровым утолщением, представляет собой достаточно горестное зрелище. Будучи постарше, он, вероятно, будет переносить боль лучше Марики.

Этот этап был для нас гораздо легче предыдущих. Марика подросла, знала, что ее ждет. Правда, в этот раз не было таких серьезных и болезненных операций, как раньше. Илизаров был прав в том, что при большой разнице между длиной ног от неправильной походки может пострадать позвоночник.

Мы правильно сделали, попросив сделать операцию Александра Петровича Кириенко. Не пришлось часами ждать профессора Илизарова. Неприятности причинили лишь вынужденное летнее ожидание, период холодных батарей и моя зубная болезнь.

В общежитии мы с Жанной испекли бисквитный торт с шоколадным масляным кремом. Многие поздравили Ренату, все были рады торту.

23 января

Вчера мы упаковали чемоданы, договорившись, что, уезжая, Жанна зашьет нашу посуду в мешок и сдаст на склад на первом этаже. Вероятно, мы еще приедем сюда, и тогда не придется покупать новую посуду. Я заказала такси, мы с Марикой сходили в больницу попрощаться с детьми, венграми и Ренатой. Жанна проводила нас на аэродром. Дневной самолет вылетел точно по расписанию. Уже темнело, когда он сел в Перьми для заправки. Мы прибыли в Домодедово с полуторачасовым опозданием. Вилен и Миша ждали нас, они знали причину опоздания. Мы переночевали у них и на следующий день вылетели в Будапешт. Петер ждал нас, он был счастлив. Мы благополучно прибыли на родину.

У этап 16 июня – 8 декабря 1990 г. и контрольное обследование в июне 1991 г.

Со времени нашего последнего пребывания в Кургане прошло более двух лет. И в мировой политике, и у нас произошли большие перемены. Случилось то, на что мы не рассчитывали, – социалистический строй прекратил свое существование. Многого изменилось, и крупным преобразованиям нет конца.

Мы готовились к следующему лечению в Кургане. Когда я обратилась в Институт медицинских экспертов с просьбой о новом лечении, мне сообщили, что теперь пребывание и операции в иностранных больницах стали платными. Мне не смогли сказать, какова сумма платы, это решает принимающая больница. Русские попросили оплатить лечение в таинственных для меня конвертируемых рублях. Я обратилась с этой проблемой к доктору Эндре Цейзелю, чтобы он посоветовал, как мне поступить. Я носила к нему Марику с младенческого возраста, он наблюдал за состоянием моей дочки, родившейся с аномалией развития конечностей. По его инициативе был создан фонд в поддержку лечения за рубежом, назвавшийся “Дети за здоровье детей”. Доктор Цейзель пообещал помочь и нам, сказав, чтобы мы спокойно ехали в Курган, но заботливо собирали и хранили все справки, счета и чеки. Я очень поблагодарила его. В этот раз мы планировали растяжение бедра, разница в длине бедер достигла уже шести сантиметров. Марика сильно выросла.

Со времени нашего возвращения я работала на новом месте, преподавала венгерский язык и историю в школе, находившейся вблизи нашего дома. Я решила на это, чтобы Марике не нужно было оставаться одной после учебы, потому что Бёжике, ее тетя, которая раньше присматривала за ней после занятий, умерла. В детдоме, где я когда-то работала, мне часто приходилось задерживаться до девяти вечера. А теперь мы ходим в школу вместе, а во второй половине дня я имею возможность помогать дочке в учебе. Марика завершила учебный год на “отлично”, теперь она пойдет в седьмой класс.

Вчера состоялся праздник по случаю окончания учебного года, я раздала ученикам табели успеваемости и отнесла домой множество подаренных ими цветов. Завтра Петер отвезет эти цветы на кладбище, на могилы Бёжике и дедушки.

Вечером я упаковала вещи, взвесила чемоданы, один из них весил 34, а другой 31 килограмм, в них были одежда и книги. Сумка на колесиках весила 22 килограмма, в ней было и 6 литров подсолнечного масла, которое я всегда беру с собой, потому что русское масло очень густое, и у него сильный запах, я не могу на нем готовить.

В сумке были еще фасоль, чечевица, горошек, макароны, колбаса, копченое мясо. На аэродроме я заплатила за перевес, потом мы простились с папой Марики.

Полет прошел хорошо. К сожалению, небо было облачное, и мы опять не видели ни Тисы, ни Карпат, но позже в солнечном свете заблестели бесконечные поля Среднеевропейской равнины. В Москве нас ждали Жанна, Вилен и его сын Миша. Они обрадовались подаркам. После обеда Вилен повез нас осматривать город. Во дворе Кремля мы подивились на огромный Царь-колокол и хорошо ухоженные цветы. К сожалению, три знаменитых собора и на этот раз были закрыты из-за заседания парламента, в таких случаях посетителей не пускают. Заседание как раз кончилось, депутаты вышли из здания, и мы увидели Бориса Ельцина.

Жанна попрощалась с нами и пообещала, что будет писать нам в Курган. Мы с Виленом покатались на машине по набережной Москвы-реки и по городу, он показал мне памятники Пушкину, Маяковскому и основателю города Юрию Долгорукому, отвез на Ленинские горы, к Ломоносовскому университету, где училась Рената, которой все же удалось поступить туда. Мы наслаждались сверху роскошной панорамой. Какой огромный город! Вернувшись к Вилену домой, мы разместили чемоданы в машине, чтобы не нужно было возиться с ними рано утром.

17 июня

К сожалению, на аэродроме в Домодедово пришлось долго ждать, потому что самолет, который по расписанию должен был вылететь в 9 часов 15 минут, был неисправен. Мы поднялись в воздух только в 13 часов 15 минут и прибыли в Курган в 18 часов по местному времени (два часа разницы во времени плюс более двух часов полета), в 35-градусную жару. На аэродроме нам махали руками Борис и Вова. Вова сказал, что Таня уже очень ждет нас и предложил ночевать у них, Борис пригласил нас на ужин. Софью очень удивило, что Марика так сильно выросла. Регина вспомнила дни, проведенные у нас прошлым летом. Инессы не было дома, у нее сейчас экзамены в челябинском мединституте. Все были очень рады подаркам, особенно дочки Бородининых, Катя и Вера.

Семья Бородининых:
Вова, Таня, Лена, Вера, Катя

18 июня

Вова в отпуске, он отвез нас в больницу и запросил из архива Марикины документы. Доктор Кириенко с радостью встретил Марику, он сейчас заведующий отделением. Доктор поднялся с нами на рентген и объяснил, как нужно сделать Марике снимок ноги. Он спросил, хотим ли мы встретиться с профессором Илизаровым, мы ответили, что пока нет, потому что его нужно долго ждать, иногда до ночи, а после операции, когда он уезжает на долгое время, никто из врачей не занимается его пациентами. Мы лучше попросим кого-нибудь другого. Тогда доктор сказал, какие обследования нужно пройти для того, чтобы Марику положили в отделение. Хотя в этот раз Марике будут оперировать бедро, поскольку она всегда лежала в этом отделении, ее не отправят в отделение патологии таза и бедра.

Вторую половину дня мы провели на Тоболе. Все три девочки наслаждались купанием, Марика плавала (она научилась плавать в Венгрии еще до школы по совету доктора Валентины Грачевой, которая по окончании второго этапа сказала, что это понадобится ей на всю жизнь). К Марике начали приставать мальчики на реке, поэтому мы поднялись к Софье.

19 июня

У Марики взяли натощак кровь, попросили сдать мочу и кал, посмотрели ЭКГ. В два часа дня началось заседание врачебной комиссии, которая выносит решения о госпитализации, но решение не состоялось из-за отсутствия главврача Кириенко. Позже от доктора Алексея Чипизубова я узнала, что он в то время оперировал вместе с Илизаровым. Мы вернулись на квартиру Тани, которая вместе с семьей уехала на дачу. Марика поднялась к Софье, но сразу вернулась, потому что они тоже собирались на дачу и звали нас с собой. Марика разговаривала с Региной, мы с Софьей подвязывали помидоры, пололи, копали, Борис занимался укладкой дров. Меня поразило то, что он рассказал вечером:

– Мы жили на Украине, мне было одиннадцать лет, нашу семью погрузили в вагон и повезли на запад. Когда поезд замедлил ход, дедушка высадил меня из вагона.

– Иди, сынок, домой, хотя бы ты останешься в живых! Никто из них не вернулся.

Бабий Яр, этот ужас описал Евтушенко, – мелькнуло у меня в голове.

– В нашей семье тетя Петера была молодой женщиной, когда их форсированным маршем погнали в сторону западной границы, – сказала я. – Холодными осенними ночами они спали в открытых овечьих сараях, она простудилась, позже ей пришлось удалить одну из почек. Когда они достигли границы, шведский дипломат Рауль Валленберг освободил ее и выдал ей защитный паспорт, так она осталась в живых. Два ее брата погибли на Украине на принудительной службе в “трудовом батальоне”.

Да, это были печальные времена!

Я жалела, что не взяла с собой купальник, было бы хорошо поплавать в близлежащем озере. Регина затопила сауну, мы попарились. Потом спали на свежем лесном воздухе и проснулись утром от птичьего пения. Днем поехали обратно в город.

20 июня

Мы долго ждали доктора Кириенко, который был занят разными делами. К тому же помещения отделения красили, в коридорах стояла мебель, почти ничего не стояло на месте. По крайней мере, здесь этим занимаются летом, а не зимой, как в общезжитии. Наконец доктор осмотрел Марику, и мы поговорили о лечении. Бедро должно быть растянато на шесть сантиметров, а также будет осуществлена коррекция голени и стопы. Ближайшее заседание врачебной комиссии состоится в поликлинике в пятницу в два часа дня, нам нужно будет присутствовать на нем, и там будет решено, куда положат, и когда и кто будет оперировать Марику.

Во второй половине дня мы снова купались в Тоболе, Марика осталась дома с Таней, она не хотела, чтобы к ней опять приставали мальчики.

21 июня

В первой половине дня мы пошли в ювелирный магазин. Там, где я когда-то купила Марике красивые золотые сережки с розовыми камнями, сейчас почти ничего нет. В витрине сиротливо лежали две пары обручальных колец. Не было ни одного ожерелья, ни жемчужных цепочек, ни ваз. В продаже было лишь несколько китайских фарфоровых фигурок. Мы купили Марике ручные часы “Слава” за 32 рубля, но она не смогла надеть их, потому что к часам нельзя было купить ремешка. Можно было только смотреть на них и держать в ящике стола. Так же пусто и в других магазинах. Что случилось? Продаются молоко, сметана, яйца, а мясо и сахар бывают редко по талонам. Полки в магазинах пустуют, если что-то появляется, то выстраивается очередь и все мгновенно раскупается. Я уже давно хочу купить чайник, иногда они продаются, но пока я узнаю, где именно, и подъезжаю туда, они уже кончаются. Беден и ассортимент одежды. Создается впечатление, что в этой стране ничего не производят, и экономика рухнет в течение нескольких месяцев.

Во второй половине дня мы с семьей Тани поехали на дачу поливать и полоть, чтобы у них уродилось немного овощей. В своем хозяйстве все работают с радостью. Было очень приятно побыть на свежем воздухе. Допоздна было светло и тепло.

22 июня

Я получила от доктора Кириенко Марикины документы, историю болезни и рентгеновские снимки, с которыми мы пошли в поликлинику на врачебную комиссию. В два часа прибыл главврач и позвал нас. Кроме него, там был председатель комиссии, главврач Мальцев, и еще один врач. Доктор Мальцев сидел посередине в той же позе, в какой обычно сидел профессор Илизаров, и даже его выражение лица напоминало выражение лица его начальника. Слушая его слова, произнесенные сквозь узкую щель между зубами, и видя его жестикуляцию, можно было подумать, что он сознательно подражает Илизарову. Но это было не так.

Перед последней операцией с доктором Алексеем Чипизубовым

Возможно, он сам не сознавал этого сходства. Инстинктивное подражание могло сложиться за годы совместной работы. Быть может, никто другой и не заметил бы его, но я давно знала их обоих. Совещание продолжалось несколько минут, доктор Мальцев думал, что Марике одиннадцать лет (в апреле ей минуло двенадцать). Он сказал, что она может лечь в то отделение, в которое захочет, а операцию сделает тот врач, которого мы попросим. Марика была рада, что ей можно выбрать отделение и она снова может лежать в отделении патологии кисти и стопы, где ей все знакомы. Правда, ей растянут на шесть сантиметров бедро, но нужно будет скорректировать и деформацию голени и стопы. Мы воспользовались советом доктора Кириенко и попросили сделать операцию Алексея Чипизубова. Мы давно знаем его, еще с первого этапа, по детскому отделению в старой больнице.

Мы воспользовались советом доктора Кириенко и попросили сделать операцию Алексея Чипизубова. Мы давно знаем его, еще с первого этапа, по детскому отделению в старой больнице.

23–24 июня

Конец недели мы снова провели с семьей Тани на даче. К ним приехали гости, тетя Вера из Воронежа, которая во время войны, в молодости, поседела за месяц при осаде города, с дочерью и внуком. Созревает клубника, мы вдоволь наелись ей.

25 июня

Мы с Вовой отвезли чемоданы в общежитие, а Марику – в больницу. Доктор Кириенко обещал, что ее сегодня госпитализируют, но это было невозможно, потому что из-за покраски палата была еще не готова. Я оставила Марику в отделении и отправилась в общежитие готовить. В моей комнате повсюду были разбросаны доски, карниз валялся на полу, пол был покрыт опилками и мусором. Приготовив еду, я вернулась в больницу, а вечером мы с Марикой пошли ночевать к Тане, потому что я не смогла навести удовлетворительный порядок в комнате общежития. К тому же там не было кладовщика, и просить матрасы и постельное белье было не у кого.

26 июня

Вова снова отвез нас в больницу к девяти часам. Надеемся, сегодня нам удастся получить место в палате. Я взяла документы, мы долго ждали, чтобы Марику осмотрела анестезиолог Надежда Прокофьевна. Кроме ее подписи, нужна была и подпись еще одного главврача. Зачем нужна эта сложная процедура? Марика с вечера уже была в отделении, а я все бегала по больнице и разыскивала врача, ставшего преемником Шагланова, потому что без его подписи госпитализация невозможна. В больничном буфете я купила молоко, мы выпили его на обед, заедая бутербродами с салями, которые я захватила с собой. Минуту два часа дня, когда удалось достать недостающую подпись, и Марика получила постельное белье и кровать в третьей палате. Там лежали две польские девочки, одной было 15, а другой 6 лет. После этого я купила продукты, достала матрас и постельное белье, сварила ужин и пошла с ним к Марике. Польские мамы приняли нас недружелюбно. Это было для меня новостью. Вернувшись в общежитие, я создала сносные условия в комнате.

Придется рано вставать, завтра Марике сделают операцию.

27 июня

Утром я быстро собрала все необходимое на сегодня, даже взяла с собой плед и заторопилась в больницу. Марике уже сделали клизму. Я быстро искупала ее, после операции для этого уже не будет возможности. В девять за Марикой пришли и сделали ей обезболивающий укол в руку. Ее пришлось отвезти на шестой этаж, на рентген, потому что сделанные несколько дней назад снимки пропали из-за неразберихи, сопутствовавшей покраске помещений. Медсестры Наташа и Света прово-

дили Марику в операционную, я дошла с ними до входа, поцеловала, подбодрила дочку и попрощалась с ней. У лифта я встретила с доктором Алексеем Чипизубовым, которого мы попросили прооперировать Марику и быть ее лечащим врачом на этом этапе.

– Не волнуйтесь, Мария, все будет в порядке! – попробовал поднять мне дух доктор.

Пока Марика была в операционной, я отвезла Тане курицу и помидоры, которые мне удалось купить для нее. Она удивилась, что Марике сделают операцию уже сегодня. Вчера она не могла представить себе, почему я вечером не пришла к ним. Я поспешила обратно в больницу.

После двух Марику привезли из операционной. Во время операции Алексею Алексеевичу Чипизубову помогали два наших доктора, вернувшаяся из декрета Светлана Михайловна и Тамара Егорьевна. Перед уходом домой все трое пришли осмотреть Марику. Вся ее левая нога от бедра до пальцев была покрыта аппаратом. Два кольца стояли на бедре, три на голени и два полукольца на ступе, между ними располагались стержни с резьбой. Все это вместе наверняка весило более пяти килограммов. Бедный ребенок, ему придется поднимать эту тяжесть и спать с ней!

Полячки не смущались присутствием только что прооперированного больного, они делали свои дела, шумели, мамы курили, девочки резвились. Знаю, что поляк и венгр – два хороших друга⁷⁰, но в данном случае это не правда. Напрасно я сделала им замечание, они не обратили на меня никакого внимания. Мы с Жанной уже не раз разговаривали о том, что свежееперированных больных нужно по крайней мере неделю держать в отдельном помещении, пока они находятся в критическом состоянии. Как и в других больницах, здесь тоже надо было бы создать палаты интенсивной терапии, жаль, что об этом до сих пор не подумали.

Вечером, когда польские мамы ушли домой, я взяла с пустой кровати два матраса и провела ночь на покрытом линолеумом бетонном полу, рядом с кроватью дочки. К счастью, сейчас не холодно. Марике каждые четыре часа делали обезболивающие уколы, и она спокойно проспала всю ночь.

28 июня

В десять часов Марике сделали укол, а потом я отвезла ее на перевязку. На этой стадии перевязка длится долго, поэтому я сбежала домой, чтобы сварить куриный суп. К сожалению, в полдень Марика не захотела есть, только выпила молока, лимонада и смородинового сока. Во второй половине дня ее пришли навестить венгерские дети и родители и принесли ей шоколад, фрукты и цветы. Целый день она

⁷⁰ “Поляк и венгр – два хороших друга” – начальные слова общеизвестной в Венгрии и Польше поговорки, иллюстрирующей историческую общность судеб двух народов.

была вялой от уколов, и только вечером скушала мясной суп и куриную ножку. В одиннадцать вечера я распрощалась с ней. Я очень устала и быстро заснула.

29 июня

Утром Алексей Алексеевич осмотрел Марику и показал, где и сколько нужно будет подкручивать аппарат четыре раза в день, начиная с завтрашнего дня. Больше всего мы страдали от полячек, от того шума и базара, который они устроили. Они продавали детям жевательную резинку, не прекращалась ходьба туда-обратно, пришли поболтать и поляки, приехавшие на контрольный осмотр. Я попыталась выслать их в холл, но они ответили, что уже давно в этой палате, а мы только недавно пришли. Я написала письмо нашей бабушке и мужу, рассказала им об операции.

1 июля

Утром Марику навестили Бородины с маленькой Верочкой. Они принесли сироп и свежую клубнику, а потом уехали на дачу. Мы начали подкручивать аппарат.

Во второй половине дня полячки проводили своих гостей на аэродром и наконец-то некоторое время было тихо. Но когда они вернулись, опять начались галдеж, базар, шумная стряпня.

Сегодня Марике сделали обезболивающий укол только на ночь.

2 июля

Я попросила Светлану Михайловну обратиться к главврачу Кириенко по поводу сложившейся невозможной ситуации, показала в туалете массу невымытой посуды, на которую садилось множество мух, остатки еды, кухонные отбросы в мусорном ведре. Я пожаловалась именно ей, потому что на прошлом этапе перед уходом в декрет она была врачом нашей палаты, мы любили ее, и она нас тоже. Приятная, спокойная, понимающая женщина. Несколько лет назад, прежде всего в старой больнице, дисциплина и чистота были получше. Я попросила поставить в холле стулья, чтобы родственники могли там разговаривать, не тревожа больных в палате. Я жалела, что в этот раз не Светлана Михайловна врач нашей палаты, после возвращения из декрета она получила первую палату. Там сейчас лежат индийцы, нас не захотели поместить к ним. У них положение еще хуже. Иностранцев размещают в небольших палатах, русские девочки лежат в палатах на восемь мест. Марика сожалела, что не может говорить по-русски с польскими девочками.

Надеюсь, что, когда она уже сможет вставать и будет ходить на лечебную гимнастику и гулять, ей удастся найти приятелей. Я написала письма Жанне и Вилену.

3 июля

Сегодня в первой половине я стояла на рынке в очереди за мясом. Свиные туши разделяют так же, как прежде, большими ударами топора. В кусок попадает и кость, и жир, и кожа, приходится дома разбираться, что из чего можно приготовить. Купила и огурцов для засолки, а также клубники, абрикосов и вишен. Хорошо, что уже есть свежие овощи и фрукты, хотя они и недешевы. В писчебумажном магазине напротив рынка я хотела купить Марике тетради, потому что скоро начнется учебный год. Но тетрадей не было. К тому же мне надо было просить в больнице справку о том, что мой ребенок ходит в школу, удостоверить личность паспортом, и только после этого я смогу купить тетради, если их завезут в магазин. В ЦУМ-е я купила розовую, просторную юбку, это уже одежда для большой девочки. Марика заметно растет, взрослеет, у нее меняется лицо, фигура, весь ее облик. Она начинает приходить в себя после операции. К моей радости, у нее уже улучшился аппетит. Вчера Марика уже гуляла, а сегодня прошла по коридору еще большее расстояние, опираясь на костыли, посидела на балконе, смотря на ходящих туда-сюда людей и летающих птиц и стрекоз, но чаще всего читала. Она попросила меня принести несколько книг. Ей приходится бежать из палаты, от постоянного шума. Для нас это пятый этап, но у нас еще никогда не было таких недружелюбных соседей по палате. А ведь и мы платим за больничное обслуживание 30 рублей а день. Эти деньги переводит на счет больницы наше Министерство здравоохранения из средств, выделенных для этой цели фондом “Дети за здоровье детей”.

Не хватает строгости Валентины Ивановны Грачевой. Было бы почище и побольше дисциплины. Вечером профессор Илизаров сделал доклад в большом зале. Руслан показывал фотографии находившихся на лечении больных, на нескольких фотографиях была видна и Марика на первом этапе лечения.

6 июля

В первой половине дня врач нашей палаты Татьяна Егорьевна сменила на аппарате дочери несколько стержней с резьбой. Марика уже неделю усердно занималась лечебной гимнастикой, но потом жаловалась, что спицы колют во многих местах, а аппарат слишком тяжелый. Физиотерапевт установила над находящейся над кроватью металлической перекладине два блока, пропустила через них трос, присоединив его конец к аппарату, с помощью этих двух блоков Марику будет поднимать и опускать ногу с аппаратом, чтобы сохранить сгибаемость, подвижность ноги в ко-

лене. Чего они только не придумают! Сегодня Марику осмотрел доктор Алексей Чипизубов и поменял несколько стержней на бедре на более длинные. При этом он отослал меня, чтобы я не видела, как больно моему ребенку.

Я поспешила в ЦУМ и купила два платица Верочке к наступающему дню рождения. По дороге я еще купила грибы, вечером надо будет их почистить. Мы с удовольствием ели грибы и на предыдущем этапе. Потом я вернулась в больницу с ужином. Вечером прошел сильный дождь, когда я отправилась домой, дорога была сплошь покрыта грязью.

7–8 июля

Таня позвала меня за грибами, но, как бы мне ни хотелось пойти с ней, пришлось отказаться. В два выходных дня в конце недели представляется возможность спокойно и основательно помыться, помыть голову и позаниматься. Организовать это не так просто. Я помыла ванну в общей ванной комнате в конце коридора и положила на нее доску, которая служила сиденьем. Левую ногу Марики, на которой стоял аппарат, я завернула в огромный полиэтиленовый мешок до самого кольца у основания бедра. Марика села на доску так, чтобы ее нога оставалась вне ванны. Потом я помыла ей голову и остальные части тела. Вытершись, Марика села на большом балконе в конце коридора, чтобы высушить волосы на солнце, а потом мы читали в тишине, устроившись в тени.

Не знаю, как и когда появился обычай, по которому у более давних больных больше прав в палате, чем у прибывших позднее. Только они могут сидеть и есть за столом, остальным приходится удовлетворяться тарелкой, поставленной на ночной столик. Это похоже на положение “салаг” в армии или новичков в университете или гимназии – их место в конце ряда! Как будто прибывшие позже пациенты – граждане второго сорта. Но возможно, что так сложилось из-за поляков, в прошлый раз мы хорошо уживались с бабушкой Наташей и другими детьми. Все умещались за столом.

Утром я заказала телефонный разговор с Будапештом, но мне сказали, что он перенесен на понедельник. А в понедельник Петера уже не будет дома.

9 июля

Сегодня пятый день растягивания бедра, нужно сделать рентген, но нет доктора Алеши, который должен дать направление. На основании замененного стержня можно предположить, что бедро уже растянуто более чем на сантиметр. Подкручиваем аппарат на голени, голень надо не растянуть, а скорректировать.

С польских девочек сняли аппараты, они приехали в ноябре, скоро уедут домой.

Вова принес Марике банку черной смородины, я дала по стакану смородины польским девочкам, которые очень удивились.

В “Сибири” я купила по талону три килограмма говядины, по-братски разделила ее пополам и отнесла половину Тане. Она тоже купила мясо и поступила точно так же, ей удалось купить хорошую, молодую говядину. Наконец-то я смогу приготовить фаршированный перец и голубцы, сварить борщ.

На обратном пути я зашла в музей, расположенный недалеко от большого рынка. В нем были выставлены резные фигурки из кости, народная вышивка, картины и итальянская графика. Часть картин были старыми, но попадались и новые. Одна из них была помечена 1987 годом, на ней виднелось изображение новой больницы, перед которой слева сидел Илизаров, за ним – его коллеги-врачи, а справа – пациенты с аппаратами, другие больные гуляли в саду. Немного статичная композиция, жаль, что я не записала имя художника.

На рушниковых вышивках часто встречаются птьчи мотивы – павлины, петухи, голуби, тетерева. Больше всего мне понравилась работа Людмилы Андреевны Сибирко. Прекрасные цветные петухи с огромными хвостами, а между ними – стилизованное древо жизни.

10 июля

Доктор Чипизубов вернулся после нескольких дней отпуска, он ездил к родителям в Узбекистан. Мы поговорили об окрестностях Аральского моря, о двух впадающих в него реках, о сокращающемся притоке воды и обмелении моря, о Хиве, Бухаре и Самарканде, легендарных городах Шелкового пути. Доктор Алеша был очень любезен. Он был доволен ходом растяжения и лечебной гимнастикой и сказал, что будет сам подкручивать аппарат на стопе и осуществлять растяжение и расширение, потому что это потребует большой осмотрительности. Он также упомянул, что уйдет в длительный отпуск только осенью. Видимо, он подождет конца подкручивания аппаратов у своих пациентов.

– Хороший, добрый доктор Айболит (это прозвище дали ему дети), – сказала Марика, – я рада, что мы выбрали именно его.

11 июля

Стоит изнурительная жара. К утру высохли грибы, которые я вчера вечером почистила и нанизала на нитку. Я хочу купить еще грибов, чтобы заготовить их в банках. Если останутся сушеные, я отвезу их домой. Я приготовила фаршированный перец, но он получился не таким вкусным, как в Венгрии. Здесь у перца другой вкус, у него нет такого аромата, как у нашего.

Вечером разразилась ужасная буря. Ветер взвихрил пыль, по небу неслись темные дождевые облака, страшно гремел гром, сверкали длинные молнии. Такой жуткой бури я здесь еще не видела. Незадолго до нее Регина пришла навестить Марику. Раньше она не заходила потому, что после работы ходила на курсы вождения автомобиля, но теперь она уже успешно сдала экзамен. Мы терпеливо ждали, пока кончится дождь, и как только он начал утихать, отправились домой. Пока мы выбирались из больничного сада на улицу, у нас промокли сандалии и одежда. В таких случаях бессмысленно ждать автобуса, к счастью, мимо как раз проезжало такси, на нем нам удалось добраться до дома. Из-за бури долго не было ни воды, ни света.

12 июля

Сегодня сняли аппарат и с другой польской девочки. По этому случаю ее мама принесла торт, и угостила Марику.

В общежитии я наконец-то повесила карниз и занавески и напилела досок, чтобы сделать полки для шкафа. Раньше мне помогали в таких делах мужья Гали и Раисы Симоновны, но они уже не живут здесь. Я попросила помочь одного мужчину, который в ответ пощелкал по горлу, прося за работу водки. У меня нет водки, дать нечего. Нет слуг – работай сам.

13 июля

На самом деле мало что изменилось с тех пор, как мы тоже начали платить по 30 рублей в день за лечение в больнице. Я попросила у сестры-хозяйки чистое сменное постельное белье, но она не дала. Со времени операции прошло уже три недели. Теперь опять придется стирать, если я хочу, чтобы мой ребенок лежал на чистом белье. Раньше мне давали сменное постельное белье, но теперь его нет, я принесла белье, купленное в ЦУМ-е, а больничное постираю в общежитии. Только питание стало лучше.

Марике уже растянули бедро на два сантиметра, а стопу – на полсантиметра у нижнего и на полсантиметра у верхнего перелома. Доктор Чипизубов сказал, что в понедельник надо будет сделать рентген всей ноги.

Я написала письма родственникам и знакомым, завтра один из пап уезжает в Венгрию и возьмет их с собой.

Вечером я пошла к Тане, потому что завтра у Верочки будет четвертый день рождения. Его празднуют сегодня, завтра вся семья отправится за грибами. Верочка была рада, увидев красное платьице, которое я принесла ей, обняла его и закружилась с ним по комнате. Мы были счастливы, видя ее радость. Позже я зашла к

Борису, который упомянул, что здесь находятся два венгерских инженера, которые ведут переговоры о строительстве мясного комбината.

17 июля

Доктор Кириенко попросил родителей собраться в холле в половине десятого. Он перечислил обычные наставления о соблюдении чистоты, дисциплины и тишины. Мы выслушали его. Не было только двух польских мам, к которым все это главным образом и относилось. Другие тоже жаловались на них. Они появились после десяти и не хотели верить тому, что сказал главврач, и чем была недовольна главная медсестра.

Вова уже ходит на работу, утром он предложил мне поехать с ним после работы на дачу собирать малину и смородину. Мы с Таней работали до темноты, запасали собранные фрукты на зиму. Было приятно отвлечься от монотонности больничных дел.

18 июля

Сегодня в больнице важный день. Прибыли делегации врачей из Португалии и Бразилии. В большом зале для конференций было сделано много докладов. Некоторое время я смотрела показываемые фотографии и сообщения о болезнях пациентов, а потом поспешила обратно к Марике. У нее что-то со стопой, она чувствует боль спереди, у иглы. В этом месте может подкручивать только доктор Алеша, завтра надо будет сказать ему.

В общежитии не было воды, потому что в Рябково, одном из районов Кургана, ремонтировали водопроводную сеть. Дорога была вскрыта в некоторых местах, автобусы ходили по другому маршруту, и я опять должна была полчаса идти домой пешком. К счастью, после объявления о ремонте в больнице наполнили водой цистерны на шестом этаже, так что я смогла отнести домой три банки с водой для вечерней готовки. К моей радости, в чайнике и кастрюле тоже осталась вода. Кстати сказать, перебои были не только с водоснабжением, самолеты тоже летали не по расписанию.

19 июля

Утром опять не было воды, ее закрыли и в больнице. В итоге пришлось целый день экономить, используя запасы в трех банках, которые я вчера собрала для Марики. Есть у нас и другие напитки – молоко, кефир, смородиновый сок. В полдень на некоторое время пустили воду, и я снова наполнила опустевшие банки.

В ЦУМ-е я купила подарки для уезжающих домой польских девочек. Старшей – стоящую в металлической чашечке стеклянную солонку с малюсенькой ложечкой, а младшей – куклу. Они удивились, когда Марика отдала им подарки, мамы буквально остолбенели от неожиданности. Они вовсе не рассчитывали на это. Марика получила кусок прощального торта. Атмосфера смягчилась, нельзя жить в постоянном напряжении.

Вечером в общежитии была вода. Я помыла накопившуюся грязную посуду. Провертывая мясо, я задумалась над тем, как долго я раньше любовалась у окна игрой цветов заходящего солнца. С тех пор прошло восемь лет, и чувствительность, романтика мододости сменилась во мне рациональностью. Сейчас я уже и более усталая. Мне часто вспоминается мама Светы Цапок, Нина Владимировна, которая была старше меня. – Мария, когда ты будешь снова и снова привозить Марику на лечение, – говорила она, – ты будешь уставать быстрее, чем сейчас. У тебя кончатся силы и деньги, пропадет настроение. Но нужно продолжать начатое.

И правда, так и есть. Мне не хватает и Жанны, очень не хватает.

20 июля

Наконец-то пустили воду! Я смогла нормально помыться. Утром, сделав все необходимое для Марики, я поспешила домой. Мне не хотелось оставаться в больнице, когда полячки начнут собираться. Быть может, когда я вернусь с обедом, их уже не будет. В находившемся поблизости овощном магазине я купила свежую свеклу с листьями и молодую капусту. Кассирша спросила, что с Марикой. Марика однажды, когда ей было четыре года, приходила в магазин вместе со мной, и кассирша запомнила ее. Я удивилась, мне была приятна ее любезность. Я рассказала, что мы приезжали сюда уже несколько раз, сейчас Марике растягивают бедро, видимо, больше мы не приедем. Она пожелала нам удачного лечения.

Голубцы с укропом в свекольных листьях были быстро приготовлены, они получились очень вкусными и понравились Марике.

Полячки по-прежнему были в больнице. Они узнали, что самолет из Москвы опаздывает и только позже вылетит обратно в Москву. Оставшуюся еду они выбросили из холодильника в мусор, не отдали остающимся здесь пациентам. Но к вечеру наконец-то наступила тишина!

21–22 июля

Я сделала в палате генеральную уборку, отнесла мусор в большой контейнер, стоявший во дворе, разморозила и помыла холодильник. Потом я помыла плитки на стене туалета и полы на балконе и в палате, выгнала мух. Во время уборки я на-

ткнулась на пустую коробку, в которой была тысяча штук жвачки, поляки продавали ее по рублю за штуку и собрали приличную сумму с пациентов больницы.

Потом я искупала Марику и помыла ей голову. К счастью, целый день была горячая вода.

Фотограф Руслан собрал больных, которых нужно было сфотографировать для международной рекламы. Марика очень устала от долгого ожидания и провела за чтением всю вторую половину дня. Сейчас она в том возрасте, когда ей постоянно хочется читать. В этот раз она увлеченно читала роман Шарлотты Бронте “Джейн Эйр”. Чтение отвлекает ее от боли и тоски по родине. Ей очень не хватает отца. Возможно, он скоро придет к нам.

На маленьком рынке около “Сибири” я купила молодой зеленый горошек и черную смородину, которые я хочу заморозить на зиму. Я достаточно поздно поняла, что на рынок стоит приходиться в начале лета, когда продукты покупать проще.

Нас постигла большая радость, Путичи приехали на контрольное обследование и привезли посылку и письма от бабушки и Петера. Но мы быстро опечалились, потому что Петер написал, что не сможет приехать, если не получит отпуска.

25 июля

С тех пор как уехали полячки, Марика лежала одна в палате. Я попросила у главврача разрешения оставаться с Марикой на ночь, пока к ней не положат нового больного. Она боится одна, просыпается и плачет ночью от боли. Разрешение было дано.

После работы Вова отвез меня на дачу. Я помогла Тане собрать малину и вишню. Они предложили мне остаться на ночь и вернуться в город утром. Я сказала, что Марика сейчас одна, и я не могу оставить ее в одиночестве. Тогда мы все собрались и поехали к ней в больницу. Марика удивилась этому неожиданному посещению и особенно обрадовалась двум девочкам, Кате и Вере, ну и, конечно, свежим фруктам.

Сегодня доктор Чипизубов прооперировал Гаянэ, девочку из Ташкента, с которой моя дочка познакомилась на прошлом этапе лечения. С ней и в этот раз приехала бабушка Наташа, которой уже 73 года. Я восхищаюсь ей. Они приехали в больницу, когда у нас еще лежали девочки из Польши, поэтому Гаянэ положили в другую палату. Когда Бородины ушли, мы навестили их и отнесли им свежих фруктов.

26 июля

В первой половине дня я поспешила в общежитие готовить, купив по дороге капусту и помидоры.

Доктор Алеша приделал к аппарату под коленом Марики металлический стержень, выпрямив тем самым колено, чтобы сустав не пострадал от согнутого положения. Бедная дочка сильно плакала от боли. Из соседней палаты зашли две мамы посмотреть, почему она так горько плачет. Вечером нас навестили венгерские мамы и пациенты, приехавшие на контрольное обследование.

На ночь Марике сделали обезболивающий укол, чтобы она смогла заснуть. Похолодало.

28 июля

Доктор Тамара, врач нашей палаты, ушла в отпуск. Алексей Чипизубов сообщил нам, что он будет замещать Тамару и каждый день осматривать Марику. Я попросила его снять давящий на колено стержень, потому что моя дочка сильно мучается из-за него. Он снял стержень, но сказал, что каждый день нужно делать гимнастические упражнения для коленного сустава. Марика усердно делала упражнения для ноги, правда, с меньшей силой, чем у физиотерапевта. Мы измерили растяжение бедра – уже 32 миллиметра.

Из Молдавии приехала молодая мама, Валентина, с шестилетним сыном. У ребенка примерно такая же болезнь, как и у моей дочки. Валентину послали ко мне, мы расспросили друг друга. Она спрашивала меня об операциях и о боли, а я – о том, что сказали врачи о причине болезни ребенка. Валя никогда не принимала противозачаточных таблеток, и все же у нее родился ребенок с врожденной аномалией развития конечностей. Валя не единственная мама, которую я спрашивала об этом. Такая же болезнь была и у мальчика из Новосибирска в обуви с утолщением в 10 сантиметров. Только теперь у меня начинает проходить чувство собственной вины. Хотя доктор Цейзель тоже говорил мне: – Мария, выбросьте из головы эту глупость, эту навязчивую идею! Поверьте, причина болезни не в таблетках!

С сегодняшнего дня снова наступила моя очередь в течение недели ухаживать и кормить венгерскую девочку, у которой здесь нет никаких родственников. Она лежит этажом выше, в отделении патологии таза и бедра. Поразительно, какие иногда бывают мамы! Когда мы послали матери девочки телеграмму, чтобы она приезжала ухаживать за дочкой, та ограничилась таким ответом: у нее же есть консервы.

1 августа

Вчера в нашу палату положили шестнадцатилетнюю девочку из Словакии, Сильвию. У нее болезнь всех суставов четырех конечностей. Она здесь впервые, сейчас ей поставили аппарат на левую руку. С ней приехала ее мама, но сразу уехала обратно. Она тоже оставила ребенку много консервов. Я напрасно говорила ей, что

Сильвии будет трудно после операции и позже, что здесь все дети, даже те, кто постарше, нуждаются в материнской заботе, любви и ободряющих словах. В этом мать не заменит никто другой. Но она пропустила мои слова мимо ушей. Сколько детей нам придется еще опекать?

Сегодня Марике сделали рентген ноги, колена, отдельно в профиль и в фас. Во второй половине дня доктор Алеша показал снимки и сказал, что образование костной ткани идет хорошо, все в порядке. Это результат хорошего питания и усердных занятий лечебной гимнастикой. А ведь раньше мы столько мучались с едой!

В больнице ввели странный порядок. Иностранцы больные теперь получают не приготовленную пищу, а сырые продукты. Но что будет делать с кочным капустом, килограммом муки, рисом и картофелем пациент, у которого здесь нет родственников? Кто и где сварит ему еду? Кто же это придумал? И это причитается больным за тридцать рублей в день? Невероятно.

3 августа

Непрерывно льет дождь. На улице грязь по колено. Неужели наступила осень? Так быстро кончилось лето? Вчера я получила извещение о трех посылках, пришлось идти за ними под проливным дождем. Их послали Жанна и Вилен, три посылки вместе весили около 15 килограммов, они поместились в моей сумке на колесах. В посылках были малиновый, абрикосовый и земляничный джем, сгущенное молоко, майонез, консервированная фасоль, рыба, рис. Джем из лесной земляники я сразу отнесла Марике. Когда я пришла к Марике с обедом, доктор Алеша как раз выходил от нее. В коридоре он объяснил мне, что поставил два небольших стержня, чтобы повернуть внутрь вывернувшийся за прошедшие годы наружу коленный сустав. Марика ужасно стонала, ей дали таблетку от боли. Бедняжка все время просила, чтобы я поглаживала ей ногу, тогда ей не так больно. Илизаров обычно говорит, что лечение проходит без боли и крови. Он-то точно не чувствует боли.

Вечером я долго чистила купленные на маленьком рынке грибы. Пока еще светло, но теперь уже темнеет раньше.

3 августа

Я и сегодня купила маслят и пожарила их в коридоре на своей плиточке. На этом плитка прекратила свое существование, придется купить другую, иначе я не смогу подогревать в больнице еду.

Пришло два письма, Петер написал мне и дочери. Он отдал письма на почту месяц назад, мое где-то вскрыли и снова заклеили. В нем было заявление, которое я должна была подписать, чтобы Петер мог получать пособие по воспитанию де-

тей. Я написала ему, чтобы он ничего не сообщал о политическом положении в Венгрии, о партиях, никогда не знаешь, откуда могут придти неприятности.

Я также написала Вилену и Жанне, поблагодарила их за посылки.

8 августа

В первой половине дня главная медсестра с двумя другими медсестрами прошли по палатам, проверяя чистоту и порядок. Они даже вышли на балкон и сделали мне замечание из-за моей коробки. Зашел и доктор Алеша, сообщивший Сильвии, что ее назначенная на сегодня операция не состоится. Вскоре мы узнали, что во второй половине дня прибывает делегация. В саду появилось несколько уборочных машин, подстригали газоны, рассыпали землю, сажали цветы.

Около трех дня прибыло три автобуса, гости проследовали в зал для конференций. Илизаров сделал доклад. Были показаны снимки больных, иллюстрировавшие их первоначальное состояние, период ношения аппарата и достигнутые результаты. Гости посмотрели и отрывок из фильма о девушке и молодом человеке, которые познакомились здесь и позже поженились. Профессор говорил очень тихо, сзади несколько раз сказали, что там не слышно. По движениям и выражению лица Гавриила Абрамовича было заметно, что ему тяжело. Быть может, он очень устал или болен. В первой половине дня он оперировал, но множество операций было отложено. Эта послеобеденная программа была очень важной. Один из четырех присутствовавших иностранных врачей был известным немецким специалистом в области кровообращения. Говорят, что сейчас Илизаров ломает голову над тем, как можно использовать его аппарат для лечения сосудистой системы.

11 августа

В первой половине дня Гавриил Абрамович пришел в больницу, но не через главный вход, как обычно, а через боковую дверь, где ходим и мы. Ему было тяжело одолеть небольшой подъем, несколько ступенек, которые вели к главному входу. Сегодня он не принимал больных и рано ушел. Моментально распространилась новость, что он очень болен.

13 августа

Гавриила Абрамовича отвезли в Москву и положили в больницу. Ночью около него дежурил тот самый немецкий профессор, которого мы видели в большом зале несколько дней назад. Говорят, что у Илизарова в бедре есть японские сосудистые

протезы, и в местах стыков просачивается кровь. Что-то не в порядке и с легкими. Сейчас он очень болен. А ведь скольким людям нужны его знания и помощь! Мы все, его пациенты и их родственники, волнуемся за него и желаем ему скорейшего выздоровления.

Снова жарко, жаркая погода стоит уже неделю. На рынке полным-полно огурцов и помидоров, много ягод, все подешевело.

К нам снова приходила Валя с сыном, Кириенко скоро прооперирует ребенка.

Пришло письмо из поселка Мад. Жена моего старшего брата написала мне о местных делах, о переменах, происходящих в горном регионе Токай-Хедьалья. Исчезают государственные хозяйства и кооперативы, иностранцы, французы, испанцы и даже японцы, покупают целые горные склоны, виноградники переходят в собственность иностранцев. Многие из тех, кто работал там раньше, стали безработными. Жизнь в Венгрии стала совсем другой.

Бородины уже несколько дней готовятся к поездке в Челябинск, хотят отвезти дочку к бабушке с дедушкой. Вова позвал меня поехать с ними. Марика не очень хочет меня отпускать, боится, что в этой долгой поездке со мной что-нибудь случится, и я не вернусь к ней. Я успокоила ее, что этого не нужно бояться, к вечеру я уже буду здесь. Я испекла много блинов, начинила их творогом, джемом и какао и поставила в холодильник для Марики и Сильвии. А в полдень надо будет съесть больничный суп.

15 августа

Без пятнадцати пять мы отправились из квартиры Бородиных с двумя сонными девочками. Таня в конце концов не поехала с нами. Дорога в Челябинск, расположенный в 300 километрах к западу от Кургана, извивалась среди березовых и хвойных лесов, мимо пашен. Вова осторожно вел машину. Катя сидела спереди, рядом с отцом, Верочка спала сзади, лежа у меня на коленях. В половине девятого мы уже были у родителей Вовы.

Мы с Вовой сходили в Южно-Уральское книжное издательство и поговорили с главным редактором Оксаной Сергеевной Булгаковой о возможностях издания моего дневника на русском языке. Она сказала, что нужно найти переводчика, они смогут заплатить за перевод только в рублях. Книгу они уже видели, ее привез им Меньшиков, и она интересуется издательство. Оксана поговорит с директором издательства, которая в сентябре посетит меня в Кургане и, возможно, приедет и в Будапешт. Мы поговорили на разные темы, например, о том, что Оксана была в Венгрии и знакома с Белой Банясом, главным редактором еженедельника «Советунио». Я сказала, что он – начальник моего мужа. Оксана побывала у Балатона, ей понравился Будапешт. Она дала Вове несколько экземпляров книги Ельцина. Все наде-

ются, что, если он станет руководителем государства, то начнутся крупные положительные перемены.

Вова отвез меня на дачу своих родителей, потом показал красивую главную площадь города и медицинский институт, где они с Таней учились. После этого он проводил меня на автобусный вокзал, откуда в половине третьего отправлялся автобус в Курган. В 7 часов вечера я уже была в больнице у Марики. Сколько всего вместилось в один единственный день!

Марика встретила меня новостью, что из Краснодара приехали Василина с мамой. Василину положили в старую больницу, они ждут Илизарова. Марика сказала им, что ждать придется долго, потому что профессор очень болен и лежит в московской больнице.

19 августа

Рано утром за мной в общежитие заехали Таня с ее отцом и Вовой, мы поехали на машине в сторону Тюмени собирать грибы. Вдоль дороги до самого горизонта виднелись подсолнечные и кукурузные поля, березовые и хвойные леса, покрытые травой луга. Мы заехали достаточно далеко и остановились у деревни Боровянка, старинного поселения с древними деревянными домами и богато разукрашенными окнами. На краю леса и на солнечных лужайках в лесу мы обнаружили много грибов, боровиков, подберезовиков и лисичек. Было и немало мухоморов. В тенистых местах леса виднелись большие скопления мха и лишайника. На клюквенных кустах краснели ягоды.

Мы с Таней, сидя на покрытой мхом колоде, с беспокойством ждали мужчин, потому что Танин папа и Вова зашли далеко в лес. Между тем я рассказала Тане о моем отравлении грибами, случившемся несколько лет назад, и о том, как Регина спасла мне жизнь в день своей свадьбы. Таня удивилась, она не знала об этом. Прошло немало времени, пока мужчины вернулись. Я тоже получила часть собранных грибов. К двум часам мы вернулись в Курган. Я поспешила в больницу. Марика хорошо спала ночью, они с Сильвией отлично ладят друг с другом.

20 августа

В Сибири день большого венгерского праздника был обычным будничным днем. Я лишь мысленно гуляю по ярмарке в Крепостном районе и вспоминаю волшебные минуты салюта. Если праздника нет, надо его организовать для себя.

В магазине народного творчества я купила гостинцы, множество разделочных досок с художественной росписью, которые я намерена использовать в качестве настенных украшений в нашей столовой. По частям я заплатила за них приличную

сумму, почти 300 рублей. Среди них есть доска с хохломской росписью – красными ягодами клубники на черном фоне, золотистыми листочками и маленькими белыми цветочками. Тут же находится круглая доска с солнечным мотивом посередине и четырьмя звездами, указывающими четыре стороны света и образующими углы воображаемого квадрата. Пространство между звездами заполнено парами красных яблок с зелеными листьями. Вся композиция тщательно продумана. Есть три доски-магрешки, пользующиеся всеобщей популярностью поленьикие русские куклы изображены на них в красной, синей и желтой одежде с пятнистыми платками на головах. Есть две девушки, несущие воду, с коромыслами на плечах, позволяющими сбалансировать два висящих на концах ведра. Приятные лица девушек обрамлены волосами, собранными в пучок. Они одеты в народную одежду: белые блузки, жилеты и длинные юбки. Похожи и две другие доски, на которых девушки гладят овечек, одна из них в синей одежде, а другая – в красной. К этой группе досок принадлежит еще одна, на которой изображена молодая женщина качивающая ребенка в колыбели. Верхние углы этих пяти досок обрезаны, а края украшены цветочными узорами. Вероятно, это работы одного художника.

Есть у меня и чинно шагающая сказочная птица в красном поле. Пару ей составляет всадник, скачущий на изумительно красивом коне. Купила я и синюю птицу, гуляющую в желтом поле, обрамленном венком из цветов. Моим самым первым приобретением была доска традиционной, прямоугольной формы, на таких досках женщины в общегитии приносят варить на общую кухню слепленные вручную пельмени. Одна ее сторона украшена стилизованными цветами, похожими на тюльпаны и анютины глазки. Поначалу я жалела заплатить за нее 23 рубля, но позже радовалась, что все-таки купила, потому что на нее так приятно смотреть. Собственно говоря, эта первая доска и подала мне идею постепенно собрать подборку досок. Я показала самые красивые Марике в больнице, они очень понравились ей. Вечером я повесила некоторые из них на стену своей комнаты в общегитии, чтобы она не была такой голой. Когда придет время уезжать в Венгрию, я сниму их и возьму с собой, они будут украшать нашу столовую вместе с корундской керамикой. Кроме этого, я купила и расшитый рушник, на котором изображена девушка в национальном наряде, подносящая хлеб с солью. Это атрибут здешнего гостеприимства. Я и раньше получала и покупала хохломские тарелки и ложки, был у меня и самовар. Если к нам приедут русские гости, они тоже обрадуются этой коллекции.

21 августа

Как холодно стало к утру! Короткому лету пришел конец.

Алексей Алексеевич остановил покручивание Марикиного аппарата. Сегодня был сделан рентген, от него зависит, что будет дальше.

23 августа

Доктор Чипизубов сказал, что у Марики срослась бедренная кость, образование костной ткани шло хорошо, подкручивать аппарат больше нельзя. Вечером он показал снимки доктору Мальцеву, и они посоветовались, что делать дальше. На стержне аппарата есть запланированные пять сантиметров, но для кости это означает удлинение в 3,5 см, и в этом случае колена еще не окажутся на одном уровне. Поэтому на бедренной кости нужно будет сделать еще одну рассечку, чтобы ее можно было растягивать дальше. Если Марику примут в операционной, то Чипизубов сделает рассечку сегодня, а если нет, то в первых числах сентября, когда доктор вернется из Хорезма. Услышав о новой операции, мы загрустили, потому что тогда придется остаться здесь на зиму. Но уж лучше сделать это сейчас, чем приезжать еще раз.

Сегодня Марике стало плохо, ее вырвало жареной рыбой, которую я купила в больничном буфете и ела вместе с Марикой. Марике сделали укол от боли в желудке, у нее поднялась температура. К вечеру меня тоже начало мутить. Женщины в общегитии сказали, что среди рыб, водящихся в Тоболе, много зараженных, которые могут причинить болезнь. Откуда же мне знать, какая жареная рыба хорошая, а какая вредная?

24 августа

К утру у меня опухли губы, появился герпес. Вот тебе и жареная рыба!

Утром у Марики взяли кровь, ее готовят к следующей операции, которая состоится в первых числах сентября. Оставшуюся до тех пор неделю мы посвятим учебе. Скоро начнется новый учебный год, послеоперационная боль некоторое время будет препятствовать занятиям. Сейчас мы с Марикой повторяем и систематизируем уже выученный материал, а позже, возможно, удастся немного познакомиться и с учебным материалом для 7-го класса.

28 августа

Утром мы получили телеграмму о том, что Петер приедет к нам 2-го сентября. Марика очень обрадовалась, что отец все же навестит ее. Пришли посылки и письма от Жанны и Вилена.

Наша врач Тамара Егорьевна вернулась из отпуска. У Марики хороший анализ крови, нет препятствий для следующей операции.

Сегодня я купила книжечку со стихами удмуртских поэтов. Несколько лет назад я не подумала бы, что буду читать стихи на русском языке. Несколько слов пришлось отыскать в словаре, и я достаточно хорошо поняла текст.

29 августа

Сегодня в больнице почти не осталось врачей и медсестер. Их отвезли на четырех полных автобусах на загородные поля собирать картошку. Мне это до сих пор кажется странным. Чья это идея? Быть может, настанет день, когда трактористы и колхозники будут оперировать? Ну, это, конечно, только горькая шутка с моей стороны. На государственных землях не хватает рабочих рук? Нельзя бросить на такую сезонную работу школьников? Когда я училась в шарошпатакской гимназии, мы почти каждой осенью работали на общественных началах в окрестных госхозах, а летом – в строительных отрядах.

31 августа

Я получила от Петра телеграмму, что он прилетает 2-го числа вечерним самолетом. Позвонила Вилену, чтобы из Москвы Петер прилетал утренним рейсом, потому что ночью я не смогу поехать на аэродром. Мы уже очень ждем его и доктора Чипизубова из-за операции. Быстро распространилась новость, что в больницу прибыли два венгерских врача, которые навещают нескольких больных соотечественников, в том числе, по их обещанию, придут и к Марике. Они будут здесь 8 сентября.

2 сентября

Всю первую половину дня шел дождь. Я пошла к Бородиным, потому что Вова пообещал поехать со мной на аэродром встречать Петра. Такси заказать нельзя, говорят, что нет бензина. Где же достанет Вова? Тайна.

Самолет прибыл точно по расписанию. С Петером прилетела молодая женщина, катившая в коляске пятилетнюю дочь. Они прибыли на консультацию, чтобы узнать можно ли поставить ребенка на ноги. В Венгрии они согласовали с Петером время поездки, без знания языка они не справились бы. Вова поспешил на помощь и поручил маму с дочкой попечению Тани. Марика очень обрадовалась отцу, письмам из дома и всяким другим вещам.

4 сентября

Утром доктор Чипизубов пришел посмотреть, как Марику подготовили к операции. Он сказал, что ее отвезут в операционную около полудня. Марика ждала с отцом, они читали переписку Араня и Петёфи в небольшой книге, которой меня премировали, когда я училась в гимназии.

В это время я была в поликлинике с Ицой и ее дочкой, оформляла ее дела. Ребенка посмотрел врач, описал его состояние и сказал, чтобы они подождали до двух часов дня, когда соберется врачебная комиссия и решит, что делать дальше.

Я попрощалась с ними, сказав, чтобы они терпеливо ждали, я вернусь к ним, но сейчас мне надо уйти, потому что Марика в операционной. Вскоре ее привезли, я помогла снять ее с каталки. Она была в полусне и жаловалась на боль выше и ниже колена. Рассечка была сделана там, где срослась бедренная кость. Петер совершенно расчувствовался, жалел свою дочь, он никогда еще не видел ее в таком жалком состоянии. Некоторое время я еще оставалась в палате, налила в стакан сваренного утром смородинового сока, чтобы Петер дал Марике чайную ложку сока, если она попросит пить, больше нельзя.

Потом я вернулась в поликлинику. Дочке Ицы нужно сделать рентген ноги, завтра доктор Мальцев посмотрит его и решит, как быть дальше. Ица оплатила билеты на самолет, расходы на консультацию и счет в гостинице из собственного кармана. Приличная сумма. Все бумаги нужно было показать комиссии.

5 сентября

После долгих поисков и ожидания доктор Мальцев осмотрел дочку Ицы и посмотрел ее рентгеновские снимки. Он сказал, что лечение будет длительным и очень дорогим. План лечения они составят вместе с профессором Илизаровым, когда он вернется в Курган. Ица должна будет снова привести дочку через год. Завтра она получит приглашительное письмо и приблизительную смету первого этапа лечения. Мне довелось переводить участникам этого разговора.

Я вернулась в больницу. Петер приготовил для Марики конспект по истории французской революции, чтобы ей было легче, когда она в школе дойдет до этой темы. Нелегкая тематика. Отец взял на себя занятия по истории, остальные предметы достались мне. Теперь наступит перерыв в занятиях, который продолжится около двух недель. Здесь Марика не ходит в школу, потому что не знает русского языка настолько, чтобы учить на нем разные предметы. С ней индивидуально занимаются два учителя – русского и английского языка.

Я не осталась в больнице в ночь после операции, ночная медсестра вчера и сегодня пообещала понаблюдать за моей дочкой, я могу не волноваться.

Пока варился наш завтрашний обед, мы с Петером набирали воду. Из-за слабого давления у нас на третьем этаже не было воды, приходилось таскать ее с первого этажа. Муж начал понимать сложность здешней жизни. А ведь как далека еще морозная зима! Однажды зимой мне пришлось таскать воду для готовки и мытья посуды из колодца, расположенного на соседней улице.

6 сентября

Ица с дочкой сегодня улетели из Кургана. Петер написал для московского таксиста на бумаге большими буквами, чтобы тот отвез их из Домодедово в Шереметьево, откуда они полетят дальше в Будапешт. Мы с Вовой проводили их на аэродром, надеюсь, они счастливо доберутся домой.

Сегодня вечером венгерские мамы пришли в общежитие поздравить меня с наступающим днем рождения и именинами. Они подарили мне медный барельеф с изображением красивых женских фигур. Петер принес вино, я угостила их. Они уже собирались уходить, когда пришла Галя Брацова, моя прежняя соседка, жившая напротив, которая вместе с мужем много помогала мне во время первого, очень трудного этапа лечения. Сейчас они живут в новой квартире. Галя помнила, что в начале сентября у меня день рождения. Гости полюбовались моей коллекцией досок.

7 сентября

Утром муж поздравил меня с 45-м днем рождения. В подарок он привез немного денег и еды. Поздравила меня и Марика. Мы давно не праздновали все вместе.

Доктор Чипизубов показал, где и как нужно подкручивать аппарат на бедре. Он показал Петеру рентгеновские снимки и объяснил, что и почему нужно скорректировать на Марикиной ноге на этом этапе. На наш вопрос, можно ли сростить давно рассеченную малую берцовую кость, доктор сказал, что можно, но не имеет смысла, потому что Илизаров зафиксировал щиколотку, чтобы она не вывихнулась при

С аппаратом от бедра до пальцев ноги. Приезд отца

ходьбе. А относительно кисти он считал, что не стоит делать новую операцию, потому что пересадка кости ухудшит нынешнее состояние в функциональном отношении, к тому же нет гарантии, что она будет успешной. Этот метод пока находится в экспериментальной стадии. Левую стопу нужно будет скорректировать, чтобы Марика могла носить одинаковую обувь на обеих ногах. Эта операция может быть сделана через два-три года.

Мы очень полюбили Алексея Алексеевича. Он непосредственный, любезный, добросовестный человек. Мы пригласили его в Будапешт. Он сказал, что неизвестно, сможет ли приехать, но его жена с удовольствием найдет время для поездки. Позже Ольга действительно приехала к нам.

Вечером мы были в гостях у Бориса. Регина с отцом приехали вчера из Одессы, они встречались с Петером только много лет назад. Софья и на этот раз приготовила вкусные блюда. Она подарила мне фартук с вышитым на нем петухом и прекрасную скатерть. Борис и Петер разговаривали о политической ситуации. Меня удивило, что люди не хотят верить в преступления, совершенные в сталинские времена и предаваемые гласности в настоящее время. Все ждут от Ельцина крупных положительных перемен.

Мы забежали попрощаться и к Бородиным. Петер еще не видел их младшую дочь. Таня подарила мне альбом репродукций картин Шишкина, художника бескрайних русских полей и лесов.

8 сентября

Первую половину дня мы провели с Марикой. Отец попрощался и с ней. Мы еще не знаем, когда полетим домой. Быть может, к Рождеству, если все будет хорошо. После обеда я проводила Петера на аэродром. Дождя не было, но стояла неприятная, туманная погода. Объявили, что самолет из Москвы прибывает с многочасовым опозданием и неизвестно, когда вылетит обратно. Некоторое время мы ждали, а потом распрощались друг с другом. Я поспешила обратно в больницу. Марика загрустила из-за отъезда отца. Быстро пролетела неделя, которую он смог провести с нами. Вечером в общежитии я узнала, что вместо трех часов московский самолет вылетел в половине седьмого. Надеюсь, Вилен ждет Петера.

10 сентября

Сегодня был общий обход. Завтра надо будет сделать Марике рентген голени, скоро снимут аппарат. В ходе операции было снято среднее кольцо и вынуты спицы, раны смогут заживать. Снова нужно разрабатывать коленный сустав с помощью двух блоков. Марикиной соседке по палате, Сильвии, сегодня стало плохо, неиз-

вестно, почему, вокруг нее бегают врачи и медсестры. Ей дали инфузию, к вечеру ее самочувствие улучшилось.

11 сентября

У вахтера меня ждала телеграмма, Петер счастливо добрался домой.

Уже целую неделю в городе нельзя достать молока. Я надеялась, что мне удастся купить его в больничном буфете. Проводив Марику на рентген и перевязку, я встала в очередь в буфет. Продавались молоко, сметана и сливки. На них претендовало очень много покупателей. Сначала обслужили работников больницы. Некоторые покупали по пять бутылок сливок и пять литров молока. Когда после часового стояния подошла моя очередь, все раскупили. Молока не дают уже даже в рамках больничного снабжения, хотя когда-то его охотно предлагали. Я открыла последнюю банку сгущенного молока, буду делать из него кофе и какао для Марики, пока оно не кончится, и напишу Жанне, чтобы она прислала еще, если сможет. Говорят, в Москве нет даже хлеба. Я не могла поверить, что положение столь же ужасно, как вначале пятидесятых годов, в сталинские времена, когда я была ребенком.

Я уже научилась жить здесь. В летние месяцы я делаю варенье, солю, замораживаю, консервирую на зиму все, что можно, как местные жители, которые хорошо знакомы с сибирским климатом. Они знают, что с середины мая до середины сентября стоит теплая погода, за это время урождается все, что способно уродиться, всякий урожай нужно ценить. Потом наступают долгие холода, которые нужно перенести.

Вечером я пошла к Тане. Мы договорились, что, пока она в отпуске, мы спросим вышивальщицу Людмилу Андреевну Сибирко, не продаст ли она расшитый рушник, который так понравился мне на выставке. На вышивке изображены два прекрасных пестрых петуха, а между ними – стилизованное древо жизни. Окраска западно-украинского происхождения. На таких рушниках подносят хлеб и соль жениху и невесте. Это местный народный обычай. Людмила не продала этой своей работы, которая была мила и ее сердцу. У нее не было достаточного количества нитей, и она не могла сделать другую вышивку, зато с радостью и гордостью показала нам другие работы. На одном малюсеньком изображении две японские женщины в кимоно стояли с веерами под цветущим вишневым деревом. Людмила вышивала эту композицию тонкой нитью, вынутой из шелковой ленты, невероятно мелкими стяжками. Она показала и книги по вышивке. В одной из них вышивки крестом очень напоминали наши работы из окрестностей Тисы. По лицу Людмилы я видела, что ей приятны мой искренний интерес и похвала.

Вечером мы с Таней, к большой радости детей, испекли пирог с творогом и укропом и рогалики с маком.

14 сентября

В первой половине дня мы с Марикой занимаемся географией и биологией. По истории она продвигается по конспектам отца, я объясняю ей, если она что-то не понимает. Хорошо, что уроки по венгерской литературе и языку мы начали уже в августе. Математикой, физикой и химией мы займемся позднее, когда будет меньше болеть нога. Здесь у Марики есть только уроки русского и английского языка, которые проводятся по два раза в неделю.

Вечером солнце заходит уже в восемь, я прихожу домой в полной темноте. Сегодня перед дверью я обнаружила пакет картошки и пакет помидоров. Их привезли с дачи Таня с родственниками, которые не подождали меня, не зная, когда я вернусь домой. Они хотели посмотреть мои доски. Ничего, будет еще возможность! С сегодняшнего дня я неделю буду дежурной по кухне третьего этажа. Каждый вечер мне нужно будет мыть столы, две кухонные плиты и кафельные плитки между ними, а также каменный пол.

15 сентября

Наступила приятная, теплая погода, опять можно ходить в летней одежде. Интересно, сколько будет продолжаться это местное бабье лето.

Весь день я провела в больнице. Мы занимались математикой, процентным исчислением. Дочка быстро поняла суть и запомнила основные понятия. Некоторые трудности причинило ей решение задач, но после нескольких упражнений ей все стало ясно. В школе это занимает три учебных часа, нам было достаточно одного.

В то же время мы, конечно, и подкручивали аппарат, на стержне уже виден результат нового подкручивания. Вечером поднялся ветер, который принес холод. Бабье лето продолжалось один день. Заходившее солнце было кроваво-красного цвета. В общежитии ослабла подача газа, вечером невозможно было готовить. Здесь всегда чего-то не хватает.

16 сентября

Утром отключился холодильник. Этого еще не хватало. Я очень расстроилась. Что же будет со множеством продуктов, которые я заморозила и разложила по банкам? Утром опять не было газа, я не смогла подогреть воду.

В больнице была горячая вода, я купала Марику, помыла ей голову, волосы можно будет высушить на солнце. Марика гуляла по балкону с двумя костылями под мышками. Сегодня мы опять занимались, причем довольно много. Марика – прилежная девочка и не хочет отстать от своих венгерских одноклассников.

Я поделилась с ней своей досадой из-за холодильника, посетовала, что испортится свежее мясо и все, что я заготовила на зиму. Она поняла, что я нервничаю и спешу домой, ведь с холодильником надо что-то делать. Я все выложила из него на стол, основательно вымыла его внутри, помыла полки, боковые стенки и вытерла. Потом я выдвинула поднос из-под морозильника, вылила из него воду с кусочками льда. Затем втокнула на место поднос, после чего выскочила какая-то кнопочка, и холодильник включился. Велика была моя радость. Я вытерла и положила обратно продукты, к счастью, они не растаяли.

Вечером я еще сходила к Борису за своим обогревателем. по утрам и вечерам в моей комнате уже холодно, возможно, придется отнести обогреватель в больницу.

17 сентября

Марика усердно подкручивает аппарат уже десятый день. Видно новое растяжение на один сантиметр. Девочка добросовестно делает лечебную гимнастику, полюбила нового тренера, Татьяну Борисовну.

Я посетила Музей изобразительных искусств. У входа внимание прохожих привлекала фотовыставка. В близлежащем городке Далматово в начале 1700-х годов был построен монастырь. Это был замечательный ансамбль зданий с церквями, фресками, резными украшениями. За прошедшие десятилетия он превратился в развалины. Над главным входом, под портретами Маркса, Энгельса и Ленина, красовался девиз: “Наша цель – коммунизм”. Ограда разрушилась, стены потрескались, а кое-где даже обвалились. Под одной из фотографий можно было прочитать: “Если бы тогдашний мастер видел ныне свою работу...”. Выставка была организована с целью стимулировать сбор средств на восстановление монастыря. В залах на первом этаже были выставлены произведения, картины и скульптуры, членов курганского художественного кружка “Колорит”. В другом зале стояли дымковские глиняные фигуры, шедевры русского народного искусства, сказочные персонажи, птицы и другие животные. Поодаль были размещены вышивки, ковры, домотканые изделия. В последних залах можно было посмотреть драгоценности, янтарные бусы, медальоны и браслеты. Все они были сказочно красивы.

18 сентября

Сегодня Марике сделали рентген бедра и колена. Я ворчала и спросила, почему область яичников не закрыли резиновым фартуком. Рентгенолог сказал, что тогда он не смог бы сделать хорошего снимка шейки бедра и тазовой кости.

Марику навестили Регина и Инесса, две дочери Бориса. Они с Марикой давно не виделись и были рады друг другу. Пришла к ней и Василина, которая уже целый

месяц ждет, чтобы Илизаров прооперировал ее. Это будет явно не скоро, потому что он еще лежит в больнице в Москве, а потом ему придется ехать в санаторий.

Вечером я зашла к Тане, чтобы поблагодарить ее за картошку и помидоры. Вова угостил меня вкусным вином, которое он изготовил из малины и черной смородины. Какой замечательный цвет и аромат! Чудесное вино! Такого я еще не пила.

Русские, с которыми я часто разговаривала, жаловались, что у них ничего нет, потому что страной плохо управляют. А вот в западных странах все есть.

– Это вам только так кажется, – обычно отвечала я на это. – Там тоже не рай земной! Но выше дисциплина труда.

– Почему мы должны работать лучше, если нам мало платят? Все получают одинаково мало.

– Это не совсем так. Здесь тоже живут и очень богатые, и очень бедные люди. Россия – богатейшая страна на Земле. Трудолюбивые люди могли бы создать здесь землю изобилия. А что мы слышим? В Кургане нет муки и сахара, а в Москве даже и хлеба. Хотя мне не хочется верить этому.

Мне вспомнилось то, что я учила о разросшейся до громадных размеров Римской империи. Там тоже существовала похожая проблема, больше всего трудностей вызывали организация труда и производство. Ну и, конечно, войско. Товары есть тогда, когда их производят. Нужны хорошая рыночная экономика, квалифицированная, трудолюбивая рабочая сила, хорошая организация, хорошая техника, важны правильная политика, внешняя торговля и внутренний рынок. И честный контроль. Таково мое мнение.

20 сентября

Сегодня красивый, солнечный день, быть может, лучший в этом месяце. В больничном саду уже желтеют и краснеют деревья, снова наступила красочная осень. Я как раз любовалась ей с балкона, когда ко мне подошел мужчина из Индии, который находился с дочерью в первой палате. Он врач из Бомбея. Его ребенка лечили и в Англии, но он слышал, что здесь у девочки больше шансов на успешное лечение. Он плохо говорил по-русски и разговаривал с Марикой по-английски. Индийский врач был недоволен больничным снабжением и условиями. Он сказал, что в Индии хотят ввести в употребление метод Илизарова, тогда больным не придется ездить так далеко.

21 сентября

Алексей Алексеевич показал последний рентгеновский снимок. На нем хорошо видно растяжение на один сантиметр, а также начавшийся рост костной ткани у

двух концов рассечки, в нижней части бедренной кости. В этом месте доктор внес в аппарат какое-то изменение и сказал, что надо подкручивать дальше.

Петер прислал с приехавшими на контрольное обследование венграми посылку. Ица, приезжавшая в начале месяца вместе с Петером, прислала подарок семье Тани в благодарность за оказанную ими помощь. Я поспешила к Тане. У входа в больницу я нашла выброшенную картонную коробку с изображением чайника, который я уже давно хочу купить. На нем стоит свисток, подающий сигнал, когда вода закипает. Я сначала побежала в ЦУМ. Я уже много раз искала там чайник и надеялась, что на этот раз удастся его купить. Продавец сказал, что они получили 500 штук с челябинского завода имени Орджоникидзе, но к вечеру все раскупили. Универмаг закрывался в восемь, его работники потянулись домой. Почти у каждого в руках было по две-три коробки с чайником. Они продадут их знакомым. Вот почему мне не хватило. Со мной приключилось то же самое, что и тогда, когда я недавно хотела купить молоко. Таковы здесь внутренний рынок и хорошая организация. Я рассказала об этом Тане, которая пообещала достать мне чайник. Так у меня появился чайник со свистком за 12 рублей. Неизносный предмет, я пользуюсь им и сейчас.

24 сентября

В первой половине дня я зашла в ЦУМ, хотела купить Марике тетради. Мне удалось снять с полки последние десять тонких тетрадей в клетку. Целый час мне пришлось ждать, чтобы заплатить в кассу двадцать копеек. Я должна была показать свой паспорт, паспорт Марики, выданное в милиции разрешение на временное проживание в стране с печатью, а также уже затребованную в прошлый раз справку, что Марика учится в больнице, и у меня есть право покупать тетради. Вот тебе и социализм! До сих пор паспорт нужно было предъявлять только для покупки золота, чайника, мяса и сахара, если они были в продаже и удавалось их купить. Но чтобы без паспорта не продавали школьных тетрадей? Это уже поразительная бюрократия! Что же, мне плакать или смеяться? Страна переполнена огромными лесами, изобилует деревьями, и нет бумаги для школьных тетрадей. Правда, на предыдущих этапах не было и туалетной бумаги, мы просили ее у Вилена. Марика, конечно, обрадовалась, что теперь у нее, наконец, есть на чем писать упражнения по русскому и английскому языку, на беда, что тетради не в линейку. Ну и есть в чем решать задачи по математике. Учительницы не хотели верить, что нельзя купить тетради.

Сегодня вернулась прежняя физиотерапевт, которая заставила Марику основательно поработать, и девочка так устала, что вечером мы уже не могли заниматься учебой.

26 сентября

Работающая в нашем отделении воспитательница хочет разучить с детьми сказку Самуила Маршака “Кошкин дом”. Два года назад дети уже разыграли ее с большим успехом, Марика играла тогда роль котенка. В этот раз воспитательница попросила Марику сыграть роль мамы-кошки. Она была рада такой почетной задаче, но с некоторым замешательством посмотрела на меня, соглашаться ли? Сможет ли она найти время для репетиций, если ей нужно интенсивно учиться и три раза в день посещать лечебную гимнастику? Видя ее раздумья, я сказала, что занятия венгерской грамматикой и литературой мы отложим до возвращения в Венгрию, там я помогу ей ликвидировать отставание. После этого Марика пообещала выучить роль. Я знаю, что в будущем это пойдет ей на пользу.

По частям я узнала, как и при каких обстоятельствах работники больницы, в основном медсестры, получили квартиры в новых зданиях за больницей, распределение которых состоялось неделю назад. Не было заранее подготовленного плана, очереди по качеству и стажу работы. Кто подсуетился, тот и забрал, люди выбрасывали друг друга. Тот, кто рассказал это, с грустью заметил, что за прошедшие десять лет сильно испортилось качество человеческих отношений между сотрудниками больницы. Продвигаются по службе и получают поощрения вовсе не те, кто давно и добросовестно работает, а карьеристы, те, кто готов беззастенчиво загипать других. Профессора Илизарова нет в городе, он болен и не может заниматься больницей. Почему так случилось? Я жалела медсестер, мы были знакомы еще со старой больницы, отсюда и взаимная симпатия. Мы тоже не раз убеждались в том, что там была более человеческая атмосфера. Мы думали, что в новой больнице будет лучше, но получилось иначе.

Во второй половине дня Марика заснула после утомительной лечебной гимнастики. Я села читать на балконе. Подошел попрощаться мужчина из Индии. Он радостно сообщил, что лечение дочери будет продолжено в Индии, в субботу они улетают. Он попросил у меня адрес на тот случай, если судьба как-нибудь сведет нас в будущем. Ему хотелось бы посмотреть Будапешт. Я записала его имя и адрес на последней странице своего дневника и пожелала ему счастливого возвращения домой. Говорят, в понедельник приезжает делегация врачей из Индии.

Еще одна интересная информация. Здесь есть богатый японский юноша, которому растянули конечности. Когда профессор Илизаров оперировал его, была установлена телекамера, с помощью которой запечатлели весь ход операции, а позже – перевязки, изменения в аппарате, подкручивания. Японцы уже многое скопировали в мире. Может быть, они хотят применять метод Илизарова?

Сегодня я шила чехлы для аппарата, сделала петли для пуговиц на колготках, изготовила новую подкладку для подстопника. Весь день прошел за этим занятием. Похолодало, скоро начнутся морозы.

Вечером я пошла к Бородиным. Мы с Таней снова испекли пирог, начинив его яблоками и орехами. Таня дала мне часть пирога для Марики. Завтра вечером к ним в гости придет русская супружеская пара, с которой Таня хочет меня познакомиться. Муж, Михаил Фаерберг – гениколог, руководитель одного из роддомов, член международной организации “Врачи мира за предотвращение ядерной войны”, в субботу он с делегацией вылетает в США. От нашей больницы членами делегации будут Анна Майоровна Аранович и доктор Попков. Говорят, что в Вашингтоне их примет президент Джордж Буш. Жена, подруга Тани, – рентгенолог.

27 сентября

Первая половина дня опять прошла в утомительном занятии лечебной гимнастикой. У Марики контрактура коленного сустава, это означает, что она не может ни полностью распрямить, ни согнуть ногу в колене. Приходится много заниматься гимнастикой, чтобы восстановить прежнее функционирование коленного сустава. Марика усердно выполняла упражнения по сочувственным, но строгим указаниям физиотерапевта. Из-за движения мускулов колят спицы и болят раны. В таких случаях я не могу смотреть на искаженное от боли лицо моего ребенка. В ушах у меня звучат слова Илизарова: без боли и крови.

Сегодня мы получили нашу порцию продуктов на шесть дней: 1кг муки, 1кг риса, полкило масла. Что можно их этого приготовить? Где и как? Я поразились. За это мы платим 30 рублей в день? Получается 180 рублей за шесть дней. Что же делать иностранному больному, у которого здесь нет родственников? Пусть ест то, что выдали? Целую неделю?

Я рассказала главврачу Кириенко, какую пищу должны есть шесть дней иностранные больные.

– Все эти продукты вместе стоят здесь примерно 4 рубля. Мы тоже умеем считать, во всяком случае не хуже тех, кто вынуждает нас платить такую крупную сумму за больничное лечение.

Главврач удивился и пообещал узнать, в чем дело.

Ни с больничной почты, ни с почты рядом с “Сибирью” невозможно отправить телеграмму в Венгрию, мне посоветовали сходить на главный почтамт в центре города. Мне пока что не к спеху. В последнее время меня постигает все больше сюрпризов.

1 октября

Утром польская мама и лежащая в отдельной палате-люкс женщина из Израиля пошли к главной медсестре поинтересоваться, почему нам выдали пищу в таком виде. Я присоединилась к ним.

– Если провизию будут выдавать всем сырыми продуктами, то пусть дают и мясо, фрукты и овощи! – сказала я. – Спросите у больных, что им подходит! Не знаю, кто придумал такой способ питания.

Женщина из Израиля платит за лечение сына в долларах, она взяла ссуду, семья набрала долгов на десять лет. Она сказала, что за такие деньги у них обеспечивают гораздо более качественное снабжение. Конечно, она прошептала это только мне, у нее очень скромный запас русских слов, главной медсестре она повторяла лишь одно слово – почему? Польская мама тоже была недовольна, ее можно было лучше понять. Наша главная медсестра была немного раздражена, услышав столько сумбурных заявлений и жалоб, и пообещала устроить так, чтобы все иностранцы, как и раньше, получали приготовленную пищу. Весть о случившемся мгновенно распространилась по коридору. Одна из венгерских мам набросилась на меня с упреком, что я всегда хочу командовать другими. Вспыхнула некрасивая ссора. Ей больше подходят сырые продукты, потому что ее сын не ест больничной еды. К тому же она взяла на себя питание одного иностранного пациента и получала бы двойную порцию продуктов. Я много раз приносила из столовой больничную еду, если не могла готовить сама. Или, если я по каким-то причинам не успевала прийти в больницу с обедом, моя дочка шла в сторовую и ела там, хотя бы и немного, чтобы не проголодаться, пока я приду.

Доктор Чипизубов ушел в двухмесячный отпуск. Он сказал, что у Марики начался период закрепления, вернувшись из отпуска, он снимет с нее аппарат и мы сможем ехать домой. Распространилась новость, что Илизарова отправили в больницу за границу.

2 октября

Сегодня все были рады крупному винограду, который выдали к завтраку. Снова появились молоко и сметана, не надо было стоять в очереди в “Сибири” или перед больничным буфетом. Стоило пожаловаться из-за питания.

Похолодало, в общежитии уже топят, в больнице пока еще нет. Я принесла Марике плед и про запас – обогреватель, не хочу, чтобы она простудилась.

6 октября

Мы с Марикой отметили память арадских мучеников.⁷¹ Отыскали соответствующий отрывок в учебнике по истории, а потом решили несколько уравнений, и Ма-

⁷¹ Арадские мученики – 12 венгерских генералов и один полковник, казненные в Араде после подавления революции и национально-освободительной войны 1848-1849 гг. Их память отмечается ежегодно, в день казни, 6 октября.

рика поняла, как нужно превращать словесные задачи в уравнения. В этом мы еще поупражняемся.

Потом я навела порядок в нашем холодильнике, стоящем в палате, помыла полы и сшила дочке новый подстопник, потому что старый обветшал и промок во время уборки. Так прошла первая половина дня.

После обеда Марика и Сильвия ушли смотреть видео, а я поспешила к Тане. Мы поехали на автобусе попариться в сауне в деревню, расположенную неподалеку от Кургана. Мне очень понравилось, я основательно разогрелась и очистилась. Вокруг был лес с елями и желтеющими березами, в лесу лежало маленькое озеро, на берегу которого стоял домик с сауной. Мы шлепали друг друга березовыми вениками и много смеялись. Я получила большое удовольствие. Потом я поспешила с ужином к Марике и рассказала ей о парении в сауне.

Вечером у Бориса была дома только Инесса, родители работали на даче, чтобы закончить осеннюю обработку почвы еще до наступления сильных холодов. Горько видеть, что двум инженерам, приближающимся к пенсионному возрасту, приходится обрабатывать землю, чтобы вырастить необходимые семье фрукты и овощи. За этим занятием они проводят все выходные дни и все свободное время после работы. Так же приходится поступать и Тане с мужем, молодой супружеской паре врачей.

8 октября

Утром я купила на маленьком рынке рядом с “Сибирью” два с половиной стакана облепиховых ягод. Софья объяснила мне способ их приготовления. Я надеялась, что мне удастся купить их, их трудно собирать с колючих кустов, поэтому они дорого стоят. Берем оранжевые ягоды, обладающие приятным ароматом, моем и даем им обсохнуть, затем измельчаем их в миске и полученную массу пропускаем через марлю. Горьковато-кислую густую жидкость смешиваем с сахаром и, разбавив водой, можем пить ее как напиток с сиропом. Кожицу и косточки держим в течение недели в оливковом масле, помешиваем, подогреваем до 60 градусов, процеживаем и разливаем в банки. Полученное таким образом масло используется как лекарство для лечения больного горла и ран. Обе жидкости содержат много витаминов. Из продают и в аптеке, они стоят недешево.

Сегодня был общий обход. Доктор Кириенко сказал, что больше не надо подкручивать аппарат, еще два месяца, и можно будет ехать домой. Как хорошо было бы встретить Рождество дома! Нужно будет израсходовать множество приготовленных грибов, класть их в суп, котлеты, пёркельт. Сушеные грибы я возьму с собой в Венгрию.

Физиотерапевт Тамара Степановна вернулась из отпуска. После обеда мы четвером пили чай, она пришла забрать девочек на лечебную гимнастику. Эта непосредственная, любезная женщина занимается с ними с любящей строгостью. Силь-

вии она привезла земляные орехи. Я поджарила их на плитке, после гимнастики Сильвия чистила их и стала похожа на трубочиста. Мы много смеялись над ней, а она – над собой. У Марики насыщенный день, три раза лечебная гимнастика, один сеанс массажа, уроки русского и английского языка. К вечеру она очень устала, у нее нет настроения заниматься со мной учебой. Будем заниматься позже, в Венгрии, день возвращения приближается.

9 октября

Над Курганом беспросветно хмурое небо, утром шел сильный дождь, казалось, что так будет весь день. Но к полудню погода разгулялась и выглянуло солнце. После обеда Сильвия попросила меня проводить ее в “Сибирь”, она хочет сделать покупки. Там ей в нос ударил неприятный запах рыбы и мясных продуктов, она была поражена при виде скудного выбора товаров и ничего не купила. На маленьком рынке стало меньше фруктов и овощей. Садовому сезону наступил конец. В конце концов Сильвия купила кило яблок за пять рублей и пять мороженных за рубль. А я купила небольшую банку ягод облепихи и кило слив. Но больше всего я обрадовалась четырем килограммам муки, которые мне удалось достать в “Сибири”. Этого хватит, пока мы пробудем здесь, не беда, если останется, отдам кому-нибудь в общежитии. Я пошла с доктором Тамарой на массаж к Юре, который работает в больнице. Мне очень понравилось, он основательно размял мне мышцы. От таскания тяжестей и ходьбы туда-сюда у меня уже сильно болит поясница.

Василина и сегодня навестила Марику. Она приходит из старой больницы в школу и после окончания уроков заглядывает к Марике. Мы угощаем ее блинами, фруктами, когда что есть. Она живет на больничном питании, ее мать приедет к ней только тогда, когда будет близок день операции. Ей тоже установят аппарат на бедро. Она уже больше месяца ждет профессора, положение безнадежное, неизвестно, когда он снова появится в Кургане и будет ли еще оперировать.

Вечером я получила несколько писем от родственников и учеников.

10 октября

Марике сделали рентген ноги. Интересно, в каком состоянии кость, все ли в порядке? На этой неделе Марика еще будет ходить на массаж, от тяжелого аппарата у нее болит спина и поясница, от длительного лежания ослабли мышцы. У нее очень насыщенные дни, к вечеру она всегда устает.

В нашу палату положили польскую девочку по имени Аша, ее маму зовут Ева. Они приехали на второй этап лечения. В палате есть еще и незанятая кровать, раньше такого не бывало.

Стоит противная, туманная, грязная погода, по вечерам рано темнеет. После ужина я иду домой, потому что тоже начала уставать. Обычно мы уходим вместе с бабушкой Наташей, я кладу ее вещи на свою сумку на колесиках, чтобы ей не нужно было тащить тяжести, она опирается на меня, и так мы идем через весь больничный сад. Гаяне лежит в другой палате, но они с Марикой навещают друг друга. Бабушка Наташа снова пригласила нас приехать к ним в Ташкент будущим летом. У нас уже много приглашений, везде побывать невозможно.

13 октября

Весь день я провела в больнице, занималась с Марикой. Аша и Сильвия ушли смотреть видео, в палате остались только мы. В первой половине дня дочка читала роман Дюма “Три мушкетера”, который ей привез отец. Я попросила у Тани на время этот роман на русском языке, чтобы Марика могла сравнить два текста. Она хочет совершенствовать знание русского языка. С соседками по палате разговаривать не получается, они не понимают по-русски. Марика ходит разговаривать в 4-ю палату, где лежат русские девочки, в том числе и Гаянэ. Дочке грустно, потому что Гаянэ скоро уедет домой, а ходить в старую больницу к другой своей подруге, Василине, она не может.

Вечером я еще зашла к Тане поздравить Катюшу с днем рождения. У нее было много гостей, родители Тани, ее старшая сестра и подруги. Я заглянула к Борису, родители и сегодня работали на даче, но к вечеру вернулись, потому что по ночам бывает очень холодно, на даче ночевать нельзя. Я огорчилась, когда Софья сказала, что ее маме в Москве пришлось четыре часа стоять в очереди за картошкой. Нет хлеба, яиц, муки. Положение удручающее. Почему так получилось?

14 октября

У меня опять не работает холодильник. Может быть, сгорел мотор? В нем много еды, он не выдерживает нагрузки. Я вынула из него все, что было. К счастью, сейчас у меня мало мяса. Я попросила у живущих по соседству татарских женщин разрешения положить мясо в их холодильник. Остальные продукты я положила в сумку и повесила на окно снаружи. По ночам уже бывают морозы, да и днем температура не поднимается выше десяти градусов.

Валя из Молдавии дала мне бутылку вермута, ее привез навесивший Валю муж. Я позвала их вечером отведать вина вместе со мной. Гриша посмотрел холодильник и установил, что неисправностей нет, зато в розетке нет электричества. Моя лампа тоже не горела, и я зажгла свечу. В полутьме мы разговаривали о положении в Молдавии, о причинах существующего там недовольства. Главная причи-

на в том, что туда переселяется много пришельцев из Сибири и других мест. Грише известно положение в Румынии и венгеро-румынское соперничество из-за Трансильвании, он учил это в русской школе. Это был интересный разговор.

Когда они ушли, меня позвали к телефону. Я думала, что звонит Жанна, но это был Петер, мы хорошо слышали друг друга. Он волновался за нас, от нас давно не было писем, и очень обрадовался тому, что мы будем дома к Рождеству.

Я попросила электрика из общежития проверить проводку. Он сказал, что для поиска повреждения нужно вскрыть стену. Сейчас уже поздно, но мне пообещали, что завтра повреждение будет исправлено.

15 октября

Я всегда держу в больничном холодильнике еду для Марики, чтобы ей было что есть, если я по каким-то причинам не смогу прийти к ней утром. Сегодня я ждала электриков, которые не обнаружили повреждения проводки и не хотели долбить стену. В конце концов один из молодых людей провел в мою комнату электричество от находившегося в коридоре провода, поставил временную розетку, снова загорелся свет, заворчал холодильник, и я опять положила в него еду. Пока молодой человек работал, перед моей дверью собрались любопытствующие, рассматривавшие мои доски на стене. Одна женщина пришла за советом с вязанием в руках, и я показала ей, как нужно вязать объемные косы с помощью двух английских булавок.

Доктор Чипизубов пришел в больницу и навесил нас. Мы спросили, когда можно будет ехать домой, он должен дать нам разрешение на отъезд.

– Скорее в середине, чем в начале декабря, – ответил он.

Доктор Тамара вынула из Марикиной стопы две спицы, облегчила аппарат, боль сократилась. Сегодня была и перевязка.

Вечером снова приходила Василина. Я всегда угощаю ее, вижу, что ей хочется есть. Она боится темноты и попросила меня проводить ее до старой больницы.

17 октября

Похолодало, наступает зимняя погода. Я надела пальто. Правда, оно маловато мне, зато теплое.

Сойдя с автобуса, я была ошеломлена. На скользкой дороге лежала мертвая женщина. Вероятно, она хотела перейти улицу, и попала под машину. Вокруг стояли машина скорой помощи, милиционеры и зеваки. В больнице все с ужасом разговаривали об этом несчастном случае.

Марика не сделала заданное на сегодня домашнее задание по русскому языку, потому что не знала, в какое из перечисленных слов нужно было вписать мягкий, а

в какое твердый знак. Учительница рассердилась и ушла, не продолжив занятия. Марика сильно расстроилась, ей было стыдно. Наконец она сделала задание с помощью физиотерапевта и выучила слова.

Нужно сказать, что непросто отличить друг от друга эти два знака.

20 октября

Вчера все засыпал снег, падавший крупными хлопьями. Возможно, он уже не растает.

Доктор Кириенко прооперировал девочку из Польши. Операция была большой, серьезной и продолжалась долго. Ночью мать охраняла покой ребенка.

Придя на работу, Вова забежал ко мне предупредить, чтобы я не ходила сегодня к Тане печь пирог, как было условлено, потому что у них холодно, не работает отопление. Строители и мастера ничего не делают в городских домах, где живут работники больницы Илизарова. Они сердятся на то, как те заняли квартиры в новых корпусах, построенных за больницей. Профессору чинят неприятности не только в больнице, но и в городе. Врачи едва наблюдают за теми больными, которых он оперировал, правда, скорее потому, что не хотят вмешиваться в его работу. Гавриил Абрамович все реже находится здесь, его больным приходится долго дожидаться его. Мы уже знаем это, Марика много страдала после первой операции руки. Поэтому позже мы и попросили сделать операцию доктора Кириенко, а теперь – Чипизубова.

Говорят, что Илизаров ничего не делает для того, чтобы работники больницы и пациенты жили в лучших условиях. Однако жалобщики-обвинители не считают с тем, что Илизаров, которому скоро исполнится семьдесят, – уже и сам старый, больной человек с миллионом забот, которому непосильны сваливающиеся на него тяготы. Ему не хватает сил, времени и здоровья. Он уже достаточно много работал.

Сегодня в нашей палате стояла полная тишина. Аша спала под воздействием уколов, ее мать некоторое время была здесь, а потом ужла устраивать какие-то дела, Сильвия смотрела видео, она легко двигается, у нее аппарат только на одной руке. Марика тихо читала и занималась, а я вязала.

21 октября

Утром мы с Таней сходили на барахолку. На остановке автобуса проверяли пассажиров и штрафовали безбилетников. Нас с проездными быстро пропустили. Река еще не замерзла, на другой берег можно было пробраться только по мосту, заполненному толпой. Стояло много машин. Продавалось много всяких вещей, но никаких мехов не было. Я купила два вязаных пуховых платака, один традиционный, а

другой – тонкой вязки. Заплатила пятьдесят рублей. При проверке оба платка прошли через мое обручальное кольцо. Я уже давно хотела купить такие платки, но жалела на них денег. Скоро мы уедем домой, быть может, у меня больше не будет возможности придти сюда. Я забежала к Софье, чтобы показать купленное, она сказала, что я сделала удачную покупку. Ее дочки тоже пошли на барахолку, но мы разминулись в толпе.

Я пришла к Марике перед обедом, она сделала гимнастику, потом мы занимались. На обед она попросила блины с творогом, я испекла несколько штук на плитке. Теперь, когда больше не надо подкручивать аппарат, у нее улучшился аппетит. После обеда мы опять занялись учебой.

Вечером ко мне заглянула Валя, женщина из Молдавии. Было видно, как она трясется от холода в своем болоньевом пальто. Я отдала ей свое светло-синее теплое пальто, она не хотела брать, но я успокоила ее, сказав, что у меня есть и шуба, за меня не надо беспокоиться. Валя обрадовалась и очень благодарила меня.

24 октября

В доме у Тани уже работает отопление. Мы устроили большую готовку. Таня готовила бишбармак, мне она доверила голубцы с укропом, а пирог с яблоками мы сделали вместе. Вечером у нас были гости. Пришел Миша Фаерберг, недавно вернувшийся из США, с ним пришли его жена, Таня, и дочь, а кроме них нагрянула знакомая по больнице женщина из Израиля Эти Дворкин с младшим братом и сыном, на котором был аппарат. Все слушали Эти, она рассказывала интересные вещи то по-английски, то вставляя несколько русских слов. По образованию она инженер, но работает в банке. У нее есть еще и сын пяти лет, который остался дома с ее мужем. В Шотландии не смогли скорректировать мальчику руки. Илизаров приезжал в Израиль, Эти отвела к нему сына, и Илизаров сказал, что сможет вылечить ребенка руки, его нужно привезти в Курган. Они взяли ссуду, платят за лечение в долларах, но недовольны больничными условиями. Интереснее всего был рассказ Эти о годах службы в армии. Она служила в Египте и Кении. Нам было странно слышать, что в Израиле призывают на военную службу молодых девушек 17-19 лет. Родители Эти переселилась в Израиль из Марокко, ее муж – из Эстонии, а один из их родственников – из Будапешта. С таким холодом, как в Кургане, они еще не сталкивались. Эти ужаснулась, когда мы сказали, что это еще только начало, будет гораздо холоднее, и сказала, что ей не хотелось бы ждать до тех пор, пока они замерзнут. Мы засмеялись. Миша мало рассказывал о своей американской поездке. Его жена интересовалась венгерской кухней, ей понравились мои голубцы. Она записала несколько рецептов. Их дочка разговаривала по-английски с братом Эти. Все, что мы с Таней приготовили в первой половине дня, было съедено, гости

выпили и вермут, который я получила от Вали. Потом мы с Эти и ее сыном вернулись на такси в больницу.

27 октября

К утру все покрыл снег, который, однако растаял под лучами солнца. Вечером он снова стал падать крупными хлопьями.

Марику устала, ночью она не сумела поспать, потому что Аша часто плакала от боли. Ее мать уже больше недели спит около нее на четырех стульях, но она может только успокаивать дочку. Ева тоже устала и измучилась, но она еще молодая и хорошо переносит всякие невзгоды. Раньше я тоже переносила их лучше.

Вероятно, это наш последний этап. Со следующего года за лечение надо будет платить в долларах, а это означает миллионные суммы в форинтах. Откуда нам взять столько денег? И к тому же долларов. Министерство здравоохранения больше не поддерживает лечение за границей. Нам дорого обошлись и предыдущие поездки, хотя они и были бесплатными. Ведь за время лечения я не работала, не получала зарплату, наших доходов едва хватало на жизнь.

Сегодня я много разговаривала с Эти, она подыскивает слова, но я понимаю, что она хочет сказать. Она рассказала, что в апреле прошлого года прочитала в израильской газете, что всемирно известный профессор Илизаров находится в Тель-Авиве. Она отвезла к нему сына, они два дня ждали приема, профессор за пять минут осмотрел ребенка, посмотрел его рентгеновские снимки и сказал, что сможет скорректировать ему руки. Они внесли на указанный счет 15 тысяч долларов, оказавшись в долгах на десять лет вперед. Я быстро подсчитала в уме – это три миллиона форинтов. Эти не знает, приедут ли они на операцию другой руки, откуда им взять еще столько же денег? Илизаров разъезжает повсюду и всегда говорит: “умею, можем сделать”. Люди верят ему, а потом приезжают сюда и видят, что по палате “люкс” бегают тараканы, а на обед дают кило муки. Сюда не попадает ничего с того московского счета, на который было внесено так много денег. В этой стране ведется хищническое хозяйство. Курганская больница – плохо снабженное всемирно известное учреждение в империи, доживающей свои последние дни. Печально, что тридцатилетние молодые врачи не желают работать, потому что им не подходит ни одно из четырех предложенных им рабочих мест. А есть и такой, кто утром приходит на работу, но в одиннадцать уже уходит, потому что он научный работник, только получает зарплату. Я выслушала жалобы Эти, не знаю, где она добыла эту информацию. Так оценивает ситуацию человек, привыкший к условиям жизни при капитализме.

Во второй половине дня бригада из мам русских девочек, лежащих в 4-й палате, сначала изнутри, а потом, выйдя через нашу палату на балкон, и снаружи прибили к окну кусок толстой, прозрачной фольги, потому что в больнице с самой весны не

могут поменять разбитое стекло. На находящейся в конце коридора двери на большой балкон стекло тоже заменено фольгой, но и ее уже продырявили в нескольких местах. Не знаю, чем здесь занимаются ремонтники. Или, может быть, нельзя купить не только тетрадь, но и стекло? Никто ни за что не отвечает.

Марику навестили Регина и Инесса, Софья прислала с ними всякие лакомства. Регина пришла попрощаться, она уезжает в Одессу. От имени родителей девочки пригласили нас отпраздновать праздник 7 ноября и попросили привести с собой и маму из Израиля, они слышали о ней и хотели бы с ней познакомиться. Если мы согласимся прийти, Борис прилетит за нами микробус, они хотят увидеть и Марику. К сожалению, мы не можем пойти, Марику не сможет подняться на костылях с тяжелым аппаратом на четвертый этаж.

28 октября

С тех пор как главврач Кириенко ушел в отпуск, по понедельникам не бывает больших обходов. Доктор Тамара напомнила нам, что 10 ноября нам нужно будет сходить на рентген. Марику усердно ест творог, мед и мясо, это нужно для успешного образования костной ткани. Сейчас она читает роман Йокаи “Сыновья человека с каменным сердцем”. Помнится, я тоже прочитала его в седьмом классе, самоотверженность Енё произвела на меня огромное впечатление. Я рассказала Марике о той исторической эпохе, в которую происходит действие романа, чтобы она лучше понимала происходящее. Я также обратила ее внимание на стилистические особенности романтического романа и показала, где и какие примеры этих особенностей можно найти в романе. Это входит в учебную программу для 7 класса.

Эти попросила меня показать, где я живу, и удивилась пуританским условиям моего жилья. Ей понравились мои доски, она тоже хочет купить что-то похожее. Но в этот раз в магазине не было ни одной доски. Продавец, смеясь, заметил, что я унесла все, что было. Эти купила значки сыну на шапку. Мы сходили и в ресторан, где они покупают еду, потому что Эти не готовит. Это добавочные расходы помимо суммы, внесенной на счет, кроме этого, она еще платит и шестьдесят рублей в месяц за комнату.

29 октября

Утром Вова зашел к нам в палату, чтобы пригласить меня вечером в гости. Он также сообщил, что профессор Илизаров вернулся, после лечения в Москве он отдыхал в Италии. В первой половине дня его привезли на машине в больницу, он осмотрел несколько больных, в том числе и сына Эти, пообещав снова осмотреть его через две недели, и тогда можно будет решить, что делать дальше.

Я сходила в старую больницу и посмотрела в библиотеке книги и газетные статьи об Илизарове.

Марика очень устала психически, она не может спать из-за плача польской девочки. Мы вспомнили то время, когда Рената и Рима не могли спать из-за Марики, и на время зимних каникул мы переселились в классную комнату первоклассников. Беда в том, что сейчас я не могу взять Марику к себе в общежитие, потому что ей трудно двигаться с аппаратом, покрывающим всю ногу. Мы уже очень ждем дня отъезда домой. Плохо и то, что нет писем из дома. Раньше письма приходили и уходили за десять дней, а сейчас до прибытия письма проходит целый месяц, а то и два.

Во второй половине дня Валя позвала меня посмотреть, где она живет. Она устроилась в деревянном доме у одной старушки, в маленькой комнате, за которую платит сорок рублей в месяц.

Таня встретила меня радостной новостью, что ей позвонили из челябинского Южно-Уральского книжного издательства. В издательстве решили издать мою книгу! (Я оставила им номер Таниного телефона). Они попросили меня лично приехать к ним, пока я еще в Кургане, и сообщить им завтра, когда я смогу приехать.

1 ноября

В первой половине дня я съездила на вокзал, чтобы купить на завтра билет на автобус в Челябинск. В рабочее время была открыта только одна касса, перед которой выстроилась длинная очередь. После получасового ожидания открыли и вторую кассу, я перешла туда. На меня заворчали, здесь принято дожидаться своей очереди. Сколько рабочего и свободного времени пропадает у людей впустую из-за плохой организации труда, из-за бессмысленного, праздного стояния в очередях?! После часа ожидания я купила билет, но только туда. За обратным билетом нужно будет вернуться до семи вечера, иначе я останусь в Челябинске. Новая трата времени. Здесь нельзя купить билет туда и обратно? Я поспешила обратно к Марике, она пропустила обед, я подогрела ей то, что нашла в холодильнике. Затем я побежала в общежитие, чтобы приготовить ужин и еду на завтра. Потом из общежития – обратно в больницу. Я сказала Марике, что завтра уезжаю, еду она найдет в холодильнике. Марика была недовольна тем, что я не заметила, какой образцовый порядок она навела на ночном столике. Действительно, я не обратила на это внимания, потому что размышляла о том, как мне успеть до семи на вокзал за билетом. Я осталась ночевать у Тани, оттуда удобнее добираться до вокзала. Мне не хотелось опоздать на утренний автобус.

2 ноября

Вова встал в пять часов и пошел в гараж за машиной. Если мне не удастся добраться на троллейбусе или на такси на вокзал к автобусу, отправляющемуся в Челябинск в половине седьмого, он отвезет меня на машине. Заказ на такси не приняли, я отправилась на троллейбусную остановку, как раз подошел троллейбус, и в шесть часов я уже была на остановке автобуса. Междугородний автобус отправился в Челябинск точно по расписанию. Как только мы выехали из Кургана, на востоке забрезжил рассвет, коричневато-лиловая окраска неба постепенно превратилась в оранжевую, на горизонте появился и все выше поднимался краснеющий диск солнца. Одновременно на западном небосклоне побледнела и исчезла луна. В Кургане и его окрестностях растаял снег, но он по-прежнему лежал в далеких лесах и на полях. Среди берез прятались лучи солнца, деревья отбрасывали на сверкающий снежный покров стройные тени. Мы ехали четыре часа и к одиннадцати прибыли в Челябинск. Такси не было. Молодой мужчина предложил отвезти меня на главную площадь за десять рублей, мужчина постарше назвал цену в восемь рублей, я поехала с ним. Нужно было проехать всего две-три трамвайные остановки, но я не знала, в какую сторону. Главный редактор Оксана Сергеевна уже ждала меня, она удивилась, что я приехала одна на автобусе. Она отвела меня к директору, чернолобой женщине лет сорока с несколько монгольским разрезом глаз, которую звали Любовь Петровна Петрова. Она вела себя очень непосредственно и естественно, между нами быстро возникла взаимная симпатия. Она рассказала, что в сентябре побывала в Будапеште, на заводе “Будакоптор”, где купила краску для цветной типографской технологии. В обмен на краску советская сторона предоставляет ценные декоративные предметы, потому что в настоящее время денежный обмен между СССР и Венгрией невозможен. Любовь Петровна показала красивый цветной альбом с видами Челябинска, изготовленный в венгерской типографии “Кошут”. Ей очень понравился Будапешт, особенно улица Ваца, которую обычно открывает для себя большинство иностранцев. Она угостила меня обедом, горячая пища пришлась очень кстати. Мы разговаривали о том, что, если моя книга будет переведена на русский язык, то ее быстро опубликуют. Переводчику и мне заплатят в рублях. Любовь Петровна попросила представить пробный перевод, я пообещала привезти его, когда мы приедем летом на контрольное обследование. Потом она проводила меня на вокзал, расспрашивая меня по дороге, о чем я пишу в своей книге. На вокзале она оставалась до отхода автобуса.

Я вернулась в Курган к семи вечера и сразу поехала в больницу, чтобы Марика успокоилась. Потом поспешила с радостной новостью к Борису и Тане. Борис сказал, что в Кургане находится какой-то высокопоставленный венгр и показал его

визитную карточку. Я не поверила своим глазам, на визитке было написано: Миклош Берчени.⁷²

- Не может быть, он давно умер, – сказала я с недоверием.
- Нет, он жив, это его имя, – доказывал Борис.
- Не верю, хотелось бы посмотреть на него.
- Хорошо, завтра поедem к нему.

Я поведала Борису исторические факты, Берчени был другом Ференца Ракоци, а князь поддерживал хорошие отношения с царем Петром Великим и дарил ему то-кайское вино, которое очень любили при царском дворе. Это наше вино приобрело всемирную известность благодаря расцвету виноторговли.

3 ноября

Утром я зашла к Марике, потом к Борису, вместе с которым мы пошли к Миклошу Берчени в гостиницу на улицу Зорге. Нас принял высокий, худой, пожилой мужчина. Его глаза, взгляд, контуры лица действительно были как у друга князя, каким мы видим его на старых картинах. Мы пожали друг другу руки и представились. Борис с любопытством ждал, что произойдет. Я заговорила:

– Извините, что я пришла сюда. Я училась в Шарошпатаке, и мне стало интересно, кто же этот соотечественник, который носит это историческое имя. Неужели вы потомок друга Ракоци?

– Да, он принадлежит к числу моих предков. Хотя я происхожу не из семьи Миклоша, я один из праправнуков его брата, Ласло. При крещении я получил это имя. А вы здесь единственная венгерка?

- Есть и другие.
- Почему вы здесь, в Сибири?
- У меня есть дочка-инвалид, ее лечат в больнице Илизарова. Вы, наверное, уже слышали о профессоре.
- Конечно, в марте я побывал в его больнице.
- Вот фотография моей дочки, – показала я снимок, сделанный перед первой операцией.
- Я видел эту фотографию, мне показывали ее, когда я был в больнице.
- А вы зачем приехали в Курган?
- Я работаю в Министерстве сельского хозяйства. Мы купили много семечек подсолнечника, потому что из-за засухи у нас был маленький урожай.

⁷² Миклош Берчени (1665-1725) – генерал, один из руководителей освободительной войны под руководством Ференца Ракоци.

– Я хотела бы попросить вас отвезти это письмо моему мужу в Будапешт. С тех пор как в Венгрии изменилась политическая ситуация, письма идут по два месяца. А раньше они доходили за десять дней.

– Конечно, отвезу. Позвоните мужу и скажите, чтобы он зашел ко мне на работу! Напишите в конце письма номер моего телефона, вот моя ручка.

Я заклеила и отдала письмо. Мой собеседник помог мне надеть шубу и проводил нас до дверей. Борис не уставал хвалить его работоспособность, быстроту действий и предупредительность.

Я рассказала Марике об этой интересной встрече. Ей было знакомо это историческое имя, она уже учила историю царя Петра и освободительной войны под руководством Ракоци. Марика обрадовалась тому, что отец скоро получит наше письмо. Я целый день думала об этой встрече, даже вечером, в гостях у Михаила Фаерберга. Мы выслушали Мишин рассказ о поездке в Америку, посмотрели фотографии. Эти рассказывала о жизни в Израиле, где люди живут в страхе от множества взрывающих бомбы фанатиков-палестинцев. Арабы злятся на евреев, создавших самостоятельное государство. Она рассказала и о кибуцах, в молодости она работала в такой коммуне. Ицик играл на гитаре, Катя – на скрипке, Верочка танцевала, Лена и сын Эти, Леви, разговаривали по-английски. Таня приготовила вкусную еду, мы усердно кушали. Все приятно провели время.

4 ноября

Очень холодно. Полная луна принесла с собой суровую погоду. Весь день я провела в больнице, мы с Марикой занимались, делали гимнастику и гуляли.

Вечером я пошла к Бородиным, потому что я оставила у них свою сумку на колесиках, а завтра она мне понадобится. Мы поговорили о текущих переменах, ждем лучшей жизни. – Русский народ неуклонно верит и долго терпит, – сказал Вова. – Так же ведут себя и венгры, – ответила я.

5 ноября

К утру выпало много снега. Я проснулась от того, что какой-то мужчина расчищал снег вокруг общежития, скреб лопатой тротуар. Этот снег, наверное, уже не растает. Приближающийся праздник будет красивым, белым. По дороге на работу Вова заехал за мной в общежитие, чтобы мне не нужно было идти пешком в снегопад, по глубокому снегу. В таких случаях автобусы ходят редко. Снег шел и после обеда, когда мы с Евой, мамой из Польши, пошли в “Сибирь” отоварить наши талоны. Мы купили шоколад, масло, сахар, рабные консервы и гречку. Пришлось долго ждать, за каждым продуктом нужно было отдельно стоять в очереди. На маленьком

рынке мне удалось купить кило клюквы. Здесь эту ягоду собирают позднее остальных. Клюква – очень кислая ягода, но, если ее перетереть и смешать с сахаром, то получается вкусная, ароматная масса, содержащая много витаминов. Ее кладут в чай и кремы, она может долго храниться в морозильнике. Если я сумею купить еще, то возьму с собой в Венгрию.

Наша уборщица Света рассказала, что в прошлом году в эту пору хулиганы забили до смерти ее мужа на складе “Сибири”, где он работал грузчиком, потому что он не дал им товаров бесплатно. Ужас, что творится!

Вечером я стирала, приготовила торт и еду на завтра, убрала трупки тараканов, убитых средством от насекомых. К моей великой радости, клопов уже давно нет.

7 ноября

Рано утром в окно застучал дождь. Я загрустила, он смыл снежную белизну.

Сегодня праздник, в больнице работают только дежурные. Я провела здесь весь день, принесла торт с клюквенным кремом, пусть дети порадуются. Ева достала где-то маленький цветной телевизор, мы смотрели телевизионные передачи. Показывали чудесные соборы московского Кремля, потом последовали праздничная речь Горбачева и военный парад. Очень зрелищна демонстрация трудящихся.

Сейчас мы живем в палате очень дружно. Три девочки и две мамы. После обеда мы съели торт, досталось всем, в том числе и Эти, Вале и ее сыну и даже двум венгерским мальчикам, которые лежат в нашем отделении.

Во второй половине дня мы снова смотрели телевизор, больше всего мне понравились снимки с фотоконкурса “Земля – наш общий дом”. Марика весь день была весела.

8–9 ноября

Праздники проходят спокойно. Вечером я пошла к Борису и Тане. Эти не пошла со мной, она очень молчалива, что-то скрывает, у нее плохое настроение.

Борис готовится к поездке в Пекин, он едет после праздников на две недели. Мы с Софьей вспомнили нашу первую встречу, когда летом 1979 г. мы с пятнадцатимесячной Мариной приехали на осмотр к Илизарову. Борис встретил нас на аэродроме и пообещал сделать все возможное, чтобы помочь нам вылечить Марику. Пока все произошло согласно обещанию. Готовность Бориса и его семьи оказать помощь придает мне спокойствие и уверенность. Без них нам было бы трудно. Мы с Софьей выпили домашнего десертного вина, которое они делают из малины и черной смородины.

Вова и Таня пошли звонить по телефону на главный почтамт и взяли с собой Верочку. Мы остались с Катей. Она уже серьезная девочка десяти лет, как раз читала переведенные на русский язык сказки Эрвина Лазара, которые недавно получила на день рождения. Теперь, когда она увлеченно читала рядом со мной, я задумалась о характере двух девочек. Катя живет внутренней, спокойной жизнью, Вера выплескивает чувства наружу, неутомима, подвижна, непрерывно привлекает к себе внимание окружающих. Родные сестры, а как сильно отличаются друг от друга.

Большое впечатление произвел на меня фильм о Кремле, транслировавшийся в первой половине трех праздничных дней. В первый день были показаны три собора, Архангельский, Благовещенский и Успенский, на второй день – парадные залы, Георгиевский, Екатерининский и Владимирский, а на третий день – Алмазный фонд и Оружейная палата. Я еще не видела столько собранных вместе богатств и роскоши. Как было бы хорошо увидеть их однажды в действительности! Или достать где-нибудь эти фильмы, чтобы посмотреть их несколько раз.

Во второй половине последнего праздничного дня профессор Илизаров пришел в больницу и осмотрел несколько больных. Говорят, что он вскоре поедет в Германию.

Во второй половине дня семья Бородиных, все четверо, навестила Марику. Они принесли бисквит с яблоками. Мы угостили им мексиканского врача, который лежит во взрослой части нашего отделения. Он здесь уже три года, ему прострелили ногу, она с трудом заживает. С нее недавно сняли аппарат.

Вечером меня постигла радость, позвонил Петер, он встретился с потомком графа Берчени и взял у него мое письмо. Он уже послал и ответ, который написал месяц назад.

11 ноября

В первой половине дня Эти с сыном отвезли на больничном микробусе в частный кабинет Илизарова. Я с беспокойством ждала, с какими новостями они вернуться. По прошествии довольно долгого времени они появились, и Эти удрученно сообщила, что они не смогут уехать домой в ноябре, как надеялись раньше. Профессор вернется 23 ноября и тогда решит, что делать дальше. Эти боится зимы. Она еще не встречалась с такой суровой погодой. Ее приводит в ужас уже ноябрьский холод, а ведь зима только еще начинается по-настоящему.

Марике опять сделали рентген ноги. Молодой врач нашей палаты сказал, что все в порядке. Возможно, что на этой неделе снимут аппараты со стопы и голени, с бедром надо будет подождать еще по крайней мере десять дней. Нужно будет дожидаться главврача Кириенко и доктора Чипизубова, в нашем деле решать будут они.

12 ноября

Сегодня в больницу приходил находящийся в отпуске доктор Чипизубов, он осмотрел своих больных. К нашей большой радости, он разрешил снять аппарат с нижней части ноги. Аппарат показывает, что бедро удалось растянуть на семь сантиметров, это соответствует 5,5 сантиметрам на бедренной кости, оба колена находятся на одном уровне. С бедра аппарат можно будет снять через две недели. Можно заказывать билеты на самолет, 8 декабря вылетаем домой, можно посылать телеграмму. Мы с Марикой были очень рады, нам не придется провести здесь жестокую сибирскую зиму. Физиотерапевт Тамара Степановна сказала, что, если Марика сумеет согнуть ногу в колене так, что кольца, стоящие над и под коленом, стукнутся друг о друга, то аппарат можно будет снять. Благодаря ее кропотливой работе моей дочери это уже удалось. Она полюбила своего физиотерапевта так же, как, будучи совсем маленькой, Татьяну Георгиевну.

Эти не понимает, почему им дали на обед только литр оливкового масла, когда они платят за больничный уход пятьдесят долларов в день, из которых двадцать пять долларов уходят на питание. Я попробовала успокоить ее, предложив снова попросить готовую пищу.

– Нам она не нужна, я уступаю ее русским детям. Мы едим то, что я приношу из ресторана. Наш врач сказал, что в Америке в больнице приходится платить больше. Эта страна похожа на огромный пылесос, в котором исчезают все деньги. – Я засмеялась – очень меткое замечание.

14 ноября

Сегодня снова прооперировали Сильвию. Пока она была наверху в операционной, мы с Евой передвинули мебель в палате, потому что к нам положили девочку из Польши. В отделении сейчас вдвое больше больных, чем первоначально планировалось. В палате для русских детей большая теснота. Многим из них приходится годами ждать госпитализации и коррекции их телесных недостатков.

Всю первую половину дня Марика была беспокойна. На лечебной гимнастике она усердно стибала ногу, верхнее и нежнее кольцо соприкоснулись друг с другом. После гимнастики Тамара Егорьевна и Светлана Михайловна сделали ей укол, свинтили стержни и кольца и вытащили спицы. Марика терпела без единого слова, радуясь, что освободится от значительной части тяжелого груза. Я отвезла ее на каталке к фотографу, ей еще нельзя нагружать ногу.

Вторая половина дня в палате была утомительна, все четыре девочки постанывали, двух польских девочек и Сильвию прооперировали, а у Марики прекратилось действие болеутоляющего лекарства. К вечеру Марика проголодалась и съела куриную ножку. Я боялась оставить ее одну на ночь, но она сказала, что я могу спо-

койно идти и не бояться, она будет очень осторожна. Я поспешила с радостной новостью к Тане, которая предложила мне остаться на ночь, а утром мы испечем Марике бисквит с яблоками.

15 ноября

Мы с Таней рано встали, испекли бисквит, Таня еще послала Марике хурму и мандарины. Вова отвез меня в больницу, зашел взглянуть на мою дочку и предупредил ее, чтобы она была очень осторожна. Мы погуляли, а потом сели учиться.

Бисквит быстро кончился, его ели многие, а потом я по общему желанию испекла в корилоре блины, начинив их яблоками, орехами и какао. Я угостила и Эти, которой не хотелось идти по холоду за обедом в городской ресторан.

Мы позвонили в Будапешт с больничной почты, и Марика радостно сообщила отцу, что с нее уже сняли часть аппарата, и 8 декабря мы поедем домой.

19 ноября

Главврач Кириенко и Алексей Чипизубов вернулись из отпуска. Алеша по одному осмотрел оперированных им больных. Был и общий обход. Прибыло несколько больных из Польши.

Стоит неприятная туманная погода, на дорогах слякоть, нет настроения выйти из помещения на серый холод. Но я все же сбегала в магазин и мне удалось купить Эти в подарок две доски в виде матрешки. Она удивилась и обрадовалась. По ее словам, она нервничает потому, что ей хочется уехать домой, у них уже есть билеты на 26-е число, но она не решается уехать без разрешения Илизарова. Они с сыном очень страдают от холода, живут здесь уже два месяца, а состояние руки у мальчика едва улучшилось. Да, она тоже верила в то, во что поначалу верила и я! Надеялась, что они придут, и Илизаров, как волшебник, немедленно вылечит ее сына. Меня вразумили Жанна и Нина Владимировна, рассказавшие мне, на что я должна рассчитывать. Я попробовала объяснить Эти, что это очень длительное лечение, рассказала, что мы приехали сюда уже в пятый раз и начали, когда Марике было четыре года. Эти ужаснулась. Где же она достанет еще денег? Нужно ждать профессора, неизвестно, что будет дальше.

22 ноября

В первой половине дня в кассе Аэрофлота я получила подтверждение, что с нашими билетами все в порядке. С больничной почты я послала телеграммы Вилену и Жанне, чтобы они встретили нас, мы прилетим в Москву 8 декабря в половине чет-

вертого дня. В Будапешт мы сможем вылететь на следующий день в половине второго. Я также послала телеграмму в Челябинск, в книжное издательство, известив их о том, что мы уезжаем из Кургана 8 декабря.

Марика уже может наступать на вылеченную ногу. К сожалению, она опять простудилась, зимой бетонный пол очень холодный.

Вечером у Бориса я выслушала его рассказ о поездке в Китай. Страна сильно развивается, в ней соседствуют богатство и непомерная нищета. Борису очень понравился в Пекине императорский дворец.

У Бородиных мы приготовили тушеное мясо и испекли пирог с яблоками. От них я узнала, что Илизаров вернулся из Германии.

23 ноября

Утром Эти с сыном быстро покончили с лечебной гимнастикой и рентгеном, Эти сказала, что они спешат в гости. В понедельник они встретятся с Илизаровым. Эти не взяла пирог с яблоками, хотя они любят его. Она была раздражена и строга, куда-то спешила, но не сказала, куда они собрались. Ее поведение показалось мне очень странным.

Состояние Марики улучшается, но ей приходится часто вытирать нос. Пребывание в больнице утомило ее психически.

– Мне хочется спать, долго, дома, – постоянно повторяла она.

– Я тоже жажду, чтобы не нужно было никуда идти.

К вечеру я всегда устаю, нелегко ходить в шубе с тяжестью по скользким дорогам. Сегодня я побрела домой одна, потому что Валя осталась на ночь с сыном в больнице, ему прооперировали руку. В общежитие позвонила Жанна, которая пригласила нас провести несколько дней у них. Я ответила, что в этот раз не получится, но летом, когда мы приедем на контрольное обследование, сможем провести у них больше времени. Если она подождет нас у Вилены, то мы сможем поговорить.

26 ноября

Я с нетерпением ждала, когда вернутся Эти с сыном. Дверь в их комнату была заперта. Я думала, что сегодня придет профессор и осмотрит мальчика. Но я ждала напрасно. Вечером по больнице распространилась новость, что Эти звонила из Израйля, они вернулись домой. Значит она все же всерьез говорила о том, что у них есть билеты на 26 ноября, и они уедут домой. Весь этот случай – сплошная тайна. Все гадали, как они уехали – с аппаратом или без аппарата? Я думаю, что в пятницу она были у профессора дома, он снял аппарат и перевязал ребенку руку. Видимо, все произошло именно так. Я не думаю, что они сбежали с аппаратом. Во второй

половине дня Илизаров улетел в Ленинград. Ему позаонили на аэродром, чтобы сообщить, что Эти с сыном покинули больницу. В Кургане такого еще не случилось. Не знаю, что произошло на самом деле. Может быть, никогда и не узнаю. Вечером я пошла к Тане, чтобы рассказать об этом странном случае. Все были очень удивлены.

27 ноября

Сегодня Марику навестила Рима. Она приехала с мужем на контрольное обследование. Они живут на Кавказе. Рима радостно показала мне свои выращенные пальцы. Пересадка костей оказалась успешной. Мы вспомнили те ночи, когда она не могла заснуть из-за Марики, и нам пришлось переселиться в классную комнату. Я испекла блины, и Рима ела их с такой же радостью, как прежде.

После обеда Марика легла в постель, пожаловавшись, что плохо себя чувствует. Я померила ей температуру, потому что мне показалось, что у нее горячий лоб. Градусник показал 37, 4. Я отыскала доктора Чипизубова, который вскоре пришел к Марике, и я показала ему красные пятна в верхней части бедра, кожа в этом месте была горячей. Доктор немедленно распорядился сделать спиртовой компресс, а если температура повысится, то сделать укол и вызвать дежурного врача. От компресса Марика почувствовала себя лучше, но температура у нее поднялась до 38 градусов. Она проголодалась и попросила молока и блинов. Вечером я задержалась в больнице дольше обычного. В общежитии я занялась стиркой. Батарей в комнате была холодной, не знаю, в чем причина. Я включила обогреватель. Ночью выл ветер, я едва спала.

28 ноября

Утром было еще темно, когда я приехала в больницу. Я немедленно потрогала Марике лоб. Температуры не было. Вечером ей сделали укол, от которого температура спала. Марика спокойно проспала всю ночь. В девять утра медсестра сказала, что надо идти на рентген. Но на снимке не было видно как раз того, что нужно, нижней части бедренной кости, места последней рассечки. Пришлось идти снова, с нами пошел и доктор Чипизубов. Он сразу посмотрел снимок, чтобы оценить состояние бедренной кости и решить, можно ли снять аппарат. После обеда доктор позвал дочку во врачебный кабинет и сделал ей обезболивающий укол, но это был не “Промидол”, потому что “Промидол” – наркотик. Меня доктор выслал из кабинета. С помощью главной медсестры он снял аппарат с бедра. Я издали слышала, как Марика громко заплакала от боли, когда ей из кости вынимали спицы. Раны обработали “Новокаином”. Марике также сделали гипсовый щиток, который должен

защищать ей ногу во время поездки домой. Сопровождаемая моим оберегающим взглядом, Марика самостоятельно пошла на костылях в палату. Боль быстро утихла, но она еще долго ворчала про себя, сердясь на доктора, который не дал ей “Промидол”. Аппарат пришлось снять, чтобы воспаление, начавшееся в верхней части бедра, не распространялось дальше. Вокруг всех остальных спиц бедро было здоровым, воспаление началось только в этом одном месте. Позже Марика самостоятельно встала, походила, наслаждаясь легкостью ноги. Тогда я успокоилась и ушла домой.

В общежитии меня ждала моя прежняя соседка Галя Брацова. Она позвала меня посмотреть их новую квартиру на улице Зорге. К моему приходу она приготовила казахское блюдо, бешбармак. В говяжьем бульоне варят раскатанное и нарезанное тесто, процеживают содержимое кастрюли и высыпают на него нарезанное кубиками мясо и овощи.

29 ноября

Из Челябинска позвонила Любовь Петровна Петрова из книжного издательства. Ее звонок переключили в палату-люкс, но лежавшая там иорданская девочка ничего не поняла и положила трубку. Когда телефон зазвонил в третий раз, в палате как раз находился массажист Юра, который позвал меня. В издательстве получили мою телеграмму, Петрова собиралась навестить нас в больнице и поинтересовалась, когда мы могли бы встретиться. Мы договорились, что она приедет на будущей неделе, во вторник.

Потом я отвезла Марику на каталке на рентген. Нам пришлось долго ждать в холодном коридоре на шестом этаже, потому что персонал рентгеновского кабинета был занят каким-то очень срочным разговором. Раньше больным помогали взобраться и лечь под рентгеновский аппарат и слезть оттуда, сейчас уже этого нет. Где теперь всегда готовы помочь работники больницы! И вообще, кого интересует, как и насколько добросовестно делают свое дело те, кто здесь работает? Главное, чтобы больные платили и по возможности как можно больше, а уход и забота о них пусть будет делом родственников. К счастью, многие врачи и медсестры по-прежнему работают добросовестно. Это можно сказать почти о всех медсестрах, от них зависит многое. Надеюсь, что раны у моей дочери заживут ко дню отъезда.

Марика обняла меня за шею, я подняла ее и положила под рентгеновский аппарат. Думаю, что это уже последний снимок ее ноги.

30 ноября

Наконец-то после болезни вернулась учительница русского языка. Они с Марикой наверстали пропущенный учебный материал. Мне пришлось оставить их, у меня были дела в другом месте.

Несколько дней назад в Курган на лечение приехала из Будапешта взрослая девочка, Габриэлла Пеллади, в сопровождении матери. Они попросили меня о помощи. Габи очень ловко собрала деньги на больничное лечение, написала письмо американскому актеру Питеру Фальку, звезде фильма “Коломбо”. Известный актер послал ей через организацию Красного Креста деньги на лечение, которые она получила после годичной бюрократической волокиты в Венгрии, и, наконец, они с матерью прилетели в Курган. Еще до этого мать, прочитавшая мою книгу, интересовалась, как можно попасть сюда, потому что в Венгрии они не получают никакой поддержки от медицинских ведомств. Теперь они удивились, что здесь их тоже ждало многодневное, длительное оформление бумаг, хождение по инстанциям и обследования. Мне пришлось практически повсюду ходить с ними, потому что они не понимали, что им говорят. Не хочу вдаваться в подробности, но в целом это было очень неприятно и утомительно.

К счастью, Марику можно было оставлять одну, она занималась учебой, я спешила в больницу только тогда, когда наступало время покормить ее. К вечеру я очень устала от этой беготни, ни на что другое сил уже не осталось. В конце недели мне удалось упаковать часть наших вещей, приближается день отъезда домой.

4 декабря

Первая половина дня и сегодня прошла в хлопотах по делам Габи. Мы уже почти неделю бегаем по разным кабинетам, чтобы девочку положили в больницу. Раньше это было проще.

После обеда нас навестила Любовь Петровна из Челябинска. Предварительно она позвонила, на этот раз звонок был направлен в комнату медсестер, которые позвали меня к телефону. Любовь Петровна сказала, что едет в Курган и попросила подождать ее в больнице. Как только она вошла в палату, ей на глаза навернулись слезы при виде детей с аппаратами. Она познакомилась с Марикой и была рада, что мы вскоре поедем домой. Я предложила ей поесть, а потом мы отправились в город. Любовь Петровна зашла ко мне в общежитие и посмотрела мою комнату на третьем этаже. Ей понравились мои доски. После этого мы отправились к Тане. Там Любовь Петровна удивилась тому, что я постучалась и была встречена Бородиными как близкий член семьи. Самой счастливой была Верочка, она была рада гостю, которая показала ей книгу с красивыми цветными иллюстрациями, альбом “Народное искусство”. Мы договорились, что издательство опубликует мою книгу,

если удастся перевести ее на русский язык. Меня переполняла радость, и я лишь с трудом сумела заснуть.

5 декабря

Рано утром Габи с матерью пришли в больницу с двумя большими тортами и необходимыми вещами. Она надеялась, что сегодня ее наконец-то госпитализируют и вскоре прооперируют. Один торт они принесли врачам, а другой – медсестрам.

В девять часов я спустилась с ними в приемный покой, там пришлось подождать до десяти. Потом пришел анестезиолог, посмотрел Габи, все ее бумаги, результаты сделанных здесь анализов и сказал, что все в порядке, по его мнению, девочку можно было бы оперировать, если... И тут начались новые осложнения. Потому что главврач Иван Иванович Мартель не подписал разрешение на госпитализацию и операцию, поскольку 14 000 рублей за лечение сняли со счета Габи не в долларах, а в валютных рублях, а между тем с 1 января 1991 г. Илизаров будет принимать иностранных больных только за доллары.

– Но ведь это распоряжение вступит в силу только через месяц, – сказала я.

– В нынешней политической ситуации мы можем принимать иностранцев только за доллары, – прозвучало в ответ.

Все бумаги в порядке, все результаты анализов хорошие, деньги заплачены, и вот в последний момент появился новый предлог для отказа. Кати и ее дочь Габи не могли придти в себя от изумления. Два года они воевали с венгерскими здравоохранительными ведомствами, наконец прибыли сюда и теперь вынуждены вернуться домой не солоно хлебавши. Здесь тоже хватает бюрократической волокиты! Главврач Мальцев готов сделать операцию, Габи должны были положить в его отделение патологии таза и бедра. Мы пошли к нему, я рассказала ему, как обстоят дела. Он попросил нас подождать, пока от поговорит с Мартелем и позвонит Илизарову.

Не продвигается и дело Марики. Я попросила справки, что она посещала школу, и что будущим летом нам нужно будет приехать сюда на контрольное обследование. Еще два дня, и справки будут готовы. Все в последнюю минуту. Я отвела Марику сделать фотографии, но фотограф уже не принимал пациентов, потому что минуло три часа, и нас не сопровождал врач. Что за новые распоряжения вступили в силу в больнице! Ладно, тогда завтра...

Вечером я упаковала чемоданы. Остатки продуктов завтра отнесу Тане и попрошу Вову отвезти нас в субботу на аэродром.

8 декабря

Вчера и позавчера мне удалось все оформить, я собрала необходимые справки, уложила вещи в два больших чемодана и положила расписные доски в одежду, чтобы не повредить их. Посуду я зашила в мешок и отнесла на склад, возможно, нам она уже не понадобится, но кому-нибудь пригодится. Маловероятно, что мы еще раз приедем сюда на лечение. Мы не сможем заплатить за лечение миллионы долларов, у нас нет таких денег. А между тем стопа еще нуждается в коррекции. За восемь лет Марике растянули на 9 сантиметров голень, когда ей было четыре года, теперь удлиннили на шесть сантиметр бедро и еще на сантиметр голень, это в целом 16 см. По всей видимости, какое-то растяжение осуществлялось и в промежуточные периоды, в ходе коррекции, когда аппарат стоял на нижней конечности. Точная величина этого растяжения неизвестна, мы не получили заключения о лечении, но, вероятно, она зафиксирована в медицинских документах. Не знаю, сколько времени они хранятся в больничном архиве. В конце концов можно считать, что нам повезло. Но мы заплатили большую цену, и не только в деньгах.

Габи позавчера положили в больницу, этот вопрос тоже удалось решить. Мы пожелали ей много терпения, а потом попрощались с врачами, медсестрами, соседями по палате и венгерскими больными.

Как мы и договаривались, Вова приехал за нами в больницу. Он осторожно помог Марике сесть в машину, в общезитии мы снесли вниз чемоданы, я распрощалась со знакомыми и сдала ключ вахтерше. Потом мы зашли попрощаться к Борису, снова горячо поблагодарив его и его семью за многолетнюю помощь. Софья обняла нас в надежде, что мы еще встретимся. Мы поблагодарили за заботу и Таню, поцеловали ее и ее двух дочерей и договорились, что приедем на контрольное обследование в июне, после окончания учебного года. – В эти несколько дней живите у нас, – сказала Таня, – не ходите в общежитие! – Вова отвез нас на аэродром, там мы попрощались и с ним.

Самолет вылетел по расписанию и вовремя приземлился в Москве. Жанна уже ждала нас у Шингаревых, нам было что рассказать друг другу. На следующий день мы вылетели в Будапешт, наша маленькая семья наконец-то снова была вместе.

Июнь 1991 г.

После возвращения в Венгрию Марика зимой не ходила в школу, и поскольку мы жили рядом со школой, преподаватели математики-физики-химии и биологии-географии приходили учить и проверять знания Марики на дом. Гуманитарные предметы и языки преподавали мы, родители. Но с марта Марика уже нормально ходила в школу, училась вместе со своими одноклассниками и успешно закончила 7 класс. Как только окончился учебный год, мы полетели в Курган. В Москве нас

ждали Вилен и Жанна. Мы с Жанной договорились, что на обратном пути съездим куда-нибудь отдохнуть на несколько дней.

В Кургане нас встретили Борис и Вова, но поскольку Таня позвала нас пожить у нее, мы отправились к ней. Борис немного обиделся из-за этого, но понял, что на эти несколько дней не стоит вселяться в общежитие. Мы пообещали навестить его и его семью.

Обследование показало, что у Марики все в порядке, главврач Кириенко был доволен.

На следующий день Вова отвез нас в Челябинск, потому что его дети отдыхали летом у бабушки с дедушкой, и нужно было привезти их домой. Девочки очень обрадовались друг другу. Мы зашли в книгоиздательство, сдали там пробный перевод книги. Любовь Петровна сказала, что они планируют издать мой дневник тиражом в 50 тысяч экземпляров, я получу много денег и смогу купить дачу в Ялте. Перед этим я сказала ей, что мы собираемся на несколько дней в Ялту. Сотрудники издательства отвезли нас в близлежащий Златоуст. Этот небольшой город находится на Урале, дорога в него проходит по южной части огромного горного массива. На горном хребте мы остановились у обелиска, на одной стороне которого было написано “Европа”, а на другой – “Азия”. На границе между двумя частями света мы осмотрелись в лесу. Здесь растут в основном лиственные деревья, но встречаются и хвойные. Достопримечательностью Златоуста является старый железодельный завод, основанный в 1700-х гг., с расположенным в нем промышленным музеем. Что только ни производили здесь за прошедшие столетия! Разные предметы из металла, в основном из железа – тарелки, подсвечники, лампы, столовые приборы, железные ажурные блюда, картины, шкатулки. Больше всего мне понравились чугунные печи и их украшения. Человеческая фантазия способна на чудеса! Я получила в подарок две гравюры с изображением уральского пейзажа, берез, елей, скал и ручейков. Очень красивый подарок. Наш сопровождающий рассказал, что в сталинские времена, в 30-х гг., один за другим бесследно исчезло пять руководителей завода. Неизвестно, куда их увезли, и что с ними стало.

Мы заночевали у родителей Вовы, а утром следующего дня отправились обратно. В больнице я получила справку о контрольном обследовании, мы попрощались со знакомыми, а вечером – с Борисом и его семьей.

Таня подарила мне картину, на которой были изображены деревянные дома на фоне зимнего пейзажа и замерзший ручеек, напоминающие окрестности Черного ручья в Рыбково, которые я видела каждый день.

– Не забывай Курган! – обняла меня Таня.

– Проведенные здесь годы забыть невозможно. Спасибо за огромную помощь. Приезжайте в Будапешт!

В Москве нас ждала Жанна, мы поехали к ней. Рената – студентка в Ломоносовском университете, сейчас она с университетскими друзьями находится в палаточном лагере у озера Байкал. На следующий день мы с Марикой и Жанной уехали на

недельный отдых в Ялту. Это была заслуженная награда за многолетние страдания. Русские поезда дальнего следования ходят со спальными вагонами. В таком вагоне мы и ехали. На железнодорожных станциях поезд ждали тети с корзинами, продававшие огурцы, помидоры и фрукты. Я помню две станции – Орел и Курск, там поезд простоял долгое время. Под Курском произошло крупнейшее во всемирной истории танковое сражение. Ночью мы простояли несколько часов в Харькове и смогли спокойно поспать. На рассвете состав тронулся дальше, мы увидели широкий Днепр, а потом – Азовское море. У берега в мелкой воде стояли коровы. Затем поезд прибыл в Крым. Мы поехали в Ялту на автобусе. Жанна договорилась с молодой женщиной, которая работала медсестрой в больнице и жила с сыном, что она сдаст нам вторую комнату. Добавочный доход пришелся ей очень кстати.

Ялта – прекрасный город. По берегу моря распространялся опьяняющий аромат цветущих магнолий. На них белые цветки величиной с кулак, берег покрыт галькой. Моя бедная дочка сгорела на солнце, пока мы ходили на рынок за продуктами. Она не хотела отойти в тень, боясь, что мы не найдем ее. Нам было очень жаль ее, мы намазали ее сметаной, она смягчает покраснение кожи.

После обеда на бульваре работает очень много художников, у которых можно купить картины. Одна из них, молодая женщина, окликнула меня, увидев мою красивую румынскую блузку.

– Давайте я нарисую вас в этой красивой одежде!

– Лучше нарисуйте мою дочь! – Мы поменялись блузками, я и Жанна с любопытством смотрели, как создается портрет. Картина получилась красивой благодаря густым, длинным, волнистым волосам Марики и ее серьезному, умному взгляду. Ну и, конечно, благодаря жемчужным бусам у нее на шее, жемчужной заколке в волосах и легкой блузке с воланами на плечах и груди. Получилось действительно красиво.

В Крыму мы посетили несколько интересных мест. Сначала мы поднялись на гору над Ялтой, в Ливадийский дворец, бывшую резиденцию русских царей, где в феврале 1945 г. проходила Ялтинская конференция. На фотографии руководители участвовавших в конференции стран – Рузвельт, Черчилль и Сталин. Марика с Жанной остались в парке, а я посмотрела лежавший неподалеку дворец Воронцова. Он находился в плачевном состоянии, когда-то в нем гостил Пушкин. На следующий день мы поплыли на пароходе в Гурзуф, на восток, между двух скал. Пароход пристал к берегу недалеко от Медведь-горы. Гора Аю-Даг действительно напоминает медведя, лежащего в воде на животе. В Гурзуфе мы видели дом, где жило семейство Раевских, у которого гостил и Пушкин. Быть может, здесь входила в море Мария Раевская, о чем поэт вспоминал в первой главе “Евгения Онегина”. На другой день я одна поехала на автобусе в Бахчисарай. Ханский дворец действительно представляет собой необычный архитектурный комплекс. В одном из помещений до сих пор струится, “плачет” фонтан из белого мрамора, вдохновивший Пушкина на создание его знаменитой поэмы. На вершине близлежащей горы вид-

ны развалины странного древнего города Эски-Кермен. Дорога наверх очень утомительна, но сто́ит подняться туда. В одной части города стояли дома мужчин, а в другой – дома женщин. По обочинам мощенных камнем улиц тянутся канавы, по которым дождевая вода течет в большую каменную цистерну. С того места, где находится большая цистерна, через круглое оконное отверстие открывается вид на долину, где скакали на своих горячих лошадях крымские татары. Видимо именно от них спасались местные жители, переселившись в пещерный город. Но потом ушли отсюда и они. В 1437 г. похоронили дочь городского воеводы, Зулейку, как свидетельствует надпись на стене еще существующей, но уже пустой могильной часовни, рядом с которой стояло дерево с развивавшимися на ветру цветными лентами. На обратном пути у дороги видно пещерное углубление в скале, украшенная цветными фресками молельня, где собирались живущие в окрестностях древние христиане.

На следующий день мы втроем поплыли на пароходе к западу от Ялты, где на выступающей из моря скале находится небольшое, изящное, похожее на крепость строение “Ласточкино гнездо” с башнями и бастионами.

Неделя, проведенная в Ялте, произвела на нас огромное впечатление. Вернувшись в Будапешт, мы с удивлением услышали в новостях, что как раз в эти дни в Ялте содержался под домашним арестом Михаил Горбачев.

Заключение

Лето 2016 г.

Прошло двадцать пять лет с того времени, как мы в последний раз приезжали в Курган. Каждый день я с любовью вспоминаю проведенное там время. Иногда я чувствую своего рода сильную тоску по родине, хочу снова слетать туда, посмотреть больницу, посетить всех знакомых, побеседовать с ними. Я знаю, что там тоже все изменилось. Осталось мало старых знакомых, на последних фотографиях видны только Анна Майоровна Аранович и Татьяна Георгиевна.

Профессор Илизаров умер летом 1992 г. О его смерти рассказал Владимир Голяховский в своих воспоминаниях “Русский доктор в Америке”. Многие из тех, о ком говорилось в моей книге, ушли навсегда – Валентина Ивановна Грачева, Раиса Ивановна Сакс (доктор “мама домой”) и Владимир Никандрович Васильев. Многие живут за границей, а некоторые распрощались с профессией врача и попробовали добиться успеха в других сферах жизни.

Насколько мне известно, в Нью-Йорке существует больница, в которой применяется метод Илизарова. Там работает дочь Илизарова, Светлана, и его также ставший врачом внук, Гавриил, которого мы видели в Кургане маленьким ребенком. Думаю, что дочери Бориса, Регина и Инесса, тоже применяют свои знания в Америке.

После прихода к власти Ельцина очень многие уехали за границу. А ведь все так сильно надеялись в то время! Борис и Жанна переселились в Америку вместе со своими семьями.

Двух наших главных помощников, добрых друзей моего мужа, Вилена и Бориса, уже нет в живых, умер и Петер.

За последние годы я постоянно поддерживала связь с Жанной, иногда мы лечили в Хевизе наш ревматизм, полученный в Кургане. Жанна прилетала для этого из Калифорнии. Ее дочь, Рената, закончив Ломоносовский университет, получила вместе с мужем американскую стипендию и переселилась в США. За ней последовали и родители. Мы с Марикой побывали у них в 1994 г.

Макаров и Бородины “потерялись” на долгие годы, но благодаря Фейсбуку мне удалось отыскать сначала Таню, а потом и Сергея Васильевича. Таня приезжала в Будапешт и в Хевиз, я послала с ней экземпляр моей книги Макарову, поскольку я чувствовала угрызения совести из-за того, что не смогла сделать ему подарок, хотя именно он предложил сделать из моего дневника книгу!

Я написала продолжение нашей истории вплоть до завершения лечения. Даже теперь, по прошествии стольких лет, меня спрашивают в Фейсбуке, что с нами, как сложилась наша жизнь, что стало с Марикой, и как сложилась судьба венгерских больных, лечившихся в Кургане.

Спрашивают и о том, что стало с предметом моей прежней большой любви, и какую конкретно помощь я просила у него, которой он не смог оказать мне. Моя просьба отнюдь не была невыполнимой. Я всего лишь хотела бы, чтобы он попросил своего близкого знакомого, видного партийного функционера, позвонить в Министерство здравоохранения, чтобы нам разрешили вернуться в Курган для продолжения лечения. При социализме дела часто устраивались по “звонку сверху”. Но он не считал нужным поднять трубку, потому что ему это было неважно. (В конце концов поездку удалось организовать, хотя и с трудом).

В последние десятилетия мы иногда встречались и обменивались несколькими словами. Он слышал об успехе моей книги и интересовался ей. – Я думал, ты подаришь мне книгу, – заметил он. – Не думала, что она тебя заинтересует, – ответила я. В конце концов я дала ему экземпляр дневника с дарственной надписью. Он прочитал, позвонил мне и сказал, что его потрясла наша история. Со временем наши отношения изменились, он стал со мной любезнее, помнил день моего рождения и поздравил меня. К моему пятидесятилетию он подарил мне огромный букет красных гладиолусов, принеся его на руке, как младенца. Я очень удивилась и обрадовалась. Но потом он опять долго не появлялся. Год спустя он снова позвонил мне, он лежал в больнице и жаловался на свои беды. Позже опять позвонил, опять попал в больницу, где его долго лечили, а теперь он хотел бы встретиться со мной и пригласил меня на какое-то мероприятие. Увидев его, я была потрясена, не желая верить собственным глазам. Как будто это был вовсе не он! Я вздохнула:

– Боже мой, во что превратился прежний статный, красивый, сильный мужчина!

– Узнаешь меня? – спросила я. – Что с тобой случилось?

Он рассказал. Он сильно похудел, глаза потеряли прежний блеск, с лица исчезла улыбка, взгляд помрачнел, а речь, голос, которым он так часто очаровывал людей, стал прерывистым и сопровождался подрагиванием рта.

– Ты тоже узнал, что значит долгое пребывание в больнице.

– Да. Я рад, что у тебя все в порядке. Мне часто вспоминались и ты, и твоя книга. Приходи на мои похороны! Теперь мы увидимся только на том свете...

– Мне очень жаль тебя. Желая тебе выздороветь. Но если случится иначе, я приду на похороны.

Мы грустно смотрели друг на друга. В наших глазах отражались все радости и горести тридцатилетних отношений и боль вечного расставания. Господи, что с ним стало? Плача, я распрощалась с ним.

Жизнь продолжается, колесо счастья то поднимает нас вверх, то опускает вниз. Мы повсюду носим свое прошлое. Случается, что беда превращается в успех и

придающий силы пример, и бывает, что успех оборачивается безысходным горем. Свет и тень сменяют друг друга.

Я пошла на похороны. Они напоминали похороны Миклоша Толди. Когда гроб опускали в могилу, мы пели его любимые псалмы и народные песни. Вдруг в воздухе закружились снежинки. “И небо замело могилу новым снегом”.⁷³

Это третья опора мотива моста.

Курганские годы закалили нас с Марикой, придали нам душевных сил. Мы были рады, что выдержали все то, что выпало на нашу долю.

К сожалению, я мало знаю о венгерских больных. После появления дневника многие попросили меня не писать о них, не искать для себя пользы от их беды. Именно поэтому я не придавала гласности их имен или вообще умолчала о них в продолжении книги. Я не хочу нарушать ничьих личных прав. Мне известен больной, лечение которого было продолжено в Венгрии, но у меня нет никаких сведений о результатах лечения.

Мы с Марикой и сейчас считаем, что я правильно решила, выбрав Илизарова. Недавно дочь спросила у меня:

– Как ты сумела в таком молодом возрасте вынести такое важное и правильное решение о моей судьбе вопреки мнению очень авторитетного отечественного профессора?

– Так диктовал мне материнский инстинкт и здравый смысл, дочка. Я не хотела, чтобы венгерский врач разрезал тебе здоровую ногу и вынул из нее кусок кости. Тогда у тебя были бы больными обе ноги. Поэтому я решила ехать в Курган. Вся надежда была на Илизарова, мы с твоим отцом верили в него, верили в достигнутые им результаты. Я знаю одного мальчика, которого лечили от похожей болезни в Венгрии. Разница между тем, как ходит он и как ты – небо и земля. Да, именно поэтому мы и страдали морозными зимами, переносили боль, именно поэтому я была готова стоять в длинных очередях, а вовсе не из геройства, как писали обо мне некоторые.

Когда Гавриил Абрамович подкручивал аппарат четырехлетней Марике, она с плачем сказала: – Я вас не люблю! – Потом полюбишь, когда подрастешь! – ответил, смеясь, профессор. Он хорошо знал, что так и будет. Будучи взрослой, Марика много раз вспоминала Илизарова с благодарностью и любовью. Но мы обязаны благодарностью не только ему, но и всем добросовестным врачам, которые занимались Марикой – Грачевой, Макарову, Кириленко, Чипизубову. Они растянули Марике ногу, скорректировали искривления и осевую деформацию голени. Если бы этого не произошло, то сейчас она ходила бы в ортопедической обуви с утолщением примерно в двадцать сантиметров. Благодаря сделанным операциям ей не при-

⁷³ Строка из поэмы Яноша Араня “Вечер Тольди”.

дется жить, передвигаясь на костылях. Нельзя сказать, что все было сделано безупречно, но Марика ходит твердо и уверенно. Курганские годы изменили ей всю жизнь. Она стала преподавателем русского, английского языков и эсперанто, а также переводчицей с французского языка. Сейчас она преподает в одной из будапештских средних школ. Когда она училась в университете Сорбонна в Париже, студенты спросили, что у нее с рукой. Марика показала им “Курганский дневник” и рассказала о времени, проведенном в больнице. Они слушали, зажав дыхание, а в конце встали и долго аплодировали.

Весной 1988 г. известный телеведущий Тамаш Витраи пригласил нас в свою пользовавшуюся большой популярностью среди зрителей программу “Телефере”. Благодаря этой передаче наша история стала известна по всей стране, и это способствовало успеху моего дневника. Через несколько лет Тамаш Витраи снова отыскал нас. Его интересовало, как сложилась наша судьба после Кургана. Это произошло тогда, когда Марика окончила Будапештский университет и готовилась к поездке на учебу в Париж.

После выхода в свет “Курганского дневника” в 1987 г. я написала, по просьбе журнала “Readers Digest”, краткий вариант книги, который был опубликован в книжном приложении к журналу в июне 1996 г. Позже его напечатали и в русском, французском и китайском издании журнала. В русскоязычном издании, вышедшем в свет в апреле 1997 г., книжное приложение получило название “Курганское чудо”.

Перевести книгу на русский язык не удалось. Во время смены общественного строя переводчик, к которому обратились с этой работой, соглашался на нее только за доллары, а челябинское издательство могло заплатить только рублями, поэтому в итоге русский перевод так и не был сделан. Пока я не смогла выполнить это обещание, сделанное профессору Илизарову.

Но не осуществилась не только эта мечта профессора. Была остановлена и реализация масштабного проекта, о котором я читала 13 октября 1987 г., и по которому предполагалось начать лечение методом Илизарова в восьми крупных городах страны. Позже специалисты сочли этот проект очень дорогим, долгим и болезненным.

Курганская больница превратилась в научный центр, которому присвоено имя Илизарова. Перед главным входом в здание установлен памятник всемирно известному ортопеду-новатору, который покоится на городском кладбище. Мне хотелось бы посетить его могилу.

Я еще надеюсь, что к столетию со дня его рождения, в 2021 г., мне удастся опубликовать русский перевод моего дневника. Если найду для этого спонсоров.

С родителями после завершения лечения, 1990 г.

